

The image features a dramatic silhouette of a warrior wearing a plumed helmet, set against a background of intense fire and smoke. The warrior is positioned in the center-left, facing right. The fire is bright orange and yellow, with dark smoke rising from it. The overall mood is epic and intense.

ГЕОРГИЙ
ГРИГОРЬЯНЦ

ГРОМ
НАД
АРАРАТОМ

16+

Георгий Григорьянц

Гром над Араратом

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29608510

SelfPub; 2023

Аннотация

Римский полководец Лукулл, одержимый поисками таинственной кладовой сокровищ и чудес, двинул легионы на Армению. Царь Тигран II Великий полон решимости отразить агрессию. В ожесточенной схватке противостоят победоносный Рим и древние цивилизации Востока. Кто победит? Возможно, роковую неизбежность предопределяют загадочные явления, дворцовые интриги, борьба за власть, любовь, ненависть, хитрость и коварство.

Содержание

Глава 1. Невероятное спасение	6
Глава 2. Нашествие змей	21
Глава 3. Тревожная ночь	32
Глава 4. Ложные надежды	42
Глава 5. Почетное пленение	51
Глава 6. Восточный базар	57
Глава 7. Опасный соперник Рима	78
Глава 8. Нокаутирующий апперкот	89
Глава 9. Сонное царство Каппадокия	104
Глава 10. Ночная охота на львов	116
Глава 11. Армения полна чудес	123
Глава 12. Правда перед лицом смерти	137
Глава 13. Тайна приоткрылась	149
Глава 14. Раб страсти	174
Глава 15. Парфянская головоломка	186
Глава 16. Откуда исходит угроза?	200
Глава 17. Бой братьев на мечех	210
Глава 18. Вечные ценности	219
Глава 19. Знамение небес царю Тиграну	229
Глава 20. Навасард и покушение	236
Глава 21. Заговор недовольных	246
Глава 22. Затонувшие сокровища	252
Глава 23. Не меняется по сути ничего	271

Глава 24. Клеопатра Понтийская	281
Глава 26. Союзник по проблемам	313
Глава 27. Рогатый довод	320
Глава 28. Пир в честь царя без царства	327
Глава 29. Тигран создает цивилизацию	341
Глава 30. Ключ от чудесной кладовой	361
Глава 31. Распалить костер гнева	376
Глава 32. Терзания по волшебным вещам	387
Глава 33. Парфянская стрела	396
Глава 34. Высокая мудрость	414
Глава 35. Настоящий богатырь	428
Глава 36. Мятеж	442
Глава 37. Непокойные времена	452
Глава 38. Волшебный сон бывает наяву	465
Глава 39. Шпион царицы Сирии	479
Глава 40. Прекрасная Родогуна	484
Глава 41. Мантикора	497
Глава 42. Универсальное средство	507
Глава 43. Дворец власти	515
Глава 44. Меч бога	533
Глава 45. Имперские замашки Помпея	548
Глава 46. Восхождение на Арарат	555
Глава 47. Поверженный дракон	567
Глава 48. Честолюбивые планы Лукулла	582
Глава 49. Селену казнят, набатеи сдаются	595
Глава 50. Царица Иудеи Саломея	611

Глава 51. Разгадать послание богов	621
Глава 52. Наперерез рисклой армаде	636
Глава 53. Осада Тигранакерта	644
Глава 54. Военный совет под хорошее вино	665
Глава 55. Битва при Тигранакерте	686
Глава 56. Юпитер гневается	698
Глава 57. Молодость «побеждает»	711
Глава 58. Анабасис Лукулла	726
Глава 59. Неотвратимое возмездие	735
Глава 60. Путь к катастрофе	750
Глава 61. Упорство и безумие	770
Глава 62. Свобода или смерть	791
Глава 63. Тираны мира	811
Глава 64. Гений Цезаря	823
Глава 65. Как творить будущее	837

Георгий Григорьянц

Гром над Араратом

Глава 1. Невероятное спасение

Быстро темнело, по земле стелился рваными клочьями туман, погоня отстала, и в какой-то момент конница Митридата, преследуемая римлянами, рассыпалась по лесу. Царь остался без охраны, рядом только Гипсикратия, его жена.

– Мой царь, похоже мы заблудились, – забеспокоилась женщина.

– Ты луч света, разве я могу с тобой заблудиться... Хотя ты права. Мы в лесу, и совершенно непонятно, куда идти дальше. Вон большой камень, давай отдохнем и подождем остальных.

Привязали коней. Царь сел на камень, а его спутница, как страж, держа лук в руках, охраняла его.

– Куда же меня занесло? – Митридат VI Евпатор рассеянно оглядывался по сторонам.

– Нужно двигаться дальше, нас могут догнать, – волновалась женщина.

Осознавая безнадежность своего положения и потеряв волю к сопротивлению, понтийский царь чувствовал беспомощность и внутреннее опустошение. Он, прежде ухитряв-

шийся найти тысячу способов исправить любую ситуацию, теперь потерял вкус к жизни и просто сидел на камне.

– Ты знаешь, – рассуждал он, – меня, смертного, сравнивают с Гераклом. Как и его, почитают во всей Малой Азии, а мой лозунг «Освобождение греков!» в высшей степени востребован.

Гипсикратия слушала, ни на минуту не забывая о грозящей им опасности, а Митридат смотрел на жену и удивлялся: она совсем не чувствует усталости.

– Я бросил вызов Риму, чтобы заставить его считаться с греческой цивилизацией, – продолжал монарх. – Мы хотим жить, как нам нравится. Для решительной борьбы я мобилизовал все ресурсы и... проиграл. Мне бы готовиться к смерти, но даже сейчас думаю о последней схватке с римлянами.

Гипсикратия была шестой женой Митридата, женщина-воительница из скифского племени – таких греки прозвали амазонками. Любила она своего владыку беззаветно, а он называл ее неукротимой. Однажды увидев, поразился уверенности и спокойствию воительницы. Дочь вождя, благоухая свежестью, вошла в его спальню и безграничная любовь красивой женщины потрясла великого понтийца. С тех пор они не расставались.

– Холодно, разожги костер, – сказал он.

– Великий царь, нас обнаружат, нельзя зажигать огонь.

– Ну что ты, здесь в лесу, и при таком тумане мы в безопасности.

Развели костер.

– Великий царь, все образуется, – ободрила мужа Гипсикратия.

Митридат грустно посмотрел на нее:

– Нет, я не великий. Единственный, кого сейчас можно назвать великим, – это царь Армении Тигран II.

Тиграна он считал себе ровней. Армянский монарх мудр, рассудителен, честолюбив. Царство Армения огромно, от моря и до моря. Захоти Тигран, так покорил бы Рим и стал владыкой мира, но не хочет. Религия не позволяет. Все выбирают себе удобных богов, а этот верит в одного. У него на уме не борьба, не владычество, а процветание Армении. Повелитель Понта уже давно породнился с ним, выдав за Тиграна дочь.

Митридат продолжал размышлять о превратностях судьбы, как внезапно раздался топот копыт. Стрела, ударившись о камень, отлетела в сторону. Гипсикратия приготовилась к бою. С копьем наперевес прямо на них неся римский всадник, а навстречу ему летела меткая стрела. Всадник свалился с коня как мешок. Слева выскочил другой наездник, закрытый щитом. Амазонка, оттолкнувшись от камня, на лету зацепила щит топором: короткий рывок, быстрый удар тычком в голову – и воин повержен. Из леса выбежали два пехотинца. Молниеносная атака женщины и здесь принесла результат: первый солдат с топором в голове упал на землю, второй успел лишь занести меч – Гипсикратия сноровисто

проткнула его защиту кинжалом. Воин рухнул.

Митридат, как замороженный, все время боя стоял с обнаженным мечом и с нескрываемым восхищением наблюдал за кровопролитной схваткой.

Он вскричал:

– Ты не просто спасла мне жизнь, ты вернула меня к жизни! Я вдохновлен, осознал, что за каждым спуском следует подъем! – Увлажненными глазами царь очарованно смотрел на еще не отошедшую от перипетий схватки жену: – Извини, извини за костер, я был слишком беспечным, а беспечный и мертвый – одно и то же.

– Мой властелин, ты ни в чем не виноват, а твоя похвала излишня, я люблю тебя и буду любить вечно.

Час назад. Подавленный Митридат сидит на походном троне в шатре, а вокруг, в лагере понтийцев, царит хаос и повальное бегство. Казалось, все потеряно и смерть – лучший выход из положения. В 71 г. до н. э. Митридат VI Евпатор, правитель Понта, царства, лежащего на берегах Понтийского (Черного) моря, заклятый враг Римской республики (он тиранил Рим и его союзников тридцать лет), наконец проиграл войну. Проиграл, как ему казалось, безнадежно. Его предали. В битве при Кабире римляне разбили понтийскую армию и теперь готовились пленить самого царя. Ни талант полководца, ни дар предвидения на этот раз не помогли ему избежать окончательного поражения.

Поимкой Митридата лично занимался победитель сражения проконсул Римской республики Луций Лициний Лукулл. Напряженно вглядываясь вдаль сквозь сгущавшийся туман, он пытался определить возможные пути бегства царя. Из свиты сопровождавших его всадников к нему присоединился легат Мурена, боевой генерал из рода Лициниев Мурен. Его предок разводил мурен – рыб, очень ценившихся в Древнем Риме.

– Лициний, – напыщенно заявил он, – сражение выиграно, противник бежит, наши легионы преследуют воинов царя Митридата, осталось завершить окружение и захватить его лагерь.

Лукулл строго посмотрел на него:

– Луций, нельзя считать выполненным дело, если не можешь рассказать всем и каждому, что добился потрясающих успехов. Что докладывает разведка? Где царь?

– Лазутчики доносят: он еще в своем лагере.

– Пленить царя! Эта лиса так просто не сдастся и попытается вырваться из кольца окружения. Мурена, слушай приказ: отрезать все возможные пути прорыва! Тот, кто схватит царя, получит две тысячи денариев. Митридат мне нужен живым.

Лукулл, один из богатейших людей Римской республики, пятидесятилетний худощавый и высокопарный полководец, получивший почетный титул «император» (полководец-победитель), подкупил генералов Митридата и добился то-

го, чего не удалось его предшественнику, самому жестокому правителю Рима Сулле. Он, Лукулл, одолел великого царя Востока, главного врага республики, конечно же только благодаря своему полководческому таланту. Солдаты Митридата разбежались при первом боевом кличе римлян, и теперь его, Лициния Лукулла, ждет небывалый триумф в столице. Полководец и его войско торжественно вступят в Рим с богатой добычей – золото, статуи, вазы, рабы, гарем, – а во главе процессии в качестве главного трофея военной кампании сам понтийский царь.

Но где сейчас Митридат? Без этого восточного деспота триумф будет неполный. Жестокий монарх прячется, возможно, еще в своем лагере, но ему не уйти. Римские воины контролируют местность, скоро окружение будет полным.

– Усилить дозоры! – Лукулл раздавал распоряжения легатам. – Деспот должен быть схвачен, и только живым!

А сам подумал: «Царь хранит одну тайну, мысль о которой уже много лет не дает мне покоя. Я избран владеть великим знанием».

Со свистом, рассекая воздух, мимо его уха пролетела стрела, угодив в одного из военачальников свиты. Конь Лукулла взвился на дыбы, но всадник, крепко натянув узду, сдержал скакуна.

– Кто? – крикнул он.

– Убит префект Титус! – закричал Мурена.

– Даже раздавленная змея способна нанести ядовитый

укус, – холодно проговорил Лукулл. – Уходим!

Тем временем Митридат по-прежнему оставался в своем шатре. Среди подчиненных царя атмосфера уныния и безысходности.

– Война проиграна, – отчаянно шептал до крайней степени изнеможенный монарх. – Судьба безжалостна...

В битве его войска дрогнули, он потерял пехоту и конницу, флот полностью уничтожен. А всё предатели, вступившие за спиной правителя в тайные переговоры с Лукуллом!

Царедворец Каллистрат, стратег и советник, разделял уныние правителя:

– О великий царь, твои солдаты пали духом, их одолел страх. Начался бунт. Убиты многие полководцы и сановники...

Митридат VI Евпатор, тщеславный и гордый человек, гений власти и великий злодей, всегда отличался энергичностью и предприимчивостью. Соединяя в себе все пороки восточных деспотов – дикое суеверие, коварство, жестокость, необузданную похотливость, – он везде видел измену. Теперь же надломленный, в совершенном бессилии ожидал приближения смерти.

– Мы в окружении, и это чудо, что меня еще не схватили, – в глубокой апатии и тоске шептал царь.

Самонадеянный глупец! Римляне прижали, и вместо того, чтобы спастись, он приказал атаковать пехоту противника

кавалерией, не зная, что в тылу, за горой, затаилась римская конница. Решающая битва проиграна. Глупость одной минуты разрушает долгий труд мудрости. Поражение было пред-
решено, противник знал все его замыслы.

В шатер вбежал начальник царской охраны Диафант и, вызвав окончательное замешательство царедворцев, закричал:

– Римляне движутся к лагерю!

Каллистрат, больше беспокоясь о своей судьбе, предложил:

– Государь, ты можешь сдать на милость победителя.

– Нет, лучше умереть, – проворчал Митридат.

В полной мере ощущая беспомощность, осознавая, что ему шестьдесят три, он стар, война проиграна, жить больше незачем, он ласково посмотрел на единственного здесь дорогого ему человека – жену Гипсикратию, страстно его любившую и неотлучно находившуюся рядом.

Взволнованная женщина призвала:

– Великий царь! Ты сумеешь собрать новое войско и поставить римлян на колени!

– Не в этот раз, – на глазах Митридата навернулись слезы.

Свою жизнь он посвятил борьбе с Римом. Война – его страсть. Много городов и царств были покорены Митридатом, взяты несметные богатства, самый большой гарем на Востоке был у него. Но зачем теперь все это? Он столько раз терпел поражение от Рима, что растратил душевные силы на

бесконечное возрождение из пепла. Враг топчет понтийскую землю и грабит богатые города, не сдавшиеся крепости долго не устоят, смысл жизни, который он видел в борьбе и возвышении над человечеством, потерян.

В минуту упадка духа ему привиделись бывшие жены и близкие родственники. Что с ними сделают? Даже если толпа не растерзает их, они окажутся в Риме в качестве трофея, а потом всех продадут в рабство. Вспомнилась любимая Береника, принесшая безмерное счастье, а еще властная и ненасытная Монима, всячески изводившая царя... При мысли о женах, наложницах и сестрах на лице Митридата появилась слабая улыбка. Но вдруг его выражение лица стало жестким. Не допустить позора! Никогда драгоценные камни его диадемы не станут добычей римлян!

– Позовите Вакхида! – приказал он.

Гипсикратия, схватив царя за руку, опустилась на колени:

– Не все потеряно, бежим, я спасу тебя!

Он нежно смотрел на нее:

– Удача окончательно отвернулась от меня...

В шатер вошел евнух Вакхид:

– Повелитель, ты звал меня?

– О мой друг, Вакхид! Ты всегда был мне как брат. С тобой мы прошли половину мира. Ты же предан мне? – схватив евнуха за руку, царь смотрел ему в глаза, пытаясь разглядеть ответ.

Вакхид всякий раз в точности исполнял приказы царя.

Теперь ему предстояло ехать в Пантикапей и Евпаторию и убить всех жен, наложниц и сестер правителя. Величайший позор, если они попадут в плен к римлянам. Нужно лишь предоставить им выбор, как умереть.

– Мне незачем жить, – негромко говорил монарх. – Яд не поможет. Вакхид, вот мой последний тебе приказ: пронзи меня мечом.

– Нет, мой повелитель, я не могу!

– Спасения нет. Делай, что сказал! – Митридат закрыл глаза.

Вакхид, помедлив, обнажил короткий меч, отвел руку назад и, сделав выпад ногой, направил меч для удара в грудь царя. Неожиданно по клинку Вакхида ударил кинжал Гипсикратии, не дав нанести смертельный укол. Взбешенный Вакхид, отступив, метнулся в атаку на женщину. Она закрылась кинжалом. Клинок воина заскользил по ее клинку. Амазонка, стремительно развернувшись, приставила лезвие кинжала к горлу Вакхида. Тот от неожиданности замер.

– Пока я жива, – сердито выпалила женщина, – никому не позволю причинить тебе вред, великий царь.

Митридат открыл глаза:

– Ну ладно, опустите оружие.

Гипсикратия убрала кинжал в ножны, отошла. Уязвленный Вакхид продолжал смотреть перед собой ничего не видящим взглядом.

– Вакхид, убери меч! – царь повысил голос. – И слушай

меня: возьми десять всадников и направляйся в Пантикапей. Выполняй приказ!

Вакхид ушел и вскоре с отрядом всадников поскакал выполнять безрассудный приказ. Митридат, всегда подверженный резким перепадам настроения, медленно вышел из оцепенения, перевел взгляд на Гипсикратию и устало произнес:

– Ты моя Ариадна. Подобно ей, пожалуй, выведешь меня из лабиринта смерти... – Бесстрастным тоном он добавил: – Жизнь и смерть – это безумный танец преодоления человеческой природы, но в этом танце я испытываю наслаждение.

Его настроение улучшилось, появилось желание сделать что-то значимое. Царь обратился к начальнику охраны:

– Осел готов?

– Да, владыка.

– Отступаем в Коману.

С отрядом всадников из личной охраны численностью до восьмисот человек Митридат и Гипсикратия поскакали из военного лагеря понтийцев на восток, надеясь на удачу, туман и приближающуюся ночь.

Римляне взяли лагерь Митридата без боя. Большой отряд римской конницы пустился вдогонку за царем. В тумане преследователи разделились, и одна из групп практически настигла беглецов, но солдаты наткнулись на осла, навьюченного мешками с золотом. Увидев высыпающиеся из дырявых мешков монеты, римские солдаты бросились делить золото,

дав царю время уйти.

Но уйти недалеко. Лукулл предвидел, что Митридат попытается прорваться из окружения. На основных путях отступления уже были устроены засады.

В шатре понтийского царя хозяйничали римляне.

– Император, мы захватили казну и гарем Митридата с десятью наложницами, – докладывал обстановку легат Мурена, когда главнокомандующий уселся на походный трон монарха. – Царя нигде нет, отряд Сорнатия преследует его.

Грозно посмотрев на военачальника, Лукулл отрезал:

– Поймать царя! Доставить его ко мне живым!

Бросив взгляд на убранство роскошного шатра, повертев в руках золотую статуэтку грифона, терзающего волчицу, он подозвал к себе военного летописца:

– Пиши: «Преследование продолжалось долго и затянулось на всю ночь, пока римляне не устали не только рубить, но даже брать пленных и собирать добычу».

Лукулл, человек высокообразованный, надменный и упрямый, снова взглянул на статуэтку грифона – мифического существа с головой, когтями и крыльями орла, а телом льва. Подозвав к себе Мурену, своего старого соратника, дальновидного и храброго генерала, он сказал:

– Посмотри на статуэтку. Это – послание. Митридат намекает, что подобно мифическому крылатому существу, соединяющему ум и силу, он имеет власть над небом и землей, не так ли?

– Да, Лициний, – отвечал Мурена. – Похоже, Митридату хочется верить, что он вращает колесо судьбы.

– А знаешь, я припоминаю: в греческих книгах грифона зовут стражем сокровищ и тайного знания, – Лукулл произнес это с загадочным выражением лица.

«Так-так, – думал он, – хвастаешь тайным знанием, ну посмотрим, чья возьмет!»

В шатер входили военные с очередными донесениями, новостей о царе не было, как вдруг появился легат Секстилий:

– Пойман раб, личный парикмахер царя! При нем царская диадема. Он утверждает, что Митридат убит.

– Привести!

Ввели связанного раба лет тридцати с короткими волосами, в понтийской черной куртке с широким красным поясом, шароварах и высоких сапогах. Лукуллу подали диадему Митридата. Главнокомандующий держал в руках символ царского достоинства и не мог поверить, что случилось невозможное: чудовище повергнуто! Головное украшение царя в форме золотого обруча с белыми лентами, свободные концы которых свисали до плеч, имело династическую эмблему понтийских Митридатидов – шестилучевую звезду над полумесяцем. Несомненно, это – диадема Митридата. Греческие источники писали о ней. Слово диадема по-гречески означает проведение народов, а тот, кто обладал этим предметом, являлся предводителем нации.

Полководец в упор глянул на пленника:

– Ты знаешь, кто я?

– Да, император.

Лукулл удовлетворенно окинул взглядом подчиненных: даже варвары знают, что он император.

– Откуда же ты меня знаешь?

– Царь часто о тебе говорил.

– И что же он говорил?

– Называл тебя великим полководцем, достойным ему противником.

– Неужели? Твой царь большого о себе мнения. – Сделав паузу, Лукулл смягчил тон: – Как тебя зовут? Ты ведь не понтийский грек?

– Да, император, я Децебал, фракиец. Парикмахер.

– Говоришь на латинском?

– Да, и еще на многих языках.

– Ты сказал, что царь убит. Почему я должен тебе верить?

– Я сам видел, как стрела настигла его и он упал с коня.

– Откуда у тебя царская диадема?

– Генерал Диафант дал ее мне и приказал доставить в Пантикапей сыну царя Фарнаку. Теперь он царь Понта.

– Какая коллизия! Всем известно, что Митридат неуязвим, а ты утверждаешь, что он убит. Так где же правда?

– Я говорю правду, император!

– Не верю! Очередная уловка царя. Послушай, Децебал, скажи, где Митридат, и помоги его поймать, и получишь свободу, сможешь вернуться на родину.

– Я всего лишь раб, верно служивший господину. Своей родиной давно считаю Понтийское царство, принял новую веру.

– Фракиец, принявший чужую веру?! Он предан царю до мозга костей, правды от него не добиться... Увести!

Когда раба увели, Лукулл распорядился:

– Оставить в живых, этот раб хорошо образован: можно выгодно продать.

Деревья в ночном лесу, где прятались Митридат и Гипсикратия, отбрасывали длинные таинственные тени, лунный свет с трудом проникал сквозь сплошную путаницу ветвей, а влажный белый туман лениво клубился по земле, скрывая взволнованных беглецов. Гипсикратия, ожидая новых атак, встревоженно спросила:

– Куда же мы пойдём?

– Осталось одно – искать защиту в Армении у Тиграна, – ответил Митридат. – Он мой родственник, и не откажет мне. – В глазах царя засверкал озорной огонек: – Знаешь, Гипсикратия, теперь мы выберемся. У меня есть магнит.

Затушив костер, они сели на коней и продолжили путь. Ловушек Лукулла больше не было, а проводником им служил небольшой сосуд с водой: в нем плавала пробка с маленьким магнитом. Воины Митридата и его охрана спасались, кто как мог, – разбившись на мелкие отряды, они искали себе убежище в недоступных горных районах.

Глава 2. Нашествие змей

В это время правитель Великой Армении Тигран II, еще не зная о крупном поражении понтийского войска, находился в столице своего царства городе Тигранакерте в великолепном дворце, построенном недавно по его повелению. В пурпурном одеянии, обложившись шелковыми подушками, он возлежал на диване, покрытым ковром с изображением дракона, и, вкушая яства, разложенные на приставном столике, лицезрел совершенство красоты – виртуозные движения танцовщиц, исполняющих перед владыкой танец «Дароне».

Вокруг на диванах и пуфах из тканей со сказочными узорами, сплетенных армянскими мастерицами из золотых, серебряных и пурпурных нитей, сидели придворные, главным образом губернаторы областей, военачальники, дипломаты, иностранные гости и члены царской семьи. Женщины-аристократки составляли общество своим мужьям. В зале витали ароматы жасмина и благородного вина.

– Наша жизнь здесь, на Армянском нагорье, – загадочное переплетение фантастики и реальности, – сказал Тигран сидевшему на соседнем диване царю Атропатены Дарию Мидийскому. – Мы живем в привычном мире, но нам в нем не уютно. За однообразной очевидностью скрываются чудеса огромного масштаба, и это благо иметь хорошее воображение.

За спиной царя со строгими лицами стояли двое – министр Васак и начальник службы безопасности Меружан, в зале неусыпная стража зорко следила за присутствующими. Виночерпий Генуни, самый приближенный к царю чиновник (у него Тигран иногда спрашивал совета), неустанно подливал царям прекрасное армянское вино.

Хотя культура эллинов проникла на Восток, и многие мужчины, начиная с царя Тиграна, подражая заведенной еще Александром Македонским моде, тщательно брились, все же в одежде, убранстве и пище доминировал армянский стиль, правда не без влияния Персии.

– Дорогой Дарий, – говорил Тигран, – в наши дни весь мир говорит и думает по-гречески, а театр, поэзия и философия эллинов захватили умы просвещенных людей.

– Несомненно, великий! У них есть пленяющие нас произведения, – поддержал Дарий.

Вечер. Огонь в бронзовых канделябрах высвечивал в большом полутемном зале умиротворенные лица царедворцев, актеров и музыкантов. На стенах в такт мерцания языков пламени трепетали высеченные в камне изображения львов и орлов – символов силы и власти, – и вместе с длинными тенями колонн они являли мир вечерних видений. Повсюду устланы великолепные египетские тапесы и армянские ковры, придавая интерьеру утонченную роскошь.

– Как ты находишь танец? – обратился Тигран к Дарию Мидийскому.

– О царь царей, танец девушек красивый и изящный.

Титул «царь царей» Тиграну уступил парфянский царь, что означало старшинство верховного азиатского правителя над другими царями. Когда-то армянский правитель Арташес I, основатель династии Арташесидов, уже носил этот титул. Он попытался соединить под своей властью территории, где проживали армяне. Удалось многое, но не все: не получилось присоединить к Великой Армении Малую Армению, Цопк и Коммагену. Впрочем, царство Цопк, теперь называемое Софена, уже двадцать лет как захватил его внук Тигран II, поставивший перед собой беспрецедентную цель – создать небывалую державу в Азии и приобщить армянский народ к мировым ценностям.

– Как тебе моя новая столица? – поинтересовался Тигран.

– Тигранакерт – поистине чудесный город, его надо видеть самому, иначе трудно поверить, что такое возможно возвести. Твоя столица – символ величия твоих побед, – с поклоном отвечал Дарий Мидийский.

Тигран, владыка с поседевшими волосами, умным и выразительным лицом, пронзительным, завораживающим любого собеседника взглядом, удовлетворенно кивнул. Ему уже семьдесят, и новая столица вызывала у него законную гордость за проделанную работу.

Город Тигранакерт, находящийся в южной части Армянского нагорья, в широкой долине на берегу реки Нимфия, притока полноводного и быстрого Тигра, был неприступной

крепостью. С севера его защищали крутые горы, с юга горные складки и холмы (проходы в них знали только армяне), с запада река, с востока глубокий ров с водой, вокруг города возведены высокие крепостные стены. Дворец армянского царя располагался на высоком плато, примыкавшем к крутым склонам гор, а ниже дворца лежал город ремесленников, земледельцев, торговцев и воинов.

Всякий, кто прибывал во дворец, поражался величию постройки. Великолепное здание, имеющее десятки залов и сотни помещений, утопало в зелени деревьев и экзотических цветов, свезенных со всей Малой Азии, региона, который греки также называли Анатолия, то есть Восток. Пруды, окружавшие дворец, создавали прохладу, в них плавали лебеди и утки, плескалась рыба. Вода из этих прудов не только охлаждала и увлажняла знойный воздух в саду, но и протекала в специальные шахты дворца, где испарялась, и охлажденные и насыщенные влагой потоки воздуха поступали во все помещения, неся в зной спасительную прохладу и создавая благоприятную атмосферу в монументальном здании.

В саду гуляли олени, по деревьям прыгали обезьяны. Все звери в жару получали охлажденные арбузы, были накормлены и ухожены, радуя глаз царя и приближенных. В приятной прохладе деревьев работали свободные граждане, вольноотпущенники и рабы.

– Я построил этот город, полагая, что о мощи царства судят по столице, – Тиграну нравилось говорить на эту тему. –

Другая моя столица, славный город Арташат, основанный дедом Арташесом I, потерял главенствующее значение.

– Понимаю, о великий! – сказал Дарий Мидийский. – Ты хочешь поднять свой народ на новый уровень развития, из патриархальной старины до высот цивилизации. Я последую твоему примеру.

Тигран кивнул. Тигранакерт действительно являлся богатым и роскошным городом и, по мысли царя, должен стать центром армянской культуры и новой цивилизации. Дарий Мидийский, искренне восторгаясь столицей, обратился к Тиграну, называя его братом. Цари всех стран в те времена называли друг друга «брат».

– Брат, ты неслыханно расширил пределы своего царства. Твоя держава простирается от Каспийского моря до Западного моря...

Западным морем на Востоке называли Средиземное море, как это завели когда-то ассирийцы.

Тигран гордо заявил:

– Через Тигранакерт проходят торговые пути из Индии и Китая. Я контролирую их. Арташат же теперь – на окраине моей державы.

Царь Атропатены лукаво сощурился:

– Алчный Рим с завистью наблюдает за усилением твоего могущества.

– У Рима завышенная самооценка, – холодно отозвался Тигран.

– Ты прав, – сказал Дарий, – но Риму не нужен сильный лидер во главе Великой Армении. Тебе будут противодействовать.

– Придется считаться со мной, – взгляд Тиграна стал тверже.

– Да, царь царей, ты сильный лидер, вокруг твоей фигуры объединились элиты почти всех государств Востока, быть рядом с тобой – великое счастье и наслаждение.

...Волшебный, неповторимый и таинственный танец, выразительные целомудренные движения, передающие ритуальный смысл образов, смена положений в медленном ритме, плавность и грациозность во всем. Созерцая отстраненные лица девушек, бесшумное скольжение их ног, царь погрузился в поток мыслей, и энергия, исходящая от танцовщиц, обволакивала его, пробуждая желание и наслаждение. Аккомпанемент зурны, каманги, дгола, кифары и иногда греческой флейты, гордая осанка красавиц, их мягкие движения, шелковые платья с золотым шитьем и сверкающие украшения завораживали взгляд, добавляя танцу элементы медитации.

– Царь Дарий, посмотри, какие страстные, утонченные, красноречивые движения!

Действительно, танцем можно выразить внутренний мир человека, особенно если греческая и восточная культуры в ритмичных движениях проникают друг в друга. Греки вообще считали, что танец из всех искусств наиболее влияет на

душу.

– Государь, должен заметить, что персидское влияние на культуру наших стран также большое, – проронил Дарий Мидийский, отпив вина из кубка.

Дарий Мидийский покровительствовал в своем царстве Атропатена зороастризму, религии, пришедшей из Персии. Персы стали цивилизованным государством благодаря Киру Великому, завоевавшему Вавилон с его богатым наследием. Мировой центр культуры и искусства раньше был в Афинах, а теперь постепенно перемещается из медленно угасающей Греции (ее захватил Рим) в Великую Армению. Перемены проявились не только в культуре, но и в религии. Тиграна в его царстве воспринимали как бога. Он понимал: быть божеством для миллионов людей – значит влиять на обычаи и традиции народов, на их язык. Из многих племен с разноязычной речью Тигран лепил один народ с сочным и красивым языком, и, как видно, успех не заставил себя ждать: армянская знать подражала царю, а простой народ знати.

Тигран обратился к Дарию Мидийскому:

– Я рад, что ты мой верный союзник и с удовольствием отдаю тебе в жены свою дочь.

Тем временем танец девушек закончился. Появился распорядитель вечера:

– Великий царь, тебе свое искусство покажет чародей Иопад из Египта!

На середину зала вынесли богато украшенный цветным

орнаментом и иероглифическим письмом сундук. Музыканты заиграли. Появился человек в длинной и широкой одежде, в полосатом платке немесе. Он двигался с благоговейной торжественностью, медленно и важно. Накрыв сундук синим покрывалом, чародей поднял руки и нараспев произнес заклинание. И, о чудо! Сундук медленно оторвался от пола, немного поднялся и завис в воздухе. Иопад стал вращать руками, и сундук завращался в одну сторону, в другую, а потом по велению артиста опустился на место. Царь и все придворные с неподдельным восторгом смотрели на невиданное диво. Искусные фокусники всегда завораживали публику.

Сдернув покрывало, чародей открыл сундук, продемонстрировав, что тот пуст. Подошла помощница, красивая девушка в золотистом плаще-нарамнике, с повязкой на голове и золотыми браслетами на руках. Придерживая крышку сундука, она дождалась, когда Иопад залезет внутрь. Крышка захлопнулась, девушка взошла на сундук, накрыв себя покрывалом. Мгновение, и покрывало откинута: перед публикой вместо помощницы предстал переполняемый гордостью и счастьем Иопад. Он раскланивается, спрыгивает на пол, открывает сундук, а там красивая помощница, но уже в белом нарамнике. Метаморфоза! Чародей удивил повелителя необычным зрелищем.

Представление продолжалось. У артиста в руках четыре платка: синий, желтый, красный и зеленый. Сложив вместе, он скомкал их, и вдруг возник большой золотистый платок.

Сделав пассы, он сдернул платок, представив публике шкатулку изящной работы. Иопад с поклоном стал приближаться к Тиграну. На его пути встал Меружан.

Чародей воскликнул:

– Да будет благословен царь Великой Армении, это подарок ему! – и передал шкатулку Меружану.

Тот рассмотрел шкатулку со всех сторон и попытался открыть. Тщетно.

– Меружан, принеси, я взгляну, – приказал Тигран.

Это была увесистая, необыкновенно красивая персидская шкатулка хатам – инкрустация по дереву. Восьмигранная, с узорами из эбенового дерева, слоновой кости и раковин устриц, с золотыми и серебряными вставками. На крышке изображена птица-солнце с распростертыми крыльями. Над ее головой диск, в когтях символы возрождения. В диск и символы ювелир вмонтировал хорошо отшлифованные камни оранжево-красного сердолика. Тиграну понравилось, что ему прочат не только возрождение, но и любовь, ведь сердолик, как известно, способствует возникновению любви. Тремя пальцами он одновременно нажал на все три камня, в шкатулке что-то шелкнулось, крышка открылась.

Тигран похолодел. Из шкатулки высунулась светло-желтая смертельно опасная, угрожающе шипящая египетская кобра. Холодные немигающие глаза змеи неотрывно следили за человеком, и, чтобы лучше учуять запах добычи, кобра высунула язык. Отвечающий за безопасность царя Ме-

ружан застыл в оцепенении. Царедворцами овладел страх. Змея приготовилась к броску. Не теряя самообладания, Тигран молниеносным движением схватил змею. Шкатулка с шумом упала на пол, по залу прокатился испуганный вскрик. Царь держал змею в вытянутой руке, неотрывно смотря ей в глаза, а затем бросил к ногам Меружана. Одним точным движением меча тот обезглавил гада, и еще двумя ударами прикончили окончательно.

Меружан с извиняющей улыбкой посмотрел на Тиграна, а монарх, изменившись в лице, показывал рукой в центр зала:
– Смотри!

Меружан обернулся. Из сундука поднимался человек во всем черном с мечом в одной руке и кинжалом в другой. Со злобным лицом, не оставляющим сомнений в намерениях, он пошел на царя. От неожиданности глаза Меружана широко раскрылись, но реакция была инстинктивной. Без промедления бросившись с обнаженным мечом наперерез наемнику, он вступил с ним в схватку. Меружан сделал выпад, собираясь вонзить меч в грудь наемника, но тот отбросил меч кинжалом, Меружан попытался нанести удар мечом по ногам убийцы, тот отступил. Смертельная схватка двух мастеров разгоралась.

Царь, выхватив из рук телохранителя короткий меч, приготовился отражать нападение. Подходы к царю блокировали стражники; десяток воинов, обнажив мечи, окружили бившихся в центре зала Меружана и наемного убийцу. При-

ближенные и царедворцы, вскочив с мест, в страхе повалили из зала.

Иопад поспешил было к выходу, но на его пути выросла фигура министра Васака. Схватив египтянина за одежду, царедворец притянул его к себе и пронзил кинжалом. Бросив медленно сползающее тело на пол, Васак побежал к Тиграну и встал на его защиту. Царь, хмуря брови, исподлобья глядел на происходящее, и уже был готов сам вступить в бой.

Вдруг из сундука полезли змеи, в основном кобры-убийцы, одна за другой, и, растревоженные невообразимым шумом, быстро расползлись по залу. Людей охватила паника, на ходу сбивая друг друга, они с криками стремглав выбегали вон. Одного из стражников большая кобра укусила за палец. Бедолага немедленно отрубил мечом укушенный палец.

Охрана оттеснила Тиграна вглубь зала, а потом и вовсе увела. Стражники закрывали двери – не дать змеям расползтись по дворцу, – уничтожая мечами ползучих гадов. Подосланный убийца раз за разом атаковал Меружана, но в какой-то момент открылся, и, получив от армянского военачальника смертельный удар в голову, рухнул.

Глава 3. Тревожная ночь

Ночь в дворце Тиграна была беспокойной. Стража с факелами обходила помещения, проверяя нет ли змей и на предмет чего-то подозрительного. Никто не спал, обсуждали неудавшееся покушение на царя.

В тронном зале столкнулись двое приближенных – министр Васак, возглавлявший службы по наследованию, дипломатии и шифрования, и азарапет Гнуни, начальник дворца, ведавший финансами и налогами царства. Два царедворца ненавидели друг друга, но, соблюдая баланс сил, установленный Тиграном, справедливо полагали, что для прочности царства лучше вести себя учтиво, правда, в личной беседе не стеснялись в выражениях.

– Я приветствую высокомерного министра Васака.

– Не могу сказать, что в такой час рад встрече с министром Гнуни.

– Уж не твоих ли рук покушение? – финансист с подозрением смотрел на оппонента.

– Почему ты так решил? – возмутился Васак.

– Уж очень быстро ты заколол чародея.

– Люди часто обвиняют других в том, в чем виноваты сами. Кстати, ведь это ты из казны оплатил артистов?

– Казной распоряжается лично царь, – раздраженно отмахнулся Гнуни.

– Я дипломат, – Васак гордо выпятил подбородок, – и забочусь об успехах царства во внешних делах.

– Дипломатия, как известно, не только печется о мире. Бывает, и войны развязывает... – двусмысленно сказал Гнуни.

– Нет, я занимаюсь другой дипломатией: хочу всех убедить следовать законам Тиграна.

– Надеюсь...

Васак насмешливо посмотрел на Гнуни:

– Мы все любим нашего государя, пусть боги даруют ему много лет жизни. Лично я готов отдать жизнь за царя.

Они разошлись по сторонам.

В царских покоях верховный жрец Спандуни успокаивал Тиграна. Они сидели напротив друг друга на жестких стульях с высокими спинками.

– Великий царь! – говорил Спандуни. – Этот мелкий эпизод твоей жизни не должен поколебать веру в свое предназначение. К тебе подослали наемных убийц, но бог Арамазд избрал тебя на благое дело и потому не дал свершиться злодейству.

Тигран горестно отвечал:

– Учитель Спандуни, с каждым разом мои противники изобретают все более изощренные уловки, чтобы убить меня. Я стар, но хочу завершить начатые реформы.

– В тебе соединилось все лучшее, что за тысячи лет своей истории накопили армяне. Ты, мудрейший и храбрейший,

жаждешь бессмертия своего народа. Жречество поддерживает тебя.

Спандуни воодушевлял царя, а тот, погрузившись в невеселые мысли, думал о бессмертии народа: бывает ли оно в жестоком мире, где народы рождаются, живут и погибают? Если да, то вот она высшая цель любого владыки. Вопрос в том, как обеспечить своей нации право на вечную жизнь. Ответ Тигран еще не нашел, зато чувствовал противодействие замыслам. Воцарению Тиграна предшествовало знамение – необычный небесный гром над Араратом. Что это? Знак свыше? Создав великую державу, государь стал строить мир во имя процветания народа.

Жрец изрек:

– Ты отличаешься большим умом и дальновидностью, я буду молиться за тебя.

– Спасибо, учитель. Ты духовный предводитель армян, помогай же мне творить добродетель!

Пятьсот лет назад незабвенный царь Персии Кир II Великий, захватывая соседние царства, все же оставался для их народов спасителем и исцелителем. Следуя ему, Тигран проявлял милосердие к покоренным народам. А еще Кир высказывал идею свободы вероисповедания, и эта мысль тоже запала Тиграну в голову.

Жрец ушел и тут же охрана впустила в покои сыновей царя. Артавазд, старший сын, красивый и сильный, двадцати одного года, прекрасный борец и храбрый воин, и Тиг-

ран Младший, высокий, бледный, утонченный, девятнадцатилетний, отличный наездник, эмоциональный, остро реагирующий на несправедливость. Длинные распущенные волосы обоих юношей в те времена считались символом мужества и величия.

Царь встал и с осанкой, исполненной благородства, направился к ним.

– Два царевича пришли узнать, жив ли царь после змеиного нашествия. Как видите, жив и очень зол.

– Отец, я молил бога, чтобы с тобой ничего не случилось, – сказал Артавазд. – Ты всегда можешь положиться на меня.

– И на меня тоже, – произнес Тигран Младший. – Мой меч был готов вонзиться в наемного убийцу.

– Вы оба пылкие, сильные и высокоодаренные юноши, достигли больших успехов в науках, литературе и языках, я горжусь вами.

Царь отвернулся, желая закончить аудиенцию, но тут услышал голос Тиграна Младшего:

– В час тревоги нам не хватает рядом матери.

Резко развернувшись, Тигран сердито посмотрел на сына:

– Я отдалил от себя вашу мать Клеопатру Понтийскую, потому что она предала меня дважды.

Жена царя Клеопатра Понтийская, дочь Митридата, настроила против правителя двух старших из четырех сыновей, и оба погибли. Зарей по наущению царицы, когда царь

находился в походе, отчеканил монету с надписью «Царь царей Зарей», поднял мятеж, но был разбит и обезглавлен. Тигран Средний осмелился надеть царскую диадему, когда на охоте государь упал в обморок. Это царица, решив, что с мужем покончено, убедила сына поступить так. Юноша также поплатился своей головой. Оба предали не только царя, но и идеалы, ради которых он жил. Предательство не прощалось.

– Отец, я, как никто другой, помогаю тебе во всех делах, – пылко произнес Артавазд.

– Вы оба моя надежда, один из вас продолжит дело отца. Но кто? Кто достоин взять на себя непосильную ношу быть гегемоном в Азии? Ты, Артавазд, ты, Тигран, а может быть, мой брат Гурас?.. Я еще не решил.

– Любой из нас готов стать во главе народа! – выпалил Тигран Младший. – Но мы любим свою мать, а она любит тебя. Страдая в крепости Сафа, просит вернуть ее в Тигранакерт.

– Вернуть сюда, чтобы продолжила интриги? Она дочь Митридата, а убийство царственных родственников – привычное дело в их роду.

После рождения Тиграна Младшего Клеопатру Понтийскую как подменили. Она вмешивалась в государственные дела, задумала отравить царя и править страной, хоть от имени сына, хоть без него. Власть портит людей.

Артавазд воскликнул:

– Мой меч никому не позволит поднять на тебя руку!

– Дорогой Артавазд, на царской диадеме изображен орел – символ мудрости, а мудрость и есть главное оружие против врагов.

В покои быстрым шагом вошел Меружан. В этот вечер именно он заколол наемную убийцу, выполнив долг телохранителя и друга. На ходу он говорил:

– Государь, есть срочное сообщение от нашей разведки: Митридат потерпел поражение от римского войска под городом Кабира.

Царь, потрясенный известием, на мгновение окаменел, затем справившись с волнением, мрачно произнес:

– Удача отвернулась от него, как когда-то от Ганнибала, а его мечта о создании мощного государства эллинов, по всей вероятности, несбыточна. Он жив?

– По нашим данным он направляется к границе твоего царства.

Многие называли Митридата деспотом, но у Тиграна он вызывал уважение: талантливый военачальник, властолюбивый и энергичный человек.

Взглянув на сыновей, царь молвил:

– Не сомневаюсь, он прорвется.

– Отец, почему же? – недоумевал Артавазд.

– Потому что у него есть одна черта характера, которой я всегда восхищался. Он упорно движется к поставленной цели.

– Но цель не всегда покоряется ему, – дерзко усмехнулся

Тигран Младший.

– Ему покорялись и разноликая масса народов, и сильные царства. Он принял на себя роль защитника греческой цивилизации в соперничестве с римской. А знаешь, какую приоритетную цель он избрал?

– Нет.

– Остановить движение Рима на Восток.

– Нельзя выбирать недостижимые цели, – не унимался

Тигран Младший. – Он затронул римские интересы, и республика ему этого не простила. Давно следовало поменять цель.

Глядя в упор на младшего сына, Тигран вразумительно истолковал ему:

– Сын, меняйся сам, но не меняй мечту, умей постоять за себя, но не забывай об интересах государства! – Оборотившись к Меружану, приказал: – Завтра утром собери военный совет! Свободны!

Когда все вышли, Тигран опустился на стул, погружившись в тяжелое раздумье. Его охватили беспокойство и грусть. В комнату неслышно вошла Аревик двадцати четырех лет, наложница царя, красивая как богиня. Длинные пышные каштановые волосы, пухлые губы, миндалевидные глаза, обаятельная улыбка, гордая осанка – гармония во всем. Словно прекрасный цветок, она вызывала восхищение мужчин и зависть женщин. Ее одежда из тончайшей белой ткани виссон, на ее голове шапочка с висюльками фили-

гранной работы, на лбу ленточка с цветами из драгоценных камней и жемчуга, на руке браслет в виде змеи. Ее томный взгляд завораживал Тиграна прямо-таки невероятно.

Она подбежала к государю и, сев к нему на колени, обвила руками шею, поцеловала в губы.

– Ты красивая женщина, и любишь меня, – сказал он. – Ты сокровище, сумела наполнить мою жизнь любовью.

Счастливая и довольная, она протянула руку к столику с вином и фруктами, взяла золотой кубок и, наполнив его вином из кувшина, подала Тиграну:

– Выпей, мой царь!

Тот выпил, поставил кубок на столик и поцеловал ее в губы. Любуясь ею, произнес:

– Ты мое солнышко.

Наложница восхищенно взглянула на царя. Она умела пробуждать в нем самые сокровенные желания, ее пластичность, изящество, эмоциональность приводили Тиграна в неописуемый восторг.

– Ты меня обольщаешь? – спросил он.

– Ты жаждешь наслаждений, – отвечала она.

Нежными прикосновениями и поцелуями ей удалось разогнать тоску и печаль государя, его мрачное настроение начало меняться, возникло состояние умиротворения и блаженства. Улыбаясь, он промолвил:

– Тебе нет цены.

Среди наложниц царя было много певуний и танцовщиц,

успокаивающих слух и взор, но Аревик единственная обладала волшебной и манящей силой.

– Старость в поисках молодости... – пошутил Тигран.

В беспокойном дворце на террасе два царевича спорили между собой. Тигран Младший горячо отстаивал свое мнение:

– Артавазд, неужели ты не понимаешь, что отец хочет отдать корону своему брату. Нас с тобой он ни во что не ставит.

В недавней истории такое уже бывало. Царь Парфии Фратат I перед смертью не назначил преемником ни одного из своих сыновей, а передал трон брату.

Артавазд отмахнулся от надоедливого брата:

– Отец понимает, что ты не готов править.

Тигран Младший настаивал:

– Он безрассудный и сделает ошибку, отдав трон тебе или Гурасу.

– Сегодня отец чуть не погиб.

– А ты уже приготовился занять его место? Мечтаешь о победах и великих свершениях?

Артавазд, не отвечая на колкость, спокойно отреагировал:

– Ненавижу высокопарное «великие дела», «великие свершения». Любое стоящее дело великое. Неужели ты не понимаешь, что змея могла укусить царя? Да, я был близок к тому, чтобы занять трон, но бог Арамазд защитил государя и не дал свершиться безумному преступлению.

Тигран Младший выпалил:

– Ты, кроме как махать мечом и драться, ничего не умеешь! Я предназначен к правлению!

– И не мечтай, Тигран! – решительно заявил Артавазд. – Я старший сын царя, и трон достанется мне!

– Похоже, тебе не терпится перенять пышный титул царя царей!..

Внезапно Тигран Младший схватил Артавазда за пояс и, весь кипя от накопившейся злости, попытался провести бросок, однако соперник увернулся, сбил брата с ног и прижал коленом к каменному полу:

– Остынь, Тигран, в борьбе кох тебе меня не победить.

Посрамленный Тигран Младший угрюмо пробурчал:

– Я вызываю тебя на бой завтра, после совета. Ты обязан принять вызов, таков обычай.

– Договорились.

Глава 4. Ложные надежды

В зале военного совета за большим столом расположились самые опытные военачальники и наиболее приближенные к царю сановники. Сам Тигран, слушая подчиненных, сидел в резном кресле, установленном на возвышении. За его спиной висел царский штандарт красного цвета с вытканными золотом восьмилучевой звездой и двумя орлами. Стены зала из натурального камня увешаны боевым бронзовым оружием и щитами, темно-зеленые колонны увиты золотистой лентой, а капители изображали парные головы львов. В углу на небольшом куске мраморной колонны стояла большая бронзовая чаша, по форме напоминающая греческий килик. Обломок колонны – немой свидетель овеянных мифами и легендами великих событий – Тигран привез из разрушенного Александром Македонским царского дворца в Персеполе. Наполненная водой «Чаша мира» была богато орнаментирована сценами войны.

Тигран II никогда не принимал решение единолично, по каждому направлению деятельности у него были советники, к мнению которых он прислушивался. Прямо перед ним сидел спарпет Мамиконян, главнокомандующий войсками Великой Армении, мужественный и решительный человек могучего телосложения. Он докладывал:

– Римляне теснят войска Митридата, сражения уже идут

на территории Понтийского царства. К сопротивлению готовы лишь крепости.

– Митридат может вновь овладеть ситуацией, – высказал мнение полководец Багарат.

– Он уже ничего не может, и, прежде всего, рационально мыслить, – заявил заместитель Меружана Кухбаца. – Беспечный эллин!

Все вспомнили, как в Эгейском море, имея огромный флот, Митридат все потерял. Его бездарные флотоводцы, не вступив в сражение, проиграли его. Эгейское море часто штормит, и в тот день разыгралась буря, потопившая флот Митридата. Теперь римские суда свободно бороздят Понт Эвксинский (Черное море).

– Я согласен с Кухбаца, – сказал Меружан, человек жесткий и бесстрашный, не раз доказавший свою бесконечную преданность царю. – Митридат потерял чувство реальности.

Теперь все вспомнили штурм города Кизик. Это был провал, которого не знала история. Понтийский царь не сумел взять город, обороняемый горсткой защитников, и потерял три четверти армии. Вскоре подошли римляне. Тигран и скифы прислали Митридату на подмогу отряды пехотинцев и всадников, подошло немало наемников из местного населения, но понтийский царь все равно потерпел поражение, но уже от римского полководца Лукулла.

Высказался Гнуни, осторожный, неподкупный и находчивый царедворец:

– Я предрекаю крах Понта.

Царь Тигран поднял бровь, сказав этим веско и много, не произнеся ни слова. Он знал, что Вифиния – небольшое государство фракийцев, захваченное когда-то Митридатом, – уже отвоевано римлянами. Если падут очаги сопротивления в Понтийском царстве, это будет означать: Митридат потерял царство, а римские войска вышли на границу Великой Армении. Слушая своих советников, Тигран думал о сложном положении, в которое попала его держава. Но он продолжал верить донесениям разведки и силе своего гения.

– Васак, – обратился он к министру, – доложи военному совету разведывательные данные!

– Да, государь, – Васак, высокий и незаурядный царедворец, встал. – В дипломатической почте и донесениях разведки говорится, что римский сенат не готов ввязываться в войну с Арменией. Рим занят подавлением восстания рабов под предводительством Спартака и войной с непослушными легионами в Испании. Для нашего царства опасности нет.

– Ложные надежды! – выкрикнул старик астролог Вараздат. – Звезды говорят, что Восток в опасности, с запада исходит губительное свечение. Тигран, поставь надежную защиту!

Царь понимал: цели Рима на Востоке – обогащение за счет грабежа и владычество. Римские богачи и спекулянты ждут побед Лукулла, и тот может не ограничиться Понтийским царством. Пойдет ли он дальше, только богам известно.

Тигран заключил:

– Не стоит недооценивать полководца Лукулла.

Васак примирительным тоном произнес:

– Я бы не стал преувеличивать опасность. Мы мощная преграда от нашествий парфян на запад, и Рим это понимает.

Встал Евсевий, армянский мудрец, историк и советник царя:

– Государь, вот уже двадцать пять лет царствуешь ты в Великой Армении. Митридат поставил тебя в сложное положение. Реши, что для тебя важнее: оказать помощь своему союзнику Митридату и ввязаться в войну с Римом или завершить начатое твоими предшественниками дело – сделать Великую Армению могущественным государством?

Его слова разбудили у Тиграна воспоминания. Долгие годы, тогда еще царевичем Армении, он провел в качестве заложника у парфянского царя. Это царство основали скифы, необычайно воинственный народ, ловкие наездники и отличные стрелки из лука. Однажды, разбив Армению в бою, парфяне обложили ее данью. Отец Тиграна выполнил требование парфян и отправил сына ко двору парфянского царя. Там юноша пережил трагедию, но продолжал верить в возрождение своей державы и ее великое предназначение. Когда царский трон Великой Армении опустел, Евсевий посоветовал молодому Тиграну уступить парфянам семьдесят плодородных долин. Сделав так, он получил свободу, а став царем, пошел войной на Парфию и вернул обратно все земли своему царству. Теперь парфяне боятся его, как огня.

Взойдя на престол Тигран II тут же оказался в водовороте судьбоносных событий: Парфянское царство погрузилось в смуту, Понтийское царство, подчинив своей власти все Причерноморье, возвеличилось, Тигран породнился с Митридатом VI, Римская республика после гражданской войны встала на грань развала, парфяне уступили Тиграну Месопотамию и титул царя царей... Он поверил в свое предназначение. Но одна мысль не давала ему покоя: какова его роль в возвышении родины и как воспользоваться властью, чтобы восторжествовали мир и гармония в царстве?

Военный совет ждал решения царя. Тигран встал, подошел к «Чаше мира». С благоговением он дотронулся до нее. Древняя чаша несла в себе идею собирания, бессмертия, преданности и надежды. Она всегда наполнена водой как символ мира и богатства государства. А надпись по верхнему краю чаши гласила: «Мудрость дороже золота, благоразумие порождает пользу, а отвага – половина победы». Полководец и завоеватель, умудренный опытом и способный к ясному анализу правитель, Тигран имел все свойственные армянам качества: редкостное упорство и врожденные чувства справедливости, доверчивости и мечтательности. Он принял взвешенное решение.

– Мы союзники Митридата, и будем верны союзническому долгу. В Риме продолжают считаться с мощью Великой Армении и не хотят вступать с нами в войну.

Военный совет завершился, и два царевича пошли в рощу недалеко от дворца, чтобы помериться силой на площадке для борьбы. Артавазд в хорошем настроении, по-мальчишески сверкая глазами, говорил:

– Брат, боги тоже любят сходиться в дружеской схватке, ведь борьба кох тренирует истинно мужские качества.

– Когда у богов кох, в Армении землетрясение, – обмолвился Тигран Младший.

Древний вид единоборства кох имел сложный ритуал, уходящий корнями в тысячелетия. Тогда культура боевых искусств была одним из важнейших проявлений повседневной жизни армян.

Разминаясь, Артавазд продолжал:

– Отец рассказывал, что в молодости, когда Эллада попала в подчинение к Риму, его допустили к участию в борцовских состязаниях на Олимпийских играх. Он тогда стал победителем.

Тигран Младший ехидно заметил:

– Услышав это, я должен восхититься и восславить богов?

– Вспоминая твой поступок накануне, – сказал Артавазд, – я бы предпочел, чтобы перед началом боя, как это делают олимпийцы, ты дал клятву соблюдать правила.

– Хочешь обвинить меня в мошенничестве? Отец учит идти к поставленной цели, но одними надеждами ее не достичь. Превзойти тебя – вот моя цель!

– Прежде чем намечать цель, попрощайся с бессмыслен-

ными иллюзиями, что ты станешь царем.

Площадка для коха – это яма, засыпанная песком, а поверхность песка – отруби, на них стелется ковер. Поединок начался. Главной целью соперников, одетых в опоясанные чоху (кафтан), являлся кох, то есть бросок соперника на спину, либо выталкивание его за пределы площадки.

Артавазд крепко стоял на ногах. Сильный, ловкий и выдержанный, он со знанием дела проводил приемы борьбы. На это раз и Тигран Младший, вступив в схватку, проводил захваты более умело, чем накануне. Вот Артавазд провел бросок, и младший брат упал на спину. Прижав его коленом к земле, старший протянул руку:

– Ну, вставай, Тигран, тебе не помешает еще потренироваться.

В спортивном азарте Артавазд не заметил, как из-за деревьев вышли двое в черных масках и схватили его за руки. Его держали, а подошедший Тигран Младший остервенело наносил удары кулаком в живот брата. Артавазд держал удары молча, только вены на шее вздулись от злости.

Тигран Младший наносил удары еще и еще и визгливо кричал:

– Пощады ты, конечно, просить не будешь! Но ты ведь не пожалуешься отцу? Гордость не позволит рассказать, что младший брат побил тебя.

Устав, он кивнул подручным отпустить брата. Глядя на Артавазда, упавшего на колени, он, как бы ставя точку в по-

единке, сказал:

– Ты крепче меня, но победитель схватки не обязан быть самым сильным. В былые времена хитрость приравнивалась к доблести.

Артавазд медленно поднял голову и с презрением произнес:

– Ты ничтожество, но я вызываю тебя на поединок. Победитель схватки обязан принять вызов, таков обычай.

– Договорились!

За поединком наблюдали, оставаясь незамеченными, двое. Это были министр Васак и его помощник, телохранитель и доверенное лицо Багдасар.

– Похоже несладко пришлось Артавазду, – сказал Васак. – Хороший урок преподнес ему Тигран Младший.

– Детеныш хочет обратиться в волка, – хихикнул Багдасар.

– В конце концов Тиграну Младшему придется стать волком, иначе не выжить ему и трона не видать.

– Он любит власть; мы могли бы это использовать, – Багдасар зловеще улыбался.

– Ты прав. Он именно тот, кто нам нужен.

Васак двусмысленно посмотрел на Багдасара, подобострастно говорившего:

– Если кто и должен быть царем, так это ты, основав новую династию.

– Претендентов на трон из династии Арташесидов еще

много... – ядовито заметил Васак.

– Ну это как сказать... – прищурился подручный.

– Во всяком случае, надо внушить Тиграну Младшему, что лишь он один достоин трона. – Васак посмотрел на своего помощника: – Следи за ним и его друзьями из аристократической знати! Их энергию попытаемся направить в нужное русло.

– Посеем вражду во дворце – пожнем бурю во всем царстве, – хохотнул Багдасар.

– Что ты все улыбаешься? Никогда не выдавай своих волнения или радости. Тот, кто умеет ждать, получает желаемое... Я поскачу к Митридату. Царь Тигран поручил поговорить с ним, чтобы составить мнение и вовремя принять меры.

Глава 5. Почетное пленение

Митридат VI Евпатор, царь Понта и Боспора, стремился во всем подражать Александру Великому. В политике, идеологии и даже в официальных изображениях он не просто копировал своего кумира, а искал изюминку для развития образа божественного освободителя Азии. В зависимости от настроения он надевал на себя определенную маску: то он безрассудный Дионис, то мифический Геракл, то непобедимый Александр. Теперь пришлось оставить патетические образы могущественного военачальника и богоравного героя. Он в Армении, а царь Тигран не спешит с ним встретиться, более того, в крепости Бнабел, предоставленной ему, хозяйничала армянская стража, весь персонал тоже был армянский. Больше похоже на почетное пленение.

В большом зале в неистовом танце, напоминающем понтийский танец «Сэрра», двигался Митридат, разгоряченный бодрящей музыкой и неумеренным пьянством. Под аккомпанемент кемендже (лира), зурны, даула (барабан) и кавала (флейта) он танцевал так, будто хотел забыть все печали. В зал вошел присланный Тиграном министр Васак и изобразил притворное удивление:

- Я вижу вакхические пляски! Такие танцы и пьянство чужды ясному уму и пылкому темпераменту элина.
- Конечно, я кружился в безумном танце жизни и смерти,

но как приятно нарушать порядки, зная, что отвечать не будешь. – Они обнялись, музыканты затихли, а Митридат продолжил: – Я тот, кто подчинил себе целое море – Понт Эвксинский, прозванное персами Черным. Мой гарнизон стоит даже в крепости Евпаторий, а племена скифов и тавров – мои союзники. Легендарная Колхида, так почитаемая греками, моя сатрапия.

– Ложь – осколки правды! Увы, от твоих владений ничего не осталось, – парировал Васак.

– Все течет, все меняется.

– Конечно меняется. Но ты все тот же: коварен, жесток и хитер, – шутил Васак.

– Коварен? Преувеличение. Жесток и хитер – да. Моего предшественника царя Понта убили римляне. Римские родовики хотели прибрать к рукам царство.

– Говорят, ты убил своих мать и брата? – как бы невзначай спросил гость.

– Она мне не мать. Я убил ее, потому что женщина хотела моей смерти, а брат организовал заговор против меня. Зато я устроил им пышные похороны. Да, я, подобно Дионису, совершал убийства, будучи взбешен, но люди меня почитают, так как я один шел против великанов, облаченных в римские доспехи.

– Ты отождествляешь себя с Дионисом?

– А разве ты не знаешь, что я сын бога и был рожден из бедра Зевса?

Эллины, как ни странно, объявили Митридата живым воплощением бога Диониса. Ходили легенды, что он вскормлен и воспитан Силеном, богом с рогами, хвостом и копытами, научившим царя всем знаниям и искусствам, в том числе, виноделию и пчеловодству, открывшим ему тайны природы и наделив пророческим даром. Вот откуда в его характере соединение животного и низменного с серьезным отношением к наукам и искусствам. Он многому научился. Например, входя в пророческий экстаз, видел будущее.

– Предскажи, что нас ждет! – воскликнул Васак.

– Эллины говорят, что Силен неохотно делится с людьми знанием будущего: для этого надо его поймать хитростью, – захохотал Митридат.

– Я принес дары Дионису, – лукаво подмигнул Васак.

– У меня все есть. Вот дары Диониса: зерно, поддерживающее жизнь, и вино, веселящее душу.

– Если ты Дионис, ты должен понимать не только человеческие языки, но и птичьи и звериные... – Васаку явно нравилось поддерживать разговор.

– Я, мой друг, знаю все языки современного мира. В Пергаме, в грандиозной библиотеке, я провел много часов.

– Кто же ты? Кого я вижу пред собой – энергичного и наделенного острым умом человека или полубога?

– Мне нравится, когда меня, смертного, сравнивают с Гераклом, – прыснул Митридат.

– Государь, в Риме Дионис почитается под именем Вакха.

– Это западное варварство, – возмутился Митридат. – Я греческий бог и веду ожесточенную борьбу с Римом.

Васак вдруг стал серьезным:

– Я принес тебе неприятную весть. Мои шпионы сообщают из Боспора, что Диокл, которого ты направил за помощью к скифам с золотом и многими дарами, перебежал к Лукуллу.

Митридат помрачнел. Какое-то время он выглядел растерянным, но потом взял себя в руки:

– Все неприятности случаются в неподходящее время... От Диокла я подлости не ожидал. Но огорчаться не буду, неудачи бывают у всех. Ты хотел узнать будущее. Так вот, я принял имя бога Диониса – бога умирающего и воскресающего, бога страдающего и побеждающего, – потому что имею сверхъестественные способности, пророческий дар и неуязвимость...

– Ты не договариваешь. Речь идет о магии? – перебил его Васак.

– Вся моя жизнь преисполнена мистики, – ответил Митридат. – Я неуловим, всегда возрождаюсь из пепла, и предсказываю: Диокл погибнет, а свое царство я себе верну.

– А как насчет Великой Армении?

– Сейчас на Востоке самый могущественный человек – это царь Великой Армении Тигран II. Я хочу встретиться с ним и просить вступить в войну.

– Царь не расположен воевать с Римом.

– Не забывай, он мой родственник, я отдал за него свою дочь, он не может мне отказать. Тем более, я сам царь Армении. Ха! Я царь Малой Армении!

История темная. Правитель царства Малая Армения Антипатр взял Митридата под свое покровительство, когда тот спасался от убийц, а потом вдруг умер, завещав ему все свои владения. Разноречивые слухи о том, как это произошло, распускались по всему громадному полуострову Малая Азия.

– Царь Тигран тебя очень уважает, – примирительно сказал Васак.

– Твой царь – человек сильной воли и твердого характера, жесткий и решительный правитель. Я глубоко уважаю армянский народ. Армяне трудолюбивы, изобретательны и храбры, я много раз в этом убеждался.

– Царю Тиграну понравятся твои слова, я передам.

– Скажи ему еще, что у него дерзкий ум, его поступки непредсказуемы, и в этом его сила.

Митридат знал себе цену, и мог убедить любого. Его имя на персидском языке означало «дар Митры» или «богом данный». Ничего не доставалось ему в жизни легко – за все приходилось бороться. Он мог заниматься делами без отдыха, для достижения своих целей не останавливался ни перед чем, добивался своего любой ценой и любыми методами. Он не знал равных себе в искусстве верховой езды и стрельбы из лука, хитрый и изворотливый ум этого человека об-

ладал умением читать мысли собеседника, он умел завоевывать симпатии простых людей, которым обещал свободу от налогов и избавление от гнета Рима, и те охотно служили в его армии или снабжали ее.

Принесли еще вина и собеседникам подали наполненные кубки. На руке у Митридата Васак заметил браслет с когтем птицы. Царь поднес коготь к кубку и опустил его в вино.

– Коготь грифона, – пояснил он. – Очень ценная и нужная вещь. Он меняет цвет в присутствии яда, поэтому я всегда кладу его в сосуды для питья.

Выпили вина. Васак дружелюбно произнес:

– Чтобы хоть чем-то порадовать тебя, хочу сообщить, что твои осажденные города Амасия, Синопа, Амастрис и Гераклея оказывают римлянам упорное сопротивление.

– Твои слова для меня словно бальзам! – возрадовался Митридат. – Я предчувствовал: впереди предстоят большие дела.

– Твой боевой дух подпитывают месть и жажда борьбы, – Васак смотрел на царя с восхищением.

– Да! Сегодня же отправлю письма скифским вождям, парфянскому царю и своему зятю Тиграну II. Я полон энергии, хочу и дальше быть предводителем азиатских народов в борьбе с врагами.

Они тепло попрощались, Васак ушел, а Митридат кивнул музыкантам. Заиграла кемендже, и под музыку, приплясывая, он снова впал в экстаз.

Глава 6. Восточный базар

Среди ночи Тигран открыл глаза. В дворце установилась настороженная тишина, в окне мерцают звезды. Легкий ветерок колышет шелковый полог балдахина, огонек масляной лампы едва озаряет спальню царя. Вдруг незримая тень, коварно проскользнув под полог, по складкам покрывала стала приближаться к изголовью. Тигран в ужасе приподнял голову, отпрянул. Огромная змея подползала все ближе, змеиное шипение доносилось отчетливее. Постоянно увеличиваясь в размерах, змея раскрыла пасть, готовясь напасть, но нет, он понял: она хочет войти в человеческое тело и завладеть им. Спасаясь, ценой невероятных усилий, он соскочил с кровати. Из всех щелей поползли другие змеи. Шипя, они обвивались вокруг него и вонзали острые зубы. Змеи были везде и нигде. Царь задыхался, возникла боль в груди и... он проснулся.

Кошмарный сон. Медленно возвращалось ощущение пространства и времени. Государь огляделся: все тихо и спокойно, от дуновения ветра трепещет в светильнике огонек. Необъяснимое тревожное чувство охватило Тиграна. Весь в холодном поту он выглянул в окно. Южная ночь. Внизу, в долине, лежит спящий город, а вокруг него амфитеатром раскинулись поля, сады и виноградники.

Наступило утро. Тигран верхом на лошади следовал в

храм бога Тира. Его сопровождали царедворцы и охрана. По пути царь тесно общался с губернатором столичной области Арзанена Барзапром, имевшим титул великий бдешх (правитель большой области).

– Я не хочу, чтобы об армянах думали только как о войнах-завоевателях. Мой народ – созидатель, он творец величественных городов, – говорил Тигран.

– Твой дворец, о великий, по красоте соперничает разве что с дворцом Дария I в Персеполе, к несчастью, сожженного Александром Македонским по прихоти женщины, – отозвался Барзапр.

– Дворец Дария жаль, но женская прихоть – не только затайливая фантазия, но и стимул, побуждающий мужчин к действию.

– На мой взгляд, – скупое проронил бдешх, – женская прихоть – тяжелое бремя расходов.

Величие и роскошь дворца Тиграна поражали воображение. Архитектура большого монументального здания с чудесными изваяниями и множеством надписей на разных языках подчинена одной идее – возвеличиванию царя царей. Античные капители уживались с изумительными армянскими каменными узорами, рельефные фризы изображали богов, героев, львов и орлов, колонны и двери имели золочение – все должно подчеркивать значимость царя.

– Что нового в Арзанене? – поинтересовался Тигран.

Барзапр отвечал:

– Мы стали добывать нефть.

Тигран удовлетворенно кивнул. Черная жидкость, которую персы использовали для обрядов огнепоклонничества, оказалась не так проста. Еще не все ее секреты раскрыты, но армяне уже применяли нефть в качестве вяжущего материала в строительстве, а также как зажигательную смесь. Врагам не нравилось, когда с крепостных стен их обливали горячей нефтью.

– Что ж, противник не дремлет, готовь ему сюрпризы, – сказал Тигран.

Дворец и город окружали толстые и высокие крепостные стены из тесаных базальтовых глыб, точно пригнанных, скрепленных железными скобами и бронзовыми шипами с заливкой из свинца – для защиты от землетрясений. В стенах много ниш с конюшнями и складами вооружения и продовольствия.

– Я основал этот город в центре державы, чтобы влиять на огромные территории вокруг, – говорил царь.

– Да, государь. Твоя столица – оборонительный пост, но контролирует и торговые пути, – охотно подтвердил губернатор.

Тигранакерт продолжал строиться. Царь стремился сделать свою новую столицу центром армянской цивилизации. Население формировалось способом, принятом тогда в мире, – в город переселяли чужестранцев из завоеванных государств и городов, однако прослышав о богатстве и красоте

столицы Тиграна, много людей в поисках лучшей доли сами приходили в его столицу из разных уголков Малой Азии. И что интересно: все вдруг начинали говорить по-армянски.

– На днях я заключил договор с кочевыми арабскими племенами об охране торговых путей на юге, – поделился новостью царь.

– Неужели арабы будут взимать таможенные пошлины в пользу твоей казны? – искренне удивился собеседник.

– Да! Они сразу поняли, что торговля более увлекательное занятие, чем война.

Миновали строящийся театр в греческом стиле.

– Государь, зачем нам греческий театр? – недоуменно поморщился Барзапр.

– Греция, мой друг, создала мудрость мира, а ее искусство, украшая жизнь, постепенно проникает в армянскую среду. Мне претят суетность и невежество, разрушающие красоту.

Процессия царя приблизилась к храму, все спешились. Тигран, взойдя по девяти ступеням, вошел внутрь. В зале полумрак. Лучи солнца, проникая из оконцев в потолке, игрой света и тени усиливали впечатление от нехитрого убранства святилища. В зале витали благородные ароматы и дурманящие испарения лавра. Лучик золотисто-желтого цвета падал на мраморную статую Гермеса, привезенную Тиграном из похода в Финикию, и словно оживлял ее. Гермес – греческий бог торговли и проводник душ умерших в подзем-

ное царство, но в армянском царстве его отождествили с богом Тиром.

Главный жрец поклонился царю:

– Государь, ты прислал храму много даров. Богу Тиру сегодня принесли в жертву белого быка.

Бог Тир являлся писцом верховного бога армян Арамазда. Высоко, в обителище богов, Тир записывал повеления Арамазда в отношении каждой человеческой жизни. Его храмы пользовались великой славой за прорицания и толкования снов, вот и царь пришел в храм истолковать свой сон. Жрец подвел владыку к стоявшим у алтаря в экстатическом состоянии семи жрецам-толкователям. Один из них сказал:

– Тир записал твои деяния, государь. Я читаю их на твоём лбу.

Другой произнес:

– О великий, Тир навеял тебе сон, открывающий будущее.

Третий попросил:

– Государь, поведай свой сон, мы объясним его значение.

Царь желал знать, что ждет его и хотел получить руководство в делах. В этом храме собраны лучшие толкователи снов, и Тигран поведал им приснившийся сон, повергший его в смятение. Жрецы слушали владыку с бесстрашием мудрецов, а когда тот закончил, монотонно заговорили один за другим:

– Бог Тир открывает нам твоё ночное видение.

– Тебя посетили духи, они, и только они питают склон-

ность появляться в облике змей или драконов.

– Тебя мучает вопрос: «Что будет после тебя?» Тир предупреждает: «Опасность грозит твоему царству».

– Пробудились драконы-вишапы, заточенные твоим делом в пещере на горе Арарат. Теперь оковы, видимо, пали. Из горы выходят черный дым и языки пламени, иногда земля трясется.

– Ты, Тигран, призван одолеть драконов-вишапов. Это – твоя личная война.

– Ты победишь или умрешь.

– Не бойся, драконы не выносят железо, огонь и молнию.

Сказав это, семеро жрецов умолкли и опустили глаза. Тигран, переполненный чувствами, пытался что-то спросить, но главный жрец, поклонившись, произнес:

– Это все, что мы видим, государь. Скоро ты встретишь человека, обладающего магическим знанием, и он откроет тебе больше; возможно, даже предскажет предзнаменования и божественное откровение.

Со смешанным чувством тревоги и просветления Тигран покинул храм.

Сердцем города был базар, живший по своим законам и правилам. Базар не терпел вмешательства властей и всегда играл особую роль, так как вокруг него складывалась вся жизнь местного населения. Где процветает торговля, там процветает государство. Дворец царя располагался подаль-

ше от шума и суеты, на самой окраине города, а базар Тигра-накерта, окруженный жилыми кварталами, соседствующий с государственными и религиозными зданиями, подпитывался энергетикой народа. Город получал с базара еду, вино, специи, ткани, ювелирные украшения, торговые сделки, новости и сплетни. Это место поражало обилием рас, одежд и нравов, на каждом углу звучала армянская, греческая, персидская, арабская, арамейская и латинская речь. Восточный базар не только место торговли, но и пространство активного общения.

На осле едет старик. Молодой торговец вином, увидев его, кричит:

– Отец, подъезжай, попробуй моего вина!

Старик подъехал, в чашу ему налили вина.

– Мое вино лучшее в городе! – громко, чтобы слышали все вокруг, кричит торговец и тут же предлагает тост: – Выпьем за здоровье твоего осла, за его большие глаза и длинные уши!

Завсегдатаи смеются.

– Отец, скажи тост! – еле сдерживая смех, предлагает торговец.

– Что мне сказать? – озорно улыбается старик. – За здоровье моего осла! Слушай, осел, оказывается, в этом городе у тебя такой славный друг, а ты мне ничего о нем не рассказывал...

Публика одобрительно загудела. Старик, вызвавший расположение толпы, важно продолжил путь, а торговец, поста-

вивший себя в нелепое положение, глупо глядел ему вслед.

Торговля согласно древнему постулату – двигатель цивилизации, и царь Тигран поощрял торговлю. Мимо города проходила большая дорога, объединяющая крупные торговые центры Азии. Из Китая армянские купцы везли шелк-сырец и шелковые ткани, из Александрии и Месопотамии – стеклянные изделия и сосуды, со всех концов Великой Армении привозили в столицу медную посуду, гончарные и столярные изделия, свинцовые трубы, ворсовые ковры и шитые золотом ткани.

Встречаются на базаре три знатных армянина. Они давно знакомы, одеты в длинные туники и фригийские головные уборы. Аргам, плавая на кораблях по Евфрату, занимается поставками армянского вина в города Месопотамии, Баграм содержит гостиницы по всей стране, Паруйр продает армянские абрикосы по всему миру.

– Баграм, друг, слушай меня! У тебя царские замашки, – весело говорит Аргам.

– Это почему же?

– Ну как же! Всем указываешь что делать, много льстишь, много лжешь.

– У меня есть и другие достоинства, – напыжился от гордости Баграм. – Но я готов побороться за престол!

Паруйр говорит:

– Не сомневаюсь. Ты так себя уважаешь, что можешь быть кем угодно.

– Предположим, ты будешь нашим царем, – продолжал Аргам, – но каким образом, имея самую сварливую в городе жену, будешь управляться с гаремом?

– Очень просто: вас обоих сделаю своими евнухами!

Все трое рассмеялись. Народ мудр, вот и сила государства обычно накапливается из этой мудрости, как озеро из неиссякаемых горных источников.

На базаре много людей. Встретились два иудея.

– Куда идешь ты, Асаф? – спрашивает Надав, торговец посудой.

– Мы с гостем идем подкрепиться пищей, – отвечал Асаф, торговец пряностями.

– Какой гость, кроме тебя здесь никого нет? – удивляется Надав.

– Надав, а моя бедная душа разве не тот же гость в нашем теле? Сегодня она есть, а завтра, глядишь, и нет ее...

Когда царь Тигран ходил походом в Палестину, он взял в плен много иудеев, имеющих навык городской жизни, и поселил в Тигранакерте, Арташате, Армавире, Ервандашате и других городах страны, и иудеям в Армении жилось хорошо и свободно, а в торговле они особенно преуспели.

– Время сейчас стабильное, моя торговля пряностями процветает, – говорит Асаф.

– Асаф, хочу предложить тебе выгодную сделку, – шепчет Надав. – Я был в Египте, приобрел там мраморный саркофаг, а теперь уступаю тебе всего за сто драм.

– А что я буду делать с этим мраморным саркофагом? Живу я в маленьком доме с одной комнатой, места едва хватает мне, жене и детям.

– А два саркофага за сто двадцать драм?

– Вот это уже деловой разговор!

Они прошли мимо рядов арбузов, дынь, орехов, но задержались у сладостей. Понюхав запахи назука и пахлавы, пошли дальше.

Из храма бога Тира царь верхом на лошади в окружении многочисленной охраны и пестрой группы сановников поехал в сад, расположенный на холме рядом с дворцом, где в одеоне, построенном на греческий манер в качестве школы ораторского искусства, предстояла встреча с делегацией знатных горожан – каппадокийцев и киликийцев. В душе владыки боролись противоречивые чувства: надежда и безысходность. Неужели драконы, о которых рассказывают легенды, вырвались на свободу и теперь угрожают самому существованию Армении? И что значит «твоя личная война»?

Из сада, что на пригорке, он видел большой и шумный базар. Базар шумит – значит, жизнь кипит. Процессия остановилась, все спешили и устроились в одеоне. Греки уже сидели на каменных скамьях вокруг орхестры. На середину вышел каппадокиец Амфиохий:

– Великий Тигран, царь царей, греческая община приветствует тебя! Ты соизволил с нами встретиться, и мы с радо-

стью приняли твое приглашение.

– Я очень уважаю греческий мир, давший миру философию, поэзию, риторику и театр, – сказал Тигран.

– Государь, – продолжил Амфиохий, – ты переселил сюда, в свою новую столицу, много греков из Каппадокии и Киликии, обеспечил всех землей, жильем и ремеслом. Но греки привыкли к демократии, то есть к системе свобод, где каждый ищет свой путь, а все терпимо относятся к выбору каждого.

– И что же вы хотите?

– Мы хотим иметь право делать неправильный выбор, и тогда демократия улучшит экономику, поднимет жизнь людей, приумножит доходы от торговли и ремесел.

– Сюда я также переселил много армян – каппадокийцев и киликийцев, и они довольны жизнью на новом месте.

– Мы, греки, хотим верховенство закона, равенство всех граждан перед законом и решение вопросов по большинству.

Царь промолвил:

– Платон писал, что избыточная демократия неминуемо влечет за собой тиранию.

Проигнорировав ремарку царя, Амфиохий продолжил:

– Твои царедворцы, чиновники и губернаторы далеки от народа, они думают только о своем кошельке. Ими не управляет дух соперничества. Мы обеднели.

Тигран, оглядев присутствующих, заключил:

– Говорят, у народа есть только сиюминутные интере-

сы, люди подвержены эмоциям и манипулируются меньшинством. Но я вижу у моего народа колоссальный внутренний потенциал. Вам же советую работать. Работа избавляет от нужды.

С западной стороны дворца, погруженной в это утреннее время в черную тень, из окна на четвертом этаже вылез человек. Он был во всем темном: шелковая рубаха, жилет елак, куртка бачкон, тонкие шаровары. За красным поясом виднелся нож с ручкой из персикового дерева, на голове шапочка, лицо закрыто платком. Человек, прекрасно владея техникой скалолазания, неспешно передвигался вниз по вертикальной стене, легко переходя с точки на точку. Несомненно, между телом и духом этого субъекта наличествовала гармония. Ловко цепляясь за выступы, он аккуратно переносил вес тела с ноги на ногу, и наконец, добравшись до низа, спрыгнул на землю. Оглядевшись, он побежал к кустам и исчез в саду.

Базар, несмотря на ранний час, был полон жизни и зазывал покупателей. Повсюду яркие краски и блеск меди, пьянящие ароматы пряностей и благовоний, дразнящий, плывущий над торговыми рядами запах свежего хлеба. Торговцы расхваливали товар, кричали водоносы, жарился хоровец (шашлык), но людей тянуло к тандырам – керамическим полусферам с круглым проемом в верхе. В этих печах, не требующих много дров или соломы, готовили лаваш – тонкие пресные лепешки из пшеничной муки.

Торговая лавка – купольная постройка – представляла собой небольшую комнатку со сквозным проходом из одного торгового ряда в другой. На восточном базаре двери и окна – это переходы в иные пространства. В одну из лавок, благоухающую миррой и розой, где продавали смолы, масла, благовонную древесину и корни, зашел юноша в темной одежде с красным поясом. За поясом у него торчал нож с ручкой из персикового дерева, в руке небольшой черный мешок.

В лавке полумрак. Кто-то окликнул вошедшего:

– Береника, я здесь!

Вошедший обернулся. Красивое лицо с чистой, гладкой кожей, выбивавшаяся из-под шапки небольшая прядь светлых волос, выдавали девушку, юную и привлекательную. Это была Береника, наложница царя, чью мать царицу Сирии Селену I Тигран похитил и заточил в крепость Селевкия.

На освещенное место вышел мужчина лет пятидесяти в традиционной одежде армянина.

– Вот мой пароль.

Мужчина предъявил Беренике агатовую гемму с изображением оленя, на спине которого сидел орел. Эта гемма принадлежала матери Береники Селене I, дочери египетского царя Птолемея VIII, уникальной женщине, бывшей замужем пять раз. Все ее мужья – два египетских царя и три сирийских – умерли загадочной смертью. Ее сын сирийский царь Антиох XIII был недавно свергнут с престола Тиграном. Взбешенная Селена, перебравшись в Птолемаиду, что в Фи-

ниикии, вступила в беспощадную войну с армянским правителем, покорявшим страны одну за другой. Тигран II осадил Птолемаиду, обороной которой руководила лично Селена, и после долгой осады город взял, излив на царицу гнев и мщение. Береника, став наложницей царя, была отдана Тиграну Младшему. Теперь девушка делала все, чтобы освободить мать из заточения.

– Я Сетос, – представился мужчина. – Тебя никто не видел, когда ты выбиралась из дворца?

Она сняла платок с лица:

– Думаю, нет. Как мать?

– Твоя мать, словно птица в клетке, пытается открыть ее, и не может, но хочет летать, поэтому не сдается.

– Затея с египетским чародеем и змеями не удалась, к Тиграну не так-то просто подобраться, – огорченно вздохнула Береника.

– Твоя мать продумала все до мелочей, но звезды были не на нашей стороне.

– Что она мне передала?

– У нее новый план. Вот кольцо с тайником под камнем!

Камень откидывается, внутри яд аконитин.

Береника внимательно рассмотрела серебряное кольцо. Невзрачное, да и камень поделочный, сердолик цвета ягоды кизила.

Она задумчиво произнесла:

– Мама всегда говорила, что кольцо – символ непокорно-

сти, а камень – обломок кавказской скалы, к которой приковали Прометея. Хочу верить, что это кольцо воплощает идею освобождения матери.

– Селена полагает, что отравить вино будет сложно, – сказал Сетос.

– Подсыпать яд в пищу царя невозможно. У него профессиональные пробогатели, – промолвила Береника. – Что же делать?

– Тебе поможет человек из свиты Тиграна. Твоя задача пронести кольцо в дворец и незаметно положить в пасть каменному льву из Персеполя. Лев среди прочих скульптур находится в тронном зале.

Береника спрятала кольцо за пояс.

– Сетос, возьми этот черный мешок, в нем два почтовых голубя. Я прикармливала их на своем окне. Передай матери: она обретет свободу, тиран умрет, а мой брат, как и прежде, будет править Сирией!

В этот момент в лавку заглянул стражник с большими черными усами по имени Джалал. Спуск Береники из окна дворца не остался незамеченным: на базаре вовсю шел розыск преступника. Увидев подходящего под описание подозрительного человека, Джалал, зло скалясь, спросил:

– А ну стой, ты кто такой?

Сетос, ощутив опасность, с размаху ударил кулаком по прилавку, опрокинув лоток с благовонными маслами. Раздался грохот бьющегося стела, масло растеклось по полу. Бе-

реника, схватив склянку с мускусом, немедленно плеснула вещество в лицо стражника, и еще запустила в него горсть черного молотого перца. Стражник взвыл, стал тереть кулаками глаза, а вдохнув крайне вонючий запах мускуса, попытался выбежать на улицу, однако поскользнулся в масляной луже и неуклюже грохнулся на пол. Барахтаясь в масле, он ревел как бык, чем привлек внимание остальных стражей. Береника, закрыв лицо платком, вместе со спутником выбежала из лавки на другую торговую улицу.

Базар зашумел еще громче, все смешалось. Стражники, не разбирая дороги, сметая все на своем пути, понеслись галлопом за беглецами. По дорожкам покатались дыни, арбузы, персики, абрикосы... Покупатели в ужасе прижались к стенам, торговцы попрятались под прилавки, собаки залаяли, куры, почувствовав угрозу, вдруг полетели, петухи в испуге пронзительно закричали. Один из стражников с мечом в руке, наступив на спелую хурму, заскользил прямо к развалу с орехами, и жареные фисташки брызнули фонтаном во все стороны. Кто-то выкрикнул: «Богатым будешь!» Фисташковые орехи почитались как символ богатства. Другой стражник, пытаясь схватить беглеца, угодил в скотный ряд и, перепугав коз и овец, врезался лоб в лоб в бородатого козла. Козел заблеял, страж истошно завопил. И недаром! У старого козла крепкие рога.

Береника и Сетос разделились. Последний смешался с толпой, а погоня сосредоточилась на девушке. Уходя от пре-

следователей, она перебежала с одной торговой улицы на другую, карабкалась по стенам, лезла на крыши. Народ, окунувшись в невообразимую суматоху, перестал торговаться и, войдя в азарт, заметался по базару – поглазеть на зрелище. В одеоне на горе из-за превеликого шума прервалась дискуссия. Царь, его начальник охраны Меружан, а затем и все остальные повставали с мест и с холма в изумлении наблюдали за происходящим на базаре. Береника неслась по торговым рядам, совершая акробатические трюки, невысказанные пируэты, прыгая как кузнечик. Оказавшись среди жилых построек, она, лавируя, бежала чуть ли не по стенам домов, а когда на пути возник огромный детина, широко расставивший руки, а за его спиной выстроились стражники, девушка с разбегу запрыгнула на амбала и, оттолкнувшись от его лысины, перелетела десяток воинов и побежала дальше.

Вооруженных людей прибывало. Казалось, беглецу не уйти, впереди высокий каменный забор царского сада, бежать некуда. Многочисленная стража с мечами стремительно окружала со всех сторон. Беглец, сделав невысказанный прыжок с кувырком, перелетел через забор и оказался в царском саду. Стражники, крича и ругаясь, побежали к воротам. Народ окончательно потерял дар речи, когда человек в темной одежде и с красным поясом начал подъем по стене дворца. Он карабкался по вертикальной поверхности на глазах с интересом наблюдавших за одержимым верхолазом тысячи зрителей. Береника в мужском облачении и с платком на

лице свободно чувствовала себя на стене из вулканического базальта. Ставя носки ног на зацепки и неровности, а иногда и повисая только на руках, она грациозно лезла все выше и выше. Наконец на четвертом этаже влезла в окно и благополучно исчезла.

Начался тотальный обыск помещений огромного строения. Пугая многочисленную придворную челядь, армию поваров и шумный гарем, стража врвалась во все покои, переворачивая столы и стулья, рыская под кроватями и копаясь в сундуках. Преступника нигде не было.

В личные апартаменты Береники вбежали два стражника. Она сидела перед зеркалом из отполированного до блеска обсидиана (вулканическое стекло) в красивой расшитой узором ночной рубашке и с улыбкой на устах расчесывала гребнем свои пышные светлые волосы. Изобразив смятение и вскрикнув, она отбежала в угол и, прикрыв грудь руками, закричала:

– Что вам нужно, что случилось?

– Сюда мог войти мужчина в темной одежде. Ты видела?! – заорал стражник.

– Сюда никто не входил! – испуганно отвечала девушка.

Не слушая девицу, один стражник метнулся к сундуку, выбросил из него всю одежду, а другой залез под кровать и даже выглянул в окно. Убедившись, что посторонних нет, они ушли. Береника со спокойным видом подошла к зеркалу, села и продолжила расчесывать волосы.

Внутреннее убранство покоев красавицы было небогатым, с минимумом мебели и необходимыми вещами. Великолепный, работы пунических мастеров, сундук из кедра имел панели из слоновой кости с рельефными сюжетными сценками: прибытие кораблей, сбор урожая, несущие добычу солдаты, плененные ассирийцы и персы. Она привезла сундук с собой из Финикии, и он всегда напоминал ей о жизни у моря. На полу рассыпаны нежные лепестки крокуса и несколько щепоток шафрана, усиливающего желание.

Береника заплела волосы в косы и убрала их под головной убор саккос. Она знала, что в Армении, впрочем, как и в Греции и Риме, ее считали особенно красивой: белокуроыми женщинами, по представлению людей, были богини; у греков и римлян натуральные светлые волосы считались редкостью. Взяв в руки кольцо, переданное ей Сетосом (оно лежало на столике и тем самым не привлекало внимания), она в задумчивости поднесла его к глазам, повертела, а затем положила в шкатулку с украшениями.

Дверь открылась. На пороге возник Тигран Младший. Встревоженный и недоумевающий, он приблизился к Беренике и, положив руки ей на плечи, внимательно всмотрелся в ее изображение в зеркале:

– Я испугался за тебя. Произошло невероятное: кто-то проник в дворец, взобравшись по стене. Наверное, очередной убийца отца. Спрятаться негде. Несомненно, его найдут. Береника, прижавшись щекой к его теплой руке, ласково

сказала:

– Главное, что ты вне опасности.

Развернувшись, она посмотрела на юношу своими голубыми глазами, похожими на два глубоких озера, и, притянув к себе, поцеловала в губы.

– Твои чары неотразимы, – говорил он. – Ты сумела пробудить мое не тронутое муками любви сердце.

– Твое сердце пылает от любви ко мне, – шептали ее губы, напоминающие яркие рубины.

Тигран Младший со стоном произнес:

– Только ты любишь меня, остальные ненавидят. Сумасбродный отец не хочет мне оставлять престол. При первой же возможности убью его. И разгоню царедворцев: ни во что меня не ставят.

Он наслаждался созерцанием своей Береники, а она молча целовала его.

– Хочу растоптать брата... – уже не так уверенно говорил Тигран Младший.

Она, поднявшись со стула, прижалась к нему, обняла и поцеловала в губы. Он почувствовал, что раздражавшие его раздраженность и недовольство окружающим миром куда-то улетучились.

– Отец говорит, что женская прихоть не только затейливая фантазия, но и стимул, побуждающий мужчин к действию.

– Царь прав, – она улыбалась, – я помогу тебе обрести веру в себя. Служить женщине одно удовольствие.

Он доверился ей, страсть вырвалась наружу, они целовались и ласкали друг друга...

Глава 7. Опасный соперник Рима

На римском Форуме стоял древний храм двуликого бога Януса, олицетворяющего хаос. Двери храма Януса, владыки всех начал и начинаний во времени, держали открытыми в годы войны и закрывали в периоды мира. За все время существования Римской республики святилище ненадолго закрывалось лишь два раза. Война – главное дело римлян. Рим смотрел на завоеванные страны, как на свои поместья, почти все римские граждане извлекали из этих территорий выгоды: нобилитет управлял провинциями и обогащался, сословие всадников занималось в них откупами (сбором налогов), легионеры делили военную добычу.

В Риме размеры зданий и роскошь их наружного убранства были ограничены стесненным городским пространством и необходимостью считаться с общественным мнением, но зато в домах видных аристократов делалась мировая политика и вырабатывалась теория управляемого хаоса. В доме Луция Домиция Агенобарба, как и в жилищах других знатных римлян, роскоши не было. Суровые воззрения политика в эпоху республики допускали лишь скромность и умеренность, поэтому его дом отличался от других только красивым обрамлением дверей и окон и расположением на холме.

Хозяин дома, патриций, представитель известного рода

аристократов Домициев, ярый сторонник Помпея, прохаживался со своими гостями в атриуме. Он сопровождал главного гостя народного трибуна Гая Манилия, имеющего право вето на решения патрициев, а также трех известных людей республики: Квинта Марция, претора (второй человек после высшей власти консула), ведавшего судебными делами между римскими гражданами и чужестранцами, Мания Глабриона, претора, ведавшего внутренними судебными делами и Авла Габиния, военного трибуна. Последнему покровительствовал сам полководец Гней Помпей. Говорили о восстании Спартака, охватившего всю Италию.

– Слава Юпитеру, армия завершает подавление восстания, – сказал Габиний.

Победы Спартака, возглавлявшего рабов, лишили Рим всех военачальников и армии. Рим с трудом сформировал еще восемь легионов, и их возглавил претор Марк Красс, политик и богач. Сначала он, обнаружив, что солдаты роптали и случалось неповиновение, установил в легионах крепкую воинскую дисциплину: подвергнул войско децимации – казнил каждого десятого, – и дисциплина была восстановлена. Затем придумал, как подавить выступление рабов.

– Восстание идет на спад, – сказал Манилий. – Необычайно удачливый вождь Спартак убит, но беглые рабы все еще нападают на виллы, убивают землевладельцев. Думаю, еще немного, и Красс покончит с мятежниками.

Прогуливаясь с гостями по мозаичному полу мимо бю-

стов предков и мраморных фонтанов атриума, Луций, хозяин дома, решил перевести разговор на другую тему, очень интересовавшую его и ради которой он созвал этих людей.

– Пора свои взоры нам обратить на Восток, там лежат богатые земли, и там тоже беспокойно, – произнес он. – Когда Мурена потерпел полное поражение от понтийского царя и трусливо бежал с поля боя, мы назначили нового полководца Лукулла, чтобы заставить Митридата уважать Рим.

– На Востоке подняли головы антиримские силы, – подтвердил Глабрион.

– Да, должен сказать, что оттуда идут плохие вести, – произнес Марций.

Пока Митридат не мешал Римской республике, она выкачивала из Азии огромные ресурсы. Провинция под названием Азия (несколько захваченных государств) всегда исправно отправляла в Рим налоги и зерно, а цари Каппадокии, Пергама и Вифинии (на их земли распространялось владичество римского народа) с помощью дорогих подарков и громадных взяток покупали расположение влиятельных политиков. Митридат все испортил. Он неуправляем, не повинуется Риму, злодей, разрушающий экономику республики.

– Митридат – жестокий и деспотичный правитель, не гнушающийся ничем для достижения своих целей, – вставил Глабрион.

Все прошли в таблиниум, помещение с высокими потолками, в котором хозяин дома обычно принимал гостей и по-

сетителей, и расселись в деревянные кресла.

– А знаете на чем покоится наша экономика? – с иронией спросил Габиний и, выждав немного, сам, как бы в шутку, ответил: – На непомерном потреблении!

Он забыл добавить, что римская экономика, в отличие от той, что описана у грека Ксенофонта в его трактате «Домострой», покоится еще и на несправедливом распределении награбленного и обманном обмене товарами.

Все рассмеялись, а Габиний добавил:

– И нам это нравится! Мы приветствуем такой порядок. Что дозволено Юпитеру, не дозволено быку!

– Порядок из хаоса! – торжественно провозгласил Агенобарб.

Манилий с серьезным лицом произнес:

– Выкачивать ресурсы и извлекать выгоду из восточных земель становится все труднее. А массовое убийство наших граждан в Азии! Оно совершено по приказу Митридата. Неслыханное преступление!

Марций резюмировал:

– Эта резня свидетельствует о провале римской политики на Востоке.

– Вождей галатов, – возмущенно произнес Глабрион, – Митридат убил прямо на пиру, куда сам же их и пригласил!

Галаты – союз кельтских племен, переселившихся в III веке до н. э. в Малую Азию, образовав государство Галатия, ставшее подконтрольным Риму.

Манилий утешил собрание:

– Хорошо, что Лукулл разбил Митридата, ведь понтиец грозился изгнать нас из Азии.

– Его союз с Тиграном II Армянским – прямая угроза Риму! – вдруг серьезно заявил Луций Агенобарб.

Все насторожились. Армения считалась не просто опасным соперником, а единственным достойным противником Рима. Недаром это царство заняло главенствующее положение среди государств Азии. В сенате поговаривали, что Тигран силен как лев, богат как Крёз (царь Лидии, которому платили дань все греческие города Малой Азии), его страна огромна, а воины храбры и хорошо вооружены. Римский сенат и раньше беспокоило это государство, столь высоко вознесшееся в своем могуществе.

Марций нерешительно признал:

– Непосильное бремя война с Арменией.

– Не все так просто, – задумчиво сказал Луций. – Полагаю, держава Тиграна внутренне непрочна. Власть армянского царя над покоренными народами опирается лишь на силу оружия.

В зал вошли рабы, разнося кубки с вином и фрукты. Гости с удовольствием лакомились.

Глабрион, закусывая, поморщился:

– Этот хитрый лис Митридат выдал свою дочь Клеопатру Понтийскую за Тиграна.

Все понимали: хоть Митридат и ослаблен, но союз двух

царей очень опасен для Рима, и ввязываться сейчас в войну с Арменией – авантюра. Взять хотя бы то, как Тигран разделался с Парфией.

Габиний решил разрядить обстановку:

– Армения контролирует и охраняет большинство торговых путей из Индии и Китая в Рим, кроме того, Тигран сдерживает варварскую Парфию. Мы же не хотим, чтобы полчища парфян, этих дикарей, хлынули на запад? Так что Тигран делает доброе дело.

Агенобарб холодно произнес:

– Я выскажу свою точку зрения. Пора вмешаться в азиатские дела, время господства Рима на огромном полуострове Малая Азия пришло, и мы не желаем более терпеть там никакого соперника.

Все от неожиданности замерли. Однако Манилий поддержал Луция:

– Усиление Армении противоречит интересам Римской республики.

Каждому в этой комнате было ясно: Армения стремится к власти над всем Востоком, а это обширная территории: Малая Азия, Южный Кавказ, Армянское и Иранское нагорья, Месопотамия, Аравийский полуостров. Рим пока не готов к завоеванию Армении и придерживался стратегии равновесия сил, не позволяя усилиться ни одному династу.

– На все воля богов, – проронил Глабрион.

– В Риме давно никто не верит, что от богов что-то зави-

сит, – пошутил Габиний.

Луций отстаивал свою точку зрения:

– Тигран слишком богат, чтобы его не рассматривать как потенциального врага. Митридат разбит, и, если раньше нельзя было одолеть союз двух царей, теперь армянский царь в одиночестве.

– Тигран ищет связей с Римом, – осторожно сообщил Марций, – его послы и сейчас здесь, в городе. Они, не жалея золото, подкупают сенаторов, трибунов и консулов, предлагают выгодную торговлю: лучшие в мире лошади, медь высокого качества, зерно, абрикосы, вино и многое другое...

– Я бы не стал занижать возможности Тиграна, – подал голос Глабрион.

Глабрион знал, о чем говорил. Армянский царь представлял большую опасность, так как имел боеспособную армию. Претору не давала покоя одна давняя история, рассказанная ему отцом. Ганнибал из Карфагена, безжалостный враг Рима, потерпев поражение от великого Сципиона и будучи в изгнании, нанялся к армянскому царю Арташесу I, чтобы возглавить его армию и снова пойти на Рим. Опасность для римлян была нешуточная. Арташес мудро решил не портить отношения с Римом и попросил Ганнибала заняться другим делом – подобрать место для новой столицы его царства и сделать проект крепости. Когда возвели Арташат, город стал богатейшим в Азии и получил прозвание азиатский Карфаген.

– Риму не нужна конкуренция ни со стороны Арташата, ни со стороны Тигранакерта! – решительно сказал Манилий.

Габиний встал и изобразил позу легендарного сенатора Катона Цензора и, копируя его, горделиво вскинул голову и театрально провозгласил:

– Карфаген должен быть разрушен!

Все посмеялись. Луций, прохаживаясь по комнате, размышлял:

– Итак, мы не можем закрывать глаза на усиление Тиграна Армянского. Он создал слишком большую армию из армян, наемников и воинов из числа покоренных народов. Армения как заноза в пальце! Конечно, сейчас не время входить в прямое столкновение, но готовиться нужно.

– Мы не можем думать о новых восточных походах, – изрек Марций, – у сената связаны руки.

– Выработаем план действий, – сухо объявил Луций Агенобарб. – Конечно, боги не разрешают нам вмешиваться в династические основы власти, в том числе и в вопросах наследования трона, но выход есть: младший сын царя Великой Армении, по нашим данным, настроен проримски и жаждет власти. Надо помочь ему устранить отца, а царь Парфии Фраат III поддержит нас.

– Лукулл сообщал, что есть человек, один из приближенных Тиграна, готовый сотрудничать, – вкрадчиво произнес Марций.

– Лукуллу нужно с ним встретиться, – резонно заметил

Луций.

А Габиний уже прикидывал план действий:

– Сначала начнем словесную кампанию против влияния Великой Армении в соседних землях, затем под предлогом защиты слабых от порабощения вмешаемся в дела Тиграна, потом и сенат не сможет промолчать.

Агенобарб торжественно провозгласил:

– Здесь собрались мои доверенные лица, которым предстоит вершить историю в Азии! Обстановка сложная: в Этрурии постепенно завершается разгром остатков войск Спартака, консулы, увы, ограничили власть сената, шпионы Митридата и Тиграна рыщут по Риму, донося царям о наших планах...

Посмотрев в упор на трибуна Манилия и видя в нем удобное орудие для воплощения своих целей, Луций громко сказал:

– В сложившихся условиях армию на Востоке должен возглавлять более решительный человек, чем Лукулл. У тебя, Манилий, есть право созывать народное собрание и право законодательной инициативы. Воспользуйся своими правами! Решение собрания – закон, обязательный даже для сената.

Затем Луций обратился к претору Глабриону:

– Сенату следует назначить тебя, Маний Ацилий Глабрион, командующим в войне против Митридата, для этого мы проведем тебя в консулы, и ты получишь эту войну.

Потом Луций подошел к претору Марцию:

– Мы также готовимся провести в консулы и тебя, Квинт Марций, чтобы ты стал проконсулом Киликии.

Повернувшись к военному трибуну Габинию, он твердо произнес:

– Авл Габиний, тебе предстоит стать народным трибуном! Надеюсь, тебя заинтересовала Азия? Проведешь через собрание ряд законов, а потом получишь одну из азиатских провинций, например Сирию.

Габиния можно было не убеждать. Как большая белая акула чувствует запах крови, так и он почувствовал запах золота, а потому провозгласил:

– Я верю, что Римская республика – самая богатое и могучее государство мира! Наш патриотический долг – одолеть противника и славить римских воинов, всегда проявляющих незаурядные героизм и мужество!

Марций его поддержал:

– Наши ценности мы будем распространять по всему миру!

– В Армении нужно действовать решительно! – твердо сказал Глабрион.

– Манилий! – вновь обратился Луций к трибуну. – Ты избранник народа, блюститель его интересов, охранитель его прав и достоинства. Займи позицию по Армении! Сенат заинтересован в том, чтобы заранее узнать твое отношение к войне на Востоке.

Габиний заявил:

– Сенат самоустранился от решения армянского вопроса, власть трибуна – гарантия замены неэффективного главнокомандующего в Азии!

Уже прощаясь, когда все стали расходиться, Луций сказал Манилию:

– Народный трибун, твое место среди сторонников Помпея. Я устрою тебе встречу с ним, а также с очень влиятельными людьми Рима – Цезарем и Цицероном.

Глава 8. Нокаутирующий апперкот

Первые лучи солнца нового дня, осветив Тигранакерт, заиграли на золотых украшениях фриза дворца. Артавазд с двумя товарищами направлялся на тренировку в гимнастический зал, построенный наподобие греческого гимнасия. Здание с портиками и обустроенными помещениями для школы, бани и раздевалок имело во внутреннем дворе площадку для физических упражнений на открытом воздухе. Здесь уже упражнялись воины-греки. Не найдя себе применения ни в земледелии, ни в ремесле, они с удовольствием шли наемниками в армию армянского царя, хорошо платившего и дававшего возможность неплохо обогатиться в ходе удачных военных походов. Подойдя к висящей груше – мешку из кожи, наполненном финиковыми косточками, – Артавазд с друзьями стал отрабатывать кулачный бой. Мешок держал Георг, а сын царя наносил удары по груше голыми кулаками. Из глубины зала послышался смех, а потом возглас:

– Ты бьешь как девчонка!

Артавазд обернулся. На него смотрел, оскалившись, грек Пиррос, наемник, задира и скандалист.

– Царевич! Боец из тебя дрянь, ты не сможешь одолеть даже блохи, – Пиррос явно злил Артавазда.

Георг, видя, что назревает драка, посоветовал Артавазду:

– Не обращай внимания. Лучший способ мучить своих врагов – быть всегда в хорошем настроении.

Но Пиррос, подойдя ближе, нагло заявил:

– Если ты не трус, сразись со мной, иначе все узнают, как бесславно и постыдно ты бежал из гимнасия.

Артавазд ответил, перефразировав слова Александра Македонского:

– Я готов посостязаться, если моим соперником будет царица.

– Ну, конечно, тебе подавай удобных соперников, ты же вырос как неженка. Нет ничего более рабского, чем роскошь и нега!

– Ты просто хвастун. И чтобы со своими дружками запомнил меня надолго, я преподам урок, – жестко сказал Артавазд.

– Не восхваляй себя, пока не отведал моих кулаков, – засмеялся Пиррос.

Соперники вышли на середину площадки для упражнений, встали в стойку. Первым удар в область головы нанес Пиррос. Неписанные правила кулачного боя не бить по лицу и в голову сегодня были забыты. Артавазд успешно уклонился и двинул кулаком в грудь соперника. Почувствовав сильный удар, Пиррос перестал улыбаться и отпрянул. Товарищи царицы ободряюще закричали, а воины-греки застонали.

Кулачный бой продолжился. Противники наносили друг другу удары в голову, грудь, живот... Заражаясь злостью,

Артавазд беспристрастно оценивал противника: «Не преувеличивай его превосходство, выяви слабые стороны». Царевич бил метко, двигался проворно, уходил от таранных ударов, делал нырки и уклоны, но его противник, груда мышц, как боевой механизм, яростно наносил сокрушительные удары не только руками, но и ногами. Вдруг грек, поставив подножку, что запрещалось правилами, размашисто ударил Артавазда в плечо, тот упал.

– Вставай, лежачего не бьют! – орал Пиррос.

Царевич поднялся и встал в стойку. В зале появился Тигран Младший (пришел с друзьями потренироваться), и стал наблюдать за боем.

Пиррос победно кричал:

– Пока царь мне платит, я буду верным псом войны и готов продать ему свою преданность, если, конечно, сочту, что риск того стоит!

Артавазд замер, чтобы собраться с силами и отдышаться, а Пиррос уже перешел в атаку. Его кулак резко придвинулся к левому глазу царевича. Реакция Артавазда была молниеносной. Воспользовавшись зевком Пирроса (не закрыл голову), сын царя нанес ему удар в подбородок снизу. Получив апперкот, соперник отлетел и, свалившись без чувств, какое-то время не приходил в себя.

Артавазд, бросив взгляд на притихших друзей Пирроса, сказал Георгу:

– Наглые люди скорее бездарны, чем талантливы. Ко-

гда нечем похвастаться, они выставляют напоказ напускную храбрость.

Георг улыбнулся:

– Хвастун получил по заслугам.

– Пошли, Георг! Мне нужно присутствовать на малом совете отца.

Они поспешили в дворец. Ушел и Тигран Младший.

Возмутителя спокойствия, лазавшего по стенам, так и не нашли. Жизнь в дворце армянского царя вошла в привычный ритм. Тиграна II по-прежнему волновали вечные темы: его деяния на весах истории, его бессмертие в памяти потомков, его престолонаследник. Сопровождаемый Меружаном, он проследовал в зал заседаний малого совета. В большой комнате с зелеными колоннами и желтыми капителями, напоминающими нераспустившиеся бутоны цветков, царя ожидали сыновья, а также Гнуни, Васак и секретарь. Раньше в малый совет входила жена царя Клеопатра Понтийская, но теперь она отлучена от двора и проживала в крепости Сафа далеко от столицы.

– Секретарь мне сообщил, – сказал Тигран, садясь во главе стола в отделанное золотом и слоновой костью резное кресло, – сегодня очень насыщенный день, так что начнем.

Все поклонились, сели. Поднялся Гнуни:

– Государь, все губернаторы областей обеспечили исправное поступление налогов в царскую казну, за исключением

области Парскахайк. Генерал-губернатор бдешх Зарех второй год подряд не справляется с заданием.

Бдешх Зарех, возглавлявший пограничную область, по мнению царя, не совсем понимал, что налоги – бремя тяжелое, но необходимое. Не будет налогов, нельзя содержать армию, страна станет зависимым государством. То же самое касалось и некоторых богатых армян, жаловавшихся в последнее время на тяжесть налогов, мол, для них платеж непомерный. Но большинство считало, что ничего не поделаешь, государственные расходы большие, кроме того, для крупных рабовладельцев государство – надежная защита от восстаний рабов.

Тигран обратился к финансисту:

– Передай Зареху: смерть и налоги – дело неизбежное!

– Да, мой государь! – Гнуни продолжал: – Содержание двора, государственного аппарата и армии увеличилось, но казна справляется, также своевременно направляются средства на строительство еще двух твоих столиц.

Тигран одобрительно кивнул. Гнуни продолжил:

– Государь, к следующему заседанию совета я подготовлю доклад о доходах от торговли и пошлин.

Финансист сел, а Тигран посмотрел на Васака. Тот встал и доложил:

– Поступили разведывательные данные из Парфии. Там взяли на вооружение новое секретное оружие – катафракты.

– Что это? – спросил Тигран.

– Тяжелый всадник с огромным копьём контос. И конь, и всадник покрыты пластинчатыми доспехами, их еще называют «панцирь».

– Интересно, – сказал царь. – Если парфяне разработают специальную тактику применения этого оружия, они смогут противостоять римскому легиону.

– Да, мой царь! Агент также сообщает, что копья могут крепиться к конской броне, а всадник при этом рубит мечом.

Тигран приказал:

– Секретарь, запиши: данные по катафракте передать главнокомандующему Мамиконяну для изучения и внедрения. Что еще?

– Государь! – встал Артавазд. – У римлян сейчас профессиональная армия, укомплектованная гражданами Рима. Подразделения из неграждан – на второстепенных ролях.

Быстро поднялся Тигран Младший:

– Государь, ты перенял у эллинов систему комплектования армии на основе наемничества. Здесь, в городе, мы сохраним иностранных наемных воинов не менее пятисот человек. Это очень много.

Тигран раздраженно бросил:

– Ты считаешь, что я должен иметь гражданское ополчение?

Артавазд напомнил:

– Я учусь военному искусству и кое-что знаю. Армия Александра Македонского разбила более мощную армию ца-

ря Персии Дария, потому что Александр набрал армию из жителей своего царства, а у Дария были иностранные наемники.

Тигран Младший затараторил:

– Профессионал-наемник может хорошо хвастать, но не будет рисковать своей жизнью в случае опасности! У греков раздутое самомнение.

– И что же вы оба предлагаете? – царю не понравился разговор.

Артавазд сказал:

– Иноземцы должны служить только во вспомогательных войсках, их вооружать нельзя.

Оба брата сели. Царь задумался. Он никогда напрямую не сталкивался с римскими легионами, лишь недавно приступил изучать тонкости их тактики ведения боя. Греки же с ними воевали не раз. Возможно, в каких-то вопросах владыка делает ошибки, но пока наемники-греки во всех походах показали себя хорошо. В бою они проявляют твердость, и ничем не хуже воинов-армян. И потом – они еще не забыли, что римляне лишили их родину Грецию государственности. Вслух царь сказал:

– Мы будем совершенствовать свою армию, большие дела сразу не делаются. – Посмотрев на синяк под глазом Артавазда, изрек: – Если тебя побил грек, это не значит, что греки плохие бойцы.

Артавазд поднялся:

– Не помню, чтобы меня побили.

Никак не отреагировав на реплику, царь произнес:

– Все свободны, Васак останься!

Поклонившись, приближенные вышли, а Тигран и Васак, прохаживаясь по залу, завели щекотливый разговор.

– Мое царство огромно, от моря и до моря, – говорил Тигран. – Великая Армения в расцвете своего могущества. Сегодня три державы диктуют миру свою волю: Рим, Великая Армения и Парфия.

– Это так, государь, – подтвердил Васак.

Царь нимало обеспокоился усилением сверхдержав. Назревает новый раздел территории Малой Азии и Месопотамии. Опасность идет и с запада, из Рима, и с востока, из Парфянского царства. Два этих государства хотят увеличить свои владения. Готова ли Армения бросить вызов Риму и Парфии? Он, правитель, создал державу, где есть и военная сила, и экономическое процветание, и человеческие ресурсы. Сила – это хорошо, но любая держава не может долго существовать без мудрой системы наследования верховной власти. Следует принять решение, кто наследует Тиграну. В случае кончины царя и при отсутствии особых оговорок о престолонаследии, действует «аваг сепух», то есть автоматическое наследование престола отца старшим сыном. Тигран, стараясь быть справедливым к своим сыновьям, одинаково нейтрально относился к обоим, хотя они и ждали от него хвалу и порицание.

– Выбор престолонаследника нужно делать, – сказал монарх.

– Твое решение всегда продиктовано мудростью богов, оно закон для меня, и будет исполнено незамедлительно.

– Опасна опрометчивость, Васак.

У царя два сына. Вопрос о наследнике важнейший. Они оба талантливые, целеустремленные и преданные. Но кому отдать предпочтение? Артавазд – могучий воин, но жесток и непредсказуем. Его удел – война, сражения, походы. Прекрасный полководец, бесспорно, и ненавидит Рим. Жестокость – главнейшее качество царя, а сила решает все. Однако, старший сын мало интересуется делами управления огромным государством, не вникает в вопросы товарного производства, не хочет изучать законы торговли. Страна с таким правителем пропадет. Правда, он любит театр, даже пытается писать трагедии на греческом языке и хочет поставить трагедию Еврипида «Вакханки». Тигран с тревогой смотрел на Васака и думал: «Как же Артавазд постигнет тайны удержания державы в своих руках? Да, у него нет склонности к точным наукам, но мыслит он здраво и его цель – воссоединение армянских земель».

Тигран Младший во время учебы показал высокую одаренность, превзойдя остальных в изучении экономики, греческой письменности, культуры и религии. Он умен и особенно любит точные науки, знает, как управлять государством, у него благородные наклонности: учит языки, фило-

софствует, спорит со схоластами. Но он высокомерен и самонадеян, дерзок, хитер и изворотлив, никому не прощает обид, первым лезет в драку. А еще вспыльчив и задирист. Тигран подумал: «Обиды нельзя прощать, а вот быть заносчивым – это недалековидное поведение. Такие люди легко подвластны чужому влиянию».

Царь в упор посмотрел на министра:

– И кого же ты рекомендуешь мне в приемники?

Этот взгляд всегда пугал Васака. Казалось, государь читал его мысли. Боясь выдать себя, министр быстро произнес нейтральную фразу:

– Чтобы твоя держава после тебя не раскололась, я готовлю к царствованию обоих.

Тигран отвернулся, потом вышел на террасу. Глядя на плодородную долину, простирающуюся внизу, с полосками обработанной земли, садами и пастбищами, он уверенно произнес:

– Конечно, чтобы удержать созданное мной, нужны и ум, и сила. Ум нужен хотя бы для того, чтобы не скатиться обратно к варварству, а сила нужна, чтобы править миром. Так кто?

Васак опустил глаза:

– Великий царь, не я, а боги советуют тебе. Мой удел очень скромн.

– Ошибка в таком деле, как наследование, может дорого обойтись царству. Мы не вправе сделать ошибку.

Затаенные мысли вновь терзали Тиграна: «Я должен быть

уверен, что моя держава будет процветать, но мир таков, что владыка становится тираном: кругом плетутся заговоры, ко мне подсылают убийц. Как совместить жестокость со справедливостью? Не знаю».

Вслух же он сказал:

– Мне предстоит еще много сделать, умирать рано. Не ведаю, сколько времени отпущено мне богами, но хочу обеспечить своему народу право на вечную жизнь.

– Я твой верный слуга! – выпалил объятый страхом министр.

– Васак, твоя задача подготовить сыновей к царствованию.

– Да, мой царь! Разреши один вопрос. Рим предлагает тебе согласовать кандидатуру на престол Галатии, подконтрольной сенату. Вместо тетрархии – четырех равноправных властителей – они рекомендуют одобрить на трон лишь одного Дейотара.

– Ну что ж, я не против. Поручаю тебе провести переговоры. Поторгуйся. Как опытный дипломат, уверен, ты достойно будешь отстаивать мои интересы.

Наступил вечер, на город опустилась тишина, жара спала. Царь Тигран II в тронном зале восседал на золотом троне, украшенном фигурами фантастических животных – крылатых быков и львов с человеческими лицами. Изображения фантастических существ, по поверьям, должны обере-

гать царя от воздействия злых духов, сглаза и порчи темной энергией. Окруженный свитой приближенных, царь давал аудиенцию подданным. Рядом с тронном слева, скрестив руки на груди, стояли его сыновья, справа – цари Коммагены и Софены, вокруг расположилась верхушка армянского общества, военная и служилая знать, в том числе губернаторы областей. Ниже подиума, на котором находились государь и свита, восседали писцы из канцелярии, документирующие все сказанное.

Тронный зал многолюден и роскошен. Как и все дворцовые постройки, убранство этого зала провозглашало верховную власть царя, повелевающего огромной державой. Всякий входивший сюда переживал потрясение: подавляли торжественность, монументальность и грандиозность величия. Серые базальтовые стены, колонны цвета терракоты, капители в виде парных морд быков, развешенные бронзовые щиты и стяги, кованые канделябры и мраморные статуи – все это великолепии подсвечивалось сквозь оконца в потолке золотыми лучами заходящего солнца.

Царь благосклонно выслушивал жалобы и просьбы народа. В зал вошли очередные просители из гавара (уезда) Ротпациан, что в ашхаре (области) Утик. Они пали ниц, им разрешили встать и говорить с монархом. Вперед вышел самый старший из них.

– О великий царь, я Ованес из рода Каганкатваци. Ты отменил льготы для нашей общины. В горных районах земле-

делие – рискованное занятие. Была небывалая буря, посевы уничтожены, мы понесли большие убытки и не можем поставить требуемые объемы ячменя, пшеницы и масла. А наш губернатор бдешх Халхал требует дать все. Просим помощи.

– Я велю бдешху Халхалу и моему казначею рассмотреть этот вопрос. Помощь будет оказана. Идите.

Следующая делегация говорила об уничтожении скота и что люди изнурены болезнями. Все случаи происходили в районе горы Арарат. Тигран задумался: «Какие силы наносят такой масштабный урон?» Царедворцы тревожно шептались.

Вслед за представителями провинции в зал вошли пятеро аристократов из знатных родов государства. Вперед вышел Аравелян, старейшина рода, предки которого были возведены в дворянское сословие специальным указом царя Арташеса I за заслуги перед двором.

– Государь, – начал он, – Мы, представители знатных родов Великой Армении, всегда поддерживаем тебя в любых начинаниях и не только платим налоги, но и добровольно даем золото и серебро на украшение твоей новой столицы.

– Так в чем же дело?

Оказалось, все дело в том, что царь увеличил для крупных землевладельцев повинности и рекрутские наборы в армию, из-за чего знать терпит убытки. Не нравилось аристократам и то, что мелких землевладельцев и армян-ремесленников Тигран вообще освободил от податей. Доводы об

огромных размерах государственного строительства, растущих военных расходах и повышении боеспособности армии, на богатеев не действовали. Они твердили одно: дань, которую с них взимают, тяжелая, доходы падают. Последний указ их особенно разозлил: государь запретил долговую кабалу крестьян, не возвративших долги.

Царь изрек:

– Из-за вашего непомерного обогащения значительная часть свободных крестьян разорилась.

– Государь, ты провел налоговую реформу, и теперь денежные налоги зависят от размера территории, плодородности земли и количества крестьян. Эта реформа опять привела к снижению наших доходов. Налоги нас просто разоряют!

Тигран стал сердиться:

– Я должен быть справедливым и поддерживать вечный порядок вещей!

– Вот римская знать, – не обращая на сердитый тон царя старый аристократ продолжал, – выкачивает из всего мира огромные богатства, а нам ты запретил заниматься поборами и ростовщичеством в завоеванных странах.

Царь гневно посмотрел на Аравеляна:

– Рим рассматривает покоренные земли лишь как объект безудержного грабежа. Нам это не подходит!

Аравелян решил высказаться до конца:

– Мы не проявляем враждебность к твоим порядкам, но, отдавая две трети своих доходов в царскую казну, многие из

нас на грани разорения. Мы всего лишь просим тебя уменьшить бремя, наложенное на нас. Как в Риме...

Тигран встал. Произвол римских наместников, злоупотребления чиновников, хищничество публиканов были хорошо известны. Даже если те царства, которые Рим делал своими союзниками, поднимались в развитии, все равно римские порядки вызывали сильнейшую ненависть у населения. Царь Армении не раз говорил, что это не наш путь. Его управление имеет одну цель – всех привести к благоденствию.

Аудиенция закончена. Просители, понимая, что диалог продолжаться не может, поклонились и вышли.

Приближенным царь сказал:

– Меня беспокоит усиление знати здесь, в Тигранакерте, и ее проримские настроения. Полагаю, нужно выкорчевать у аристократов подобные мысли.

Глава 9. Сонное царство Каппадокия

В сердце Малой Азии расположилось царство Каппадокия. Оно как пограничная полоса: на западе римские владения, на востоке Великая Армения. Царем Каппадокии был Ариобарзан I Филороман, ставленник Рима. Прозвище Филороман дал ему народ, и означало оно узкую привязанность монарха ко всему римскому, но знающие люди говорили, что римляне раскатали этого полного человека до тонкого и прозрачного послушания, словно пресное тесто фило для пахлавы. Ариобарзан при первой же опасности сбегал в Рим, где его снова уговаривали вернуться в Каппадокию и править, а сенат даже принимал специальное постановление, в котором указывалось, что Ариобарзан имеет более других право на власть в царстве. Конечно, Рим заботила не личность царя Каппадокии, хотя закон требовал, чтобы зависимые царства управлялись наследными династиями, а стабильность восточных границ и подконтрольность монарха.

Дважды в страну вторгнулся армянский царь Тигран II, за спиной которого маячил Митридат VI, желавший посадить на трон Каппадокии своего сына Ариарта, но оба раза римские войска входили в Каппадокию, а армянский царь уходил.

Ариобарзан обедал, когда ему донесли, что к столице царства Мазаке идет римский отряд во главе с наместником Рима проконсулом Лукуллом. Трусливая душа Ариобарзана ушла в пятки, кусок дичи застрял в горле, а жирные пальцы застыли в немом оцепенении. Жить спокойно не получалось. Придя в себя, он весь сжался, волна испуга пробежала по всему телу, а в округлившись глазах появился немой вопрос: «Меня хотят сместить?»

Его главный советник Аретий, мудрый старик, зная трусливую натуру своего царя, произнес:

– Мой государь, я не думаю, что возникла опасность, хотя внезапный приезд наместника необъясним... Правда, ты не выполнил его дополнительные требования по провианту и рекрутам. Но думаю, он просто хочет попугать.

Орлиный нос Ариобарзана почуял опасность, а значит, нужно что-то предпринять. Выскочив из-за стола, он бросился к статуе бога Митры в виде прекрасного, как Аполлон, юноши в развевающемся плаще, фригийской шапке и ореоле лучей вокруг головы. Спрятавшись за скульптурой, царь затаился, однако тучное тело, выпирающее с обеих сторон тощей статуи, выдавало убежище монарха. Придворные смотрели в его сторону озадаченными взглядами и пожимали плечами.

Царь выглянул:

– Что делать?

Со словами «меня нет!» он семенящим бегом принялся

носиться взад-вперед, видимо, соображая на ходу, какая кара ждет его на это раз, потом, остановившись у своего главного советника, вонзил в него вопрошающий взгляд. Тот произнес:

– Есть такой прием – быть прозрачным и незаметным для других людей.

– Это как?

– Достаточно закрыть глаза или накрыться чем не будь.

Ариобарзан быстро подбежал к своему первому министру, резким движением сдернул с него манишку и, убежав в дальний угол, сел на стул и накрылся тряпкой.

Возвестили о прибытии наместника. Советник Аретий приблизился к Ариобарзану:

– Государь, тебя зовут государственные дела.

Царь стянул тряпку с одного глаза и посмотрел на царедворца:

– Надо идти?

– Да!

Тяжело встав, он поплелся в тронный зал, как на плаху.

Когда правитель и его свита заняли места в великолепном тронном зале, где колонны и стены были украшены необыкновенно белым мрамором, причем разработки этого мрамора велись только в Каппадокии, и римляне закупали его в огромных количествах для своих вилл, в зал вошел наместник Рима в провинции Азия проконсул Лициний Лукулл. Ариобарзан поднялся с трона и с видом приговоренного к

казни двинулся ему навстречу. Сделав несколько шагов, он остановился, ожидая своей участи. Лукулл тоже остановился и торжественно произнес:

– Великий царь, Рим приветствует тебя!

При этих словах лицо Ариобарзана преобразилось, царь стал соображать живее, а увидев, что Лукулл еще и поклонился, самообладание окончательно вернулось к монарху. Немного заикаясь, он произнес:

– П-приветствую тебя, император! Ты давно не посещал мой дворец. Для меня честь принимать такого важного гостя.

Лукулл добродушно пошутил:

– Жаль, что много времени уходит на срочные дела, а на важные, как эта встреча, совсем не остается. Я бы хотел переговорить с тобой наедине.

Царь указал куда идти, и они перешли в диванную. Усевшись поудобнее напротив друг друга и обложившись подушками, они начали разговор.

Лукулл жестко отрезал:

– Ты не поставил тысячу рекрутов для службы во вспомогательных войсках.

– О император, набор рекрутов продолжается, но есть трудности. Ты же знаешь, что армянский царь, напав на мое бедное царство, увел почти всех трудоспособных мужчин и скот в свои земли.

– Да, знаю, и он за это ответит. Но во время войны ничто

не снимает с тебя ответственности за своевременные поставки рекрутов. Я не люблю, когда меня дурачат.

– Император, не пройдет и десяти дней, как я все исправлю! – скороговоркой выпалил Ариобарзан.

– Хорошо, – Лукулл высокомерно смотрел на него.

Рим не требовал от дружественных царей уплаты налогов или дани, не вмешивался во внутренние дела этих государств, но интересы Рима должны соблюдаться превыше всего. Шла война, и царь обязан помогать Риму всеми своими ресурсами и, в первую очередь, предоставлять войска в распоряжение наместника.

Подали вино, фрукты и сладости.

Ариобарзан, получив от Рима зримые символы верховной власти – золотую корону со скипетром из слоновой кости, курульное кресло и почетное одеяние высших римских магистратов, – помнил, что власть, данная Римом, может быть и отобрана. Для ее сохранения он готов был из кожи лезть, понимая, что патрон ждет ответных благодеяний.

– Я обратил внимание, – отпивая вина из кубка, сказал Лукулл, – твоя столица Мазака совершенно лишена воды, земля бесплодна и не обработана.

– Мое царство бедное, воды мало.

– Обложи свой народ новыми налогами или возьми нужную сумму у меня в долг под двенадцать процентов годовых.

Двенадцать процентов годовых – высшая норма процентов, признаваемая римскими законами.

Лукулл иронично усмехнулся:

– Все равно ты взыщешь эти деньги со своих подданных.

– Ты предлагаешь мне грабительские проценты! У меня нет столько денег, чтобы брать кредиты. Я умру прежде, чем расплачусь.

– Тогда я конфискую пустующие земли, принадлежащие тебе лично, и пушу их в оборот.

– О великая мать Кибела! – взмолился Ариобарзан. – Когда хочешь наказать, ты всякий раз испытываешь мою честность, неподкупность и воздержание!

Греческую богиню материнской силы и плодородия Кибелу очень чтили римляне. Однажды бессрочный диктатор Рима Сулла, изобретатель репрессий, захвативший власть якобы до тех пор, пока Рим, Италия и вся держава, потрясенные междоусобными распрями, не укрепятся, рассказывал сторонникам сон. Ему приснилось, будто богиня, представ перед ним, протянула молнию и повелела поразить врагов. Ариобарзан, в надежде, что богиня Кибела и ему ниспошлет удачу, обещал подумать о займе, впрочем, понимая: Каппадокия находится на задворках Римской державы и слабо поддается влиянию романизации, поэтому его удача – это Лукулл, и то когда у того хорошее настроение. Поэтому царь никогда не скупился на дорогие подарки.

Трусливый монарх похвастался:

– В твою честь, император, и в благодарность за наставления, я воздвигну в Мазаке храм, и обязательно установлю в

нем твою статую в полный рост.

– Не забудь послать в сенат благодарственный адрес, – ухмыльнулся Лукулл. Вдруг став серьезнее, затронул щекотливую тему: – Вскоре мне потребуется плацдарм для римского наступления на твоих непокоренных соседей. Подготовь две тысячи рекрутов, тысячу лошадей и провиант на легион!

Царь тяжело вздохнул:

– Участь моя печальная, но не безнадежная. Как человек добродетельный, я смиряюсь, – монарх поднес ладонь к сердцу и чуть поклонился.

Теперь Лукулл увел разговор в другое русло. Ариобарзану Рим давно поручил чеканить серебряную монету, благо в его царстве имелись залежи серебряной руды. Царь изготавливал самые красивые монеты в Европе, что приносило ему немалый доход, кроме основного источника существования – работоторговли.

– Я хочу, – многозначительно произнес Лукулл, – чтобы ты организовал чеканку золотых монет лично для меня. В ближайшем будущем начнутся поставки золота в больших количествах. Договорились?

Ариобарзан всегда проводил выжидательную политику, но на этот раз сообразил быстро:

– Я возьму заем под шесть процентов годовых.

– Договорились!

Разговор закончился, наместника препроводили в отведенные ему покои, огромную охрану Лукулла разместили во

дворце и в соседних зданиях, а царь Ариобарзан, вдохновленный и успокоившийся, поспешил к трапезе. Вдруг доложили, что со стороны Армении движется отряд, видный уже из окон дворца. Первое, что пришло в голову Ариобарзану, – армяне решили взять его в плен и надо срочно прятаться! Он заметался по залам, укрывался за статуями, садился в кресла, набрасывал на голову тряпки, даже заглянул в сундук. Не разбирая дороги, он налетел на постамент со старинной коринфской вазой, и та начала падать, а Ариобарзан, пытаясь ее поймать, проделал головокружительный пируэт, но у него ничего не вышло – ваза упала и, наделав много шума, разбилась вдребезги. В конце концов царь спрятался за персидским ковром неземной красоты.

– Государь, – ласково позвал Аретий, как всегда спешивший на помощь своему повелителю, – отряд армян состоит всего из десяти человек.

Ариобарзан выглянул из-за ковра. Стрельнув глазками налево-направо, спросил:

– Что им нужно?

– Не знаю, наверное, едут на переговоры. Тебе следует принять их, как подобает правителю. Бояться нечего – во дворце двести римских легионеров.

Осмелев, Ариобарзан вышел из убежища, важно проследовал в зал и уселся на трон. Вскоре известили, что министр Великой Армении Васак просит аудиенции.

Васак вошел в тронный зал, за ним внесли сундук с по-

дарками. Министр с почтением поклонился:

– Царь Каппадокии, я министр Великой Армении Васак! Царь царей Тигран II передает пожелания процветания тебе и твоей стране!

– Приветствую тебя, Васак, и благодарю царя царей Тиграна II за добрые пожелания.

– Мой царь хочет и дальше поддерживать мир и покой на границах наших государств. Прими эти подарки в знак уважения и примирения.

Сундук открыли. Засверкали сделанные руками талантливых армянских мастеров золотые и серебряные кувшины, кубки, чаши и ювелирные изделия. Глаза царя забегали, жадность преодолела страх, алчное сердце не могло насытиться.

– Ваши ювелиры славятся усидчивостью и мастерством. Эти изделия поражают воображение, – только и сказал монарх. – С благодарностью подарки принимаю.

В проеме двери появился Лукулл.

– Государь, – сказал он, – нам с тобой нужно кое-что обсудить с министром.

Все трое прошли в диванную, расселись. Лукулл поинтересовался, какая позиция царя Тиграна по Галатии, и получил сдержанный ответ. У Великой Армении в Галатии имеется интерес. Кельты добывают тяжелый шпат, которого нет в Армении, и поставляют в Египет. Армения также хотела бы закупать его в больших количествах. Из этого минерала делают эмаль, нужную ювелирам. Проблема тут же разреши-

лась. По словам Васака, в таком случае, царь Тигран не видит препятствий, чтобы Дейотар занял трон Галатии.

После вкусного обеда Лукулл пригласил Васака прогуляться в саду. Они шли по ухоженным дорожкам, а на почтительном расстоянии их сопровождала охрана из легионеров.

– Меня просили влиятельные люди в Риме встретиться с тобой, – произнес римлянин.

– Слушаю тебя, проконсул, – слегка поклонившись, сказал Васак.

Наместник римской провинции Азия и главнокомандующий войсками Лукулл контролировал всю политическую ситуацию на полуострове Малая Азия. Он часто посещал союзные царства и, как арбитр, регулировал непростые взаимоотношения между династиями. Но царь Тигран его беспокоил. Об этом он откровенно говорил. На его взгляд, царь проводит в регионе слишком независимую политику, не считаясь с интересами Рима. Отношения республики с Великой Арменией серьезно испортила поддержка Тиграном Митридата VI. Тигран рискует также испортить отношения с собственной знатью, слишком прагматичной, чтобы рвать связи с Римом. И вообще, в перспективе партнерство с этим царством проконсул видел проблематичным. Как известно, армянский вопрос – одна из самых сложных проблем внешней политики Рима в течение последних ста лет.

Васак осторожно высказался:

– Тиграну не нравится, что вы всех поучаете.

– Васак, ты умный человек, и понимаешь, что Рим не прощает никому и прощает всем одинаково жестко!

Васак пристально взглянул на военачальника:

– Тигран говорит, что Армения – противовес растущему влиянию Рима.

Проконсул остановился и грозно произнес:

– Рим – центр мироздания! Боги дали нам право повелевать народами. Рим настолько силен, что перед ним не устоять ни одному государству. Я надеюсь на твое благоразумие. Сотрудничая с нами, ты получишь царство. Будешь править от имени Тиграна Младшего, так как мы не можем нарушать династические законы, но ты, как друг Рима, будешь иметь небывалые полномочия, а если захочешь, то и римское гражданство.

– Что я должен делать?

– Устранить Тиграна и привести к власти его младшего сына. А если не получится, то способствовать продвижению римских войск в глубь территории Армении.

– Но сенат не давал санкцию на войну с Великой Арменией.

– Сенат совсем потерял контроль над внешней политикой. Войны теперь ведутся по личной инициативе полководцев. Уверяю тебя, сенат молчаливо одобрит эту войну.

– Поглотив Армению, вы обязательно увязните в Азии и захлебнетесь в противостоянии с бесчисленными варварами.

– Это неважно. Армения не должна сравняться с Римом

ни по мощи, ни по влиянию. Вот главная задача!

– Тигран любит повторять, что алчность сената, диктаторские замашки полководцев и мания власти консулов приведут к краху Римскую республику, – осторожно сказал Васак.

– Рим вечен! Он выше и сильнее всех. Верь в это! Наше сотрудничество даст, я уверен, прекрасные плоды. Ну как, ты согласен?

– Да, проконсул.

Они разошлись в разные стороны.

Глава 10. Ночная охота на львов

Царской забавой в Армении считалась ночная охота на львов. Загонщики с факелами и собаками выгоняли львов из росших вдоль рек и каналов зарослей, жгли костры, шумели, не подпускали зверей ни к воде, ни к местам их обычной охоты. Голодные хищники, потревоженные в логове, лишенные возможности выслеживать добычу, свирепели и могли наброситься людей и лошадей, чтобы растерзать, и не совсем было ясно, кто на кого охотится – азартный человек на льва, подвергая себя небывалой опасности, или свирепый зверь на человека, чтобы сразиться в смертельной схватке.

Большая территория охотничьих угодий уже оцеплена отрядом охраны, но до захода солнца царь и свита оставались в специально разбитом для них лагере. Повара постарались на славу: приготовили замечательный ужин. Тигран и его гость царь иберов Артак за трапезой обсуждали важные темы.

– По моим данным, Рим присматривается к Иберии, – говорил Тигран. – Твоя земля, Артак, лежащая в Южном Кавказе, богата и красива.

– В мою страну ведут всего четыре горных прохода, – отвечал Артак. – Они защищены крепостями. Рим считает, что ему дозволено больше, чем остальным, но в отношении Иберии его желания несбыточны.

До лагеря донесся оглушительный рев голодного зверя.

– Львы близко, – сказал Тигран. – Слепая сила зверя или ум охотника: кто победит? Брат, скачем туда, откуда доносится рык! – с воодушевлением воскликнул государь.

Вскочив на лошадей, цари пришпорили их, а вся свита – сыновья Тиграна, Меружан, Гнуни и другие приближенные – с луками и стрелами в колчанах устремилась за ними в заросли. Оруженосцы с копьями и запасными лошадьми еле поспевали за монархами. Егерь – он впереди – приказал спустить собак, удерживаемых слугами на привязи.

Тигран нагонял страху:

– Артак, предстоит опасная схватка с хищником!

– В моем царстве львы не водятся, – без энтузиазма проговорил Артак.

– Лев – властитель животного мира!

Стемнело. Царь и его спутник остановились и прислушались к звукам охоты.

– Количество львов необычайно увеличилось, – сообщил Тигран. – Львы бродят в этих горах в таком количестве и так осмелели, что их жертвами стали люди.

Артак поежился. Меружан подтвердил:

– Это так, мой государь.

Царь с нетерпением ждал вестей от разведчиков, выслеживавших зверя. Наконец донесли, что хищник где-то недалеко.

Меружан предупредил:

– Похоже, это тот самый лев, взявший привычку похищать

коров и овец, пасущихся на лугах.

Злобный рык раздался совсем рядом. На мгновение в свете факелов охотники увидели силуэт царя зверей.

– Огромный, и, несомненно, не один, – сказал Тигран. – Крупные хищники живут группами.

– Этот лев чрезвычайно изобретательный и известен как людоед, – предостерег Меружан, дабы побудить людей к осторожности.

Всадники, вокруг которых суетились псы, разделились на три группы, приступив прочесывать местность в поисках зверя. Первую из групп возглавлял царь, вторую – Артавазд, третью – Тигран Младший. Огромный зверь был где-то рядом, бежать некуда, команда загонщиков беспрерывно шумела и била в барабаны, с факелами в руках гнала зверя под стрелы охотников.

Группа – Тигран, Артак, егерь и начальники охраны царей – шла по поросшему зарослями плато. Рычание льва прекратилось; охотники замедлили движение. Егерь, держа в руке факел, ехал на лошади впереди. Свет выхватывал из темноты неясные очертания деревьев, камней и темных силуэтов.

– Он где-то здесь, – полушепотом произнес начальник охоты.

Лев, оставаясь незамеченным, близко подкрался к людям. Всадники, озираясь и негромко переговариваясь, подошли к нему почти вплотную. Метнулась тень! В стремительном броске лев напал на егеря. Профессиональный охотник от

боли пронзительно закричал. Хищник вцепился ему в горло и повалил на землю. Лошадь егеря встала на дыбы, и вдруг неудержимо понесла. Нога всадника застряла в стремени. Обезумевшая лошадь волочила в темноту поверженного егеря и вцепившегося в добычу зверя. Собаки, учуяв запах льва, обратились в бегство, и только два матерых пса повисли на хищнике.

Упавший на землю факел егеря ярко освещал сцену поединка. Тигран первым выстрелил из лука. Стрела вонзилась во льва, тот, выпустив жертву, громогласно зарычал, устремив взгляд на стрелявшего. Тигран видел, как большие глаза льва загорелись, зрачки расширились, когти втянулись, и в этих глазах он прочитал смертельную ярость раненого зверя. Стрелу пустил Меружан. Снова раздался злобный рык. Окровавленный зверь с двумя стрелами в боку, сбросив собак, побежал в заросли кустарника.

Группу Тиграна обошла львица. Очевидно полагая, что самец отвлекает внимание добычи, она затаилась в высокой траве и в неожиданный для людей момент выскочила, набросилась на лошадь Меружана, крепко вцепившись ей в горло. Лошадь заржала и вместе со всадником повалилась на землю. Царские лошади испугались и понесли. Тигран уронил боевой лук, Артак чуть не слетел с лошади, Меружан, не теряя самообладания, выхватил меч и вонзил его в тело львицы. Но та все равно продолжала душить свою жертву и отпустила лишь тогда, когда силы дикого зверя иссякли. Львица

затихла.

В дубовой роще лошадь Тиграна наконец успокоилась. Нервно пофыркивая, она шла в темноте между деревьев. Светила луна, мерцали звезды, стояла тишина. Тигран, озираясь, пытался разглядеть дорогу. Треск веток заставил его остановиться на поляне. В лунном свете государь увидел раненого льва, непобежденного, гордого и могучего, с двумя стрелами в боку. Зверь стоял на краю опушки и пристально смотрел на человека. У царя внутри похолодело. Тигран никогда не был малодушным, с юных лет был приучен гордо смотреть смерти в лицо. Без спешки вынув из ножен кинжал, он приготовился к схватке.

Внезапно справа от него на поляну выехал всадник. В руках у него был лук, но стрелу он держал, не прицеливаясь. Царь узнал сына Тиграна Младшего. Два всадника стояли и сверлили друг друга глазами. Государь с кинжалом в руке холодно и бесстрастно глядел на сына, а тот, с луком на изготовку, пылающим и ненавидящим взглядом смотрел на отца, и этот взгляд мог означать что угодно. Тиграна Младшего обуял инстинктивный страх: отец читает в его глазах истинные намерения. Юноша потупил взор.

Хриплый рык раненого зверя разнесся над рощей. Лев потряс гривой, оскалил зубы, разинул пасть. Слепая ярость побуждала зверя обрушиться на того, кто причинил ему смертельные страдания. Присев на задние лапы, лев бросился на Тиграна. Его сын в противоречивых чувствах, с мыслью о

своей несчастной судьбе, поднял лук, растянул его и, коснувшись тетивой подбородка, выстрелил. В ночной тишине раздался свист летящей стрелы и глухой удар.

Стрела вошла в тело льва строго перпендикулярно, прямо в сердце. Огромный зверь упал замертво.

– Хороший выстрел! – крикнул Тигран...

Страсти охоты улеглись. В ночном лагере пылали костры, радостный гомон оглушал бивак: пьяная компания славилась Тиграна по причине удачной охоты. Слуги разносили вино и жареных куропаток, а участники забавы бахвалились подвигами и невероятной храбростью при встрече со львами. Владыка Армении приказал посвятить убитых львов верховному богу Арамазду.

Когда трапеза была в разгаре, царь подозвал Тиграна Младшего:

– Ты спас мне жизнь, но это не повлияет на мое решение о престолонаследнике. Я хочу видеть во главе государства разумного и рассудительного приемника, способного усердно и ревностно служить народу. Готов ли ты? Я жду знак.

Наутро после завтрака царский кортеж под впечатлением острых ощущений минувшей ночи двинулся обратно в столицу. Дорога пролегла мимо водопада. Кристальные струи падающей с высокой скалы воды и искрящиеся на солнце радужные брызги завораживали и околдовывали. Полюбовавшись водопадом, все, дабы взбодриться, искупались и, почувствовав прилив сил, в приподнятом настроении поехали

в дворец.

Глава 11. Армения полна чудес

В библиотеке дворца Метродор, убеленный сединами старец с окладистой бородой, греческий писатель, оратор и политик из Скепсиса, ожидал царя. Метродор вынужден был покинуть Грецию, оказавшуюся под властью Рима, став ближайшим советником армянского царя.

Вошел Тигран. Старый ученый с большим почтением поклонился и, указывая рукой на заполненные рукописями стеллажи, торжественно произнес:

– Твоя библиотека, владыка, становится одной из лучших в мире. Конечно, ей еще далеко до Александрийской или Пергамской, но в ней есть уникальные книги. Здесь мудрость веков.

В библиотеке действительно хранились ценные пергаменты, свитки и книги, в том числе записи походов и побед Тиграна. Летописи, освещавшие события его царствования, вели не только на армянском (древнеармянский язык записывался клинописью), но и на персидском, арамейском и греческом языках. Даже имелись старые записи на хурритском. По указу царя библиотеку сделали публичной.

Они сели за стол. Метродор бережно погладил лежащие перед ним накатанные на палки свитки. Другие свитки хранились в нишах в деревянных и кожаных футлярах, снабженных застежками, но на полках также стояли помещенные

в переплет сшитые листы пергамента, именуемые книгами. Одно из новых приобретений – рукопись Аристотеля «Диалоги» – стал рассматривать Тигран. Его зрение было неплохим, хотя возраст брал свое. Вдаль он видел отлично, другое дело чтение рукописей: приходилось пользоваться хрустальным стеклом из Вавилонии.

– Государь, это очень редкая вещь, – с придыханием сказал Метродор, указывая на рукопись. – Есть еще только один экземпляр в Александрийской библиотеке.

Книга была в жалком состоянии. Наследники Аристотеля спрятали его драгоценные рукописи от жадности пергамских царей в погреб, где листы сильно пострадали от сырости и плесени. Недавно богач и любитель книг Апелликон продал эту рукопись за высокую цену для библиотеки Тиграна.

Царь, грустно улыбнувшись, констатировал:

– Дорогой Метродор, я рад, что ты собираешь библиотеку для меня.

– Тебя что-то заботит, великий царь? – спросил философ, безошибочно понимавший владыку с полуслова.

Тигран вздохнул:

– Меня заботит вечность.

Неспешная беседа затянулась. Тиграну уже семьдесят. Хотя он и собирался жить еще долго, но о смерти также подумать нужно. Владыка верил, что душа его отправится к небесному трону верховного бога Арамазда, но его заботило, что будут говорить и писать о нем через тысячу лет. Он часто

задавался вопросами: почему исчезли с лица земли великие царства Вавилония и Ассирия? почему распались державы персидского царя Дария III и великого Александра Македонского? Конечно, в истории действуют могучие силы, перед которыми бессильны грозные владыки. История – наука о прошлом, но учит она, как жить в настоящем. Однако важно иметь реальное представление о событиях прошлого, ведь, как известно, история повторяется. Еще владыку занимало бессмертие его народа. Царь мечтал, чтобы армянский народ жил всегда. Но в чем секрет бессмертия?

– Вся мудрость в книгах, – философ погладил свитки, – я поищу ответы.

– Как думаешь, Метродор, мое царство ждет та же участь, что и исчезнувших?

– Возможно. Обещаю предупредить тебя, если увижу признаки увядания твоей страны.

Вошел начальник охраны:

– Государь, прибыли твои сыновья!

– Пусть войдут!

В библиотеку вошли Артавазд и Тигран Младший.

Царь пригласил их сесть.

– История, – сказал он, – помогает осмыслить законы бытия, понять куда двигаться дальше, избежать неверных решений. Я хочу, чтобы мои сыновья постигли законы мироустройства и хорошо знали историю армянского народа и его роль в мире, понимали свой долг перед ним. – Царь обратил-

ся к Метродору: – Как твои изыскания истории моего царства?

Мудрец поведал:

– Великий царь, твоя земля полна чудес...

Слова полились, рассказ, пронизанный высоким пафосом, зазвучал. Все найденные глиняные таблички, папирусы и пергаменты с письменами, согласно указу царя, доставляли Метродору. Тот привлек к их чтению и переводу лучших ученых со всего света. Вот что они узнали. С незапамятных времен процветали в Армении земледелие и виноградарство, а на горных склонах пасся скот. На армянской земле возникло коневодство – впервые в мире! Уже две тысячи лет с равнин царства отправляют армиям всего Востока лучших лошадей, особенно ниссейской породы. Рим также стал закупать этих лошадей для скачек. У армян всегда было что предложить купцам – пшеницу и ячмень, стручковые плоды и изюм, прекрасные вина и пиво, кунжутное, миндальное и фисташковое масло. Родина абрикоса Армения. Самые сладкие в мире абрикосы армянские.

Медь много тысяч лет плавил вблизи армянских селений Техут, Мецмор и Сюник. Железные копи и железнорудное производство в Армении всегда были свои. Жившие на Армянском нагорье за две тысячи лет до армян хитрыми первыми в мире освоили метод выплавки железа. Секрет высокого металлургического искусства перешел к хайасам, то есть армянам. С тех пор основным поставщиком железа в

Малой Азии являлась Армения. В древние времена железо ценилось выше золота. Медь и железо давали царю Тиграну большой доход, а основной рынок сбыта – богатеющий Рим.

Армяне самые искусные мастера в обработке камня. Достаточно взглянуть на резные рельефы дворца Тиграна и украшения храмов. А еще в Армении зародилось ковроткачество. Уже давно развивалось это ремесло, да так, что на старинных коврах окраска не блекла ни от времени, ни от воды. Дворец царя и все дома в городе устланы армянскими коврами. Древнее слово «карепет», будучи армянским словом, вошло во многие языки в качестве обозначения ковра вообще.

Исторически земли Армении ассирийцы называли страной Наири. Потом на этих землях появилось Ванское царство (его еще называли царством Урарту), и было оно настолько мощным, что его страшилась жестокая Ассирия. Подлинным создателем урартского могущества был царь Менуа, построивший много оросительных каналов, и один из них, проложенный в туннеле в скале, существует по сей день. Поливное ирригационное земледелие с его высокими и устойчивыми урожаями стало основой экономического могущества страны.

Ассирийские тексты характеризуют сына Менуа царя Аргишти I в следующих выражениях: «Аргишти, урарт, чье название страшно, как тяжелая буря, чьи силы обширны...» Однако итог печален. Почти столетнее урартско-ассирий-

ское соперничество закончилось победой ассирийского царя Саргона II. Назревала решительная военная схватка за гегемонию в Малой Азии, и Ассирия сумела создать мощную армию, а Урарту нет.

Армянское царство образовали народы арменов, хайасов и урартов. Геродот в «Истории» пишет, что армены – фракийское племя, переселившееся из Фракии в Малую Азию. Возможно, фракийцы и фригийцы армянам родственны. Еще один факт истории. Армянские вожди сопротивлялись греку Александру Македонскому. Ни он, ни его войска так и не смогли проникнуть в эти земли. Александр полностью преобразовал мир, и это помогло появлению самостоятельных армянских царств. Возникли Великая Армения, Малая Армения и Софена.

Тигран установил торговые отношения с Индией, а товары из Китая везли караванами через Армению. Царь строил города, прививал армянам культуру эллинов, чеканил собственную ходящую по всей Азии и в римских провинциях монету с греческими надписями. Греческий был языком межнационального общения, его знали все. Знатные армяне вслед за царем заинтересовались греческой культурой. Тигран покровительствовал науке и искусству. В столице появилось много ученых – риторы, медики, математики, астрономы, приехали архитекторы и скульпторы, в театре ставили трагедии на греческом и армянском языках. Владыка пригласил даже греческую труппу, и жители ждали ее пред-

ставления. Народ любил трагедии и комедии, жаждал читать и писать, и в царстве наладили производство пергамента в большом количестве.

Армянские астрономы регулярно наблюдали за ночным небом и, развивая познания хеттов, составили точную карту неба, отметив на ней двенадцать зодиакальных созвездий в виде символов животных. Они также создали солнечный календарь, начало которого обозначено со времени правления Айка, патриарха армян, то есть пять тысяч лет назад. Год по календарю начинался с месяца навасарда (11 августа – 9 сентября), когда приступали к сбору урожая винограда и когда созвездие Ориона-Айка появлялось в ночном небе.

Земельная реформа привела к тому, что землю обрабатывали не рабы, слабо заинтересованные в обильном урожае, а крестьянские общины. Торговля процветала, а торговые пути стали безопасны и удобны. Много стран-вассалов, племен и народов вошли в состав Великой Армении. И все они возносили молитвы богам о процветании державы.

При этих словах, прервав рассказ Метродора, царь встал. Тигран в молитве воздел к небу руки. Поднялись, последовав примеру царя, и остальные. Владыка приподнято произнес:

– Воздадим хвалу верховному богу Арамазду, приносящему добро...

Завершив молитву, Тигран хотел было снова обратиться к Метродору с предложением продолжить рассказ, как вдруг раздался голос Тиграна Младшего:

– Государь, могу я спросить?

– Спрашивай.

– Скажи, почему в армянских храмах стоят статуи сирийских и греческих богов и богинь? Не потому ли, что ты привез эти мраморные изваяния из своих походов, так как тебе нравится греческая культура.

– Дело тут не в культуре, – миролюбиво сказал Тигран. – Народ в лице своих богов поклоняется на самом деле нашей природе: камням, земле и воде, а статуя – это то, что связывает человека с небесным покровителем, являясь неким проводником молитвы. А молится наш человек свободе, силе и мечте.

Армянская религия провозглашала свободную волю и ответственность каждого человека. Почитался верховный бог Арамазд, творящий мир не по собственной воле, а в силу естественной необходимости. С помощью священной стихии огня Арамазд открывал путь к просвещению и науке, к озарению человека огнем истины. Культ Арамазда исповедовал верование о последней, окончательной битве со злом, в которой зло будет полностью истреблено, а дэвы (злые духи, великаны) будут побеждены и уничтожены, праведники воскреснут, и все благие творения Арамазда обретут вечную жизнь.

Тигран Младший не унимался:

– Есть учения, не признающие ни бога Арамазда, ни таинства и догматы этой веры. Если твой бог велик, почему он

не может predetermined чело­веческую волю?

Философ Метродор озадаченно на­морщил лоб:

– Форма полемического диалога, конечно, возможна, но с царями обычно не спорят...

Тигран с недовольством смотрел на сына:

– Я не могу сказать, что ты отличаешься невежеством или незнанием, наоборот, ты высокообразован, но не понимаешь сути учения.

Тигран Младший высказывался недвусмысленно:

– Я изучал маздаизм и пришел к выводу, что через это учение ты хочешь стать верховным правителем мира. Не выйдет! Мир таков, что только сила всем диктует правила.

– Ты смотришь на маздаизм предвзято и слишком упрощенно, – расстроился Тигран.

– Бесспорные истины не для меня, – не отступал Тигран Младший.

– Царь должен поддерживать вечный порядок вещей, – напомнил Тигран. – Есть истины, не требующие доказательств.

– И потом, – младший сын, пришедший в возбужденное состояние, уже не мог остановиться: – в царстве, кроме армянских богов, ты разрешил поклонение греческим, персидским и иудейским богам. Не лучше ли всех подданных обратить в единую веру?

– Конечно, множество вероисповеданий в одном государстве не может содействовать дальнейшему развитию, но нам не нужна гражданская война. Процесс перехода к единой ве-

ре должен быть постепенным, – ответил Тигран.

Младший сын съязвил:

– Ты мне напоминаешь легендарного царя Гордия: завязываешь слишком сложный узел.

Артавазд, до этого момента молчавший, вдруг отозвался.

– Гордий предсказал, что только истинный властелин Азии сможет развязать этот узел.

– Вот именно! – Тигран, обращаясь к младшему сыну, разочарованно спросил: – Почему ты так трудно постигаешь истину?

– С неизбежностью ты поймешь, что не прав... – стоял на своем Тигран Младший.

Царь внимательно, не перебивая, слушал сына и вспоминал. Когда он встал у власти, то сразу осознал: царство нуждается в жестком центральном управлении. Появились законы. Им беспрекословно следовали и знатные люди, и простолюдины, однако царь чувствовал, что источником силы государства является народ. Именно народ сформировал у Тиграна за годы правления принципы, духовные побуждения и веру. Царю шептали, что никаких принципов нет, ты такой же завоеватель, как и Александр, Дарий или Кир, доказывали, что народ не нуждается в завоеванных им Вавилонии, Ниневии, Арбелы, Сирии, Киликии, Коммагены, Атропатены, Финикии. Кто-то даже называл его деспотом. Но гениальный Тигран верил в свою судьбу, избранность и предназначение – обеспечить оборонную и экономическую мощь

Великой Армении, превратить ее в великую державу, защитить территориальную целостность, консолидировать нацию, создать армянскую цивилизацию, а еще он хотел оставить след в истории. И вот опять Тигран Младший поднимает эту тему. Юнец даже произнес слово деспот.

– ...По Аристотелю, – не унимался младший сын, – твоя власть схожа с властью хозяина над рабами....

Царь перебил его:

– Сын, ты путаешь понятия «деспот» и «тиран». Наверное, от недостатка образования. Гораздо хуже то, что ты не понимаешь роли царя в раскрытии потенциала нации.

– Я многого не понимаю, – заносчиво надул губы Тигран Младший, – например, зачем ты держишь в крепости как пленницу мать Береники, сирийскую царицу Селену.

Тигран с сожалением смотрел на него:

– Доля царя трудна. Вспомни Дамокла.

По преданию, сиракузский царь Дионисий I предложил Дамоклу, считавшего Дионисия счастливейшим из смертных, занять его престол на один день, и приказал одеть Дамокла, как царя, и посадить на трон. Довольный Дамокл занял трон, но внезапно увидел над своей головой острый меч, висевший на конском волосе. Тогда он осознал призрачность благополучия владыки, всегда живущего на волосок от гибели.

– Я знаю, над царем угроза смерти висит всегда, – заявил младший сын. – Пусть так. Но твои вассалы и богачи, имея

корыстные интересы...

Царь с мрачным видом остановил его:

– Я поручил Метродору сегодня рассказать сыновьям, какой вклад вносит мое царство в мировое наследие. Мы накопили предметы и идеи, важные для культуры и нравственности наших людей, книги например, но наше обретение может стать достоянием всех народов. Мои сыновья, вам еще предстоит постичь многое...

В библиотеку вошел взволнованный Меружан:

– Государь, из Арташата пришло известие – над Араратом снова столб черного дыма и разносятся раскаты грома.

Царь метнул на него грозный взгляд, потом, посмотрев на младшего сына, нахмурил брови:

– Сын, во что бы ты ни верил, оставайся верным своему долгу. Все свободны, Артавазд, останься!

Старый властитель, помедлив, с тревогой в голосе заговорил:

– Дым над Араратом – плохой знак. Что-то не так в моем царстве... А может быть, это знак «не доверяй Тиграну Младшему, присмотришь к старшему сыну»?

Царь пытливно заглянул в глаза Артавазду. Тот сбивчиво заговорил:

– Отец, я всегда разделял твои взгляды... Арамазд – главное божество мира, творец небес и земли, он обладает величайшей мудростью...

– Да, сын, мудрость обычно несет в себе идею добродете-

ли, а кто добродетелен, тот справедлив.

– Арамазд дарит процветание, изобилие и тучность земле, он не терпит насилие ради религии. . .

– Да, ты глубоко понимаешь истоки учения. Меня это радует. Все армянские божества благочестивы. Наши покровители Арамазд, Анаит, Тир, Михр, Ваагн и Нанэ укрепляют национальный характер народа.

– Народ поклоняется этим богам, значит, они не ложные!

– Так, Артавазд! Вера – главный оплот единства народа. Начав кровопролитные войны, я осознал великую тайну: во имя процветания народа нужно строить мир.

Артавазда осветила вспышка внезапного озарения:

– У народа есть потребность добра и счастья.

Тигран, вдохновленный краткой беседой со старшим сыном, понял: знак судьбы указывал на Артавазда. По-новому взглянув на него, он тихо сказал:

– Великий правитель должен дать своему народу добро и счастье. Я вижу, ты сильный и сможешь удержать царство. Ты унаследовал от меня стойкость перед лицом трудностей, с тобой народ Великой Армении выстоит и не исчезнет в песках истории. Ты мой наследник!

От удивления Артавазд широко раскрыл глаза. Они вышли на террасу. Царь окинул взором окрестности. Не было ни клочка неводеланной земли.

– Смотри! – призвал Тигран. – Чтобы страна процветала, ей нужен сильный правитель.

– Плоды твоих усилий дают всходы... – вторил Артавазд.
Тигран с нежностью посмотрел на него:

– Ты мой старший сын, и отныне только ты обладаешь привилегией быть всегда рядом со мной – учиться науке властвования. Придет время, и ты возглавишь царство.

Глава 12. Правда перед лицом смерти

В саду перед дворцом упражнялся с товарищем на мечех Тигран Младший. Сын царя отработывал реакцию на неожиданные удары, пытаясь уловить мимолетные предпосылки движений вражеского меча, причем, оттачивая технику владения оружием, он стремился вымотать и запутать противника, иначе победы не видать.

– Ты красиво двигаешься, – послышался голос Васака.

Остановив бой, царевич повернулся к говорившему.

Васак, улыбаясь, тоном без нравоучений сказал:

– Тренировка на мечех – полезное занятие, но никогда не забывай: смотреть нужно не на клинок или руки соперника, а ловить его взгляд. Глаза покажут, что хочет сделать он в данный момент.

– Спасибо за совет.

Физиономия Васака расплылась в самодовольной ухмылке:

– Меч – мое любимое оружие. Особенно я люблю обманные движения.

– А я люблю атаковать, – Тигран Младший был польщен вниманием министра.

– Мы можем поговорить?

– Конечно! – молодой царевич передал меч товарищу, полотенцем промокнул лицо и последовал по дорожке сада за придворным.

Васак в упор посмотрел на юношу:

– Царь принял решение по приемнику. – И это не ты. Артавазд! Твой брат сумел доказать, что разделяет идеи и взгляды царя, убедив его, что продолжит дело отца. Завтра он будет официально объявлен наследником престола.

– Невероятно! – вознегодовал царевич. – Все это унижительно: отец никогда не воспринимал меня всерьез.

– Твой отец – выдающийся полководец и опытный политик.

– Он мелкий азиатский царек! – в глазах Тиграна Младшего плясало неистовое пламя.

– У него, конечно, есть слабые стороны, – осторожно признал Васак. – Я выскажу свое оценочное суждение. Наблюдая со стороны за конфликтами, ведущимися вне его державы, он упускает из виду, что внутренние дела Армении затрагивают интересы Рима.

– Потому что он уверен в своей безнаказанности, – зло процедил царевич.

Они шли по дорожкам сада, и подстрекатель Васак разжигал огонь ненависти в неокрепшей душе юноши. Министр объяснял, что Рим не позволит никому сравняться с собой по силе, момент столкновения приближается, победитель навяжет побежденному неравноправный мирный догово-

вор, возможен распад державы Тиграна, и тогда зависимые страны не удержат: они отколются.

Тигран Младший эмоционально реагировал:

– Война станет отправной точкой возрождения Армении! Я буду рад этой войне. Все противоречия не разрешить, но хотя бы противостояние сметет со сцены отца.

Васак остановился, взял за плечи царевича:

– Я всегда был на твоей стороне и предсказываю тебе будущее величие! Только ты должен быть владыкой Армении! Но власти царя Тиграна нет предела, и он, к сожалению, принял решение...

– Васак, что нужно делать?

– Не живи как трус!

– Путь убийства отца мне омерзителен, – царевич отвернулся. – Такое злодеяние непροститительно.

– Да, это преступление, но ты же достоин власти! Зевс, главный бог Греции, взошел на престол, свергнув своего отца-титана. В Хеттском царстве почти все цари забирали власть, убивая отцов. Александр Македонский стал царем в двадцать лет, организовав в сговоре с матерью убийство отца Филиппа II...

На лице Тиграна Младшего отразилось волнение.

Васак отошел в сторону и, оценивая шансы юноши, думал о заговоре. Потом сказал:

– Я предрекаю тебе победу. Он тиран!

– Я робею перед отцом.

– Ты должен стать больше, чем есть!

– Он читает мои мысли.

– Не смотри ему в глаза, помни: он тебя притеснял!

– Да, я смогу! Это мой шанс стать царем!

– За тобой пойдут недовольные правлением Тиграна генералы и аристократия. переворот обычно удается, когда поддержан знатью и приближенными царя.

Тигран Младший, обуреваемый тяжелыми мыслями, в растерянных чувствах побрел в дворец, а Васак, долго смотрел ему вслед и думал: «Вот событие, которое изменит ход истории. Мои терпение и труд будут вознаграждены».

В обязанности виночерпия Генуни входило снимать пробу с любых напитков, предназначенных царю. Особый прохладный царский погреб с вином был в подвале дворца, и ключ от хитроумного замка в это помещение хранился только у Генуни. Кроме того, проходы в подвал, где были винные погреба и склады продовольствия, неусыпно охраняла стража, так что проникнуть туда посторонним было невозможно.

Наполнив золотой кувшин красным вином из караса – глиняного сосуда, хранение в котором придает аромату напитка неповторимые свойства, – и закрыв погреб, Генуни стал медленно поднимался по крутым ступеням в зал приемов, самый красивый зал дворца, украшенный изумрудными колонными с позолоченными капителями и мраморными скульптурами. В зале собрались приглашенные царем при-

ближенные. Здесь были министры, постельничий, сокольничий, заведующий царской охотой, сыновья и дочери царя, а также несколько блистательных женщин из гарема.

Все мирно переговаривались, ожидая владыку.

– Как расцвела Аревик! – с восхищением сказал Васак, обратившись к Гнуни.

– Ее лицо источает солнечный свет, – подтвердил тот.

Артавазд, ласково поглядывая на жену Анаит, тихо говорил:

– Ты сегодня ослепительно красива, сердце мое.

– Надеюсь, я еще и умна. Женщина необязательно делает только глупости, нередко она приводит мужчину к власти.

– Знаю, – улыбнулся Артавазд, – и восхищаюсь твоей чарующей красотой и редкостным умом.

Тигран Младший, находившийся подле Береники и тяжело переживавший происходящее, съязвил:

– Мы с тобой лишние на этом празднике.

Береника, взглянув на грустное лицо любимого, ободряюще сказала:

– Найди меня в своем сердце и порадуйся счастью любви.

Меружан, как всегда, проверив безопасность и расставив охрану, обратился к своему заместителю Кухбаци:

– Абсолютную безопасность выстроить нельзя. Я не стал бы гарантировать полную безопасность даже в закрытом погребе.

– Меры предосторожности никогда не помешают – прого-

ворил Кухбаци. – Где больше двух человек, там всегда опасно.

Вошел виночерпий Генуни. В одной руке он нес золотой кувшин, а в другой золотой кубок. На безымянном пальце правой руки сановника поблескивало невзрачное серебряное кольцо с сердоликом цвета ягоды кизила. Вслед за ним шагали его помощники, одни с серебряными кувшинами с вином, другие с кубками для гостей.

В зал вошел царь. Все поклонились. Властитель в хорошем настроении, озарившись улыбкой, произнес:

– Мои сыновья и дочери, министры и друзья! Меня посетило великое прозрение, с которым хочу, как можно быстрее, поделиться с вами. Был знак! Бог Арамазд указал мне того, кто станет править царством после меня. Пока не назову его имя, традиция требует спросить волю богов. Завтра утром я принесу богу Арамазду богатые жертвы, и, если он одобрит мое решение, я официально подпишу и скреплю печатью указ об объявлении наследника царского...

Раздался страшный грохот. Все присутствующие вздрогнули, стража схватилась за мечи, Меружан заслонил царя. По мраморному полу с шумом катился кубок, предназначенный царю. Младший сын наступил на подкатившийся сосуд, прекратив и шум, и движение. В наступившей тишине взоры обратились к Генуни. Виночерпий, уронивший кубок, стоял растерянный, расставив руки. В одной из них был кувшин с вином. Помощник выбежал из зала за новым кубком.

Меружан успокоился, отошел, и царь продолжил:

– Этот указ будет немедленно разослан по всем ашхарам и гаварам, а через иностранных послов мы известим страны мира. Мой приемник будет носить титул наследника престола вплоть до своей официальной коронации. Я в восторге, что сегодня вы разделите со мной эту радость. Возблагодарим бога Арамазда за ниспослание нам законного наследника!

Все, воздев к небу руки, произнесли молитву:

– Мы почитаем Арамазда, всеведущего и всевидящего бога, в его обители света! Взываем к тебе, всекрушащий и творящий добро, быть нашим защитником...

После молитвы Тигран провозгласил:

– А теперь, по обычаю предков, поднимем кубки, приблизим их к небу в благодарность богу!

Вино разлили по кубкам и разнесли по залу. Виночерпий Генуни подошел к царю и нарочито неспешно стал наливать вино в принесенный золотой кубок. Тигран и Меружан смотрели, как Генуни, наполнив кубок, отпивает из него, демонстрируя, что вино не отравлено, и подает государю. Тут подошел Васак и отвлек внимание царя и его генерала вопросом:

– Государь, не поступить ли тебе, как велит старая традиция? При назначении наследника престола в государстве объявлялась амнистия для осужденных за преступления небольшой тяжести.

– Что ж, не возражаю освободить от наказания таких людей.

Сказав это, царь вновь посмотрел на Генуни. Тот с остекленевшими глазами держал на вытянутой руке кубок. Тигран ощутил угрозу. В голову ему закрались подозрительные мысли, но их он отмел: Генуни из знатного рода, они дружат с самого детства, а должность виночерпия – самая почетная в царстве.

Подошла красавица Аревик, взяла кубок из рук Генуни и протянула его царю:

– Владыка, сегодня ты доставил радость другим, выпей вина и ощути радость сам!

Тигран взял кубок из рук любимой, посмотрел на нее, такую чистую и неискушенную, нежную и сияющую, потом снова взглянул на Генуни, желавшего, видимо, доказать свою правду злом и предательством. Подняв кубок, монарх произнес тост:

– Выпьем за всепобеждающую правду! Правда опасна, а иногда порождает ненависть и отравляет мысли, но никогда не отступает даже перед лицом смерти!

Он поднес кубок к губам. От царя не укрылось, что глаза виночерпия в нетерпеливом ожидании расширились. Вдруг, опустив кубок, Тигран потребовал:

– Генуни, попробуй вино!

Глаза Генуни виновато и трусливо забегали, он засуетился:

– Государь, но я уже пробовал, вино хорошее.

– Выпей еще раз!

Разговоры в зале прекратились, все присутствующие обратили взгляды на виночерпия. Тот безотрывно смотрел на Тиграна, словно мышь на кобру, и стоял как вкопанный.

– Ну! – властно повелел Тигран, протягивая кубок.

Генуни медленно подошел, взял кубок, с обреченным видом посмотрел по сторонам и стал пить. Выпив, с глупым выражением лица уставился на царя, у него даже появилась бледная улыбка. Внезапно схватившись за горло, он хрипло задышал, выронил кубок, весь в страшном поту, держась за сердце, шаткой походкой пошел по залу, пока не потерял равновесие. Опершись на стол, стал падать и, сметая со стола посуду, рухнул на пол.

В зале поднялся шум, люди в смятении обступили Генуни. Конец его был страшен. Он бился в судорогах, изо рта шла белая пена, лицо исказилось до неузнаваемости.

– Такая смерть может быть вызвана только ядом, – проговорил Меружан.

– Лекаря! – крикнул Артавазд.

Лекарь Егия, всегда находившийся либо подле царя, либо где-то рядом, вбежал в зал, бросил взгляд на Тиграна, потом кинулся к лежащему на полу Генуни. Встав на колени и приложив пальцы к шее виночерпия, он измерил пульс. Подняв голову, сказал:

– Он мертв.

– Это яд? – спросил Тигран.

– Да, судя по всем признакам. Внезапная смерть, судороги, пена у рта, лицо исказилось – все говорит об отравлении.

– Ты можешь сказать, какой это яд? – спросил царь.

– Какой точно, пока нет. Возможно цикута или мышьяк, хотя нет, они действуют иначе. Я должен внимательно осмотреть тело. Пусть отнесут его в мою лабораторию.

Меружан, опустившись на колени перед телом Генуни, поднял его правую руку и внимательно рассмотрел серебряное кольцо, обычно носимое мужчинами в качестве амулета. Осторожно откинув камень цвета ягоды кизила, произнес:

– Кольцо с тайником, здесь, несомненно, был яд.

Тело унесли стражники, а находящиеся в подавленном состоянии царедворцы, ставшие свидетелями неудавшегося покушения, неподвижно стояли в задумчивости, смотря в свои кубки и думая о бренности мира и хрупкости человеческой жизни.

Стемнело быстро. Слуги ходили по дворцу и зажигали огонь в канделябрах и лампах из александрийского стекла. В пустом тронном зале столкнулись два министра Васак и Гнуни. В полутьме никем не замеченные, они беседовали, а отблески огня высвечивали загадочный блеск в глазах и неприкрытую обоюдную ненависть.

– Васак, это неслыханно! Новая попытка убийства царя.

– Это же надо, Гнуни? Накануне объявления наследника!

Финансист и дипломат, обмениваясь колкостями, заключили, что Тиграну следовало объявить наследника престола немедленно, не дожидаясь нового дня, но с другой стороны, обычай требовал принести дань божествам. Оба решили: в окружении царя есть люди, желающие ему смерти. Конечно, служба безопасности царя разберется, да и царь, человек проницательный, сам всегда чувствует опасность. Чего стоят его пророческие слова «выпьем за правду» и «перед лицом смерти»! Оба министра рассудили: сам бог защитил государя от неминуемой гибели. Что касается виночерпия, то род Гунуни теперь проклянут, всех сошлют в Высокую Армению на соляные копи, имущество конфискуют, а земли заберут в казну.

– Да, – заключил Васак, – конец виночерпия позорный. Поделом подлецу!

Гнуни неожиданно указал на античную скульптуру:

– Знаешь, Васак, этот каменный лев, стоящий здесь, так разинул пасть, будто собирается сказать нечто важное или кого-то съест.

– Я думаю, он хотел зевнуть, но передумал.

– Действительно, львы в Армении довольно покладистые, не то что в Риме, – Гнуни бросил на оппонента загадочный взгляд.

– В любом случае, – небрежно проронил Васак, – придворный лекарь Егия прекрасно разбирается в ядах и противоядиях. Подождем результаты исследований.

Егия действительно был великолепным лекарем. Он всегда носил при себе флакон с универсальным противоядием «Териак», изобретенным царем Митридатом VI, – подарок Тиграну от понтийца. Митридат ставил опыты на преступниках и добился того, что его препарат защищал от любых ядов. Римляне давно пытались раздобыть это чудодейственное средство, но им не везло.

– Васак, ты человек исключительного ума, – ехидно усмехнулся Гнуни, – тебе подвластны многие тайны, ты и сам часть тайны, но помни: секреты раскрываются в самый неподходящий момент.

– Дорогой друг, – скривил рот Васак, – как говорят греки, многое может случиться меж чашей вина и устами.

Глава 13. Тайна приоткрылась

Лукулл, временно свободный от военных забот, приводил в порядок римскую провинцию Азия (Пергамское царство отошло Риму по завещанию его царя). Понтийское царство присоединять к провинции он не стал, оставив самостоятельным, но в его городах расквартировал легионы, а в пафосной столице Амасии разместил штаб главнокомандующего.

– Я не позволю, – притворно возмущался Лукулл, наместник провинции, поселившийся в самом красивом доме понтийского богача, – откупщикам и ростовщикам из Рима довести провинцию до несчастного положения!

Мурена, его легат, умный, храбрый и трудолюбивый генерал и, кроме того, честный и душевный человек, пылко откликнулся:

– Я своими глазами видел, как притесняют людей. Нужда заставляет иных граждан продавать своих сыновей и дочерей, но в конце концов должники все равно делаются рабами своих кредиторов.

Лукулл сухо произнес:

– Мурена, тебе, как своему лучшему командиру, поручаю освободить притесняемых жителей от мучений и положить конец жестоким вымогательствам.

– Слушаюсь, император! Но, Лициний, будь готов, что

римские ростовщики поднимут громкий вопль, заявляя, что им причинили величайшую несправедливость.

– Конечно, римский народ предназначен покорять другие народы и править ими для их же счастья, но в Азии предстоят великие дела, и я хочу склонить на свою сторону провинциалов, заслужить их благодарность.

Лукулл с усердием приступил к насаждению правосудия и законности в покоренных городах, в том числе в Понтийском царстве, но из этого мало что получилось. Волновал же наместника более важный вопрос.

В один из дней в сопровождении охраны он вышел из здания штаба и направился в военную тюрьму, где уже неделю содержали понтийского мудреца Дорилая, советника Митридата. Двери тюрьмы открылись, Лукулл прошел внутрь. В подвальной камере было сыро и темно, только слабый луч света проникал из небольшого оконца у самого потолка. Железная ржавая решетка заскрипела, в камеру вошел проконсул. Он кивком приказал сопровождавшим его военным удалиться, затем глянул на сидевшего к нему спиной старца:

– Я главнокомандующий римской армией Лукулл. Пришел поговорить с тобой.

Мудрец встал, обернулся и грустным взглядом посмотрел на военного.

– Я умею читать по лицам, – сказал Дорилай. – Ты думаешь о триумфе в Риме, и лицо твое выражает тщеславие.

– Что еще ты прочитал на моем лице?

– Ты отважный, постоянен и незлобивый.

– Спасибо за добрые слова. Тебе будет предоставлено более удобное помещение, и будут кормить как моего гостя.

– Что ты хочешь взамен?

– Говори со мной, открой глаза на неподдающиеся моему понимаю вещи.

– Спрашивай.

Разговор продолжался неспешно. Лукулл упирал на могущество и силу Рима. Перед ним склоняется весь мир, но вот загадка: почему цари Понта, Великой Армении и Парфии не желают добровольно подчиниться римлянам? Мудрец Дорилай, согласившись, что Рим сильнее азиатских царей и имеет много легионов, рассказал басню Эзопа.

Поэт в 600 году до н. э. написал басню. Один флейтист, увидевши рыб в море, стал играть на флейте, ожидая, что рыбы выйдут к нему на сушу. Обманувшись в надежде, он взял сеть, закинул ее и вытащил множество рыб. Видя, как рыбы бьются в сетях, он сказал им: «Перестаньте. Когда я играл на флейте, вы не хотели выходить и плясать». Мораль басни такова: цари не хотят действовать по произволу Рима и плясать под чужую дудку.

Лукулл выслушал равнодушно. Ни для кого не было секретом притязание римлян на мировое господство, и рано или поздно Рим раздавит царей, ведь его законы настолько справедливы, что позволяли грабить и присваивать чужое достоинство. Кто-то не согласен? Рим заставит уважать право силь-

ного. Весь мир снабжает гегемона зерном, оливками, вином и золотом, и богатая Азия тоже станет надежным источником для Римской республики.

Проницательный Дорилай устремил пытливый взор на проконсула:

– Лукулл, ты не можешь пленить Митридата, вот что тебя заботит больше всего.

Проконсул насторожился. Старик обладал даром ясновидения. Действительно, в Риме этого главнокомандующему не простят. Пока царь Понта на свободе, война бесполезна. Дорилай еще и надсмехался: скоро все понтийские города снова перейдут под власть Митридата, потому что он великий царь с нетривиальным мышлением и римлянам не по зубам. Вспомнить хотя бы, как понтиец поддержал восстание рабов под предводительством Спартака, когда Рим был на волосок от гибели.

Лукулл хмурился:

– Митридат прячется в Армении, не так ли?

– Царь Великой Армении его друг и союзник.

– Армянский царь высоко вознесся, пора его остановить.

– Остановить то, что не останавливается, нельзя, это породит хаос.

– И что же делать?

– Наблюдать.

– Может быть мне заключить союз с парфянами? – на-смешливо поинтересовался командующий.

Лукулл прекрасно знал, что парфяне – бывшие кочевники и скифы – очень опасны. Когда-то они бурей прошли по Азии, дойдя до границ Египта, и нагнали ужас на все страны Европы.

Дорилай скептически хмыкнул:

– Пока Тигран сдерживает амбиции парфян, Рим может спать спокойно.

– Спать спокойно я буду, когда уйду на покой. Заложу в Риме сад и стану коллекционировать вазы, кубки, статуэтки...

– В твоей коллекции уже есть одна статуэтка – грифон, подарок Митридата. Существо, олицетворяющее силу, бдительность и возмездие... еще охраняет путь к бессмертию.

В голове Лукулла что-то щелкнуло, его самолюбие было задето. Метнув любопытный взгляд на старца, он покинул тюрьму, чтобы думать и наблюдать.

Береника, смотревшаяся на фоне блеклых подруг очень привлекательно, в числе прочих девушек прогуливалась в роскошном саду Тигранакерта, когда к ней подошла жена Артавазда Анаит, обладавшая редкой красотой. Армянка имела утонченные черты лица, карие глаза, пышные черные волосы, гордую осанку, была полненькой и темпераментной, при этом, несомненно, твердо стояла на ногах.

– Какой сюрприз! – делано шутливым тоном произнесла Береника. – Анаит вышла на прогулку?

Обе знатные женщины, красота которых была неподражаемой, испытывали неприязнь друг к другу, но все же, не подавая виду, пошли по дорожке сада мимо клумб с экзотическими цветами, являя собой подлинное украшение царского цветника. Остальные следовали за ними на почтительном расстоянии.

Анаит говорила:

– Береника, ты красивая, мужчины засматриваются на тебя. Светлые волосы, голубые глаза, нежная кожа – завораживающее сочетание, но я-то знаю, что голубоглазые люди могут быть вспыльчивы и раздражительны. От тебя веет холодом, почему?

– Соперничать с будущей царицей сложно.

– Соперничество в крови у любой женщины.

– Я такая, какая есть, – тихо сказала Береника.

– Для меня ты непрочитанная книга. Не знаешь, что ожидать от тебя. – Анаит остановилась: – Но я тебя раскусила!

Береника насторожилась, скосила глаза на Анаит, а та продолжила:

– Ты из тех женщин, которые крутят мужчинами как хотят.

Береника расслабилась:

– Мы существуем для мужчин, для них мы желанный плод.

– Ты все время напряжена...

– Зато ты всегда излучаешь обаяние и женственность.

– У меня есть секрет.

– Секрет? – удивилась Береника.

Анаит озарила «подругу» лучезарной улыбкой:

– Мой секрет – всегда оставаться нежной, доброй и ласковой.

Белокурая бестия туманно высказалась:

– Мы, женщины, нежные, добрые и ласковые, пока нами восхищаются, но когда любви нет, мы злые, раздражительные и сварливые.

Самолюбие Анаит было задето. Ничего не сказав, она развернулась и, гордо подняв голову, ушла. Береника поспешила в свои покои.

Войдя в комнату, она увидела на окне голубка. Тот самый, прикормленный, переданный Сетосу. Теперь голубок принес послание от матери. Береника ласково взяла его и сняла с лапки кольцо с небольшим кусочком пергамента. Выпустив птицу, она развернула миниатюрное письмо с тайнописью на греческом. Ключ шифра она знала: каждый символ в открытом тексте заменяется символом, находящимся в алфавите на второй позиции левее.

Послание гласило: «Кинжал Зал Поликлет Постамент». Береника почувствовала, что новая идея целиком захватывает ее. После нескольких неудачных покушений на Тиграна, подорвавших веру в возможность осуществления замысла, она вновь готова воспарить над миром. Ее мать Селена не сдастся, и Береника тоже будет бороться. Смерть тирану!

В дворце армянского царя была комната тайн, где работал философ, грамматист и историк Айказ и куда никому не разрешалось входить, кроме царя. У входа в комнату день и ночь стояла стража. За деревянной дверью тридцатишестилетний ученый Айказ исследовал божественные пророчества. Предметом его поиска было постижение смыслов пророчеств – для избегания поворотов судьбы. Работа велась тайно, ее результаты докладывались лично царю.

Озадаченный происшествиями последнего времени и предчувствуя надвигающуюся беду, Тигран вошел в комнату тайн.

– Ты сообщил, что хочешь видеть меня, – обратился он к ученому.

– Я нашел! – вскричал Айказ. – Земной цивилизации грозит опасность! Есть пророчество о гибели мира... Нужно остановить!.. День исполнения пророчества приближается...

– Подожди, не понимаю... – сказал Тигран. – Объясни!

Царь сел в кресло. Айказ, разложив перед ним клинописные глиняные таблички из Вавилона, хранившиеся в местном архиве, обстоятельно рассказал владыке что удалось узнать. Он не только расшифровал текст, но и понял глубокий смысл написанного.

Тайна приоткрылась. У богов есть врата. Через них они вступают в мир и сообщают о своем присутствии. Вавилон –

врата бога! Все что мы знаем и умеем, чем владеем и распоряжаемся пришло из Вавилона – столицы звездочетов, астрономов и астрологов. Этот город – исток мировых религий, культов, обрядов, религиозных традиций. До разрушения он был самым большим и самым богатым городом мира. Вавилоняне придумали исчисление времени: 12 месяцев в году, 60 минут в часе, 60 секунд в минуте, а еще измерения по 360-градусной шкале, семь дней недели и прочее. А Вавилонская башня – храм краеугольного камня неба и земли – стремилась достичь обиталища богов на небе.

Когда вавилоняне завоевали Иудейское царство и разрушили храм в Иерусалиме, а иудеев увели в рабство, появилось пророчество: Вавилон будет разрушен. Предсказание сбылось. Место, где стоял город, стало голой и страшной пустыней, где водятся лишь дикие звери и птицы. Историки это несчастье приписали реке Евфрат, мол, она изменила русло, оставив эти края безжизненными как настоящее царство смерти. Вряд ли. Город питали водой искусственные каналы, прорытые от реки.

Почему же должен был погибнуть цветущий мегаполис, столица могущественной державы? Ответ: проклятие богов! Боги свершили суд на Вавилоном. Укрепления, подобные вавилонским, могли не только стоять тысячелетия, но остановить целую армию. Город был окружен глубоким рвом с водой и двойными, очень высокими и широкими стенами, по которым проезжали в ряд восемь колесниц. И все же он не

устоял.

Возникает вопрос: за что? Ответ недвусмысленный. Люди, проповедуя глумление и ненависть, в своем стремлении к могуществу захотели вознестись до уровня богов. Боги недовольны развращенностью человеческого рода. Роковая участь человечества состоит в том, что все цивилизации по достижении своего расцвета гибнут.

Тигран недоверчиво смотрел на Айказа:

– Ты хочешь вырвать у прошлого тайны и показать грядущее... Не слишком ли переоцениваешь себя?

– Государь, Вавилон – это символ грядущего. Так же, как когда-то в прошлом был суд над древним Вавилоном, в будущем будет суд над всемирным Вавилоном.

– Ты полагаешь, что Вавилон – это образ: народы, царства, племена, языки?

– Да! Все будет разрушено.

– Но ведь падение Вавилона происходило не однажды?

– Это так. Рука проведения направляла в Вавилон великих завоевателей, и, несмотря ни на какие оборонительные укрепления, они захватывали и разрушали его. Это было предупреждением человечеству.

Однако Вавилон каждый раз возрождался. Айказ вывел закономерность. Все цари, разрушавшие в разные периоды истории Вавилон и похищавшие главную святыню – золотую статую верховного бога Мардука, – умирали насильственной смертью от рук собственных родичей. Причем статуя бога

Мардука необъяснимым образом возвращалась в город. Боги давали Вавилону, то есть человечеству, новый шанс. Последним статую видел Александр Македонский. После индийского похода он прибыл в Вавилон, принял участие в его восстановлении, объявил Вавилон центром мира, но внезапно умер во дворце Навуходоносора, стоявшего на фундаменте Вавилонской башни. Статуя исчезла навсегда.

Тигран невольно удивился:

– Получается, вавилонский бог Мардук вершит судьбы мира?

– Не думаю, – сказал ученый.

Доводы были убедительными. У всех народов есть свое верховное божество: у вавилонян Мардук, ассирийцев Ашшур, урартов Халди, греков Зевс, римлян Юпитер, армян Арамазд, иудеев Яхве, персов Ахура Мазда, индийцев Кришна... Кто же из них истинный? Правда в том, что бог един! А религии лишь доносят его волю до разных народов, а возможно, просто существуют лишь в сознании верующих.

Тигран осторожно спросил:

– Как же боги собираются разрушить цивилизацию?

– В рукописях сказано, – с дрожью голоса поведал Айказ, – что разрушение начнется с Армении, с того места, где жизнь зацвела.

Самая древняя в мире карта исполнена на вавилонской глиняной табличке. На карте указаны только Вавилон, Ашшур, Ниппур и Урарту. Слово Урарту с персидского пере-

водится как Армина, а эламского – Арминия. Получается, армянское царство стоит у богов в одном ряду с Вавилоном, Ашшуром и Ниппуром, уже исчезнувших с лица земли. Осталась лишь Армения.

Лицо Тиграна стало бледным. Он встал, в волнении заходил по комнате. Порывисто обернувшись к Айказу, спросил:

– Место, где жизнь зацвела? Где это?

– Не знаю. Ищи знаки.

– Ладно. А как рухнет моя держава?

– Я могу только предполагать. Ну, например, твое государство может быть уничтожено другим государством.

– Это возможно, – сказал царь. – Я постоянно думаю о безопасности, обустроиваю царство, делаю его сильнее...

И тут Тигран, человек проницательный и информированный, предположил кое-что еще. Весьма вероятно, произойдет нечто непоправимое внутри государства. Все разрушится, ввергнется в хаос, люди потеряют разум и волю к жизни, и тогда царство умрет. Армянский народ просто исчезнет с карты истории. В последнее время повелитель ощущал опасность, не в отношении себя, в отношении державы, но не понимал, откуда исходит беда. Не успокаиваясь на достигнутом, он, ради сохранения царства и своего народа, был готов идти на личные жертвы.

– Айказ, скажи, спасенья нет? – царь жадно смотрел на ученого.

– Если не попытаемся в меру своих сил изменить судьбу,

то гибель твоей державы предопределена, – печально констатировал исследователь.

Тигран с надеждой в голосе спросил:

– Ты нашел способ изменить судьбу?

– Пока нет... Однако есть то, что разрешает узнать судьбу.

Тигран насторожил слух и скосил глаза в сторону философа. Айказ нерешительно положил перед государем еще одну глиняную табличку с клинописью и ее перевод на пергаменте. Верить или нет тому, что здесь написано, решать владыке.

Текст гласил: «Набу, вавилонский бог письменности, тайной мудрости и астрономии, повелитель драконов и сын верховного бога Мардука, написал Таблицу судеб. На ней стоит личная печать верховного бога. Находится Таблица в Храме судеб. Владение этой вещью дает право притязать на мировое господство».

Царь не поверил. Боги никогда не разрешат человеку достичь уровня своего творения. Несмотря на все стремления, тщетны усилия получить бессмертие и народу, и просто человеку.

Айказ рассказал занятную историю. Все завоеватели искали в Вавилоне Таблицу судеб. Ее предназначения открывают божественные замыслы. Вавилонские тексты недвусмысленно говорят о том, что, завладев Таблицей судеб, человек может узнать свою судьбу и получить власть над решениями богов. Кроме того, Таблица обладает магической силой, берегущей жизнь владельца на войне. Вавилонские ца-

ри обожествляли эту вещицу, видя в ней источник сверхъестественной силы.

Царь Персидской державы Ксеркс I (тот самый, что перебил 300 спартанцев в ущелье, ведущем в Грецию) пытался уничтожить Таблицу. Этот полусумасшедший правитель совершил святотатство во всех храмах Вавилона. Кощунственным образом открывая гробницы, в саркофаге Бэла в Храме судеб он нашел божественный дар. Узнав из Таблицы свою судьбу, Ксеркс разбил вещицу мечом. Теперь никто, кроме него, не мог претендовать на мировое господство. Причем Таблица была настолько прочна, что раскололась на части только с третьего удара.

Обломок Таблицы с печатью бога забрал себе Ксеркс. Второй обломок он приказал бросить в воды Евфрата, а третий – в огонь горящего Храма судеб. Это вызвало восстание вавилонян, но оно было подавлено. Золотую статую бога Мардука Ксеркс увез в Персеполь, чтобы сделать появление царей в Вавилоне более невозможным. Ведь царскую власть можно было получить только из рук бога. Младший сын Ксеркса убил отца в его спальне. Золотая статуя бога Мардука исчезла.

С тех пор Таблицу судеб искали все завоеватели. Обломок из реки достали иудеи после освобождения из вавилонского плена и унесли в Иерусалим. В руинах Храма судеб искали обломок парфяне, захватившие ради этого полуразрушенный Вавилон. Нашли или нет – неизвестно.

Тигран задумчиво посмотрел на философа:

– Ты, Айказ, наводишь меня на мысль, что, собрав обломки Таблицы судеб воедино, можно узнать судьбу, а также повлиять на ход событий и спасти человечество?

– Да, государь, – ответил ученый.

– Либо это осколки иллюзий и придется пожинать плоды великих неудач, либо это шанс вмешаться в ход истории...

– размышлял царь.

Мысли владыки уносились в вышину. Все, созданное им, когда-нибудь постигнет забвение, но, возможно, он станет тем, кто вернет людям прометеев огонь. В любом случае, придет время, и люди захотят узнать правду о чудесах его царства, и никакие преграды не помешают им это сделать.

В Амасии Лукулл созрел для второй встречи с Дорилаем. Мудреца привели к нему в дом и усадили перед наместником.

– Хорошо ли тебя кормят? – спросил Лукулл.

– Благодарю, проконсул, кормят сносно, – ответил Дорилай.

– Ты знаешь, зачем я тебя позвал?

– Ты ищешь предлог для развязывания войны с Арменией.

– И что ты думаешь по этому поводу?

– Это агрессия!

Политика римского сената в общем-то предполагала за-

хват территорий, но только в ходе оборонительной войны. Тигран – всемогущий царь в Азии. К своему государству он присоединил значительные земельные пространства, отнятые у парфян, а также Месопотамию и Сирию. Доходы и блеск его державы впечатляли. Тигран, по мнению римлян, в своем самообольщении считал себя самым могущественным из владык земных. Лукулл понимал: армяне запальчивы, в их землях можно увязнуть, но лакомый кусок был столь притягательный, что не оттяпать его – непростительное легкомыслие. Если поход окажется неудачным, сенат Лукуллу этого не простит, и его имя станет нарицательным в Риме. Но с другой стороны, если все сложится удачно, Рим воздаст проконсулу должные почести. Но на триумфе обязательно нужно провести плененного царя Тиграна.

Лукуллу советники шептали, что захват Тиграна и привоз его в Рим как пленника, приведет к резкому изменению всей карты Азии. Чуть ли не рухнет мир, все придет в движение, легионам придется усмирять народы армяноязычных стран – Киликию, Каппадокию, Великую Армению, Малую Армению, Коммагены, Софены. Усмирять придется и тех, кто захочет оторвать что-либо от Сирии и Месопотамии, и боги знают кого еще. Нарушится равновесие мира, и Римская республика столкнется с новым вызовом. Лукулл смеялся над страхами беспомощных недоумков, и относился к армянам – древнему народу, гораздо древнее, чем римляне – свысока и презрительно, лишь как к источнику сказочного обога-

щения. Александр Македонский не сумел войти в земли армян? Это его проблемы – не проявил изобретательности и настойчивости!

Да, Лицинием движет какой-то безумный порыв, враждебный здравому смыслу. Азарт гонит его в страну, где есть дикие племена, непроходимые ущелья, а снег в горах никогда не тает, но на пути к величию проконсул готов преодолеть любые трудности. А еще есть одна волнующая его тайна. Ее Лукулл, несомненно, сумеет выведать. Являясь страстным библиофилом, однажды в библиотеке разграбленного его легионерами города он нашел редкую рукопись. Он понял интуитивно: в свитке кроется сокровенная тайна. Заинтересовавшись, Лициний захотел распутать загадку. Мудрец Дорилай должен что-то знать...

Лукулл спросил:

– Дорилай, из одного манускрипта я узнал, что Митридат владеет некой тайной, которую я хотел бы разгадать.

Старик внимательно посмотрел на командующего:

– Митридат хранит много тайн. Римские шпионы охотились за секретом териака – препарата, защищающего от любых ядов. Царь знает средство верного зачатия ребенка, а также панацею от любых болезней.

– Я имею в виду тайну, открывающую путь к неограниченной власти, – загадочно произнес Лукулл.

Дорилай бросил на него удивленный взгляд:

– Ты богат, справедлив, обходителен и щедр, весьма ари-

стократичен в своих привычках. Зачем тебе власть? Власть развращает, к ней привыкаешь, она ударяет в голову.

Лукулл хладнокровно рассудил:

– Ты мудрец, а не видишь много преимуществ. Властные люди решительны, у них всегда есть выбор, они могут заглянуть за грань обыденного...

– И что ты хочешь там увидеть?

– Я хочу понять, кто на самом деле управляет миром.

По мнению Лукулла, человечество разобщено, что делается специально. Он верил в сговор великих, однако не понимал целей и механизмов осуществления замысла. Кто-то специально сталкивает между собой народы, чтобы вертеть ими, как кукловоды марионетками. Кто же диктует народам волю? Властелины крупных держав связаны деловыми, родственными и оккультными связями. Они хозяева истории. Мир велик и сложен, но как им можно управлять, как достигается равновесие? *Sapienti sat!* (Умный поймет! – *лат.*)

Проконсул подошел к окну и, не оборачиваясь, как бы невзначай спросил:

– Что делает Митридата неуязвимым?

Дорилай молчал.

– Не молчи, в моей власти тебя казнить и миловать.

Мудрец нехотя произнес:

– У него есть талисман, оберегающий от напастей.

– Ты не договариваешь.

– Это какой-то обломок, он никому не говорит.

– Обломок чего? – Лукулл обернулся и вперил в мудреца пристальный взгляд.

Мудрец молчал.

– Тайны! – Проконсул свысока смотрел на старика. – Я обожаю разгадывать тайны. Что тебе известно о Дворце власти?

Дорилай вздрогнул. Подняв голову, тихо проговорил:

– Дворец власти – это место, где сливаются сакральная власть и высшие силы.

Лукулл ощутил над своей головой ореол исключительности. Значит, не миф! Он представил, как будет ехать на колеснице с триумфом по Риму, а толпа неистовствует...

– Где находится Дворец? – строго спросил проконсул.

– Не знаю... Митридат говорил, где-то в горах Великой Армении.

– Кто еще знает об этой тайне?

– Все цари Парфянского царства искали Дворец.

– Вот как? И не нашли?

– Нет, не нашли.

– Римская республика достойна постичь эту тайну! – с воодушевлением воскликнул Лукулл.

Мудрец посмотрел на него иронически:

– А если это знание станет последним жизненным эпизодом республики?

– Мы, римляне, верим в счастливые обстоятельства, – спокойноотреагировал проконсул.

Дорилай тихо предупредил:

– Не строй радужные планы, все может перемениться...

Лукулл зловеще усмехнулся. Он знал рецепт успеха: быть смелым и иметь непреодолимое желание преуспеть.

На площадке для тренировок одного из легионов опытные воины натаскивали новобранцев.

Центурион ободрял молодежь:

– Солдат обязан подчиняться командиру, и, если потребуется, погибнуть в бою!

Одни солдаты оттачивали навыки владения мечом на чучеле, другие стреляли по мишеням из лука, а третьи метали дротики в пустые пивные бочки.

– Освоить военное ремесло этим болванам будет нелегко, – говорил Публий Клодий своему брату Аппиусу.

Братья Клодии – высокие, статные и сильные воины, – когда Лукулл задумал предприятие – войну с Митридатом, – с удовольствием записались в армию проконсула. Тот на них мог положиться. Серьезный и умный Аппиус и беззаботный, беспечный Публий были братьями жены Лукулла. Став легатами, они получили в управление по легиону. История предназначила Публию Клодию сыграть неприглядную роль в развале Римской республики. Его одиозная фигура поспособствовала превращению республики в монархию особой формы – Римскую империю. Сегодня Публий прискакал в расположение легиона брата взглянуть на новобранцев и по-

наблюдать за ходом тренировок молодых солдат.

– Они бывшие крестьяне. Записались в легион, чтобы поймать удачу и разбогатеть, – насмешливо сказал Аппиус Клодий.

– Неотесанная деревенщина, – весело сказал Публий.

– Дисциплина и военные занятия сделают их непобедимыми.

– Согласен. Если тысячу раз повторять упражнение, закалится характер любого воина, и мы получим превосходство в битве.

Брат поведал:

– Лукулл радуется за то, чтобы не было праздности, а воины усердно тренировались...

Раздался голос посыльного:

– Легат Аппиус Клодий! Тебя вызывает главнокомандующий!

Прибыв в штаб, Клодий проследовал в расположение начальника. Чеканя шаг, вошел в кабинет:

– Император, приветствую тебя!

Лукулл кивнул, предложил легату сесть.

– Я всегда покровительствовал тебе, Аппиус. Ты – один из лучших моих генералов, исключительный человек. Высоко образован (учился в Греции), тонко разбираешься в политике и дипломатии, знаешь этикет.

– Слушаю тебя, император!

– Хочу поручить тебе деликатную миссию... Митридат

прячется у армянского царя, и, чтобы его достать, армия должна идти на Армению... Я много думал над возможностью этого похода...

Клодий было запротестовал, так как сенат не давал разрешения на эту войну, но Лукулл его остановил:

– Пока не будем обсуждать последствия этого шага, сначала разведаем, как отнесутся к этой идее парфянский царь и вассальные цари Тиграна. Ты инкогнито поедешь в Парфию склонять царя Фраата III к союзу с Римом.

Клодий поднял широко расширившиеся глаза на собеседника. Известно: Фраат придерживался нейтралитета во всем, что связано с Арменией. Кроме того, все в армии знали, что между Римом и Парфией обострилось соперничество. Конфликт мог вспыхнуть вот-вот.

– У нас с Парфией зреет конфликт... – колебался Клодий.

Лукулл смотрел на подчиненного как на медленно сообщающего служаку.

– Ты прирожденный дипломат, умолчи об этом, – сказал он.

Легат сомневался в миссии:

– А нейтралитет?

– Соблюдая нейтралитет, Фраат рискует опоздать к дележу жирного пирога, – саркастически сказал Лукулл.

– Понятно. Когда выезжать?

– Отправляйся немедленно! И вот еще что... – Лукулл

странно посмотрел на Клодия: – Есть тайна, которую я хочу узнать. Попробуй выведать у Фраата кое-что о Дворце власти. Какая магическая сила затаилась там? – Начальник улыбнулся: – Хочешь познать истину, имей волю докопаться до нее...

Береника, озираясь по сторонам, незаметно проникла в зал приемов дворца Тиграна. Как кошка, она неслышно перебежала от колонны к колонне, пока не оказалась у скульптуры Поликлета «Раненая амазонка». Эта скульптура ей нравилась всегда: изящность силуэта, легкость пропорций, необыкновенная женственность. Композиция со слабеющей женщиной-воином была близка Беренике и вызывала в ней гамму эмоций, а иногда девушка даже представляла себя в образе раненной копьем и теряющей силы амазонки.

Встав за скульптурой, Береника осмотрела постамент бронзовой фигуры, и, увидев проделанное в нем отверстие, заложила туда клинок кинжала, принесенный в складках одежды. Она сняла его со стены в оружейном зале. Не успела завершить дело, как услышала приближающиеся шаги.

В зал вошли Метродор и Амфикрат, два мудреца. Оба греки, и если Метродор покинул Грецию, так как ненавидел римлян, захвативших его родину, то Амфикрат, выдающийся ритор и писатель, был изгнан из Афин соотечественниками, так как пытался доказать, что большинство политических теорий, созданных Платоном и Аристотелем, не годят-

ся ни для чего, кроме как для деклараций перед праздною афинскою публикою. Оба стали советниками Тиграна.

– Смерь – это зло, – говорил Метродор.

– А вот Зенон вывел умозаключение: зло не может быть славным, а смерть бывает славной, значит, смерть не есть зло! – в полемическом запале утверждал Амфикрат.

– Аркесилай критиковал Зенона и учил, что все вещи непознаваемы, а идеал мудрости – свобода от заблуждений...

Они остановились посреди зала и, не замечая девушку, состязались в красноречии. Береника равнодушно внимала риторике мудрецов, а те, продолжая извечный спор, доказывали друг другу, что болтовня не принесла миру ни порядка, ни дисциплины. Всю мудрость мира можно уложить в одну строку: человек рождается, страдает и умирает. Армяне, они не болтают, они создают свою цивилизацию. Все свободные люди, живущие в державе Тиграна, являются ее гражданами с одинаковыми правами и обязанностями, подданные верны своему царю, а греки говорят, что это раболепство. Но в Армении порядок, благосостояние и безопасность, армянские купцы ездят по всему миру. Тигран создал огромное государство, оно, конечно, нестабильно, но царь прикладывает самоотверженные усилия, дабы удержать его от распада. Оба мудреца согласились: 1) царь Тигран опережает свое время; 2) у него есть дар воодушевлять и объединять людей.

Вдруг Метродор сказал:

– Я вижу признаки упадка в державе Тиграна...

Удивленный Амфикрат осведомился:

– Ты сообщишь ему об этом?

– Я обещал. Скрыть правду – значит лгать.

– Навлечешь на себя царский гнев.

– Надеюсь, государь справедлив...

Мудрецы следовали мнению Сократа по поводу справедливости. Несправедливость наносит больше вреда тому, кто ее совершает, чем жертве. Предстояло помочь царю сохранить державу. Когда прозвучали слова о Таблице судеб, никем не обнаруженная Береника, стоявшая за статуей и невольно подслушивавшая не интересные ей философские споры, встрепелась и внимательно прислушалась.

Амфикрат произнес:

– Царь считает, что предначертания Таблицы судеб открывают божественные замыслы. Завладев вещицей можно узнать свою судьбу и получить возможность изменить ее!

– Таблица разделена на три части, – напомнил Метродор. – Местонахождение двух обломков мы знаем: один у царицы Иудейского царства Саломеи Александры в Иерусалиме, другой у парфянского царя Фраата III в Нисе. Никто не знает куда царь Ксеркс поместил третий обломок.

– Поищем ответ в старых манускриптах! – предложил Амфикрат.

Философы ушли, а Береника, немного помедлив, осторожно пробралась в свои покои.

Глава 14. Раб страсти

Город Селевкия в Древней Сирии (развалины находятся в 25 километрах к югу от Багдада) находился на реке Тигр, являясь восточной столицей державы Селевкидов. Он располагался на вершине холма с крутыми склонами, естественным образом занимая выгодную оборонительную позицию. В цитадели Селевкии, охраняемой денно и ночью армянскими воинами, царь Тигран держал пленницу – непокорную Клеопатру Селену I, царицу Сирии.

Когда Тигран завоевал Сирию, чего только царица Селена не делала. Она ездила в Рим просить помощи и войска, пыталась захватить египетский престол, организовала оборону финикийских городов от ненасытного Тиграна. Все напрасно. После долгой осады финикийской Птолемаиды Тигран все-таки город взял, царицу пленил и теперь держал ее в качестве пленницы в каменной цитадели Селевкии.

Как львица она металась по комнатам крепости и рычала на прислугу. Хищно сверкая глазами, ругалась со стражей, потом, обессиленная, рыдала, снова брала себя в руки и, мстительно улыбаясь, придумывала новый способ насолить Тиграну. Она объявила охоту на этого тигра. Находясь в изоляции, царица побуждала своих сторонников быть смелее и настойчивее, и невидимые нити заговоров потянулись из Селевкии во дворец армянского царя.

В комнату вошел Сетос. Царица, исполненная гордости и ощущения собственного превосходства, стояла спиной к двери и думала об очередной уловке против Тиграна, наконец развернулась и устремила взгляд на преданного ей Сетоса, допуславшегося к Селене в роли лекаря.

– Моя госпожа, я принес известие о твоём сыне.

Селена с великим вниманием приготовилась слушать.

– Твой сын Антиох XIII, царь в изгнании, все-таки заключил союз с набатеями! – обрадовал её Сетос.

– О боги, свершилось! Я столько сделала, чтобы освободить Сирию от ненавистного Тиграна! Наконец-то мои молитвы услышаны.

– Вынужден огорчить: сил для возвращения себе царства у Антиоха недостаточно, даже с учетом верных ему войск и армии набатеев.

– Знаю.

Сирийская аристократия отвернулась от Антиоха XIII и захотела видеть на троне Тиграна. Сирия в своем развитии оставила позади все государства мира, но заносчивость Антиоха привела к упадку страны и смуте, и зная предала его, обратившись к Тиграну с просьбой навести порядок и возложить на себя корону селевкидских правителей. Антиох как правитель показал себя слабым. В два года он взошел на престол после смерти отца, Селена стала при мальчишке регентом, а потом соправителем. Однажды мальчик возмужал, но без помощи матери обойтись не мог никогда.

Сетос это знал, но решил с почтением польстить царице:

– Женская интуиция и рассудительность помогают тебе безошибочно видеть суть вещей.

– Друг мой, женщин недооценивают, – Селена язвительно улыбнулась. – Из-за женщины погиб самый могущественный царь Востока – Кир Великий...

По легенде, любовью Кира Великого, тридцать лет правившего Персией, была Томирис, царица массагетов (кочевого народа из Скифии). Однажды она гордо отвергла любовь царя, и он, оскорбленный и взбешенный, двинул многотысячную армию в ее страну. В бою погиб сын Томирис, и царица поклялась напоить ненавистного завоевателя кровью. Ей это удалось. Она измотала армию царя Кира, его убила, а голову приказала засунуть в кожаный мех с кровью. Таков бесславный конец любвеобильного тирана – самого успешного завоевателя до появления Александра Великого.

Сетос снова сокрушенно вздохнул:

– Госпожа, с огорчением должен доложить: Рим опять отверг твои претензии на египетский трон.

Царица Селена действительно была единственной законной наследницей династии Птолемеев и надеялась, что Рим поддержит ее притязания. Однако в Риме извлекли на свет документ, в котором Египет якобы завещан римскому народу. Сенат боялся и Селену, и заявленные ею права на объединение царств Селевкидов и Птолемеев.

От новости лицо царицы исказилось, однако эта женщи-

на никогда не сдавалась. Не все потеряно, она найдет способ вернуть утраченный трон. Ее дочь Береника по характеру схожа с матерью. Сложность положения только придает сил обеим красавицам.

– Отравить Тиграна не удалось, – опять огорченно вздохнул Сетос.

– Знаю, – сказала Селена. – Я уверена, Береника получила мое послание по голубиной почте и готовит новое покушение на Тиграна.

– За твоей дочерью постоянно следят. Со мной она встречалась с риском для жизни, выбравшись из дворца по отвесной стене здания.

Селена хищно усмехнулась:

– Береника на многое способна. Ведь в нашем роду были боги... Она вся в меня.

Пятый муж царицы, Антиох X, восхищаясь супругой, говорил: «Природа создала красивую, умную, но очень опасную женщину, из рук которой мужчины даже яд принимают с удовольствием».

– Береника такая же златокудрая красавица, как и ты, – польстил Сетос.

Селена была уже в зрелом возрасте, носила скромную прическу с туго уложенными на затылке прядями светлых завитых волос, убранных в сетку из золотых нитей. И даже в каземате одета она была восхитительно: зеленый хитон, скрепленный золотыми пряжками на плечах, и подпоясан-

ный на талии.

– Моя дочь мастерски владеет как искусством обольщения, так и боевыми искусствами.

– Да, моя царица, – поклонился Сетос, – мне показалось, она порождение необузданных сил природы...

Селена мстительно озлобилась. Тигран запер пленницу в этой мрачной крепости, а бедную дочь сделал своей наложницей. Но Береника знает, кто ее враг; девушкой движет жгучая ненависть к узурпатору. Конечно, Береника юна и ранима, но в ее арсенале имеются гнев, слезы и другие женские хитрости, она умеет льстить и подавлять свои желания. Она справится. Сетос видел, как сильно задето самолюбие царицы, но это была та потребность, дававшая ей чувство превосходства над реальностью.

Помощник мягко намекнул:

– Ее полюбил сын Тиграна...

Селена мгновенно отреагировала:

– Тигран Младший стал рабом любовной страсти к Беренике, и она этим воспользуется, я уверена!

– Царица, твой новый план идеален, – Сетос поклонился.

– Я безжалостно раздавлю царя Тиграна. Посмотрим, как он защитится от ножа, огня и магии!..

Сетос ушел, а Селена еще долго не могла успокоиться.

В Тигранакерте утро. Приятная прохлада проникала в покои огромного дворца.

– Ты чудо, и всегда действуешь на меня успокаивающе, – говорил Тигран Младший, целуя и лаская Беренику.

Они лежали на кровати в покоях царевича, где на стенах висели луки, мечи и кинжалы. Один из мечей, подарок отца, был сделан из дамасской стали. Литой узорчатый булат, резавший доспехи, как масло, занимал центральное место в коллекции юноши. Лучи солнца нового дня уже пробивались сквозь окна и, создавая неповторимую атмосферу уюта, преображали суровое жилище холостяка. Начинался новый день, и опять Тиграну Младшему придется притворяться, будто он верноподданный царя и терпеливо выслушивать его нравоучения. Такие муки невыносимы! Юноша постоянно думал об отце, даже в постели не позволял себе расслабиться. Царь унизил его, объявив брата, который глупее и наивнее, наследником престола. Да, невежественный брат превосходит царевича в силе. «Ну это мы еще посмотрим!» – думал он. Береника научила любимого быть осторожнее, держать свои мысли при себе, никому не показывать злость. Милая постоянно удерживала его от необдуманных поступков.

Береника приподнялась на локте и поцеловала юношу в губы:

– В твоей душе горит пламя. Упиваясь молодостью, даже не замечаешь, что тобой управляют чувства. Хоть и царишь в моем сердце, боюсь, наша любовь не станет панацеей от одиночества.

– Да, мне не нравится постоянство, – слабо улыбнулся он, – но я страстно хочу на тебе жениться.

– Знаешь, – вдруг оживилась возлюбленная, – я случайно услышала разговор Метродора и Амфикрата. Они говорили, что царь ищет Таблицу судеб.

– Что это? Зачем она ему?

Девушка пересказала подслушанный разговор. Царевич, услышав невероятную историю, воспрял. Таблица открывает замыслы богов, дает возможность узнать свою судьбу и повлиять на нее! Новость поразила Тиграна Младшего до глубины души. От него скрывали тайну! Имея такую вещичку, можно стать правителем мира, не то что одного царства. Из уст любимой царевич узнал, что Таблица разделена на три части, три обломка. Первый – у царицы иудейской, второй – у парфянского царя, где третий – царедворцы пытаются определить.

Царевич встал с постели и задумчиво произнес:

– Отец всегда учил, что сильный человек вершит свою судьбу сам. Что-то небывалое случилось в царстве, раз царь решил поспорить с богами.

В зал военного совета стремительно вошел царь Тигран. Все члены совета уже собрались, они встали и поклонились.

– Мамиконян, докладывай! – приказал сердитый царь, усевшись в кресло.

– Государь, получено донесение: в Сирии назревает вос-

стание, туда вернулся беглый Антиох XIII. Он заключил союз с набатеями и сеет смуту.

Набатеи – воинственный и богатый народ. Через их столицу Петру шли караваны из Аравии с ладаном и миррой – ароматическими смолами, ценящимися выше золота. Царь набатеев Арета III, смелый и мужественный человек, не иначе как задумал оторвать кусок от Сирии, а Антиох XIII был ему нужен как повод, чтобы войти в сирийскую землю.

Тигран жестко отреагировал:

– О каком ущербе моей державе может идти речь?

– Вероятнее всего, Арета захватит Дамаск, Птолемаиду, Тир и Сидон.

Лицо Тиграна стало суровым:

– В Сирии меня почитают как бога...

Сирийцы исправно платили Тиграну налоги, а еще сумели поставить банковское дело так, что серебряные монеты с профилем Тиграна ходили по всему миру. Уже четырнадцать лет эта страна благодаря армянскому царю не знала войн, процветала и благоденствовала.

Царь продолжал неистовствовать:

– Я не позволю Арете нарушить мир! – Затем, успокоившись, обратился к министру: – Васак, докладывай!

Встал Васак и с тревогой в голосе произнес:

– Великий государь! Ты принес Сирии политическое успокоение и экономическое возрождение, но наступили тревожные времена. Агенты Антиоха XIII на юге Сирии

подстрекают местные племена, подогревая настроения недовольных...

Наместник Тиграна Баграат стоял во главе стран, захваченных у Селевкидов, в том числе Сирии. Приближенный к царю армянский сановник, умный и решительный человек, хороший дипломат и политик, он не позволял никому разжигать конфликты в стране. Но с ним расквартирован лишь восьмитысячный армянский гарнизон, даже с учетом двадцати тысячи сирийских солдат для отражения наступления Ареты войск явно недостаточно. Армяне имели хорошую разведку, быстро доставляли информацию во все уголки державы, четко работали почтовая и костровая связь, но требовались неординарные меры, чтобы разрешить сложившуюся ситуацию.

Встал Гнуни:

– Государь, фараон Египта Птолемей XII сумел захватить власть лишь благодаря твоей военной и политической поддержке. Предлагаю просить его вступить в войну с набатеями.

Когда народ египетской Александрии ворвался в дворец и убил фараона Птолемея XI, законных наследников Египта, помимо Селены, не осталось. Тигран сумел посадить на трон этой страны «флейтиста» – незаконнорожденного сына фараона от греческой любовницы. Тот, страстно увлеченный игрой на флейте, взял себе тронное имя Птолемей XII.

Васак занервничал:

– Освобождая Сирию, ты, государь, тогда прогнал набатеев. Они признали твою верховную власть над этим царством, а теперь нарушают договор... О великий! Только ты способен противостоять Арете, только ты должен возглавить войско и немедленно выдвинуться в поход!

Тигран думал. Арета III сильно ему досаждал. Постоянно вмешиваясь в борьбу за власть в Иудее, правитель Nabatei давно мечтал взять Иерусалим. Иудеи, которых опекал Тигран, были настроены агрессивно против набатейского царя. Если Сирия падет, на Ближнем Востоке начнется большая война. Петра, столица набатеев, – узел, где сходятся все караванные пути мира. В этом городе, в скальном храме Эль-Хазне, цари набатеев хранят свои богатства. Несметные сокровища! Пришло ли время контролировать этот узел?..

Встал Артавазд:

– Государь, разреши мне с отрядом конницы совершить набег на Петру, чтобы упредить противника!

Тигран жестко отреагировал:

– Артавазд, тебе еще будет представлена возможность отличиться... Петра хорошо защищена отвесными скалами. Как известно, Антигон Циклоп попытался захватить Петру, но потерпел неудачу...

Антигон Циклоп, удачливый и бесстрашный полководец Александра Македонского, в ходе одной из битв потерял глаз, но не разрешал врачу вынимать стрелу до окончания боя. После смерти Александра он до безумия в фанатизме

вел войну со своими товарищами-полководцами за наследство царя.

Встал Меружан:

– Государь, дай мне десять тысяч пехотинцев, и я разобью Арету, если он попытается войти в Сирию.

Тигран Младший, молчавший до этого, подал голос:

– Не только набатеи, но и Рим и Парфия стремятся включить Сирию в сферу своего влияния. Они считают ее ключом к твоей державе, государь. – Царь внимательно посмотрел на сына, а тот продолжил: – Если отколется Сирия, отец, тебе не удержать державу единой. Я за войну, немедленно!

Царь спокойно отреагировал:

– Мой сын очень воинственный, он еще не понял две вещи: война – не игра, поражение – катастрофа. Война – это последнее средство, к которому я прибегаю, чтобы восстановить порядок.

Тигран встал, подошел к чаше мира, наполненной до краев водой. Полная чаша, вызывавшая у него образ достатка царства, напоминала, что в Армении есть все блага. Эту бронзовую чашу, как реликвию, передавали из поколения в поколение в династии Арташесидов, чтобы, глядя на рисунки сцен кровавых битв, царь помнил о благородной цели – содействовать миру.

Тигран твердо сказал:

– Я не ищу предлога к насилию, редко выхожу из себя, подавляю свои эмоции и стараюсь быть сдержанным и к сто-

ронникам, и к противникам, но царский меч опустится на головы тех, кто встанет на моем пути.

Глава 15. Парфянская головоломка

Царь Фраат III принимал тайного посланника римского наместника в своем дворце в столице Нисе (руины города сохранились в 18 километрах к западу от Ашхабада). Парфяне, отняв у Селевкидов Персию и юг Месопотамии, хотели также вмешаться в дела Сирии, но Тигран II положил этому конец, и внешние границы Парфянского царства стабилизировались. А вот борьба внутри этого царства не затихала ни на минуту. Часть парфянской знати была настроена проримски, войны не хотела, другая же часть, напротив, стремилась к широким территориальным завоеваниям, призывая к войне с Римом. После периода смуты и двоецарствия компромиссной фигурой для обеих группировок стал царь Фраат III.

– Посланник Рима – мой друг! – лучезарно улыбаясь, говорил хитрый Фраат. – Одна из первых обязанностей дружбы состоит в том, чтобы предупреждать просьбы друзей. Попробуй халву с цветами, вкус изумительный.

Клодий и царь расположились на мягких диванах, между которыми накрыли столик с восточными сладостями и фруктами. Клодий, преподнеся царю дар – изящный золотой кубок (царь даже не удосужился на него взглянуть), – уже было собрался блеснуть красноречием и открыл рот, как царю доложили, что талисман, защищающий его столицу от всех

бедствий, похищен. Бородатый правитель, светловолосый и светлоглазый, с белой лентой, повязанной вокруг головы, в пышной восточной одежде, украшенной золотом и жемчугом, очень рассердился:

– О боги, кто мог украсть реликвию?! Стража!!

Клодий, желавший произнести дежурную фразу, приготовившись пустить весь потенциал личного обаяния, закрыл рот и насторожился. Он многому подивился во дворце Фраата: и архитектура, и убранство залов, и скульптура, и манера одеваться – все причудливая смесь греческого, персидского и скифского.

А Фраат уже вошел в состояние неистовства. Вскочив с дивана, он закричал:

– Кто выходил из дворца?!

– Никто не выходил! – докладывал начальник стражи.

– Немедленно поймать вора!! Привести сюда Мантикору!! – вопил царь.

Он жестом пригласил Клодия следовать за собой.

– Уважаемый посланник, возникла чрезвычайная ситуация. Похищен талисман. Невероятно! Он был под охраной Мантикоры.

Столица Ниса неприступна, потому что защищена кольцом мощных городских стен, и если кто-то попытается штурмовать их, на него обрушится огненный дождь из сырой нефти. За последние двести лет враги так и не смогли захватить город, и парфяне верили, что это благодаря защите волшеб-

ного талисмана.

– Кто такая Мантикора? – поинтересовался Клодий.

– Кошка.

Римский дипломат, недоумевая, просто следовал за царем, а тот вдруг остановился и, сделав страшные глаза, разъяснил:

– Мантикора – это чудовище с телом красного льва, головой человека и хвостом скорпиона. У него рыжая грива, три ряда зубов и глаза, налитые кровью. Хвост, кстати, заканчивается шипами, яд которых убивает мгновенно. Я назвал Мантикорой свою кошечку.

Они шли по коридору дворца, и в какой-то момент Клодий остался один. Озираясь по сторонам, он пытался найти Фраата, но того нигде не было. Клодий пошел дальше и оказался в обширном внутреннем дворе – своеобразном световом колодце для прилегающих помещений, что-то вроде римского атриума. Стоя посреди двора в белоснежной тоге, он посмотрел наверх, увидев на всех четырех этажах суетившихся людей, а на верхнем стоял царь Фраат и смотрел на гостя. Шум внезапно стих, взгляды людей устремились также на Клодия. Тот, не понимая, что происходит, опустил голову и тут увидел «кошечку».

Во двор неслышно вошел огромный тигр. Это был самый совершенный хищный зверь из всех, когда-либо виденных Клодием. Тигр был спокоен и нетороплив. Шел он непри-
нужденно и легко, держа тяжелую голову полуопущенной,

шаги его были плавны и мягки.

Подойдя к Клодию, тигр тонкими кончиками усов прикоснулся к тоге, возможно оценивая величину объекта, потом обнюхал человека, при этом кончик его хвоста извивался из стороны в сторону. Зубы тигра оказались совсем рядом с рукой легата. Хищник поднял голову, направив насквозь пронизывающий и завораживающий взгляд на человека. От одного лишь осознания, что рядом опасный зверь, сердце легата учащенно забилося, а все органы чувств предельно обострились. Оба, человек и хищник, глядели друг другу в глаза, затем тигр, видимо почувствовав сильную волю мужчины, потерял к нему интерес, отвернулся и пошел дальше.

На втором этаже, пройдя мимо дворцовой челяди, тигр приблизился к человеку, похожему на повара, разинул пасть, и рев – громкий, протяжный и жуткий – сотряс все этажи дворца. Удовлетворенный наделанным шумом, зверь пошел дальше и улегся у дверей в покои дочери царя. Довольный и умиротворенный, он мурлыкал почти как кошка, а кончик его хвоста плавно загнулся кверху.

Шокированный происходящим, Клодий оставался неподвижным, наблюдая за происходящим. Дверь покоев царевны открылась, и вышла прекрасная Родогуна. Клодий изумленно уставился на очаровательную девушку. Ее тонкие черты лица обрамляли светлые волосы; гибкий стан и прекрасные голубые глаза придавали ей очарование и привлекательность. Облик завершали яркая красная туника, головной

убор, ожерелье, серьги и браслеты. Родогуна, потрепав «кошечку» по загривку, подошла к перилам ограждения атриума и глянула вверх.

– Я это сделала, чтобы привлечь твое внимание! – она потрясла перед отцом цепью с золотым медальоном с чеканным ликом Солнца.

– Чего ты хочешь, Родогуна? – возбужденно кричал царь с четвертого этажа.

– Я хочу замуж!

– Но, дорогая, пока нет достойного жениха.

– Мне надоело ждать. Хочу замуж!

– Хорошо, хорошо, только уведи Мантикору!

Вредная Родогуна повязала шею тигра шелковым шнурком, шлепнула его; тот встал и пошел рядом с царевной. Со шлейфом неповторимого загадочного аромата она прошла мимо Клодия, даже не повернув головы. Римлянин с восхищением смотрел на удаляющееся хрупкое существо таинственной природы, наделенное необычайной красотой и способное к тому же укротить свирепое чудовище.

– Друг мой, – внезапно за спиной посланника раздался голос коварного царя Фраата, – ты вел себя мужественно, хотя, уверяю, тебе ничего не угрожало.

Они направились в святилище бога Шамаша, находившееся тут же во дворце. Парфия, огромная страна, простиралась от Великой Армении до Индии. Счастьем и богатством парфяне обязаны могущественному богу Солнца Шамашу, в

святилище которого постоянно горел священный огонь.

Фраат туманно пояснил:

– Посланник, в этом неугасимом пламени мне видится лик бога.

Святилище сделано с любовью к декоративным деталям. В центре помещения, украшенного многоцветной росписью стен, на постаменте стояла изготовленная из золотистого базальта статуя бога Шамаша в пышной одежде. Раскрашенная красками скульптура в человеческий рост выглядела настолько реалистично, что казалось, Шамаш сейчас заговорит. Лучи света падали из большого круглого отверстия в потолке прямо над статуей. В это же отверстие выходил дым от негасимого огня, горящего у подножья изваяния. На его груди сиял злополучный талисман. Слуга, сняв медальон с золотой цепью с шеи статуи, передал его Фраату, а тот милостиво разрешил Клодию рассмотреть талисман подробнее. Золотой диск размером с яблоко имел на лицевой стороне лик Солнца, а на обратной кусающую себя за хвост змею и пятилучевую звезду.

Клодий, держа в руках реликвию, невольно задумался об удивительном народе – парфянах. Как образованный человек, он знал, что это царство основал Андрагор, селевкидский наместник в области под названием Парфия. Однажды, взбунтовавшись, он провозгласил свою независимость от Селевкидов и объявил себя царем. Потом в его царство вторглись племена дахов, парнов и массагетов. Андрагор погиб в

схватке, и царством стали править потомки кочевников.

– Мои сыновья Ород и Митридат, – представил Фраат Клодию юношей, вошедших вслед за ними.

От Клодия не укрылся злобный блеск в глазах юношей, такой же, как у тигра, занявшего свое место за решеткой в нише святилища. Тигр облизнулся и уставился на легата.

Фраат перехватил направление взгляда гостя:

– Мантикору выпускают, когда здесь нет царя и его приближенных.

Клодий решительно сказал:

– Я бы хотел поговорить о делах!

– Конечно, посланник, прошу за мной! – расплылся в улыбке Фраат.

Они вновь расположились на диванах. Охрана – стражники в доспехах из чешуйчатой брони с пиками и мечами – неусыпно бодрствовала.

Клодий произнес заготовленную речь:

– Сухопутная торговля между Римом и Китаем нуждается в контроле на протяжении всего пути. Мы бы хотели обойтись без посредничества Великой Армении и просить тебя, государь, способствовать этому вопросу.

– Парфянское царство будет радо оказать услугу Риму, – недоверчиво прищурился Фраат.

– Рим рассчитывает упрочить отношения с твоей державой и предлагает заключить союз.

– Союз против кого? – без энтузиазма спросил царь.

– Разумеется, против Великой Армении. Римский наместник Лициний Лукулл считает, что две огромные державы, Римская республика и Парфянское царство, могли бы контролировать Великую Армению.

– И это мне говорит посланник Лукулла! – разочарованно надулся царь. – Парфия оказала большую услугу Риму в войне с Митридатом, а что получила? Нам даже не возвратили наших вассалов!

Речь шла о царствах Эдесса, Элимаида и Кордуэна. Дипломат Клодий попытался переубедить царя:

– Мы хотим дать мощный стимул деловой активности нашим странам...

– По моим данным, – быстро сказал царь, – Рим хочет превратить Парфию в вассальное государство.

– Наши намерения в отношении Парфии искренни...

– Не верю! Корыстолюбивые политики Рима нацелились на парфянские сокровища.

– Риму нужен надежный союзник...

– Да и вообще, – заключил Фраат, – Рим препятствует моему господству на Востоке.

После этих слов Клодий не знал, что и сказать. Все было сущей правдой. Но союз необходим. Только в союзе с Парфией можно поставить Тиграна на колени.

Клодий нашел еще один аргумент:

– Государь, ты вернешь земли, отнятые у тебя Тиграном.

Фраат скривил рот:

– Наша пословица гласит: бери кусок по величине рта. Я не хочу связываться с Тиграном II, мы и так потеряли треть царства, не хватало лишиться еще и остального.

– Государь, правильно я понял: ты отказываешься от союза с Римом?

– Нельзя насильно тащить собаку на охоту, – притворно обиделся Фраат.

– Прошу меня извинить, если я чем-то тебя обидел. Дружба требует взаимных симпатий.

– Именно, друг мой! Попробуй щербет, вкус изумительный.

Помолчали. Вдруг Клодий спросил:

– Я слышал легенду про Дворец власти...

Парфянский царь напрягся:

– И что тебя интересует?

– Существует ли он? Что там?

– Легенды придумывают люди... – осторожно сказал царь.

– Я бы хотел докопаться до истоков этой легенды, – упрямо гнул Клодий.

Фраат озабоченно произнес:

– Мое царство заинтересовано вернуть себе Элимаиду.

– Почему нет? – подумав, ответил Клодий. – Она населена разбойническими племенами, Рим не будет возражать.

– О посланник, мы с тобой становимся закадычными друзьями!

– Я весь внимание.

Фраат, хитро улыбнувшись, предложил Клодию вина и бархатным голосом с нотками снисходительности приоткрыл тайну. Немного людей могут похвастаться этим знанием. То, что римлянин желал знать, величайший секрет. Легендарный Дворец власти существует! Это хранилище сокровищ и чудес.

Однажды богатейший царь Лидии Крёз спросил мудреца:

– Можно ли считать владельца столь великих богатств, как у меня, поистине наисчастливейшим из смертных?

На что мудрец ответил:

– Никого нельзя назвать счастливым прежде его смерти.

Это означает: не гордись счастьем данной минуты, все может перемениться. Даже богатый всегда подвержен опасности. Крёз понял: не в богатстве счастье. Если не властвуешь над миром как бог, от богатства нет пользы. Власть царя сакральна, то есть дана свыше, но как осмыслить божественное? Крёз поспешил задать вопрос богам – через оракула, конечно, – и получил ответ: «Взаимопроникновение сакральной и божественной сфер возможно в Дворце власти»...

Царь Фраат величественно прошелся по залу:

– Посланник, Дворец власти находится на Армянском нагорье, что лежит на полуострове Малая Азия!

Клодий открыл рот от изумления, но так и ничего не сказал, а Фраат, удовлетворенный произведенным эффектом, продолжил рассказ.

Крёз захватил половину Малой Азии, и в том месте, где

сходятся пути завоевателей Востока, он нашел Дворец и перенес туда свои сокровища. Другой могущественный царь, Кир II Великий из Персии, захватив Вавилон, в Храме судеб узнал нечто, что помогло ему разбить войска Крёза. Царя лидийского он пленил, хотел казнить, но Крёз поведал ему о Дворце, и Кир не только сохранил ему жизнь, но и назначил своим советником. Оба сделались причастны к высшим силам и их проявлениям, более того, они стали проводниками этих сил на Земле. Получив бессмертие и способность находиться вне времени и пространства, они обрели невероятное могущество для преобразования мира. Вполне даже могут находиться здесь и сейчас!..

– Все это так таинственно и лежит вне моего понимания, – признался Клодий.

Фраат иронично сказал:

– Посланник, твой наместник Лукулл, захватив Понтийское царство, стал баснословно богат. А теперь, уверен, он хочет приобщиться к сверхъестественному. Ему наскучил окружающий мир, захотелось выведать тайну Дворца власти, впрочем, как и мне...

Фраат смотрел на Клодия как на средство достижения своих целей. Вся демагогия разводилась ради одного: заставить римлян найти священное место, а потом, устроив ловушку и устранив противника, завладеть сокровищами.

Ядовито улыбнувшись римлянину, царь указал на окно:

– Подойди посмотри!

Клодий подошел к окну и выглянул.

– Это Баулук – сокровищница парфянских царей, – сообщил Фраат.

Клодий увидел большое, не очень высокое квадратное здание без окон, с единственным входом, с плоской крышей и открытым внутренним двориком. Фриз, венчающий это странное сооружение, украшен изображениями греческого Геракла, львиными мордами и парфянскими колчанами со стрелами. Вокруг хранилища сокровищ ходили стражи со страшными собаками на поводках – помесь пастушьих овчарок с малоазийскими львами.

– Посланник, сокровищница доверху забита золотом и драгоценностями, – с придыханием произнес Фраат. – Я сплю на золотом ложе, мой трон из золота, мой гарем уступает только гарему Митридата Евпатора. Но увя! Что толку в обладании богатством, если власть ограничена зловерными соплеменниками, которые только и мечтают тебя убить.

– Понимаю, – с едкой иронией произнес Клодий, – хочется стать властелином мира и влиять на ход истории.

Они сели на диваны и посмотрели друг другу в глаза. Фраат насмешливо произнес:

– Идти в поход против Великой Армении Лукулла побуждает поиск Дворца власти. Что ж, я буду внимательно наблюдать за эпопеей.

Клодий всем телом подался вперед, жадно вглядываясь в лицо царя:

– Скажи, где Дворец!

– Никто не знает, – Фраат, пожав плечами, развел руки в стороны. – Знание было утеряно.

– Не понимаю, – римлянин часто заморгал глазами, – ведь персы, твои вассалы, владеют этим знанием, а ты говоришь, никто не знает!

Фраат просветил:

– Посланник, персидский царь Дарий III был последним, кто знал месторасположение Дворца.

Дарию не повезло. Проиграв битву Александру Македонскому, он скрывался в горах. Александр, двигаясь с небольшим отрядом, догнал беглецов. Приближенные из свиты закололи Дария, сами же бежали дальше, бросив истекающего кровью царя. Разыскав убийц персидского царя Дария III, Александр Македонский предал их страшной смерти со словами: «Царей имеют право убивать только цари».

Как бы невзначай Фраат негромко произнес:

– По-видимому, кое-что знают армяне...

Действительно. Умирая, Дарий мог раскрыть секрет полководцу Дадарсису, армянину, герою битвы при Гавгамелах, единственному оставшемуся верным ему.

Блестя глазами, Клодий, скорчив отвращение, вскричал:

– О, я понял! Ты ищешь Дворец, но не можешь найти и хочешь подключить римлян! И еще мне кажется, ты обладаешь какой-то важной вещью, но не говоришь мне. Думаю, и про талисман, охраняемый «кошечкой», не все рассказал!

Фраат смутился и отвернулся:

– Попробуй пахлаву, вкус изумительный!

Аудиенция закончилась. Клодий понял, что попал в точку, но царь больше ничего не скажет. Легат встал и коротко склонил голову. Фраат также поднялся, улыбка вновь засияла на его лице:

– Посланник, уверен, у нас еще будут встречи. – Царь хлопнул в ладоши: —Подарки наместнику Лукуллу и его посланнику!

Слуги принесли подарки. Клодию была вручена золотая бляшка с изображением орла со змеей в клюве. Кто имеет такую вещь – друг царя Парфии, его всегда ждет радушный прием. Наместнику Лукуллу предназначалось страусовое яйцо. Клодий уставился на огромное яйцо в золотом обрамлении, пытаясь сообразить, что означает этот подарок, но в голову ничего не приходило.

Фраат, видя его замешательство, таинственно произнес:

– Если человек ищет мудрости, он умен, но решив, что нашел ее, он глуп.

Глава 16. Откуда исходит угроза?

Ваагн – армянский бог огня и молнии – рожден с особой миссией сражаться с драконами. Армяне его называли жнецом драконов. Как своему любимцу царь Тигран часто приносил этому божеству жертвы в храме. Арамазд, Анаит и Ваагн – триада главных богов Великой Армении, а еще пять богов, не столь популярные, являлись покровителями в других делах: знание, умение, плодородие, жизнь, любовь, смерть.

Огромная процессия верхом на лошадях двигалась по улицам столицы, направляясь в храм бога Ваагна. Тигран, приветствуя народ, кивал и улыбался, а толпа одобрительно гудела. Люди, стоявшие по обе стороны дороги, выкрикивали ликующие возгласы и любовались яркими одеждами сопровождавшей государя знати и сверкающими на солнце доспехами воинов.

Верховный жрец Спандуни, ехавший подле царя, говорил: – Подданные существуют для тебя и твоей державы, а ты для них. Посмотри, как они радуются!

Это он убедил принести жертвы богу Ваагну, управлявшему громом, молниями и огнем, так как стихийные бедствия, захлестнувшие гавары (уезды) вблизи горы Арарат, не прекращались. Обязанность Тиграна – обеспечить процветание народа, а для этого нужно совершить ритуал в храме бога Ваагна, и все наладится.

Блестящая процессия, состоявшая из самых заметных фигур царства и охраны, пышная и торжественная, продолжала свое движение. Обычно Тигран взывал к Ваагну как к богу отваги и войны, но сегодня он все больше думал о происках драконов-вишапов, победить которых, согласно легендам, можно только огнем или молнией.

Справа от царя шествовал Меружан, сзади – начальник стражи дворца Нубар, оба мужественные полководцы, особо приближенные к царю люди, исполнявшие в мирное время функции охраны государя.

– Нубар, – сказал Меружан, – смотри внимательно по сторонам. На площади собралось много народу.

Процессия проследовала на главную площадь Тигранакерта. Взгляд Тиграна упал на человека в толпе; лицо царя помрачнело. Меружан, повернув голову в ту сторону, куда смотрел царь, увидел сверкнувший на солнце предмет, летящий в Тиграна. Воин, не задумываясь, закрыл собой царя. В спину телохранителя вонзился нож. Тело Меружана обмякло. Испытывая невыносимую боль, он опустился на шею лошади, призвав Нубара позаботиться о царе. Нубар, выхватив из-за спины лук, натянул тетиву и выпустил стрелу как раз в тот момент, когда злоумышленник приготовился метнуть второй нож. Стрела вонзилась убийце в плечо; нож выпал из его руки. Злодей, выдернув стрелу, закрыл рану ладонью и попытался скрыться, но дворцовая стража настигла его в узких улочках города.

Площадь охватила паника, оглушал невообразимый шум, поднялся переполох. Охрана окружила царя, процессия остановилась, стройные ряды царедворцев смешались. Подоспевший лекарь потребовал нож из спины Меружана не выдергивать и немедленно доставить воина в дворец в ятрейю – хорошо оснащенную клинику при дворце. О дальнейшем шествии в храм не могло быть и речи.

В ятрейе операция прошла успешно: нож из тела Меружана извлекли, рану прижгли и зашили, наложили повязку. Армянскому лекарю Егии ассистировал греческий эскулап Архагат. Меружан лежал на кушетке на спине, перевязанный полотняными бинтами, и спал.

Егия смеялся:

– Дорогой Архагат, у нас не применяют метод общего обезболивания, предложенный тобой, – нанести удар тяжелым предметом больному по голове. Мы давно используем для наркоза болеутоляющее растительное средство. Меружан заснул, и скоро придет в себя.

Искусство врачевания в Армении в этот период было на высоком уровне. Но и в Греции медицина – древнейшее занятие. Асклепий, греческий бог врачевания, был рожден смертным, но за высочайшее искусство получил от богов бессмертие. Свободному развитию терапии и хирургии в Армении способствовало отсутствие запретов со стороны царя и жречества на анатомические исследования. Успешно лечили даже открытые и закрытые переломы; кровотечение оста-

навливали, прикладывая к ране прополис; широко использовалось лечебное применение продуктов пчеловодства

– Чем ты обмазал рану, накладывая повязку? – поинтересовался Архагат.

– Это «армянская глина», которую мне доставляют с озера Ван. Она резко ускоряет заживление, – ответил Егия.

Лекарственные растения Армении отличались особыми свойствами. Целебные армянские травы знали во всем мире. Егия, получив образование под руководством опытных врачей – армян, ассирийцев, персов и сирийцев, – применял ценные растения с гор Армении.

Разговор двух эскулапов прервал царь, вошедший в сопровождении Кухбаца и Нубара проведать Меружана.

– Ну как он?

– Твой телохранитель сильный человек, – отвечал врач. – Даже на более серьезные раны может не обратить внимания. Он вне опасности. Края раны ровные, потеря крови небольшая. Сейчас он спит, думаю, выздоровление пойдет быстро.

Царь с благодарностью посмотрел на врача:

– Ты искусный врачеватель, Егия... А что если нож был отравлен?

– Я подумал об этом и использовал сок растения сильфий на тот случай, если в рану попал яд.

– Меружан спас мне жизнь... – Тигран с сочувствием смотрел на раненого воина.

Егия взял со стола кольцо с тайником и откинул камень:

– Государь, я закончил исследование кольца. Под камнем был яд аконитин. В наше время его изготавливают только в Сирии.

– Вот как... – царь задумался и, ничего не сказав, вышел из покоев с сопровождающими.

Решительным шагом шел Тигран по коридорам дворца, за ним поспевали Кухбацци, и Нубар. Владыка уже получил сведения: преступник с площади являлся сирийцем. Он метатель ножей высокого класса, прибывший на днях в город. При нем нашли десять ножей, и все особой конструкции. Такие изготавливают только в Сирии.

Царь внезапно остановился и посмотрел на телохранителей:

– Все последние покушения связаны с Сирией. Кто-то направляет руку убийцы. Узнайте, откуда исходит угроза!

В доме азарапета Гнуни, главного финансиста царя, развернулась дискуссия между друзьями. Аравелян, старейшина рода и крупный землевладелец, пытался донести до царского чиновника озабоченность реформами царя настроенной проримски армянской аристократии.

Аравелян говорил:

– Нам не нужны новые рабы, а имеющиеся зачастую приносят лишь небольшой доход. Есть другие способы обогащения.

Гнуни полемизировал:

– Конечно, вы разбогатели настолько, что решительно выступаете против сильной центральной власти.

Аристократия хотела больше самостоятельности и видела наследником престола того, кто будет проводить политику, понятную и удобную большинству богатых людей, например Тиграна Младшего. Идеальным, с их точки зрения, было бы следующее: царь, умиротворив и подчинив для армянской знати половину Азии, разрешил бы ей хищно выкачивать из провинций огромные средства. В противном случае, возможно ожесточенное сопротивление курсу царя. Несомненно, аристократия нацелилась грабить народ и дальше, наживаясь на ростовщичестве и спекуляции, а не думать о развитии государства.

– Рим движется в этом направлении, аристократия там процветает! – настаивал Аравелян.

– У Рима другие приоритеты и единственная цель – завоевания для грабежа, – парировал Гнуни.

– Мы готовы считаться с римскими интересами, а они с нашими, – гневался Аравелян.

– Вы разрушите державу и сами сгорите в огне своих идей, – не уступал Гнуни.

Оба знали, что Митридат Понтийский, главный союзник Тиграна, потерпел поражение в войне, Великая Армения осталась в одиночестве между могущественным Римом и усилившейся Парфией. Теперь давление на Армению с запада и востока будет только нарастать. Римляне мечтают вме-

шаться в дела армянской державы, и сейчас подкармливают некоторые слои армянской знати, настраивая ее против царя.

Аравелян, чтобы закончить разговор на дружеской ноте, примирительно сказал:

– Нашей дружбе, Гнуни, ничего не угрожает, в конце концов, мы армяне, патриоты, в нашей религии и культуре в сочетании с древними традициями много хорошего, и мы не хотим останавливаться в своем развитии.

Гнуни с теплом в голосе произнес:

– Ты, мой друг, не искушен в делах царства, но, быть может, здравый смысл и глубокий ум помогут тебе понять мою правоту.

В царских покоях Тигран вел неторопливую беседу с мудрецами. В креслах напротив него сидели старый Евсевий и молодой Айказ. Солнце уже зашло, темная южная ночь опустилась на город, в окно заглядывала яркая луна в окружении мириада мерцающих звезд. Огоньки пламени в чашах светильников весело прыгали, высвечивая одухотворенные лица говорящих.

Речь зашла о манускрипте «Экономика» знаменитого афинянина Ксенофонта. Манускрипт, как и его книга «Анабасис», хранились в библиотеке дворца. Ксенофонт пишет о рациональном ведении хозяйства: как платить за труд, как извлекать выгоду, а пребывая в Армении и встретившись с царем Ервандом I, он поделился мыслью об управлении

царством. Его идея о большом предприятии по переработке меди обогатила Великую Армению. Под защитой Тиграна процветали все армянские области. Для этого была создана структура власти, дающая армянской аристократии возможность не только приумножать свои богатства, но и делиться с государством и заботиться о народе. Но знати не давал покоя пример непомерного обогащения римской аристократии.

Уходя от этой больной темы, Тигран сказал:

– В наших вечерних беседах мы часто поднимаем вечные темы: жизнь, смысл жизни, смерть, отношения с богами...

– А еще загадываем, оставишь ли ты след в истории? – вспомнил Евсевий.

– Люди всегда мечтали овладеть высшей мудростью и разгадать тайну вечной жизни, – сказал Айказ.

– Бессмертие могут подарить только боги, – улыбнулся Тигран.

– А знаешь, государь, – проронил Евсевий, – царь Ерванд, которого ты сегодня упоминал, возможно, произошел от дракона, ведь его имя означает дракон.

Тигран стал серьезным. Тема драконов все чаще занимает умы как его самого, так и его подданных. Есть сочинения, где говорится, что и Александр Великий тоже произошел от дракона. Вблизи Арарата стали встречать странных людей, называющих себя колдунами. Уж не порожденье ли это драконов? Землетрясения, черный дым, гром, языки пламени, молния, град, туман – вот о чем постоянно доносили царю

из уездов, примыкающих к горе Арарат! Все говорило о том, что ужасный монстр проснулся. Старые рукописи называли огромного черного дракона злым духом, порождающим хаос, а народ прозвал его вишапом, обитающим в священной горе Арарат.

Тигран проронил:

– Мне с детства рассказывали старинные легенды, и я всегда полагал, что драконы – это порождение народных поверий.

Евсевий промолвил:

– Легенды, друг мой, это предания о реальных событиях. Драконы существуют!

Из легенд все знали, что у драконов ядовитая слюна и смрадное дыхание, ужасный голос и свирепый вид, они огромны, быстро размножаются, крадут человеческих детей и подменяют их злыми духами, также могут и сами принимать образ человека.

Собеседники умолкли, погружившись в тяжелые раздумья. Тигран вспомнил слова Айказа, сказанные в комнате тайн: «Вавилон – это символ грядущего. Так же, как когда-то в прошлом был суд над древним Вавилоном, в будущем будет суд над всемирным Вавилоном». Прервав молчание, он сказал:

– Разрушение мира начнется с Армении, с того места, где когда-то жизнь зацвела... Так что, Айказ, судьба мира предначертана?

– Да, государь. Боги собираются разрушить цивилизацию.

Пробуждение драконов не случайно.

– Как убить дракона? – Тигран серьезно воспринял слова ученого.

Айказ поведал:

– Ваагн, громовержец и бог войны, всегда возглавлял силы против драконов.

Евсевий тревожным голосом произнес:

– В державе, государь, одни считают тебя божеством, другие человеком, тесно связанным с богами. Ты можешь обеспечить народу благополучие, потому что общаешься с божественными силами. Благоденствие державы зависит от тебя.

– Это так! – подтвердил Айказ. – Твоя власть проникнута могуществом богов.

Тигран встал, прошелся по залу. Он помнил свою клятву: идеалом и высшим смыслом жизни царя является жертвенное служение народу.

Евсевий изрек:

– Владыка, только ты исполнен той силы, которая убьет дракона.

Глава 17. Бой братьев на мечях

Для отработки приемов боевой самообороны юноши из знатных семейств Тигранакерта посещали тренировки фехтования на мечях, чтобы в совершенстве овладеть оружием, широко используемым на войне. На свежем воздухе, на специальном поле в черте города, собралось около двадцати юношей, среди них Артавазд, наследник престола. Он уже начал учебный бой с партнером, когда на поле с ватагой друзей появился Тигран Младший. Занятия, проводимые опытным тренером, шли в форме поединков – клинок против клинка, без щитов. Отрабатывались координация движений, выносливость и подвижность.

Тигран Младший, не понимая, что стал жертвой интриг, враждебно смотрел на брата. Жгучая ненависть к Артавазду переполняла младшего брата. Ему казалось, что за его спиной все над ним смеются. В неудачах он винил исключительно старшего брата, но и на себя злился за неумение отомстить. При упоминании имени Артавазда, первого в списке мести, юноша легко раздражался и всячески старался превзойти объект своей ненависти. И вот нетерпение поквитаться выплеснулось наружу. Отстранив Георга, партнера Артавазда, младший брат выкрикнул:

– Защищайся!

Братья, вооруженные учебными мечами, встали в боевую

стойку. Клинок ударился о клинок. Противники нанесли деревянными мечами несколько жестких направленных ударов. Артавазд легко парировал удары, а когда требовалось, красиво уходил от агрессивного натиска.

Тигран Младший надменно процедил:

– Я тебя ненавижу!

– Брат, – весело отреагировал Артавазд, – у тебя высокое самомнение. Ты никого не уважаешь, жесток к окружающим, готов истребить каждого, кто встанет на твоём пути.

– Причинить зло тебе – то малое, о чем мечтаю всю жизнь! – завопил Тигран Младший.

Вдруг отступив, он бросил учебный меч, и ему тут же подали боевой с остро заточенным лезвием. Лицо парня, выражавшее выстраданную ненависть, расплылось в злорадной улыбке:

– Сейчас мы узнаем, кто достоин быть властелином мира.

С этими словами он ринулся в атаку. Артавазд, отбив атаку и блокируя деревянным мечом рубящие удары, защищался, пока его клинок не треснул, а потом и вовсе не разлетелся в щепки. Бой остановился.

– Ты всегда стоял на моем пути! – ревел младший. – В твоей тени никто не рассмотрел мои способности. Но я докажу отцу свое превосходство.

Парировать удары было нечем. К Артавазду уже спешил Георг с боевым мечом. Бросив деревянный обломок, Артавазд схватил принесенный меч. Бой завязался вновь, и был он

уже не учебным. Тигран Младший отчаянно стремился поймать брата в ловушку, но не получалось. Тот снова и снова переходил к атаке, а младшему оставалось лишь защищаться. Вот меч Артавазда заскользил по лезвию клинка младшего брата и остановился лишь у гарды. Скрещенные мечи сверкали на солнце, а соперники, оказавшиеся лицом к лицу, выражали неприкрытую неприязнь.

– Тигран, брат, тебе многого не хватает, чтобы стать царем, и, прежде всего, сноровки.

Дуэль продолжилась. Разгоряченный, злой и преисполненный гневного желания устранить соперника, Тигран Младший непрерывно и яростно наносил удары – лишь бы поразить плоть и кости врага. В какой-то момент Артавазд, ощутив нешуточную угрозу, прочитал в безумных глазах брата недвусмысленное намерение и закрылся мечом. Тигран Младший стал остервенело наносить удары по мечу противника, стремясь разрушить стальной клинок и всадить наконец в ненавистного брата смертельный укол. Угроза заставила Артавазда действовать решительнее. Отбив в сторону клинок соперника, старший брат сделал резкий выпад, направив острие меча в горло младшего. Тот отшатнулся, потерял равновесие и упал на спину. Артавазд, склонившись над ним, победно приставил клинок к поверженному брату:

– Ты опозорил себя. Хочешь повелевать миром, но такой властелин миру без надобности.

Мамиконян созвал военный совет. В зал заседаний неспешно стекались участники. Первыми явились Васак и Нубар. Воспользовавшись отсутствием других царедворцев, Васак решил прощупать тщеславного Нубара, так как давно понял, что самоуверенный и честолюбивый начальник стражи дворца тяготился своей должностью, считая себя достойным более высокого поста. Они стояли у «Чаша мира», и Васак говорил:

– Красивая чаша, боюсь выпить из нее можно только яду.

– Васак, ты осведомлен о делах лучше меня. На что намекаешь?

– На горизонте сгущаются тучи...

– Мое положение неустойчиво?

– Я слышал, что после всех ужасных событий в дворце тебя хотят сместить.

– Мне приходится работать не покладая рук, разве можно за всем уследить? – удивился Нубар.

Опытный подстрекатель Васак разжигал у военного ненависть и злобу. Конечно, вещал министр, Нубар перерос должность начальника стражи дворца, его недооценивают, не дают раскрыть себя, да и не любят. Имея все качества для продвижения, вплоть до начальника службы безопасности царства, он никогда не рассматривался на высокую должность, более того, его попросту не замечают, а царь, которому Нубар спас жизнь, поразив из лука метателя ножей, даже не отблагодарил. При царе Тигране нечего надеяться на про-

движение. Должность начальника стражи дворца – потолок Нубара.

– Ты молод, – говорил Васак, – у тебя есть редкие качества: способен вести за собой массы, непримирим к врагам, непобедим в бою. Я бы доверил тебе важное дело, например безопасность царства. Хватит быть на вторых ролях!

Нубар ошарашено смотрел на министра, а Васак продолжал нагнетать атмосферу. Сделав таинственное лицо, он приоткрыл завесу тайны. Дела в царстве идут плохо, страна на пороге войны, покушения на царя не случайны, аристократия Тиграном недовольна и жаждет его сместить. Из-за безоглядной преданности царю он, Нубар, пополнит число неудачников, если вообще сохранит жизнь.

Страшно перепуганный Нубар по наивности решил, что министр о нем чрезвычайно печется.

– Возможно ли исправить ситуацию?

Васак заговорщицки шептал, что Рим готов сотрудничать только с Тиграном Младшим. Вот тогда у Нубара откроются небывалые возможности. Сам Васак – всего лишь смиренный раб Тиграна, и, естественно, не ведает, как поступить, однако с озабоченностью в голосе сообщил, что является единственным союзником Нубара.

– Дам тебе мудрый совет, – проронил министр. – Сделай правильный выбор. —Склонившись к уху воина, смутьян глухо произнес: – Достоин ли жить Тигран?..

– Убить царя?.. Речи быть не может!

– Подумай...

Их разговор был прерван историком Евсевием, зашедшим в зал. Собеседники разошлись по местам, а вскоре прибыли Багунци, Кухбаци, Тигран Младший и астролог Вараздат. Вошел Артавазд. Увидев брата, прошел к другому концу стола и сел там. Прибыл Мамиконян. Он начал:

– Наша держава становится символом величия, но без военного превосходства невозможно доминировать на Востоке. Обсудим, как этого достичь.

Из истории участникам совета было известно, что две великие военные державы – Персия и государство Александра Македонского – сделались великими благодаря непобедимым армиям. В сложившейся ситуации нужно готовиться к войне с Римом. Если римляне нападут, это может изменить ход истории, потому что даром это Риму не пройдет. Будущее подтвердило мысль Мамиконяна: итальянцы во многих неудачах, например в завоевательных походах Рима, будут винить армян.

Однако, решил совет, прямое столкновение с Римом необходимо избежать. Взять, к примеру, персидского царя Ксеркса. При всех своих недостатках, у него было одно замечательное качество: он умел выжидать, а потом наносил смертельный удар. Армия – основа могущества и самого существования царства. Участники совета согласились, что воинам нужно платить щедрее, а народ должен понимать, что военная служба почетна и преподносит урок чести. И конеч-

но, необходимо следить, чтобы воины прекрасно овладели боевым искусством и никогда не оставались без дел. Совет выработал предложения царю.

Евсевий, выступая, указал на полотнище, висящее на стене:

– Это знамя царя, символ независимого государства.

Звезда с восьмью лучами на стяге олицетворяла порядок, созидание и равновесие, а орлы символизировали безграничную власть, победу и отвагу. Воины, вставшие под знамена царя, приносили присягу на верность и готовы были сражаться до победного.

Старый Вараздат поднял важную проблему:

– Многие армянские воины перестали бриться. Конечно, они стали выглядеть более мужественно, но воинов надо обязывать бриться, чтобы противник не мог схватить их за бороды в ходе боя.

Мамиконян засмеялся:

– Философам и ученым мы, так и быть, разрешим носить бороды.

Совет отметил, что с комплектованием войск есть проблемы. Численность вооруженных сил недостаточна. Только область Сюник в точности выполняет требования зоранамака (государственная грамота, упорядочивающая количество и распорядок воинских сил в государстве). Эта область во время войны готова выставить конницу, насчитывающую двадцать тысяч всадников.

Васак напомнил:

– Страны, находящиеся в сфере влияния нашей державы, обязаны предоставлять Тиграну войска.

Речь шла о силах мидян, адиабенцев, гордиенцев, арабов, мардов, иберов, албан и других.

– Васак, – сказал Мамиконян, – поручаю тебе встретиться с царями этих стран и напомнить им об обязательствах.

Заговорили о проблемах армии Великой Армении с тем, чтобы четко их обозначить, а затем решить. В мире существовали разные подходы к строительству армии. Армяне делали упор на создание ударной мощи: конница с воинами в доспехах и боеготовая пехота. У парфян конница являлась ударной силой, а пехота была на второстепенных ролях. У римлян основную роль играла пехота, а второстепенная роль отводилась коннице.

Подал голос Тигран Младший:

– В римской армии жесткий порядок и дисциплина, хорошее вооружение и оснащение.

Артавазд напомнил:

– В горах и на пересеченной местности только пехота может вести бой на всю мощь.

Кухбаци возразил:

– Не согласен! В горах важнее легкая конница. И еще. Нужно производить больше оружия.

Мамиконян подвел итоги:

– Армия поглощает много ресурсов, однако будем про-

силь царя осуществить финансирование армейской реформы безотлагательно.

Глава 18. Вечные ценности

Вечер опустился в долину. Нагревшийся на солнце Тигра-накерт дышал зноем. Зеленый оазис с богатой растительностью и тщательно обработанными полями, сулящими обильные урожаи, полукольцом обнимал город и вместе с жемчужной рекой посылал в дома и дворцы первую вечернюю прохладу. Было тихо, и только треск цикад доносился из сада в окно, где светился огонек.

У окна стояла Анаит и любовалась заходящим солнцем. Нежно-красный диск, опускаясь в горы, окрашивал зеленовато-желтые базальтовые скалы в сказочные цвета. Женщина подошла к столу, за которым Артавазд тихо поскрипывал пером по пергаменту. Он использовал особые чернила, изготовленные специально для царевича путем сжигания древесной смолы.

– Ты пишешь трагедию? – нежно обвив руками шею мужа, Анаит заглянула в рукопись.

– Да, дорогая. Но следующая моя вещь будет комедия, – ответил Артавазд.

– Милый, у тебя дар. Твои герои любят и ненавидят.

– В каждом армянине есть поэт.

У Артавазда был особый склад ума. Он тонко чувствовал прекрасное, обладал хорошим вкусом, великолепно владел греческим языком, являлся знатоком греческой литературы.

В основу трагедии он положил миф об аргонавтах – борьба между богами и героями, – чтобы в аллегориях мифа отразить историческую судьбу армянского народа.

Счастливая Анаит наивно спросила:

– Героям помогут волшебники?

– Да, милая, волшебница Медея, дочь колхидского царя, поможет героям, а потом предводитель аргонавтов Ясон возьмет ее в жены.

Медею и Ясона связали страсть и пролитая кровь. Но что интересно. Ясон и его люди дошли до Мидии, и один из его спутников, фессалиец Армен с озера Беба, осел в Армении. Конечно, это всего лишь миф, но почему-то имена первых урартских царей совпадают с именами спутников Ясона, а армяне тысячу лет носили древние фессалийские одежды.

Артавазд после схватки с Тиграном Младшим искал защиты от эмоционального напряжения в объятиях жены. Благодаря ее моральной поддержке он переключил внимание на менее важные вопросы, а прекрасная Анаит, тонко разбиравшаяся в чувствах и инстинктах мужа, направляла его помыслы на воплощение идеалов в слова на пергаменте.

– Конец пьесы будет счастливым? – лукаво спросила она.

– Судьба приводит моих персонажей к бедствию, – отвечал Артавазд. – Жизнь пресная, если нет слез.

Его трагедию поставят в театре Тигранакерта, построенном в греческом стиле, —самом большом театре в Малой Азии. Если Артавазд познавал мир глазами, то его жена Ана-

ит полагалась на слух. Ей нравилось расспрашивать мужа о разных вещах, а его не утомляла беседа с ней.

Он обернулся, и почувствовав безграничную власть женской красоты, испытал трепет и желание. Но на пороге комнаты бесшумно появился их четырехлетний сын Арташес, прекрасный малыш, которому маги (жрецы) предсказали большое будущее.

Артавазд удивился:

– Арташес, почему ты еще не спишь?

– Папа, я не могу заснуть.

Счастье матери – в счастье ее детей. Нет в жизни ничего бескорыстнее материнской любви. Анаит с нежностью сказала:

– Без сказки он не заснет. Ну пойдем, Арташес, расскажу тебе сказку.

Уложив сына в постель, приглушив огонек в медной масляной лампе, она присела рядом и начала рассказ:

– Однажды пастушок по имени Арташес пригнал на горное пастбище стадо овец...

– Мама, это же меня зовут Арташес! – воскликнул мальчик.

– Да, мой милый!

Чудесная сказка повествовала о любви. Эту сказку маленькая Анаит слышала в детстве, и почему-то история навсегда отложилась в ее памяти. Так вот. Арташес, когда стемнело, лег отдохнуть у камня рядом со скалой, что недалеко

от озера, и заснул. В полночь каркнула ворона и раздался скрежет. Открыв глаза, он увидел: скала раскрылась, из нее вышла девушка неземной красоты. Подошла она к камню, на котором лежала сумка юноши, взяла из сумки кувшин с водой, выпила глоток и собралась уходить. Она уже была готова скрыться в скале, как Арташес вскочил и ухватил ее за одежду.

– Как зовут тебя, красавица?

Девушка ответила:

– Зовут меня Шушан (Лилия). Отпусти, пастушок, я принесу тебе только горе.

– Ничего не боюсь, – сказал Арташес. – Ты так хороша, что за тебя я умереть был бы рад.

– Спасибо за добрые слова, – промолвила Шушан. – Ты бесстрашный. Расскажу тебе свою историю. За семью высокими горами лежит царство грозного царя, моего отца...

Артавазд, перестав работать над рукописью, подошел и, прислонившись к косяку двери, прислушался к рассказу жены.

Сказка продолжалась. Год назад напали на страну враги, и царь с войском отправился на поле брани. Пока его не было, прилетел дракон и утащил красавицу Шушан в свой дворец, хотел на ней жениться, да та отказалась. Заточил тогда дракон девушку в пещеру в скале у озера, а мать дракона произнесла заклятье: «Камень, камень, приюти дочь царя, пусть сидит здесь, пока не придет за ней юноша с миртовой веткой,

которому ласточки помогут, пока он трижды не ударит по скале зеленой веткой мирты и трижды не скажет: „Камень, отворись, выпусти дочь царя“. Стереги Шушан пуще глаза и открывайся только на один час в сутки – ровно в полночь. Если же ночью не захочет она вернуться, порази ее смертью!»

– Вот и все, пастушок, – сказала Шушан. – Теперь прощай, я должна возвратиться в свою каменную могилу.

– Я спасу тебя, красавица! – воскликнул Арташес.

Закрылась за Шушан скала, а Арташес пошел искать ласточек. Ходил от дома к дому, из деревни в деревню и однажды увидел маленький домик; две ласточки сновали под его крышей. Насыпал он на порог хлебные крошки, а сам вошел в дом. Видит, старушка зажигает свечу. Приютила она его, ведь гостя посылает небо. Проснулся Арташес на рассвете, вышел из дому и слышит ласточки щебечут. И щебет этот он понимал.

– Не тот ли это Арташес, накормивший нас хлебными крошками?

– Тот, тот.

– А зачем он здесь?

– Ищет, как ему пленницу освободить.

– Что ж пусть уходя, три раза руку старушке поцелует и скажет три раза: «Спасибо, добрая матушка». Она его и научит.

Арташес, прощаясь, трижды поцеловал старушке руку и трижды повторил: «Спасибо, добрая матушка».

– Славный ты юноша, – сказала ему старушка. – Иди и ничего не бойся.

Дала она ему, чтобы победить дракона и освободить дочь царя, четырнадцать желудей (четырнадцать дней добираться до дворца дракона, а желуди придадут ему сил), два ореха (их нужно расколоть, когда парень уйдет из деревни), кувшин воды и мешочек муки. Зеленая миртовая ветка находится в драконьем дворце, и сторожит ее мать дракона. Брызнуть надо водой ей в лицо, и уснет она на три дня.

Поблагодарил Арташес старушку и отправился в путь. Нашел он укромное местечко, разбил орехи. Из одного вышел огненный конь, а в другом были волшебный меч, щит и роскошная одежда. Все сделал Арташес, как научила старушка... Как только заснула мать дракона, схватил юноша зеленую ветку мирты и поскакал на своем коне прочь. Три дня скакал, не останавливаясь, на четвертый слышит: несется за ним дракон, вот-вот настигнет. Тут сказал ему конь человеческим голосом:

– Развей муку по ветру.

Развеял Арташес муку, и вырос перед драконом высокий непроходимый лес. Дальше поскакал Арташес. Через день слышит: опять за ним погоня.

– Ничего не поделаешь, – говорит конь, – придется сразиться с драконом.

Повернул Арташес коня и помчался навстречу дракону, а тот, расколов скалу, обрушил на всадника камни, но при-

крылся щитом Арташес, а потом на огненном коне подлетел к дракону и снес ему голову. Вновь помчался юноша в путь. Наконец появилось знакомое озеро...

Мальчик, в пол-уха слушавший сказку, пробормотал:

– Мама, я знаю, где это озеро... Мы были там с папой...

Это озеро Ван... И дверь в пещеру Зымзым я видел... на Вороновой скале...

– Да, мой милый, слушай дальше.

Доскакал юноша до пещеры, трижды ударил по двери зеленой веткой, трижды сказал: «Камень, отворись, выпусти дочь царя», и вышла царица, радостно бросилась к Арташесу. Поцеловались они, сели вдвоем на коня и поскакали во дворец царя, отца девушки...

Увидев, что сын уже засыпает, Анаит произнесла:

– С неба упало три яблока: одно – тому, кто рассказывал, другое – тому, кто слушал, а третье – всему свету. Спи, сынок.

Мать, ласково посмотрев на сына, нежно поцеловала его в лобик и, выйдя из детской, сказала Артавазду:

– Арташес заснул. Представляешь, я рассказала ему сказку про царицу Шушан, а он связал события сказки с поездкой к озеру Ван. И пещеру Зымзым запомнил, и каменную дверь...

– Я все слышал... Милая, Арташес очень смысленный мальчик, ему скоро пять, а приятные переживания запоминаются лучше неприятных... Знаешь, не пишется, выйду на

свежий воздух.

Артавазд, увлеченный поисками образов и мотивов для своей трагедии, вышел на широкий балкон дворца. Бархатистая ночь опустилась на город, природа притихла в своем великолепии. Завороженный перед открывшейся картиной, царевич смотрел на окрестный пейзаж. Холодное сияние лунного света подсвечивало серебристую ленту реки, нагромождения таинственных черных скал высились горделиво, точно великаны, охраняющие подступы к спящему городу, огромные крепостные стены и петляющие в горах серпантинные дороги потрясали художественной выразительностью, мерцающий блеск звезд, рассыпанных над головой, навевал меланхолию и успокоение. Артавазда охватило ощущение необъятности и торжественности.

– Наверное, ты думаешь о вечности, – голос Васака прервал раздумья Артавазда.

– Да, думаю о красоте мира и вечных ценностях.

– Вечных ценностей не бывает, все в мире преходяще, – мрачно сказал Васак.

– Ну как же! А великая культура древних? – не согласился Артавазд.

Министр и царевич стояли на балконе, дискутировали; каждый отстаивал свои взгляды и оставался при своем мнении. Скептик Васак говорил, что на земле уже не осталось ни одной из древнейших культур человечества, все было сокрушено варварами-завоевателями: эгейцы – эллина-

ми, египтяне – персами, яфетиды – фригийцами, этруски – римлянами. Васак, иронично усмехаясь, говорил, что ни одна страна не может сохранить свой первородный статус; войны, эпидемии, пришлые этносы, рассеяние по миру – и нации нет.

Ничто не исчезает бесследно – такова позиция Артавазда. Он читал греческих авторов, считающих, что можно сохранить себя в истории, если поколения не утратят способность передавать наследственные знания. Армянский народ не может так просто раствориться в истории, ведь царь закладывает фундамент формирования нации для сохранения ее на века.

– Ты, Артавазд, еще молод, многого не понимаешь, – назидательно говорил Васак.

Он привел в пример прадеда Артавазда, царя Арташеса, основателя династии. Формируя нацию, он даже пытался изменить религию в царстве. Для этого доставил в Армавир статуи Аполлона и Артемиды, установил их вместо изображений Солнца и Луны, которым поклонялся армянский народ. А чем все закончилось? Народ не принял новшеств, а царь погиб от руки наемного убийцы, подосланного Римом.

Артавазд не соглашался, настаивая, что нельзя забывать прошлое.

Васак ухмылялся:

– Царевич, ты пишешь историю, но нужна ли нам история, какой ты ее хочешь видеть?

Артавазд парировал:

– Метродор говорит, что история сплачивает нацию, ее нужно написать и систематизировать.

– Международный авторитет Великой Армении и так высок, – объявил Васак, – с нами считаются как с одной из великих держав. Критическое переосмысление прошлого нам ни к чему, учитывая естественное стремление придворных льстецов типа Метродора к преувеличениям.

– Героическая борьба армян и обретение независимости – вот та история, которая позволит с честью встретить вызовы времени.

Язвительная насмешка сквозила в словах министра:

– Не забудь показать в своих трагедиях мрачные стороны действительности.

– Я слышу в твоих словах ядовитый сарказм, – Артавазд с удивлением смотрел на Васака.

Министр поклонился и ушел. Юноша, смотря ему вслед, думал: «Не всегда окружающие нас люди благоразумны и честны. Нужно присмотреться к Васaku повнимательнее».

Глава 19. Знамение небес царю Тиграну

Ежегодно была одна ночь, когда по звездам узнавали судьбу на целый год вперед. В эту ночь, названной ночью тишины, деревья, цветы, камни и звери приветствовали друг друга, а духи предков помогали тем, кого любят. Царь Тигран поднялся на крышу дворца, чтобы приобщиться к небесам. Оставив за дверью охрану, государь прошел в обсерваторию. Астроном и астролог Вараздат определял с помощью квадранта высоту светил. Отложив прибор, он радостно приветствовал Тиграна:

– Великий царь, рад видеть тебя в заветном месте, где по небесным событиям я определяю приоритеты.

– Дорогой Вараздат, хочу узнать, чего ожидать в дальнейшем, – тихо сказал Тигран.

– Вот книга предсказаний, а вот звезды над головой; все, что они скажут, сбудется.

Обычно царь считался с тем, что подсказывали логика, здравый смысл и практика, но его интерес к звездам никогда не угасал. Аристотель учил: все события и явления на земле всецело подчинены движению небесных сфер. И правитель Армении, прислушиваясь к своему астроному, вершил судьбы, ориентируясь на расположение светил. Старцу Ва-

раздату вдохновение давали боги. Так получилось, что Тигран царствовал в переломное время: на смену эры Овна шла эра Рыб. Солнце смотрело в созвездие Рыб, и поэтому в мире происходило что-то невообразимое. Эгоистичные боги вдруг стали сменяться, возникло единое божественное начало, мир балансировал на грани развала, началось переселение народов, участились конфликты, кругом царили несправедливость и бесплодная суета. Все сулило большую войну.

Когда Тигран вступил на престол, на небосводе Армении в течение одного месяца наблюдалась комета, и Вараздат истолковал это событие как небесный знак армянского владычества. Комета стала небесным знаком, предвещавшим удачу армянскому царю. В тот год Тигран совершил удачный парфянский поход.

– Какое знамение небес возвещают звезды теперь? – поинтересовался государь.

Астролог долго не отвечал, но, взглянув сначала на звезды, потом на Тиграна, печально сказал:

– Звезды предсказывают тяжелое время, ведь меняются эры. Ты хочешь знать, что ждет тебя? Я скажу. Год будет сложный, предстоит борьба и с людьми, окружающими тебя, и со злыми духами. Простой народ погрузится в оторванные от жизни суеверия, а аристократия изо всех сил будет сопротивляться переменам.

Вараздат, наблюдая предзнаменования, докопался до причин аномалии. Юпитер и Сатурн соединились в знаке Рыб,

что означало противоборство богов. Судьба царя и его народа оказалась под угрозой. Может разрушиться весь мир. Замыслов богов никто не знает, но царь ближе всех к богам и должен спросить их. Величайшая ответственность за страну требовала от Тиграна, получившего предсказание будущего, предпринять шаги для изменения ситуации, поспорить с судьбой.

Растерянности владыка не ощущал. Укреплением безопасности и защитой независимости своей державы он и так повседневно занимался, но его страшила некая мистическая опасность, о которой в последнее время говорили его советники. Внутренняя и внешняя политика государства – устройство общего согласия, стабильность, преодоление народом культурной отсталости, отпор возможным угрозам – не предполагала борьбу с темными силами.

– Как спасти нацию от великих потрясений или даже гибели? – царь задал сакраментальный вопрос.

Вараздат терялся в догадках:

– Тигран, ты задаешь слишком сложный вопрос... Я не знаю.

Царь уверенно заявил:

– История Армении овеяна славой предков. Я хочу быть достойным их, и найду ответы на вопросы!

Тигран ушел, а Вараздат вновь устремил взор в ночное небо.

На другой день, чтобы развеяться от тягостных мыслей, царь пожелал устроить в роще, примыкавшей к дворцу, соколиную охоту. Сокольник Кохар, аристократ и знаток птиц, полный, добродушный и преданный государю человек, желая доставить Тиграну удовольствие, решил показать свою лучшую прирученную хищную птицу – сапсана.

Кохар сидел верхом на лошади и держал на руке в перчатке сокола с коротким и согнутым клювом, небольшим хвостом, аспидно-серым оперением и острыми когтями. На лапе у птицы прилажено кожаное кольцо с ремешком, пристегнутым к перчатке сокольничего, на хвосте позвякивал небольшой бубенчик, чтобы не дать соколу притаиться в укромном месте с пойманной добычей, на голове клобучок – специальная шапочка, закрывающая соколу глаза.

Со стороны конюшен дворца показалась впечатляющая процессия на лошадях: впереди царь с охраной, за ним приближенные. Азарт охоты будоражил Тиграну кровь. Подъехав к Кохару, он искренне порадовался:

– Красивая птица – длинные крылья, величественная осанка!

– Это – сапсан, государь, самая быстрая из всех птиц, – ответил польщенный Кохар.

Васак подъехал ближе:

– Не сокол, а загляденье!

Гнуни, также встав рядом, одобрительно сказал:

– В облике и повадках этой птицы есть что-то царское.

Наивный Кохар воскликнул:

– Очень храбрая птица: врагам несдобровать!

Тигран рассказал байку:

– Фараон Египта как-то мне говорил, что сапсан считается у них царским символом, поскольку взгляд этого сокола парализует птиц, как лик фараона подлых врагов.

Все посмеялись шутке царя.

– Ну, что ж, начнем! – Тигран был в нетерпении.

Кохар подал знак, его помощники приготовились травить дичь. Сокольник снял клубочок с головы птицы, отцепил колечко и подбросил сапсана вверх. Сокол взлетел на большую высоту, высматривая жертву. Выпустили куропатку. Та с шумом полетела, а хищник, замерев на мгновение, стремительно упал с высоты на лакомую добычу, и вот он уже прижимает куропатку к земле и гордо поглядывает по сторонам.

Тигран был в восторге, смеялся, любуясь чудесной птицей-охотником, говорил о красоте ее полета и стремительности атаки. Все сановники выражали одобрение.

– Голубь, – произнес Гнуни.

– Что голубь? – не понял Тигран.

Гнуни показал на небо. Все подняли головы и увидели летящего в направлении дворца голубя.

– Кохар, сними его! – приказал Тигран.

Сокольник подбежал к соколу, посадил на руку и подбросил. Птица-охотник взвилась вверх к пернатой жертве.

Голубь продолжал полет. Взлетев выше голубя, сапсан, сделав крутое пике, напал сверху, сбив добычу массой своего тела, а потом схватил когтями и полетел к хозяину. Тот звал:

– Куу – куу!

У прилетевшего сапсана Кохар забрал тушку, дав «охотнику» кусок мяса, а голубя передал Меружану. Тигран, Васак и Гнуни спешили, о чем-то разговорились. К ним подошел Меружан:

– Это почтовый голубь, – сказал он тоном, не сулящим ничего хорошего, и указал на кольцо на лапке птицы. Сняв кольцо, начальник службы безопасности осторожно развернул клочок пергамента: – Здесь шифр, прочесть невозможно!

Шифрованное письмо взял Тигран. Мелкие надписи сделаны греческими буквами, но слов разобрать нельзя. Он протянул шифровку Васаку:

– Васак, расшифруй как можно быстрее!

– Да, государь! – Забрав клочок пергамента, Васак поспешил во дворец.

– Меружан, – царь строго обратился к главе своей охраны, – мы получили доказательство, что во дворце есть предатель. Кто-то посылает ему указания извне. Что скажешь?

– Мои люди проверили всех обитателей дворца, обыскали все помещения, усилили охрану... – оправдывался Меружан.

– Факты требуют, чтобы ты взглянул на свою работу объ-

ективно: работа сделана плохо, – царь жестко смотрел на соратника.

– Государь, – обратился Гнуни к царю, – предательство ничем не оправдать. Предателя нужно установить!

– Что ты предлагаешь, Гнуни?

– Этот разговор между нами троими: ты, государь, я и Меружан. Предатель выдаст себя, если расставить ловушки...

– Предательство отвратительно, оно ранит больше, чем стрела, – сказал Тигран. – Пока не поймаем предателя, придется постоянно ждать удара в спину. Действуй!

Глава 20. Навасард и покушение

Наступил новый год. Армяне молились добродетельному Арамазду, источнику плодородия и изобилия, а первого на-васарда отдыхали и веселились.

Царь с приближенными с утра вознес молитву богу в его храме.

– Арамазд, молю тебя, творца миров, защитить мое царство... – с великим вниманием и от сердца произносил молитву Тигран.

Ритуал длился долго и торжественно. После завершения обряда жертвоприношения, а приносили в жертву бычков, жрец торжественно объявил:

– Сегодня вечером боги спустятся на землю и искупаются в священной реке Арацани, а потом будут наблюдать за празднеством с заснеженных вершин!

Река Арацани брала свое начало близ священного Арарата, протекала по Армянскому нагорью и впадала в Евфрат. Было предсказано, что тайны вод Арацани скоро раскроются, и радость охватит армянский народ. В недалеком будущем действительно на этой реке свершится много событий, в том числе чудесных. Так, в 68 году до н. э. на берегу Арацани в сражении между армянским войском и римскими легионами победят армяне. В 301 году армянским царем Трдатом III христианство будет провозглашено государствен-

ной религией (Армения станет первым христианским государством мира). В водах Арацани приняли крещение царь, войско и население.

Вечером, с заходом солнца, когда спал зной, в тронном зале, сидя на троне в армянской тиаре (короне) и праздничной одежде, держа скипетр (посох, символизирующий управление народом) в правой руке и золотой шар (державное яблоко, символ владычества) в левой, в окружении придворных и охраны царь принимал поздравления и подношения. Сановники и посланники двигались к трону медленно, с достоинством и почтительностью. Останавливаясь перед государем, они радостно произносили слова благодарности и поздравления, сообщая о дарах и дани: скаковые лошади, конская упряжь, зерно, масло, вино, драгоценности, кинжалы, мечи, луки, вазы, амфоры. Царь одобрительно кивал и глазами показывал, что доволен...

Пиршественный зал полон гостей. Столы ломятся от яств, вино течет рекой. Появился Тигран в сопровождении сыновей и дочерей. Все поднялись и шумно приветствовали царя. Назначенный новым виночерпием Вардгес, подав царю золотой кубок с вином, выглядел преисполненным гордости и значимости. С кувшином он встал за спиной государя рядом с Меружаном.

Верховный жрец провозгласил:

– Вознесем хвалу богу Арамазду и поднимем кубки к небу!

Все встали, выпили.

– За новый год! – объявил царь.

Все встали, выпили.

Сын царя, наследник престола Артавазд произнес:

– Помянем усопших. За наших предков!

Все встали, выпили.

Брат царя Гурас предложил тост:

– За хороший урожай!

Все встали, выпили.

Поднялся Гнуни и, по обычаю, облил себя водой из кубка:

– Пусть боги пошлют нам дождь!

Все встали, выпили.

Зал гудел, слуги услужливо подавали изысканные яства и вина, предлагали гостям фруктовое мороженое (накануне снег со склонов гор привезли на ослах). У гостей из покоренных государств праздник во дворце вызывал почтительный трепет и изумление. Каждый стремился произнести тост и похвалить царя Тиграна.

А в Тигранакерте в храмах уже отслужили молебны для народа. Жители города с дарами стекались на празднество на главную площадь у храма Арамазда, где накрывали столы. Горожане и паломники со всех уголков державы прибывали сюда, и гостеприимные жрецы приглашали их к праздничному столу, а беднякам великодушно раздавали пожертвования и вино.

Главный жрец храма воззвал:

– О бог Арамезд! Сделай поля плодороднее, дай в сады и виноградники богатый урожай!

– Народ, веселись! – возвестил глава города.

Народ светился радостью и весельем. На новогодние столы обязательно клали хлеб, приправу нгатзахик (цветы для нее собирали на склонах Арарата), долму из виноградных листьев, армянскую сладость алани и сладкий суджух.

Поскольку праздник Навасард считался также праздником любви, на площадь пришло много молодых пар. Статным парням и красивым девушкам усидеть на месте невозможно. Столько всего интересного: странствующие артисты давали представления, на канате балансировали канатоходцы, проходили поединки борцов коха, выступали народные певцы, сказители и гусаны. Армянский мир праздновал новый год.

На видном месте площади установлен помост с балдахином. Этот навес в сознании народа представлялся важным символом власти. Шился он из тяжелой плотной ткани, под ним приготовлены устланные коврами места для царя и его семьи. По традиции в эту ночь Тигран II, чтобы угодить богам, во главе пышной процессии готовился прибыть на площадь и, радуясь вместе с народом новому году, наблюдать народные гуляния.

Праздник достиг апогея. Из дворца по дороге процессий двинулась внушительная кавалькада, направляясь к главной площади города. За всадниками шли придворная свита и го-

сти. Процессия подошла к площади: раздалась возгласы ликования. Под гул одобрения государь, спрыгнув с лошади, поднялся на помост и занял место под балдахин, вокруг него расселись сыновья, дочери и другие члены семьи. Люди видят: царь радуется вместе с народом, значит, все хорошо в государстве.

Перед правителем выступили лучшие борцы национальной борьбы кох. Согласно ритуалу, они должны для начала исполнить короткий танец. Раздалась звуки зурны, дудука и дхола, и под воинственную мелодию двое юношей пошли по кругу, играя мускулами, каждым движением красуясь перед собравшимися. Началась схватка, но поединок длился недолго. Красивый, с рельефными мышцами юноша схватил противника за пояс и, выполнив прием, бросил его спиной на ковер. Проведя бросок, борец прижал соперника коленом к коврику и взглянул на царя, а тот одобрительно кивнул. Тут же победителю преподнесли царский подарок – золотой кубок с вином. Выпив вина и подняв кубок высоко над головой, победитель, по обычаю, пошел по кругу, исполняя под музыку победный танец.

Царю подали блюдо с абрикосами и гранатами. Тигран, выбрав самые спелые гранаты, раздал их женщинам – двум дочерям, а также Анаит и Беренике.

– Гранат – символ Армении, его плоды висят на деревьях круглый год...

Подозвав взглядом Васака, царь нетерпеливо осведомил-

ся:

– Шифр взломали?

– Еще нет, государь.

– Кто из твоих людей этим занимается?

– Ашот, самый искусный по тайнописи.

– Меружан, немедленно Ашота ко мне! – приказал царь.

Поскакали за Ашотом. Васак, не находя себе места, опасно озирался по сторонам, а Тигран с озабоченным видом смотрел на веселящуюся толпу.

Заиграла музыка, начались танцы. Настроение толпы выражал дудук. Девять пар юношей и девушек в красивой одежде двигались в танце «Ой-Назан» (Душенька). Крайний юноша, генд-баш, красным платком давал знаки танцующим к перемене фигур. Генд-баш взмахнул платком, и танцующие цепью пошли по кругу влево, снова взмах платка, и девушки, выйдя вперед, плавно поплыли по кругу вправо. Стройная вереница девушек, мягкая поступь, красивые грациозные движения вызывали неподдельное восхищение публики.

Затем на середину площади вышли танцоры-мужчины. В руках у них сабли – короткое рубяще-колющее клинковое холодное оружие, завозимое в Армению из Китая и Египта. Танец «Трахак», воинственный, напоминающий ритуальный обряд, вдохновляющий отвагу и вселяющий непобедимый дух, приковал к себе внимание и царя, и всех, кто был на площади. Мощные звуки барабанов, пронзительный звук

зурны, звон сабель, боевой клич воинов – все создавало выразительный и колоритный образ, передающий драматизм напряженного боя.

К Тиграну подвели Ашота. Тот с испуганным выражением лица протянул царю пергамент. Тигран открыл записку и прочитал три слова: «Навасард Сирия Огонь». Не понимая, о чем речь, он передал записку Меружану, тот вручил пергамент Мамиконяну. Читали, пожимая плечами, также Спандуни и Метродор.

...Площадь захлестнула стихия ратного танца. Эмоциональный заряд передан зрителям, не оставив равнодушным никого. Танец завершился под громкие одобрительные крики и рукоплескания толпы. Танцоры ушли, а по кругу расставили железные чаши с фитилями, и подожгли их. Музыка изменилась, стала медленной, мелодичной. В индийской национальной одежде в центр огненного круга вышел с факелом в руке «повелитель огня» Фируз.

Метродор что-то прошептал Меружану, тот царю Тигран, увидев трюкача с факелом, и сам все понял. Он встал:

– Уходим! Быстро все за мной! – и решительно сошел с помоста.

Обескураженные члены царской семьи неуверенно встали, но поспешили за царем. А человек в индийском костюме, поклонившись, набрал полный рот горячей жидкости и распылил ее над факелом. Огромный язык пламени рванул вверх. Восторженная публика ахнула, а Фируз, отхлеб-

нув еще порцию горючего, присел на колени, свел губы, как будто собирался играть на дудке, и выплюнул в направлении помоста с балдахином горючее сплошной струей. Медленно подымаясь, он, как огнедышащий дракон, создал страшный поток пламени, обрушившийся на навес.

Разом вспыхнули и балдахин, и помост с диванами и коврами. И вдруг прогремел взрыв. Огромный огненный шар поднялся высоко над площадью, накрыв публику дождем искр. Началась паника, создались неразбериха и сумятица. В воздухе разносился отвратительный запах серы. Народ, спасаясь от огненной катастрофы в центре столицы, разбежался врассыпную.

Помост с балдахином, превращаясь в пепел, горел и дымился. Тигран, наблюдая с безопасного расстояния за «пламенным представлением», был суров и молчалив, отблески пламени озаряли его точеное мужественное лицо. Береника, стоявшая среди женщин, осознала, что спаслась от смерти только благодаря Тиграну. Мать должна была предупредить ее заранее, но что-то пошло не так.

Трюкач, обладая железными нервами и звериной интуицией, закончив выдувание огня, сообразил, что покушение не удалось – царя на помосте не было. Он оглядывал площадь в поисках монарха. Увидев его среди приближенных, решительно направился к нему. На пути поджигателя возникла фигура стражника с большими черными усами Джалала с мечом в руке.

Фируз выпустил в стражника три быстрых вспышки пламени. Огненные заряды, вполне способные испепелить, летели в Джалала, но толстяк достаточно грациозно увернулся и рукояткой меча нанес удар в живот трюкачу. «Повелитель огня» поперхнулся, извергнул изо рта горячее, одежда его загорелась, и фокусник, вспыхнув как факел, истошно закричал и закрутился на месте. Объятый пламенем, он побежал, размахивая руками, но меч Джалала настиг его. Фируз рухнул. Борясь за жизнь, он бешено катался в пыли, но вдруг затих, продолжая гореть красным пламенем.

Город еще долго приходил в себя после загадочного взрыва. До утра не смолкали голоса на улицах и в домах: народ передавал из уст в уста невероятные события новогодней ночи.

В дворце в оружейном зале, увешенным боевыми щитами, мечами и кинжалами, у статуи бога войны, огня и молнии Ваагна Тигран II с тревогой в голосе задал приближенным вопрос:

– Что взорвалось на площади?

Метродор, ученый и мудрец, просветил:

– Это «сирийский огонь».

Сирийским огнем называли горючую смесь нефти, серы, извести, канифоли и льняного масла. Было ясно, что сосуд с зажигательной смесью заложили под помост с балдахином заранее, факир только поджег его.

– Огонь был колоссальным, – припомнил Васак.

– Это сера, – подтвердил Мамиконян. – Она основа горючести снарядов, а запах у нее отвратительный.

– Личность трюкача установить не удалось, – сказал Меружан, – но, говорят, он из Сирии.

– Антиох XIII подсылает убийц? – спросил царь.

– Возможно, государь, – кивнул Меружан.

– Установи точнее! Но кто подложил зажигательную смесь? – Тигран задумчиво разглядывал приближенных.

Гнуни предложил:

– Государь, поберегись пока, не выходи из дворца.

Царь бросил на финансиста гневный взгляд:

– Я не собираюсь ни от кого прятаться. У нас много дел. Царь и дальше будет служить своей родине.

Глава 21. Заговор недовольных

– Здесь собрались недовольные политикой царя Тиграна, – Васак осмотрел присутствующих в доме богатого работодателя Кохара. – Скоро к нам примкнут и другие, даже его младший сын.

Аристократы затевали заговор, и им нужна была сильная личность из окружения царя, чтобы возглавить бунт. Васак оказался отличным вариантом – он независим, много знает, ему доверяет царь. Министра Васака долго уговаривать не пришлось. Как он и предполагал, заговорщики полностью ему доверились: он стал во главе них. В большой и богатый дом Кохара Васак пришел не один, его сопровождал Багдасар, бессменный помощник и доверенное лицо. Был поздний вечер, темно, и, чтобы никто ничего не заподозрил, заговорщики приходили по одному через большой сад, примыкавший к дому, и стучали в дверь условным стуком. Собралось семь человек.

– Здесь те, кто достоин владычествовать над людьми, – говорил Васак. – Вы соль земли. Положение и влияние каждого из вас передаются из поколения в поколение, а взгляды выражают несогласие с политикой царя. Настало время перемен.

Кохар произнес:

– Все мы отпрыски древних родов, и знаем себе цену.

Среди заговорщиков мало землевладельцев, так как большинство из них поддерживали царя в его начинаниях, а вот крупные собственники рабов были недовольны правлением монарха.

– Я осознаю свое бессилие что-либо изменить, – сказал Мелкум, очень богатый и хитрый человек, которому не давали развернуться на поприще ростовщичества.

О царе говорили и другие. Он, видите ли, ликвидировал привилегии знатных родов, уравнивал со знатью глухих провинций. Налоги в царстве растут, военная мобилизация забирает лучших работников. Среди аристократии зреет недовольство еще и потому, что из Каппадокии в Армению переселяют греков, но знати претит эллинизация. Царь гасит недовольство богатых, подбрасывая им кое-что из добычи и пленных, но этого мало.

Васак подогревал капризные настроения:

– Если мы чем-то недовольны, есть выбор: оставить все как есть или начать действовать.

– А шансы на успех? – спросил Аравелян, старейшина древнего рода.

– Конечно есть! – воскликнул Васак. – Мы устраним Тиграна и возведем на престол его сына Тиграна Младшего.

– Как устраним Тиграна? – обомлел Аравелян и обвел вопрошающим взглядом присутствующих. – Да, я недоволен внутренней политикой царя, и высказывал ему свою позицию в глаза. Я полагал, мы собрались, чтобы выработать

предложения царю: пусть изменит стиль управления, прекратит сдерживать наше обогащение, даст больше самостоятельности, – но никак не для устранения Тиграна.

– Ультиматум здесь не поможет, – холодно сказал Васак, – царь упрям, крепко держится за власть и подавляет любое инакомыслие.

– Устранить... – растерянно проговорил Аравелян. – В смысле убить? Ну нет, я не согласен. Это путь в никуда. Страна тут же потеряет независимость, рухнут армия и система безопасности, да и наши богатства испарятся. Тигран храбрый царь, он возродил армянскую цивилизацию, объединил нацию... Держава без него рассыплется.

– Скажи еще, что он дух Великой Армении или божество, – ехидно сказал Кохар.

– Он, конечно, не бог, но народ его обожествляет, ведь царь строит мир во имя процветания армян. Словом, я не согласен и поэтому ухожу. – Аракелян развернулся и пошел к выходу.

Васак бросил выразительный взгляд на Багдасара. Тому не надо было ничего говорить. Он встал на пути старого аристократа.

– Отойди в сторону, недостойный, мне надо пройти!.. – потребовал Аракелян, но вдруг замолк, посмотрел на Багдасара остекленевшими глазами и медленно сполз на каменные плиты. Красное пятно крови расплылось вокруг лежащего тела.

Багдасар выдернул кинжал из старца, деловито вытер клинок об его плащ и с выражением брезгливого удовольствия на лице отошел в сторону. Перепуганные аристократы с широко открытыми глазами глядели на Васака.

– Он мог нас выдать, – сухо произнес тот. – Ставки высоки, каждый из вас под страхом смерти должен молчать и знать свое место. Кохар определит, сколько золота и серебра потребуется от каждого для покупки войск. День настанет, я дам знак, и мы соберемся в дворце. Свободны!

Мелкум и еще два богача поспешили к выходу, а Васак, Кохар и Багдасар перешли в соседнюю комнату, где хозяин предложил вина.

– Ты, Васак, действуешь весьма рискованно.

– Успех нашего дела, – усмехнулся Васак, – зависит от решительности и беспощадности.

Потягивая вино, мятежники сошлись на том, что действовать нужно без тени сомнения. Привести к власти Тиграна Младшего будет, конечно, сложно, без помощи юноша власти не получит, но, если все сложится, молодой царь будет слушаться участников заговора и соблюдать интересы знати. Кохару была предложена государственная должность главного казначея. Васак уверял: заговорщикам предначертано добиться успеха, потому что многие недовольны политикой царя, а мятежи на пустом месте не возникают. Возможно, возникнет сопротивление жречества и народа, но любые выступления будут подавлены, ведь ряд полководцев на сторо-

не бунтарей. Сложный вопрос Парфия. Эта держава тут же вмешается во внутренние дела армянского царства. Парфянский царь давно мечтает ослабить и сокрушить Армению. Парфия для армян – жестокий и опасный враг, но, с другой стороны, бывших скифов можно рассматривать как сильного союзника.

Багдасар насмешливо произнес:

– Армия хочет Артавазда.

– Артавазда, думаю, мы нейтрализуем, – заявил Васак.

– Риму может не понравиться смещение Тиграна, – осторожно сказал Кохар.

– Это – моя забота. Царь мне доверяет, ведь дипломатия и разведка – его глаза и уши. Он будет получать только ту информацию, которую я сочту уместной, – Васак упивался своей всесильностью.

Кохар нарочито деланно проговорил:

– Ты очень опасный человек, Васак. Хотел бы я видеть тебя на престоле.

Васак скромно потупился:

– Мы обязаны соблюсти династические законы, для Рима они священны.

Но в мыслях министр держал план: Тигран Младший – подходящий материал, через него можно решать свои задачи. Он будет царем, но номинальным, а править будет Васак. Юноша, конечно, слаб, ему надо помочь; главное, чтобы не лез в политику, пусть себе занимается философией, ухаживает

вадет за красивыми девушками и мнит себя великим. Управление государством ляжет на Васака, Рим же обеспечит защиту и покой.

Глава 22. Затонувшие сокровища

Двухэтажный дом богатого понтийского вельможи в Амазии, городе, превращенном Митридатом в процветающий центр мыслителей, поэтов и писателей, занимал целый квартал и имел большое разнообразие комнат с отделкой стен фресками и мозаикой на полу. Интерьеры этого дома, конфискованного Лукуллом, отличались большой утонченностью и изяществом: фонтаны, зелень, цветы, скульптура, мозаика. Было комфортно и уютно.

Лукулл, стремясь угодить населению контролируемых им территорий Понтийского царства, устраивал в захваченных городах празднества, победные шествия и состязания гладиаторов. Народу это нравилось, но у проконсула все равно был озабоченный вид из-за неудач в военной кампании. Ряд городов Митридатова царства все еще сопротивлялись и, находясь в осаде, ни за что не хотели сдаваться, в том числе и одна из столиц Понта город Синопа.

Лициний, подкупив почти всех аристократов Синопы, надеялся, что город быстро падет, но ворота так и не открылись. Либо крепость была блокирована слишком малыми силами, либо гарнизон Синопы настолько предан Митридату, что готов стоять до конца. Самое неприятное – в Синопе сосредоточены основные богатства Митридата. Лукуллу нужен этот город, и он, выдающийся полководец, его получит! А

пока предстоит встретиться с Клодием, вернувшимся из тайной поездки в Парфию.

Аппиус Клодий пришел к Лукуллу доложить результаты переговоров. Проконсул, одетый в фиолетовую тогу с золотым шитьем, ходил туда-сюда по огромному залу, украшенному награбленными ценностями, и слушал.

Клодий, обстоятельно все изложив, заключил:

– Царь Фраат III знает много тайн, и с ним можно договориться.

Лукулл бросил непонимающий взгляд на подчиненного:

– Коварный парфянский царь чуть не убил тебя, а ты ему веришь! Фраат боится Тиграна как огня, подвигает нас искать Дворец власти, скрывает важные сведения об амулете. Ему верить нельзя!

– Я отношусь к царю недружелюбно и настороженно, – сказал задетый Клодий, – однако Фраат могущественный противник Рима, и богат как Крѐз.

Этот аргумент Лукулла поколебал. Продолжая ходить по залу, он подумал, что, несомненно, Великая Армения и Парфия, две богатые страны, являются теми силами, которые препятствуют проникновению римлян на Восток. Прекрасно понимая, что если их не остановить сейчас, войска противника вскоре появятся там, где должны стоять римские легионы, – у стен Ниневии и Иерусалима, богатейших городов Ближнего Востока... Клодий упомянул, что парфяне владеют восемнадцатью странами, а царская сокровищница Фра-

ата поражает своими размерами. Это меняет дело.

Проконсул задумчиво проговорил:

– После Тиграна мы займемся Фраатом. Я хочу золотой трон Аршакидов...

При этих словах инкрустированные двери открылись, и появилась ослепительная Преция.

– На золотом троне, – изрекла она, – должна сидеть богиня любви, не так ли, любимый?

Преция, обворожительная и неотразимая, законодательница мод Рима, в хитоне из златотканой парчи, подошла к Лукуллу и нежно поцеловала его в щеку, а он взял ее ручки и поцеловал кончики пальцев. Клодий знал Прецию. А кто не знал самую известную римскую гетеру!

– Дорогая, мы с Клодием как раз это обсуждаем, – заискивающе произнес Лукулл.

Проконсул и наместник провинции Азия Лициний Лукулл был женат на Клавдии Пульхре Приме, дочери патриция и консула, но брак их не был счастливым. Его любовница Преция, воспользовавшись остановкой активных боевых действий, ненадолго приехала к нему в далекую Амасию.

Глядя на Клодия, Преция невозмутимо объявила:

– Женщина несет созидательную и разрушительную силу. Укротить ее и сделать счастливой может лишь любящий мужчина, – и она выразительно взглянула на Лукулла.

– Конечно, дорогая, – у Лициния возникло романтическое выражение лица.

Таким главнокомандующего Клодий никогда не видел. Преция укротила сурового Лукулла, как Родогуна хищную Мантикору. Но Клодий видел насквозь вероломную и непостоянную женщину. Преция, образованная и незамужняя, вела свободный образ жизни, играла значительную роль в общественной жизни Рима, всегда изысканно одевалась, отличалась тонким вкусом, знала музыку, философию и литературу. В своем доме часто устраивала встречи многим выдающимся политическим деятелям, поэтам и скульпторам. Содержал ее богатый чиновник Гай Цетег, имевший огромное влияние в Риме.

– Я погрузилась в чтение стихов Катулла, но думала лишь о тебе, – нежно посмотрев на своего возлюбленного, прощепетала она.

Было время, когда Лукулл не мог себя никак проявить, но жаждал стать великим, получить консулат и Малую Азию. Ему очень нужен был Митридат. Освободилось место наместника Киликии, и, чтобы получить хотя бы это назначение, нужно было заручиться поддержкой Цетега. Подобраться к чиновнику помогла женщина. В Риме жила известная своей красотой и большими амбициями гетера Преция, у которой Цетег был под каблуком, и ничего не делалось в республике без участия неотразимой Преции. Однажды ей захотелось стать покровительницей Лукулла. Их отношения выросли до любовной страсти, в результате чего Цетег стал везде нахваливать Лукулла и сосватал ему Киликию, а потом и

Малую Азию, и Митридатovu войну.

Преция трещала:

– Стихи Катутлла породили во мне душевную боль и неудовлетворенность, потому что мой любимый совсем про меня забыл.

– Дорогая, не забыл. Я все время думаю о тебе. Ты превращаешь мою жизнь в удовольствие и праздник. Вот Клодий вернулся из важной поездки, и мы обсуждаем ее итоги.

– Надеюсь, миссия Клодия была успешной? – Она игриво посмотрела на легата.

Клодий, улыбнувшись, ответил:

– Я проехал по многим царствам Востока, чтобы внести свой вклад в дело покорения народов.

– Я тоже проделала дальний путь, чтобы доказать Лицинию свою страстную любовь. Достояна ли я вознаграждения?

– Конечно, дорогая, ты достояна восхитительной драгоценности в знак моей любви и благодарности к тебе.

– О, что это? – Преция указывала на страусовое яйцо с золотым треножником, стоявшее на столе.

– Это страусовое яйцо. Его привез Клодий из поездки в Парфию, – ответил Лукулл.

– Я достаточно начитана, и яйца отличать умею, – сказала Преция, – но почему оно такое большое?

– Понимаешь, дорогая, это подарок царя Фраата, он хотел этим донести какой-то скрытый смысл, который я не могу

понять.

– Любой подарок – это жест любви, ненависти или угрозы. Так что же таит в себе это огромное яйцо? – не унималась Преция, обходя стол вокруг.

Лукулл, как знаток литературы, завел речь о понятиях типа того, что яйцо, согласно мифам, выражает идею постоянного возрождения, символизирует единство жизни и смерти, мол, конец одного – всегда начало чего-то другого. Речь также могла идти о порождении новой жизни, кипучей энергии, богатстве... Клодий высказал другое мнение: возможно, яйцо выражает обновление и возрождение наших добрых отношений с Парфией.

Преция посмотрела на обоих как на идиотов.

– Да, возможно! Но только, если яйцо обычное, а это – гигантское.

– Думаю, – произнес Лукулл, – речь идет о здоровье или что-то в этом роде...

– Милый, мне кажется оно предвещает несчастье и таит в себе опасность.

– Что ты, дорогая, яйцо – добрый знак!

– А что если это драконье яйцо? – Преция обвела многозначительным взглядом мужчин. – Я читала, что драконы откладывают огромные яйца.

– Драконье? – Лукулл был обескуражен. Он отодвинулся от яйца и, посмотрев на Клодия, произнес: – Откуда у Фраата драконьи яйца?

Клодий, прекрасно разбиравшийся в дипломатических уловках, встал и, с осторожностью взяв яйцо, внимательно его рассмотрел. Неожиданно ему в голову пришла любопытная мысль. Положив яйцо на место, он сказал:

– Думаю, Фраат намекает на скрытую тайну Востока, покорить который также невозможно, как и раздавить это яйцо. Но если яйцо будет разбито...

– ...вылупится детеныш дракона! – с непосредственностью ребенка продолжила Преция.

Лукулл с умилением посмотрел на свою возлюбленную:

– Какое редкое сочетание прозорливости, образованности и красоты!

– Похоже, – подыграл Клодий, – разбить яйцо – к несчастью и несбывшимся надеждам.

– Ну, это мы еще посмотрим! – воскликнул Лукулл. – Надежда обманчива. Мы, римляне, не тешим себя надеждами, это удел неудачников, таких как защитники Синопы. Рано или поздно город падет и богатства Митридата перейдут в руки достойных.

– Богатства? – глаза Преции заблестели.

– Да, дорогая. Ты бесподобна! – заулыбался растроганный Лукулл. – В осажденном городе все богатства царя Митридата. Когда мы захватим город, ты получишь достойный тебя подарок...

– Но почему ты еще здесь, а не захватываешь город? – Преция сверкнула глазами и высоко подняла брови. – Я хочу

немедленно увидеть эти богатства! А яйцо забираю себе.

Лукулл на мгновение оторопел и потерял дар речи, но встав со стула и прохаживаясь по залу, рассудил: Синопа – родина и резиденция Митридата. Падение столицы подорвет дух неуловимого царя, и схватить его будет легче. Что ж, оно того стоит – лично руководить осадой города. Чего хочет женщина, того хотят боги! Он с нежностью посмотрел на Прецию:

– Мы едем в Синопу, дорогая! Клодий, направь пять центурий из своего легиона на подкрепление отряду Сорнатия! И никакого снисхождения защитникам города!

Гарнизон Синопы состоял в основном из иностранных наемников – киликийцев. Командовал гарнизоном полководец Селевк, которому Митридат безраздельно доверял. Когда-то Селевк спас царю жизнь во время шторма в Эгейском море. В подчинении у начальника гарнизона было около двух тысяч воинов. В городе полыхали пожары, сгорел склад с продовольствием, оставалось мало пресной воды.

– Селевк, город нужно сдать! – требовал аристократ Леонипп. – Римляне всем гарантируют сохранить жизнь и имущество.

Находившийся здесь же Клеохар схватил Леониппа за грудки. Клеохар, понтийский грек, командовавший ополчением, вообразивший себя тираном и спасителем Синопы, заорал:

– Леонипп, римские солдаты хуже варваров! Они или убьют население города, или уведут в рабство. Мы, свободные граждане, будем защищать город до конца!

Ссора переросла в драку, но вмешался Селевк:

– Прекратите потасовку! У нас еще есть возможность защищать город. Царь Митридат нас не бросит. Уверен, он пришлет войска на выручку.

Селевк, которого постоянно раздражала борьба непримиримых группировок, отправил Клеохара и Леониппа на крепостные стены оборонять вместе с киликийцами город. В то, что Митридат пришлет войска на помощь городу, Селевк уже не верил, но будучи человеком долга, имел высокие побуждения и доверился богам. В тайне от всех он приказал загрузить на два больших торговых корабля богатства Митридата, чтобы спасти их, и отправить в Боспорское царство в Тавриду сыну Митридата Махару.

С крепостных стен и башен киликийцы обстреливали из луков римских воинов, горячее участие в обороне города принимали его жители, понимавшие, что в случае падения Синопы их ожидает плен, рабство или смерть. Командир киликийских наемников Костандин, оторвавшись на минуту от управления боем, выслушал прибежавшего к нему согладая. Оказывается, по приказу Селевка золото и серебро грузят на два корабля в гавани, и Селевк собирается с сокровищами бежать в Тавриду.

– Что?! – зарычал Костандин. – Не допущу, чтобы сокрови-

вища уплыли без меня! Мои товарищи гибнут на крепостных стенах Синопы, а понтийские греки хотят умыкнуть сокровища и уплыть в Тавриду?!

Свободолюбивые киликийские греки были беспокойным и неукротимым народом. Римляне боялись их и, заняв Киликию, держали в покорности лишь равнинную область, а горная Киликия стала убежищем морских разбойников. Костандин помчался по стене, собирая по пути воинов для совета, и те, полупьяные, сбегались на его зов.

– Воины, – орал, пытаясь перекрыть шум боя, наемник, – вы всегда отличались смелостью, хорошей морской выучкой, сноровкой и лихостью! Нас наняли защищать этот город, а теперь хотят оставить с носом! Нашу награду грузят на корабли, чтобы увезти в Тавриду. Не бывать этому!!

– Не бывать этому!! – закричали воины.

– В гавани много кораблей, захватывайте их! – призвал Костандин. – Все богатства города теперь ваши! Уходим в Тарс!

– Да!! – заорали воины.

Костандин с группой наемников ринулся в гавань, остальные, миг забыв свои обязательства и думая только о богатой добыче, принялись грабить город. На пути командира киликийцев возник тиран Клеохар.

– Почему твои воины покидают стены? У нас договор! Вы наш стратегический ресурс!

– Клеохар, уйди в сторону, дай пройти! – угрожающе за-

рычал Костандин. – Селевк хочет оставить нас без вознаграждения. Не бывать этому!

– Ты трус! – С этими словами Клеохар врезал по физиономии Костандина.

Завязалась драка, которую Клеохару не следовало затевать. Получив удар мечом в живот, он, истекая кровью, рухнул на землю. В гавани киликийцы незаметно подкрались к пристани и затаились за бочками с вином. Погрузка двух кораблей заканчивалась. Селевк, окруженный преданными воинами, лично наблюдал за подготовкой важных кораблей к отплытию и давал последние распоряжения.

Главное в пиратской тактике – внезапность! Головорезы Костандина выскочили из-за укрытия и напали на ничего не подозревавших воинов Селевка. Завязался бой. Кровожадные киликийцы, которыми двигали алчность и азарт, напирали на греков с целью учинить расправу и захватить корабли. На Селевка обрушился Костандин, но понтийский генерал, предугадывая яростные удары киликийца, успешно отражал их до тех пор, пока тот не выбил подпорку из-под штабеля бочек. С шумом и треском, сметая все на своем пути, бочки покатались по пирсу. Селевка и многих воинов отбросило в сторону, несколько бочек разорвало. Красное вино расплескалось, окатив с головы до ног ароматной липкой жидкостью сражающихся воинов и окрасив их в красный цвет.

Наемники-килийцы, вставая из винных луж, одурева-

ющие и оглушенные, постепенно приходили в себя и снова хватались за мечи, продолжая штурм кораблей. Селевк встал и, утирая рукавом лицо, схватил оружие, но тут же получил укол мечом в плечо и упал на доски пирса.

Костандин враждебно смотрел на греческого полководца.

– Никогда не знаешь, что будет завтра, правда, Селевк? Не советую стоять на пути разъяренного киликийца.

– Предатель, у нас договор! – прохрипел Селевк. – Удержите город, и вы получите свое золото.

– То самое, которое ты погрузил на корабли. Хватит меня дурачить, я не такой легковверный, как ты думаешь. Теперь все сокровища Митридата мои. Счастливого оставаться!

Против головорезов Костандина немногочисленная понтийская охрана кораблей не устояла, а моряки попрыгали с судов в воду. Киликийцы, бывшие пираты, прирожденные мореплаватели, заняли посты на кораблях, груженных золотом, серебром, драгоценными камнями, стеклом и пряностями, и отчалили. Остальные наемники продолжали грабить богатые дома синопцев, убивая горожан. Протестовавший аристократ Леонипп был убит одним из первых.

В римском лагере у осажденной Синопы в палатке Лукулл слушал доклад легата Сорнатия. Тот оправдывался:

– Приходится изошряться и производить колоссальные работы для овладения укрепленным городом.

– Сорнатий, ты должен был взять город к утру! – безапел-

ляционным тоном отчеканил проконсул.

Легат получил все, что просил, в том числе двадцать повозок с конским волосом для изготовления катапульта, а поскольку результата нет, зная Лукулла, он чувствовал: к следующему утру его разжалуют до трибуна, и вместо легиона он будет командовать двумя когортами. Однако подошло подкрепление – пять центурий – и, возможно, теперь дело сдвинется с мертвой точки.

Клодий и Сорнатий, надевая шлемы, вышли из палатки.

– Что на него напало? – спросил товарища Сорнатий. – Еще недавно он не был таким взбудораженным.

– На него напала Мантикора.

– Кто это?

– Кошечка.

В очередной раз к стенам выдвинулись римские стрелки. Прикрываясь передвигающимися на колесах большими щитами из дерева, они пытались прогнать обороняющихся со стен. Следовавшие за ними колонны рабочих заваливали ров землей и устанавливали лестницы для подъема на стену.

– Корабли! – закричал римский офицер в серебристом чешуйчатом панцире, следящий с пригорка за обстановкой боя. – Из гавани выходят два корабля!

Лукулл в кирасе и шлеме, выйдя из палатки, посмотрел на море. Бросив взгляд на баллисты и катапульты, которые били камнями и мощными дротиками по укреплениям города, он подозвал к себе офицера для поручений:

– Передай центурионам ударить по кораблям из всех карробалист!

Метальные машины баллисты ударили по кораблям камнями весом один талант каждый (26 кг). Камни в полете издавали свист, и несколько из них, попав в цель, проломали корпуса деревянных кораблей, а свинцовые ядра, так называемая тяжелая картечь, посланные вдогонку, завершили дело: корабли пошли ко дну.

– Молодцы! – похвалил Лукулл. – А теперь сосредоточить все пятьдесят баллист на воротах города!

С наблюдательного пункта донесли, что в море на горизонте появились корабли. Лукулл насторожился. В уме он уже строил план оборонительной операции побережья с целью не допустить подкрепление в осажденную Синопу, как в палатку командующего прибежал офицер:

– Император, это торговые суда! Их десять.

Суда встали на рейде, от первого отделилась лодка с людьми и поплыла к берегу, прямо к римскому лагерю.

– Проконсул, – к Лукуллу обратился офицер из его помощников, – прибыла делегация сына Митридата. Просят принять их.

– Что? Не может быть! – Лукулл не мог поверить своим ушам. Удача сама плыла к нему в руки. – Зови, я их приму!

Привели троих понтийских греков, богато одетых и очень взволнованных. Поклонившись, вперед вышел самый представительный из них:

– Меня зовут Архелай. Мы выполняем миссию наместника Митридата в Боспорском царстве, его сына Махара.

– Я наместник провинции Азия и главнокомандующий римской армией Лициний Лукулл. Слушаю тебя, Архелай.

– Наместник Боспорского царства Махар шлет тебе приветствие и сообщает: его отец Митридат VI Евпатор полностью проиграл войну.

– Да, именно так!

Внутри Лукулла ликовал победитель. Уже десятки родственников царя Митридата, его придворных вельмож и советников перешли к римлянам. Они были уверены, что Митридат и дальше будет бездействовать в почетном плену у армянского царя.

Лукулл с торжеством взглянул на подчиненных:

– Я знал, что окружение понтийского царя разбежится. И что же Махар хочет?

– Махар изъявляет тебе полную покорность. Он претендует на трон отца.

Предательство Махара налицо. Вот он момент триумфа. Чтобы не показать свою радость, Лукулл принял озабоченный вид и холодно спросил:

– Ну и...?

– Разуверившись в отце, Махар прислал тебе наследственную диадему царей Понта. – Архелай взял у товарища шкатулку и открыл ее.

На красном бархате, сияя и маня, лежала диадема Митри-

дата, еще лучше и богаче той, что захватили в бою при Кабире. Лукулл толк в драгоценностях знал. Диадема, символ царского достоинства, головное украшение царя в форме золотого обруча с драгоценными камнями, была изготовлена с особым изяществом. Несомненно, только предводитель понтийских греков мог носить эту диадему. Взяв венец в руки, Лукулл поднял этот символ власти высоко над головой и победоносно окинул взором свое многочисленное окружение из римских офицеров. Послышались одобрительные возгласы. Перекрывая гром ударов метательных машин и крики, главнокомандующий воскликнул:

– Победа – удел смелых и сильных! Одерживает победу тот, кто проявляет наибольшее усердие и благоразумие! – Затем, снова взглянув на Архелая, спросил: – Ну и...?

– Махар шлет тебе десять кораблей с хлебом. Он просит признать его другом и союзником римского народа.

«Какая удача, – подумал главнокомандующий, – хлеб в амбарах заканчивается, скоро кормить население и армию будет нечем. И вот неожиданный сюрприз! Впрочем, иначе и быть не может. Победитель получает все».

А вслух сказал:

– Я похлопочу перед римским сенатом о признании Махара царем, а также другом и союзником римского народа. Взамен мне нужен хлеб для армии. В Тавриде его много, не зря же скифские цари изображают хлебный колос на своих монетах!

– Да, проконсул, – поклонился Архелай, – твои слова я передам Махару.

Когда понтийская делегация ушла, Лукулл внутренне возликовал: «Победа!» Несомненно, это исторический момент. Армянский царь остался в одиночестве, его воины недостаточно обучены, военная организация слаба, полководцы воюют по старинке. Он, Лукулл, всегда верил в свою звезду, и вот он миг удачи. Глядя на диадему, лежащую на столе, он думал: «Этот дар Махара я присоединю к синопским трофеям, Преция будет довольна».

– Клодий, – сказал он, – отправь Архелая с этим венцом к стене города, пусть уговорит защитников сдаться.

Киликийские наемники грабили город. Наконец, устав от разбоя и убийств, они подожгли дома и начали грузиться на оставшиеся неповрежденными торговые суда в гавани, чтобы бежать. Каждый затаскивал на судно по одному, по два, а то и по три мешка с имуществом состоятельных жителей. Суда вышли в море. Несколько перегруженных, плохо управляемых кораблей перевернулись, унося на дно и добро, и команду. Над городом взвилось пламя пожара. Люди на крепостных стенах, видя, как погибает их прежде цветущий полис, плакали.

Архелай и два его спутника подошли к воротам столицы. Шум боевых действий вдруг стих, и в наступившей тишине со стены донесся голос Селевка:

– Архелай, зачем ты пришел?

– Селевк, все кончено. Вот, смотри! – Он поднял над головой диадему Митридата. – Махар захватил власть в царстве и перешел на сторону римлян. Он прислал им десять кораблей с хлебом. Прекращай бессмысленное сопротивление. Как я вижу, и защищать то уже нечего.

После непродолжительной тишины раздался скрип, и огромные, обитые медными листами ворота города отворились. Показалась фигура Селевка, перевязанного бинтами, но с мечом в руке. Прихрамывая, он подошел к Архелаю и долго смотрел ему в глаза, а потом вместе с ним направился в лагерь противника. Город пал.

В римском лагере, представ перед Лукуллом у большой палатки с бронзовыми орлами по углам, в окружении большого числа легионеров, Селевк, опустившись на колени, протянул меч:

– Гарнизон Синопы сдается на милость победителя.

Лукулл подал знак. Офицер меч забрал. Сделав несколько шагов вокруг Селевка, главнокомандующий заявил:

– Милости не будет. Ты и твои солдаты дорого заплатите за свое упрямство. Скажи, где сокровища Митридата, и я сохраню тебе жизнь.

Селевк поднялся с колена и гневно посмотрел на Лукулла:

– Я загрузил их на корабли, которые ты потопил.

– Что?!! – завопил Лукулл. Его глаза вылезли из орбит, кулаки сжались, лицо перекосилось, сердце бешено застучало. В таком состоянии своего главнокомандующего никто

из подчиненных не помнил. В любой ситуации Лукулл был выдержанным, спокойным, трезвомыслящим, и вдруг взрыв негодования.

Город сгорел дотла. Единственное, что досталось Лукуллу, это чудом сохранившаяся чудесная греческая статуя бога-покровителя воров Автолика. Согласно мифам, он был самым хитрым и ловким вором и разбойником.

Глава 23. Не меняется по сути ничего

В крепости Бнабел Митридат, считая себя пленником, хоть и почетным (вся крепость в полном его распоряжении), томился от безделья. По-прежнему охрана армянская, и весь персонал тоже армянский. Отряд понтийских воинов был расквартирован в соседнем городке, и только Гипсикратия и несколько вельмож находились рядом. Хорошему настроению не способствовал даже замечательный повар, присланный Тиграном.

– Что за сладость? – уплетая ароматное и необычное кондитерское изделие, поданное на десерт после обеда, царь озарился вспышкой интереса. – Гипсикратия, попробуй, очень вкусно!

Вошел повар Хосров, армянин, вызванный в зал Митридатом.

– Государь, бари ахоржак! (Приятного аппетита!) – он поклонился.

– Что это за сладость? Никогда не пробовал, – Митридат доедал кусок пирога.

– Царь Тигран поручил готовить тебе самые изысканные блюда. Мы называем этот пирог гата.

– Вкус необычный, – сказал царь.

Древний рецепт предусматривал: пшеничная мука, сливочное масло, грецкий орех и финиковый сироп. Финиковый сироп – это выжатый финиковый сок, которому дают сгуститься. От него необычная сладость. Сахар был редкостью.

Митридат откусил еще кусочек пирога и запил его вином, наслаждаясь ароматом выпечки, маслянистым и ореховым вкусом, и это кушанье казалось ему не просто лакомством, а пищей богов.

– Гипсикратия, я ничего подобного не пробовал в жизни. Если так пойдет и дальше, мы с тобой станем знатоками армянской кухни, позабыв о войне и зачем вообще прибыли в Армению.

Взяв кусочек выпечки с другого блюда, он отправил его в рот и, зажмурив глаза, медленно стал жевать, испытывая неземное удовольствие.

– А это что? Тоже гата?

– Нет, государь, это армянская сладость назук.

Гипсикратия, попробовав назук, оценила выпечку:

– Эти рулетики со сладкой начинкой ни с чем не сравнимое удовольствие.

Действительно, тающее тесто и нежнейший вкус! Митридат был доволен. Понятно, Тигран специально кормит его вкусными блюдами, чтобы казалось: все наладилось, жизнь прекрасна.

Гипсикратия засмеялась:

– Вчера подавали арганак и багардж.

– Мне нравится, когда ты смеешься, – сказал удовлетворенный Митридат. – Если ты радуешься, значит, и мне хорошо. Я люблю тебя, милая. – Обратившись к повару, сказал: – Хосров, ты молодец! Ответь мне еще на один вопрос.

– Да, государь!

– Я чувствую, что в Армении творится что-то странное, у всех озабоченный вид. Что говорит народ? Поведай мне, несведущему.

– О государь, народ говорит, что над Араратом гремит гром, а иногда поднимается черный дым, а земля вокруг трясется. Бури и ураганы губят урожай, скот не хочет пастись на склонах горы.

– И что это означает?

– Есть предание, что под горой живет дракон. Народ думает, что дракон проснулся.

Митридат предался раздумью:

– Как говорили древние, берегись дремлющего дракона.

Отпустив повара, он, расхаживая по залу, бормотал:

– Я сам становлюсь драконом, только не под горой, а в этой крепости. Тиграну пора понять: если живешь бок о бок с драконом, изволь с ним считаться.

Гипсикратия любовалась мужем: высокий лоб, высокий рост, хорошо сложен и, несмотря на возраст, подтянут. Его уныние, тоска и апатия прошли. Теперь он знает, чего хочет, и никакие ухищрения Тиграна не свернут его с избранного

пути.

Митридат снова сконцентрировался на способах достижения цели.

– Знаешь, Гипсикратия, я хочу заставить царя Великой Армении вступить в войну с Римом.

– Великий царь, твоя миссия – подарить людям счастье, цель – преодоление, а желание – обладать.

Она подошла к мужу и, заглядывая в его светло-карие глаза, обняла и поцеловала.

– Твои глаза сводят меня с ума, – прошептала она.

Целуясь с женой, понтийский царь ни на минуту не прекращал думать о делах. Он умел добиваться желаемого, но пока не нащупал слабого места Тиграна, чтобы спровоцировать его на безрассудный поступок. Тигран действует очень осмотрительно, имеет обостренное политическое чутье и проявляет змеиную гибкость. Чем же его заинтересовать?

Правитель взял чашу с чаем:

– Это китайское лекарство хорошо меня бодрит, поднимает умственную активность: хочется работать, творить!

Гипсикратия знала, что муж – человек честолюбивый, гордый, с резкими перепадами настроения, и делала все, чтобы поддержать его.

– Ты умеешь настраивать себя на боевой лад. Уверена, достойное решение обязательно найдется, – сказала она.

Мысли будоражили воображение понтийца. Хочешь добиться успеха – мысли нестандартно. Весь свой талант он

растратил на сомнительные победы, но теперь все изменится, в его предназначение поверят народы, он будет вершить историю!

А жена продолжала ободрять:

– Ты одаренный человек, тебя вдохновляют боги...

– Я сам бог! Почти. Иногда мне кажется, греческие боги отвернулись от меня, и тогда моя вера слабеет. Несомненно, не верить в высшие силы это преступление, но до сих пор они не открыли моего предназначения.

Не имея активного выхода, энергия его выплескивалась на Гипсикратию, окружавших придворных, слуг, шедевры кулинарии, хорошее армянское вино. Все это временно снимало нервное напряжение. Он был сосредоточен на не дававшей ему покоя теме: Тигран не помог, когда римские войска вторглись в Понтийское царство, и это может обернуться роковой ошибкой для армянского царя. Если бы он прислал войска еще до битвы при Кабире, легионы Лукулла были разбиты.

С юности царь был одержим идеей создания собственной державы, и эта идея затмила все остальные. Для этого нужно было вовлечь Тиграна в войну. Когда в Римской республике начались внутренние смуты, Митридат решил, что настал момент для реализации своей идеи. Он начал войну с Римом и вел ее двадцать лет. Потом нашел способ вовлечь в войну Тиграна, и тот вошел в Каппадокию. Понтиец всегда умело манипулировал людьми. Когда нужна была Каппадо-

кия, чтобы на ее престол посадить сына, он получил это царство из рук Тиграна. Да, он заставил Рим считаться с собой как с серьезным и опасным игроком, но теперь, в крепости, окруженный армянскими шпионами, он злился на своего зятя Тиграна и думал, как развязать новую войну.

– Милый, все это гнетущие чувства, – пыталась успокоить его Гипсикратия.

– Я слишком умен и расчетлив, чтобы идти на поводу чувств.

Эллины видели в нем освободителя от тирании римлян, они воспринимали царя как мессию, даже когда получили приказ вырезать всю колонию римских граждан в Эфесе. Восемьдесят тысяч жертв! Оттуда Митридату пришли огромные средства для ведения войны, а римские захватчики были наказаны за безудержную алчность.

Гипсикратия продолжала умиротворять мужа:

– Ты внешне похож на Александра Македонского.

– Спасибо, дорогая, я всегда стремился подчеркнуть свое внешне сходство со знаменитым предшественником.

Авторитет и слава Александра еще пригодятся. Тигран такого же склада, как и он. Армения стала огромной державой, поскольку Тигран мудрый и твердый правитель, умеет повелевать народами, а некоторые страны добровольно зовут его к себе царствовать. Вместе с ним можно было бы создать огромную греко-армянскую державу...

– Дорогой, я верю в твое предназначение! – шептала жена.

Митридат с обожанием глянул на нее, и вдруг его осенила мысль:

– Сыграть на жажде величия Тиграна!..

Царь нервно заходил по залу, размышляя о новой идее. «Тигран такой же тщеславный, как и я. Он хочет превратить Армению в великую державу. Еще он хочет спасти мир. Но дракон, конечно, встанет у него на пути. Что ж, я знаю способ, как оседлать дракона. Да, несомненно, это Тиграна заинтересует. Недаром, во сне мне привиделся меч».

В зал вошел Диафант, приближенный и начальник охраны Митридата.

– Государь, – сказал он, – у меня есть новости: одна хорошая и другая не очень. С какой начать?

За плохие новости могли и взгреть, и хитрый Диафант, хорошо зная своего патрона, притворился простаком.

– Мне надо бы давно казнить тебя, Диафант, но тогда никто не будет говорить мне правду. Ты хитрый пес. Виляя хвостом, умеешь даже горькую пилюлю подсластить. Но, обращаясь к старому псу, я говорю «братец»... Братец, начинай с хорошей! – Митридат сел и приготовился слушать.

– Поступило донесение: Диокл, посланный тобой за помощью к скифам, изменник, убит нашим лазутчиком в Амасии.

– Ха! Поделом предателю! – Митридат удовлетворенно хлопнул в ладоши. – Не люблю предателей, слабохарактерных и трусов. А вторая новость?

– Покушение на Лукулла не удалось. Скиф Олкаба, кото-

рого ты подослал к нему, разоблачен, но спасся бегством.

– Жаль! – воскликнул Митридат. – Но пусть Лукулл знает, что спокойной жизни у него не будет.

– Государь, Олкаба здесь. Он говорит, что среди твоих приближенных есть предатель.

– Что?! – Митридат встал. – Позови!

Привели скифа.

– Олкаба, – Митридат изобразил радушие, – рад тебя видеть.

Царь послал лазутчика убить Лукулла. Тот притворился перебежчиком, даже спас римских воинов во время боя. Ему поверили и даже допустили к полководцу, но предатель выдал Олкабу. Лазутчик еле ноги унес.

– Кто предал тебя?

– Государь, я узнал его имя. Это Собадак!

Собадак – один из лучших полководцев Митридата. Предательство царь считал тягчайшим поступком, намного опаснее, чем поругание богов. Телохранитель Диафант ушел, но вскоре вернулся с Собадаком.

– Государь, ты звал меня? – воин, красивый и сильный скиф, был спокоен и полон достоинства.

Митридат подошел к нему:

– Скажи, Собадак, тебе ничего не известно о пропавшем Олбаке?

– Нет, государь, давно о нем ничего не слышал.

– Зачем же ты сообщил римлянам о его задании?

– Я не сообщал, меня оболгали! – вскричал скиф.

Диафант бросил к ногам скифа тугой мешочек с монетами:

– Государь, здесь триста римских денариев. Мы нашли это в доме, где квартирует Собадак.

Митридат в упор смотрел на воина.

– Олкаба! – позвал он.

Из тени вышел Олкаба. Собадак забеспокоился, стал кусать губы, чесать щеку, переминаться с ноги на ногу.

– Что, Собадак, неудобно? – Митридат, сверкая глазами, тяжело дышал. – Я тебе доверял, не раз с тобой ходил в бой, а ты меня предал.

Собадак, опустив голову, тихо произнес:

– Прости, государь. Не устоял, думал война проиграна, хотел начать новую жизнь.

– Тяжело простить предательство. Пусть боги с тобой разбираются. Повесить!

Собадака схватили и увели.

– Олкаба, ты будешь вознагражден за верность. Иди к своим.

Митридат уселся в кресло и призадумался. Ничего в этом мире не меняется: герой и предатель, гений и злодей, коварство и любовь, преступление и наказание. Все проходит, и все повторяется. Вот почему Понт снова будет его!

– Государь! – вбежал Диафант. – Синопа пала!

Митридат приподнялся, голос его звучал трагически:

– Радость побед и горечь поражения.

Глава 24. Клеопатра Понтийская

В саду Тигран ждал жену. В окружении кипарисов и миртов он любовался цветами асфodelьями. На дорожке появилась царица Клеопатра Понтийская в сопровождении малочисленной свиты – двух знатных дам. Тигран благосклонно смотрел на приближающуюся к нему пленительную женщину.

– Моя тагуи, моя Клеопатра. – Он обнял ее за гибкий стан, прижался к ней, взглянул в глаза, затем, неторопливо переведя взгляд на губы, прикоснулся к ним и нежно поцеловал.

А она, гордая и красивая тагуи (царица), смотрела на мужа глазами, полных волшебного света, но счастье в них не отражалось. Ее спутницы уже удалились, супруги остались одни, и женщина, положив руки ему на плечи, произнесла:

– Ты любишься асфodelьями, Тигран. – Она, протянув руку к цветку, дотронулась до него. – Иногда мне кажется, что я блуждаю по полям асфodelей в подземном мире, не совершив никаких преступлений.

Согласно легенде, по полям асфodelей блуждают тени умерших, не совершивших преступлений, но не настолько праведных, чтобы попасть Элизиум – обитель душ блаженных. Преступники же отправлялись богами на «поля наказания».

– В Элизиум тебя не пускают твои мысли, ведь так? –

спросил он.

– Да, Тигран. В крепости Софа я много читаю, и греческий миф об Аиде мне напоминает, что прежняя жизнь моя подвержена забвению.

В крепости по указанию Тиграна жену окружали поэты и философы. Ему доносили, что общение с ними ей идет на пользу: она наизусть цитирует Гомера. Как писал поэт: «Время на все есть: свой час для беседы, свой час для покоя». Тигран смотрел на миловидную женщину, по-прежнему его волновавшую, как неразгаданная тайна, как ярчайшая звезда ночного неба. Одета она в армянский костюм, но прическа уложена на греческий манер. Он в царском армянском одеянии, но поседевшие волосы по-гречески украшали золотая диадема и белая лента, повязанная вокруг головы.

На шее царицы на шнурке висел амулет в форме скорпиона, исполненный из золота и драгоценных камней: голубого опала и желтого кошачьего глаза. Тигран залюбовался игрой цветов опала и бегающим бликом кошачьего глаза. Этот амулет он подарил жене, дабы усмирять ненависть и мстительность. Кроме того, амулет оберегал от влияния магических сил и несчастий.

Улыбнувшись, Клеопатра с нотками волнения произнесла:

– Я догадываюсь, зачем ты меня вызвал. Собираешься встретиться с моим отцом, царем Митридатом VI, не так ли?

– Ты всегда была проницательна, – улыбнулся Тигран. –

Да, я решил с ним встретиться: политическая обстановка осложнилась и требует действий. Нам следует отложить распри.

Он смотрел на царицу и видел, что внутри нее бушует вулкан страстей. «Понять женщину невозможно», – думал он. Ей сорок, очень умна, но ум сыграл с ней злую шутку, да и чутье подвело. Хотела властвовать, но не понимала, что союз двух сильных личностей, стремящихся во всем к первенству, предъявляющих завышенные требования к себе и окружающим, почти всегда приводит к соперничеству, конфликту и разрыву. Пытаясь манипулировать мужем, она однажды просто стала опасной. Были попытки устранить Тиграна, настроить против него сыновей, свергнуть с престола. Он понимал, что она страдает и никогда не простит ему своих ошибок. Два равных по силе духа человека, и каждый не хочет идти на поводу чужих желаний...

– Тигран, я все осознала, сдаюсь, больше не могу жить одна в холодной крепости! – взмолилась она. – Смогу ли я остаться здесь?

– Задавая вопрос, ты уже знаешь ответ, – спокойно реагировал он.

– Мы найдем компромисс, способный удовлетворить каждого! – она пыталась убеждать.

– Ты всегда в творческом поиске, – он одарил ее снисходительной улыбкой.

– У тебя много достоинств, – не сдавалась она. – Неуже-

ли среди прочих нет простого сострадания к тому, кого ты когда-то любил?

Клеопатра Понтийская всегда преследовала свои эгоистичные цели. Было ясно: измениться она не может, а он не простит, и убедить Тиграна не получится, даже клятвами в любви.

– Чего ты хочешь?

– Боги знают, чего я хочу, – Клеопатра Понтийская прошла по дорожке. – Я истосковалась по мороженому, которое делают в твоём дворце из горного снега и соков.

– Ты загадка, не разгаданная мной.

Тигран, встречаясь с царицей, понимал: иллюзорные мысли о ее переменах можно отбросить. Зная, что наследником престола она желала видеть Тиграна Младшего, своего любимца, он догадывался, что лишь в этом случае она сможет царствовать от имени сына, не думая о роковых последствиях этого шага для страны. Она не любила Артавазда, нынче назначенного наследником престола, часто повторяла, что он хороший мальчик, настоящий воин, но не лидер и неискренен. Часто напоминала, как однажды Артавазд отрубил мечом голову статуе Тиграна. Властелин догадывался: этим фактом она скрывала ложь. Клеопатра была настолько легкомысленной, что бросила в огонь гнева царя двух старших сыновей, и этого он не простит ей никогда.

Она продолжала уговаривать:

– Если бы мы снова могли быть вместе, сумели бы пре-

одолееть все преграды, а в трудную минуту я послужу тебе надежной опорой.

Тигран раздосадовано смотрел на нее:

– Ты прекрасна, но прекрасное недолговечно. – Он взял ее за руку: – Нас связывало многое, я наслаждался временем, проведенным с тобой...

Она смотрела на него с мольбой:

– Дай мне еще один шанс.

На его лице сквозила печаль:

– На обломках отношений можно построить только воздушные замки.

Во второй половине дня Тигран собрался пообщаться с богом. Александр Македонский привнес новизну в Малую Азию – греческую культуру и новых богов. Конечно, эти веяния проникли и в Армению. Подобно знаменитому храму Аполлона в Дельфах, где из расселины в скале поднимались пары ядовитых газов, а на золотом треножнике сидела пифия, в Тигранакерте в подвальной части храма Арамазда обитал жрец Мерах, обладавший медиумическим даром. Он устанавливал контакт с богом.

Жрец сидел на треножнике и, обкуривая себя тлеющей веточкой можжевельника, вдыхал витающие в пространстве подземелья запахи, постепенно впадая в транс. Предполагалось, что на бессознательном уровне он может уловить сигналы, посылаемые богом. Вокруг него стояли несколько чи-

тающих молитву жрецов, и, согласно ритуалу, каждый из них держал в руке тлеющую ароматическую палочку ладана. На алтаре курился фимиам: ладан, сандаловое дерево, белена и ветки сосны. Ожидали царя, пожелавшего получить совет бога Арамазда. Владыки любой из стран и все полководцы не начинали никаких дел и кампаний, не посоветовавшись с богами: в Риме с латинскими, в Афинах с греческими, в Тигранакерте с армянскими.

Тигран II принес жертву богу Арамазду и предпринял попытку заглянуть в будущее. Предсказание от имени бога ему должен огласить жрец Мерах, суждения которого безоговорочно признавались откровением. Тигран знал, что жрецы всегда записывали слова оракула, а потом поэтическим языком писали прорицания, допуская иногда диаметрально противоположные или вольные толкования, поэтому, отослав жрецов из зала, остался один на один с оракулом.

– Где ты сейчас? – спросил Тигран.

– Я в центре мудрости, – отвечал Мерах.

– Что видишь?

– Небеса шлют нам пророчества...

Обращенную к нему речь жрец слышал и понимал. Он был неподвижен, глаза закрыты, но ресницы дрожали, лицо просветленное, дыхание замедленное, руки иногда подергивались, а начав говорить, он слегка покачивал головой.

– Тебе ведомо грядущее?

– Да.

- Будет ли война с Римом?
- Непременно произойдет в будущем...
- Могут боги вмешаться и не дать развязаться войне?
- Боги не в силах отменить предсказанное.
- Какая моя судьба... мое предназначение?
- Менять мир... спасти мир...
- Что случится с миром?
- Мир будет разрушен...
- Откуда начнется разрушение жизни на земле?
- Арарат...
- Как спасти мир и изменить судьбу?
- Огненный меч бога... если позволят боги... из хаоса собрать осколки...
- Я справлюсь?
- Выйди из лабиринта своих страхов... поверь инстинктам... не бойся перемен. Если испугаешься, притянешь судьбу...

– Арамазд, молю тебя, открой мне судьбу! – взмолился

Тигран.

– Она откроется тебе, жди... грядет новая эра... справедливость... – услышал царь ответ бога устами оракула.

Мысль Тиграна работала чрезвычайно напряженно. От природы очень трудолюбивый, целеустремленный и решительный, он, получив новое знание, уже понял, как им распорядиться, и пусть на его пути встают мерзкие людишки или истинные враги, он найдет ту единственную дорогу, ве-

душую к заветной цели, и ничто его не остановит.

– Кто жаждет моей смерти?

Но жрец уже склонил голову, лицо его окаменело, руки безжизненно упали, и больше он не произнес ни слова, только слабое дыхание выдавало в нем жизнь. Тигран вышел из храма, где ждала большая свита, и подозвал Артавазда.

– Я узнал, что хотел. Жрец поведал мне будущее.

– Мы выстоим? – спросил сын.

– Ты же знаешь, нельзя победить страну, если ее оружие не только меч, но и мудрость.

Царю нравилась не только охота, но и театральные представления, выступления певцов, танцоров, чародеев и волшебников. Наступивший вечер обещал необычное действо. В честь прибытия в столицу царицы Тигран повелел устроить представление. В зале приемов собрались приглашенные. Как обычно, гости и царедворцы допускались в зал без оружия. Уже появились Артавазд с женой, Тигран Младший с Береникой, министры с женами, высшие чины царства: сокольничий, виночерпий, главный повар и другие. Между греческими статуями, установленными вдоль стен, стояли воины из охраны царя.

– Какая красивая статуя, – произнесла жена нового виночерпия, указывая на амазонку. – Как она называется?

– Дорогая, я не разбираюсь в искусстве, – отвечал виночерпий Вардгес. Он носил львиное имя и львиную гриву.

– Это «Раненая амазонка» греческого скульптора Поликлета, – сказал стоявший рядом Васак. – Нравится?

– Очень реалистично! – восхитилась жена виночерпия.

Посреди зала поставили накрытую полупрозрачной шелковой тканью куклу в рост человека, называемую греками «автоматом».

Возвестили о прибытии царя и царицы. В пышных одеждах, под руку, они вошли в зал, вызвав вздох восхищения. Все поклонились, а царственные особы заняли приготовленные им кресла. Был поздний вечер. Зал, освещавшийся огнем канделябров, выглядел таинственным и сказочным.

Организатор представления важный и надутый Акоп провозгласил:

– Богиня любви и красоты Астхик спустилась с небес сюда, к нам, и сейчас будет говорить!

Внешние черты куклы напоминали армянскую богиню любви и красоты Астхик, возлюбленную бога войны, грома и молнии Ваагна. Отдаленно она была похожа и на Клеопатру Понтийскую. У греков Астхик называли бы Афродитой, в Аккаде – Иштар, но во всем мире люди, а, возможно, и боги продолжали наслаждаться ее красотой и подчиняться ее любовной власти. В городе Аштишате, что на реке Арацани, притоке Евфрата, были два храма – один богини Астхик, другой бога Ваагна. Боги являлись супругами, и храм Астхик называли спальней Ваагна. После любовных встреч Астхик и Ваагна проливался над Арменией дождь, питавший поля и

сады, принося людям обильный урожай.

Появился волшебник, высокий тощий человек в черном плаще с черными растрепанными волосами и острой бородой. Он снял покрывало с куклы. Взору присутствующих открылся прекрасный лик богини. Сверкая глазами и медленно двигаясь по залу, волшебник сказал:

– Богиня хочет загадать загадку.

Все устремили взоры на куклу, из приоткрытого рта которой тотчас выпала скрученная записка. Акоп поднял ее и прочитал:

– Кто всегда движется одиноким?

Наступила полная тишина, все молчали, ответа не было. Царь Тигран, улыбаясь глазами, произнес:

– Солнце движется одиноким.

Кукла вдруг ожила: ее правая рука с раскрытой ладонью, согнувшись в локте, поднялась и опустилась.

– Богиня довольна ответом, – сказал волшебник, – следующий вопрос.

Появилась новая записка, Акоп ее поднял и зачитал:

– Кто снова рождается?

Опять в зале тишина. Тигран, улыбнувшись, посмотрел на жену, как бы подбадривая ее, она тоже улыбнулась и сказала:

– Луна снова рождается.

Кукла подняла руку, Клеопатра рассмеялась, а Тигран порадовался, что настроение жены улучшилось.

– Что является лекарством от холода? – зачитал записку

Акоп.

Васак, переполненный желанием показать свою ученость, произнес:

– Я знаю! Это вино!

Кукла стыдливо закрыла глаза ладонью.

– Увы, – сказал волшебник, – ты не угадал.

Меружан, стоявший за креслом царя, выкрикнул:

– Огонь – лекарство от холода!

Правая рука «автомата» с раскрытой ладонью поднялась, все оживились, раздались одобрительные возгласы. Загадки удивляли и радовали придворных, знавших добродушный нрав царя. На таких мероприятиях они чувствовали себя раскованно и непринужденно. Появилась новая записка, Акоп зачитал:

– Вечером цветут, утром вянут, днем спят, ночью пробуждаются. Что это?

Опять тишина, придворные переглядывались. Раздался голос жены виночерпия, бойкой и смелой женщины:

– Цветы, наверное.

«Богиня» стыдливо прикрыла лицо.

– Звезды! – раздался голос Тиграна.

Все обратили свои взоры на куклу, а та согнула правую руку в локте, подняв ладонь вверх.

Послышались восторженные и хвалебные возгласы, люди искренне заулыбались, а Клеопатра Понтийская, с умилением посмотрев на мужа, протянула ему руку, а тот с почтени-

ем дотронулся до нее.

Волшебник подошел к Кохару, сокольничему, полному и добродушному знатоку птиц, и, делая вид, что помогает ему выйти на середину зала, вдруг нанес ему мгновенный удар по затылку, одновременно сжав его подбородок рукой. Зрители онемели. Кохар тут же вошел в состояние измененного сознания. Волшебник, держа за руку сокольничего, медленно вел его по залу. Наконец остановившись, маг произнес:

– Спи! Быстрее засыпай! Ты неожиданно погружаешься в сон...

Тигран насторожился. Ему не нравилось, что в его присутствии выполняются какие-то манипуляции с сознанием людей, не согласованные заранее. Он оглянулся: вся публика замороженно смотрела на происходящее.

Волшебник продолжал говорить Кохару:

– Полностью расслабься, закрой глаза, ты засыпаешь. Веки становятся тяжелыми, ноги расслабленными и тяжелыми, ты не можешь их поднять. Засыпай! Ты слышишь только мой голос. Выполняй все, что я тебе скажу...

Обладая безупречными навыками погружения в гипноз, волшебник полностью овладел сознанием преданного царю Кохара, находившегося будто вне зала: взгляд отрешенный, дыхание замедленное, тело расслабленное.

Волшебник взял его руку и попросил:

– Смотри мне в глаза.

Кохар поднял свои ясные и добрые глаза и уставился на

мага, а тот, наложив ладонь на его лицо, предложил:

– Я дам тебе сладкий персик, съешь его! – и протянул Кохару луковицу.

Сокольничий взял луковицу, откусил большой кусок и начал жевать с превеликим удовольствием. Все присутствующие не отрывали глаз от этого действия, а Кохар, несмотря на жгучий вкус, откусывал новые куски от луковицы и, причмокивая, жевал прямо с шелухой, показывая всем своим видом, что очень доволен. Многие засмеялись, показывая пальцем на добродушного малого.

Волшебник, оставив Кохара наслаждаться луком, пошел к публике. Достав из кармана блестящий золотой шар величиной с персик, не говоря ни слова, он поднял его над головой, привлекая внимание присутствующих. Раскачивая шаром на нитке перед глазами царя и его придворных, стал повторять на непонятном языке заклинание. Его слова, отличающиеся яркостью и образностью, произнесенные с особой интонацией, заставили присутствующих забыть в гипнотическом сне. Все, включая царя, царицу, Меружана и охрану, погрузились в транс. Заклубился дым, содержащий дурманящие и наркотические вещества. В облаках дыма волшебник обошел зал, убедившись, что люди погружены в транс, и пристально взглянул в глаза Кохару:

– Иди!..

Под воздействием внушения Кохар двинулся к бронзовой статуе Поликлета «Раненая амазонка». Пройдя мимо страж-

ников, он зашел за скульптуру и, выйдя с кинжалом в руке, направился в сторону царя.

Тигран с застывшим лицом сидел в кресле, испытывая ощущение легкости, эйфории и внутренней гармонии. В теле перекатывались волны тепла и жизненной энергии, появилась невесомость, но разум человека, обладающего большой силой воли, даже в таком состоянии продолжал работать. Понимая, что правитель великого царства не может позволить себе расслабляться никогда, он внутренне признал, что потерял контроль над собой на несколько минут. Тигран умел заставить себя сконцентрироваться.

Сквозь колдовской сон он слышал, как волшебник, считая всех погруженными в глубины транса, давал странные установки Кохару, и это его разозлило. Царь всегда умел управлять своими чувствами, гневом и настроением, поэтому, находясь в гипнотическом сне, стал создавать внутреннее напряжение, чтобы выйти из странного состояния. Перед глазами возникли яркие, но горестные воспоминания о пребывании в Парфии, а вот новые видения: жена Клеопатра Понтийская смеется; маленькие дети бегают вокруг него; он присутствует на казни своего старшего сына...

Сильные эмоции заставили Тиграна вздрогнуть и очнуться. Он открыл глаза. Кохар со странным выражением лица и острым кинжалом в руке приближался. Еще два шага, и клинок вонзится в сердце царя. Сжав кулаки, государь встал. Кохар занес кинжал... От сильного удара кулаком в голо-

ву сокольничий Кохар свалился с ног и потерял сознание. Царь бросил суровый взгляд на волшебника. Тот, потрясенный огромной силой воли, проявленной владыкой, недвижимо стоял в центре зала, соображая как поступить. Запахнув плащ, маг отступил и растворился в клубах дыма.

Позже, когда зал проветрился, а приближенные царя пришли в себя, стражники приступили к поиску волшебника. Стало известно: тот сбежал, пройдя через все посты в дворце, гипнотизируя по пути охрану. Кохар через пару дней вернулся к работе с птицами, так и не вспомнив, что произошло в злополучный вечер.

Глава 25. Тигран

II

не приемлет угроз

Конный отряд римских воинов во главе с послем Аппиусом Клодием въехал на территорию Великой Армении. Сообщение об этом событии немедленно по цепочке пролетело по всем крепостям и достигло Тигранакерта. Клодий, посланный Лукуллом с дипломатической миссией в Армению, ехал задумчивый и серьезный. Не нравилась ему эта миссия, но делать нечего, главнокомандующий настоял: нужен был предлог вмешаться во внутренние дела Тиграна.

Друг Клодия трибун Маркус говорил:

– Необычная страна: только что проехали сады, где наливались соком персики и виноград, а теперь падает снег.

Их путь лежал по горам – крутые подъемы и спуски, –

местность каменистая, а крестьяне умудрялись на камнях выращивать персики, абрикосы, груши, гранат и керасунтские плоды.

Керасунтские плоды – это черешня. Произрастала она городе Керасунт (Черешневый город), находившийся на южном побережье Черного моря. Впервые в Европу ее завезли римляне в 1 веке до н. э.

– Маркус, – заметил вояка Клодий, подмечавший каждую мелочь, – в донесении нужно отразить, что в Армении много рек и ручьев, проложены каналы.

– Клодий, смотри, в реке плещется форель! – восхитился Маркус.

– Форель – хитрая и осторожная рыба, – улыбнулся легат. На него нахлынула былая ностальгия. В доме Клодия форель часто подавали к столу. В Риме рыбная ловля была возведена в ранг искусства, он и сам развлекался этим занятием. Однако сейчас Аппиус, истинный военный, не очень впечатлившийся живописными горными пейзажами, оценивал местность со стратегической точки зрения: природа суровая, быстрые и холодные реки, немногочисленные леса, каменные арочные мосты, хорошие дороги, неприступные крепости. Вести боевые действия на этой местности сложно, резюмировал он.

Маркус и сам видел, что кругом естественные препятствия: высокие горы, глубокие ущелья и бурные реки, разлив которых легко организовать запрудой. Оба офицера осо-

знавали: без продуманного плана в эти земли лучше не вступать. Колонна всадников двигалась легко и быстро, и за семь переходов достигла Тигранакерта. Царю доложили, что прискакал посол от Лукулла, и Тигран пожелал с ним встретиться. В назначенный день и час Клодий прибыл в дворец.

– Явился посол Лукулла! – возвестил старый царедворец.

– Пусть войдет! – выкрикнул начальник дворца.

В тронном зале на троне, отделанном золотом, восседал царь в пурпурной, богато расшитой тунике, с наброшенной на плечи длинной леопардовой накидкой, на ногах красные башмаки. На голове, кроме белой ленты предводителя нации, поблескивала царская диадема. Слева и справа от царя по двое стояли, сложив руки на груди, правители вассальных государств Атропатена, Гордиена, Адиабена и Осроена. Полукругом за тронном расположились приближенные, родственники и советники, по всему залу выставлена охрана. Писцы, чтобы сущность события дошла в точности до потомков, приготовились вести хронику – достояние вечности.

В сопровождении двух легионеров в зал вошел посол Лукулла. По-военному, тяжелым печатным шагом шли римляне по каменному полу в полной парадной амуниции и с короткими мечами. Их шаги гулко отдавались эхом во всех уголках большого зала. Посол, довольно высокий военный крупного телосложения, остановился со свитой в десяти шагах от царя и, сделав вежливый поклон головы, четко по-военному выкрикнул:

– Царь Великой Армении, от имени императора Лициния Лукулла приветствую тебя!

При этом на его лице появилась торжественная маска высокомерия и превосходства. Советник взял протянутые военным верительную грамоту и послание – лощеную воском табличку из слоновой кости – и, пробежав взглядом тексты, кивнул, передав документы Васаку.

– Меня зовут Аппиус Клодий, я посол. Меня прислал наместник провинции Азия и главнокомандующий римской армией император Лициний Лукулл. Он шлет тебе, государь, и твоему народу пожелания благополучия и процветания.

Тигран обратил внимание, что его титул «царь царей» произнесен не был.

– Я воздаю почести главнокомандующему Лицинию Лукуллу, – сказал Тигран, проигнорировав титул «император». – Слушаю тебя.

Клодий сказал:

– Мне поручено передать предложение наместника и главнокомандующего римской армией в Азии императора Лициния Лукулла жить в мире, но для этого нужно выдать преступника и главного врага Римской республики царя Митридата. Его царство перешло в руки республики, его армия полностью разбита. Нам известно, что он укрывается у тебя.

Нахмутив брови, Тигран спросил:

– А если я не выполню это требование?

Клодий на мгновение пришел в замешательство, но само-

обладание быстро вернулось к нему:

– Тогда Рим пойдет войной на Армению.

– Неужели? С Римом меня связывают хорошие отношения, торговля процветает, баланс сил соблюдается. Для войны нет повода, – Тигран иронично смотрел на посла.

Царь знал, что говорил. До сих пор две страны не испытывали вражды и не встречались на поле битвы. У Рима и так было много проблем, взять хотя бы восстание рабов и другие внутренние смуты. Рим, по донесениям разведки, был заинтересован сохранить существующее положение дел с Арменией.

Тигран спокойно пояснил:

– На этот счет у меня точные сведения. И потом, со мной не говорят языком силы.

Посол уже менее уверенно проговорил:

– Конечно, мы тоже заинтересованы в мирных отношениях.

Клодий был не в своей тарелке. Пораженный блеском и богатством царского двора, он чувствовал, что царь, обладающий мощной энергетикой, лучился уверенностью и решимостью. Глазки легата забежали, на лбу выступила испарина. Проницательный Тигран сразу понял: сенат не принимал решения о начале войны с его царством.

Наконец, взяв себя в руки, Клодий возгласил:

– Рим не потерпит угроз!

Опять царь спокойно разъяснил:

– Митридат мой гость, а гость в Армении считается личностью священной и находится под покровительством богов. Не в традициях моего народа выдавать гостя по требованию каждой... – Тигран хотел сказать «каждой собаки», но сдержался и произнес: – ...каждого главнокомандующего... А в случае нападения на мою державу, я дам отпор. Армянский народ предпочитает сражаться, а не отсиживаться в норах.

У посла начался нервный тик:

– Государь, я передам твой ответ главнокомандующему императору Лукуллу.

– Передай ему, что я заинтересован в хороших отношениях с Римом, – произнес Тигран. – Как сказал ваш философ Цицерон, худой мир лучше доброй войны. В знак уважения к твоему главнокомандующему я велю отправить с тобой подарки.

Тигран встал: аудиенция окончилась. Клодий поклонился, по-военному четко развернулся и со своими легионерами пошел к выходу тем же обученным твердым шагом, как и входил. Гулкое эхо шагов разносилось под потолком.

Тигран окинул взглядом придворных. Гнуни, предчувствуя недоброе, обратился к царю:

– Государь, переговоры могли бы предотвратить конфликт.

– Не думаю, – твердо сказал Тигран, – амбиции Рима не позволят потушить конфликт. Если я встречу с Митридатом, он будет просить вступить в войну с Римом. Конечно,

я не хочу войны, но, похоже, столкновения не избежать... Мамиконян, отправь гонцов во все гарнизоны с указанием усилить бдительность! Васак, готовь встречу с Митридатом! Дерзкое послание Лукулла взволновало царя...

В гостевой дом при дворце армянского владыки, где разместили Клодия со свитой, были доставлены три сундука – один с золотыми монетами, другой с золотой утварью, третий с серебром. Также внесли и поставили на стол искусно сделанную шкатулку, инкрустированную слоновой костью, ценными породами дерева, золотом и медью. Клодий открыл шкатулку. На белом шелке лежал редкостной работы невероятно красивый кубок из хрустального стекла, щедро украшенный золотом и драгоценными камнями. Взяв осторожно кубок в руки, Клодий поднес его к глазам и посмотрел на свет. Кубок ослепительно сиял, как дневное солнце. Отослав сундуки обратно, он оставил себе только кубок. Ранним утром посол со свитой убыл.

Возвратившись в Амасию, древнюю столицу Понтийского царства, прекрасный и процветающий полис, где квартировал наместник, Клодий пришел к Лукуллу и доложил:

– Лициний, я сделал все, что мог и даже больше. Я говорил с Тиграном жестко, напористо и неуклонно, пригрозил ему войной, но царь Армении упрям, он отказался выдавать Митридата.

– Чем он это объяснил? – Лукулл поднял бровь.

– Он сказал, что Митридат его гость, а в Армении гостеприимство – главная черта народа. Он даже не назвал тебя императором! При нашем вторжении собрался воевать... Мы ведь не можем вторгаться в Армению?

Инструкции сената не позволяли Лукуллу начинать боевые действия против Армении. Рим и так находился в сложном положении, внутренняя и внешняя обстановка лишала его возможности активно заниматься азиатскими делами, однако главнокомандующего явно удивил и обескуражил ответ царя Тиграна, ведь Митридат больше не способен противостоять такой мощной машине, как римское войско, и в скором времени его бесследно поглотит забвение. Понтийское царство, по существу, перестало существовать, все союзники Митридата, кроме Великой Армении, отвернулись от него. Тигран II слыл мудрым правителем и всегда уклонялся от боевых действий с Римом. На что рассчитывает царь Армении? Немного подумав, проконсул неодобрительно посмотрел на Клодия:

– Не назвав меня императором, отказав в выдаче Митридата, Тигран не признал аннексию Римом Понтийского царства. Что ж, мы начинаем планировать нападение на Армению.

– Лициний, у нас инструкции! Мы не можем входить в Армению...

Лукулл метнул испепеляющий взгляд на Клодия:

– Здесь я решаю, что можно, а что нельзя! Мы пойдем в

Армению, чтобы пленить Митридата – главного врага республики, а потом доставим его в Рим с богатой добычей и получим заслуженные триумфальные почести. К своему имени я прибавлю прозвание «Понтийский».

Клодий промолчал, так как знал весьма сурового и безжалостного командующего. В войсках Лукулл не пользовался любовью, но при всей непопулярности его уважали и боялись.

Проконсул уже много лет пытался пленить Митридата, но царь всегда уходил от него, проявляя какие-то необыкновенные способности, предвидя место и время нападения. Да, это длилось, пожалуй, с тех пор, как Лукулл был назначен квестором в Малую Азию. Престижная должность квестора, предполагавшая заведование казной и архивом, позволила ему разбогатеть и стать заметной фигурой в Риме. Диктатор Сулла всегда отмечал исключительные исполнительские и человеческие способности Лициния. Умирая, диктатор даже назначил его опекуном своего сына. Еще Лукулл владел в Риме большой библиотекой, в которую допускался каждый жаждущий знаний ценитель литературы, что сделало квестора популярным. Позже, в одной из библиотек поверженного города, Лукулл из книги узнал о Дворце власти. А недавно Фраат намекнул: Дворец где-то в Армении. А что в том Дворце? Несметные сокровища или сакральные знания, или нечто большее скрывают горы, например тайну власти над миром...

Расхаживая по залу, Лукулл рассуждал:

– Понимаешь, Клодий, я жажду этой войны, и сенату она также придется кстати. Сенаторы начнут предлагать решения, чтобы положить конец войне, причем обязательно в пользу римской элиты, а та, в результате, получит контроль над территорией Армении.

– Ты полагаешь, война за влияние над Арменией понравится римскому народу? – легат оставался эмоционально отстраненным от этой затеи.

Лукулл пробовал переубедить:

– Клодий, сомнений нет. Идет борьба за господство в мире. Я намерен разорвать все нити, связывающие азиатские страны между собой, чтобы разделаться с каждой по отдельности.

Легат упорствовал:

– Лициний, даже если мы получим контроль над Арменией, управлять ее народом не получится. Я видел людей этой страны, они настолько упрямые, трудолюбивые и изобретательные, что даже на камнях выращивают обильные урожаи.

В глазах Лукулла загорелись искры гнева. У молодого легата не хватает мозгов понять, что ослабить Великую Армению, разрушить ее влияние в мире и выкачивать из нее ресурсы – вот цели на пути безраздельного господства Рима в Азии. Война – бог римлян, только благодаря войне они смогут контролировать мир. Война – испытанное средство могущества и главенствующего положения Римской республики.

На миг Клодий увидел в глазах Лукулла вспышку безумия. Проконсул чуть не взорвался, но сумел укротить свой гнев. Наместник уселся в кресло, устремив взгляд в пространство.

– Ты так и ничего не понял, – проговорил он.

Клодий, видя, что зять остывает, осторожно поведал новость:

– Тигран хотел откупиться, прислал мне сундуки золота и серебра.

– И ты взял?

– Нет, конечно, но я взял это, не мог не взять.

Клодий поставил на стол шкатулку с кубком и открыл. Лукулл подошел. Как настоящий ценитель искусства, он завороченно смотрел на хрустальный кубок, исполненный с изяществом ручной огранки. Блики хрусталя и драгоценных камней таинственно мерцали в зале, и это сияние ослепляло неземной красотой.

– Сказка, – тихо произнес проконсул. – Вот видишь, что ждет нас в Армении!

Лукулл поднял взгляд и долго смотрел на Клодия. Затем выдавил из себя улыбку:

– Ну хорошо, оставим дела. Сегодня вечером я даю пир в честь побед римского оружия над восточными варварами. Приходи!

Окружение главнокомандующего знало, что тот был безмерно богат и имел обыкновение давать роскошные пиры,

где стол был изобильным, а блюда изысканными. Роскошь трапезы в тот момент затмевала все отрицательные качества военачальника.

Проводив Клодия, Лициний продолжал размышлять. Зачем ему, богатому проконсулу, несколько сундуков золота? Он хочет все. Однако желательно увериться в правильности решения. Что скажут боги на этот счет? Он решил посетить храм Аполлона в Амасии. Там вещала лучшая в Малой Азии прорицательница, Сивилла Понтийская. Говорят, все ее предсказания сбывались. Распорядившись заранее отправить храму дары и жертвенных животных, он склонился к мысли: ожидания непременно оправдаются.

Через несколько дней Лукулл, сопровождаемый Муреной, Клодием и отрядом охраны в сто человек, двигались верхом на лошадях по Амасии в храм Аполлона. Предстояла встреча с прорицательницей.

К предсказаниям римляне относились серьезно. Когда-то пророчества Сивиллы Кумской – жрицы из Кумы – были настолько важными, что последний римский царь Тарквиний Гордый выкупил книги-пророчества и объявил их государственной тайной. Они хранились там, куда не было доступа простым смертным, – в подвале храма Юпитера в Риме, и только сенат мог назначать тех, кому дозволено читать эти книги. Все непререкаемо верили: предсказания Сивилл влияют на ход событий. Говорили, что прорицательницы видят

будущее, и это вызывало либо восхищение, либо благоговейный ужас.

В глубоком подземелье храма Аполлона одна из Сивилл – жрица-прорицательница Сивилла Понтийская – беседовала с главным жрецом храма о предстоящем визите Лукулла.

Бородатый жрец говорил:

– Он прислал богатые дары и принес жертвы: талант серебром, трех быков и двадцать коз. Этот римлянин не разоряет понтийские города, напротив, укрепляет в них местную власть и восстанавливает справедливый суд.

– И что же он хочет знать? – спросила молодая женщина.

– Мне неизвестно. С ним войска, значит, готовится к захвату царства.

– Такие, как он, пишут кровавую историю народов.

– И все же ты должна по-доброму отнестись к нему.

– Хорошо, я сделаю, чего ты просишь.

В храме Аполлона, покровителя прорицателей, Лукулл осматривал алтарь с бронзовой фигурой бога, а его спутники Мурена и Клодий стояли поодаль и негромко переговаривались.

Клодий говорил:

– Сама затея с оракулом мне никогда не нравилась, слишком все таинственно.

Мурена хмыкнул:

– Командующего обуревают желание заглянуть в будущее. Возможно, новое знание укрепит нашего императора в мыс-

ли действовать решительнее.

Появился главный жрец и поклонился:

– Наместник, приветствую тебя! Сегодня седьмой день месяца, день благоприятный для пророчеств. Чего ты хочешь?

– Я хочу спросить у бога мудрого совета, – ответил Лукулл.

Жрец произнес:

– Бог Аполлон устами прорицательницы даст тебе совет.

Бородатый посредник между людьми и богами дал знак следовать за ним. Спутники Лукулла остались ждать в святилище, а жрец с проконсулом вошли в грот и спустились по крутым ступеням в подвал. Сырой сквозняк и неясное свечение вдалеке подсказывали, что, возможно, где-то из туннеля есть выход.

Лукулла вели по длинному подземелью. Откуда-то сверху в штольню попадали слабенькие лучики света, и тени от человеческих фигур в темноте выглядели как приведения. Проконсул чувствовал, что неуклонно погружается в мир мистики. Напуганный обстановкой таинственности, он уже жалел о задуманном, когда наконец вошел в полутемный пещерный зал, где на треножнике сидела прорицательница – молодая женщина с распущенными черными волосами, в белом хитоне и красном плаще. Горели факелы, курились дурманящие испарения лавра, ладана, опия и белены, одинокий луч света падал из отверстия в потолке, освещая Сивиллу.

Лукулл, не отрывая взгляда, смотрел на прорицательницу, а та, даже не взглянув на вошедшего, вдруг воскликнула:

– Ты, требуй пророчеств! Скорее! Бог, о смотри – бог!

И, едва возгласив это, она изменилась в лице, грудь ее содряс сильный кашель, глаза стали безумными.

Лициний выкрикнул:

– Стоит ли мне идти войной на Армянское царство?

В безумной тряске, вскинув голову, впав в транс, Сивилла грубым трескучим голосом вещала:

– Если ты перейдешь Евфрат, власть падет и существующий порядок исчезнет.

После этих слов прорицательница забилась в конвульсиях и застыла с поникшей головой. Жрец дотронулся до руки Лукулла, показав взглядом, что пора уходить. Он провёл военачальника тем же путем обратно в святилище храма, где нетерпеливо топтались встревоженные сопровождающие. Поклонившись, служитель культа стал ждать, когда все уйдут.

Лукулл, воодушевленный пророчеством, деятельный, с сияющим лицом, быстрым шагом пошел на выход, за ним последовали его люди.

– Что? – спросил Клодий, как только они оказались на улице.

– Думаю, предсказание заслуживает доверия, – уверенно заявил проконсул. – Сивилла подтвердила мою мысль пойти войной против Тиграна.

Внезапно прогремел гром и сверкнула молния, полил сильный дождь. «Знак!» – заключил остановившийся как вкопанный Лукулл.

В своем доме, собрав штатных мудрецов, жрецов и легатов, он возвестил:

– Мне было пророчество: «Если ты перейдешь Евфрат, власть падет и существующий порядок исчезнет». Высказывайтесь! Хочу услышать ваши мысли на этот счет.

После непродолжительного молчания первым заговорил Мурена:

– Император, божественная воля по грядущему событию ясна: ты должен начать войну с этим варварским государством.

Проконсул удовлетворенно кивнул. Армения в своем стремлении сравняться с Римом, необычайно усилила свое могущество, а это неприемлемо.

Поднялся Аппиус Клодий:

– Я не верю ни в какие предсказания, верю только в силу римского оружия и, если главнокомандующий так решит, я как солдат, готов исполнить его волю!

– Я тоже! – поддержал Публий Клодий, брат Аппиуса. – Император, тебе предсказано богом прибавить к своему имени почетное прозвище «Армянский»!

Встал легат Секстилий:

– Поход в Великую Армению – важнейшее событие для судеб мира. Пророчество ясно говорит о грядущей победе.

Александр Полигистор, грек, ученый, советник Лукулла, к которому тот часто прислушивался, но также и часто с ним спорил, скептически посмотрел на присутствующих:

– Нельзя воспринимать прорицание как незыблемую истину...

Он говорил, и его слова все больше не нравились главнокомандующему. Его слова вздор! Но Лукулл был умным человеком, и философа выслушал до конца. Ученый сообщил, что хотел бы понять глубинную суть пророчества. А вдруг это ловушка? И что считать победой? Армения – огромная страна, крупнее Италии, эту державу римляне не знают, армянский народ гордый, воинственный и очень древний. Полигистор положил на стол серебряную монету высокого качества с профилем Тиграна II, ходившую по всему миру, и сделал вывод: завоевать это царство легко и просто не получится. Эта горная страна полна сюрпризов. Он призвал все взвесить, прежде чем принимать решение.

Вступил в разговор войсковой жрец-гадатель авгур Мариус. Уж кого-кого, а этого болтуна наместник слушал в последнюю очередь, хотя в Риме авгуры заправляли религиозной идеологией.

– Проконсул, я должен давать тебе советы исходя из благоприятных или неблагоприятных знамений. Сегодня было зловещее небесное знамение – гром и молния! – говорил перепуганный авгур.

И дальше нес, по мнению Лукулла, сущий вздор, типа то-

го, что куры отказались клевать пшено, лягушки перестали квакать... Авгур заявил, что относится к этому туманному предсказанию отрицательно, потому что в нем определенно не указаны ни время, ни государство, оно окутано такой тайной, что может быть приспособлено к любому походу. А вдруг предсказание касается Римской республики?

Ну это уже слишком! Лукулл встал. Сверкая глазами он обрушился на авгура Мариуса:

– Римская республика незыблема, ничто не может поколебать ее основ! Я, конечно, обязан выслушивать ваши советы, но все равно решение остается за мной.

Отослав всех, он принялся обдумывать ситуацию. Во-первых, он сам себе господин, и ему все позволено. Во-вторых, он хочет захватить эту богатую страну, являющуюся пестрой смесью племен и народов, стоящих на низких ступенях развития. В-третьих, Тигран не выполнил законное требование римского народа предать правосудию Митридата. В-четвертых, царь пригрозил Риму войной. И в-пятых, прорицательница вопрошала бога Аполлона, и тот дал ответ, ясно говорящий о будущей победе римского оружия. Как все удачно складывается! Он, проконсул Рима, поступит в соответствии с предсказанием оракула.

Глава 26. Союзник по проблемам

После взятия римлянами последних сопротивлявшихся понтийских городов Синопы и Гераклеи угроза войны с Римом для Армении возросла. Наконец Тигран назначил личную встречу Митридату.

В тронном зале Тигран II готовился к пышному приему своего тестя Митридата VI. Армянский царь восседал на троне в парадной одежде с армянской тиарой (корона) на голове. Тиара – символ монархической власти – представляла собой сплав золотой диадемы, белой ленты, повязанной вокруг головы со свободно свисающими концами сзади, и красной войлочной шапки с остроконечными зубцами и золотым шитьем (солнце). Диадему украшали восьмилучевая звезда, два орла и драгоценные камни.

Рядом с царем на троне поменьше сидела царица Клеопатра Понтийская, жена Тиграна и дочь Митридата. Она была в голубой тунике с узорчатой вышивкой, стянутой на талии металлическим поясом с драгоценной пряжкой. Голову ее украшал венец с тонкой вуалью. По обе стороны от царских особ стояли, скрестив руки на груди и выражая тем самым полное свое подчинение царю царей, зависимые монархи стран: Атропатена, Кордуэна, Адиабена и Коммагена. В зале много придворных, военных и охрана. Сыновья и дочери царской четы стояли за тронном.

С угрюмым и недовольным видом, нисколько не скрывая раздражения, вошел, сопровождаемый немногочисленной свитой, Митридат. Тигран притворился, что не заметил его неудовольствия, встал с трона и с распростертыми объятиями и широкой улыбкой направился к понтийцу.

– Брат, добро пожаловать в Тигранакерт! Я искал встречи с тобой, но неотложные дела... Мы родственники... Я воздаю тебе почести!

– Ты приютил меня... – царь Понта заключил Тиграна в объятия.

Они обнялись по-дружески, как будто не было между ними недоверия.

Тигран продолжал рассыпаться в комплиментах:

– Армянская поговорка гласит: «Себя стесним – гостю место дадим».

– Да, знаю. – Митридат натянуто улыбнулся и съязвил: – Армянские пословицы и поговорки очень красивы. Как там говорится: «Гость как роза и фиалка в доме хозяина»? А как вкусна армянская кухня!

Тигран, сделав вид что не заметил злую иронию, взял за локоть Митридата и, прогуливаясь с ним по залу, говорил:

– Наша самобытность требует свято относиться к традиции гостеприимства, ведь один из наших богов – бог гостеприимства Ванатур, – является покровителем странников и чужеземных путников.

– Ты мой зять, и я тебя люблю всем сердцем, – произнес

Митридат, стараясь показать, что напряжение между двумя владыками ослабевает, кроме того, он увидел свою дочь, а это внушало оптимизм.

Тигран женился на дочери Митридата Клеопатре Понтийской, когда той было шестнадцать лет, а ему пятьдесят. От нее он имел шестерых детей, двое из которых через много лет по его же приказу были казнены, так как очень жаждали захватить в стране власть. Жену, поддержавшую перевороты, он отослал в далекую крепость, но на политические приемы и важные мероприятия ей разрешалось приезжать в дворец. Два царя, породнившись, образовали невиданный по мощи и территории военно-политический союз, разделив Малую Азию между собой.

– В твоём царстве прекрасные виноградники, – Митридат решил сменить тему и показать, как дорог ему союзник.

– Это так. В Армении земля рождает чудесный виноград. Ты, наверное, не знаешь, но, по преданию, первая культурная лоза была выведена много тысяч лет назад на горе Арарат.

– Виноград, как и мое настроение, быстро портится, – поморщился Митридат.

– Наши предки, – улыбнулся Тигран, – придумали, как сохранить великолепные качества виноградной лозы на долгое время: превратили ее в вино, напиток как исключительно полезный, так и очень коварный. А настроение мы сейчас поправим.

Тигран кивнул придворному виночерпию, и тот подвел к ним слугу с подносом, на котором стояли два золотых кубка. Виночерпий Вардгес из кувшина наполнил до краев кубки искрящимся вином рубинового цвета, из каждого попробовал напиток и поклонился. Митридат взял кубок первым. Тигран, взяв другой, поднял его:

– За нашу личную дружбу и нерушимый союз двух великих государств – Великой Армении и Понтийского царства!

Они сдвинули кубки, расплескав вино. Тигран первым отпил из кубка. Обычай чокаться очень древний. Вино выплескивалось из одного кубка в другой, и так избегали отравлений. Митридат пригубил вино. Все складывалось как нельзя лучше. Тигран явно ему подыгрывал, и это тоже вселяло надежду.

– Брат, – сказал Митридат, – твое вино прекрасно, как и многое другое в Армении. Тебе же, верю, подвластны ход жизни и законы вечности.

– Если, конечно, эти законы знать, – туманно выразился Тигран.

Митридат метнул в его сторону удивленный взгляд, однако промолчал. Цари поставили на поднос кубки и, расхаживая по залу, завели разговор на неисчерпаемую тему, а присутствующие внимательно следили за ними, не пропуская ни единого слова.

– Виноделие, друг мой, зародилось на горе Арарат, – говорил Тигран.

– В моем царстве виноград не так хорош, как твой, – сказал Митридат, – но фундук у меня лучший в мире.

– Да, твои купцы с успехом его продают в Армении, как и оливки и ячмень.

Они вспоминали, как двадцать лет назад вместе решали судьбу Каппадокии, изгнав царя Ариобарзана. Тот сбежал к своим покровителям в Рим просить о военной помощи. Престол Каппадокии, этого перекрестка всех военных дорог, всегда был головной болью Рима. Потом пришли легионы и потеснили захватчиков. Однако, уходя, Тигран взял богатую добычу – золото, серебро, лошадей, скот, а еще увел тысячу людей для строительства своей новой столицы Тигранакерт – город, вызывающий теперь восхищение и ставший центром возрождения культуры эллинов.

Митридат, поражаясь масштабам строительства Тиграна, говорил, что почитает армянского царя не только как полководца, но и как великого созидателя. Ведь он возводит сразу несколько столиц в разных концах своей огромной державы, которую теперь можно назвать империей. Это модное словечко в ходу у римлян. Им нравится называть все земли, что они захватили, империей. Тигран, выслушав коллегу, поблагодарил, говоря, что дело не в масштабах строительства, а в установлении мира во имя процветания народов.

Митридат громко обратился к присутствующим:

– Слушайте все! Здесь многие не знают, но единого армянского царства не было. Пришел великий Тигран II и объ-

единил армянские земли!

Тигран пафосно произнес:

– Да, я объединил, чтобы отстаивать независимость армян и бороться с врагами! Армения еще сыграет свою важную роль в мире!

Царь Понта продолжал льстить. Он вспомнил и титул царя царей, и успешные походы, особенно в Парфию, и то, что Тигран, промчавшийся как опустошительный смерч по землям неуступчивых народов, был благосклонен к ним, принес мир и даже возрождение. Тигран церемонно благодарил, провозгласив, что вести за собой народы – великая честь.

Восхваляя Митридата, владыка Армении сказал:

– Твои победы, брат, подорвали римское могущество в Азии.

Митридат поклонился:

– Это ты царь Востока, а я всего лишь твой верный слуга.

Тигран не забывал, что был обязан Митридату, который привел к нему новых союзников – фракийцев, сарматов и скифов. А пираты Средиземного моря, державшие в страхе италийские поселения и порты, готовы были выполнить любой приказ армянского царя.

Понтиец поинтересовался:

– Обстановка в мире меняется. Скажи, как ты строишь свою армию?

– Я предпочитаю регулярную армию и, как раньше, вербую наемников.

– Напрасно. Наемники предают, как только дело принимает плохой оборот.

Они прохаживались, беседовали. Наконец Тигран, дружелюбно взглянув на Митридата, предложил:

– Брат, ты устал с дороги, отдохни. А завтра утром в святилище верховного бога мы принесем жертвы, удостоимся прощения, а вечером в честь тебя я устраиваю пир.

Митридату отвели покои во дворце, его подчиненным предоставили ночлег и трапезу в городе.

Глава 27. Рогатый довод

Митридат со свитой прогуливался по саду у дворца. Действительно, Тигран создал выдающееся творение. Дворец поражал величием, а сад экзотикой. Встреча с Тиграном прошла удовлетворительно, предстояли еще переговоры, но, как проницательный человек, царь чувствовал: Тигран склоняется к решению помочь ему, ну, а если, нет, то понтиец припас очень важный аргумент.

На дорожке сада появился Тигран Младший, предупрежденный, что Митридат ищет с ним встречи.

– Мой любимый внук! – царь озарился улыбкой и, отослав свиту, обнял юношу, а потом продолжил: – Как давно я тебя не видел, как часто мечтал поговорить с тобой о великих делах, передать тебе свои знания!

– Государь...

– Не надо так официально, зови меня дедушкой.

– Дедушка, я тоже рад с тобой встретиться. Ты настолько знаменит, что в Армении о тебе ходят легенды.

– Твой отец устроил мне пышный прием.

– Да, он всегда с уважением говорит о тебе и называет вождем обороняющегося Востока.

– Мы дружны с твоим отцом, вместе завоевали почти весь Восток, за исключением Иудеи.

Тигран Младший озадаченно посмотрел на него. Понтий-

ский царь, заметив его удивление, с удовольствием рассказал, почему Тигран, захватив Сирию, Палестину и Финикию, не выдвинулся на захват Иудеи, вдруг остановившись на ее границе.

Причина – женщина! Царица Иудеи Саломея Александра околдовала, в смысле, очаровала его. После захвата города Птолемаиды, что недалеко от границы с Иудеей, она прибыла к нему с дарами просить не вторгаться в ее страну. Никто не узнал что случилось, только Тигран повернул назад. Скорее всего, не устоял перед красивой женщиной. Как известно, больше всего он любит женщин и покорять народы. Официально было объявлено, что боги не советовали Тиграну входить в Иудею. Советники царя тогда озвучили правдоподобную версию: вторгаться в Иудею не время, поскольку обмелел Евфрат. Это знамение. Было предсказание: если Евфрат высохнет, будет конец света: свершится битва добра и зла у Мегиддо и погибнет все живое. Путь в Иерусалим как раз лежал через ущелье у иудейского города Мегиддо. В этом месте произошло немало сражений, и все, кто приходил сюда с помыслами о захвате, обычно проигрывали.

В тот год Евфрат, берущий свое начало близ горы Арарат, действительно обмелел. Реки Тигр и Евфрат священные, и многие верят, что они орошают эдемский сад, который где-то на Армянском нагорье, а гора Арарат – высшая точка этого сада. Простой человек его видеть не может.

Тигран Младший дивился:

– Ты много знаешь. А говоришь ли на иудейском языке?

– С иудеями я разговариваю на арамейском, – сказал царь. – А вообще я говорю, как подсчитали мои приближенные, на двадцати четырех языках. Кстати, твой отец тоже знает арамейский.

– Получается, отец испугался, что эта битва будет последней не только для него, но и для всего мира.

– Официально так, мой мальчик.

– Верится с трудом. Думаю, есть более рациональное объяснение: Саломея Александра пообещала ему реликвию – обломок Таблицы судеб.

Митридат напрягся:

– Что?.. С чего ты взял?

Юноша пренебрежительно сказал:

– Отец ищет обломки этой Таблицы. Похоже, он хочет знать замыслы богов и управлять судьбой.

Митридат, сверкнув глазами, поспешно увел разговор в иное русло. Царь Тигран, по его мнению, хочет мира, охвачен идеей процветания, понимает насколько для Армении губительна внутренняя нестабильность. Говоря, понтиец читал в глазах царевича недовольство отцом. Досада изливалась в каждой фразе парня. Бросая яростные взгляды на деда, юноша подвергал уничижительной критике деятельность отца, мол не идут его дела на пользу державе, он насильственно насаждает в царстве культуру эллинов, чрезвычайно подозрителен, жесток. Митридат разглядел в юноше свои

фамильные черты: всегда не удовлетворен, стремится к власти, коварен, а еще умен.

Дед предостерег:

– Ты должен быть уверенным в своих суждениях. Неуверенный человек оступается на каждом шагу. У твоего отца есть одна важная привычка – он здраво мыслит и вселяет в людей чувство уверенности.

– Я знаю, что говорю, – жестко отрезал царевич.

– Ты мне нравишься, – глаза Митридата загорелись. – Если бы ты стал царем Великой Армении, мы бы вместе покорили весь мир... Внук, не останавливайся на достигнутом, воплоти мечту, не жди, дерзай!

Дед и внук смотрели друг другу в глаза и думали об одном и том же: как превзойти себя. Юноша ушел, а Митридат, оставшись один, еще долго думал о нем и, как каждый человек с авантюрным мышлением, уже строил далекоидущие планы.

Из состояния задумчивости его вывела дочь, царица Клеопатра Понтийская:

– Отец, здравствуй!

– О моя дорогая, счастлив видеть тебя!

Митридат поцеловал ее, они вошли в беседку у пруда, сели на мраморную скамью и дружелюбно посмотрели друг на друга.

– Колонны этой беседки, – сказал отец, – оформлены ионической капителью. Я бы сделал завитки, как делали

раньше, рогами козлов. Как думаешь, зачем? Поднять боевой дух или поубавить заносчивость наших друзей?

Argumentum cornutum (Рогатый довод – *лат.*) – каждый из возможных ответов сам по себе неправилен.

Дочь с любовью смотрела на отца.

– Ты очень постарел, но все такой же энергичный и неукротимый, тебе хочется все переделать, все исправить.

– Это так, Клеопатра. Я остаюсь самим собой, несмотря на временные трудности и удары судьбы. Знаешь, твой брат Махар предал меня, даже отослал римлянам мою диадему, которую Лукулл подарил какой-то жрице любви.

– Я всегда буду верна тебе! Ты великий правитель и богом избранный человек.

– Моя девочка, ты прекрасна как роза. Природа сделала тебя красивой, чарующей и совершенной.

Клеопатра Понтийская горестно опустила глаза. И без слов было ясно, что Тигран боится ее шипов и, окружив шпионами, держит взаперти. Последнее время и за царем Понта шпионы ходили по пятам. Одна отрада – хорошая армянская кухня, при том, что Тигран во всем хочет соблюсти добродетель и выглядеть справедливым. Конечно, добродетель ему к лицу.

Дочь печально поведала:

– Он променял меня на молодую наложницу Аревик и может объявить о разрыве со мной.

Отец сверкнул глазами:

– Не огорчайся, моя девочка, все может перемениться.

Под сенью беседки, защищающей от изнурительного зноя, они какое-то время молчали, затем Митридат сказал:

– От тебя исходит не только грусть, но и очаровательный аромат, какой-то сказочный нектар.

– Я пытаюсь быть привлекательной и неотразимой, но кому это надо, только ты и обратил внимание.

– Вот, возьми, мой подарок!

Царь снял с пальца золотой перстень с династической эмблемой понтийских Митридатидов – шестилучевая звезда над полумесяцем. Сквозь огромный фиолетовый аметист невероятным образом просвечивала эмблема. Перстень фамильный, настоящий талисман, ведь аметист рассеивает злые чары и, по поверьям, придает бодрость, храбрость и благоразумие, а еще сохраняет память и отгоняет дурные мысли. Камень аметист всегда почитали маги и алхимики. Любой эллин, увидев этот перстень, сразу поймет, что Клеопатра Понтийская дочь Митридата, и поможет ей.

Царица, любяясь чистым и прозрачным камнем перстня, вдруг вспомнила: по легенде, прекрасная нимфа Аметис предпочла превратиться в мерцающий лиловым блеском камень, чтобы не попасть в руки преследовавшего ее Диониса. Она осторожно взглянула на отца, прозванного Дионисом, и ощутила опасность, но с блуждающей улыбкой все же надела перстень на безымянный палец левой руки.

– Дочь моя, – сказал Митридат, – этот перстень принесет

тебе удачу и успокоит сердце.

– Спасибо. Мне просто нужно поверить, что кто-то меня любит. Хочу изгнать из жизни неуверенность и страхи, вкушать немного радостей.

– Ты вся в меня, тебя излечит только серьезный довод.

Ей приходилось в Армении унижаться, и это была вынужденная дань смирению. Она умна, и прекрасно знала весомые доводы, способные поколебать устои монархии. Во-первых, отбросить мысли, что кто-то давным-давно обидел; во-вторых, освободиться от внутренних оков; в-третьих, никому не позволять отравлять жизнь; и в-четвертых, делать то, что хочешь.

А отец внушал:

– Дорогая, борись, найди применение своей неукротимой энергии. В царстве Тиграна я вижу контуры весьма опасных внутривосточных процессов. Твой сын Тигран Младший как нельзя лучше подходит для решения проблем, которые не имеют решения...

Они расстались, и царица, засматриваясь на перстень Митридата, полетела на крыльях надежды в свои покои.

Глава 28. Пир в честь царя без царства

Утром следующего дня два царя прибыли в храм Арамазда. Этот храм в Тигранакерте был главным, но в городе имелось много языческих капищ и святилищ для отправления культов гражданами, принадлежащих к другим вероисповеданиям. Тигран и Митридат принесли жертвы – двух белых быков и ягненка, одарили храм подарками: две белые лошади, золотые и серебряные украшения, сосуды с жертвенными маслами и благовониями, словом, задобрили бога и, воздев к небу руки, приступили к молитве. Жрецы воскурили фимиам, добавив в огонь ароматические растения. Бог всегда рядом, молитва – защити, исцели, очисти, – как фимиам, направится напрямиком к богу.

Верховный жрец объявил:

– Подобно приятному благоуханию фимиама, воскуряемого в храме, наша молитва угодна Арамазду.

Он получил от жреца, изучавшего внутренности жертвенного ягненка, подтверждение: «Бог хочет, чтобы два властителя объединились». Митридат удовлетворенно хмыкнул.

В полутемном зале храма, куда неясный свет проникал только через несколько отверстий в потолке, в масляных светильниках трепетало слабое пламя, освещая великолепную

статую бога Арамазда греческой работы. Привезенная Тиграном из похода и погруженная в темноту святилища, эта статуя, сделанная из бронзы, мрамора, чистого горного хрусталя, слоновой кости, золота и серебра, была подарком царя главному храму столицы и вызывала неподдельный трепет всех верующих. В правой руке бог держал золотой шар, в левой – скипетр, часть деталей статуи была украшена драгоценными камнями.

Жрецы продолжали службу. Тигран отвлекся, негромко обратившись к Митридату:

– Брат, это – необычный храм. Он хранит знания по философии, астрономии, геометрии и метафизического описания картины мира. Здесь сосредоточены лучшие ученые Востока, собраны бесценные сокровища.

– Впечатляет, – любезно отвечал понтиец. – Кажется, я попал в страну чудес: великолепный дворец, поразительный храм, удивительная статуя, в городе вавилонское столпотворение... Если позволишь, дам тебе мудрый совет.

– Да, брат, говори, – Тигран внимательно всмотрелся в гостя.

– Знаешь, брат, время сейчас тревожное. По моим сведениям, в Риме обсуждается вопрос войны с Великой Арменией. Конечно, я верю в могущество твоего царства и непобедимую силу твоей армии, но лучшие отправь книги и сокровища в глубь страны. Так надежнее.

Тигран лаконично ответил:

– Я думал об этом. Наверное, так и поступлю.

Царям преподнесли вино в ритонах – сосудах, предназначенных для жертвенных возлияний богам и духам умерших, из золота в виде рогов животных.

– Воздадим почести предкам! – торжественно объявил верховный жрец.

Ритуал требовал выпить вино, и на этот раз Митридат сделал это с удовольствием. Он произнес:

– Окультиные ритуалы придают твоей власти, Тигран, сверхъестественный, божественный оттенок.

Армянский царь улыбнулся:

– Тебе, Митридат, я слышал, приписывают мифологическое происхождение...

– Мы оба – посредники между богами и людьми.

– Мое место после смерти среди богов... – задумчиво сказал Тигран.

В этот момент – Митридат даже не понял, что произошло, – яркий луч света откуда-то с потолка упал на статую бога. Она засверкала, как показалось Митридату, божественным светом. Возникла полная иллюзия: свет льется от бога к людям. Глаза статуи – огненно-красные драгоценные гранаты (два редких карбункула) – ярко засверкали; создалось впечатление, что в них рождаются молнии.

Пораженный Митридат взглянул на Тиграна. Озаренный свечением армянский владыка с восторгом смотрел на изваяние бога. Его одухотворенное, выразительное лицо выра-

жало высокие помыслы и стремления, и казалось, что все проблемы перестали для него существовать. Жрецы храма, сраженные свершившимся чудом, попадали ниц. Когда свечение прекратилось, переполненный эмоциями Тигран с воодушевлением обратился к Митридату:

– Это знамение! Знак того, что наши помыслы чисты и правильны.

– Царь Великой Армении, – возгласил Митридат, – расценивай это как предзнаменование будущей победы!

Царская процессия возвращалась в дворец. Ехали верхом молча и торжественно, но обоих правителей не покидала мысль: чудо, которому они стали свидетелями, есть одобрение их поступков высшими силами. Митридат, искоса поглядывая на Тиграна, окончательно убедился: перед ним выдающийся реформатор и государственный деятель.

Позже по велению Тиграна II редкие книги и наиболее ценные сокровища всех храмов Тигранакерта, дворцовой библиотеки и царской сокровищницы были тайно переправлены в Арташат, вторую столицу царства, и спрятаны в подвалах храмов и глубоком подземном хранилище царского дворца.

Гипсикратия в одиночестве сидела на скамейке в отведенной для женщин части сада. Гордая осанка и уверенный взгляд показывали всем, что она жена царя. Недалеко от нее веселились девушки из гарема. Понаблюдав за ними, Гипси-

кратия подошла ближе, встав прямо напротив самой красивой. Подружки, удивленные бесцеремонностью госты с кинжалом на поясе, смолкли.

– Ты кто? – спросила Гипсикратия, глядя в глаза красавицы.

Не зная, как поступить и стоит ли вообще разговаривать с незнакомкой, девушка посмотрела на подружек, но те, напуганные, отступили и во все глаза смотрели на происходящее.

– Меня зовут Аревик.

– Ты красивая, – похвалила понтийская царица, – каштановые волосы и глаза, как миндаль, безупречные зубы и солнечная улыбка. У царя Тиграна хороший вкус. Неудивительно, что ты вызываешь зависть у женщин. Меня зовут Гипсикратия, я жена царя Понтийского государства Митридата.

– Царица, рада познакомиться, но что означают твои слова?

– Берегись жену Тиграна Клеопатру Понтийскую. Пока она в дворце, будь начеку, эта женщина не остановится ни перед чем, чтобы устранить соперницу.

Сказав это, Гипсикратия развернулась и походкой грациозной лани удалилась, а Аревик, немного испуганная и смущенная, пошла к подругам, но на их расспросы ничего не отвечала.

В это время два союзника, два царя Тигран и Митридат, утвердившись в мысли, что прочный военно-политический союз необходим, прибыли в дворец и вышли прогуляться в

сад.

Тигран с укоризной произнес:

– Ты одержим войной, брат. Рим настолько тебя ненавидит, что только о тебе и говорит.

– Что поделаешь, я прославился, – с саркастической улыбкой сказал понтиец.

Для государей не было секретом, что Митридат так привлек внимание к Востоку, что римский сенат постоянно менял проконсулов и преторов в Малой Азии, назначая все более сильных и умных. Сюда перебрасывались новые легионы, хотя в метрополии не прекращались восстания рабов, а в римских провинциях готы и германцы опустошали деревни и города. Смыслом жизни Митридата, несомненно, была борьба. Он вовлек в борьбу с гидрой – Римской республикой – много народов и городов, и всех запачкал кровью, не оставив шансов на спасение. Выполняя его приказы и уничтожая римлян, все замазались, а Рим этого не прощает. Вокруг личности Митридата разворачивались отвратительные страсти, и вот конец этой захватывающей драмы: понтиец потерял царство. У Тиграна не было сомнений относительно его намерений в будущем, но в необходимости выполнять свой союзнический долг верил свято. Продолжая колебаться с ответом, он искал политическую формулу, способную устроить обоих, да и высший совет государства должен одобрить военную помощь понтийскому царю.

Армянский царь сказал:

– Реальность, мой друг, живет по своим законам.

– Зато ты, мой друг, живешь по принципу: один человек роет колодец, тысяча людей пьют воду, – невесело пошутил Митридат.

Тигран проглотил колкость. Он укрепил внешнюю безопасность и порядок внутри страны и, если удача будет на его стороне, то сплотит нацию. Однако удача мимолетна, а надежда эфемерна, потому что всю историю мира можно представить как хронику войн, и никто не хочет вместо войны заниматься созиданием.

Митридат, взглянув на армянского монарха, произнес главные, выстраданные слова:

– Ты, Тигран, опережаешь свое время. Сейчас ты силен, как никогда, находишься на пике славы и могущества, но, если не поможешь мне, Рим почувствует слабость и возьмет-ся за тебя, и все планы возвеличивания Армении рухнут.

Тигран внимательно смотрел на понтийца. Идти рука об руку, чтобы быть сильнее? Волшебная формула, но, быть может, это всего лишь формула самовнушения. Римлянам пришлось немало повозиться с Митридатом. Он заставлял людей по всей Малой Азии всецело подчиняться, целые народы увлек за собой порывами воодушевления, но территорию не удержал. Если ему помочь, какие шансы на этот раз? Он немолод, но чувствует в себе силы наказать Рим за его алчность еще раз...

Митридат, точно прочитав мысли Тиграна, взмахнул ку-

лаком, как будто хотел пригвоздить Рим:

– Вместе мы непобедимы!

На дорожке стояла Гипсикратия. Тигран сначала принял ее за прекрасное видение. Остановившись, он с восхищением смотрел на нечто загадочное и изящное. Она подошла к царям.

Митридат представил:

– Тигран, познакомься, моя жена Гипсикратия. Женщина-воительница из Скифии, моя любовь, моя амазонка. Она спасла мне жизнь. Подобно Ипполите, царице амазонок, она прекрасно владеет луком, боевым топором, кинжалом и мечом, и золотой пояс у нее такой же, как у Ипполиты.

Ипполита в древнегреческой мифологии царица амазонок. Пояс Ипполиты снискал широкую известность: с ним в любом бою амазонка становилась непобедимой.

Тигран только и произнес:

– Твоя жена красива как персик, как цветок арацеи, как яркая звезда на небосводе.

Он продолжал ее рассматривать. Длинное расшитое платье цвета персика со множеством золотых пластинок и бляшек, золотой пояс с пряжкой в виде спящей пантеры, пектораль со сценами борьбы животных на груди, браслеты в форме змеи на руках, а еще серьги с гранатами, кинжал с золотыми обкладками ножен... Любовь к золоту скифов общеизвестна.

Митридат сказал:

– Гипсикратия, ты видишь самого великого царя современности. Он щедрый, храбрый и добросердечный. Персы про таких пишут: «Вершит великие дела, каких не в силах сотворить ни острый меч, ни быстрая стрела». Кстати, его имя в переводе с персидского означает стрела.

Она преданно смотрела на своего владыку, глаза женщины сверкали. В ее взгляде Тигран почувствовал неукротимость и страстность.

– Надеюсь, сегодня на пиру твоя амазонка украсит наш стол, – произнес Тигран.

– Конечно, с ней я чувствую себя на коне.

Это было правдой. Когда у Митридата периоды душевного подъема перемежались с состоянием упадка, а веселость сменялась мрачностью, он звал Гипсикратию. Она делала его счастливым, заставляя учудить какую-нибудь безобидную глупость, например станцевать или спеть, или ненавязчиво подбадривала и утешала, и он возрождался.

Тигран ушел в свои покои, а Митридат с Гипсикратией долго прогулялись по саду, наслаждаясь обществом друг друга.

Столы для пиршества ломились от яств. Слуги разносили кувшины с лучшим армянским вином, охрана зорко следила за гостями. Давался торжественный прием в честь Митридата. Места за столами соответствовали положению знати при царском дворе, а также распределялись в зависимо-

сти от достоинства, чести и почета рода. Кресла со спинками до плеч с резными ножками заняли кроме царя, царицы и его главного гостя Митридата, весь цвет Малой Азии – монархи, родные Тиграна, полководцы, министры, губернаторы областей и высокопоставленные чиновники. Остальные сидели на скамьях.

Женщины-аристократки, пришедшие на пир со своими мужьями, пышно вырядились. Их прически для торжественных случаев делались несколько часов и дополнялись красивыми шапочками с золотыми цепочками, новолунницами, листочками и амулетами.

За главным столом, облаченный в парадные одежды, восседал царь Тигран II, по его левую руку – жена Клеопатра Понтийская, по правую – царь Митридат и Гипсикратия, рядом с которыми посадили царя Коммагены Антиоха I и его жену царицу Иссию. Светлые волосы, греческий профиль и красивая осанка делали Антиоха похожим на бога, одет он был по-восточному: туника и шаровары, на голове персидская тиара.

Бросив взгляд на Митридата, самодовольный Антиох I насмешливо произнес:

– Царский прием для царя без царства.

Митридат, покосившись на него, парировал:

– Пришел осел, и песням конец! Советую в чужом хлеву овец не считать...

Тигран, торжественный и степенный, встал и произнес

тост. Начал он с легенды. Однажды царь спросил мудреца:

– Что самое прекрасное на свете?

Тот ответил:

– Посмотри на горы, они прекрасны, так же как прекрасны озера, деревья, цветы и люди. Все разные, но каждый из них – чудо природы. Так вот, прекрасное – в единстве разнообразия!..

Голос Тиграна зазвучал мощнее:

– Мы разные, но, когда едины, становимся могучей силой, и непобедимы! Я пью за царя Митридата, моего друга и союзника. Вместе мы вершили большие дела, и у нас остался один достойный противник – Рим, но и он уважает царя Великой Армении и боится царя Понта. Наша цель, объединившись с соседними государствами, принести процветание и мир всем странам Востока. За царя Митридата!

Раздались одобрительные возгласы, пирующие сдвинули кубки, расплескивая вино, и выпили за здравицу.

Встал царь Зариандр III. В его царстве Софена жили трудолюбивые армяне, а по дорогам гуляли, наводя ужас на пришлых, грозные львы. Страна лежала на плодородных землях в верховьях рек Евфрат и Тигр. Благодаря царю Тиграну II это царство пользовалось внутренней самостоятельностью, чеканило монету, развивало торговлю. Тигран, в отличие от других завоевателей, не уничтожал подвластные ему народы и их города, наоборот, большие города и столицы становились торговыми и финансовыми центрами.

Зариандр провозгласил тост:

– Я пью за тебя, Тигран, твое бесконечное правление и твое могущество!

Опять все одобрительно закричали и дружно выпили. Заиграла музыка, началось веселье. Пир набирал обороты.

Митридат оборотился к царю Антиоху:

– До меня дошли слухи, что ты, Антиох, строишь себе мавзолей на вершине горы Немрут, причем с первого дня своего царствования. Рассказывают, там появились огромные статуи, доказывающие твою значимость.

– Каждый царь должен думать о своем величии и бессмертии. Потому и возводится это святилище, – сказал Антиох.

На горе Немрут появились огромные идолы высотой в девять метров – Зевс, Аполлон, Геракл, Тихе... Свою статую Антиох поставил между Дарием и Александром Великим. Еще он возвел насыпь высотой пятьдесят метров, под которой завещал себя захоронить. Изваяния были созданы руками армянских мастеров, все имели армянский тип лица. Возможно, там не Зевс, а Арамазд, не Геракл, а Ваагн...

– Ты же армянин! – не унимался Митридат. – Почему поклоняешься всем богам сразу?

– Митридат, ты плохо осведомлен, – обиженно проговорил Антиох. – Это не просто мавзолей, а алтарь, посвященный богам.

– Понимаю, хочешь занять место среди богов, – в словах понтийского царя сквозил сарказм.

Назревал скандал. Голос Митридата звучал громко и уничижительно:

– Увы, твоя слава продлится недолго, монумент превратится в груды камней, народ тебя забудет, хоть ты и бесплатно угощаешь его едой и вином в день рождения!

Антиох прокричал:

– Я потомок царей Александра Македонского и Дария I, этого достаточно, чтобы войти в историю!

Ехидный Митридат продолжал издеваться:

– Я тоже потомок знатнейших македонских и персидских родов, и что с того?

Антиох сделал усилие, чтобы не взорваться, но прорвало:

– Все здесь присутствующие знают твои коварство и жестокость!

Музыка смолкла, разговоры прекратились, люди смотрели на громкую перепалку двух царей. Тигран молчал, стража насторожилась.

– Эти качества, – засмеялся Митридат, – мне только льстят.

– Привычное дело для тебя – убийство царственных родственников! Чтобы занять престол, ты убил свою мать, а младшего брата убил только за то, что он предложил разделить царство!

– Ну и что? Все так поступают.

– Резня в Эфесе, которую ты устроил, наполнила страхом и омерзением весь мир! – с презрением говорил Антиох. –

Безжалостно и вероломно умертвить женщин, детей и стариков... Ты питаешься кровью людей – вот твое бессмертие!

– А твои надежды, Антиох, получить бессмертие безнадежны. Твоя жизнь напоминает мне пыль, которую, когда она осядет, люди просто сотрут с сапог.

– Боги все слышат и видят! – вскричал царь Коммагены.

– Антиох, ты не очень-то веришь в богов...

Антиох, вскочив, выхватил из ножен свой острый кинжал и приставил к горлу Митридата. Как тень между ними возникла Гипсикратия. Изящным движением, перехватив кисть Антиоха, держащую кинжал, она скрутила ее, тот застонал от боли и выпустил оружие. В следующий момент этим кинжалом скифсианка нацелилась в глаз царя Коммагены.

Все замерли.

– Прекратите! – властным тоном потребовал Тигран. – Фальшивые друзья хуже явных врагов. Где ваше достоинство?

Гипсикратия положила на стол кинжал и спокойно села на свое место. Взбуродраженный и посрамленный Антиох опустился в кресло и до конца пира не произнес ни слова.

Пир возобновился. Гремели тосты; веселье и танцы продолжались всю ночь.

Глава 29. Тигран создает цивилизацию

Через день после скандала на пиру Тигран созвал высший совет, так как не любил принимать решений, не взвесив все за и против. В совет входили его наиболее приближенные сановники, нахарары, военачальники, мудрецы, ну и, конечно, сыновья. Зал совещаний высшего совета представлял собой большое помещение с изображениями на стенах богов и подвигов царя. Свет лился с потолка, создавая атмосферу божественного присутствия, побуждая веру в царя как единственного носителя и владетеля сокровенного знания.

Участники собрались. На повестке два вопроса. Царь занял свое место и произнес длинную торжественную речь. Ее содержание свелось к следующему. Боги любят нас, потому что мы живем праведно. Он, царь, подчинил политику укреплению безопасности царства, поэтому намеченная цель – сделать армию грозной и стремительной, а оборону устойчивой и активной – будет достигаться последовательно и неуклонно. Грядут испытания. Опаснейший соперник Рим прислал легионы к границам Великой Армении, они стоят в соседнем Понте. Рим желает противоборства, разжигая костер войны, к чему нужно относиться очень серьезно. Он, царь царей Тигран II, служит порукой тому, что территория

царства останется целостной. Чувствуя величайшую ответственность за страну и союзников, вдохновляясь наследием предков, он обещал покровительствовать армии, не забывая содействовать градостроительству, торговле, науке и искусству.

– Да помогут нам боги! – завершил монолог Тигран.

Его слушали, затаив дыхание. Царь повелел главнокомандующему Мамиконяну доложить совету обстановку. Из доклада выяснилось, что точных сведений о намерениях Лукулла пока нет, но разведка доносит: шесть римских легионов размещены в понтийских городах. Для вторжения в Великую Армению Лукулл может задействовать четыре легиона, это до сорока тысяч хорошо обученных воинов – пехота и конница, плюс вспомогательные войска и до пятисот всадников из Галатии и Фракии. Два легиона проконсул оставит в Понте, так как велика вероятность удара Митридата с целью вернуть утраченные земли, если, конечно, царь Тигран соизволит дать ему войска для такого удара. Об этом, несомненно, узнает Лукулл, так как в дворце есть его шпионы.

Тигран поднял бровь:

– Веские доводы.

Царь уже не сомневался, что Риму нужна новая война. По сути, неважно, нарушила Армения или нет какие-то римские правила. Все обвинения в адрес царства – попытка давления и повод для вторжения.

Мамиконян, подойдя к карте и водя по ней указкой, до-

кладывал возможные локации для вторжения. Точное место определить пока невозможно, но рассматриваются все варианты. Колонна противника способна выйти к Тигранакерту самое быстрое за двадцать дней, при условии, что у противника есть точные карты дорог, горных проходов, перевалов, ущелий, бродов рек и армянских крепостей. У противника этих данных нет, следовательно, ждать его в Тигранакерте можно не ранее, чем через сорок дней. Остановить римлян силами небольших гарнизонов не удастся, но времени будет достаточно, чтобы сосредоточить главные силы на острие удара противника.

Астролог Вараздат с испугом выкрикнул:

– Эта война будет губительной для Армении!

Тигран уважительным тоном ему пояснил:

– Вараздат, я всегда прислушиваюсь к своим советникам, но в данном случае не согласен. Рим рассматривает нас в качестве врага и трофея, но Армения – тот кусок, который ему не по зубам. Мы хорошо подготовились к войне.

Поднялся мудрец Евсевий:

– Любую неприятность, государь, можно избежать, проблемы решить, а преграды обойти. Просто нужно быть осторожным и не провоцировать противника.

Тигран молвил:

– Евсевий, остановить конфликт невозможно, а вот достойный отпор врагу дать можно.

Посыпались предложения. Гнуни, главный казначей,

предположил: если царство добилось успеха в земледелии, употребив плуг с железным лемехом, то и в военном деле нужно применить неожиданную тактику. Царь слушал чиновника, но думал о движущей силе этой войны – римской аристократии с ее жадностью к наживе. Если не остановить четыре легиона, пришлют еще шесть. Превосходство Рима и его мощь держатся на грабеже всех окружающих его стран. Простой сменой тактики, как советует Гнуни, войну не выиграть, необходимо найти другие решения.

Гурас, брат царя, которому Тигран доверял безмерно, сказал:

– Если у Лукулла будут неприемлемые потери, вторжение остановится.

Вот оно, Гурас, обладавший научным складом ума, прав! Царь воскликнул:

– Да, мой брат!

– Слабость Лукулла в том, – продолжал Гурас, – что при столкновении с реальным сопротивлением народа, к чему не готовы римские легионы, он попадет в ловушку.

– Невероятно, ты, брат, попал в яблочко! – возликовал Тигран. – Я поручаю тебе, Гурас, возглавить вооруженное сопротивление всех уездов и городов. Народ – наш главный ресурс!

Гурас, по натуре философ и ученый, всегда чувствовал настроение и мысли брата лучше других. Он кивнул и сел.

Айказ, молодой армянский мудрец, изучив исторические

источники, пришел к логичному выводу: Рим побеждал только там, где жертва не могла оказать реального сопротивления в силу либо падения духа нации, либо предательства аристократии. Тигран, пораженный глубиной анализа молодого ученого, благодарно улыбнулся. Патриотический дух простого народа высок, а вот среди аристократии наблюдаются проримские настроения. Нужно как можно скорее встретиться с видными представителями знати.

Поднялся верховный жрец и, торжественно оглядев присутствующих, призвал верить в победу. Он говорил, что люди всегда стремились быть ближе к богам, не понимая, что воля человека не может быть выше божественной. В Риме, похоже, об этом забыли, и однажды это погубит вечный город. Армянский народ любит своих богов, религия является связующей силой людей. Боги помогут! Вера – дорога к спасению.

Растроганный Тигран горячо поддержал жреца:

– Дорогой Спандуни, знаю, что религия для армян является важной частью самосознания. Она хранительница языка, культуры и достоинства народа. Как и ты, я верю в нашу победу. Надежды заслужить снисхождение поработителей нет. Будем бороться.

Мамиконян внес предложение:

– Государь, предлагаю: войска Митридату пока не давать, так как это неминуемо спровоцирует войну с Римской республикой. Мы продолжим следить за ситуацией и готовить

армию к обороне.

Тигран подметил: никто из советников не хочет эту войну. Что ж, он принял к сведению рекомендации и озвучил решение:

– Предложение Мамиконяна осторожное, но я бы его поддержал. Нет возражений?

Возражений не было. Перешли ко второму вопросу, касающегося внутренней жизни страны. Докладывал Метродор. Он нацепил на нос очки в бронзовой оправе – отполированные линзы из горного хрусталя – развернул пергаментные листы с нацарапанными чернилами письменами и напомнил, что не так давно государь задал ему вопрос, почему распались великие державы, или, как сейчас стало модно говорить, империи: Ассирия, Урарту, Вавилония, Персия, держава Александра Македонского. Так сказать, узнав прошлое, можно заглянуть в будущее. Ответ на этот вопрос найден. Мудрец с помощниками изучили летописи, старинные манускрипты и глиняные таблицы и пришли к определенным выводам.

Ассирия, государство, жившее войной ради войны, раздиралась внутренними конфликтами, это и привело к распаду. Урарту распалось, потому что вся экономика была построена на рабах: нет удачных войн, нет притока рабов, и царство угасло. Вавилония пришла в упадок и запустение, потому что аристократия свои интересы ставила выше государственных и, как результат, предала царя. Персидская держа-

ва распалась из-за междоусобиц среди претендентов на трон и ослабевшей армии, которую разбил соперник – Александр Македонский. Держава Александра распалась из-за смерти царя...

Тут началась полемика мудрецов. Амфикрат, греческий ученый, утверждал, что смерть Александра – не причина гибели его державы. Астролог Вараздат находил, что распад державы Александра – веление судьбы. Обозвав оппонентов наивными, Евсевий доказывал: мировая держава со смертью Александра рассыпалась, так как никакого единства и согласия у его соратников никогда не было. Полководцы Александра даже забыли похоронить царя, гроб которого целый месяц простоял в вавилонском дворце, пока один мудрец не сказал: кто владеет телом, тот владеет царством...

Дискуссию остановил Тигран:

– Философы могут спорить до бесконечности, но так и никто не объяснил мне причин поразительных успехов македонского царя, точно так же, как и его заранее предсказанную смерть. Метродор, продолжай!

– Государь, я обещал предупредить тебя, если увижу признаки увядания твоей державы, ведущие к ее распаду. Теперь я их вижу... Я назову десять признаков.

Все замерли. В зале воцарилась полная тишина: ждали бурной реакции царя. Взгляды присутствующих впелись в Тиграна, но бурной реакции не последовало.

Метродор виновато оправдывался:

– Вряд ли моя речь тебе будет приятной. Народная мудрость гласит: иногда лучший ответ молчание.

– Говори же, я обещаю подумать всерьез над твоими словами, – отреагировал Тигран.

– Царю правда – лучший слуга, – грустно улыбнулся Метродор.

Его рассказ раздражал и изумлял до крайности.

Во-первых, Тиграну удалось создать высокоразвитое государство с центральной властью, но непрочное. Ядро державы окружают многочисленные зависимые и союзные царства, чья верность сокрыта в военных и политических успехах царя. А если успехов не будет?

Во-вторых, постоянное вмешательство чиновников во все сферы жизни и хозяйства вредит делам. Царская канцелярия, вместо того чтобы создавать хорошие условия для развития экономики, постоянно направляет правителям областей многочисленные, порой мелочные предписания. Повторяется ошибка Персии. Конечно, из центра виднее раньше, дальше и глубже, кроме того, нужно как-то регулировать безопасность, соблюдение законов и защиту собственности, но зачем контролировать мелочи.

В-третьих, преобладание на торговых путях вызывает зависть и протест купцов других стран...

Тигран вдруг хмуро спросил:

– К чему ты призываешь?

– К равновесию.

– Равновесие, Метродор, – вещь хрупкая, а мне нужны надежные поступления в казну золота и серебра.

Мудрец невозмутимо продолжал.

В-четвертых, усилилась борьба армянской знати за увеличение своей доли власти и богатства. Ей очень не нравится, что царь запретил в Великой Армении ростовщичество и долговое рабство...

Тигран с нескрываемым раздражением закипел:

– Желание знати свергать и ставить царей мне известно! Главное, чтобы приближенные были мне верны, а с остальными справимся.

Метродор осознавал, что, докладывая результаты исследований, он рискует жизнью, но как нестигаемый ученый, все же решил выложить правду до конца. Читая с листа пергамента, он изложит правду, скрываемую чиновниками от царя.

В-пятых, зреют семена недовольства у греков и ассирийцев, которых Тигран принудил перебраться в свою новую столицу. Происходят тайные сближения. Держава сложена из разноликой смеси племен со своими культурами и языковыми диалектами и не может быстро стать сплоченной. Конечно, работа над долговечной политической структурой ведется, но рассчитана она на десятилетия. Это долго.

В-шестых, участились случаи выступлений покоренных народов...

С места вскочил Васак и закричал:

– Метродор – возмутитель спокойствия государства! За такие речи его следует казнить!

В зале поднялся шум. Васак не унимался:

– Речи Метродора – оскорбление в адрес царя! Он призывает к свержению монархии!

Тигран поднял бровь – все моментально успокоились.

– Правда нелицеприятна, – сказал он, – но лучше уж горькая правда, чем сладкая ложь. Продолжай, Метродор!

Вновь все обратили внимание на философа. Метродор спокойно отнесся к недоверию, сквозящему на совете.

– Правда, конечно, опасна, она затрагивает чьи-то интересы и рождает ненависть, но она необходима, чтобы избежать ошибок.

В-седьмых, восстания бедняков и рабов не обошли стороной и армянское царство, хотя подневольных работников заинтересовали в результатах труда...

В этом вопросе царь был тверд. Он перебил ученого:

– Моя держава достаточно устойчива, и я не позволю никому сеять семена раздора и смуты.

– Государь, я продолжу.

Полистав пергаменты, мудрец с дрожью в голосе негромко заговорил.

В-восьмых. Пока не было внешней военной угрозы, держава спокойно развивалась. Но царь заключил новые военные союзы, в том числе с Митридатом. Но главное – Армения превратилась в слишком богатую страну, появились за-

вистники, вот Рим и стал смотреть на Восток...

Тигран заметил:

– Для этого я создаю мощную армию.

– Да, государь. Я продолжу.

Он говорил, что царь увеличил поборы, повинности и рекрутские наборы, чем исчерпал людские ресурсы в своей стране. Призвав в свое войско представителей подвластных себе народов, владыка принял в свою армию много чужеземцев...

– На это мне нечего возразить, – прозвучал голос Тигран. – Да, армия стала неоднородной. Мои сыновья уже говорили мне об этом. Мы с Мамиконяном думаем, как исправить положение.

Метродор бросил на повелителя вопрошающий взгляд:

– Если ты, государь, разрешишь, я остановлюсь еще на некоторых признаках, на которые следует обратить внимание.

– Говори!

В-девятых, царь претендует на политическое лидерство в Малой Азии и на вмешательство в дела соседей...

– Что?! – возмущенно воскликнул Тигран. – Я не граблю соседей, они платят мне дань!

– Конечно, но дань часто непосильную...

Васак пронзительно крикнул:

– Царь Тигран несет этим странам процветание и защиту!

Метродор, сделав вид, что не слышит его, продолжил.

В-десятых, царь пытается балансировать между Римом и Парфией, а в этом таится угроза стабильности. Нужны сильные союзники!

Вскочивший с места виночерпий Вардгес вскричал:

– Не слушай его, великий! С нами боги!

Метродор спокойно сказал:

– О царь царей, я всего лишь ученый и твой подданный и рассматриваю неблагоприятные обстоятельства. Конечно, я мог бы воздать тебе хвалу, но решил предупредить. Я закончил.

Метродор сел на место, участники совета переговаривались, царь размышлял. Наконец владыка сказал:

– Заключение Метродора важно, мы должны подумать над сказанным, чтобы сделать правильные выводы. Спандуни, ты что-то хотел сказать?

Верховный жрец тихим голосом напомнил:

– Великий канон, в твоём царстве есть силы пострашнее озвученных. Эти силы грозят разрушить все. Назревает что-то опасное, и это связано с драконами-вишапами, долго не беспокоивших страну. Они просыпаются.

Голос Тиграна дрогнул:

– Драконы всегда воспринимались нашим народом как олицетворение всего злого. Похоже, они из легенд перекочевали в нашу жизнь, не так ли Гнуни?

– Да, государь, – сказал Гнуни. – Появились проблемы с поливной водой, пересыхают родники, участились бури, ко-

е-где налетела саранча.

– Это признаки пробуждения драконов! – с ужасом проговорил Спандуни.

Царь обвел присутствующих пронизывающим взглядом:

– Я всегда полагал, что драконы – это метафора сил зла и грозных явлений природы. Может быть, я ошибаюсь. В любом случае, мы обязаны, следить, чтобы злые силы всегда были на привязи. Что будем делать?

– Твой защитник бог Ваагн! – подсказал Спандуни.

Ваагна любил народ, так как этот бог, рожденный морем, посылал на землю благодатный дождь для урожая. Но у Ваагна было еще одно достоинство – он мог поражать драконов своим огненным мечом. Миф о Ваагне знали все.

– Нам нужен меч бога! – воскликнул Артавазд.

Царь, посмотрев на сына, задумчиво произнес:

– Думаю, что драконы и признаки увядания царства, названные сегодня Метродором, звенья одной цепи. Пока не победим драконов, армянский народ будет всегда в опасности. Гнуни, направь от меня дары в храмы бога Ваагна, надеюсь, бог нам поможет.

Царь встал, поднялись и все члены совета. Выходя из зала, Тигран обернулся и с улыбкой сказал ученому:

– Ты, Метродор, смелый человек. Обещаю прислушаться к твоим словам. Но ты также талантливый и блестящий писатель, пишешь труд о моем правлении. Я хочу войти в историю как создатель великой цивилизации.

Вечер опустился на Тигранакерт, в окнах дворца засветились огни, а в каждом зале, каждой комнате огромного здания происходили таинственные события.

В полутемном тронном зале у статуи льва встретились Васак и его подручный Багдасар.

– Багдасар, нужно достать карту проходов в горах на северо-западном направлении. – шептал, все время оглядываясь, Васак.

– Мой господин, все карты хранятся в военной библиотеке. Ее круглосуточно охраняют четыре стражника, туда имеют доступ только люди Мамиконяна.

– Да, это проблема, но ведь иногда карты выносят из библиотеки?

– Выносят... – Багдасара осенило: – И несут футляры с картами без охраны!

– Будь готов! Я дам знать, когда понесут на доклад нужную карту. Также нужно узнать систему связи и местоположение отрядов охраны горных проходов и перевалов.

– Васак, у меня есть свои люди в отделе костровой связи. За вознаграждение они поделятся информацией.

– Вот кошель с монетами, – Васак достал из кармана плаща и с глухим звоном вложил в большую ладонь помощника тугой кошель. – Не скупись, трать драхмы!

– В почтовой службе могут быть проблемы. Сероп, начальник, очень принципиальный и несговорчивый. Как с

ним быть?

– Неуступчивого можно оклеветать. Клевета неуязвима.

– Все сделаю, мой господин. Да помогут нам боги.

– Багдасар, я слышу шаги, уходи!

Неслышно, оглядываясь, Багдасар растворился в темноте дворцовых переходов, а в зал вошел Гнуни. Подойдя к Васаку, он с подозрением спросил:

– Васак, мне показалось, что я слышал разговор. Кто здесь был?

– Гнуни, дорогой, здесь никого не было.

– Я слышал звон монет.

– Наверное, ветер перебирал листочки золотого венка статуи.

– Что ты делаешь в такой час в тронном зале?

– Я, мой друг, размышляю о словах Тиграна: «Я хочу войти в историю как создатель великой цивилизации». Кстати, а ты что здесь делаешь?

– Я иду к Мамиконяну обсудить, где лучше поставить заставы для тех, кто мечтает уничтожить нашу державу.

– Дорогой Гнуни, драконы – вот главная опасность для государства.

– Главная, потому, что маловероятная? – с ехидством спросил Гнуни.

– Она главная, потому что она быстрее уничтожит царство, чем мифическая опасность со стороны Рима.

– Иногда мне кажется, что цель твоей дипломатии уни-

чтожить мир.

– Друг мой, – Васак поднял брови, – задача дипломата превращать острые стрелы в безобидные шипы роз, а уж для шипов всегда найдутся садовые ножницы.

– Усохшие розы подрезай – не подрезай, омолодить не удастся.

– О, дипломаты знают способ, как оживить увядшие цветы, – иронично произнес Васак.

– Только учти, Васак, дикие розы не вянут...

С ненавистью посмотрев друг на друга, они разошлись в разные стороны.

По коридорам дворца в покои Тиграна шла, держа в руках медный масляный светильник, Аревик. Этот путь она проделывала каждый день и знала все закоулки большого здания. Дворцовая стража привыкла видеть необыкновенно красивую девушку, и добрые взгляды солдат провожали ее почти на всем протяжении пути. Миновав покои царицы, она заметила человеческую тень. Сердце Аревик замерло; прижавшись к стене, она позвала:

– Кто здесь?

Ответа не последовало. Она почувствовала движение воздуха, услышала шуршание плаща, и в свете трепещущего огонька светильника увидела человека в черном, приближающегося к ней. В его руке блеснуло лезвие кинжала. Чувство страха заставило сердце девушки учащенно биться, ра-

зум говорил, что надо кричать, но страх сковал тело, подавил любые возможности к сопротивлению. Даже просто позвать на помощь она не могла. Светильник с грохотом упал на пол, продолжая гореть, а страшная тень, увеличиваясь в размерах, подступала к Аревик. Убийца, довольно крупный мужчина с лицом, закрытым платком, уже рядом. Широко раскрытыми глазами она видит неумолимо приближающийся клинок.

Вихрем пронеслась другая тень. Удар кинжала о кинжал. Оружие убийцы выбито из его руки и со звоном падает на каменный пол. В следующее мгновение по щеке нападавшего прошлось лезвие острого холодного оружия. Убийца запаниковал, схватился рукой за обгаренное кровью лицо, но, видимо вспомнив о своей задаче, снова бросился к Аревик. Его отрезвил сильный удар ногой в голову. Забыв о порезе и Аревик, он бросился в атаку, но невидимый защитник уже обернул его выпад к своему преимуществу. Мужчина в черном плаще, получив мощный удар в живот, отлетел к противоположной стене, поднялся и, зажимая рукой рану на лице, побежал прочь.

Аревик, не помня себя от страха и задыхаясь от пережитого ужаса, посмотрела на спасителя, но тень растаяла так же быстро, как и появилась. Девушка, немного придя в себя, побежала по длинному коридору дворца к покоям Тиграна. Пробежав мимо удивленной охраны, она ворвалась в комнаты, занимаемые царем, и бросилась в кресло. До конца не

понимая, что произошло, Аревик, потрясенная случившимся, сидела бледная и испуганная. Такой ее и застал вошедший Тигран.

– Что случилось, мое солнышко?

– Мой повелитель, прости меня, я всего лишь хочу любить тебя, быть всегда с тобой рядом, сделать твою жизнь счастливой!

Ее эмоциональные переживания передались Тиграну. Он заглянул в ее глаза и увидел в очах возлюбленной страх и ужас.

– Расскажи, что случилось.

Она рассказала. Потрясенный Тигран вызвал начальника караула. Дав указания, он взглянул на Аревик и увидел несколько капель крови на ее платье:

– Ты не ранена, милая?

– Нет, это не моя кровь.

– Успокойся, все позади. Я не дам тебя в обиду. Отныне охрана гарема будет усилена, а тебя будут всегда сопровождать два евнуха.

Бережно притянув к себе Аревик, он нежно поцеловал ее. Поцелуй и ласковые объятия постепенно успокоили девушку: по-прежнему она для него дороже всего на свете, и чувства, что он испытывал к ней, предельно искренние. Очарование Аревик как совершенного произведения природы вдохновляло Тиграна и приносило ему неопишное удовольствие, а ее печаль или улыбка вызвали ощущение при-

косновения к непостижимой тайне прекрасного, но и желание обладать этим божественным созданием...

В другом конце дворца Гнуни ходил по кабинету Мамиконяна и говорил:

– Несомненно, цель римского шпиона в дворце – достать карту горных проходов.

– Да, Гнуни, обладая точной топографической картой, любой завоеватель сможет совершить марш до Тигранакерта за двадцать дней.

На такой карте было отражено все – дороги, теснины, горные перевалы, камнепадные участки и места схода лавин, мосты и броды, пункты охраны и засады.

– Мамиконян, – Гнуни призвал военного к действию, – ты должен изготовить фальшивку, и мы подсунем ее шпиону! Я подозреваю трех человек из высших сановников государства.

– Фальшивую карту я изготовлю, – твердо пообещал Мамиконян.

– Три карты местности! – воскликнул Гнуни – И каждая в футляре своего цвета!..

С рассветом, как только стража открыла городские ворота и началось бесконечное движение торговых повозок в город и обратно, а крестьяне потянулись на работы в поле, люди заметили всадника в черном плаще и с перевязанной щекой,

как при зубной боли. Он спешно покидал крепость.

Глава 30. Ключ от чудесной кладовой

Прошло несколько дней, прежде чем Тигран решил встретиться с Митридатом. Третий раунд переговоров не сулил ничего хорошего для последнего. Тигран после заседания высшего совета разочаровался в союзнике. Подданные армянского царя, входившие в состав совета, все как один скептически отнеслись к помощи понтийскому царю, никто ради Митридата VI Евпатора не хотел связываться с римскими легионами.

На южной стороне дворца на этаже царя была устроена озелененная терраса, с которой открывался прекрасный вид на долину. Отсюда Тигран смотрел вдаль, а Митридат, пытаясь уловить его настроение, пытливо вглядывался в лицо союзника.

– Нашему союзу уже двадцать пять лет, – сказал понтиец. – В Азии были две могучие державы, способные противостоять Риму: это Великая Армения и Понт.

– Да, так было, – Тигран с горечью взглянул на собеседника. – Ты потерял свое царство, и я остался один. На юге скалят зубы парфяне, на западе у моих границ – римские войска.

– Но меня предали!

Митридат это уже говорил, да Тигран и сам знал положение дел из донесений разведки. Римляне подкупили его полководцев и сатрапов, сын Махар предал, второй сын, Фарнак, готовившийся после смерти отца унаследовать трон, создал собственную армию, тонко намекая, что народ Понта больше не желает видеть старого монарха на троне. Результат плачевный: пока понтиец прячется в Армении, римские легионы грабят его богатства.

Тигран произнес:

– Ввязаться в войну с Римом, сохранив союз с тобой? А не окажется ли это гибельным для Армении, Митридат?

– Рим так же опасен для Великой Армении, как и для Понта, остаться в стороне не получится, – сухо проговорил понтиец.

– Я готовлю страну к войне, но это не значит, что я предпочитаю боевые действия строительству городов.

У Митридата всегда была вожаденная мечта – создать особенную империю, способную затмить собой все остальные, но Тигран понимал, что такая держава с самого начала обречена на недолговечное существование. Митридат – единственный ее скрепляющий элемент. Но зная понтийца, хотелось верить, что он найдет выход из положения, как это было неоднократно. Дать ли ему воинов и конницу, чтобы он сбросил римские войска в море? Но в разумности союзника никогда нельзя быть уверенным, риск проиграть большой. И потом, помочь ему – огромная нагрузка на казну армянского

царства, а нужно думать о благополучии своей страны.

Коварный Митридат, чувствуя настроение повелителя Армении, решил перейти к побуждению к действию.

– Знаешь, Тигран, мои главные сокровища надежно спрятаны, римляне их никогда не найдут. Я верну себе царство и передам сокровища тебе. Ты станешь вдвое богаче, чем сейчас.

– Стараясь заинтересовать меня, ты теряешь время.

Принимать удар судьбы понтиец не собирался. Пришло время выложить убойный аргумент.

– Я могу открыть тебе сокровенное знание о природе вещей...

Тигран удивленно взглянул на собеседника. Они прошли с террасы в комнату, где обычно царь принимал придворных. Понтийский царь указал на мраморный бюст.

– Посмотри на этот бюст. Гисане, армянский бог. А греки в нем видят Диониса.

Бюст был создан греческим скульптором Праксителем, и это был греческий Дионис, вечно юный бог плодоносящих сил земли, бог виноделия и вина, божественного экстаза и восторженной любви.

Тигран усмехнулся:

– Дионис, бог, вдохновляющий безумие...

– Именно! Дионис – это я, и, если хочешь знать, моя природа имеет одновременно и злое, и доброе начало. Я часто вхожу в экстаз, даже ощущаю страх перед самим собой, но

все же всегда соблюдаю границы.

– Может, безумство – твоя вторая натура? – в словах Тиграна сквозила ирония.

– Нет, я не безумен, но я нарушил все правила и запреты: богам это позволено.

– Здравый смысл говорит, что нарушать правила и запреты так же опасно, как надеяться на удачу в безрассудных делах.

Хищная усмешка растянулась на лице понтийца:

– Твой здравый смысл поверил бы в чудеса?

Тигран насмешливо сказал:

– Нет, в чудесах легко обмануться.

Митридат, неторопливо, бесшумно, словно призрак, расхаживал вокруг Тиграна, сосредоточенно смотря на него, будто гипнотизируя, желая, по-видимому, подчинить визави своему влиянию. Он сказал:

– Я владею тайной бессмертия и военной удачи.

Гипнотические трюки на Тиграна не подействовали.

– Вот как?

Понтиец прекратил движение и холодно сказал:

– Я уже знаю, что напророчил тебе философ Метродор. Он увидел признаки увядания твоего царства, ты хочешь все исправить, а времени нет. В союзе со мной ты мог бы победить любого врага, даже алчный Рим был бы тебе не страшен.

Тигран видел перед собой игрока, привыкшего двигать царствами и народами на полях истории словно фишками.

Последствия его не заботили, лишь бы найти применение своей кипучей энергии. Владыка Армении засомневался, нужен ли ему такой союзник: неизвестно, чего ожидать от ловко манипулирующего тобой человека.

Митридат, видимо, прочитав его мысли, сказал:

– Я всегда навязывал тебе свое мнение и видел в тебе лишь инструмент достижения целей. Но не теперь.

– Так что же изменилось?

– Я прозрел! Ты же хочешь, чтобы твой народ жил вечно? Ты и сам хочешь быть бессмертным, хотя никогда вслух об этом не говорил. Но я умею читать мысли.

Скептически оглядев собеседника, Тигран задал риторический вопрос:

– Что есть бессмертие и нужно ли жить всегда? Может быть бессмертие – это всего лишь строка в книге по истории...

– Если пообещаешь дать мне войско, чтобы разбить римлян и вернуть царство, я открою тебе тайну.

– Тайну, невозможную постичь? – сыронизировал Тигран.

Митридат деловито сказал:

– Эту тайну мне поведал царь Малой Армении Антипад.

Престарелый Антипад мечтал, чтобы его народ процветал и всегда оставался на полях истории. Тайну ему поведали потомки Дадарсиса. До них секретом владели цари Персии, а до них – цари Ассирии и Вавилонии. От персидского царя Дария III и его полководца Дадарсиса, армянина, это знание

перешло к Антипаду, который после общения с Митридатом внезапно заболел и, умирая, поведал Митридату тайну и завещал ему царство. Тиграну было известно, как Митридат стал наследником царя Малой Армении. Понтийца боялись все, и царь Антипад не исключение. Причиной передачи трона, несомненно, был страх. Гость хитростью вошел к доверие, и старый монарх, возможно, отравленный, уже ничего не соображавший, выдал тайну и отдал власть.

Тигран, помолчав, сказал:

– Ловко же ты получил трон Антипада!

– Ты как всегда близок к истине. Да, я никогда не останавливаюсь ни перед чем для достижения своих целей. Но теперь, когда я по сути дела никто, и только ты еще веришь в меня, а я вижу лишь одного человека на земле, достойного повелевать миром, – Митридат пальцем ткнул в Тиграна, – тебя, я готов поделиться тайной, открывающей путь к бессмертию твоего народа.

Бессмертие! Тигран, ухмыльнувшись, все же поневоле задумался. Бессмертие лишь метафора и, как говорил Аристотель, всего лишь оборот речи. Бабочка может быть символом бессмертия. Ее жизненный цикл стал превосходным примером: жизнь – яркая гусеница, смерть – невзрачная куколка, возрождение – прекрасное насекомое. Для человека в этом мире никакого бессмертия быть не может. Боги готовят нам бессмертие в загробном мире, если, конечно, мы достойны, но Тигран верил в бессмертие своих дел. История – вот что

сделает его бессмертным!

Митридат, прочитав его мысли, задумчиво посмотрел на собеседника:

– Я тоже так думал, и нашел ответы на вопросы.

Понтиец изучил в библиотеках Александрии и Пергама множество манускриптов. Их туда свозили завоеватели из разных стран Месопотамии, Малой Азии и Среднего Востока, пергаменты и папирусы, тексты вавилонские, ассирийские, греческие, персидские, армянские. Митридат специально выучил все современные и мертвые языки и сумел прочитать те книги, до которых другим не было дела.

Тигран проронил:

– Ты нашел ответы, которые дорого обошлись народам мира...

Понтиец согласился:

– Возможно. Вот, посмотри! Эту луну, обращенную рогами вниз, – он снял с шеи цепь, на которой была подвеска – золотая лунница размером с гранат, ранее скрытая одеждой, – мне вручил... скорее, отдал по моей просьбе Антипад.

Золотой предмет завораживающе блестел.

– Мне известно, что твой родовой знак луна, – тихо сказал Тигран.

– Это так, но я показываю тебе очень древний талисман Мардука, главного вавилонского бога.

Тигран пришел в замешательство. Опять Мардук? Ученый Айказ лишь недавно упоминал его. О талисмане Мар-

дука ходили легенды. Якобы он оберегает от зла и порчи, его ношение защищает от всевозможных невзгод и несчастий, придает силы. Вавилоняне верили, что талисман также может воскрешать мертвых, а его владелец обладает тайной мудростью и может надеяться на вечную жизнь.

Армянский царь попытался неудачно пошутить:

– Конечно, мысли о смерти тебя не посещают, ты, видимо, будешь жить вечно.

Митридат испытующе смотрел на собеседника:

– А если я скажу, что это не только талисман, но и ключ? Ключ, открывающий волшебную дверь кладовой с несметными сокровищами царей Древнего Востока.

Тигран удивленно посмотрел на золотой предмет.

– Ключ от Дворца власти?

– Так ты знаешь! – лицо Митридата выразило восхищение.

– И где же этот Дворец находится? – осторожно спросил Тигран.

Понтиец пустился в рассуждения. Он давно искал Дворец. Антипад нашептал: золотая кладовая где-то в царстве Великая Армения, но где не сказал. Возможно, нужно искать вход в пещеру, а может, дверь в скале. Вечная борьба с Римской республикой, к которой у понтийца всегда имелись претензии, затянула Митридата, и времени искать тайник не осталось.

– Вот, взгляни! – Митридат протянул талисман армянскому царю.

Тигран взял лунницу и сел за стол, чтобы подробнее рассмотреть. Рядом лежала лупа, и он взглянул на ценную вещь сквозь нее.

– Ты пользуешься хрустальной линзой ассирийцев? Стареешь, – насмешливо фыркнул Митридат.

Тигран не ответил. На лицевой стороне в лике луны просматривалось лицо бога Мардука-Арамазда, а на обратной в обрамлении неизвестных графических символов был рельефно изображен аревахач – древний армянский символ в виде круглого вихревого (винтообразного) круга, похожего на солнце – один из древнейших символов в армянской культуре. Восемь его крыльев олицетворяли цикличность бытия и круговорот энергии.

– То, что ты держишь в руках, лишь половина ключа, – понтиец сокрушенно вздохнул.

– А где вторая? – спросил Тигран.

– Она у парфян... В виде солнца.

Солнце и Луна – конфликт и единство, темное и светлое, равновесие и разлад, священный брак неба и земли. Открыть дверь Дворца можно имея только обе части ключа. Если соединить луну и солнце, произойдет слияние, и ключ приобретет силу. Приложив его к сакральному знаку на входе и сказав заклинание, можно открыть дверь, за которой хранятся сокровища всех царей Древнего Востока. Армянскому царю с трудом верилось, что это правда, но примерно тоже же самое ему недавно поведал ученый Айказ.

– Но для чего цари веками собирали там сокровища? – Тигран озадаченно уставился на гостя.

– Как для чего? Для установления гегемонии!

– Гегемония над кем?

– Над остальным миром, конечно! Цари грезили о первенстве в делах, превосходстве в силе и влиянии. Они готовили приход великого царя, который установит вечный мир на земле. Тигран, ты мой кумир, и я свято верю, что ты и есть тот самый мессия – посланник высших сил.

– Не преувеличивай!

– Антипад сказал еще кое-что. Там есть одна вещь дороже всего золота мира, – Митридат, затаив дыхание, оценивающе смерил взглядом зятя. – Это волшебный меч повелителя драконов – меч Геракла... или Ваагна, как бога называет твой народ.

Положив талисман на стол, Тигран встал и заходил по комнате. Ну, конечно, Митридат, прекрасно информирован о проблемах армянского царства, его шпионы собирают для него данные со всего света, и, несомненно, он также обладает сверхъестественными способностями. Но можно ли ему верить?

– Митридат, если все правда, то это величайшая тайна на свете. Но тайна и ложь всегда идут рядом.

– Тигран, верь! Найди вторую половинку ключа, найди Дворец власти, стань властителем мира! Я готов служить тебе, буду драться, вести войска в бой. Как пес буду верен тебе!

– Ты что-то говорил о заклинании...

– Ах да, дверь... Ты ее найдешь, я не сомневаюсь... Пока талисман у тебя, всегда сможешь войти в пещеру и выйти из нее, произнеся магическое слово.

– Что это за слово?

– О, его знаю только я! – ухмыльнулся искунитель. – Антипад умер, и теперь лишь я обладаю знанием.

– Так говори!

– Ты обещаешь мне войско?

– Да!

– Что ж... Я скажу, потому что ты велик и щедр... Это слово на вавилонском, ассирийском, арамейском и латинском языках звучит одинаково – сезам!

Сезам (кунжут) – растение. Слово пришло из ассирийского. В магии кунжут используется для пробуждения дара ясновидения.

Тигран недоверчиво смотрел на Митридата, а тот горячился:

– Найди эту дверь, возьми меч, заставь духов себе повиноваться!

– Не удивлюсь, если ты знаешь где обитают в Армении духи и драконы.

– Где обитают духи и драконы?.. – рассеянно переспросил Митридат. – Нет, этого я не знаю, но могут знать маги. Спроси их. В любом случае тебе придется бороться с чудовищем.

Союзник поведал Тиграну много чего, в том числе важные

правила. Входить в волшебную пещеру нужно в полночь без железных вещей – кинжалов и украшений. Это очень важно. Магической силой обладает только бронза. Так говорил Антипад. Правда он не сказал, что могут быть ловушки, но это и так ясно. Внутри, по словам Антипада, имеются залы, заполненные золотом и драгоценными камнями, что вряд ли заинтересует Тиграна. В комнате (ее охраняют два стражника и большой змеей) есть три чудесные вещи: сосуд с эликсиром бессмертия, волшебный меч и чаша с исцеляющим бальзамом. Чаша когда-то принадлежала богине здоровья Гигеи, дочери бога Асклепия. Взять можно только что-то одно. Забрав больше одной вещи, человек рискует навсегда остаться в Дворце. Возможно, будет обрушение или захлопнется дверь, или что-то другое.

Тигран вновь осмотрел лунницу. Не поднимая взгляда, он проговорил:

– Митридат, есть предмет, нимало интересующий меня в последнее время.

– О чем ты? – стушевался собеседник.

– Все знают, что ты неуязвим на войне. Что делает тебя таким? Думаю, данный талисман ни при чем... Расскажи.

– Тут нечего рассказывать, просто мне везет, – понтиец отвел глаза.

– Как связаны Дворец власти и Таблица судеб бога Набу? – напрямую спросил армянский царь.

Глаза зеркало души. По взгляду можно понять, говорит ли

человек правду. Тигран заметил, что взгляд Митридата ушел влево вниз, что означает: подбирает слова. Понтиец молчал. Тигран усмехнулся:

– Есть тайны, которые мне, своему кумиру, мессии, ты не хочешь поведать. Я разочарован.

Митридат нервно заходил по залу, потом порывисто обернулся:

– Все что я сказал, сущая правда. Ты единственный, которому я могу верить в лживом и продажном мире.

Он рассказал историю, поразившую Тиграна. Понтиец всегда побеждал и был неуязвим для своих врагов, потому что верил в богов и имел магический талисман. Боги всегда искусно направляли Митридата, одухотворенного идеей блага для народов Востока. Однажды вера пошатнулась, и боги отвернулись от него, а он перестал чтить богов. В глазах народов Востока он больше не являлся защитником их интересов. Вот и стал проигрывать сражения одно за другим. Талисман, защищающий жизнь, – единственное, что у него осталось.

Митридат достал из небольшой кожаной сумки, висевшей на поясе, обломок чего-то необычного и положил на стол. Тигран взял кусок тонкой плитки и осмотрел со всех сторон. Треугольный осколок темно-серого цвета гладкой отшлифованной панели размером в ладонь, изготовленный из неизвестного Тиграну материала, блестел и переливался в лучах солнца как зеркало.

– Обломок Таблицы судеб, – сказал Митридат. – Ты, конечно, знаешь, что второй обломок у парфян, а третий у иудеев.

Царь Понта страстно заговорил, при этом его глаза сверкали, горячность изумляла, убедительность была несомненной. Если собрать все три обломка и соединить их вместе, Таблица оживет, предскажет судьбу человека, а возможно, и судьбу страны. В Птолемаиде (тот самый город, который яростно защищала сирийская царица Селена) есть храм богини Ташмету. Там Таблица заговорит, поскольку Вавилон разрушен. Да, распаялся Митридат, цель заветная, но труднодостижимая. Лишь Тигран способен разгадать тайну и достигнуть цель.

Понтиец с горечью в голосе проронил:

– Мой эгоизм, мое стремление найти древо жизни, сорвать с него плод и стать бессмертным, проистекают из непонимания твоей роли в миропорядке. Погрязнув в рутине, я все потерял. Теперь ты, Тигран, символ веры и защитник интересов народов восточных держав, ты, старший из царей!

Тигран коротко спросил:

– Обломок ты носил всегда при себе?

– Да!

Тигран помнил миф про Диониса, всегда носившего при себе волшебный жезл Тирс – символ вдохновения. Обломок Таблицы и есть Тирс. Стало ясно, почему Митридат неуязвим: Таблица обладает магической силой, берегущей жизнь

владельца на войне.

Понтиец деловито уточнил:

– Ключ, Тигран твой, а вот обломок оставь пока мне. Найди остальные фрагменты, а потом я отдам его тебе навсегда.

Армянский царь ходил по залу, лихорадочно думая и иногда посматривая на Митридата. Наконец он произнес:

– Я дам тебе десять тысяч всадников.

Митридат воздел руки к небу:

– О Зевс-воитель, благодарю тебя! – Обратившись к Тиграну, сказал: – Сегодня я принесу обильные жертвоприношения богу, а потом двинусь к понтийской границе.

Собравшись уходить, он вдруг обернулся и серьезным тоном предупредил:

– Вот еще что! Лукулл – талантливый стратег и тактик. Несмотря на ограниченные ресурсы, он добивается преимущества с помощью искусного маневрирования и не начинает бой без подкупа генералов и царедворцев противника. Даже если у тебя будет уверенность в превосходстве над ним, без меня в прямую конфронтацию с ним не вступай. Я освобожу свое царство, а потом мы вместе изгоним римлян из Азии.

Тигран подошел к союзнику:

– Смысл борьбы – обрести бессмертие и славу!

– Дерзость и смелость, и нет преград! – вскричал Митридат.

Они обнялись, дружески похлопывая друг друга по спине, и Митридат ушел вершить историю.

Глава 31. Распалить костер гнева

Мамиконян приказал изготовить три фальшивые топографические карты горных проходов в Понтийских горах и Армянском тавре. Каждую карту, тщательно выполненную на пергаменте, Вардан, картограф, скрутил и поместил в кожаные футляры трех разных цветов. Для Васака предназначили красный футляр. После принятия Тиграном решения о помощи Митридату был официальный обед, на котором присутствовали высшие сановники царства, где царь Понта обратился к Тиграну с просьбой ознакомить его с картами местности.

– Дорогой Тигран! Я знаю, ты располагаешь подробнейшими картами гор и рек. Чтобы быстро и незаметно для римлян выйти к ним в тыл, мне нужно ознакомиться с картой местности, где отмечены тайные горные проходы.

Васак, услышав это, напряг слух и посмотрел на Тиграна, а тот, находясь в хорошем настроении, ответил:

– Да, мой друг, такую возможность я тебе, конечно, предоставлю. Мамиконян, сегодня после нашего обеда отправь интересные царя Митридата карты в его покои!

– Слушаюсь, государь! – сказал Мамиконян.

После обеда, пока цари какое-то время прогуливались по залу и о чем-то разговаривали, Мамиконян лично перекинулся несколькими фразами с каждым из трех подозревае-

мых в деле о предательстве. Подойдя к Васaku, он пожаловался:

– Я завален большим объемом работы, нехватка людских ресурсов – моя головная боль, а тут еще Митридат требует карту горных проходов для ознакомления, да еще в красном футляре!

Васак с видом сожаления сказал:

– Дорогой Мамиконян, могу только посочувствовать. Но почему же непременно в красном футляре?

– Причуды! Митридат ненавидит черный цвет.

– Причуды царей нужно выполнять, хотя на доклад Тиграну ты носишь карты в черном футляре.

– То-то и оно! Даже такие мелочи, как цвет футляра, приходится учитывать, чтобы угодить Митридату. Придется Вардану срочно найти красный футляр и в нем отнести карту.

– Красный – царский цвет, – только и сказал Васак.

Вскоре в саду Васак разговаривал с Багдасаром, сообщив, что Митридат изъявил желание ознакомиться с картой, ее понесет к нему картограф Вардан, и она будет в красном футляре. Единственный шанс заполучить карту!

– Не беспокойся, все сделаю тихо, – заявил невозмутимый Багдасар.

Вардана, тощего картографа, алчного, но талантливового, не любили, но он славился своим трудолюбием, его топографические карты всегда были исполнены точно и наиболее де-

тально, вызывая восхищение знатоков. В переходах дворца Васак уже поджидал Вардана: не терпелось убедиться в словах Мамиконяна. Показался Вардан в состоянии сильного утомления с тремя футлярами – красным, синим и зеленым.

– Дорогой Вардан, на тебе лица нет! – воскликнул Васак. Как тонкий психолог он учуял, что картограф имеет внутреннюю потребность в одобрении и поддержке.

– Всю ночь делал карты, – писарь показал свои перепачканные краской пальцы.

– Ты лучший картограф в царстве, но тебя заездили, – притворно посочувствовал Васак.

Вардан, польщенный комплиментом министра, пожаловался:

– Меня просто не замечают. Мамиконян ни разу не похвалил, мной понукают, как мальчишкой, а за дополнительную работу никто ничего не платит.

– Эти топографические карты на пергаменте ты исполнил за одну ночь?! – с удивлением спросил Васак, показывая на футляры. – Это же такой тяжкий труд, да тебе должны были дать сто драхм за кропотливую работу!

– Пришлось потрудиться. Меня не ценят, я тень в этом дворце, мной можно подметать полы. Да и работа бестолковая: карты-то фальшивые. Ума не приложу, зачем Митрида-ту фальшивые карты.

Васак на мгновение остолбенел, но быстро собрался с мыслями:

– Царь подкинет их римлянам, чтобы запутать... Ты, Вардан, заслуживаешь большего, я похлопочу перед Мамиконяном. Смотри, что у меня есть!

Покачивая кожаным кошельем с монетами перед глазами Вардана, Васак монотонно заговорил. Пошел процесс внушения. Министр знал, как обмануть и отвлечь сознание человека. Мягко разминая ладонью плечо Вардана, Васак ввел картографа в расслабленное состояние: свободная рука писаря безвольно упала, он впал в транс. Министр поднес руку к его уху, и картограф ощутил поток тепла. Монотонно, ясно проговаривая слова, сановник говорил:

– Это драхмы, они для тебя... Ты хочешь их получить?

– Да-а, – отвечал Вардан, глаза немигающими глазами на кошель.

Васак перенес ладонь к его лбу, и человек сразу ощутил приятное покалывание.

– Монеты твои.

Вложив в руку Вардана кошель с монетами, Васак сжал пальцы писаря вокруг тугого мешочка.

– Доверься мне... Принесешь мне карту?

– Принесу.

– Принеси мне на один час подлинную карту проходов на северо-западе, я хочу подготовиться к встрече с Митридатом, чтобы не ударить в грязь лицом.

Картограф, смотрящий в глаза Васака, хорошо запомнил установку.

– На счет три ты придешь в себя. Раз, два, три!

Вардан замигал, затем посмотрел на свою руку с тугим кошельком, спрятал мешочек с монетами в карман в складках одежды и пошел дальше.

– Я тебя провожу, – сказал Васак.

Вдруг Вардан остановился:

– Если кто узнает, мне несдобровать.

– Не беспокойся, никто не узнает.

Когда они проходили мимо притаившегося за колонной с дубинкой в руке Багдасара, Васак змеиным взглядом заставил подручного отступить назад. Багдасар напрягся, дрожь пробежала по его телу. Он понял: что-то изменилось, раз сам министр сопровождает картографа.

В своих покоях царица Великой Армении Клеопатра Понтийская ждала сына. Любуясь перстнем Митридата на безымянном пальце левой руки, она улыбалась мысли о близких переменах. Строя, как выразился Тигран, воздушные замки, она уже видела себя полноправной правительницей империи. Будучи аристократкой и дочерью понтийского царя, она хотела власти, и не просто власти, а оказывать непосредственное влияние на ход событий. Она желала быть покровительницей, политиком, жертвой и богиней одновременно, но на пути ее амбиций стоял Тигран II. Стремление к власти и чувство собственного превосходства побуждали царицу что-то делать, и младший сын являлся идеальной фигу-

рой для воплощения ее больших планов на жизнь.

Вошел Тигран Младший:

– Мама, ты хотела видеть меня.

Она обняла и поцеловала сына.

– Находясь в заточении, я мечтала обнять тебя, услышать твой голос, погладить твои красивые волосы, – с теплотой и любовью смотрела она на сына.

Приватный разговор велся обстоятельно. Вспомнили детство. Ее маленький сын был робок и застенчив, но мать всегда поощряла его за любой успех. Когда ему было пять, он хотел стать лучшим в стрельбе из лука, и ради улыбки матери победил других мальчиков. Сегодня его притязания выросли, Тигран Младший хочет целое царство и доказать всем, что может достичь любых вершин, любой цели.

Он жаловался, что пытается изменить жизнь к лучшему, но у него ничего не получается. Мать тут же докопалась до причины: это потому, что он в себе не уверен. Юноша ругал отца: тот никогда не обращает на него внимания, не замечает достижений, отодвигает на второй план. Она же, сообщив, что грезил о том, как он станет сильнее, решительнее и увереннее, назвала его отца восточным деспотом, стариком, переставшим адекватно воспринимать реальность. Сыну хотелось бежать из дворца, и мать, признавая, что ее любимчик обижен на весь мир и задето его самолюбие, упрашивала остаться и бороться, с горечью упирая на то, что ее женственность больше не привлекает мужа, помешанного на

юной Аревик. Однако мать не сдаётся, хотя царь и держит ее в золотой клетке. Как бы все переменялось, получи мальчик власть!

– Смогу ли удержать державу, быть достойным ее народа? – неуверенность сквозила в словах любимчика.

Она понимающе кивала, а сама разглядела насколько он слаб и безволен, достаточно пассивен, чтобы идти на подвиг. Ей нужно все брать в свои руки, но такой возможности нет, и она продолжала направлять мысли сына в правильном направлении.

Слов было много. Конечно, ей стыдно, что она не может быть рядом с сыночком, заботиться, помогать... Сама же видела: сын следует всего лишь зову своих мелких целей, продолжая сомневаться в необходимости решающего шага. Мать, которой разом овладели негативные эмоции: страх, зависть, обида и злость, понимала, что нужно вдохновить сына – либо сейчас, либо никогда. Поэтому страстно говорила:

– Только ты достоин носить тиару армянского царя, только ты можешь вести народ за собой! Ничего не бойся, я всегда буду рядом!

А он опять сомневался: наступил ли тот момент, когда нужно сделать решающий шаг? А как же Артавазд? Соперничество с ним не прибавляет уверенности, потому что брат сильнее. Мать, продолжая уговаривать, всячески принижала Артавазда, говорила, что младший сын долго ждал, обиды копились. Старший имеет много сильных сторон, но у него

нет таких уникальных способностей, как у младшего, который умнее и разумнее, обладает тонкой интуицией, усердный, всегда хотел заслужить похвалу матери. Сын же твердил, что чувствует себя одиноким, точно узник, заточенный в тюремную камеру, и не знает как разорвать решетки.

Черпая, как ей казалось, в этом непростом деле энергию из Вселенной, она перешла к плану захвата власти, давая целевые установки. Нужно окружить себя людьми, поддерживающими и разделяющими идеи сына. Ей известно, что за мальчиком уже стоят очень серьезные люди – крупные работодатели, ростовщики и торговцы. Все хотят перемен! Следует настроиться на победу, а не на поражение. Нельзя мириться с неудачей, складывать руки, отчаиваться, упускать возможности. Он смотрел ей в рот, потому что всегда старался предугадать ее желания, заслужить похвалу, ведь лишь она его единственный друг и только она его понимает.

Клеопатра Понтийская красноречиво убеждала:

– Ищи возможности добиться своего, действуй, рискуй, ты сможешь! Не бойся совершить ошибку; поражения сделают тебя сильнее!

Ее энергия требовала выхода, но что делать, если рядом бестолковый сын, не способный и наполовину на то, на что способна она? Выход один – вдохновлять и направлять.

– У тебя все получится! – страстно говорила она.

Наконец по глазам сына она увидела, что в его мозгу произошли изменения, сознание прояснилось, картина предста-

ла в кровавых подробностях. И услышала долгожданные слова:

– Я тебя не подведу!

– Не разочаруй меня, – мягко произнесла мать. – Ты должен бросить вызов обстоятельствам, недругам, брату!

– Я докажу, что достоин твоей похвалы и всеобщего восхищения.

Она видела, что внутреннее состояние сына постепенно меняется, и ликовала, что сумела распалить костер гнева и решительности.

– Нет преград, с которыми бы ты не справился! – внушала она.

И давала установки: всего можно достичь, сделав первый решительный шаг; мы подошли к последней черте; мы или он!

Мотивированный Тигран Младший вскричал:

– Да, я способен! Я хочу заслужить твое уважение, ты будешь гордиться мной!..

Дверь открылась, вбежала рабыня, служанка Клеопатры, и с тревогой сообщила:

– Государыня, сюда идет царь!

– Уходи, мой мальчик, не хочу, чтобы он видел нас вместе. – Клеопатра Понтийская со слезой умиления смотрела на сына, потом по-матерински поцеловала его. – Я в тебя верю. Служанка проводит тебя через мои покои.

Сын ушел, а она, приняв вид сломленной жертвы, ждала

Тиграна. Вошел царь:

– Твое пребывание в Тигранакерте затянулось. Переговоры завершились успешно, можешь снова уезжать в Софу.

– Мои потребности, желания и просьбы тебя не интересуют? – негромко спросила она.

– Груз взаимных обид, накопленный нами, невыносимым, – проронил Тигран.

– Опять в клетку, к своим писателям и поэтам... Неужели у тебя нет ни капли сострадания? Мы могли бы построить новые отношения, – с надеждой смотрела она на мужа. Он молчал. – Нет? Ради нашей прежней любви дай мне хотя бы еще немного времени побыть с детьми.

– Ты переоцениваешь свои силы, тебе не удастся меня разжалобить. Твой статус остается прежним. Ты царица и царствуешь в своем уезде.

– Да, в деревне, где нет твоей поддержки и некому подбодрить, порадовать и успокоить, а я одна со своими переживаниями. Ты мог бы смягчить мое ощущение одиночества.

Он смотрел на нее, понимая, что времени на распрю нет, он обязан раствориться в делах государственных. Дел по горло: драконы, претензии Рима, восстание в Сирии, непростые отношения с Митридатом, угроза покушений, козни местной аристократии... На борьбу с царицей сил уже не хватало. А она все зывала к его порядочности:

– Но, может быть, наступят хорошие времена и все изменится?

– Хороших времен не бывает.

– Если бы не Аревик, ты, возможно, переменял бы ко мне отношение.

Тигран хмуро взглянул на нее:

– Твой человек с перевязанной щекой сегодня утром покинул дворец и город. Ты пыталась убить Аревик.

– Что ты, разве я могла! Она мне не соперница, я законная царица и дочь царя, и я знаю, что в глубине души ты меня любишь. Хочу только одного – раскрой глаза!

Тигран отозвался:

– Судьбе угодно, чтобы лицемерие, страх и обман не разрушали светлые мечты.

Царь ушел. Царица, болезненно отреагировав на раны, что он ей нанес, прошла по комнате и отстраненно посмотрела в окно. Все, что казалось прочным и незыблемым, рухнуло, а на жалких обломках любви действительно ничего путного не построишь.

Глава 32. Терзания по волшебным вещам

Лукулл по-прежнему не покидал понтийскую Амасию. Находясь в одной из комнат своих апартаментов, превращенную в римский триклиний – столовую с тремя застольными ложами, – он возлежал на ложе-клинии (что-то вроде кушетки) и обедал. На другой кушетке возлежал Александр Полигистор, третья была не занята. Рабы подавали кушанья.

Советник свое прозвище Полигистор – многознающий человек – получил в Риме. Историк, греческий ученый, иудей по происхождению, он, бывший советник Митридата, попал в Рим как военнопленный в ходе второй Митридатовой войны, был продан в рабство, но впоследствии обрел свободу и римское гражданство.

Лукулл, взяв кусок сырного пирога, проговорил:

– Я просил тебя изучить важные вопросы. Что составляет тайну Митридата, позволяющую ему всегда быть неуязвимым? Где Дворец власти? Что делает человека всесильным?

Полигистор уклончиво ответил:

– Если б знал я тайны Митридата, незамедлительно тебе открыл бы. Ты мой кумир. Благодаря тебе я стал рабом, благодаря тебе я стал свободным...

– Полигистор, не шути так. Ты мне обязан. Теперь ты рим-

ский гражданин и известный писатель.

– Лициний, ты не знал, что Митридат Евпатор официально именовался именем Диониса – бога страдающего, умирающего и воскресающего? Так вот, Митридат и есть бог. Он бессмертен, понимает все языки народов мира, у него есть дар пророчества.

– Всю эту чепуху я слышал и не верю, что она относится к делу.

Лукулл настойчиво продолжал распутывать клубок тайны. Деяния Митридата омерзительны. Он массово уничтожал пленных и мирных жителей, недавно убил своих жен и сестер... Как будто приносит жертвоприношения какому-то жаждающему крови чудовищу. Митридата боятся все без исключения. Например, причиной переуступки трона царем Малой Армении был страх. Из головы не выходил рассказ главного советника Митридата по вопросам мистики Дорилая о Дворце власти, где высшие силы и властелины мира держат сакральные предметы и несметные богатства.

– Так где Дворец? – Лукулл исподлобья смотрел на Полигистора.

Тот равнодушно отвечал:

– Митридат тоже не знает. Царь Малой Армении Антипад обмолвился, что Дворец находится на территории Великой Армении, там, где сходятся пути великих завоевателей древности.

– Я прикажу привести Дорилая. Он знает что-то еще, но

молчит. Разговори его. Хочу вырвать главную тайну Митридата.

Дорилая конвоировали к Лукуллу двое солдат. Идя по вестибюлю дома наместника, мудрец подумал, что его патрон, царь Митридат, давно превратился в сильный и опасный дух, способный достать старика где угодно. Перед мудрецом стоял мучительный выбор: с одной стороны, если открыть тайну Лукуллу, Дорилая уничтожит царь, с другой, не раскрыв информацию Лукуллу, он также обрекался на смерть.

Войдя в триклиний, он увидел улыбающихся Лукулла и Полигистора.

– Дорилай, присоединяйся к нам! – добродушно воскликнул Лукулл, указывая на свободную кушетку.

Дорилай возлег на клинию.

– Угощайся, – предложил Лукулл. – Полигистора ты знаешь. Оба вы служили этому чудовищу Митридату.

– Дни царя сочтены, – сказал Полигистор. – В руках деспота мы были рабами, но нам дали шанс полюбить свободу. Вот я стал известным писателем, занимаюсь историей. Фанатичная любовь к тирану и не твое любимое занятие, Дорилай.

– Наша дружба с тобой, Полигистор, дело прошлое. Тирания всегда вызывала у меня отвращение, но и Рим несколько не лучше тирана, ведь римляне дали миру образец беспощадного насилия.

Александр призвал:

– Будь благоразумным, Дорилай! Рим решительно преобразил облик мира, дал ему великолепных поэтов, глубоких моралистов, объединил народы.

– Весь мир в крови, Полигистор.

Лукулл нетерпеливо ожидал окончания дружеской перепалки. Наконец, остановив взаимные колкости двух мудрецов, спросил:

– Великие властители прошлого осуществляли свои властные полномочия одновременно с исполнением религиозного долга. Значит ли это, что они приобретали магическую силу?

– Да, – сказал Полигистор.

– Да, – сказал Дорилай.

– Что делает Митридата неуязвимым? Ни поймать, ни уничтожить его невозможно.

Дорилай, опустив глаза, молчал. Потом, взглянув на проконсула, сказал:

– Я открою тебе тайну. Но учти: информация – еще не знание, а знание – еще не мудрость. Митридата делает неуязвимым Таблица судеб. Упоминание о ней он нашел, роясь в Пергамской библиотеке. На Таблице стоит печать высших сил. Она может открыть не только судьбу человека, но и судьбу государства.

– Откуда это чудо? – пораженный Лукулл привстал.

Рассказ Дорилая его чрезвычайно вдохновил. Таблица всегда хранилась в Вавилоне, в самом большом городе в ис-

тории человечества, где имелся краеугольный камень неба и земли. Через этот портал, называемый Врата бога, высшие силы три тысячи лет взирали на человечество. Вавилон был парадным входом богов на землю. Однажды боги поняли, что Вавилон превращается в недостойный и безнравственный город, и они допустили его разрушение, а портал переместили в другое место.

– Думаю, в Рим! – вырвалось у Полигистора. – Несомненно, Рим! Этот город занял самое важное положение в мире, много разного народа проживает в нем.

– Я бы не стал спешить с выводами, – проговорил Дорилай, – это спорное утверждение...

– Таблица судеб – что это? – Лукулл пристально смотрел на старца.

– Кто владеет Таблицей, тот получает право притязать на мировое господство, – ответил Дорилай.

Взбудораженный новостью Лукулл поднялся, и, стараясь не показать волнение, негромко спросил:

– И где сейчас Таблица?

Рассказ Дорилая ошеломил главнокомандующего. В Вавилоне Таблица всегда хранилась в Храме судеб. Вавилон разрушен, а Таблица разбита Ксерксом на три части: один обломок у Митридата, второй у парфян, а третий у иудеев. Таблица обладает магической силой, берегущей жизнь владельца на войне. Кому удастся собрать все три обломка и соединить их вместе, тому Таблица откроет судьбу. Она заго-

ворит только в храме вавилонской богини Ташмету. Владелец Таблицы, узнав пророчество, может изменить судьбу.

– Вот как! – Лукулл зашагал взад-вперед по комнате. – Что такого есть во Дворце власти, чем хочет завладеть Митридат, чтобы стать всесильным?

Мудрец поведал о трех чудесных вещах: сосуд с эликсиром бессмертия, волшебный меч и чаша Гигеи. Полигистор комментировал высказывания коллеги.

Эликсир бессмертия – вещество, обладающее свойством омолаживать человеческий организм и продлевать его жизнь до бесконечности.

Волшебный меч сделан из огненного металла с добавлением чистейшего серебра, чтобы бороться с нечистью. Магические заклинания придали мечу особую прочность и неуязвимость, а при изготовлении на клинок нанесли волшебные знаки, похожие на красивый узор. Разобрать их может только избранный. В Греции этот меч называют мечом Геракла, в Армении огненным мечом.

Чаша богини здоровья Гигеи, дочери бога Асклепия, представляет собой каменный сосуд, изготовленный в Египте из белого алебастра самим Имхотепом. Стенки чаши настолько тонкие, что просвечивают насквозь. В ней напиток, придающий силу всему живому. Подобно змее, что сбрасывает старую кожу, человек, выпивший глоток напитка, утрачивает старую и закосневшую личность и возрождается. Также средство в чаше исцеляет от всех болезней.

В глазах Лукулла загорелся адский огонек:

– Во мне пробуждаются древние инстинкты. Я хочу владеть этими чудесными вещами и получить преимущество в любых начинаниях. – Он жестко, если не сказать жестоко, спросил: – Где Дворец власти, Дорилай?

– Я же говорил, что не знаю. Митридат обмолвился, что он в горах Великой Армении. Там есть пещера или скала, и в ней дверь...

– Ключ! Нужен ключ! – Лукулла охватила одержимость. – С чем никогда не расставался Митридат?

– У него всегда при себе был крупный медальон в виде луны на золотой цепи...

– Что изображено на том медальоне?

– На лицевой стороне божество, а на обратной – армянский символ вечности аревахач.

– Это ключ! Вернее, часть ключа. Я знаю, где вторая!

Лукулл ликовал. Вторая половинка у Фраата. На ней тоже есть изображения: лик солнца на лицевой стороне, а на обратной – змея, кусающая себя за хвост, и пятилучевая звезда. Очевидно, чтобы открыть дверь, нужно соединить две половинки медальона.

Лукулл, начитанный человек, прекрасно знал, что змея, кусающая себя за хвост, является восточным символом вечности, неделимости и цикличности времени, но также означает: нет ограничений и запретов. Философы же понимали символ так: никто не способен познать и понять простран-

ство и время. Пятилучевая звезда (пентаграмма) – символ божественной идеи, звезда магов, символ царской власти. В виде амулета звезда способна защитить от болезней. Лик солнца – символ движения, жизни, света и благополучия.

Проконсул произнес:

– На второй половинке изображена змея.

Дорилай опешил:

– Знак змеи означает приближение к хаосу...

– Хаос – это хорошо! – вскричал заведенный открытием Лукулл. – Это дестабилизация, потеря контроля над территорией, прямые столкновения в районе, имеющем стратегическое положение между Римом и Индией!

Полигистор вежливо предупредил:

– Это все неспроста... Такая символика тщательно охраняется узким кругом посвященных...

Лукулл не успокаивался. Символами что-то зашифровано, но что? Митридат гоняется за Таблицей судеб, и у него есть ключ от Дворца, спрятанного на территории Великой Армении. Наместник внимательно посмотрел на старцев:

– Вы, мудрецы, его бывшие советники, знаете больше, чем говорите, я чувствую!

Философы переглянулись.

– Никто не знает, где находится Дворец власти, – сказал Дорилай. – Тайна сокрыта горами Великой Армении.

– Я люблю раскрывать тайны, – произнес Лукулл. В его глазах загорелись алчные огоньки.

Он, неутомимый искатель истины и сокровищ, преодолеет все, чтобы получить ответы, и докопается до сути, а два мудреца установят маршруты следования Ксеркса и других царей древности по Армении и определяют место Дворца.

Глава 33. Парфянская стрела

Клодия снова отправили в Парфию с благодарностью за страусовое яйцо, с богатыми подарками и новыми предложениями, но главная цель – выведать тайны и секреты. На границе с Парфией легат, предъявив золотую бляшку с изображением орла со змеей в клюве, был немедленно опознан как личный друг царя Фраата III, пересажен на парфянского коня, и путь до Нисы занял вдвое меньше дней, чем прежде. Хорошо известно: кони Парфии – самые выносливые в мире. В пути легата сопровождали два десятка конных парфянских воинов в красных плащах. Клодий поражался увиденному: огромные табуны лошадей паслись на склонах гор, бесконечные караваны верблюдов кочевали по пустынным районам.

Кавалькада въехала в Нису. Городские стены, высокие и толстые, были укреплены прямоугольными башнями и имели бойницы в форме хвоста ласточки, а угловые башни – неприступные бастионы. Клодия, одетого в тунику и плащ, препроводили в айван, большой сводчатый зал, где он предстал перед царем.

– Мой друг, Клодий! – с едкой улыбкой на устах воскликнул царь. – Рад видеть тебя. Я же говорил, что мы еще встретимся.

– Приветствую тебя, царь Парфии Фраат III! – Клодий, склонив голову, старался быть дружелюбнее.

Окружение царя и два его злющих сына, удивленные такой фамильярностью, во все глаза смотрели на легата.

– Как тебе, посланник, понравилась дорога?

– Конь, которого ты предоставил, великолепен! Мы делаем двойные переходы в день, а конь не уставал! – восторженно сказал Клодий.

– Мы очень любим лошадей, – с удовлетворением заметил Фраат III. И пошутил: – Мы воюем, пируем и решаем важные политические вопросы, сидя в конях, а торгуем и отдыхаем на верблюдах.

Парфянский царь выглядел очень эффектно: светловолосый и светлоглазый, с волнистой бородой, пышными усами и длинными волосами, подвязанными белой лентой, одетый в короткий кафтан, подпоясанный узким ремнем, в узорчатых штанах анаксиридах и низких сапогах. Все детали одежды отделаны камнями и жемчугом. Встав с трона, он приблизился к гостю, чтобы подчеркнуть особое расположение к римскому посланнику, чем очень удивил приближенных.

– Император Лукулл передает тебе подарки.

К ногам царя поставили сундук с золотыми и серебряными изделиями.

– А это, – Клодий сощурился, – особый подарок императора.

Слуга легата вышел вперед и открыл небольшую шкатулку. На подушечке лежал золотой кубик-жребий. Фраат взглянул и удивленно произнес:

– Гадательный кубик?

– Да, государь, это жребий, которым играет богиня счастливого случая Фортуна.

На гранях кубика были нанесены арабские числа так, чтобы на противоположных гранях цифры в сумме составляли семь.

– Ну что ж, – произнес Фраат, – поиграем с судьбой. Ты первый меташь кубик.

Подошли к столу, Клодий взял кубик и бросил.

– Двойка и пятерка. Добро и зло! – воскликнул царь.

– Твоя очередь, государь.

Фраат взял кубик, закрыл глаза, что-то прошептал и метнул.

– Тройка и четверка. Иллюзии! – вскричал Клодий.

Раздосадованный Фраат сел на трон, задумавшись, что мог означать подарок Лукулла, но потом кивнул секретарю, и тот забрал шкатулку с кубиком.

Царь многозначительно произнес:

– Иллюзии, друг мой, позволяют воображаемый мир воспринимать как реальный, а в реальном мире не заблудиться в лабиринте самообмана.

Клодий ничего не понял, но, вдохновленный первой небольшой победой, начал заготовленную речь:

– Я хотел бы приступить к переговорам о...

Парфянин его перебил:

– Дорогой друг, мы любим только войну, охоту, пиры и

човган, к остальному равнодушны. Отдохни с дороги, а потом сыграем.

Игра човган – это поло, а длинная палка с изогнутым концом тоже называется човган. Игрой увлекаются только смелые и дерзкие.

Царь удалился, а Клодия отвели в покои. Опять римский посланник не смог овладеть ситуацией. Это злило, но, рассматривая в комнате настенную роспись, легат отвлекся от неприятных мыслей. Он обратил внимание, что все сюжетные композиции в оформлении связаны с лошадьми. Убранство комнат и роспись стен – гремучая смесь недоумения – составляли эллинское, семитское, римское и персидское влияние. Все смешалось в загадочном царстве, и в этом переплетении разнообразных традиций и культур трудно понималось где же парфянский стиль.

Легату принесли одежду для човгана, а у входа в дворец уже ждал великолепный невысокий конь золотистой масти с седлом.

– Дорогой посланник, – приветствовал Клодия Фраат, когда тот прибыл на место игры на большом травяном поле. – Ты будешь играть в моей команде.

Не слушая возражений, царь кивком головы открыл состязания. Первыми соревновались лучники на лошадях без седел. Два парфянских воина, искусные в верховой езде (их оружием был сложный составной дальнобойный лук), с пучками стрел в левой руке, начали одновременное движение,

стреляя из лука на скаку по деревянным столбам на краю поля. Стрелы одна за другой ложились в цель, а воины, развернувшись у раскрашенных столбов, возвратились на исходное положение. Схватив по пучку стрел из сумок, висящих на груженных «боеприпасами» верблюдах, они вновь устремились к цели. Скорострельность стрельбы удивила Клодия.

Довольный царь любовался действием. Сидя на грациозном коне желтой масти, с гривой и хвостом бурого цвета (такой масти Клодий никогда не видел), Фраат счастливо улыбался. Легат обратил внимание, что седел нет ни у кого, кроме него.

Следующими состязались два воина. Ловко вскочив на спины несущихся галопом скакунов, они, стоя во весь рост в неустойчивом положении, послали серию стрел в цель, не промахнувшись ни разу. Но больше всего Клодия поразил эффектный трюк третьей пары. Наездники, прямо на скаку развернувшись на спинах лошадей, сидя задом наперед, продолжали вести стрельбу по целям, а лошади их несли на исходное положение.

Фраат, высокомерно взглянув на Клодия, всучил ему ивовую палку:

– Посланник, видишь тот мяч, сплетенный из кожаных ремней? Порази човганом ворота соперника во время движения вскачь.

Команды вышли на поле, в каждой по шесть всадников, и выстроились напротив друг друга. Столбы, оцетинивши-

еся стрелами, уже заканчивали очищать, когда послышался зычный крик, и все пришло в движение: участники верхом на конях без седел начали перемещать мяч по полю с помощью ивовых клюшек. Вот кто-то поразил ворота соперника, и болельщики одобрительно закричали, теперь царь лично загнал мяч между столбами – публика неистовствовала. Высокопородные, невысокие и хорошо натренированные кони знали игру и сами несли наездника вслед за мячом. Конь Клодия тоже нес легата в нужное место, и тот вдруг повел мяч и даже ударил по нему човганом, но мимо ворот. Игра продолжилась, соперники, перекидывая човган из руки в руку, били по мячу на земле и в воздухе, мяч летел то в одни, то в другие ворота. Силы были равны, жаркая схватка за мяч продолжалась. Стук копыт, крики игроков, азарт болельщиков – все говорило о том, что эта игра – самое любимое развлечение знати.

– Мой друг, мы так отбираем коней-воинов! – кричал Фраат Клодию.

Напор и нахрап игроков нарастал. Клодий ясно понимал, что без меткости и сноровки, без мастерства управления конем и умения маневрировать делать ему на поле нечего. А царь демонстрировал смекалку и ловкость. Его изящный и юркий конь играючи обходил соперников, делая ложные рывки и движения, и нес Фраата прямо к мячу. Ездок приготовился нанести удар, но в этот момент конь черной масти с наездником Ородом, сыном царя, врзался в золотистого

коня Клодия. Легат свалился на землю, ход игры нарушился, все перемешалось, игроки стали жестикулировать и ругаться...

Клодий лежал на траве. Сквозь легкое головокружение он слышал неясный шум, перед глазами все плыло, возникли слабость, растерянность, бледность лица и шум в ушах. Его срочно отнесли в сад и усадили на скамью. Раб обмахивал римлянина опахалом, кто-то подавал чашу с водой, и легат постепенно приходил в себя. Где-то в стороне возобновилась игра, до слуха Клодия доносились крики, легату становилось лучше, он снова мог ясно мыслить, и первое, о чем подумал, так это то, что парфяне-наездники имеют превосходные навыки верховой езды и другие ценные качества для боя, а в Риме об этом не знают.

Клодий расслабился, даже начал улыбаться воспоминаниям об игре, когда перед его взором возникла собака, и не просто собака, а гирканский пес-убийца, о которых он был слышан. Клодий медленно обернулся: рабы, окружавшие его еще несколько мгновений назад, убежали, вокруг ни души. Вдруг римлянин обнаружил, что пес не один. Еще две собаки стояли поодаль и смотрели на легата.

Этих собак выращивали в подчиненной парфянам области Гиркания, расположенной вдоль юго-восточного берега Каспийского моря, и они являлись помесью пастушьих овчарок с малоазийскими львами, причем каждый такой пес мог справиться с вооруженным пехотинцем или всадником. Кло-

дий насторожился. Понимая, что бежать нельзя, нужно отбиваться, он разом собрался и, как это делают военные, просчитал варианты защиты. В голове крутились мысли: вычислить вожака, вырубить его прицельным ударом кулака в нос (самое чувствительное место собаки), прижать морду другого к земле, ударом ноги сбить третьего...

Псы безоглядно смотрели на чужака, готовые в любой момент ринуться в атаку. Человек отвел взгляд, замер и, держа животных в поле зрения, изготовился к схватке.

– Нэ, мамну! (Нет, запрещено!) – прозвучал окрик.

Псы поджали хвосты и, озираясь, медленно развернулись и пошли прочь. Из-за деревьев показалась прекрасная Родогуна. Клодий помнил дочь царя, бесстрашную и своевольную, с тонкими чертами лица и пшеничными волосами. Он узнал бы ее и с закрытыми глазами только по аромату благовоний, шлейфом волочившимся за ней. Еще минуту назад римлянин был на волоске от смерти, а сейчас не мог отвести взгляда от чарующей девушки и ее голубых глаз.

Родогуна прошла мимо Клодия, бросила на него томный взгляд и остановилась. В ярко-синей тунике и с большим количеством золотых украшений, узорным поясом и чудесным ожерельем, она выглядела уверенно и безупречно.

– Ты вел себя мужественно, – сказала она. – Все римляне такие?

– Если бы не ты, даже не знаю, что могло произойти. Спасибо, что спасла мне жизнь, – сказал Клодий.

– Эти псы безжалостны, но меня боятся. Надеюсь, ты чувствуешь себя хорошо?

– Да, царевна Родогуна, кажется, я в порядке.

Она посмотрела на него, но, как только он попытался поймать ее взгляд, отвела глаза.

– Ты красивый и сильный, – произнесла она.

Наконец взгляды их встретились, она улыбнулась, явно выражая симпатию к римлянину.

– Для первого раза ты неплохо играл на поле, – сказала она. – Можешь быстро освоить човган.

Родогуна без робости смотрела на мужчину, показывая с улыбкой белоснежные ровные зубы. Ей определенно была по душе его компания.

Клодий произнес:

– Когда ты со мной заговорила, я решил: царевна не только красива, но и умна. Умные девушки мягкие, как пух, и твердые, как сталь.

Его слова привели ее в веселое настроение, она засмеялась.

– Чем ты занимаешься кроме войны?

– Люблю гонки на колесницах и театральные представления.

– Ты женат?

– Еще нет.

Девушка поправила волосы и украшения. Ее красота окончательно заинтриговала Клодия, но его пыл был охла-

жден.

– Жаль, ты не царских кровей. Отец прислал сказать: будет парадный обед, ты приглашен, там мы снова увидимся.

Царевна еще раз взглянула на легата, снова прошла с рядом с ним и удалилась с таким изяществом и грациозностью, что у Клодия возникло ощущение божественного присутствия. Да, она богиня. Дерзкая, непостоянная, неповторимая, с восхитительными изгибами женского тела и манящим ароматом.

Парадный обед под знаком орла прошел церемонно. Герб парфян представлял из себя одноглавого орла с распущенными крыльями, держащего в клюве поверженную змею. Скучным и монотонным голосом говорили царедворцы, и Клодий с трудом дождался окончания. После обеда царь Фраат пригласил Клодия в диванную, усадив его напротив себя.

– Благодаря тебе, посланник, моя команда выиграла в човган. Было нарушение правил, и я пробил штрафной удар с места, где была допущена ошибка.

Клодий искренне сказал:

– Для этой игры нужны особая смелость и мастерство управления конем.

– Да, мой друг, а еще гибкость мышления, умение предвидеть ход игры и контроль собственных эмоций, – поддержал мысль легата царь.

Разговор плавно перешел к тому, что удивило Клодия в Парфии: каким образом уживаются в царстве самые разные культурные и религиозные традиции? Оказалось, все дело в том, что в державе отсутствует жесткий диктат со стороны власти. Даже в дворце местные обычаи переплелись с греческой культурой. Знати нравились греческие вещи, но всем было безразлично, в кого и как верят подданные, лишь бы оставались лояльными. Предшественники Фраата царствовали в Вавилоне, поэтому навезли много вещей из Месопотамии. На стенах дворца надписи на арамейском, поскольку парфяне пользовались арамейской письменностью, правда, пером водили слева направо. Их богатое культурное наследие записывали на арамейском, а царство управлялось указами на греческом. Этот язык знали все, вот бюрократия его и применяла.

Фраат кому-то кивнул, и на столике возникли вино, фрукты и сладости.

– Я слышал, что твоя торговля с Китаем процветает? – спросил Клодий.

– Конечно!

Парфянские купцы – посредники в торговых операциях между Западом и Китаем – открыли дорогу на Восток, прозванную Великим шелковым путем. Клодий зондировал перспективы. Поговорили о проблемах в торговле. Рим хотел бы торговать с Китаем напрямую, что оказалось невозможным для парфян. Царь прекрасно осведомлен, что Римская рес-

публика раздвигает свои пределы, а теперь ее взоры привлёк богатый Восток. Договориться не получится. Однажды, рассказал царь, парфяне послали своего посла Оробаза на переговоры к римлянам. Надменный Сулла держал себя с ним грубо и вызывающе. По возвращении Оробаз был казнён за то, что стерпел такое обращение.

Клодий прощупывал армянскую тему. Главной преградой для движения Рима на Восток по-прежнему была Великая Армения. Фраат посоветовал разбираться с армянами самим римлянам, а он будет ревностно оберегать монополию на торговлю с Китаем. По дорогам Парфии ни один китаец самостоятельно не пройдёт в Рим. Клодий, заявив, что Лукулле срочно требуется громкий успех, и для этого он решил идти на Армению, снова предложил союз. Затем передал футляр с пергаментами, так сказать, бонус: документы, подтверждающие претензии Парфии на три царства. Фраат внимательно прочитал документы.

Клодий стремился договориться:

– Государь, Рим предлагает тебе дружбу и земли. Вступив в войну с Великой Арменией в союзе с нами, ты получаешь Элимаиду, Эдессу и Кордуэну.

– И Рим прекращает настраивать царя Атропатены против меня? – брови на лице Фраата взметнулись вверх.

– Да!

– И Рим прекращает вести за моей спиной переговоры с Гирканией?

– Да!

– И Великая Армения будет разделена между победителями?

– Да!

– Очень заманчиво, друг мой, – произнес царь. – Но ты, посланник, не прислан сенатом и у тебя нет золотого перстня посла. Попробуй маскати, вкус изумительный!

– Сегодня я видел необычную вещь: твои лучники на скаку стреляли в преследующего их противника, – Клодий недвусмысленно намекал готовность Парфии к войне.

– Понимаешь, посланник, армяне сильны, и они настроены против римлян, а мы, откровенно говоря, не являемся главной силой на Востоке. Такой поход может мне дорого обойтись. В горах Армении моя конница действует неэффективно.

– Царь Армении не выдержит удара с двух сторон, вместе мы разобьем его за месяц! – блестя глазами, оживился Клодий.

– А если Тигран нанесет свой главный удар по Парфии?

– У него не хватит сил.

Фраат знал, как в Риме изображают парфян: лживые, воинственные и заносчивые варвары. Доверять Риму он не мог. Клодий, видя, что монарх колеблется, как фокусник достал из складок плаща еще один документ и протянул его Фраату.

– Ты получишь в случае победы еще три царства: Адиабену, Гордиену и Осроену.

Римлянин пристально смотрел на царя, а тот, встав с дивана и заложив руки за спину, заходил по залу. Подойдя к легату, взял со столика свой кубок с вином:

– Выпьем! Мы договорились.

Клодий поднялся. Под слабое звяканье золотых кубков они закрепили договоренность.

Союзнический договор, который Клодий увезет на подпись наместнику, а потом отправит на утверждение сенату, готовили царедворцы Фраата. Царь и посланник вышли погулять в саду, где вдоль дорожек на постаментах со скифским узором стояла греческая скульптура. Встречались египетские, вавилонские, ассирийские, хеттские, персидские, буддистские, греко-бактрийские монументы, статуи, обелиски и рельефы. «Неплохая коллекция», – подумал легат. Фраат в хорошем расположении духа водил гостя по саду и восторгался шедеврами. Он указал на камень с клинописью:

– На этом камне высечен список царей Вавилона, начиная с момента, когда царственность спустилась с неба. Величие царей тянется непрерывно вот уже две тысячи лет.

Перед двумя каменными стелами из Вавилона Клодий встал как вкопанный, настолько они его потрясли. Заметив, как пристально гость смотрит на изображения, Фраат подошел ближе и толково разъяснил. Вавилон, или Баб-али, – центр мира, врата божьи. На левой стеле бог Мардук, на правой бог Набу. Полторы тысячи лет Вавилон правил Востоком, и статуя Мардука всегда находилась в храме Эсагила –

жилище бога. Захватчики ее увозили, а она снова возвращалась в свой храм. Вавилонскую башню называли Этеменанки – домом краеугольного камня неба и земли. С вершины этого зиккурата (башни), соединявшего небеса и землю, цари Вавилона на колеснице Мардука путешествовали между небом и землей. Но... Священный Вавилон – проклятый Вавилон. Город стал вмещением всех пороков, какие только существовали на земле. Исчезла статуя Мардука, причем навсегда, город был разрушен и больше никогда не возродился.

Энциклопедические знания царя впечатлили Клодия, но легата заинтересовало кое-что более интересное.

– Государь, взгляни на стелу. На шее бога Мардука изображена цепь с диском, точно как золотой диск из твоего святилища.

Фраат положил руку на рукоять кинжала.

– Тебе показалось, – недовольно пробурчал он.

Клодий, обернувшись к царю, глянул пристально ему в глаза и жестко произнес:

– Я не боюсь врага, кажущегося сильным, но презираю, если вижу, что он слаб. Этот диск – ключ от Дворца власти, не так ли?

Фраат молчал.

– У тебя, – продолжал легат, – часть ключа, вторая у Митридата, которого мы скоро изловим. Советую с нами дружить, и тогда, объединив усилия двух стран и соединив две половинки ключа, ты войдешь во Дворец.

Маги (или волхвы), учат: глупость и мудрость – две стороны одной монеты. С одной стороны, царю Парфии выгодно гнать римлян в горы Армении, с другой – осторожность не причиняет головной боли. Словом, не клади пальцы в рот волку и действуй разумно.

Фраат на латыни сказал:

– Нужно быть полным глупцом, чтобы не следовать мудрому совету *Sapere aude* (дерзай быть мудрым – *лат.*)!

Клодий широко открыл глаза и удивленно посмотрел на царя. До сих пор беседа шла на греческом. Фраат улыбнулся и продолжил на латыни:

– Лукулл получит мою часть ключа, если завладеет митридатовой.

Упорный Клодий все-таки сломил оплот твердыни. Решив не останавливаться на достигнутом, он указал на другую стену:

– Это бог Набу, в руке он держит Таблицу судеб, так?

Брови Фраата полезли вверх. С раздражением он выдавил:

– А ты, посланник, не так прост, как кажешься.

Раздосадованный царь, сердито посмотрев на Клодия, вынужден был предоставить легату ценную информацию. Оба бога, Мардук и Набу, воплощали единство Вавилона. Они были повелителями драконов и вершителями судеб. Покровитель Вавилона Мардук умел воскрешать мертвых, а Набу – бог мудрости и знания – знал будущее. В Таблицу судеб Набу записывал судьбу каждого из людей, в его власти было

либо увеличить, либо сократить срок жизни человека.

Клодий насупился и сурово спросил:

– Фраат, где Таблица?

– Я бы хотел повелевать массагетами, – спокойно сказал царь.

– Мы договоримся! – уверенно отвечал легат. – И еще...

Мне известно, что обломок Таблицы у тебя.

– Что ж, скажу. Действительно, один обломок у меня есть, но пока не будут найдены еще два, Таблица не заговорит.

– Ты что-то говорил о неуязвимости Митридата, – в выражении лица Клодия сквозило: я и так все знаю.

– Мне нужны Сакастан и Арахозия, – мечтательно закатил глаза к небу Фраат.

– Мы поможем тебе вернуть эти территории!

– Посланник, обломок Таблицы обладает особой силой, берегущей жизнь владельца на войне.

Ошеломленный Клодий оцепенел. Фраат, подозвав секретаря, дал распоряжение включить в текст договора новые пункты и, мило улыбаясь, проговорил:

– Посланник, когда римский наместник подпишет договор, а сенат его ратифицирует, и он вступит в силу, только после этого мы продолжим разговор.

Клодий понял, что большего он от Фраата не добьется. Видя, как парфянский царь играет с ним, точно кошка с мышкой, легат проронил:

– Ты надеешься, что Рим и Армения в борьбе друг с дру-

гом ослабят себя, а ты будешь пожинать плоды? Не надейся!

Царь усмехнулся. Прежде всего он должен думать о своей державе, а два опасных соперника – Рим и Великая Армения, два лагеря постоянных разногласий – пусть перебьют друг друга. Победителем выйдет он, Фраат. Вслух же царь насмешливо проронил:

– Хочу, чтобы Евфрат считался границей Парфии и Рима.

Разгневанный Клодий, собираясь уйти в свои покои, поставил точку в разговоре:

– *Concordia victoriam gignit* (согласие порождает победу – *лат.*)!

Фраат, наклонившись, зловеще прошептал легату на ухо:

– Запомни, посланник, мы никому не прощаем обмана. Я возглавляю отважный народ, способный за себя постоять. – Обворожительно одарив гостя новой улыбкой, он громко объявил: – В знак дружбы преподношу тебе, посланник, подарок – скакуна, с которого ты упал.

Глава 34. Высокая мудрость

В одной из комнат царских покоев, прозванной залом мудрости, где колонны пурпурно-красного цвета обвиты золотистыми каменными змеями, царь Тигран II собрал мудрецов. В лучах заходящего солнца позолота и украшения стен сияли неземным блеском, а придворные мудрецы блистали незаурядным умом. В воздухе витала приятная прохлада, помогая постичь сакральное знание, и казалось, что мистическое откровение снизошло на присутствующих. В жестких креслах из дерева с резными ножками, полукругом напротив царя, сидели верховный жрец Спандуни, Метродор из Скепсиса, Амфикрат из Афин, армянские философы и историки Евсевий и Айказ, а также сын царя Артавазд. Тигран, взглянув на своих советников, подумал: «Я вступаю в самый тяжелый период своего царствования».

Говорил Спандуни, старейший из присутствующих:

– Тагавор! Мы готовы дать тебе совет даже, если он вызовет твое неудовольствие.

Слово тагавор древнего происхождения, происходит от слова венец (корона) и с армянского переводится как носящий корону или царь.

– Верховный жрец и вы – мои советники, – произнес повелитель, – я приму ваш совет, говорите, как есть. – Тигран помолчал, потом продолжил: – Мудрецы, скажите, что есть

истинная угроза, а что лишь иллюзия?

Мудрецы заспорили, Тигран слушал и думал: «Пусть спорят, лишь бы открыли мне истину и реальную картину происходящего».

Спандуни спросил:

– Угрозы тебе и твоему царству множатся. Скажи, что беспокоит тебя больше всего?

Царь ответил:

– Рим заключил союзнический договор с Парфянским царством. Что это, война?

В Риме любили ссылаться на права народов, на так называемые международные правила. Сам же Рим их придумывал и нарушал. Например, объявление войны в Риме являлось в высшей степени сложной процедурой, ее мог кому-то объявить лишь сенат, но, в нарушение «незыблемых» правил, теперь частную войну имел право развязать, если сочтет нужным, любой римский главнокомандующий.

Амфикрат поинтересовался:

– А был ли над этим договором совершен обряд со священным поросенком?

Артавазд уверенно сказал:

– Нам известно, что обряд произвел римский фециал из жреческой коллегии. Информация точная.

– Значит, договор с Парфией вступил в силу, – с сожалением в голосе произнес Евсейий.

Артавазд и его отец уже знали, что текст договора с Пар-

фией, как и положено, римляне высекли на медной доске и установили в римском храме под сохранность богов. В договоре ряд царств, зависимых от Тиграна, названы территориями, входящими в зону интересов Парфии.

– Угроза реальная, – проговорил Метродор.

Евсевий проронил:

– Древние говорили: «Нет интереса – нет угрозы».

Тигран считал, что отношения с Римом являют одновременно сотрудничество и противоборство. Он пытался соблюдать взаимные интересы, но что на уме у римских чиновников – не ясно.

– Война стучится в наш дом, – сделал вывод Евсевий и обвел присутствующих обеспокоенным взглядом.

– На всякое действие есть противодействие! – воскликнул Спандуни.

А Метродор сказал:

– Рим – это явная угроза. У него есть интерес в Армении, и у Парфии здесь тоже есть интерес.

Государь задумался. Он не сомневался, что способен обеспечить защиту своей территории от внешней угрозы, но ощущения безопасности из-за внутренних неурядиц не было, хотя и понимал: чувство безопасности дарит ложные представления. Еще беспокоило, что в окружении затаился предатель. Сущность предательства всегда одинакова – низость и корысть. Царь старался быть справедливым и подавал подданным пример верности служения народу. Иногда,

как и все люди, он ошибался, бывал неосторожен, нередко бдительность его притуплялась. Предательство же ранило правителя нестерпимо больно. Но, может, с этим смириться, ведь предательство – неотъемлемая часть дворцовой жизни? Следует повнимательнее присмотреться к своему окружению.

По поводу предательства мудрецы спорили долго. Метродор объявил:

– Предательство – угроза явная.

Помолчали. Наконец Тигран задал вопрос, больше всего его заботивший.

– Мои советники, скажите, дракон – это угроза или иллюзия?

Айказ, молодой и начитанный советник, рассказал, что вычитал в старых книгах по армянской истории кое-что о драконах. В библиотеке хранились также переводы этих книг на греческий, выполненных когда-то по приказу Александра Македонского, интересовавшегося драконами. Рассказывалось о борьбе с драконами и в книге Мара Абаса Катины. Тигран читал эти рукописи, но в них точной информации, где обитают драконы и как их победить, нет. Существуют еще храмовые книги. Они создавались почти два тысячелетия. Все записи, сохранившиеся на пергаментях, папирусах и табличках, велись не только на армянском. Чтобы сведения не потерялись, книги обязательно переводились на ассирийский, арамейский, персидский и греческий языки. Многие

книги с событиями из армянской истории направлялись в библиотеки иностранных государств. Известно, что дед Тиграна, царь Арташес I, также разыскивал рукописи по драконам.

Армянские легенды повествовали о драконах, терзавших страну в прошлом. Сохранилось сказание, что драконы избрали своим главным местом обитания священную для армян гору Арарат. Тигран не сомневался, что эти сказания правдиво отображают явления, давая им истолкование и показывая жизнь и воззрения народа на протяжении тысячелетий.

Когда дракон, гласила одна легенда, со своим семейством поселился на горе Арарат, с ним в бой отважно вступил бог огня и молний громовержец Ваагн. Он победил дракона и заковал на веки вечные в черной пещере. После этой победы Ваагна стали называть жнецом драконов. Тигран задался вопросом: почему же чудовище опять проснулось? Видимо, наблюдается некая цикличность в его пробуждении. Каждый раз, когда дракон угрожал стране, приходил герой и побеждал его, и какое-то время народ о чудовище ничего не слышал. Драконы крайне опасны, они извергают языки пламени и черный дым. Главный из них, что обитает на Арарате, огромного размера, у него ужасный голос и ядовитое дыхание. Он наводит страх и ужас на людей, являясь причиной многих бед народа. Он не остановится, пока не уничтожит все живое или пока новый герой не запрет его в черной пе-

щере.

Артавазд спросил:

– А можно ли уничтожить дракона?

– Видимо, нет, – посетовал Спандуни. – Изолировать его на века, как это делали предки, задача посильная.

Метродор с дрожью в голосе пробормотал:

– Теперь все гораздо хуже. Мир в опасности. Боги ополчились на человечество, пророчество о падении Вавилона сбывается.

Тигран вспомнил слова Айказа. Вавилон – это символ грядущего. Так же, как когда-то в прошлом был суд над древним Вавилоном, в будущем будет суд над всемирным Вавилоном. Не верилось, что вот так закончится жизнь на прекрасной Земле, прекратят существование цивилизации и все живое, будут уничтожены знания, рукописи, творения людей.

– В рукописях сказано, – сказал он, – что разрушение мира начнется с Армении, с того места, где когда-то жизнь зацвела. Есть ли мысли на этот счет?

Стемнело. Слуги зажгли масляные светильники. Зал погрузился в таинственный полумрак. Мудрецы задумались над словами владыки.

Евсей решил напомнить один случай, из уст в уста пересказываемый в народе уже сто лет, естественно, обрастая выдумками.

Супруга армянского царя Арташеса I (деда Тиграна) царица Сатеник, влюбилась в Аргавана из рода Мурацянов.

Аргаван на самом деле был царем драконов. Дурное поведение царицы Сатеник стало в дворце предметом насмешек, и личная жизнь Арташеса омрачилась. Однажды Аргаван пригласил царскую семью на обед в свой дворец на склоне горы Арарат. Во время пиршества вероломный Аргаван, превратившись в дракона, попытался убить своего царственно-го гостя, но сыновья царя Мажан и Артавазд смело вступили в бой и не позволили этому свершиться. Обед превратился в бойню.

Вернувшись в Арташат, необычайно гневный Арташес I посылает своего сына Мажана с отборными полками с приказанием сжечь дворец Аргавана и истребить род Мурацяннов. Не справился Мажан. Отец посылает Артавазда. Так случилось, что этому сыну боги вручили огненный меч, и он сумел разорить и храм, и дворец драконов. Аргаван был заперт в пещере горы Арарат, но его потомки мстят всем потомкам армянских царей.

Легенду царь Тигран, конечно, знал, как и ее поучение: владыка обязан следить, чтоб злые силы всегда были на привязи.

Амфикрат возразил:

– Мое мнение не совпадает с мнением уважаемых мудрецов. Драконы – это мидяне.

Мидяне – древний народ иранского происхождения – населяли Мидию, соседку Великой Армении. Слово «мидянин» по-армянски означало дракон. Есть версия, и ее под-

тверждает устное народное творчество, что легенда, иносказательно толкующая борьбу героев-богатырей против драконов, говорит о борьбе армянского царя и его сына против мидян. В сознании народа запечатлелся мифический образ героя как драконоборца, а сам миф рассказывал о борьбе Армении против мидян, почитающих драконов.

– Итак, что мы знаем? – Спандуни окинул взором мудрецов.

Подвели итоги. Известно, где обитает главный дракон-вишاپ. Это гора Арарат. Запоры, удерживающие его в черной пещере, сломаны, и, возможно, дракон уже вылетает наружу. Он может принимать любое обличье, но предпочитает образ человека. Простому смертному не дано победить дракона. Только меч Ваагна поможет герою запереть его навечно в пещере.

– Но мы не знаем, где искать меч, – высказал сожаление Артавазд.

– Знаем! – в тишине как удар молота по наковальне прозвучал голос Тиграна. – В Дворце власти, который находится на территории моей державы! Вопрос только в том – где? Мудрецы, дайте ответ на этот вопрос!

Все погрузились в раздумья. Тигран выжидательно смотрел на подданных. Он верил в коллективный разум и давно понял: успехи царства – это сумма достижений и идей людей.

Первым откликнулся армянский философ и историк Евсевий:

– Расскажу-ка я еще одну легенду. Вдруг она наведет на правильную мысль – где сей Дворец.

Царь снисходительно улыбнулся. Ну, конечно, устное народное творчество отражает жизнь, воззрения, идеалы и принципы народа, не забывающего ничего. Все запечатлелось в его памяти. Участники собрания приготовились слушать.

Царствовал в Армении Ара, которого за красоту прозвали Ара Прекрасный. Рассказы о красоте Ары взволновали воображение Семирамиды, царицы Вавилонии, колдуньи. Она всегда носила на шее волшебное ожерелье-талисман, дававшее ей колдовскую силу. Царица хитростью убивает мужа Нина и, завладев властью, отправляет к Аре послов с богатыми дарами и предложением посетить Ниневию. Ара проигнорировал предложение могущественной царицы. Встретив отказ, Семирамида послала новое посольство с предложением руки и престола. Ара отказался. Семирамида оскорбилась и двинула войска на Армению, приказав захватить Ару живым. Сражение произошло у озера Ван. Ара, не щадя своей жизни, бился плечом к плечу со своими воинами и пал в бою против захватчиков.

Безутешная Семирамида приказала отыскать тело Ары и потребовала, чтобы верховный жрец Армении Мерас оживил его. По легенде, для успокоения войска, ожидающего чуда, среди воинов был найден двойник Ары и представлен толпе. Чудесное оживление свершилось. Семирамида при-

казала в честь волшебства перестроить заново город Ван, что на берегу озера, сделав его таким же красивым, как Вавилон. Наместником в Армении она поставила двенадцатилетнего сына Ары.

Судьба самой Семирамиды сложилась печально. Ее сын Ниний захватил власть в Ниневии. Царица спаслась бегством, однако сын погнался преследовать ее. И куда отправилась Семирамида? В Армению, к озеру Ван. Она спешила, будто знала, что там ее спасение, но в последний момент на берегу озера у какой-то скалы ее убили. На этом месте и сейчас лежит большущий камень.

Евсевий закончил рассказ и оглядел присутствующих. Все, в том числе царь, терялись в догадках, однако переживания перипетий эпического сказания породили первые картины прозрения. Наконец отреагировал царь:

– Сильный рассказ... Мне известен один факт: персидский царь Ксеркс, покорив Армению, тоже побывал в городе Ван...

Мудрецов как прорвало. Они вспоминали факты, им в голову приходили интересные идеи. В библиотеке хранились клинописные таблички с разведывательными донесениями агентов. Мудрецы, собрав по крупицам истину, смекнули, что Ване бывали халдейские цари. Этот город одно время являлся столицей царства Урарту. Ассирийские цари тоже всегда стремились захватить город Ван. Так, Саргон II обрушился на Урарту и первым делом пытался вытеснить урар-

тов из города. В городе Ван также побывали цари Крѐз и Кир II...

Прозрение снизошло. Царь встал. Обведя взглядом присутствующих, он заявил:

– Пути всех завоевателей Востока сходятся в городе Ван, не так ли?

– Именно! – воскликнул Метродор. – Но где Дворец власти, непонятно.

– А что, если это пещера, скала или подземелье? – вырвалось у Айказа.

– Проникнуть в этот Дворец, должно быть, сложно, но должен же существовать вход! – предположил Амфикрат.

Тигран рассказал, что открыть дверь в пещеру можно только ключом, сказав при этом заклинание, а ключом является золотой диск-медальон. Айказ, как исследователь древностей, напомнил, что в Урарту был распространен символ крылатого диска бога Шивини с ликом Солнца. К урартам этот символ власти и божественного происхождения перекочевал от хеттов. Его также использовали ассирийцы.

Царь видел: его советники на правильном пути. Вот-вот произойдет чудо, и тайна раскроется. Он сказал:

– Я думаю, Дворец власти там, у озера, но не в самом городе, а где-то рядом. Все завоеватели, все цари Востока прибывали туда, и происходило единение богов и человека.

Полная тишина в зале. Мудрецы осмысливали сказанное царем. Внезапно прозвучал голос Артавазда:

– Я неуверен, но у меня есть теория, где может находиться вход в пещеру.

С удивлением взглянув на наследника престола, мудрецы приготовились слушать. А он поведал, что как-то его жена Анаит рассказывала сыну Арташесу сказку про пастушка...

Мудрецы со снисходительной жалостью заулыбались.

– Пойдите, – не уступал их трезвой рассудительности Артавазд, – это важно! Я попробую вспомнить.

В сказке говорилось, что пастушок лег отдохнуть рядом со скалой у озера. В полночь его разбудил шум, он открыл глаза и увидел: скала раскрылась, как ворота, и красивая девушка по имени Шушан, дочь царя, вышла из нее. Заточил ее в скалу дракон, а его мать-дракониха разрешала ей выходить из скалы только в полночь на один час. Пастушок сделал все, чтобы освободить красавицу Шушан. Он получил от волшебницы коня, меч и щит, а чтобы освободить пленницу, Арташес проник во дворец дракона и завладел миртовой веткой – ключом к скале. За ним началась погоня, он храбро сразился с драконом, победил его, а потом помчался к озеру, к скале, трижды ударил по ней веткой и трижды сказал заклинание. Дверь в пещеру открылась и вышла царевна. В общем, все закончилось хорошо, они ускакали, возможно, поженились...

Артавазд осекся, взглянув на Тиграна, потом окинул взглядом остальных. Все пристально на него смотрели.

– Так вот, – неуверенно продолжил Артавазд, – мой сын

Арташес вспомнил нашу с ним поездку к озеру Ван и даже вспомнил название скалы, где он видел дверь – вход в пещеру. Он решил, что это и есть та самая скала из сказки.

В полной тишине Артавазд увидел, как Евсевий подался всем телом вперед, Метродор встал, Амфикрат открыл рот, Спандуни протянул руку, Айказ быстро моргал, только царь невозмутимо сидел на своем месте и ждал главных слов. Наконец он спросил озадаченного Артавазда:

– И как называется эта скала?

Царевич нерешительно произнес:

– Воронова скала, пещера Зымзым.

Его слова будто вызвали бурю, камнепад, лавину – все разом, перебивая друг друга, заговорили и заспорили. Тигран, выждав немного, остановил препирания:

– Ну что, какие идеи?

– Государь, – начал Спандуни, – в Вороновой скале есть пещера Зымзым и древний жертвенник. Там почитались урартские боги. Рядом с жертвенником действительно высечено что-то похожее на дверь, которую в народе называют Дверь Михра или Мгера.

По легенде, армянский бог солнца, небесного света и справедливости Михр после долгого скитания по миру вместе со своим конем ушел в пещеру Зымзым ждать наступления справедливости.

– Я взволнован! – произнес Тигран. – Неужели, тайна открылась?

Айказ вскричал:

– Государь! Урартские тексты называют это место «Ворота бога», и урарты ожидали выхода из этой двери бога Халди!

– Несомненно, это вход в Дворец власти! – воскликнул Евсевий. – Я припоминаю, что когда я там был пятьдесят лет назад, то видел высеченные на скале надписи халдских царей, а также тексты на персидском и ассирийском.

Тигран с доброй улыбкой на лице посмотрел на Артавазда:

– Артавазд, твой сынишка помог раскрыть большую тайну, скрытую замыслом богов и наслоениями истории. Устами младенца глаголет истина! Теперь, думаю, получится изменить мир.

Уверенному в своих силах всегда сопутствует удача.

Глава 35. Настоящий богатырь

Сирийская царица Селена I после пленения Тиграном томилась в крепости Селевкии, что на берегу реки Тигр, но рук не покладала: разжигала мятеж в царстве тирана. Предстояла новая рискованная операция возмездия, разработанная лично царицей. Ее агент Сетос инкогнито прибыл в Тигранакерт с очередным поручением царицы-мстительницы. Вместе с ним был Резон, сириец, огромный детина с минимальными задатками ума, но верный телохранитель и помощник. Они остановились в гостинице «Еривар». В Тигранакерте гостиниц и постоялых дворов было много, так как столица царства Великая Армения – оживленный перекресток на пути торговцев и путешественников из разных стран.

После оплаты комнаты «диверсанты» оставили свои мешки с вещами и пошли в город. На одной из площадей был колодец, из которого жители набирали питьевую воду.

– Резон, видишь тот колодец? – спросил Сетос.

– Да, господин.

– Вот тебе сосуд. Твоя задача незаметно вылить его содержимое в этот колодец.

– Да, господин.

Резон, озираясь, пошел. Достав из кармана колбу с узким длинным горлом, вытащил пробку и вылил содержимое в колодец.

– Ты что делаешь? – раздался голос. – Что льешь в колодец?

Сириец обернулся. Какой-то старик грозил рукой. Удар огромного кулака, и старик, заткнувшись, упал, но эта сцена привлекла внимание людей, и все, кто был на площади, удивленно смотрели на огромного детину, а когда тот стал покидать площадь, закричали, показывая пальцами в его сторону. Стражники, услышав крики, поспешили на площадь. Среди них был Джалал, бравый вояка с большими черными усами, герой огненного представления на празднике Навасард.

Блюстители порядка мчались по улице, когда вдруг Джалал увидел знакомое лицо спешно шедшего навстречу человека. Усатый стражник небольшого роста остановился, внимательно присмотрелся. Сетос был в армянском одеянии, страшно бледный и очень торопился, разве что не бежал. Стражник вспомнил, где видел его. В лавке! Этот человек опрокинул на него лоток с благовонными маслами, а потом еще и мускус, и черный перец... Воспаленные глаза блюстителя жена долго промывала раствором календулы.

Сетос удалялся. Джалал, посмотрев на своих товарищей, бегущих на площадь, решил идти за обидчиком. Стражник увидел, как ненавистный ему человек вошел в «Еривар», и, недолго думая, вытащив из ножен короткий меч, последовал за ним. Подбежав к двери одноэтажной гостиницы без окон, он ворвался внутрь. Неяркий свет струился из отверстий в потолке, освещая помещение. Служащий, увидев стражни-

ка, поднял брови и невольно встал.

Джалал страшно захрипел:

– Где человек, который только что сюда вошел?

Служащий трясущейся рукой указал на коридор с рядом комнат: вместо дверей проемы занавешены коврами. Джалал методично обходил комнаты, заглядывая за полог каждой. В четвертом номере он увидел Сетоса. Тот, объятый страхом, трусливо прижавшись к противоположной стене, смотрел то на стражника, то на его сверкающий меч.

Джалал, оскалившись, ввалился в комнату и зарычал:

– Это ты искупал меня в масле и ожег мне глаза? Ты! И за это ответишь!

Лицо Сетоса судорожно подергивалось. Джалал приближался. На пороге возник Резон. Не мешкая, детина подскокил и, схватив стражника, ударил его головой о стену. Меч у Джалала вылетел из рук, сам он сполз на глиняный пол, но быстро поднялся и простодушно произнес:

– Как недружелюбно с твоей стороны, – и вмиг набросился на силача.

Схватив гиганта за шею, Джалал стал его душить. Резон содрал с себя низкорослого толстяка, как прилипший осенний лист, и небрежно швырнул его на деревянную кровать. От резкого удара койка разлетелась в щепки. Усатый стражник, пошатываясь, встал. Отгоняя внезапные искры в глазах, он тряхнул головой и ринулся в атаку, врезавшись с разбега в противника. Детина, не ожидавший такого проворства,

рухнул. Воин тут же разбил об его голову стул. Амбал рас- свирепел. Вскочив на ноги, он набросился на соперника...

Сетос, видя, что обстановка накаляется, по стеночке до- ковылял до двери и выскочил в коридор. Сломая голову он выбежал на улицу и торопливо направился к городским во- ротам.

Огромный Резон, злой и страшный в гневе, с непроница- емым свирепым лицом, демонстрируя свою сверхчеловече- скую силу, схватил толстого стражника, поднял высоко над собой и бросил назад через себя. Сильно ударившись, Джа- лал, снова поднялся, разбежался и врезался головой Резону в грудь. Масса сирийца была невероятной: качнувшись, он все же устоял и попытался кулачищем врезать стражнику по голове, но тот проворно увернулся.

Здоровенный Резон беспорядочно молотил кулаками, пы- таясь достать низкорослого Джалала. Стражник, искусно ма- неврируя, предвосхищая каждый удар противника, ловко уклонялся от смертельной канонады. Улучив момент, Джа- лал запрыгнул на разъяренного оппонента и попытался во- ткнуть ему пальцы в глаза, а когда прием не получился, укусил Резона за ухо. Сириец, завопив, обхватил Джалала огромными ручищами и прижал к себе с такой силой, будто стремился раздавить.

У Джалала все чувства и желания слились воедино. Реша- ющий момент! Вложив в свой порыв несгибаемую стойкость воина и обиду за попранное отечество, стражник сотворил

невозможное. Нечеловеческим усилием воли он врезал своей крепкой головой в лоб силача. Соперник, оторопев, ослабил хватку, выпустил жертву, попятился назад, с затуманенным взором повалился на спину и потерял сознание.

В разрушенной комнате, в лучах света, еле-еле пробивавшихся сквозь пыль, у тела поверженного громилы сидел Джалал и тяжело дышал, вытирая рукой кровь и пот на голове. Он кое-как поднялся и медленно, держась за стены, пошел звать на помощь.

Зал приемов дворца празднично украсили в честь победителя великана Голиафа. На голове статуи появились венки из листьев дуба, у их подножий установили вазы с цветами, развесили гирлянды из живых цветов и стеблей с листьями. Вошел Тигран в парадной одежде и тиаре. Министры и сыновья царя уже были здесь. Заняв резное кресло, царь обратился к приближенным:

– Мои подданные, вчера была предотвращена попытка чудовищного преступления – отравление питьевой воды в нашем городе. Меружан, доложи, как идет расследование!

Меружан вышел вперед:

– Государь, арестованный назвался Резоном из Сирии. Под пыткой он сознался, что некий человек по имени Азаил дал ему колбу и приказал вылить содержимое в колодец.

– Откуда они? – спросил царь.

– Они прибыли из города Селевкия.

– Что?! – негодовал царь. – Там в крепости содержится плененная мной Селена I, царица Сирии и мать Антиоха XIII.

Меружан доложил, что в гостинице «Еривар», в комнате, которую сняли сирийцы, найдены еще три колбы с отравой аконит. Преступники намеривались вылить ее в городские колодцы с питьевой водой. Один колодец на площади Крунк вчера был отравлен. Погиб старик, первым заметивший преступника. Он пытался его остановить.

– Происки Селены! Без сомнения! – гремел Тигран.

Он взволновался настолько, что голос владыки дрожал. Эта подлая, мерзкая и бессердечная женщина ради власти убила пятерых мужей – царей Сирии и Египта, настроила сына на восстание, постоянно подсылает убийц у царю Армении. И вот теперь попыталась отравить весь город!

– Меружан, с кем Селена контактировала в крепости?

– Государь, мы устанавливаем.

– Немедленно отправить сообщение начальнику гарнизона крепости: схватить пособников царицы! – потребовал Тигран. Потом, немного успокоившись, спросил: – А где герой, предотвративший беду?

– Он здесь, государь! – Меружан дал знак, и в зал ввели Джалала.

Низкорослый и полный служитель порядка, изрядно потрепанный, с кровоподтеками на лице, с перевязанной головой, но в новой форме стражника, прихрамывая, осторожно

приближался к царю. Остановившись на почтительном расстоянии, он поклонился и опасно посмотрел на Тиграна.

– Как тебя зовут? — невольно улыбнулся повелитель страны.

– Джалал, государь.

– Красивые у тебя усы, Джалал. И вид представительный, а синяки только украшают мужчину. Давно ты служишь?

– Да, государь, уже десять лет.

– У тебя есть семья?

– Да, жена и трое детей.

– Как же ты справился с сирийским громилой? По тебе не скажешь, что ты отчаянный боец.

Джалал поднял на царя кроткий взгляд:

– Государь, моя голова оказалась крепче. Я врезал ему в лоб, он потерял сознание.

– Молодец! – похвалил царь и, обратившись к присутствующим, сказал: – Вот он наш богатырь! Испокон веку земля армянская рождала смелых, упрямых, и выносливых воинов, сокрушающих любые преграды. Ты не просто победил, ты преодолел себя... Постой, я припоминаю, это же ты разделался с метателем огня на празднике Навасард?

Джалал быстро заморгал и простодушно ответил:

– Да, это был я.

– Настоящий герой! Горжусь тобой! Гнуни, дать ему столько драхм серебром, сколько весит он сам! С сего дня ты зачислен в мою личную охрану. Всему городу объявить:

нет ничего опаснее ярости Джалала!

Все засмеялись, а у стражника комок в горле застрял, он не знал, что и сказать, начал коситься на Меружана, а тот, улыбаясь, взял блюстителя порядка за руку и повел на выход.

– Скромность украшает истинного героя, – шепнул царедворец.

А Тигран, сменив улыбку на серьезное выражение лица, сказал:

– Гнуни, семье старика, который пытался остановить преступника и погиб, оказать помощь!

– Я понял, государь.

– Уважаемый лекарь Егия, – обратился царь к врачу, – как будем спасать людей, если снова кто-то отравит питьевую воду?

– Государь, люди должны знать простые вещи, – сказал лекарь. – Тут поможет прием рвотных и слабительных, а также абсорбирующие вещества: древесный уголь, глина, толченый торф. Они выводят яды из организма.

– Что ж, думаю, справимся, – сказал царь. – Меружан, объявить об этом на всех площадях города!

Царь напомнил министрам и царедворцам, что впереди стоят сложные задачи. Рим и Парфия заключили союзнический договор: следует готовиться к войне. Просыпаются темные силы, как говорят, драконы, давно не беспокоившие царство. Всем усилить бдительность и ответственность на вверенных участках работы.

Когда царедворцы ушли, царь вызвал к себе Артавазда и Васака.

– Васак, нужно чем-то заинтересовать царя Фраата, чтобы он отдал нам золотой талисман «Солнце».

– Да, государь! – Васак поклонился и поспешно вышел.

– Артавазд, снаряжаем экспедицию на озеро Ван и гору Арарат. Возглавишь ее ты. Сын, выезжай завтра же! Возьми лучших разведчиков, скалолазов, воинов и переводчиков. Твоя задача – исследовать и изучить объекты, которые тебе укажет Метродор. Сделать это – ответственность величайшая.

– Да, государь!

Митридат с заметно поредевшей конницей вернулся в Тигранакерт. Заляпанный грязью, злой и агрессивный, он явился в дворец, и Тигран тут же принял его. Войдя в зал, он, переживая случившиеся, воскликнул:

– Тигран, представляешь, меня ждали в горах! Римляне блокировали секретные горные проходы! Устроив засаду, они обрушили на меня всю мощь своего оружия. Стреляли из луков со склонов гор, пока не перебили четверть войска. Предательство!

– Как такое могло случиться? – негодовал Тигран. – Карта для тебя была изготовлена в одном экземпляре, и об этом знал ограниченный круг людей.

– Тигран, послушай, никому не доверяй, всюду предатели.

Казни любого при малейшем подозрении.

– Ты очень вспыльчив, так нельзя, нужно разобраться...

– Я, Тигран, уже полвека царь, и знаю, о чем говорю.

Правитель Армении прекрасно изучил понтийца, всегда сторавшего от необузданного желания повелевать и властвовать. Он подчинил себе соседние варварские народы, в том числе скифов. Несмотря на возраст, мог править колесницей, запряженной шестнадцатью лошадьми, был свиреп к тем, кто выступал против него, но в данной ситуации, видимо, прав: нужно найти предателя и казнить.

В состоянии аффекта Митридат метался по залу. Тигран холодно сказал:

– Ты погрузился в пучину войн, жестокого насилия и хаоса, всю жизнь посветил войнам с Римом, но целей не добился.

Понтиец затормозил. Взглянув на коллегу, укоризненно сказал:

– А ты, Тигран, строишь царство восточной неги. Очнись! Подражая эллинам, не принимаешь их представления об упорядоченной свободе, окружив себя музыкантами и философами, не хочешь видеть очевидного: относительное спокойствие и защиту можно приобрести лишь дорогой ценой, а именно потерей независимости и выкачкой средств в пользу Рима! Тигран, стань больше, чем ты есть!

Армянский царь уверенно заявил:

– Моя цель – соединить мощь стихий и созидательные си-

лы народа для расцвета Армении. Мне жаль тебя, растачавшего жизнь на бесконечную борьбу с Римом, который побеждает раз за разом. Вспомни, как небольшой отряд Цезаря обратил в бегство целую твою армию.

Пыл Митридата вдруг угас, он спокойно рассудил:

– Этот патриций Гай Юлий Цезарь пойдет далеко. Я предсказываю: Рим станет его полем битвы.

– Ты, как всегда, неподражаем, Митридат. Выпьем! – Тигран успокоился, разлил вино по кубкам.

Они выпили, сели на диваны, Митридат предался воспоминаниям. Он говорил, а Тигран деликатно, чтобы не раздражать взъерошенного понтийца, молчал: пусть выговорится.

Римляне знали, как обходится с ними Митридат. К примеру, он взял в плен Манья Аквилия, бывшего консула, которому была присуждена овация (ритуал чествования полководца-победителя) в Риме. Он долго возил его на осле, показывая народу, а потом казнил, влив ему в горло расплавленное золото. Ведь больше всего ценят в Риме именно этот металл. Народ Митридата любил, тот всегда оправдывал его доверие, раздавая привилегии городам, освобождая рабов, прощая простым людям долги. Он захватил половину Малой Азии и объявил ее свободной от римского владычества, даже Грецию освободил на небольшое время.

Тигран произнес:

– Брат, было время, когда ты нанес серьезное поражение

Риму.

Митридат отозвался:

– Спасибо за добрые слова... Это была минута слабости... Теперь я снова деятельный и энергичный, как прежде. Тигран, ты мой кумир! А знаешь, что успокаивает меня больше всего? Блеск золота! Я даже приказал изготовить из чистого золота статую погибшего в бою моего любимого коня. В полный рост.

Тигран пошутил:

– Ну, конечно, когда творишь, нет ничего лучшего для вдохновения, чем конь из чистого золота.

– Я зарыл статую рядом с корабельной стоянкой в проливе Боспор Киммерийский. Старый большой якорь отмечает тайное место. Если меня убьют, сокровище твое. Кстати, найдешь там и казну Пантикапея.

Тигран насмешливо посмотрел на царя Понта:

– Ты полон тайн, как мир вокруг. Все происходит не напрасно...

Митридат задумчиво выговорил:

– Когда истощаешь силы и кажется, что больше не можешь бороться, но нет, посмотришь на блеск золота, и вновь растут крылья.

– Почему ты сказал: «если меня убьют»? – спросил Тигран. – Ты же под защитой Таблицы судеб.

– Вот, возьми, она мне больше не нужна, я разуверился в жизни.

Митридат положил обломок на стол и разразился гневной тирадой, в которой было все: красноречие, убедительность, возмущение. Он больше не нуждался в «ключе от врат подземного мира, открывающего дорогу в бессмертие». Его войско полностью разбито, его царство оккупировано, римские войска на его земле ведут себя диким и грабительским образом, подданных уводят в рабство. Жить не хочется, лучше умереть, чем все это видеть.

Тигран проникся сочувствием:

– Успокойся, ты должен освободить свои земли. Я дам тебе войско – восемь тысяч армянских воинов: пехоту, всадников и серпоносные колесницы. Веди их в бой!

У Митридата выступили слезы благодарности, он что-то еще хотел сказать, но не смог. Они встали, Тигран положил руку ему на плечо.

– Брат, десять лет я провел у парфян как заложник, – сказал он, – и это было моей трагедией, но сердце подсказывало: придет время, и возродится моя родина.

Мечты Тиграна свершились. Вопреки всему Великая Армения стала сильным государством, вторым по мощи после Рима, способная оставить заметный след в истории. Бывало, и Митридат своими храбрыми и неординарными поступками вдохновлял Тиграна на подвиги, так что он ему обязан.

– Брат, слушай сердце и делай что должен, – подсказал армянский владыка.

Растроганный Митридат протянул Тиграну свой кинжал

с ручкой из рога африканского носорога:

– Мой друг, в знак благодарности за твою веру в меня хочу сделать тебе подарок. Это кинжал Ростамы. С ним он победил дракона.

Бронзовый сверкающий кинжал, которому не менее семи тысяч лет, был сделан выдающимся мастером и имел обоюдоострый клинок с изображением дракона. По легенде кинжал имел сверхъестественную силу и принадлежал Ростаму, персидскому царю и славному богатырю. Тигран бережно принял подарок, вытащил клинок из ножен и, рассмотрев, вложил обратно.

– Спасибо, друг!

Дверь отворилась, спешно вошел Меружан:

– Государь, мы только что обнаружили тело заколотого в своем доме картографа Вардана!

Цари переглянулись.

Глава 36. Мятеж

Прошла неделя, и новое войско, собранное под знамена Митридата, покинуло Тигранакерт, двинувшись в горы по секретному маршруту, чтобы преподнести сюрприз легионам Лукулла и освободить Понтийское царство. Экспедиция Артавазда исследовала окрестности озера Ван и слала разведывательные донесения армянскому царю. Сам Тигран готовил поход в Сирию, склоняясь к мысли нанести внезапный удар по войскам непокорного Антиоха XIII и набатеям.

В вечерней тишине отходящего ко сну дворца по замысловатому коридору шел царь с главой службы безопасности в сопровождении восьми телохранителей. В полутемном коридоре путь им освещали масляные светильники и шипящие факелы. Они шли в зал военного совета, чтобы заслушать одного из приближенных – заведующего скотобойнями Унана о снабжении войск на марше в Сирию. Внезапно Тигран, остановившись на пороге зала, увидел странную картину. Бронзовая Чаша мира валялась на полу в луже воды, Унана не было, схема с маршрутом от Тигранакерта до Дамаска, вывешенная в зале для предстоящего доклада, изодрана в клочья кинжалом.

– Что случилось? – царь адресовал вопрос Меружану.

– Не знаю, государь, – ответил тот, вытаскивая меч из ножен. Обратившись к одному из воинов, приказал: – Поднять

караул по тревоге!

Тигран зашагал дальше и, выйдя из зала через другие двери, увидел труп стражника, лежащего ничком на полу с кинжалом в спине. Заколотый воин даже не успел вытащить меч из ножен, что говорило о вероломном убийстве. Телохранители с мечами наготове окружили царя, и в таком каре Тигран продолжил путь по длинному коридору. В помпезном тронном зале, подойдя к трону, он взгляделся в темноту огромного слабоосвещенного пространства и крикнул:

– Кто здесь?

В тишине раздался голос Тиграна Младшего, вышедшего на свет с мечом в руке:

– А кого ты ожидал увидеть?

За его спиной появились новые фигуры. В свете бронзовых канделябров, в отблесках трепетного пламени, царь узнал Нубара, светловолосого начальника стражи дворца, а также богатого рабовладельца Кохара, ростовщика Мелкума и еще человек пятнадцать – друзей Тиграна Младшего и своенравных аристократов. Вооруженный мятеж!

Тигран, окруженный преданными воинами, гневно смотрел на младшего сына, а тот менторским тоном заявил:

– Большая ошибка, отец, думать, что боги назначили тебя управлять миром. Твоя Чаша мира станет теперь свидетелем новой истории.

– История, – мрачно произнес Тигран, – сама по себе не наказывает – жизнь накажет за незнание истории. Что каса-

ется чаши, то вода, пролитая на землю, возвращает всходы гнева.

Юноша зловеще усмехнулся:

– Тобой уже овладел страх перед переменой судьбы?

Тигран бросил взгляд на Меружана, стоящего с мечом подле него, готового немедля ринуться в бой.

– Ты ждешь подмогу? Зря! – крикнул царевич. – Дворец захвачен, караул заперт, дворцовая стража перебита, а тебе остается одно – сдаться на милость победителя. Обещаю, я сохраню тебе жизнь и поступлю так же, как ты с моей матерью: тебя отправят в крепость в горах доживать свои дни. Любимую чашу можешь забрать с собой.

Царь с презрением смотрел на сына, потом перевел взгляд на оружие в его руке:

– Это меч из дамасской стали, не так ли?

– Да, это твой подарок. Он проложит мне дорогу на вершину власти, которую тебе пора передать достойному. Ты стар, зенит твоего могущества позади, против царя настроена вся армянская знать.

– Причину ненависти в твоей душе я вижу в поведении матери, – мрачно заметил царь. – Ты решился на захват власти, чтобы угодить ей?

С обидой в голосе Тигран Младший возопил:

– Она, в отличие от тебя, любит меня, ты же всегда унижал, держал на вторых ролях, а в последнее время просто не замечал, будто я пустое место! Ненавижу тебя!

Царь держался достойно и сдержанно:

– Ясно, на этой почве нарушился твой душевный покой, сын. Ничто не может успокоить оскорбленное самолюбие, переросшее в бунт против отца.

Сын вскричал:

– Мое самолюбие говорит, что я смел и азартен, и достоин носить царскую тиару!

Тигран съязвил:

– С одной стороны, ты смел и азартен, но с другой – завистлив и тщеславен. Честолюбивый и чуткий сын своей матери, но трусливый и вспыльчивый по отношению к отцу. Ну, прости, если я чем тебя обидел!

Тигран Младший состроил гримасу отвращения:

– Вспыльчивость – черта наследственная. Твои ядовитые насмешки и колкости мне надоели. Говори, принимаешь ультиматум?

Царь рассудил:

– Живя как трус, отважным не станешь. Для настоящего мужчины ты труслив, для сильного царя слаб духом.

Голос Тиграна Младшего разнесся эхом по залу:

– Никто не может обвинять меня в трусости!!

Где-то за колонной стоял вероломный Васак, через узорчатые прорезные решетки в стене за действием в зале наблюдала хитроумная Береника, за статуей льва притаился злобный Багдасар, а вся дворцовая челядь – слуги, гарем, рабы, – спасая жизни, забаррикадировалась в своих покоях и комна-

тах.

Тигран говорил спокойно, но твердо:

– Наши обычаи требуют чтить отца.

Не отвечая, сын глядел на него холодно и надменно.

Царь продолжал:

– Твоя горячность, сын, недопустима, своими действиями ты нанесешь непоправимый ущерб интересам родины.

Царевич разразился пылкой тирадой:

– Мои союзники – доблестные парфяне, мой идеал – римский легионер. На осколках твоей пресловутой духовности я построю новую великую державу, с которой будут считаться в Риме. Но мое царство обойдется без претензий на мировое господство. Я изгоню нахлебников – царей зависимых государств, остужу головы воинственных царедворцев, буду справедливым царем...

– Сплошное самолюбование и отсутствие государственного мышления, – бросил царь. – Ты даже не способен подняться над своим эго и, я подозреваю, всего лишь кукла в чьих-то руках.

Молодой царевич побледнел. Ему ставилась в вину бездарность. Этого он уже стерпеть не мог.

– Так умри ж!

С этими словами он бросился на отца, но его меч остановил меч Меружана. Заговорщики ринулись в бой – расправиться с малочисленными защитниками царя. Завязалась схватка. Нападавшие под лязг клинков, подзадоривая себя

боевыми кличами, стеной пошли на телохранителей государя. С Меружаном, опытным воином, вооруженным мечом из дамасской стали, фехтовали сразу двое – Тигран Младший и Нубар. Оба двигались резво, напористо, но Меружан, прекрасный и сильный боец, хорошо владевший техническими приемами, умело отбивал атаки мятежников, уповавших не столько на технику, сколько на грубую силу.

Каждый телохранитель царя сражался с одним или двумя заговорщиками, показывая отличную выучку и сноровку. Аристократ-землевладелец, замешкавшись, получил удар меча в живот и упал замертво. Без оружия остался друг царевича Арак, тут же убежав в глубь зала. На заговорщиков обрушились мощные удары отважных воинов царя, набравших боевой опыт в многочисленных походах, и трое нападавших, получив серьезные ранения, сразу же выбыли из борьбы. Но вот пал первый воин из свиты царя, вот ростовщик Мелкум нанес вероломный удар в спину другому телохранителю, вот пролилась кровь третьего защитника.

Бой разгорался, однако шансы на победу заговорщиков таили. Рабовладелиц Кохар, смекнув, что все пошло не по плану, потерял самообладание, струсил, бросил меч и побежал с места боя. Ростовщик Мелкум, хитрый, но неуклюжий, при попытке коварно всадить клинок в спину еще одному телохранителю вдруг увидел, как тот, развернувшись, наносит ему смертельный укол мечом в толстую шею.

Тигран, вооруженный только кинжалом – подарком Мит-

ридата, – стоял неподвижно, наблюдая братоубийственную схватку и думал, вступать ли в бой или уйти? Ему судьба предназначила иное – спасти мир. Он развернулся и быстрым шагом направился в зал военного совета.

Двое заговорщиков сумели-таки прижать Меружана к стене и ранить, что позволило Тиграну Младшему проскочить в коридор и погнаться за царем. Разгоряченный юноша бежал по длинному коридору, а в его мозгу пульсировала одна мысль: «Убить царя, стать царем!»

В зале военного совета государь подошел к висящему на стене знамени, овеванному легендами символом завоеваний, побед и чести. С ним он вел на битвы верных своему долгу воинов. Трепетно взглянув на стяг, он откинул полотнище, повернул одну из розеток на каменном узоре стены и вдавил ее. Раздался щелчок, потайная дверь приоткрылась. Тигран спешно вошел в изолированное помещение и закрыл за собой дверь.

Тигран Младший, преследуя отца, приближался к залу военного совета. Его шаги гулко раздавались в коридорах дворца. Войдя в зал, он огляделся: царя не было.

– Я знаю, ты где-то здесь! Мать мне рассказывала о потайной комнате в этом зале, где стены имеют уши и глаза. Ты сам ей показывал, когда меня еще на свете не было. Тебе не скрыться!

Юноша с мечом в руке лихорадочно обходил зал, нажимая то на барельефы, то на узоры. Сорвав со стены знамя, с

шумом упавшее на пол, он стал нетерпеливо нажимать все розетки каменного узора. Так и не найдя нужного механизма, взбешенный, с затуманенным взором, воспаленным сознанием и сумасшедшими глазами он вышел на центр зала и отчаянно закричал:

– Я знаю, ты меня слышишь! Только я достоин быть царем, а не тугодум Артавазд, только я способен вести за собой нацию! Я постиг все знания мира. Хоть ты и говорил, что человек не способен разгадать божественный замысел, я обрел гармонию бытия и подключился к Вселенной...

Царь Тигран стоял в тайной комнате и слушал сына. Во дворце в стенах были проложены слуховые колодцы: приложишь ухо и слушаешь, что говорят в дальнем помещении, а незаметные отверстия давали возможность еще и подглядывать. Тиграну было больно и стыдно, что он, загруженный государственными делами, не уделял сыну внимание и тот превратился в выродка, амбиции которого способны низвергнуть все, что так дорого сердцу отца и досталось ценой огромных усилий. «Он предал не только меня, он предал дело всей моей жизни», – думал царь, и в глазах его читалось разочарование.

Сын, осознав, что проиграл, опустошенный и безразличный, устало поплелся в тронный зал, где уже пролилось немало крови.

Бой в тронном зале продолжался. Меружан виртуозно провел излюбленный прием: подбросил меч и, схватив его

левой рукой, нанес решающий укол в правый бок противника. Нубар, начальник стражи дворца, забывший о долге и верности и предавший царя, пропустил хитрый финт и получил смертельную рану. Истекая кровью, он свалился на каменный пол у трона. Жалости у Меружана не было, хотя Нубар был его протеже, лично им выбран начальником службы из многих достойных претендентов на высокую должность.

Кохар, богач, имевший больше всех рабов в царстве, побежал к Васаку:

– Ты говорил, что проблем не будет, Тигран испугается и все пройдет гладко... Все пошло не так! Что будем делать?

– Не паникуй, Кохар, все прекрасно, еще одно усилие, и мы победим.

– Ты не понимаешь, все пропа... – договорить он не успел.

Васак всадил ему в сердце кинжал и, поддерживая за одежду, опустил на пол. Подав Багдасару знак убивать других заговорщиков, способных выдать зачинщиков, понимая, что переворот не удался, он изобразил волнение и побежал к дерущимся, вступив в схватку на стороне Меружана.

Сквозь толпу бьющихся насмерть людей, никого не замечая, с обреченным видом шел, волоча меч по полу, Тигран Младший. Преданная Береника уже ждала его. В ее голубых глазах блестели слезы и читалась боль. Однако здравый рассудок девушки взял верх над эмоциями. Она накинула на возлюбленного плащ, бережно обхватила рукой и увела прочь из дворца, в котором царевич покрыл себя позором.

Солдаты караула, взломав тяжелые двери, освободились из плена и, рассредоточившись по дворцу, добивали остатки мятежников. Из ворот города, предусмотрительно захваченных заговорщиками, выехал небольшой отряд всадников, среди которых были Тигран Младший и Береника. Их путь лежал на юго-восток, в Парфию.

Младший сын армянского царя, изведав поражение, истощенный морально и физически, чувствовал себя униженным и растоптанным. Находясь в отчаянии – не удалось низложить отца, рискнул и проиграл, – он вдруг осознал, что мир вокруг сложен и противоречив, что в дальнейшем его ждет жестокая действительность и предстоит долгая борьба. Доведенный судьбе и двигаясь навстречу переменам, он еще не знал, что судьба предназначила ему незавидную роль: проигравший всегда живет в собственном страхе.

Глава 37. Неспокойные времена

– Драконы подменяют детей. Должно быть, он подмениш, – говорил удрученный верховный жрец Спандуни.

Все тяжело вздохнули и снова задумались над причинами мятежа. Дискуссия велась вяло, и это напрягало царя. Он надеялся на умственный потенциал мудрецов, чтобы вскрыть корни вооруженного мятежа, а они уклонялись от щекотливого обсуждения.

Мудрец Евсевий уныло сказал:

– Говорят, драконы имеют обыкновение красть дитя и подменять его злым духом с отвратительным характером.

Астролог Вараздат печально отозвался:

– Злобность Тиграна Младшего стала притчей во языцех.

Васак возмутился:

– Государь, мне известно, что у него были тайные контакты с твоими врагами!

Тигран раздраженно смотрел на советников и наконец, не выдержав тяготину, приказал:

– Говорите как есть!

В зале мудрости Тигран II собрал умнейших людей царства. В креслах сидели мудрецы и важнейшие министры государства, а еще Меружан с перевязанной рукой и шрамами на лице.

– Почему? – вопрошал царь.

Спандуни, недоумевая, попенял:

– Ты, Тигран, неуязвим, боги покровительствуют тебе, но как ты допустил, чтобы твой сын нарушил все законы государства?

Царь задумался. Заговорщики уничтожены, и это, несомненно, свидетельство величия и могущества царя, но почему так просто сумели они подобраться к нему? Советники явно сбиты с толку. Отмечая приметы ростков самосознания в народе, они намекают, что владыка позволил гулять проримским настроения среди подданных. Тот кто манипулировал Тиграном Младшим и есть организатор заговора. Конечно, предателя рано или поздно постигнет кара, но разоблачить его нужно как можно быстрее.

Размышляя о причинах, приведших к заговору, советники задались вопросом: почему возник раскол среди знати? Они пришли к выводу, что вина лежит на царе. Он шел на непопулярные меры и жестко контролировал аристократов, чем вызвал их недовольство. Тигран внутренне возмутился наглостью советников, но промолчал – искал оправдание промахам. Он построил символы своего величия: большие города, великолепные дворцы, каналы для орошения полей, добротные дороги, однако огромная держава, простирающаяся от Каспийского до Средиземного моря, составленная из разноликой смеси племен, за одну ночь не станет сплоченной нацией. Нужно время.

Васак, почувствовав настроение царя, косясь на Меружа-

на, подталкивал его к мысли кто виноват:

– Государь, кто-то должен понести ответственность за содеянное, не так ли?

Меружан потерянным голосом произнес:

– Это моя вина. Я своевременно не выявил заговорщиков, проглядел мятеж...

Царь уже успокоился. Осознав, что советники во многом правы, он примирительно сказал:

– Служба безопасности, Меружан, могла бы работать эффективнее. Конечно, нужно уметь отвечать за содеянное, но действовал ты геройски и спас мне жизнь.

Владыка подумал, что в случившемся не только вина Меружана. Царедворцы, похоже, до сих пор не поняли, что Рим провоцирует такие мятежи специально. Рим стремится к тотальному управлению миром и видит себя главным конкурентом на мировой арене. Выслушав мудрецов и министров, Тигран поразмыслил, а было ли его правление безупречным и деятельным? Как умный человек он принял заслуженные упреки, ведь если не сделать правильных выводов, все может повториться вновь. Наверное, причины мятежа лежат гораздо глубже, чем все думают, но Тигран чувствовал, что желание Рима господствовать в мире включает разрушение его царства, а его младший сын был втянут в борьбу за власть помимо своей воли.

Молодой Айказ обратил внимание на одно обстоятельство:

– Государь, мятеж не был поддержан простым народом.

– Да, это важно! – восторженно воскликнул Вараздат. – Чтобы противостоять мятежникам и внешней агрессии, правитель должен получить поддержку народа.

Спандуни произнес:

– Великий канон, окажи своему народу услугу: освободи его от злых сил, мучающих его! Народ не забудет добра.

Слово канон с армянского переводится как властитель.

Евсевий воскликнул:

– Ты должен восстановить со знатью доброе согласие, и она поддержит тебя! Единство элиты и простых людей – ключ к устойчивости царства.

Амфикрат сказал:

– Ты, государь, великий воин и государственный деятель, у тебя много добродетелей. Уладь внутренние распри, способные разрушить царство изнутри.

Метродор сформулировал итоги полемики: царь гуманно обращается со своими подданными; его религия, особенно в части касающейся личности человека, гуманна; Великая Армения вошла в новый период своей истории; владыка мудрый и справедливый правитель, но должен знать, что удача не всегда будет на его стороне.

Выводы советников устроили Тиграна. Наблюдая парадокс – его младший сын, оказавшись предателем, вместо того чтобы умножать славу отечества рядом с сильным отцом, посмел поднять на него руку, – царь вдруг осознал, что во-

все не взошел на высший уровень разумного функционирования личности, не увидел отдаленных последствий своих решений. Мысль расстроила и заставила задуматься: что-то нужно менять.

Выступал Меружан:

– ...государь, твоя политическая цель должна остаться прежней...

Царь перебил:

– Дорогой Меружан, наша цель – сделать Великую Армению сильным государством Азии. Окружающие нас народы, притесняемые Римом и Парфией, верят в нас.

Совещание с мудрецами завершилось, но навязчивые мысли о мятеже и механизмах власти Тиграну отогнать не получалось. Он строил мир во имя процветания своего народа, понимая, что война с Римом для Великой Армении губительна, а внутренняя нестабильность может стать решающей причиной поражения в этой войне. Веря, что в остром соперничестве со многими державами страна выстоит, царь как никогда раньше утвердился в мысли; Армения будет существовать вечно. В мире мало таких государств-долгожителей, и он сделает все, чтобы достичь цели.

В дворце было устроено святилище Арамазда, чтобы царь и приближенные могли в любое время, не выходя из главного здания, посоветоваться с богом. Лучи солнца проникали в святилище сверху через световой колодец и падали на

статую бога, держащего в правой руке колокольчик. Перед статуей в каменной чаше на алтаре тускло горел огонь. Помолиться после совещания у царя пришел Гнуни, а вслед за ним забежал Васак.

– Дорогой Гнуни, воздавая молитвы Арамазду, ты, наверное, просишь наделить тебя мудростью? – поинтересовался Васак, подняв руки к небу, изображая молитву.

– Да, Васак, я прошу бога дать мне мужество и храбрость разоблачить предателя в окружении царя, – ответил Гнуни.

– Имена предателей известны, – живо отозвался Васак. – Это начальник стражи Нубар и картограф Вардан.

Гнуни двусмысленно намекнул:

– Наш милосердный и миролюбивый бог все видит и слышит. Мне он шепчет, что главный злодей еще не схвачен.

Васак посмеялся:

– Если предатель остается на свободе, бог, несомненно, возвестит об этом...

Вдруг огонь, еле-еле тлевший в чаше, вспыхнул с такой силой, что посыпались искры во все стороны. Министры вздрогнули, уставившись огромными глазами на каменное изваяние бога.

Гнуни растерянно произнес:

– Вот видишь, Васак, я был прав... Бог все видит и слышит.

Васак неуверенно высказался:

– Конечно, злодей должен быть изобличен, но сейчас важ-

нее сосредоточиться на вопросах войны и мира.

– Имей в виду, Васак, наш верховный бог очень остро реагирует на ложь. Если ты лжешь, тебя испепелит огонь, но если ты угоден богу, будет звонить колокольчик.

– Я, конечно, слышал, что звон колокольчика защищает от происков злых духов, но не верю в это, – усмехнулся Васак.

– Зря, Васак!.. Постой, ты мне должен тысячу драхм!

– Не должен я тебе столько денег! – вскричал министр. – Ложь это!

Вдруг огонь вспыхнул с новой силой, да так, что оба министра отскочили от алтаря.

Васак неуверенно промямлил:

– Может, давно я занимал у тебя в долг эту сумму, а сейчас подзабыл?

Зазвонил колокольчик, а Гнуни предположил:

– Я тоже подзабыл, но бог ничего не забывает. Вот скажи: что ты делал во дворце ночью, когда заговорщики подняли мятеж?

Васак важно выпятил челюсть:

– Я шел к царю с донесением и оказался втянутым в бойню.

– Министра Уната во дворец не пустили, а ты вошел беспрепятственно...

– Я сражался за правое дело, поэтому сумел преодолеть всё!

Огонь на алтаре ярко вспыхнул, щедро разбросав искры.

Гнуни съязвил:

– Васак, какое дело ты считаешь правым, мне неясно, но сейчас стоит задача, как указал царь, искоренить проримские настроения.

Зазвонил колокольчик. Министры, с изумлением взглянув на статую, поспешили уйти. За декоративной решеткой позади статуи находился, никем не замеченный, верховный жрец Спандуни и, довольно улыбаясь, дергал за веревочки.

В Селевкии выдалось беспокойно. По приказу Тиграна искали отравителя колодца. В крепости на вершине холма с крутыми склонами в своих покоях всеми покинутая царица Селена I терялась в догадках. В шелковом лиловом хитоне она нервно расхаживала по неуютному залу с высокими потолками и проклинала Тиграна, римлян и весь мир. Наконец в дверь постучали, вошел Сетос. Армянская стража допустила его, так как царственная пленница потребовала лекаря, и только своего, под тем предлогом, что другим она не доверяет – опасается отравлений.

– Государыня, прошу меня простить, что долго не давал о себе знать. Меня ищут, я вынужден скрываться.

Селена недовольно проворчала:

– Сетос, что произошло? Ты заставил меня волноваться. Пришлось, чтобы ты вспомнил о своей царице, оказать давление на твою семью. Ну, докладывай!

– Государыня, удалось отравить только один колодец. Все

пошло не так, как задумывалось. Меня узнали и чуть не убили. Боюсь, мой подручный Резон, попавший в тюрьму, мог меня выдать.

– О, как это некстати! – возопила Селена. – Какие планы были у меня!

– Государыня, я принес новость, – торопливо зашептал лазутчик. – В Тигранакерте вспыхнул мятеж, Тигран Младший попытался захватить власть, но неудачно. Они с Береникой спаслись и нашли убежище в Парфии.

– Что? Как жаль! Моя бедная девочка спасает жизнь в этой варварской Парфии! – вскричала Селена. В смятении взглянув на Сетоса, возгласила: – Почему же нам так отчаянно не везет?

– Государыня, говорят, Тигран Армянский заговоренный. Мне стало известно, что он носит талисман в виде лунницы.

– Лунницы? – Селена онемела от изумления.

Известие ее ошеломило. Погрузившись в мучительное раздумье, она не могла смириться с мыслью: неужели у Тиграна есть древний талисман бога Вавилонии Мардука? Не может быть! Хотя все возможно! Против козней Селены никому не устоять. Она пережила пять мужей-монархов, хитрых, коварных и жестоких деспотов, а Тигран не подвержен ни огню, ни кинжалу, ни яду, ни магии.

Талисман Мардука «Солнце и Луна» – награда богов, ключ к познанию божественного начала, бессмертию и приобщению к Вселенной. Соединив две половинки талисмана

в единое целое, Тигран получит превосходство в силе и влиянии в мире. Царицу чуть удар не хватил. Это не допустимо! Что же делать? У Тиграна «Луна», а «Солнце» находится у парфян, но армянский царь ради талисмана может захватить Парфию. Как же парфяне его боятся!

– Что будем делать, государыня? – паниковал Сетос, больше опасаясь своей царицы, чем злого духа.

– Дорогой Сетос, – Селена вдруг заговорила спокойно и невозмутимо, – есть только одно средство остановить грозного Тиграна, а мне стать свободной...

Сев за стол, она взяла деревянный стилус и, обмакивая его в черные чернила из сажки с камедью, принялась что-то писать по пергаменту. Закончив, сняла с пальца перстень-печатку, окунула его в чернильницу и поставила печать рядом с подписью. Дождавшись, когда чернила высохнут, она порывисто обернулась и подала документ Сетосу:

– Читай!

Он взял пергамент и стал читать, потом поднял удивленные глаза на свою царицу:

– Как соправитель сына ты завещаешь свое царство Римской республике?

Селена безапелляционно заявила:

– Да! Чтобы наказать дерзкого Тиграна, а Рим схлестнулся с Великой Арменией!

Сломать все сложившиеся устои, изменить ситуацию, натравить римский сенат на армянского царя – достаточно убе-

дительный довод, способный поколебать сложившийся миропорядок. Армяне и римляне будут драться, а она наблюдать и ждать. Ее план идеален. Без нее Риму не обойтись – не справиться ни с Сирией, ни с Египтом, ни с Палестиной, раздираемых массой накопленных противоречий. В этих царствах переплелись несовместимые вещи: обычаи и нравы, разнородные религии и верования, зависть и обиды. Все, что никогда не поддается успокоению, способна усмирить лишь она, Селена. Римляне возведут ее на трон, она остановит хаос и будет править железной рукой.

Сетос смотрел на свою госпожу и видел, что женщина сходит с ума. Такие люди никогда не угомонятся, будут мстить жестоко и изощренно до полного уничтожения противника или самоистребления, и их непредсказуемые действия предугадать невозможно.

– А твой сын? – изумленно спросил он.

– О, Антиох всегда делает то, что я скажу. Он знает: или побеждать, или умирать. Смирить мой нрав никому не удастся, моя судьба – это месть.

Раздосадованный Сетос осыпал царицу преувеличенными комплиментами:

– Ты прекрасна, моя госпожа, и месть твоя беспощадная и невероятно жестокая. Тигран сгорит в огне сопротивления за Сирию.

– Подлый Тигран заслужил этой участи. Пока он жив, я никогда не смогу насытиться мезтью.

– Пусть восторжествует справедливость! – воскликнул бедный Сетос.

Довольная собой, ликуя и предвкушая грядущее, Селена легко прошла по залу. Ее глаза ярко светились.

– Мое завещание доставь в Рим и передай консулу Гнею Помпею!

– Слушаюсь, государыня!

Сетос свернул пергамент и поместил его в глубокий карман плаща.

– Спешу, мой друг, мы не должны дать шанс Тиграну Армянскому получить бессмертие.

Селена уже хотела отпустить агента, как неожиданная мысль пронзила ее, точно молния. Она резко повернулась и, внимательно посмотрев на Сетоса, сказала:

– Если он завладеет Таблицей судеб, сможет влиять на судьбу любого человека и любой страны!

Тревожная мысль разбередила ее воображение. Тесть Тиграна Митридат мог передать ему обломок Таблицы, и, скорее всего, уже передал, ведь Митридату нечего терять. О, боги, весь мир сузился до точки, в которой лишь одна личность – Тигран! Она понимала: с этим нужно покончить. Таблица не только откроет ему судьбу, но и позволит притязать на мировое господство. Что же делать, что делать? О, она знает! Если разрушить храм Ташмету в городе Птолемида, Таблица никогда не заговорит.

– Сетос! – Преисполненная решимости царица приказа-

ла: – Передай моим людям. . .

Она не договорила. Раздался шум шагов, дверь распахнулась, в зал ворвались воины из охраны крепости во главе с начальником гарнизона Ваханом.

– Царица Селена, – грозно сказал он, – сейчас ты разговариваешь с государственным преступником! Он опознан: это Сетос, который также назвался именем Азаил. За отравление колодца в Тигранакерте ты, Сетос, арестован. Взять его!

Охрана схватила Сетоса, который, дрожа от страха, смотрел на свою госпожу и молил взглядом что-нибудь сделать.

– Это чудовищно! – возопила Селена. – Вы не имеете права! Он мой лекарь, и без него я обречена на страдания!

– Мы разберемся, государыня. Увести!

Она снова осталась одна, возможно, навсегда. Заветный приз – устранение Тиграна – теперь несбыточная мечта. Страх парализовал царицу. Кое-как доковыляв до стола, она села и, подперев рукой голову, произнесла:

– Все напрасно!

Глава 38. Волшебный сон бывает наяву

Тигран Младший стоял на высоком открытом плато и смотрел на открывшийся перед ним чудный вид. В изумрудной долине с обилием трав и деревьев у подножия Копетдага блестела на холме неприступная Ниса. Его путь по дорогам Парфянского царства пролегал мимо пасущихся стад горных баранов и табунов лошадей, через опасные горные перевалы и глубокие ущелья. Со скал на всадников-беглецов взирали серебристо-белые безоаровые козлы с изогнутыми назад рогами и настороженные воины в красных плащах с луками и стрелами, но мчащийся к столице отряд никто не останавливал, поскольку в Нисе его уже ожидали. Новости по каналам костровой связи передавались немедленно.

Тигран Младший вместе с Береникой и своими спутниками наконец оказался в конечной точке своего длинного путешествия – у парфянской твердыни. Они въехали в пугающие своей величиной ворота города, в котором величественные храмы и дворцы, надежно защищенные двумя кольцами городских стен, поражали самобытным тяжеловесным стилем. Путников встретили и препроводили в царский дворец. После непродолжительного отдыха Тигран Младший и Береника были приглашены на аудиенцию к царю Фраату.

Сидя на золотом троне в окружении царедворцев, царь был сама любезность.

– Дорогой Тигран Младший, – сладким голосом начал он, – рад видеть тебя с твоей очаровательной спутницей на земле Парфянского царства. Как дорога?

– Спасибо, дорога хоть и томительная, но желанная. Хотя... Люди о таких, как я, говорят: «Дорога перебежчика вымощена роковыми камнями».

– Пусть говорят, главное – ты у друзей, – сказал царь. – Дорога смерти или дорога любви – какая разница, лишь бы вела на вершину власти. Все, что раньше казалось недостижимым, теперь возможно. Уверен, желание властвовать дразнит и мучает тебя. Парфия, мой друг, – страна сказок, где исполняются любые желания.

Юноша грустно произнес:

– Хотелось бы, чтобы иллюзия сказки не слишком отличалась от правды жизни.

По случаю встречи царь вырядился с нарочитой торжественностью: туника и шаровары покрыты драгоценными камнями, шею охватывало крученое металлическое ожерелье, высокая тиара на голове, символизирующая стихию огня, украшена жемчугом и рубинами. Глаза царя, бесцветные и вечно подозрительные, сейчас светились неожиданной радостью, волосы, ниспадающие до плеч, красиво умощенные, усы пышные и густые, а борода – целое произведение искусства – уложенные шелковистые пряди в виде волн. Наверное,

все в честь судьбоносного гостя.

Тиграна Младшего предупредили: раз ему дарована аудиенция, по обычаю, он обязан преподнести царю Фраату дар, поэтому царевич сказал:

– Разреши, государь, преподнести тебе в дар мой меч из дамасской стали.

Вытащив меч из ножен и передав его секретарю, Тигран Младший тоскливым взглядом взглянул на царя, что не скрылось от Фраата.

Секретарь с поклоном передал меч царю.

– О, какая работа! – восторгался Фраат. – Невероятно, у этого меча необычайно острый клинок. – Царь встал и взмахнул мечом несколько раз, потом с восхищением осмотрел. – Сталь клинка имеет неоднородности, будто узор ткани. Такой меч может легко рассечь железные доспехи моих воинов. Несокрушимое оружие, настоящее сокровище! – Он взглянул на юношу и тоном покровителя сказал: – Вот что, Тигран Младший, оставь меч себе, он тебе пригодится.

Юноше вернули меч, что тронуло его, а удовлетворенный произведенным эффектом царь произнес:

– Дорогой царевич, сегодня мой сын Ород покажет тебе сказочные сокровища Нисы, и ты поверишь, что волшебный сон бывает также наяву, а в день, когда Юпитер войдет в знак Льва, будет пир в честь твоего прибытия.

Солнце, поднявшееся в зенит, нещадно палило, но в гале-

рях храмового комплекса с мощными колоннами была приятная прохлада. Тиграна Младшего и Беренику пригласили осмотреть самый большой храм, когда-либо построенный в честь богов. Длинный фасад здания поражал воображение. Вдоль стен стояли ярко раскрашенные каменные статуи с навешенными на них побрякушками из золота и серебра. Юноша со своей подругой и сыном царя Ородом вслед за жрецом прошли между колоннами и оказались в святилище бога Солнца, где по зороастрийским традициям, почитаемым в Парфии, постоянно горел священный огонь. Золото в огромном количестве применялось для украшения святилища, и видно было, что храм ломится от сокровищ. Царевич смотрел на эти излишества широко раскрытыми глазами, поражаясь нелепости странной причуды.

Ород произнес:

– Мы поклоняемся огню. Мой отец является приверженцем бога Шамаша, я – Ахурамазды, а мой брат – Митры. Хотя, по большому счету, все едино.

– Ты исповедуешь зороастризм? – удивился Тигран Младший.

– Парфяне никогда не принимали зороастризм полностью, поклонение Ахурамазде целесообразно по политическим соображениям. Власть опирается на насилие, религия же осуждает насилие. Взаимные уступки позволяют гибко управлять поведением людей, и все в царстве соблюдают четкие принципы взаимоотношений.

Ород, юноша лет двадцати, молчаливый и склонный не говорить, а действовать, не понравился Тиграну Младшему. Глаза Орода постоянно бегали, лицо злобное, манеры оставляли неприятное впечатление. У Тиграна Младшего даже промелькнула мысль: «Он заносчивый и склонен к насилию, способен на мятеж и перехватить власть у своего отца». Все пальцы Орода были унизаны перстнями, на ногах – мягкая обувь, осыпанная камнями и жемчугом, глаза подведены черной краской.

Жрец бросил благовония на курильницу, и по всему помещению поплыл тонкий аромат сантала и шалаха, вызвавший у Тиграна воспоминание о родине. А жрец уже возносил молитву:

– Прошу, тебя, открой мне истину, о господи...

Береника, стоящая рядом с царевичем, вернула парня к действительности:

– Я знаю, о чем ты подумал, но лучше нафантазируй, как не промахнуться со второй попытки.

Ород вел гостей по храмовому комплексу, где греческое искусство и символы парфян переплелись воедино, и рассказывал про веротерпимость. Зороастризм считался полезной религией. Народ верил, что наградой для соблюдающих мораль будет бессмертие в раю, тогда как творившие зло обречены на наказание в жилище лжи. Конечно, религия для парфян важна, но на первом месте у них стоят захватнические походы, на втором лошади, а на третьем човган и пиры.

Тигран Младший проговорил:

– Я заметил, у вас все ездят на лошадях, пеших на улицах нет.

– У нас пешком ходят только рабы, – равнодушно отвечал Ород.

Вошли в соседний храм с бронзовой статуей женщины.

– Святилище богини Анахите, – разъяснил царевич Парфии. – Правда, многие в этой статуе видят богиню Иштар, и она очень похожа на твою женщину, Тигран.

Береника, обидевшись, что ее сравнили с аккадской Иштар, возмутилась:

– Царевич Ород намекает, что, подобно этой богине плотских утех, войны и распрей, я кровожадная воительница, дух жестокости и воплощение зла.

Тигран Младший сердито посмотрел на царевича:

– Ород, ты сравниваешь мою женщину с покровительницей гетер и проституток?

– А что ты хотел? – Ород мрачно глазел на Беренику. – Твоя спутница должна знать свое место. Наши традиции требуют, чтобы женщина находилась в отдельном помещении под присмотром евнуха.

– Сдается мне, Ород, ты не очень-то жалуешь женский пол, – раздосадовано буркнул армянский царевич.

– Ты прав. Все они лживые и изворотливые.

Тигран восхищенно глянул на свою спутницу и, дотронувшись до ее руки, выдохнул:

– Я же предпочитаю поддаться на женскую ложь, так как женщины существа исключительные. Они лгут? Что ж, им можно. Так, Береника?

Она кивнула:

– О, если всегда говорить правду, было бы скучно.

Ород презрительно сказал:

– Ты умная, умело скрываешь свои мысли и пороки. Но меня не проведешь, женщина! Ты лжешь все время, и думаю, твоя судьба отнюдь не будет сказкой.

– Тебя не касается, что предназначено мне судьбой.

У Орода бровь взлетела вверх. В перепалку вмешался Тигран Младший:

– Ород, это моя женщина, и я ее боготворю.

– Тигран Младший, имей в виду: отец тебя обласкал, а я буду внимательно следить за каждым твоим шагом, – сказал Ород, но вмиг поменяв злое выражение лица на приветливое, продолжил: – Мы увлеклись богиней Анахите. Здесь недалеко есть храм другой богини, и там узнаем судьбу.

Показывая путь следования, он двинулся дальше. В следующем храме, приблизившись к алтарю, Ород произнес:

– Это алтарь богини случая Тюхе. Она сообщает человеку судьбу. Женщина, поверни колесо.

Богиня Тюхе символизировала изменчивость, неустойчивость и случайность мира. Рядом с ее статуей было колесо, и Береника уверенно его повернула. Над алтарем тут же поднялось облако белого дыма, и на колеблющейся молочной

пелене возникло живое лицо богини, смотревшее на Беренику. Богиня заговорила:

– Твоя удача переменчива, что было вверху, будет внизу!

Лицо исчезло, дым рассеялся, а Береника, находясь под жутковатым впечатлением, стояла в оцепенении. Тигран Младший поспешил успокоить свою возлюбленную:

– Милая, Тюхе в драмах Еврипида выступает важной движущей силой. Она не против, чтобы человек сам менял свою судьбу.

Береника, обернувшись к нему, с язвительной улыбкой сказала:

– Судьба преподносит сюрпризы, но игрушкой в ее руках я не стану.

Ород пренебрежительно смотрел на армянского царевича:

– Все в жизни не случайно, ведь так, Тигран Младший? Раз вихри судьбы занесли тебя к нам, значит, так было угодно судьбе. Прими наши правила, и будешь вознагражден.

Армянский царевич иронично сощурился:

– Твой фокус с дымом и серебряными зеркалами не очень-то впечатлил меня... Ород, а где же обещанные сокровища? Я хочу увидеть страну сказок, в которой, по словам царя Фраата, исполняются любые желания.

– Следуй за мной, – произнес Ород.

Они прошли через весь храмовый комплекс. Тигран Младший задержался перед статуей Ганеши – фигуры с те-

лом человека, головой слона и одним бивнем.

Ород пояснил:

– Этот предмет из Индии. Торговля с этой страной процветает, как и с Китаем.

– Впечатляет! Неужели так просто ходить в Китай? – спросил Тигран Младший.

– Все не просто. Ездить по нашим дорогам опасно – грабители, дикие животные, – но караваны движутся непрерывно, и это приносит немалый доход.

– Думаю, разбойники наносят урон торговле, – предположил Тигран Младший.

– Самый большой урон нам наносят Рим и Великая Армения, поэтому я и многие аристократы хотим войны.

Тигран Младший проглотил колкость и последовал за «радушным» хозяином. Они подошли к одноэтажному квадратному дому рядом с дворцом – сокровищнице. Окон нет, вход единственный, вокруг стражники со страшными собаками на поводках. Псы, лая и беснуясь, порывались растерзать незваных гостей. Гирканские псы-убийцы спускались с поводка по ночам, и не поздоровится тому, кто окажется в это время возле хранилища.

– Не бойтесь, они на поводках, – сказал Ород.

– Да уж, лучше держаться от этих свирепых животных подальше, – произнес Тигран Младший. – Что за странное здание?

– Это Баурук, сокровищница парфянских царей. Я пока-

жу.

Поднялись по наклонному пандусу и остановились у единственного входа. Ород трижды ударил рукоятью меча в дверь, та приоткрылась, и показался сухопарый старик с лицом, изъеденным оспой, в сером плаще и накинутым на голову капюшоном. Поклонившись, он пропустил сына царя с гостями. Как ни старалась Береника, все же не сумела разглядеть его глаза, но от старика веяло угрозой.

Сокровищница, возведенная из сырого кирпича, имела толстые стены и деревянные перекрытия, во внутреннем дворике по кругу располагались двенадцать комнат, на каждой двери свой знак зодиака.

Ород распахнул первую дверь:

– Самые дорогие изделия находятся здесь, за дверью со знаком Телец.

Знаком Парфии был Телец, а золото – предмет культа парфян. Перед глазами Тиграна Младшего и Береники открылись невообразимые горы золотых украшений и предметов. Гости, зажмурив глаза, вошли в помещение, а когда открыли их, то в лучах солнца, проникавших из отверстий в потолке, увидели сокровища в своей неповторимой красоте – скифские, персидские, индийские и вавилонские статуи из золота, изящные греческие вазы, египетские золотые саркофаги, много сундуков, набитых доверху золотыми монетами со всего света.

Тигран Младший оторопело разинул рот. Придя в себя,

он проговорил:

– Наверное, это сон.

Золото – символ власти и богатства – уже двести лет в наступившем «золотом веке» Парфии оседало здесь, в Баулуке. Этот металл хоть и доставлял удовольствие парфянам, был всего лишь средством достижения цели, а цель парфян – война, а цель войны – золото.

Ород подвел гостей к двери со знаком Близнецы:

– Здесь сокровища, захваченные в Великой Армении. Тебе, Тигран Младший, будет интересно.

Гости вошли в просторное помещение, доверху забитое чудесными изделиями армянских мастеров. Огромные золотые и серебряные чаши, неповторимые, раскрашенные цветной эмалью и позолотой вазы, редкой работы ковры, самобытные ювелирные украшения, невероятные изделия культа, имеющие, как поговаривали, сверхъестественную силу. Потрясение гости испытали, когда увидели национальную святыню. Посреди помещения в окружении ваз и сундуков стояла необыкновенно красивая статуя армянской богини Анаит из чистого золота. Она была осыпана драгоценными камнями, светлыми и прозрачными, как вода, искрящимися, подобно вину, горящими, как огонь (в таком духе описывали драгоценные камни древние греки). В народе эту статую прозвали золотой матерью армян.

Тигран Младший восхищенно проговорил:

– Это же богиня Анаит, дочь Арамазда!

Действительно, перед гостями предстала богиня любви и материнства, заступница и кормилица, целомудренная мать армян.

– На моей родине, – произнесла Береника, – ее зовут Артемидой Эфесской.

В Эфесе в храме Артемиды, являющимся одним из чудес света, стояла бронзовая статуя работы Праксителя, но армянская золотая копия своим совершенством несколько ей не уступала.

– Ты хорошо образован, Тигран, – сказал молодой хозяин. – Что ж, посмотрим, как будешь воевать.

Ород повел знатных гостей дальше, рассказывая:

– За каждой из этих дверей скрыты сокровища многих стран – Китая, Индии, Сирии, Пальмиры, Персии, Египта, Палестины...

– Я хотел бы посмотреть, что находится за дверью со знаком Дева, – вдруг сказал Тигран Младший.

– Там нет ничего интересного, только синие и желтые сапфиры, топазы, олово и медь, – торопливо произнес Ород.

Тигран Младший упрямо встал у двери. Бросив взгляд на Орода, попытался открыть дверь и войти, но дорогу ему преградил старик в сером плаще. Береника наконец увидела его глаза – белые, без зрачков. Старик смотрел вверх голов гостей и не сходил с места. Тигран Младший был настойчив, и вновь посмотрел на Орода. Тот что-то сказал – старик отошел в сторону. Трое вошли в помещение со знаком Дева,

действительно не поражавшее блеском золота и с предметами не самыми выдающимися: сундуки с сапфирами, агатами и сердоликом, изделия из малахита, мрамора, яшмы, олова и меди. Привлекал внимание стоявший посреди комнаты камень округлой формы. Тигран Младший обошел его, потрогал и с недоумением посмотрел на Орода.

Тот пояснил:

– Пуп земли Омфал. Точка соприкосновения мира живых с миром мертвых.

Армянский царевич произнес:

– Дева – знак Вавилона. Парфяне однажды покорили Вавилон и вывезли из него магическую вещь, открывающую судьбу человека.

– Судьбу нам предсказывает богиня случая Тюхе, – жестко отрезал Ород.

– Вы вывезли из Вавилона обломок Таблицы судеб. Я хочу его видеть!

Ород, презрительно посмотрев на юношу, подошел к железному ларцу и отрыл его:

– Смотри!

Тигран Младший и Береника приблизились к мраморному столу, на котором стоял железный ларец, и заглянули внутрь. На подушке из белого шелка лежал небольшой обломок гладкой отшлифованной пластины размером с ладонь темно-серого цвета, переливавшийся в луче падающего через отверстие в потолке солнечного света.

– Творение бога, – только и сказал Тигран Младший.

Береника удивленно спросила:

– Зачем бог сотворил эту странную вещь, чтобы нас удивить или уничтожить?..

Ород быстро закрыл крышку ларца:

– ...чтобы умные и сильные могли пользоваться плодами власти и наслаждаться жизнью. Пока этот обломок бесполезен, но придет время... Прошу за мной! – и он вышел из комнаты, а вслед за ним и гости.

Вернулись в дворец. Ород заявил гостям:

– Отдохните. Вам еще многому предстоит удивиться в нашем царстве.

Он ушел, а Береника, взглянув на Тиграна, произнесла:

– Я в восторге от увиденного. У меня только одна просьба: не теряй головы, иначе это погубит нас обоих.

Глава 39. Шпион царицы Сирии

В цитадели, являвшейся последним опорным пунктом для гарнизона Тигранакерта, была устроена подземная тюрьма для государственных преступников. Со скрипом открылись тяжелые двери. В каземат по длинной каменной лестнице спустился царь в сопровождении Меружана и воинов охраны. Пылающие факелы, вставленные в железные кольца на стене, освещали путь царя и свиты. В полутемном зале стояли стол и стул, сидел писарь, готовый тщательно записывать показания узника в ходе допроса. Тигран обратился к Меружану:

– Надеюсь, пытки к нему не применяли?

– Нет, государь, не применяли.

– Под пыткой человек скажет что угодно, а мне нужна правда. Приведи его!

Меружан подал знак, черная решетка отодвинулась, и на свет вывели закованного в кандалы Сетоса. Перед царем стоял изможденный заключенный в изодранном хитоне лет пятидесяти, смотревший на царя с некоторой надеждой, хотя понимавший что прощения его деяниям быть не может.

– Скажи государю, кто ты и откуда! – приказал Меружан.

– Государь, царь царей, меня зовут Сетос, я начальник канцелярии сирийской царицы Селены.

Тигран спросил:

– При тебе нашли завещание царицы. Кому ты должен был его доставить?

– Консулу Римской республики Помпею.

– Значит, вы с царицей сговорились стравливать Рим с Великой Арменией?

– Да, государь.

– Я так понимаю, царица Селена I меня ненавидит настолько, что готова бросить Сирию в пасть чудовищу, лишь бы уничтожить царя Армении?

– Это так, государь.

Тигран грозно смотрел на Сетоса:

– Но ты же неглупый человек. Селена и ее сын Антиох довели страну до крайности – распри, смута, разруха, мятеж кочевников. Царство при них погрузилось в анархию. А как было раньше?

– Раньше Сирия процветала, – тихо сказал Сетос.

– Вот именно! Народ уповал на внешнюю помощь. Ко мне обратились знатные люди твоей страны с просьбой возложить на себя корону сирийских царей и навести порядок. Я это сделал, и вот уже в течение четырнадцати лет народ не знает унижения от чужеземного владычества, в царстве установлены мир и безмятежность. Ты любишь свою страну?

– Да, государь!

– Так почему же ты продолжал выполнять преступные приказы своей сумасшедшей царицы?

– Страх за семью! – испустил вопль Сетос. – Государь,

царица порождение темных сил, но я поклялся ей служить.

Тигран видел, что Сетос говорит правду, морально подавлен, однако, как умный человек, не мог не понимать какой порядок наведет Рим в Сирии. Построит дороги для быстрого продвижения войск, народ получит рабство и несправедливость, начнутся поборы и реквизиции, всех обложат тяжелыми налогами. Сирия, как самостоятельное царство, перестанет существовать.

Царь, глядя в глаза заключенному, прямо спросил:

– Ты предан своему отечеству или всего лишь мелкое ничтожество?

Сетос резко поднял голову и посмотрел в глаза царю:

– Я люблю мою Сирию!

– Так помоги своей стране, дай на суде показания, разоблачающие преступную царицу! Это позволит многострадальной Сирии встать на путь возрождения.

Заключенного трясло от волнения:

– Я все скажу, государь!

Поток признаний не прекращался. Писарь за столом едва успевал записывать. У царицы Селены агенты во всех странах, она плетет заговоры, нанимает за большие деньги убийц. Она невероятно богата, а деньги ее хранятся в банках Сирии и Египта. Она не жалеет средств на самые изощренные покушения на царя Армении – отравление, змеи, сирийский огонь, магия и многое другое, а помогает ей человек из окружения армянского владыки...

Тигран был поражен. Все это деяния одной женщины?!
Невероятно!

– Что еще ты хочешь поведать мне, чтобы выторговать себе жизнь? – спросил он.

– Государь, прощения мне нет, но все равно раскрою тебе тайну Селены. Всю жизнь она ищет Таблицу судеб вавилонского бога Набу. Царица знает, что один из обломков Таблицы у тебя, поэтому приказала разрушить в Птолемаиде самый почитаемый храм богини судеб Ташмету.

– Я уже знаю, – спокойно произнес Тигран. – Это все?

– Нет! – Сетос снял с шеи амулет на шнурке – агатовую гемму с изображением оленя с сидящим на его спине орлом. – Личный знак царицы Селены! Он откроет тебе двери храма и доступ к счетам царицы в банках.

– С пособниками-банкирами нам, Меружан, придется отдельно разобраться, – сказал Тигран и кивнул одному из телохранителей.

Тот забрал у Сетоса амулет.

– Какая роль во всех злодеяниях царицы была отведена ее дочери Беренике?

Сетос поднял удивленные глаза и быстро сказал:

– Береника – чистая и добрая душа. Мать, конечно, использовала дочь в своих неблагоприятных целях, но я оберегал ее, как мог.

– Что ж, – Тигран обратился к Меружану, – царицу Селену I будем судить, и суд установит ущерб, нанесенный этой жен-

щиной двум государствам. Что касается тебя, Сетос, жизнь я тебе сохраню. Дашь показания против царицы на суде, затем отправишься в ссылку.

Владыка Великой Армении развернулся и, сопровождаемый свитой, ушел, а Сетос, не веря, что будет жить, стоял в тюремном зале в тяжелых кандалах, изумленный и потрясенный милостью царя.

Глава 40. Прекрасная Родогуна

Тигран Младший начал осваиваться в Парфии. За несколько дней пребывания он сдружился с Ородом и показал заинтересованность в освоении премудростей ведения парфянского боя, познав военный секрет – стремительность атаки. Начиная сражение, парфяне пускали легкую конницу. Быстрая, вооруженная небольшими луками, она осыпала неприятеля тучей стрел, затем в ход шла главная убойная сила – тяжеловооруженная кавалерия, защищенная пластинчатыми панцирями из железа, имеющая очень длинные копья. Столкновения у западных границ Парфии, верили бывшие скифы, неизбежны: придется сдерживать натиск римлян, вести войну с Великой Арменией, возвращать утраченные земли, отражать набеги кочевников.

На лужок у дворца поупражняться на мечех вышли царевичи Ород и Тигран Младший.

– Ород, – восторгался армянский царевич, – твой отец подарил мне коня белой масти, выносливого и быстроходного, понимающего меня с полуслова. Я восхищен!

Облаченные в короткие туники, они последовательно выполняли упражнения с мечами на атаку и защиту. Ород сказал:

– Тигран Младший, наше царство сейчас в зените славы. Скоро грядут сражения...

В этот момент к нему подошел слуга и что-то шепнул на ухо.

– Мне нужно идти, – сказал парфянский царевич и, передав свой меч слуге, покинул площадку для тренировок.

Тигран Младший продолжил самостоятельно упражняться с мечом, чтобы укрепить руку и плечо, и тут его внимание привлекло нечто поразительное: девушка, проходившая мимо, несомненно, была царевной, о чем говорило ее богатое одеяние. Она шла в окружении нескольких подруг, наблюдая краем глаза за ним. Тигран Младший, сраженный ее красотой, стал терять голову. Ему чудилось, что распустился сказочный цветок. Стройная, утонченная, с голубыми глазами, в ярко-зеленой тунике с вышивкой и золотым поясом, большим количеством украшений из золота, серебра и камней – она приятно будоражила кровь юноше.

Вложив меч в ножны, Тигран Младший внимательно на нее смотрел, чувствуя в красавице такой же эмоциональный накал, как и у себя. Она мимикой и жестами явно привлекала его внимание. Состроив глазки, царевна остановилась и о чем-то притворно завела разговор со своей подружкой, на самом деле приманивая его. Увидев, что мужчина восхищенно на нее смотрит, она сделала холодное выражение лица, однако не трудно было догадаться, что цель достигнута: внимание привлечено, а в мозгу царевича бьется лишь одна мысль: обладать красавицей. Задача пленить и обаять выполнена, и вот мужчина идет к ней.

– Твоя улыбка делает день еще ярче. Как тебе удается? – услышала она его слова, а он, улыбаясь, продолжал: – Я Тигран Младший, царевич Великой Армении, гость твоего отца.

На его щеках выступил румянец, что свидетельствовало: она ему нравится. Царевна бросила на царевича оценивающий взгляд. Перед ней был красавиц: стройный, высокий, огромные карие глаза, вьющиеся темно-каштановые волосы, утонченные черты лица, туника и шаровары из дорогой тонкой ткани, на боку меч.

– Я Родогуна, дочь царя Фраата. – Чтобы разжечь к себе интерес, похвалилась: – Многие сравнивают меня с богиней Анахитой. Говорят, когда я улыбаюсь, от меня исходит свет, как от богини.

– Ты пришла полюбоваться цветами или послушать птиц в саду? – спросил Тигран Младший, чтобы не ответ услышать, а разговор не угас.

– Я гуляю здесь каждое утро...

– Твои глаза, как два синих озера, в них можно утонуть, – восхитился Тигран Младший.

Она рассмеялась:

– Если будешь расточать комплименты, я готова слушать без конца, – она явно давала понять, что он ей нравится. Осторожно спросила: – К нам ненадолго?

– Ты так стреляла глазками, что ранила меня. Разве можно ускакать от этих чудесных пшеничных волос, прекрасной маленькой груди и пушистых ресниц. Остаюсь навсегда!

Она улыбнулась, окончательно очаровав юношу. Смотря ему в глаза, она как бы говорила: я желанна, я красива.

– Ты женат, Тигран Младший?

– Нет, я свободен. Со мной здесь подруга, Береника, царица Сирии, она спасла мне жизнь, и очень преданна.

Он смотрел на нее во все глаза. Ее волосы, уложенные в аккуратную прическу на греческий манер с пробором, были пшеничного цвета, головной убор с прозрачной вуалью украшен монетками и подвесками, на шее золотое ожерелье с крупными рубинами, на руках серебряные браслеты с зернью. Ее пухлые алые губки приоткрылись, глаза, обведенные черными линиями, затуманились, щеки зарумянились, а голос звучал сладостно:

– Ты прекрасно владеешь мечом, умный и сильный. Ты мне нравишься.

Этими словами она окончательно сразила молодого человека. Поправив волосы, Родогуна посмотрела на своих спутниц, как бы говоря: женское обаяние, наигранная наивность, тонкий расчет, и вот я уже управляю чувствами царевича. Он, поймав ее взгляд, прошептал:

– Ты очень привлекательна.

Почувствовав, что юноша становится слишком назойливым, Родогуна, бросила на него томный взгляд:

– Мы скоро увидимся, Тигран Младший, – и, звеня украшениями, обдав юношу незабываемым ароматом парфюма, удалилась. Пусть останется интрига.

С балкона дворца эту сцену наблюдала Береника. Ее охватило гнетущее и неприятное чувство ревности. Она уже ненавидела Родогуну, пытавшуюся увести ее мужчину. Негативные чувства – злость, обида, раздражение – охватили сирийскую царевну. Резко развернувшись, она ушла в свою комнату.

Тигран Младший вошел в спальню Береники, снял с пояса меч и, бросив его на кровать, подошел к ней. Она стояла у окна и смотрела на Баулук, сокровищницу царей. Он мечтательно посмотрел вдаль. Береника, не желая избавляться от навязчивых мыслей, холодно спросила:

– Ты не хочешь меня обнять?

– Извини, задумался. – Придвинувшись к ней, он поцеловал ее в губы, но от подруги не укрылся рассеянный взгляд юноши.

– Где ты был?

– Тренировался с Ородом на мечах, – отвечая, Тигран Младший все еще пребывал в состоянии блаженства от встречи в саду.

Береника указала на сокровищницу парфянских царей:

– В том странном доме есть то, что поможет освободить мою мать.

Тигран Младший пытался сосредоточиться на сказанном:

– Ты о чем?

– Там хранится обломок Таблицы судеб. Уж не знаю, волшебный он или это простая железка, но твой отец грезит за-

получить его.

– Оставь! Украсть невозможно. В хранилище всего одна дверь и нет ни одного окна, только сумасшедший пойдет туда мимо псов-убийц.

Береника возмутилась:

– А как же моя мать? Она томится в крепости, и в любой момент твой отец казнит ее!

– Милая, ей ничем нельзя помочь. Она сделала столько зла отцу, что, узнай он хоть о десятой доли ее злодеяний, казнил бы непременно. Впереди нас ждет новая жизнь. Ты бы видела коня, подаренного мне царем Фраатом! Я осваиваю тактику ведения боя легковооруженной конницы...

– Я видела царевну Родогуну, как бы случайно оказавшуюся на лужайке, где ты упражнялся на мечах. Не в ней ли дело?

Тигран Младший, пряча глаза, прошелся по комнате:

– Царевна Родогунa – милое создание, ее наивность тронула меня. Думаю, она даже мухи не обидит. Да, ее я в саду видел, но какое мне дело до царевны, мы здесь с другой целью – получить войско и завоевать трон Великой Армении.

Береника подошла к нему:

– Совсем недавно ты говорил по-другому, искал возможности освободить мою мать, готов был со мной пойти в огонь и воду.

Ее желание безраздельно им повелевать поставлено под сомнение. Люди, быстро меняющиеся под влиянием обстоя-

тельств, в любви непостоянны. Возникшее чувство недоверчивости и подозрительности, а также его равнодушие породили первые ростки ненависти, а страх потерять союзника и вовсе вызвал презрение к нему.

Тигран Младший возопил:

– Ты преувеличиваешь, Береника! Я по-прежнему тебя люблю, но что можно сделать, если мир вокруг нас меняется с невероятной скоростью?

Она отвернулась, подошла к окну и больше не проронила ни слова.

– Береника, не сердись, – примирительно сказал Тигран Младший. – Завтра пир в честь нашего прибытия. Тебе надо подготовиться.

Он вышел из комнаты.

Царь Фраат на совете родичей обычно выслушивал вельмож, вассальных царей и глав важнейших семейств царства (все родственники царя), а затем объявлял свою волю.

Сегодня он говорил:

– Я желаю посадить на трон Великой Армении Тиграна Младшего, выдать за него свою дочь и сделать верным вассалом.

Сидя на золотом троне со скипетром в одной руке, в другой он держал кубок с опьяняющим напитком, дарующим всесторонние знания. Сановники, также попивая хмельной напиток, вели важный разговор с монархом.

Марцбан, генерал-губернатор, одной из провинций, возразил:

– Благодетель, юный Тигран не пользуется популярностью в Армении, там его считают изменником.

– Неважно, – парировал царь.

Уж он-то точно уяснил главное. Тигран Младший знает местность и традиции Армении, имеет поддержку части знати. Большая удача заполучить в свое распоряжение сына царя. Его можно использовать в своих целях. Например, сделать номинальным командующим, под его знамена созвать всех недовольных царем Тиграном армян или разлагать армию Великой Армении изнутри.

Вслух царь сказал:

– Все мы здесь родственники, и прекрасно все понимаем.

Телохранитель, командующий войсками Парфии, прохрипел:

– Брат Солнца, персы и парфяне уже пытались завоевать земли армян, но потерпели провал.

– Но не теперь! – уверенно произнес Фраат. – У нас есть сын царя Великой Армении, с его помощью мы добьемся желанного.

Обратился скипетроносец:

– Брат Луны, еще совсем недавно мы подчинили своей власти и политическому влиянию обширные области Месопотамии и Сирии, но пришел Тигран II и отобрал половину этих земель.

Царь Фраат посуровел в лице:

– Мои предшественники носили титул царя царей, неза-
служенно отобраный Тиграном, но с помощью его сына мы
вернем себе это почетное звание.

Министр внешних сношений воскликнул:

– Победитель, есть признаки, что республиканская систе-
ма правления в Риме разрушается. Аристократия, мечтаю-
щая повторить успехи Александра Македонского, скоро воз-
ведет на трон римского царя, и он двинется на Восток!

Фраат, несмотря на то что выпил много опьяняющего на-
питка, ясно соображал:

– К тому моменту мы должны успеть захватить Великую
Армению, всю Месопотамию и Сирию.

Начальник канцелярии проинформировал:

– Спаситель, поступила просьба царя Митридата Понтий-
ского оказать ему помощь в возвращении царства.

– Конечно, конечно, помощь нужно оказать, – произнес
царь, – но не сейчас, когда-нибудь. Ответа не давать. На этом
все! Я должен помолиться богу Шамашу, чтобы он даровал
мне свою милость.

Фраат встал и покинул совет родичей.

В дворцовом святилище, предназначенном только для
членов царской семьи, перед величественной статуей бога
Шамаша с золотым талисманом на груди, стояли Тигран Млад-
ший и Береника. В святилище появился царь Фраат с тело-

хранителями.

– О, мои молодые друзья, вы пришли помолиться богу Солнца! – воскликнул царь и, подойдя ближе, показал рукой на огонь. – Вглядитесь в священный огонь, горящий постоянно. В негасимом пламени вы увидите лик бога.

Береника, сколько не вглядывалась, ничего не увидела, и наивно спросила:

– А что это на груди у бога?

Бородатый правитель со светлыми длинными волосами, белой лентой, повязанной вокруг головы, весь в украшениях из золота и жемчуга, с улыбкой произнес:

– О, это древний талисман, ему много тысяч лет! Он волшебный. Мы верим, что за последние двести лет никто не смог захватить нашу столицу, так как город находится под защитой этого талисмана.

Береника внимательно посмотрела на большой медальон с ликом Солнца, висевший на золотой цепи на шее истукана, и вспоминала слова возлюбленного. Тигран Младший как-то раз поведал ей слова армянского царя из подслушанного юношей разговора: «Нужен ключ, золотой ключ, разделенный на две половинки: „Луна“, она у нас, и „Солнце“, эта часть в Парфии». Несомненно, перед Береникой вторая половинка ключа от заветной двери. Мать всегда ее учила: «Ты должна мыслить рационально и никогда не упускать свой шанс». Девушка с надеждой посмотрела на Тиграна Младшего, но не увидела в его глазах никакой заинтересованно-

сти. Напротив, он был равнодушен и явно сучал.

– Этот талисман, – сладко говорил царь Фраат, – постоянно находится под охраной Мантикоры.

Царь посмотрел в сторону темного угла. Только сейчас, повернув головы, Тигран Младший и Береника увидели в стене решетку, а за ней тигра. Это был огромный тигр, крупнейший хищник Азии, опасный и очень красивый. Помахивая хвостом, опоясанным десятью кольцами черного цвета, Мантикора оскалила пасть.

– Это – моя кошечка, – умиленно сказал царь, – ее выпускают погулять, когда здесь нет молящихся. Уж не помню, – он посмотрел на телохранителя, – шесть или семь человек она сожрала?

Тигран Младший поднял тему, волновавшую его больше всего: готово ли немедленно выступить парфянское войско и под чьим знаменем? Фраат, ухмыльнувшись, поведал, что парфяне храбрый и свободолюбивый народ. Постоянного войска у них нет, не держат они и наемников. Рабы – их войско, и они готовы умереть за царя. Персидские «бессмертные» и парфянские «неранимые» воюют под знаменем с изображением дракона.

Когда армянский царевич усомнился в пользе Шамаша, царь упрекнул его, мол недопустимо так говорить о боже-стве, ведь счастьем и несметными богатствами парфяне обязаны могущественному богу Солнца. Самого царя, правда, больше интересовали политические аспекты религии. Про-

стив гостя за бестактность, он на его назойливость по поводу похода на Великую Армению сообщил, что скоро начнется римское вторжение, цари Митридат Понтийский и Тигран Армянский понесут в войсках ощутимые потери, и тогда Парфия ввяжется в схватку, ведя активные действия. Появление Рима на Востоке меняет всю политику. Парфия заключила с Римом союз и в случае войны выступит на его стороне.

– Великолепно! – воскликнул Тигран Младший. – Если дашь мне войско, я ударю по армии отца с тыла. Оказавшись в клещах, он неизбежно проиграет, и правление отца закончится.

– Терпение, мой друг!

Осмотрительный Фраат всегда выжидал, отлично зная, что война – главный источник, из которого можно черпать богатства. Нет войны, и начинаются внутренние неурядицы, и не только внутренние, но и родственные. Царю Фраату уже донесли о тайном разговоре сыновей, желавших его сместить.

Тигран Младший изнывал от нетерпения поквитаться с отцом, поэтому кипел, мол царь Тигран уже не тот. Он рассказал премудрость Амфикрата, учившего юношу. Вещи из олова кажутся серебряными, а вещи цвета желчи – золотыми. Так и его отец: с виду грозный, а копнешь – одна труха. Парфянский монарх удовлетворенно улыбался в усы. Он Амфикрата знал лично. Однажды предложив ему остаться

и учить сыновей парфянского царя, он услышал от мудреца неуважительное заявление: «Дельфина в тазу не уместишь». Грек отбыл восвояси.

Тигран Младший уже не сдерживался:

– Греческие советники отца все такие! Чем больше им доверяешь, тем больше они верят в твою умственную отсталость.

– О как ты прав, мой друг! – монарх расцвел.

Фраат с воодушевлением стал рассказывать, что греческое искусство и философия обречены. Хоть он и построил греческий театр в Нисе, все же уверен: в искусстве скоро везде будет доминировать парфянский стиль. В заключении разговора царь напомнил, что вечером предстоит грандиозный пир до утра. Придет вся знать столицы, и аристократы увидят, с каким уважением он относится к Тиграну Младшему. А послезавтра, когда все проспят, предстоит выезд на охоту, главную страсть царя. Там юноша докажет, чего он стоит при встрече с диким зверем.

Глава 41. Мантикора

Пир – популярное времяпрепровождение знати Парфии. Играла музыка, барды исполняли героические баллады, все переговаривались, стоял невообразимый шум. В огромном зале, где собралось не менее пяти тысяч гостей, аристократы женщины и мужчины щеголяли в дорогих одеждах из шелка и шерсти, украшенных жемчугом, драгоценными камнями и богатой вышивкой. За главным столом сидел в парадном одеянии царь Фраат, по его правую руку был Ород, по левую Тигран Младший. Рядом с армянским царевичем благоухала царевна Родогуна. За тем же столом расположились высшие сановники Парфии. Беренику усадили в конце зала вместе с гаремом.

Родогуна, поглядывая краем глаза на Тиграна Младшего, щебетала:

– Мы верим, что музыка лечит от душевных переживаний и тоски.

– Греческий философ Платон, – вторил ей довольный юноша, – считал, что музыка восстанавливает в человеческом теле гармонию всех процессов, а еще устанавливает согласие со Вселенной.

– А наш лекарь игрой на флейте лечит кашель...

Стены в зале увешены персидскими коврами, пылающие факелы и канделябры высвечивали беззаботные лица го-

стей, музыка создавала атмосферу непринужденности и расслабленности, столы заставлены не отличающимися особой утонченностью стеклянными кубками и серебряной посудой. Слуги разносили медвежатину и оленину, подавали свежие овощи и фрукты, много приправ, пальмовое и виноградное вино. Участники пира много пили и мало ели, музыканты играли бодрые мелодии на лирах, дудках и барабанах, женщины-аристократки с нетерпением ожидали начала танцев.

Береника, мрачно наблюдая за Тиграном Младшим, уже не могла вынести его любезничание с Родогуной. Недоверие к парню росло. «Он меня недостойн, – думала царица Сирии, – я лучше парфянки, она мне не соперница». В душе перебежчицы поселилась необузданная ревность, убивающая все другие чувства к армянскому царевичу. В воспаленном мозгу Береники рисовались картины одна ужаснее другой: он предал и завтра же ее бросит. Слезы выступили у девушки на глазах. Утерев их, она решила: криков и мольбы он от нее не дождется, зато месть будет изощренной.

Возможно, ревностью руководила не любовь, а раздутое самолюбие и болезненный страх остаться одной, но она убедилась, что важнее всего – собственные чувства и эмоции. Нужно взять себя в руки и спокойно обдумать ситуацию. Она сидела за столом, не притрагиваясь к еде, разочарованная и раздраженная, готовая крушить все на своем пути. Дочь Фраата, наоборот, чувствовала себя победительницей, ее на-

игранная наивность исчезла, и теперь перед царевичем была уверенная в себе прекрасная Родогуна.

В момент, когда в зале начались пляски, Береника незаметно покинула пир. Бесшумно, никем не замеченная, как тень летящего коршуна, она ринулась в свои покои, переоделась в мужское платье, повязала на лицо черный платок и, прихватив кинжал, веревки и крюк, вылезла в окно. Ловкими движениями девушка лезла по отвесной стене на крышу. Зацепляясь за щели между каменными плитами, хватаясь то одной, то другой рукой за неровности и выбоины, она взбиралась все выше и выше. Было темно, горели лишь факелы, освещающие здание по периметру. Шум пира заглушал любые издаваемые ею звуки. Она карабкалась наверх, и только псы-убийцы, почуяв неладное, собрались внизу, безотрывно наблюдая за человеком.

Взобравшись на крышу дворца, Береника, убедившись, что никого нет, подбежала к краю, как раз напротив Баулука. Оценив расстояние до сокровищницы, она привязала крюк к веревке (и то и другое заблаговременно позаимствовала на кухне дворца), аккуратно уложила веревку в бухту и, вращая над головой железным крюком, отпустила его, позволив лететь на крышу Баулука.

Крюк зацепился за карниз хранилища. Проверив прочность и надежность зацепа, девушка закрепила второй конец веревки за каменный выступ – изваяние лошадиной головы – и неторопливо поползла. Отбросив ненужные мысли, страх и

усталость, Береника лезла с перекидыванием ног по наклонно закрепленной веревке, делая пластичные и самозабвенные движения, лишь иногда бросая взгляды на собак. Ее тело, хорошо натренированное, всегда готовое к бою, несмотря ни на какие обстоятельства, выполняло целенаправленную работу. Псы забеспокоились, неистово залаяли, начали прыгать. Схватившись за карниз, девушка перелезла на крышу сокровищницы.

Несколько факелов освещали внутренний дворик Баулука, все было спокойно, никого не видно. Как кошка она спрыгнула на твердую землю и двинулась к заветной двери со знаком зодиака Дева. Дверь скрипнула, но поддавалась легко. Береника проскользнула в кладовую сокровищ Вавилона. Свет снаружи падал на открытые сундуки с синими сапфирами; драгоценные камни, обычно сверкающие глубоким и живым цветом, сейчас тускло и таинственно подсвечивали помещение синим. Пройдя мимо Пупа земли, она прямоком направилась к мраморному столу с железным ларцом. Внутри на подушечке по-прежнему лежал, переливаясь серым, стальным и белым, маня и зазывая, гладкой отшлифованной обломок панели от Таблицы судеб. Не мешкая, девушка спрятала обломок в складках одежды и, закрыв ларец, собралась уходить...

В дверях стоял старик в плаще с капюшоном. Береника вновь увидела его глаза без зрачков. Старик смотрел поверх ее головы и молчал. Девушка, заметив лежащий на сундуке

ритуальный нож, порывисто схватила его и метнула в старика. Тот проворно увернулся. Выхватив из-за пояса кинжал, она метнула его в хранителя. Опять промах. Старик двинулся на нее. Береника запустила во врага попавшийся под руку стеклянный сосуд с красной жидкостью. Это оказалась кровь ехидны. Сосуд разбился, жидкость зашипела, закипела и, превратившись в пар, погрузила все вокруг в красный туман. Похитительница попыталась проскочить в дверь, но старик в плаще возник на ее пути. Береника, схватив из открытого ларца массивное ожерелье, ударила им по лицу старца. Драгоценное украшение, называемое ожерельем Гармонии, приносившее всем его обладателям только несчастья, рассыпалось, бусины выбрызнули струйки газа, старик замер, но, скоро придя в себя, бросился на царевну.

Девушка, вооружившись вавилонским бронзовым мечом, пошла в атаку. Хранитель схватил железную булаву с рельефным изображением и выполнил блок защиты. Хрупкая бронза рассыпалась на куски. Отбросив холодное оружие, оба пошли в рукопашную. Береника кулаком двинула старцу в грудь, тот, ничего не ощутив, схватил расхитительницу за шею и стал душить. Получив удар коленом в пах, старик отшатнулся, но снова набросился на соперницу и безжалостно швырнул ее в угол к медным лампам, а сам стремительно ринулся за ней, чтобы добить, но, получив сильный удар лампой по голове, повалился, круша керамические вазы с густым «нектаром любви». На время он залип в вязкой

жиже, и Береника, воспользовавшись замешательством, выскользнула наружу.

Через мгновение она поняла: ее преследуют вновь. Спасаясь, Береника вбежала в комнату со знаком Близнецы. Сокровища из Армении в свете факелов блестели и переливались, но самый невероятный блеск производила золотая статуя богини Анаит. Старик показался в дверях. Береника, дождавшись, когда слепой хранитель подбежит поближе, решительно повалила на него тяжеленную статую. Почувствовав движение воздуха, тот попытался в узком проходе увернуться, но было поздно: монументальная статуя из чистого золота с грохотом рухнула на него и придавила. «Золотая мать армян» выполнила свое предназначение – заступилась за женщину. Ее драгоценные камни победно засверкали, заиграв на потолке и стенах переливами и яркими красками.

Испытанным путем Береника пробралась обратно в дворец. Свидетелями ее приключения были лишь псы-убийцы. Они бесились и лаяли, но кто их слышал, когда публика и охрана были поглощены грандиозным пиром?..

Мантикора, тигрица, в хорошем настроении лежала у ног статуи Шамаша, щурясь на свет негасимого огня. Все считают тигра одним из самых опасных животных в мире, но эта огромная кошка выглядела настолько грациозно и красиво, что неизменно притягивала к себе восхищенные взгляды каждого, кто ее видел. Закрыв глаза, Мантикора, тем не ме-

нее, внимательно следила за порядком в святилище, где она живет много лет и где ее кормят отборным мясом. Только несколько слуг-рабов да Родогуна могли безбоязненно подойти к ней, остальные рисковали жизнью.

Молчаливая и редко подающая голос Мантикора мирно лежала на полу, как вдруг уловила шорох. Тигрица встала, подняла голову и направила желтые глаза в сторону звука. Из отверстия в потолке над статуей, через которое обычно лился дневной свет и выходил дым негасимого огня, показалась веревка. Опускаясь все ниже и ниже, веревка достигла головы идола, затем по веревке стал спускаться человек в черном мужском одеянии и с черной повязкой на лице. Кончик хвоста хищника начал нервно подрагивать.

Береника спускалась вниз, с опаской поглядывая на тигра. Девушка, легкая и изящная, хорошо владеющая своим телом, лезла сноровисто, контролируя опасную соперницу. Мантикора, не раздумывая, начала охоту. Береника уже стояла на плечах Шамаша, пытаясь снять золотую цепь, как увидела, что тигрица приготовилась к прыжку. Сильные мускулистые лапы позволили Мантикоре прыгнуть на высоту двух человеческих ростов с желанием вонзить клыки и разорвать артерии на шее жертвы. Девушка, схватив канат, оттолкнулась от головы Шамаша, едва успев уйти от нападения. Раскачавшись, она запрыгнула с каната на стену, зацепившись за неровности руками и ногами. Тигрица одним огромным прыжком оказалась рядом и попыталась достать добычу.

Береника, как паук, карабкалась по стене. Хищного зверя сердило, что он не может одолеть человека, по этой причине, огласив оглушительным ревом святилище, Мантикора неожиданно прыгнула на немыслимую высоту, чуть не вцепившись когтями в ногу соперницы, но та, сжавшись, как пружина, запрыгнула на раскачивающийся канат, долетела до каменного изваяния и на лету сняла с него золотую цепь с талисманом. Тигрица бросилась вдогонку, готовясь разорвать вора, но похитительница уже лезла по веревке вверх и вскоре скрылась в отверстии в потолке святилища.

Тигрица медленно и устало обошла вокруг статуи и, постояв какое-то время в раздумьях, подняла тяжелую голову, наблюдая, как в отверстии исчезает веревка, потом легла на каменный пол и закрыла глаза...

Пир был в самом разгаре, когда Береника вновь вернулась в зал и села на свое место.

– Ты, наверное, много танцевала? – спросила девушка, сидевшая рядом. – Твоя прическа совсем испортилась.

– Да, действительно, было очень весело, – сказала Береника, глотнув из кубка вина и поправив прическу. – Я поражена роскошью и богатством царя.

– А знаешь, в день рождения государя пир длится восемь дней, на него прибывает сорок тысяч гостей!

Трапеза поражала изобилием. На столы ставили все новые и новые блюда: жаренные целиком кабаны, украшенные пе-

рьями запеченные лебеди, искусно приготовленные печень, почки и языки. Музыка играла еще громче, а танцевали уже все, в том числе Родогуна и Тигран Младший. Столь блестящее угощение и атмосфера праздника должны были удивить армянского царевича и сблизить его с царской семьей.

Береника смотрела на веселившегося, в одночасье забывшего ее царевича, и ее переполняла ненависть. Рыдать и скандалить не в привычках сильной натуры девушки. Он предал любовь? Что ж, месть женщины, брошенной любимым ради другой, настолько изощренная, что парень долго будет ее помнить. По лицу царевны пробежала презрительная усмешка.

К утру гости стали расходиться, все пьяные, но довольные. Дворец засыпал, а город пробуждался. Вот и первый караван верблюдов, груженный товарами, вышел из ворот Нисы; среди путешествующих был юноша с голубыми глазами лет двадцати. Береника, сидя на верблюде в мужском одеянии, глядела вдаль, улыбалась и думала: «Жизнь быстротечна как песок, и нет в ней места гордыне и лени. Судьба уготовила каждому человеку множество испытаний, и самые суровые из них – это ложь, подлость и предательство. Жизненный путь труден, но, только двигаясь упорно вперед, можно познать главную истину: любые проблемы решаемы». Она уже знала, что будет погоня и что на первом же привале уйдет из каравана. Надо думать, Тигран II теперь выполнит любые ее требования.

Когда царю Фраату доложили о пропаже талисмана, его негодованию не было предела, а когда стало известно, что похищен обломок Таблицы судеб, он, взбешенный, приказал повесить начальника стражи дворца и еще сто человек охраны. Тигран Младший отделался испепеляющим взглядом царя и его презрительным: «Глупец!» За государственным преступником выслали погоню. Несколько отрядов «бессмертных» и «неранимых» рыскали по дорогам Парфии, чтобы поймать дерзкую девчонку и доставить ее к царю. Такой паники в царстве еще не было, граница перекрыта, караваны остановлены, на дорогах усилены посты, тайные агенты и соглядатаи сновали повсеместно.

Глава 42. Универсальное средство

Береника сумела выскользнуть из Парфянского царства. Маскируясь то под старушку, то под мальчика, а иногда под погонщика верблюдов, упорно преодолевая все препятствия трудного и далекого пути, она добралась до Тигранакерта и с одним из караванов вошла в город. Пробраться в дворцовый сад ей ничего не стоило, и вот, сидя на дереве, она дождалась Анаит, жену Артавазда. Когда Анаит осталась в одиночестве, Береника свистнула, чем привлекла ее внимание.

– Береника, тебя все ищут! – жарко зашептала Анаит.

Девушка на дереве, одетая в легкую мужскую одежду, приложила палец к губам и тихо сказала:

– Анаит, мне нужно с тобой поговорить.

Красивая кареглазая Анаит, забыв о прежних разногласиях и неприязни, с удовольствием придвинулась поближе – посекретничать с Береникой. В меру полненькая, темпераментная, с пышными черными, уложенными в серебряную сеточку волосами, одетая по последней моде, Анаит pokrutila головой влево-вправо и, убедившись, что рядом никого нет, заговорщицки произнесла:

– Царь очень зол на младшего сына, и на тебя тоже. Расскажи, милая Береника, что с тобой приключилось!

Ее нетерпению не было конца, и Береника, спрыгнув с дерева, поманила ее в укромное место. Они сели на мрамор-

ную скамейку в окружении высокого куста китайского пиона, усыпанного чудесными бледно-розовыми цветами, и разговорились.

– Тигран Младший меня предал и бросил, – сказал сирийская царевна. – Он не отходит от Родогуны, дочери парфянского царя, хотя, на мой взгляд, она дурнушка, но сумела окрутить его.

– Как же ты убежала из Парфии?

– Это было непросто. Удалось незаметно выйти из дворца – его охраняют тысяча человек, – и вот я здесь.

– Царь никогда не простит Тиграна Младшего... Что же ты теперь будешь делать? – полюбопытствовала Анаит.

– У меня к тебе просьба, – Береника с надеждой смотрела на подругу. – Я украла у царя Фраата две вещицы, которые жаждет получить царь Тигран. Обломок Таблицы и талисман «Солнце». Ты запомнила?

Анаит закивала:

– Обломок Таблицы и талисман «Солнце».

– Передай через Артавазда, что я готова отдать царю эти вещицы на определенных условиях. Я могу встретиться с ним и поговорить, если царь издаст указ о моем прощении.

– Милая Береника, я все передам, – торопливо заверила Анаит. – Как жаль, что ты, такая красивая и умная девушка, вынуждена скрываться!

– Анаит, завтра в это же время приходи на базар. Я тебя найду.

С этими словами Береника удалилась, Анаит же поспешила к своему мужу.

В покоях Тиграна бушевала гроза.

– Это невозможно! – негодовал царь Тигран. – Охрана дворца никуда не годится. Кто хочет входит, кто хочет выходит! Меружан, разберись!

В царских покоях кроме Меружана были Артавазд, его жена Анаит и советник Метродор.

Тигран с досадой произнес:

– Анаит, я тебя очень люблю, ты родила мне прекрасного внука, но говорить с ней не буду. Я вообще с преступниками обхожусь сурово.

Анаит по доброте душевной заступилась за новую подругу:

– Мой государь, Береника, конечно, строптивая девушка, но ранимая и чувствительная. Поговори с ней.

Метродор, самый мудрый из всех присутствующих, как главный советник произнес:

– Великий царь, иногда мы должны совершать поступки, руководствуясь гуманными побуждениями. Возможен ли диалог и достижение каких-либо соглашений с лицами, преступившими закон? Да, вполне. Чтобы спасти высшие ценности. Например, свой народ или царство.

– Ты Метродор, предлагаешь простить девчонку и пойти на ее требования? – царь был грозен.

– Переговоры – универсальное средство, изобретенное людьми давным-давно, – парировал Метродор. – Прости ее, неразумную, выслушай, а потом решай. Она в игре против тебя всего лишь орудие в руках своей матери.

– Государь, – сказал Артавазд, – вещицы, о которых сказала моей жене Береника, имеют для нас первостепенную важность. Если они есть у нее, мы обязаны их получить. Любой ценой!

– Ты хочешь сказать, Артавазд, что я должен использовать все средства, действуя себе во вред?

– Отец, я не предлагаю жертвовать чем-то важным, но всегда помню твои слова: «Не верь никому, что выхода нет».

В этот момент сквозь оконце пробился солнечный лучик. На золотой вазе с двумя ручками, символизирующей воду жизни, зажглась искра, и ее блеск заставил Тиграна зажмуриться. И как-то само собой заглушилось чувство тревоги. Луч озарил в сознании владыки путь к решению проблемы.

Царь открыл глаза и спокойно произнес:

– Хорошо, оставим эмоции. Меружан, пусть подготовят указ о ее прощении. Как ты сказал, Метродор, переговоры – универсальное средство? Посмотрим, к чему это приведет.

На другой день Анаит, крепко прижимая к груди перевязанный красной лентой пергаментный свиток с указом, шла по базару в сопровождении двух стражников. Проходя мимо лавки с тканями, она увидела в проеме двери Беренику. Приказав охране ждать, Анаит вошла в лавку:

– Береника, царь милостив. Вот, возьми! Это твое прощение, ты можешь смело прийти к царю.

Лавка с тканями имела сквозной проход, и Береника, готовая в любой момент выскользнуть на другую улицу, для начала убедилась, что Анаит одна, потом успокоилась и поцеловала подругу в щечку:

– Спасибо, Анаит. Ты самая добрая и милая женщина из всех, кого я знаю.

Анаит бойко сказала:

– Я добрая, но если меня разозлить, никому мало не покажется.

Береника произнесла:

– Нанесу визит царю завтра. Кажется, в этот день недели он проводит аудиенции.

Они расстались, и сирийская царевна растворилась в базарной суете...

Царь Тигран давал очередную аудиенцию народу. Люди заходили один за другим, и седовласый правитель, облаченный в золоченые одежды, с диадемой на голове в торжественном и монументальном тронном зале судил, миловал, наказывал и советовал. Справа от царя стоял его сын Артавазд, слева царь Гордиены, вокруг трона расположились царедворцы, родственники, военные и советники

Объявили о приходе Береники. В зал вошла красивая девушка, статная, голубоглазая, с золотистыми, уложенными

на затылке в «греческий узел» волосами, одетая просто, но изысканно – фиолетовой хитон и сиреневый пеплос, – на шее золотая цепь, на ногах сандалии. Она преклонила колено. Ей разрешили встать и говорить с монархом.

Тигран внимательно взглянул на девушку:

– Слушаю тебя, Береника.

Не поднимая глаз, она тихо произнесла:

– Государь, прости меня за все плохое, что натворила. У меня есть то, что тебе нужно, и я готова тебе это передать, но есть условие.

– Говори! – голос Тиграна даже не дрогнул.

– Условие такое: освободи мою мать Селену и дай ей снова править Сирией.

Тигран поднял бровь. Бросив взгляд на царедворцев, он недоуменно произнес:

– Как же быть? Сирия больше не принадлежит ни твоей матери, ни тебе с братом. Твоя мать царица Селена I написала отречение от власти и завещала Сирию Римской республике.

Девушка растерянно глянула на царя.

– Да-да, Береника. Хочешь взглянуть? Покажите царевне документ!

К Беренике подошел секретарь и развернул пергамент. Сначала Береника не поверила своим глазам, но увидев подпись матери и оттиск ее личной печати, стала внимательно читать текст, написанный почерком Селены. В ужасе, зады-

хаясь, она с недоумением посмотрела на Тиграна.

Царь сухо проронил:

– Если бы мы не перехватили документ, царство Сирия принадлежало бы уже Риму. Должен сказать, твоя мать исключительно изобретательна в организации покушений на меня. Кстати, она была готова и тебя принести в жертву, лишь бы отомстить мне. Помнишь, как мы чуть не сгорели на празднике Навасард?

Береника молчала. От боли в груди у нее перехватило дыхание, все тело сковал страх.

Царь продолжал:

– Связной Сетос у нас, он раскаялся и рассказал о злодеяниях твоей матери. Я принял решение отдать Селену I под суд.

– Как под суд, она же царица? – на лице Береники появилось смятение.

– Высший суд твоей страны будет судить Селену I и решит участь царственной особы за измену и за то, что ввергла страну в разруху. Суд, в который входят старейшины твоего народа и жрецы, будет открытым, на нем даст показания Сетос.

– Что будет со мной? – спросила подавленная Береника.

– Народ Сирии прогнал из страны Селену и твоего брата Антиоха и позвал на царство меня, и я навел в стране порядок. Ты это прекрасно знаешь. Сирия живет в мире и процветает. Что касается тебя, ты прощена. Сделав в молодости

много ошибок, у тебя есть время и возможность их исправить. Этого хотят боги, – Тигран бросил взгляд наверх. – Если дашь слово никогда не вредить мне и работать на благо своей страны, я, как царь Сирии, объявлю тебя наследницей сирийского престола.

В зале воцарилась полная тишина, все замерли, взгляды присутствующих устремились на девушку, а она, в смятении, пытаясь уловить ответ в своем сердце, искала согласие между своими нравственными принципами и желанием помочь матери. На лице девушки отразились трепет, смущение, тревога и волнение. Наконец она произнесла:

– Я даю слово никогда не вредить тебе, государь, и быть верной дочерью Сирии.

– Только одно условие, – усмехнулся Тигран. – Не лазай больше по стенам моего дворца.

Береника подняла на него удивленные глаза, но, пристыженная, опустила их и густо покраснела. Сняв с шеи золотую цепь с талисманом, достав из складок пеплоса обломок Таблицы судеб, она почтительно положила необыкновенные вещи к ногам царя Тиграна.

Глава 43. Дворец власти

Озеро Ван – мертвое озеро. Прозрачная и постоянно изменяющая свой цвет вода непригодна для питья, так как насыщена содой. Летают над озером крикливые чайки, и водится в нем единственный вид рыбы тарех. Был солнечный день, вода имела бирюзовый цвет.

Царь Тигран II во главе блестящей кавалькады сановников и жрецов, гарема и прислуги, а также отряда отборных воинов приближался к озеру. Рядом с царем ехали нахарар Арцуни из правящего рода области Васпуракан и сын Артавазд. Арцуни пояснял:

– Государь, озеро Ван никогда не замерзает. Ассирийцы его называли морем страны Наири.

Заснеженные вершины гор и ярко-зеленый травяной ковер создавали удивительный пейзаж, чистый воздух напоен ароматами цветов, по берегу росли персики, гранаты и оливы, паслись отары овец, повсюду гнездились множество птиц.

– Я исследовал эти места, – сказал Артавазд. – Сама природа приглашает нас туда, где происходит единение богов и человека.

– Да поможет нам бог Михр! – царь воздел руки к небу в мольбе богу небесного света и солнца, сыну Арамазда.

Холмистые берега Вана сплошь изрезаны бухтами, зали-

вами и мысами. Взору царя в одной из бухт открылся большой замшелый камень на берегу.

– Что это? – спросил Тигран.

– По легенде, государь, ассирийская царица Шамирам нашла здесь свою смерть, превратившись в этот камень, – ответил Арцуни.

– Та самая Шамирам, которую греки называют Семирамидой? – спросил Тигран.

– Да, государь.

Арцуни поведал легенду. Царица Вавилонии, красивая и статная, «лицо словно солнца луч, а груди точно две луны», была женщиной практичной, но жестокой. Добралась она до озера Ван, спасаясь от преследования своего сына Ниния, захватившего власть в Ниневии. Своего мужа и всех других сыновей она успела убить, чтобы властвовать самой. Здесь, на этом месте встретила она волшебника – старца Алкуна. Увидев, что перед ним колдунья, старец отнял у нее ожерелье-талисман и кинул в озеро. Заколдованное ожерелье Шамирам, дававшее ей необыкновенную силу, в глубинах озера засияло разными цветами: белым, изумрудным, синим и красным, – а сама Шамирам превратилась в камень. С тех пор все, кто сюда приходят, ищут ожерелье и верят, что оно принесет им удачу и богатство.

– Красивая легенда, – сказал царь.

– Уж не сам ли это Алкун? – озадаченный Артавазд указал на старика у дороги.

Царь и Арцуни повернули головы и увидели старца с седой бородой. Тот низко поклонился царю.

Тигран задумчиво произнес:

– Один мудрец, мой советник, всегда говорил: «Ищи зна-ки».

Царь с эскортом проследовал дальше, и вот на восточном берегу озера открылась панорама города Ван. Посреди города возвышалась скала, на ее вершине стояла полуразрушенная крепость. Из этой крепости на Ванской скале урартские цари правили царством, а город вокруг скалы одно время назывался Тушпа. Царица Семирамида-Шамирам здесь бывала неоднократно. По ее приказу двенадцать тысяч работников и шесть тысяч мастеров-резчиков по дереву, камню, меди и железу создали на берегу озера Ван летнюю резиденцию царицы и провели небывалый по длине канал для подвода питьевой воды. Город стал называться Шамирамакерт, теперь же он город Ван. Его население занималось в основном земледелием и скотоводством, а также садоводством и солеварением.

Процессия вошла в город и проследовала в дворец, перестроенный из бывшей резиденции Семирамиды. Вокруг дворца – орошаемый парк и цветники, тенистая роща и виноградники. Все было готово для приема важного гостя, и царь, устав от долгого пути, с удовольствием разместился на отдых в своих покоях. Аревик заботилась о нем, ее присутствие успокаивало монарха, принося ему несказанное удо-

вольствие.

Арцуни напомнил:

– Государь, как стемнеет, мы направимся к Вороновой скале и пещере Зымзым. Вход в пещеру замурован Дверью Михра. Вообще-то, – он замялся, – к пещере никто не ходит. Говорят, там водится нечистая сила...

Вороновая скала находилась недалеко от города рядом с разрушенной крепостью Русахинили, построенной царем Урарту Русой I. Ходили слухи, что за Дверью Михра горит вечная свеча и вращается колесо судьбы.

Царь, не отрывая ласкового взгляда от Аревик, добродушно сказал:

– У страха глаза велики. Человек боится того, что скрыто от его понимания. Арцуни, сходи в храм, помолись богу Арамазду.

Арцуни ушел, а Тигран, прижав к себе любимую, поцеловал ее. Они вместе подошли к окну, чтобы насладиться величественным пейзажем высокогорного озера в окружении незыблемых заснеженных гор. Тигран задумчиво произнес:

– Какую угрозу несет то, что недоступно нашему сознанию?

Аревик только улыбнулась. Вопрос остался без ответа.

Стемнело. Холодный свет луны заставил гладь озера светиться всеми оттенками синего, на черном небе таинственно мерцали звезды, дул теплый ветер, все вокруг напоминало дивный сон.

– Аревик, ты останешься здесь и будешь ждать меня, – сказал Тигран, – я обязательно вернусь.

Очаровательная, с миндалевидными глазами и обаятельной улыбкой, красивая как богиня, Аревик, печально вздохнула:

– Государь, я буду ждать, только обязательно возвращайся.

Глядя на нее, Тигран чувствовал себя лет на двадцать моложе, она вновь и вновь вдохновляла его на сильные поступки. «Аревик – прекрасное, божественное создание, тайна природы, дар богов, мой талисман!» – думал он.

Надев на себя кожаный пояс с бронзовым кинжалом, царь взглянул на небо. Упала звезда, и это явило знамение.

– Хороший знак! – он улыбнулся «богине» Аревик и вышел из покоев.

Перед дворцом было шумно и многолюдно. Всадники из отряда охраны кружились с факелами во дворе, давая возможность сформироваться колонне и каждому занять в ней место. Наконец процессия двинулась на восток от озера в сторону Вороновой скалы. Вел колонну всадников и пеших Арцуни. Царь ехал верхом на арцахском скакуне золотой масти – старинная порода горных верховых лошадей, – рядом следовали на лошадях Меружан, Артавазд и охрана, за ними царедворцы и жрецы, потом шли пешие пастухи с жертвенными животными – быками, овцами и козами.

Почти отвесная Вороновая скала в свете луны имела зага-

дочный вид. Высота скалы была не очень большой, к ее вершине, где находилась поражавшая своими размерами дверь и жертвенник, вела крутая тропа. Перед самой дверью в скальной породе вырублены девять ступеней. Царь в окружении воинов, несущих факелы, вместе с Арцуни, Меружаном и Артаваздом поднялся наверх.

– Дверь Михра, мой повелитель! – сказал Арцуни и указал на надпись: – Надпись на двери, возможно, вещает о славных делах древности, но прочитав урартские письмена полностью мы не смогли. Надпись оставил урартский царь Руса, а другой царь Менуа написал послание высоко на скале.

– А та, что слева? Кто ее оставил?

– Она принадлежит персидскому царю Ксерксу. Вот та, что справа, – ассирийская. Еще есть текст урартского царя Аргишти, сына Менуа.

– Когда появилась эта дверь? – спросил Тигран.

– Как и когда появилась дверь, никто не знает, известно только, что все цари Востока считали своим долгом прийти сюда и принести жертвы богам. Посмотри, вот жертвенник.

На площадке ниже в специальной нише находился большой каменный жертвенник для жертвоприношений богу, но Тиграна интересовала дверь. Взяв факел, он осветил в скале прямоугольное углубление высотой в два и больше человеческого роста. Дверь — гладкое каменное полотно, покрытое почти истершимися тонким рельефным узором с растительным орнаментом, а также изображениями драконов, бы-

ков, баранов, птиц и неких символов, но встречалась и клинопись. Кое-что царь сумел прочесть. Увидев полустертый рисунок цветка кунжута в круге, он изумился: «Это же Круг жизни!» Осветив факелом скалу вокруг двери, обнаружил: тут и там виднелись письмена, одни из них он понимал, другие нет.

Когда спустились вниз, царь повелел верховному жрецу:
– Приступай к обряду!

Перед жертвенным алтарем установили предметы культа, и начался обряд. Жрецы принесли жертвы и произнесли молитвы богам Арамазду и Михру. Все мясо жертвенных животных, потом, по традиции, будет отдано стихии воды: его сбросят с утеса в пучину озера.

– Меружан, – повелел царь, – ты пойдешь со мной. Возьми трех воинов из числа охраны. Артавазд, остаешься здесь и, что бы ни случилось, помни о своем предназначении: царь обязан отвечать ожиданиям подданных. Оправдай мои надежды.

Когда жрецы завершили обряд, скалу оцепила стража, многочисленная свита царя отошла на некоторое расстояние, наблюдая, как Тигран поднимается по тропе. Сановники и жрецы, видя удаляющиеся огни факелов, не до конца понимали, что происходит.

В полночь царь подошел к каменной двери, погладил ладонью ее теплую шершавую поверхность, стряхнул песчинки с «Круга жизни» и, аккуратно сняв с шеи два золотых талис-

мана «Солнце» и «Луна», напомнил сосредоточенному Меружану и растерянным солдатам:

– Никакого железа!

Затем он соединил две половинки талисмана бога в единое целое, образовав нерукотворный ключ. И вдруг... Блеск талисманов – лунницы и солнечного диска – привел к обострению всех чувств Тиграна. Разум, воля, энергия, желания, инстинкты очистились и сконцентрировались. Он почувствовал божественную любовь, неведомую силу и возможность познать мир целиком. Ощувив упоение собственным совершенством, восхищаясь таинственно засиявшим талисманом, он вспомнил слова из рассказа Артавазда: «Ласточки летали... ветка мирта... девушка Шушан...»

Внезапно наступила зловещая тишина, ветер стих, птицы замолчали, все замерло.

– Диск как ветка мирта... – произнес царь.

Меружан, снедаемый любопытством, сказал:

– Ключ на месте, государь, остается произнести заклинание.

Тигран дотронулся диском до «Круга жизни» на двери и произнес магическое слово:

– Сезам!

Напряжение момента достигло предела. Казалось, воздух звенел от наступившей тишины, и только слабое потрескивание горячей смолы факелов нарушало оцепенение природы. Сердце Тиграна бешено стучало, на лице отразилась край-

няя степень напряжения. Он ждал невероятного.

Ничего не произошло. Только луна и звезды на небе исчезли, все окрасилось в черный цвет.

– Я что-то делаю не так... – взволновался Тигран.

– Мой царь, боги не желают вторжения в свои владения...
Лучше уйти, – тревожился Меружан.

Внимание Тиграна привлекла полустертая надпись клинописью. Он смог ее частично прочесть, хотя никогда не знал урартского языка. Это удивило. Надпись гласила о победе царя Русы. А что если это древний шифр? Ну, конечно, шифр со сдвигом три, его и сейчас, защищая сообщения, применяют полководцы в переписке со своими генералами. Тигран прочел первую строчку: «Царь Руса одержал победу над своим врагом», дальше шла вторая строчка из трех непонятных слов, потом третья строчка: «он взял богатую добычу». Царь каждый символ во второй строке заменил символом, находящимся на позиции три левее в первой и третьей строке. Получился текст: «магия числа три».

Тиграна озарило:

– Ну и ну, тройной повтор слова.

– Магическое слово надо повторить трижды? – удивился Меружан.

– Да, мой друг. Об этом умолчал царь Малой Армении Антипад. Он не хотел, чтобы Митридат завладел сокровищами. Но об этом говорил Артавазд: «...пастушок трижды ударил по скале веткой и трижды сказал заклинание ...»

Трижды дотрагиваясь диском до двери, Тигран внятно и четко произносил:

– Сезам, сезам, сезам!

Прокаркала ворона. Раздался скрежет камня о камень, случилось несильное трясение, сверху посыпался песок. Дверь медленно, со скрипом отворилась. В проеме появилось неяркое голубое свечение. Сбитая с толку свита под горой буквально остолбенела: жрецы попадали ниц, воины обнажили мечи, советники и приближенные встали на колени и усиленно молились. Даже лошади метались в панике, ржали и рвались с поводьев. Внезапно неистово защибетали птицы, подул сильный ветер, на озере поднялись высокие волны, а на небе проявилась багровая луна.

Царь и четверо его спутников стояли перед открытыми воротами между двумя мирами. Тигран воскликнул:

– Бог Арамазд с нами, он в обиду не даст! – и сделал шаг вперед.

За ним в пещеру вошли Меружан с обнаженным бронзовым мечом и воины с бронзовыми мечами и горящими факелами. Дверь с шумом и скрипом закрылась. Лошади, птицы, ветер, озеро успокоились, луна вновь стала серебристой, замерцали звезды.

Спустившись по каменной лестнице, они оказались в небольшой, вырубленной в скале, комнате. Ошеломленный Тигран осмотрелся. Две бронзовые статуи «великих при-

вратников» возвышались у следующей двери. Кто бы мог подумать, что удалось войти в Дворец власти! То, что считалось легендой, воплотилось наяву. Проявив целеустремленность и настойчивость, невзирая на препятствия и трудности, владыка Армении смог дойти до цели, ради которой, возможно, и был предназначен богами. Что бы там ни было – идти только вперед, опираясь на самообладание, терпение и веру!

Воины от своих факелов запалили факелы, воткнутые в бронзовые кольца на стенах. Пламя взыграло: обеспечивался постоянный приток воздуха.

Тигран проронил:

– Привратники охраняют вход в сокровищницу.

На каменной двери светился синий кристалл, вставленный в бронзовое обрамление в виде кусающей себя за хвост змеи. Меружан посветил факелом на символ, хорошо известный Тиграну. Свернувшийся в кольцо змей, кусающий себя за хвост, обозначает цикличность природы жизни. Все чередуется: созидание и разрушение, жизнь и смерть, перерождение и гибель.

Царь произнес:

– Неужели нас ждет гибель, а потом перерождение? Не могу поверить...

Меружан с тревогой посмотрел на царя:

– Государь, получается, оставаясь здесь, мы подвергаемся опасности?

Синий кристалл непонятным образом засветился ярче. Тигран задумчиво сказал:

– Смертельная опасность, возможно, нам грозит, ведь мы в обителище богов.

Конечно, проникший сюда должен осознавать, что нет начала и конца жизни, а есть лишь порядок из хаоса. За этой дверью либо смерть, либо рай. Тигран ладонью дотронулся до кристалла с бронзовой змеей...

Пронзительный свист летящего копья раздался за его спиной. Пещеру огласил душераздирающий крик воина, стоявшим последним. Остальные обернулись. Взору предстала жуткая картина: солдат, лежа на полу, корчился в нестерпимых муках. Копье пробило панцирь на его спине и вышло из груди. Дверь же медленно, со скрипучим звуком, открылась.

– Помогите ему! – потребовал царь.

Меружан пришел на помощь солдату, одному из лучших своих воинов, но все напрасно. Тот умер у него на руках. Осмотрев тело, он бросил на царя озадаченный взгляд и, отцепив от пояса солдата топорик в чехле, с виноватым видом предъявил Тиграну находку.

– У него был сагарис, топорик из железа.

Тигран внимательно посмотрел на топорик, на убитого воина, затем поднял глаза на остальных:

– Копье-магнетит тянется к железу... У кого еще есть железные предметы?

Все, потрясенные происшествием, замотали головами, а

Меружан отбросил топорик в сторону.

– Жертва, о которой предупреждал змей... Возможно, дальше будет еще опаснее, но мы пойдем вперед, – произнес царь и первым прошел привратников, за ним последовали остальные.

Зажигая по ходу движения факелы на стенах, малочисленная группа продвигалась по длинному, вырубленному в скале, коридору. Слева и справа висели бронзовые щиты, украшенные барельефами драконов, львов, туров и собак. Вошли во второй скальный зал, расписанный яркими красками с преобладанием красного и голубого цветов. Тигран, потрясенный великолепием, остановился. Перед ним предстали выполненные из золота и бронзы боги и цари. В центре на золотом троне восседал вавилонский бог Мардук, та самая пропавшая из Вавилона золотая статуя. Глаза фигуры – два огромных рубина – тускло светились. Трон, сплошь покрытый клинописью и украшенный статуэтками слуг, опирался на лежащих фантастических быков с человеческими головами и крыльями. Статуя бога, олицетворявшая могущество высших сил, внушала трепет и страх.

Слева и справа от золотого Мардука стояли статуи богов – ассирийского Ашшура, урартского Халди, персидского Ахуры Мазды и армянского Михра, а в углах квадратного зала были размещены четыре статуи царей Вавилона, Ассирии, Персии и Урарту. У ног монумента урартского царя Русы на особой подставке стоял красный лощеный кувшин с ручка-

ми изящной формы.

Меружан удивленно спросил:

– Государь, почему так много богов?

Тигран сухо пояснил:

– Все племена и народы испытывают потребность осознать бытие. Религия дает человеку ответы на многие вопросы.

– На троне сидит Арамазд?

– На троне, Меружан, сидит главное божество, владыка богов, бог мудрости и мирового порядка Мардук, но, возможно, его имя Арамазд, а может быть, Зевс.

– Государь, здесь сбоку трона какая-то табличка с надписью, – сказал Меружан.

Царь подошел к трону Мардука и стал читать надпись на аккадском языке.

– Здесь написано: «Того, кто нарушит покой богов и царей, покарает своим гневом Мардук, а имя нечестивца и его наследников будет предано забвению».

Раздался странный журчащий звук. Тигран насторожился, недоуменно посмотрел в сторону одного из солдат. Тот, держа в руках красный кувшин, застыл в оцепенении.

– Что случилось, Агаси? – обеспокоенный Меружан направился к солдату.

Его взору открылась картина: Агаси держит в руках красный кувшин, не смея шевельнуться, а на его лице сидит большой черный скорпион с маленькими клешнями и огромным

жалом на хвосте. Не успел военачальник схватиться за меч, чтобы сбросить животное со стражника, как скорпион воткнул жало в лицо жертвы и впрыснул яд. Парализованный ядом солдат упал замертво.

– Ничего не трогать! – закричал царь. – Всем находиться рядом со мной!

Третий из солдат охраны царя Гурген панически завопил: – Это место проклято, это дела дэвов!

Меружан схватил его за пояс и потрянул, чтобы привести в чувство:

– Ты солдат, выполняй свой долг и ничего не трогай!

Тяжело переживая случившееся, Тигран стоял, опустив руки. Что дальше? Идти вперед, значит, подвергать себя и других риску; идти назад – не выполнить своего предназначения, и все усилия и жертвы были напрасны.

– Даже, если нам предстоит погибнуть, – горестно сказал он, – нужно идти дальше. Стремление человека к познанию двигает прогресс вернее, чем указы дюжины правителей...

Подойдя к запаниковавшему солдату и положив руку ему на плечо, царь негромко сказал:

– Благоразумие не всегда помогает избежать опасность. Гурген, держись подле меня, и все будет хорошо.

Взяв у воина факел, он стал искать следующую дверь, медленно двигаясь по периметру зала, но никаких признаков проема или двери не было. В свете огня высоко на стенах его взору предстали символы, исполненные из бронзы с вмон-

тированными в них ювелирными камнями. Тигран присмотрелся. На левой стене круг, на центральной треугольник, на правой звезда. Каждый древний символ, естественно, имеет свое значение, и, возможно, один из них и есть ключ к двери. Но какой?

Озадаченный Тигран обернулся:

– Пока ничего не могу предположить.

– Государь, – обратился к Тиграну Меружан, – должна же быть подсказка, послание или знак.

Отдав воину факел, правитель задумался. Несомненно, нужно разгадать замысел неведомого строителя дворца. Боги и цари, в это Тигран верил безоговорочно, готовы поведать тайну. Сняв с шеи золотой талисман Мардука, он внимательно разглядел символы. Есть изображение свернувшегося в кольцо змея, кусающего себя за хвост. Эту дверь прошли. Есть и символ звезда. Что о нем известно? Пятилучевая звезда, так называемая пентаграмма, в Месопотамии и Вавилонии считалась символом божественной идеи, воли и царской власти.

Все еще сомневаясь, Тигран проговорил:

– Мы в зале богов. Видимо, наш символ звезда.

Вдруг заговорил солдат Гурген:

– Государь, в моем селе звезду чертили над входом в жилище, отпугивая злые силы...

Тигран и Меружан внимательно посмотрели на солдата, потом быстро подошли к стене со звездой и, осветив ее фа-

келом, взгляделись в очертания символа. Меружан принес подставку, Тигран, поднявшись, стал размышлять. Все его пять чувств разом пришли в смятение. Лучи звезды были выложены разными камнями, и это был, несомненно, шифр, не разгадав который нечего и думать продвинуться дальше. Каждый луч звезды имел свой камень. Ясно, будет одна попытка выбрать правильную комбинацию. Но какие камни? Если ошибиться, произойдет непоправимое.

Зеленый изумруд, голубой опал, коричневый оникс, кроваво-красная яшма и желтый кошачий глаз. Тигран растерялся, снова оглядел зал. Его взгляд остановился на лежащем на полу погибшем воине. Скорпион! Каждый камень имеет свой характер, а в этом зале обитают скорпионы. Как-то выбирая амулет для своей царицы, он был поражен необычным сочетанием цветов одного изделия. Ювелир, предложивший приобрести оберег «скорпион» для Клеопатры Понтийской, сказал, что этот амулет защищает от влияния магических сил. Мастер изготовил его из голубого опала и желтого кошачьего глаза, а чтобы оберегать от несчастья, усмирять ненависть и мстительность, сделал его в форме скорпиона.

Опал вдруг заиграл разными цветами, а по кошачьему глазу, желтому камню, пробежал черный блик.

– Ты это видел? – спросил Тигран.

Меружан кивнул. Оба, почувствовав необычное в поведении солдата, повернулись и удивленно посмотрели на за-

стывшего как изваяние Гургена. Не моргая, солдат смотрел и указывал рукой на статую бога Мардука. Тигран и Меружан ахнули. Глаза бога – два огромных рубина – ярко светились красным светом, а на голове золотого истукана сидел черный скорпион.

Тигран тихо сказал:

– Многие народы поклоняются скорпионам, считая их вестниками и исполнителями высшей воли. Думаю, мы на правильном пути.

Он пальцами надавил на вставленные в бронзовую звезду камни – голубой опал и желтый кошачий глаз. Кристаллы, легко поддавшись, утопились. В ту же минуту в стене образовался проем – дверь со свистом отодвинулась. Тигран горько пошутил:

– Постичь замысел богов просто, если, конечно, знать толк в камнях. Я всегда удивлялся, почему римляне считают опал камнем, приносящим удачу?

Однако было не до шуток. Отодвинув ногой подставку, он в сопровождении верных воинов, освещающих путь факелами, двинулся вперед.

Глава 44. Меч бога

Они оказались в большом помещении, выдолбленном в скале. При входе Гурген зажег два масляных светильника на треножниках – стало достаточно светло. В центре зала покоилась большая прямоугольная глыба черного базальта – алтарь. Базальт – магматическая твердая и труднообрабатываемая порода, существенно прочнее гранита. На боку глыбы – изображение символа аревахач в виде круглого вихревого винтообразного круга. Древний армянский символ вечности аревахач имел восемь крыльев, олицетворяя собой цикличность бытия и круговорот энергии. Раз здесь алтарь, а он, как известно, является воплощением нерушимости и вечности богов, значит, в этом зале Тигран и его спутники находятся ближе всего к богам.

– Зачем здесь алтарь? – недоумевал Меружан.

– И боги, и цари совершают здесь совместное жертвоприношение, – проговорил Тигран.

Они подошли ближе, посветили факелом. Навершие жертвенника имело высеченные в камне четыре символических знака – два треугольника, квадрат и круг. В центре стоял глиняный кувшин с водой.

Тигран пальцами прикоснулся к знакам:

– Я могу истолковать эти символы, как их понимали мои предки. Обращенный вниз треугольник – вода, обращенный

вверх треугольник – огонь, квадрат – земля, круг – воздух.

В полной тишине раздался звук падающей капли воды. Меружан вздрогнул. С потолка капля упала прямо в кувшин. Каким-то образом вода просачивалась сюда, и капля за каплей сосуд наполнялся водой.

Тигран в некоторой задумчивости произнес:

– Восемь крыльев знака аревахач – не так уж плохо...

Восьмерка почти во всех странах, кроме, наверное, Индии, ассоциировалась с любовью и согласием, а в Вавилоне восьмерка символизировала рай... Получается, боги приглашали Тиграна в свое царство, но все не так просто: нужно разгадать очередную загадку.

Царь, обойдя вокруг алтаря, остановился у стены из серого базальта.

– Двери опять нет, – с сожалением произнес он.

Затем, вернувшись к алтарю, задумался. Четыре символа стихии и восемь крыльев знака аревахач... Четверка или восьмерка имеет значение? Вспомнилось, что философы часто говорили о четырех активных началах – теплый, сухой, влажный и холодный. Сочетания этих начал и образуют стихии. Так, сочетание сухого и холодного образуют землю, сухого и теплого – огонь, влажного и теплого – воздух, а влажного и холодного – воду.

Разум Тиграна рождал воображение. В Вавилоне верили, что число – это принцип, лежащий в основе миропорядка. Высшие силы здесь, в Дворце власти, проявляются в зави-

симости от чисел, следовательно, четверка и восьмерка имеют сакральное значение. Итак, есть четыре стихии – земля, огонь, воздух и вода, а число восемь означает единение неба и земли. Осмыслив объективные закономерности, Тигран пришел к выводу: алтарь ждет приношение богам.

В этот момент в дальнем темном углу засветились два огонька. Перепуганный Гурген отступил назад, Меружан, приготовившись к бою, обнажил меч. Появилась еще пара огоньков, и еще. Глаза животного! Отраженный от факела свет, как от зеркал, ярко светился в темноте в этих глазах. Раздался шорох. На освещенные участки помещения, крадучись, вышли кошки – у каждой один глаз небесно-голубой, другой зеленовато-янтарный. Белые пушистые животные, восемь кошек, разошлись по залу и сели вокруг алтаря. Ванские кошки – древнейшая порода, живут они в этих местах уже семь тысяч лет; хеттские цари их изображали на монетах. Но как они попали в пещеру?

Меружан расслабился и улыбнулся:

– Ванские кошки, как и мои воины, храбры и отважны. Похоже, они способны выживать в самых жутких условиях.

Тигран вновь сосредоточился на загадке.

– Меружан, нам нужны вещи, чтобы собрать четыре сочетания: сухое и холодное, сухое и теплое, влажное и теплое, влажное и холодное.

Вдруг на глазах у изумленных людей одна из кошек запрыгнула на алтарь, легла на символ огня и, повернув морду,

выжидаяще посмотрела на Тиграна.

Тот улыбнулся:

– Ну, что ж, «сухое и теплое» у нас есть.

На алтарь заскочила вторая кошка и примостилась на знаке «земля». Тигран сказал:

– Меружан, дай твой кинжал! – Положив бронзовый кинжал рядом со второй кошкой, произнес. – Лезвие кинжала холодное, вот мы и имеем сочетание «сухое – холодное».

На символ «воздух» уже взошла третья кошка и стала махать лапой. Тигран взял кувшин с водой и полил место рядом с этой кошкой.

– «Теплое и влажное», – прокомментировал он. – Удивительно, эти кошки не боятся воды!

Затем он вылил немного воды на символ «вода» и, поставив кувшин на место, сказал:

– «Влажное и холодное» образуют стихию воды. Гурген, дай твой кинжал!

В момент, когда он положил кинжал на алтарь, раздался шум, плита в стене медленно, со скрипом отъехала, освобождая проход в следующее помещение. Тигран и его спутники, освещая путь факелами, прошли дальше.

Новый зал казался небесным причалом. Нет, конечно, он не был на небе, всего лишь большое помещение, выдолбленное в скале, но, светясь таинственными огнями, зал поражал своим убранством и сокровищами. Ступившие на его порог

зажгли масляные светильники. В свете яркого пламени засияли горы золота, алмазов, многоцветных камней и жемчуга. Вазы, кувшины, оружие, ожерелья и масса ювелирных украшений, все превосходного качества, лежали в сундуках и прямо на полу. Переливаясь и сверкая, драгоценности привлекали внимание людей, которые, не в силах оторваться от созерцания совершенных изделий, собранных со всего света, желали лишь одного – обладать ими.

Гурген поднял крупный сапфир глубокого синего цвета, и смотрел на него своими огромными карими глазами, как замороженный, не смея моргнуть. Меружан взял в руки кинжал с рукоятью и ножнами из чистого золота с инкрустацией драгоценными камнями, с восторгом разглядывая его. Тигран, налюбовавшись сокровищами, сопровождаемый кошками, продвигался вдоль стен, рассматривая надписи, рельефы и рисунки – изображения грифонов, крылатых богов, драконов. Не иначе как драконы и грифы охраняют сокровища царей Востока.

Увидев, что его спутники зачарованы блеском золота и камней, он крикнул:

– Ничего не трогать, мы здесь с другой целью!

Положив на место драгоценные вещи, Меружан и Гурген пошли за царем. Кошки их сопровождали. Когда пушистые ванские зверьки сели у изображения Древа жизни, Тигран понял: вот и дверь, но открыть ее можно, разгадав очередную загадку.

От главного мощного ствола Древа отходили по шесть ветвей влево и вправо, на каждой из них по одному символическому листку, и еще один на верхушке ствола. Конечно, это – схематическое изображение, вернее, мифологический образ, однако Древо выстраивает взаимосвязь всей жизни на земле. Снова загадка, и опять камни. Три верхних листка – ярко-красные рубины, остальные листья из изумрудов насыщенного зеленого цвета. У основания Древа – крупный ярко-алый алмаз – самый редкий и дорогой алмаз в мире. Над дверью нависал каменный Змей, а по ее сторонам высечены рельефные крылатые божества.

– Мы у цели, – Тиграна охватило чувство благоговения. – Нелегко осознавать, но там, за дверью, находятся вещи, воплощающие в себе сакральное начало и дарующие человеку вечную жизнь и всеведение.

– Неужели это и есть кладовая бессмертия, спасения и славы? – радостно спросил Меружан.

– Думаю, что так. Но как ее открыть?

Тигран, ища ответ в глубинах своей памяти, размышлял. Древо олицетворяет в себе единство мира, оно модель Вселенной, где для каждого существа, для каждого предмета есть свое место...

Гурген шепотом поинтересовался у Меружана:

– Змей и два божества охраняют вход?

– Этот Змей – пронизательный и бдительный, – негромко проронил Меружан. – Конечно же он страж кладовой, а два

божества его помощники.

Гурген с благоговением посмотрел на дверь. Тигран понимал, что каменные сторожа караулят сокровенное и тайное знание. Если не удастся разгадать шифр, то символическая стража оживет: Змей, по-видимому, буквально испепелит, а божества нашьют на оплошавших суровые кары. Но Тигран верил в удачу, а кроме того, ежедневные встречи с философами не прошли даром. Он пустился в отвлеченные рассуждения. Дерево жизни символизирует изменение и обновление. Все на земле связано, и все происходит от одного корня. Ствол Древа есть вертикаль от подземного мира к миру божественному, между которыми располагается мир человеческий.

Шесть ветвей с одной стороны и шесть с другой... Появился соблазн назвать эти ветви, как учил царя Евсевий. Верхушка ствола – вера, а по бокам – любовь, благодарность, радость, мудрость, добро, терпение, надежда, великодушие, сострадание, воздержание, справедливость и служение. Корень – смирение.

Тигран произнес:

– Три верхних рубина – это вера, любовь и благодарность. Нижний алмаз – смирение...

– Ну, вот, государь, – радостно сказал окончательно сбитый с толку Меружан, – ты уже раскрыл тайну, нажимай камни, и можно входить!

– Если бы, – тихо проговорил Тигран.

Царь, унаследовавший от предков способность оперировать символами, продолжал искать истину. Ванские кошки, возможно разочаровавшись, бесшумно ушли, но Тигран чувствовал, что какие-то неведомые силы ведут его к разгадке тайны, форсируя логический ход мысли. Древний символ несет одну объединяющую идею (ее он еще не уловил), но ясно, что Древо жизни является связующим звеном между землей и небом, воплощением стремления человека к высшему разуму, совершенству и бессмертию. Погруженное корнями в недра земли, соприкасаясь с подземными водами, Древо растет в мире пространства и времени, а его ветви достигают небес и вечности. Древо несет сакральную идею – творение, плодородие, инициация и бессмертие. Под сенью Древа родились боги и цари, оно выражает слияние земной жизни с волей небес, является инструментом для вмешательства небесных сил в события на Земле...

Вдруг листья Древа жизни – рубины, изумруды и алмаз – засияли благородным блеском, успокоившим людей, в их сознании создалось равновесие. Значит, Тигран мыслит в правильном направлении.

– Знаешь, Меружан, на листьях этого Древа, согласно мифам, записаны людские судьбы. Умирает человек, и Древо роняет один лист.

– Я уже понял. Через Древо исполняется небесная воля богов.

Тигран отошел чуть назад и всмотрелся в изображение.

Ему внезапно привиделся мистический знак «крест». «Не может быть!» – подумал он. Крест, как верили древние и как думал он сам, – инструмент для добывания огня и знак, изображающий огонь. Однако в Египте крест почитался как символ бессмертия, в Халдее, Ассирии и Вавилоне крест был знаком удачи. Этот символ широко применяли хетты, финикийцы и персы. Даже у римских статуй богов встречаются кресты в качестве украшений, а в Греции крест вешают на шею во время инициации – обряда, знаменующего переход от детства к взрослому возрасту. Похоже, удалось докопаться до истины. Еще не до конца уверовав в правоту, царь нерешительно сказал:

– Возможно, крест.

Освещавший дверь факелом и молчавший до этого момента Гурген, вдруг высказался:

– Государь, я давно хотел сказать, что в этом рисунке вижу крест. В моем селе в храме бога солнца и справедливости Михра в праздники всем рисуют на лбу крест.

Тигран, внимательно выслушав солдата, получил еще одно подтверждение своей догадке. Он произнес:

– Крест по своей сути не что иное, как трансформация Древа жизни в графический символ. Ну, конечно, человек тоже похож на крест. Древо жизни и есть мистический символ «крест».

Почувствовав, что его мысль стремится выйти за пределы познания сущего и перейти в высшую плоскость пони-

мания замысла богов, он смело подошел к двери, к изображению Древа, и последовательно нажал три рубиновых камня и алый алмаз, образовав знак крест: верхний камень, а также нижний, левый и правый. Левый камень прежде правого, потому что сердце у человека слева. Рубиновые камни и алый алмаз засияли необычайно насыщенным цветом, раздался скрежет, и каменная дверь отъехала назад.

Волнение Тиграна передалось его спутникам. Там, за дверью, в тускло освещенной комнате, находятся сакральные вещи, имеющие отношение к божественному, мистическому, потустороннему.

– Я пойду один, ждите здесь, – произнес Тигран и вошел в заветную кладовую.

Меружан и Гурген, строго выполняя волю царя, остались с горящими факелами в руках ожидать у входа.

Тигран оказался внутри кладовой с магическими предметами. Три постамента из редкого зеленого базальта, и на каждом, как и говорил Митридат, лежали таинственные талисманы – сосуд с эликсиром бессмертия, волшебный меч и чаша богини. Все предметы переливались многоликими отблесками, поэтому в комнате было достаточно светло, чтобы их рассмотреть. «Сакральный центр мира», – подумалось Тиграну.

Жидкость в небольшом стеклянном сосуде с черной пробкой мерцала изумрудно-зеленым светом, гипнотизируя че-

ловека. Эликсир бессмертия! Это вещество обладало свойством омолаживать человеческий организм, продлевая его жизнь до бесконечности.

Волшебный меч в ножнах был длиннее мечей армянских воинов, имел простую гарду в виде крестовины, а навершие – металлический набалдашник со вставленным в него камнем – красным сердоликом. Сердолик часто использовали в амулетах для защиты от опасностей, а красный цвет означал искупление. Рукоять гарды золотистого цвета, ножны, видимо деревянные и обтянутые кожей, имели отделку золотыми и серебряными деталями.

Чаша богини здоровья Гигеи, дочери бога Асклепия, представляла собой каменный сосуд с крышкой из белого алебастра, изготовленный в Египте Имхотепом, а стенки чаши были настолько тонкие, что просвечивали насквозь, и было видно, что в чаше колышется жидкость – напиток, придающий силу всему живому. Ножку чаши обвивала змея, медленно скользя по сосуду.

Тиграну пришло на ум, что выбор есть ловушка, расставленная богами перед интеллектом, интуицией и обстоятельствами. Он безотрывно смотрел то на чашу, то на сосуд с черной пробкой, и предательские, корыстные и властолюбивые мысли лезли ему в голову. С помощью чаши Гигеи царь сможет исцелять себя и своих близких от любых болезней и, оседлав удачу, поднимется над добром и злом, его правление будет долгим и счастливым, он легко преодолет все невзго-

ды и превратности судьбы. Он перевел взгляд на эликсир бессмертия. Неплохо бы отведать эликсир. Стать бессмертным, совершить много полезного для своего народа...

Наш выбор всегда отражает нашу суть, хотя окружающие полагают, что мы мудрее, чем есть на самом деле. Свобода выбора и есть наше проклятие, поэтому свободы выбора не существует. Но делать выбор приходится, и лучше, если он будет простым и ясным.

Тигран стоял в раздумье. Наделенный властью и ответственностью, он должен думать прежде всего о процветании своего государства, но почему же им движет желание спасти мир, дать шанс человечеству обрести гармонию и счастье? Может, потому, что боги предназначили его для этого, поскольку мир, полный невзгод и страданий, движется к разрушению и гибели. Человечество – это жертва, которую боги принесут на алтарь во искупление грехов, и царю дан шанс осмыслить свое предназначение. Но почему, если все предопределено, решать ему? Это злило и вызывало неприятие: он всего лишь человек со свойственными ему недостатками и слабостями... Однако делать выбор нужно, и он сделает правильный выбор. Совесть Тиграна успокоилась.

Вспомнив фразу царя Понта: «Ты можешь взять только что-то одно, взяв больше одной вещи, ты рискуешь навсегда остаться в Дворце», правитель Армении отбросил нерешительность и колебания, подошел к постаменту и взял меч. Красный сердолик на рукояти меча ярко засветился. Искуп-

ление во имя спасения.

Тигран вытащил меч из ножен. Огненный клинок заблистал, озарив кладовую ярким светом. Священный меч Ваагна! По клинку пробежала молния, заскользили блики и показались знаки, казавшиеся поначалу просто красивым узором. Тигран разобрал слова на аккадском: «Великая любовь, безмерное милосердие, готовность жертвовать собою». Легкий, прочный, неуязвимый, выкованный из метеоритного железа меч символизировал справедливость и достоинство, свет и силу; он есть оружие божественной мудрости и правды. Меч бога-громовержца – вот высшая справедливость, потому что обладает магической властью над силами тьмы. Легенда гласит, что сам бог Мардук воспользовался этим мечом, чтобы убить дракона Тиамат. Царь, взмахнув мечом, с удовлетворением отметил не только его твердость, но и пластичность. Вложив клинок в ножны, он закрепил меч на поясе и вышел из кладовой.

Его спутники, истомившись от неизвестности, вздохнули с облегчением: царь снова с ними. А он, улыбаясь, сказал:

– Мы дошли до цели, и ради этой удивительной минуты стоило жить и страдать.

Меружан нетерпеливо спросил:

– Государь, неужели это меч Ваагна?

– Да, мой друг. Тучи сгущаются над человечеством. Мир хотят ввергнуть в пучину страшной катастрофы, – отвечал Тигран, – но этот меч укротит темную силу, а чудовищ сде-

дает кроткими.

– И излечит твой народ, государь, от ужасных видений и страха за будущее! – воодушевленно воскликнул Меружан.

– Несомненно! Мои верные воины, за мной!

Они шли по коридорам и залам Дворца власти, возвращаясь обратно. В зале с сокровищами внезапно раздались неясные звуки и голоса. Трое смельчаков насторожили слух. Чем дальше они уходили от кладовой чудес, тем громче разносился по Дворцу гул стонов и пронзительных криков. Леденящие душу звуки, завывания и мольба слышались из темных углов помещений, отсветы горящих факелов выхватывали тени чудовищ, казалось, что какие-то неведомые силы сейчас набросятся на людей, сомнут, вырвут сердце, выпьют жизнь... Мурашки пробежали у Тиграна по спине, но успокаивала и придавала силы мысль: «То, что я всегда искал, теперь у меня». Он дотронулся до висевшего у него на поясе меча и успокоился.

Пройдя зал бронзовых и золотых, а потому бесстрастных богов, минуя привратников, группа смельчаков оказались у каменной Двери Михра, только изнутри пещеры. Резкий порыв сквозняка загасил факелы, стоны и крики нарастали. Тигран дотронулся ладонью до двери, снова ощутив теплый шершавый камень, и на душе у него стало спокойнее: это армянский камень на земле его предков, правитель в ответе за царство, и сделает все во имя любви к народу. Нахлынувшие чувства придали новые силы. Он трижды дотронулся до

камня магическим диском, произнеся:

– Сезам, сезам, сезам!

Дверь, как и раньше, со скрипом и шумом медленно открылась, выпуская людей.

Внизу, под скалой, в ночи, сидели и лежали прямо на земле богатые царедворцы, полководцы и жрецы. Потеряв счет времени, одни пребывали в молитве, другие спали, третьи в общении друг с другом пытались разгадать тайный смысл похода царя, а солдаты из оцепления по-прежнему блокировали подступы к скале, над которой висела ярко-оранжевая Луна. Артавазд не находил себе места, с каждой минутой осознавая, какая ответственность за царство ляжет на плечи двадцатилетнего царевича, а поэтому думал о цене, которую придется заплатить за отсутствие мудрости, решительности и таланта править. Вдруг кто-то увидел горящие факелы на вершине скалы и как люди спускаются по тропе. Всех царедворцев оповестили, растормошили, подняли, и толпа уставших людей ринулась к подножию скалы встречать царя.

Артавазд подбежал к отцу. Взбудораженный Тигран говорил ему:

– Скала открыла свою тайну... Предстоит пройти путь, указанный богами... Нас ждет Арарат!

Глава 45. Имперские замашки Помпея

Римский форум – центральная городская площадь, центр политической, религиозной и экономической жизни Рима. Мимо храмов, статуй и монументов прогуливались консулы (консул – высшая должность в Риме, означает «заботящиеся о родине») Гней Помпей и Марк Красс. Консулов в эпоху республики всегда было двое равных по значимости, и избирались они сенатом на один год. В 70 году до н. э. ими стали Помпей и Красс.

– Год был трудный, мой друг Помпей, – Красс, поддерживая тогу с широкой пурпурной каймой, дружелюбно беседовал с коллегой. – Мне удалось подавить восстание Спартака.

– Если бы власти сразу же придали значение бегству десятка рабов из гладиаторской школы в Капуе, тебе, мой друг Красс, не пришлось бы усмирять грандиозное восстание, – говорил Помпей.

– Именно! Мне пришлось преследовать целую армию рабов и не дать им переправиться в Сицилию. Спартака я загнал в ловушку.

– Конечно, конечно, – поддакивал Помпей. – Мне тоже удалось поучаствовать в подавлении восстания.

Красс, ехидно ухмыльнувшись, скривил губы:

– И тебе, Гней, молва приписала главный вклад в победу... Ты младше меня, но почестей тебе оказали больше.

– Ты преувеличиваешь, Марк, – сказал Помпей, зная, что так оно и было.

Гней Помпей успешными войнами завоевал в Риме огромную популярность, ему даже при жизни дали прозвание Великий, многие считали его человеком строгих правил, неподкупным и бескорыстным, но особо посвященные знали, что он самонадеян, несамостоятелен и недостаточно решителен. Прекрасный организатор, одаренный стратег и политик, гордый и амбициозный, он был подвержен суевериям, часто лицемерил и мог предать кого угодно в любую минуту.

Марк Красс, полководец, политический деятель и триумvir, один из богатейших людей Рима, сумел завоевать репутацию отзывчивого человека, знающего все дела в Риме и всегда готового прийти на помощь. Благодаря богатству он достиг равного влияния с Помпеем. Поговаривали, что ему были свойственны корыстолюбие и скардность, что он сколотил огромное состояние благодаря проскрипциям (орудие политического террора, конфискация имущества неугодных), но он этого и не скрывал.

В то время в Риме было три ведущих политика: Помпей, Красс и Цезарь, и в воздухе витала мысль об их неформальном союзе. История уготовила триумvirату навести в Римской республике порядок, а может быть, заменить республиканский строй на монархию.

– Надо усилить надзор за рабами, – властно сказал Красс и дал знак ликторам, сопровождавших и охранявших его, остановиться и ждать.

– Весь государственный аппарат – и сенат, и магистратуры – оказались не способны предупредить восстание рабов, – сказал Помпей, подводя Красса к нужному выводу.

– Теперь мы оба избраны консулами, и нам предстоит подумать, как исправить положение, – сделал вывод Красс.

Консулы Рима обладали высшей гражданской и военной властью, набирали легионы и возглавляли их, созывали сенат и народное собрание, а в чрезвычайных обстоятельствах наделялись неограниченными полномочиями.

– Вот монархия с постоянной армией и хорошо отлаженным аппаратом управления никогда бы не допустила рабского восстания, – Помпей в своих рассуждениях шел далеко.

– Я согласен, – сказал Красс. – Сенаторам не нравится, что наши с тобой армии, вернувшиеся с победой, стоят у Рима. Боятся что один из нас захочет стать диктатором.

– Пора власть сената ограничить и расширить полномочия народного собрания, – словно невзначай произнес Помпей.

– Согласен. Нашему с тобой союзу сенат не сможет противостоять, – заключил Красс.

– Восстановим должность цензора и проведем чистку сената, не так ли? – Помпей внимательно взглянул Крассу в лицо.

– Да!

– А в провинции Азия, откуда поступают рабы и богатая добыча, восстановим откупную систему сбора налогов. Ты согласен?

– Я не против, – нехотя сказал Красс, понимая, что он на этом потеряет.

– Если потребуется, будем умело использовать народное собрание, чтобы вопреки воле сената получить чрезвычайные полномочия, – грозно раздувал ноздри Помпей. – Марк, мне нужна твоя поддержка в одном вопросе.

– Говори!

– Я не прочь получить назначение главнокомандующим для ведения войны с понтийским царем Митридатом.

– А как же Лукулл? – спросил удивленный Красс.

– Лукулл и так непомерно разбогател на войне, кроме того, в сенате им недовольны: часто действует наперекор запретам.

Оба консула знали, что Лукулла армия не любит, он часто идет на поводу чувств и эмоций. В Риме ходили слухи, что штурмовать без подготовки город Синопу, где Митридат держал свои сокровища, его заставила любовница, и операцию он провел так бездарно, что утопил корабли с понтийским золотом. Откупщики (сборщики) налогов им тоже недовольны, чиновники в бешенстве (всем ограничил произвол), итоги войны с Митридатом не ясны, царя Понта не пленил, а теперь нацелился на Великую Армению.

Красс презрительно скривил усмешку:

– Римские легионы так далеко еще не ходили. Даже завоеватель Александр Македонский не решался войти в Армению. Не пойму что движет Лукуллом?

Помпей поморщился:

– Поговаривают, что он ищет какие-то мистические предметы и тайное знание, якобы это сделает его всесильным, поднимет до уровня богов.

– Ты в мистике лучше разбираешься, Гней... Каков мой интерес в этом деле? – Красс считал обыкновенным обсудить свои приобретения.

Помпей четко разложил все по полочкам:

– Я сделаю Понтийское царство провинцией Рима...

Доводы, приведенные Помпеем, вполне убедили Красса. Великую Армению завоевать Лукуллу не удастся. Горный народ Армении слишком агрессивен, всегда готов сопротивляться и бороться за свою независимость. Нужно действовать хитростью и политическими методами, чтобы склонить царя Тиграна на сторону Рима. Пусть платит дань, присылает чудесных лошадей, снабжает медью и железом и держит в узде свой непокорный народ. А что касается Красса, то Помпей пообещал помочь ему в получении войны с Парфянским царством, богатейшим государством Азии, где сосредоточены сокровища Вавилона, Месопотамии, Сирии, Индии и других стран.

– Заманчиво! – в воображении Красса рисовалась идил-

лическая картина.

В этот момент мимо них проходил сенатор Катул. Он был в белой шерстяной тоге с пурпурной полосой, красной обуви и имел золотое кольцо сенатора. Метнув косой взгляд в сторону обоих консулов, он с негодованием побагровел и ускорил шаг.

Помпей негромко сказал Крассу:

– Это сенатор Катул, ярый сторонник Лукулла.

Как только сенат начинал обсуждать действия Лукулла, Катул тут же кричал: «По примеру предков сенат должен искать гору, удалившись на которую он спасет свободу».

Красс, заинтересовавшись идеями Помпея, спросил:

– Как все это устроить, ведь сопротивление сената преодолеть невозможно?

Помпей видел, что Красс озадачен, поэтому изложил свой план. Нужно подобрать трибуна для проведения через народное собрание постановления, наделяющего Помпея чрезвычайными полномочиями в борьбе с пиратами. Помпей, получив небывалую армию, корабли, деньги и оружие, разделается с пиратами, а затем повернет армию на завоевание стран Востока. Трибун Манилий проведет через народное собрание постановление об отзыве Лукулла с Востока и передаче Помпею главного командования в войне с Митридатом.

– Манилий? – Красс был удивлен. – Трибун, которого собираются после окончания полномочий привлечь к суду за

хищения?!

Помпей охладил горячность коллеги:

– Я договорился с Цицероном; он возьмется за это дело и добьется оправдания Манилия.

– Ну, если защиту будет вести Цицерон, вопросов нет, – Красс успокоился. – Под каким предлогом будет отозван Лукулл?

– Конечно же с целью скорейшего завершения войны. И еще! Я хочу получить особое право объявлять войну и заключать мир без санкций из Рима.

– Помпей, ты молодец! – одобрительно хмыкнул Красс. – Добыча, захваченная на этой войне, сделает тебя богатейшим человеком Рима.

Помпей демонстрировал на редкость собственнические замашки, впрочем, такие же, как и у Красса.

– Но и римская казна возрастет вдвое! – прыснул Помпей.

– Хорошо бы снизить на треть налоги всадническому сословию, в том числе ростовщикам, – серьезно сказал Красс. – Таково мое условие. А лично меня интересует наместничество, например, в Сирии, откуда я начну войну с Парфией. Хочу власти и славы...

– Марк Красс, – торжественно объявил Помпей, – ты получишь и власть, и славу, и лучшую армию, чтобы вести войну с врагами Рима, я обещаю!

Довольные друг другом, консулы разошлись по своим делам.

Глава 46. Восхождение на Арарат

Грозовая туча висела над Араратом. Гора притягивала свинцовые тучи, а ее вулканическая порода впитывала влагу. В любой момент в этих местах мог пойти дождь, град или снег. В грозовые дни пейзаж вокруг горы окрашивался в мрачные тона, и только вершина Арарата, покрытая вечными снегами, таинственно белела как седина на голове могучего великана. Солнце иногда пробивалось через темные облака, и его лучи, веером падая на землю, озаряли грозовой сумрак.

Луч света упал на одухотворенное лицо Тиграна и божественное личико Аревик, согрев и вдохновив путников на грядущие свершения. Золотые серьги с гранатом, которые царь подарил любимой перед путешествием к горе, искрились на солнце, как молодое красное вино. «Гранат притягивает удачу», – сказал он ей вчера, а сейчас владыка любовался девушкой и воодушевлялся чарующим блеском ярких пурпурных камней.

На третий день пути царь верхом на коне с заветным мечом на боку подъезжал в окружении свиты к крепости у подножия горы Арарат, чтобы в старинном храме Арамазда испросить благословление бога. Величественный и неприступный Арарат, который армяне называют Масис (высочайшая гора), безмолвно высился перед путниками, подпирая дву-

главой вершиной небо. Путь из Вана лежал по живописным местам – бурные водопады и лазурные водоемы, плантации виноградников и цветущие долины, – но, чем ближе к горе, тем беднее становилась растительность, а вскоре она исчезла вовсе.

Поднимаясь по пологому склону горы, царь подал знак, и конный отряд остановился. Спешились. Тигран, Аревик и Артавазд подошли к источнику, считавшимся у местных священным. Капля за каплей сочилась из скалы прозрачная и холодная вода, наполняя небольшой водоем, высеченный в камне. Рштуни, нахарар этих мест, пояснил:

– Государь, это – священный источник. Вода в нем чудесная.

Местный люд заметил, что вода из этого источника привлекает розовых скворцов. Когда где-то появляется саранча – страшный бич земледельцев, – к источнику посылают за водой и везут ее на поле. Тут же на это поле прилетают розовые скворцы и истребляют саранчу.

– Подать кубок! – приказал Тигран и, зачерпнув воду из источника, с удовольствием выпил. – Вкусная. Все попробуйте, получите удовольствие!

Объявили привал. Приближенные царя, передавая легенду из уст в уста, пили и набирали в сосуды волшебную воду. Аревик тоже набрала ее в небольшой сосуд, висевший у нее на поясе в красном чехольчике.

Васак недовольно говорил:

– Скудны растительность и мир диких животных в этих местах...

– Поднимался ли кто-нибудь на вершину горы? – спросил Гнуни.

– Нет, – отвечал Рштуни, – это невозможно.

– Там, на вершине, – сказал верховный жрец Спандуни, – что-то есть, и боги никому не разрешают ее достичь.

Считается, что однажды жизнь на Земле после потопа возродилась здесь. Очень давно это было. Вавилонские таблички донесли до нас, что на совете богов было принято решение наслать на землю потоп и уничтожить погрязшее в пороках и грехах человечество. В течение семи дней и семи ночей на земле бушевала буря такой силы, что даже боги испугались ее. Только один из царей получил от богов наставление по строительству огромной лодки. Он с семьей спасся и на горе Арарат возродил жизнь.

– Согласно эпосу, – сказал Тигран, – вавилонский бог мудрости Эа спас своего любимца царя Зиусудру, так что все мы его потомки.

Окружение царя с восхищением посмотрело вверх, на вершину горы.

– Набирайте воду, – обратился к людям Рштуни, – дальше по дороге до самой крепости не будет ни реки, ни ручья. Ледники тают, но вода по поверхности горы не стекает. Она проложила себе путь под землей и выходит на поверхность далеко внизу на равнинных участках.

Тигран, обращаясь к Артавазду и Аревик, произнес:

– Красоту и величие Арарата забыть нельзя, эта гора священна для нас, она свидетель нашей истории.

Путь продолжили, и вскоре царь со свитой въехали в крепость Даройнк, стоящую на перекрестке торговых путей у юго-западного подножья Арарата. Старинная крепость, построенная еще во времена Урарту, стояла на пологих краях скалы. Всех разместили по многочисленным комнатам, выдолбленным прямо в скале. Для царя и Аревик приготовили лучшие покои крепости. Был прекрасный обед, на котором, как всегда, произносили возвышенные тосты, а потом царь с верховным жрецом направились в храм Арамазда.

Перед каменным изваянием бога, высеченного резцом армянского мастера, Тигран упал ниц и стал просить отца армян, верховного бога, создателя неба и земли, небожителя, обладавшего величайшей мудростью и наставляющего на путь справедливости, не оставлять царя одного, сразить молниями всех его врагов. Царь построил во всех городах царства храмы и святилища в честь Арамазда, принес всемогущему богатые жертвы, пришел сюда поклониться и просить благословения на борьбу с силами зла.

– О Арамазд! Ты призвал меня для борьбы со злом, грозящим погубить человечество. Ты всегда направлял меня, и теперь, в трудную минуту, помоги...

Каменный Арамазд молчал, только дымок воскурений медленно поднимался из чаши на алтаре. Жрец-толкователь

подошел к жертвеннику и начал изучать внутренности овцы, особенно печень, считавшуюся средоточием жизни. Печень – модель Вселенной. Подобно небесному своду, она делится на участки, и жрец читал по ним судьбу. Тигран и Спандуни ждали.

Наконец, жрец-толкователь обернулся и, поклонившись царю, сказал:

– Ты умилиствовал бога Арамазда, он пошлет своего сына бога молнии и грома Ваагна в помощь. Тебе надлежит подняться в пещерное святилище Ваагна, что на склоне горы, там молись и жди божественных указаний.

– Я пойду в святилище и буду молиться, – решительно произнес Тигран, держа руку на рукояти меча.

С заходом солнца в покоях царя зажгли масляные светильники. Тигран смотрел на лица своих приближенных и говорил:

– Завтра предстоит восхождение. Мы выйдем из крепости с восходом солнца и пойдем на гору в пещерное святилище бога Ваагна. Артавазд, ты проделал большую работу, исследовал эти места, побывал в святилище, но завтра останешься здесь.

– Но государь, лучше меня никто не знает тропу! Местами она опасна.

– Нет, ты останешься! Я не могу рисковать наследником престола. Риск слишком велик. Меня поведут твои воины.

Артавазд опустил голову: перечить царю в судьбоносный

час не решился.

Тигран, не ожидая ответа помощников, задал риторический вопрос:

– Что принесет завтрашний день – счастье, горе или успокоение?

– Государь, – сказал верховный жрец, – мы будем молиться за тебя.

– Государь, я уверен, ты достойно выдержишь испытание, – сказал Гнуни.

– Ты, государь, связан с богами, – сказал Васак, – они помогут.

– Отец, будь осторожен! – взволнованно произнес Артавазд.

Меружан, демонстрируя свою решимость вступить в бой с любым врагом, пообещал:

– Я буду подле тебя, государь, несмотря ни на что!

– Спасибо, друзья мои. Каждый из вас обладает неоспоримыми достоинствами. Вы моя надежда и опора, гарантия нерушимости дел, начатых нами! Чтобы ни случилось завтра, мы не потеряем присутствие духа.

Воодушевленные царедворцы разошлись по комнатам крепости, в покоях остались Тигран и Аревик. Владыка долго не мог заснуть, все думал о предстоящем пути в неизвестное.

Глубокой ночью его разбудила Аревик. От ее крика Тигран проснулся. Она сидела на кровати, вся съежившись, и

огромными глазами смотрела в темный угол комнаты.

– Что случилось, милая? – как можно мягче спросил он.

– Там кто-то есть, – трясясь от страха, сказала она.

Достав из-под подушки заветный меч, с которым Тигран не расставался ни на минуту, он встал и бесшумно прокрался в угол комнаты. В масляной лампе метался огонек, тускло освещая помещение. Тигран взял лампу, осветил темный угол. Никого! Но ковры на полу сдвинуты. Он отбросил край ковра. В полу зияло отверстие люка. Подземный ход! Глубокая черная нора уходила, видимо, далеко, так как чувствовалось непрерывное движение воздуха. Тигран, подойдя к стене с бронзовыми крюками (накануне он повесил на крюки боевой меч и кинжал), обнаружил: меча нет.

Распахнув дверь, царь приказал страже:

– Меружана ко мне, немедленно! Поднять караул по тревоге!

Через минуту явился Меружан. Успокоившаяся Аревик уже оделась и наблюдала за действиями мужчин. Меружан отправил двух воинов с факелами в подземный ход, приказал караулу искать преступника, проверил покои царя. В крепости учинили переполох, все пришло в движение, начался обыск.

– Государь, украденный меч тот самый?

– К счастью, нет, Меружан! Задерживаться здесь мы больше не можем, это опасно. Ближе к утру готовь мой личный отряд в путь!

Пришел Рштуни:

– Государь, этой крепости уже четыреста лет, она многократно перестраивалась, я не исключаю наличие в ней тайных ходов.

– Рштуни, – глядя в глаза дворянину, произнес Тигран, – ты, потомственный представитель знатного рода и правитель гавара, не смог обеспечить безопасность своего царя на одну ночь! Я разочарован.

Рштуни низко опустил голову: сказать нечего. Сообщили, что никого из чужих не нашли, дыру в полу завалили валунами, но заснуть до утра уже никто не мог.

– Я пойду с тобой! – нервничая, обратилась Аревик к Тиграну.

Тигран пытался успокоить девушку:

– Милая, это опасно. Иду в неизвестность, да и подъем в гору будет нелегким.

– Нет, я здесь не останусь! Только рядом с тобой я чувствую себя в безопасности.

Видя, как испугана любимая, и понимая, насколько близко к ней привязан он сам, повелитель сдался:

– Ладно, милая Аревик, мы пойдем вместе, – Тигран поцеловал ее. – Вот уже несколько лет я не могу пресытиться твоей любовью, она придает мне силы и уверенность.

– Я люблю тебя, государь, всем сердцем и душой, – Аревик с восхищением смотрела на него.

С восходом солнца на лошадях тронулись в путь и, двигаясь по узкой тропе, начали тягучий подъем по камням. Дорога петляла, теряясь иногда в темных скалах, но опытный проводник, ехавший на резвой лошади впереди, уверенно вел за собой Тиграна и его спутников. За царем следовал Меружан, и вся эта затея ему не нравилась: небо обещало недобрый день, да и вид Арарата был устрашающим. Рядом с Меружаном ухал преисполненный решимости его верный воин Гурген, ничего не боявшийся после пережитого в Дворце власти.

– Сегодня опять нас ждут приключения? – спросил он начальника.

– Зная характер царя, не сомневаюсь, – ответил Меружан.

Чувства переполняли и Аревик, настоявшей, чтобы ее взяли в поход. Своей смелостью она вдохновляла и Тиграна, и всю группу, придавая уверенность даже самым неуверенным мужчинам. Тигран улыбался ей:

– На этих склонах возделывали лозу много тысяч лет назад. Смотри, вон ползучая виноградная лоза, но не дикая, а культурная.

Она тоже улыбалась царю, как бы говоря: «Все будет хорошо!»

– Сложный переход, – тревожно прозвучал голос Васака. Гнуни оценивал обстановку трезво:

– Сложности начнутся потом, когда, оставив лошадей, придется идти пешком.

Рштуни, ехавший впереди царя, обернулся:

– Государь, погода ухудшается. Ветер гонит тучи в нашу сторону.

На уступе горы остановились. Тигран глянул вниз. В лучах восходящего солнца открылся невероятно красивый вид лежащей внизу долины. В обрамлении оранжевых нитей дорог раскинулась окрашенная в цвета сочной зелени равнина с золотистыми вкраплениями – сверкающими на солнце камней с кварцем. Он посмотрел на Аревик – в ее глазах отражалось счастье, – и улыбнулся.

Группа поднималась все выше. Длинные тени от скал, вокруг которых словно дым вился белый туман, выглядели как молчаливые часовые, преисполненные желания сохранить тайну горы. Тропа, извивавшаяся по обнаженному хребту, покрытому грудами камней, становилась уже и круче. Усилившийся ветер трепал одежды, затруднял движение. На очередном уступе горы пришлось оставить лошадей и приступить к пешему восхождению. Люди медленно продвигались вверх, цепляясь за валуны и камни, вслушиваясь в шум ветра. Тигран, заметив, что многие с трудом преодолевают препятствия, создаваемые природой, подзадоривал их.

– Это восхождение есть преодоление себя. Гора либо пустит нас, либо нет, но если взойдем на гору, станем победителями.

Сильный гром внезапно прозвучал в вышине, и казалось, что гора сейчас расколется пополам. Все вздрогнули. Начался дождь, идти стало труднее, каменистая тропа, скользкая и

опасная, держала людей в огромном напряжении, и не было ни кустика, ни дерева, чтобы схватиться за ветви и устоять на ногах.

На отвесном склоне тропа перешла в узкий карниз. Проводник и Рштуни шли впереди, один за другим, за ними Тигран, держа за руку Аревик, далее Меружан, Гурген и остальные. Шаг за шагом, рискуя сорваться в пропасть, люди пробирались к пещерному святилищу Ваагна: оно было уже недалеко. Удар грома сотряс небо и землю, молния ударила прямо в карниз, и выступ, на котором стоял проводник, обвалился вниз. Все произошло так быстро и страшно, что только Аревик успела вскрикнуть, остальные в паническом испуге смотрели, как проводник с камнями падал в пропасть.

Тигран прижал к себе Аревик, ее тело сотрясали рыдания. Перекрикивая шум бури, он вскричал:

– Милая, если нам предстоит погибнуть, пусть великая сила любви соединит наши души навечно, чтобы в утешении и радости пребывать на небесах!

Собравшись духом, путники придвинулись к зияющей пробоине в карнизе. Над брешью царь аккуратно передал самое дорогое что у него есть – свою возлюбленную – в протянутые руки Рштуни, и тот перенес ее на другую сторону тропы. Убедившись, что любимой ничто не угрожает, Тигран протянул руку Рштуни и перебрался на уцелевший участок тропы.

Попытка взойти на Арарат считается делом дерзким. Бывает, внезапный ветер сдувает человека в пропасть, а молнии, частые здесь гости, взрывают скалы, и те, падая, увлекают за собой смельчаков. В народе издревле сложилось мнение, что восхождение на Арарат сопряжено с большими трудностями и опасностью для жизни.

Тигран и Аревик шли по карнизу дальше, как вдруг молния в сопровождении сильнейших ударов грома с треском вонзилась в злополучный карниз, разрушив большой кусок тропы. Царь и Аревик остались на одной стороне провала, остальные, невредимые, на другой. О движении сопровождавших царя к святилищу не могло быть и речи. Свита в ужасе остановилась, ожидая развязки.

Тигран решительно пошел вперед, и путь ему освещали мелькающие сполохи молний. Взяв девушку за руку, он медленно вел ее по карнизу, пока не они оказались на ступенях, ведущих к святилищу. Махнув рукой Меружану, мол, спускайтесь вниз, царь и девушка направились к пещере.

Грозовые тучи над Араратом сплошь заволокли небо, молнии продолжали сверкать, всюду гремел гром, разразилась страшная буря, сильный ветер порывался снести людей с утеса, мелкие камни потоком плотного воздуха понесло не вниз, а вверх, по склону горы с грохотом скатывались огромные валуны. Сама природа взывала к царю, а он, веря в свое предназначение, шел к цели.

Глава 47. Поверженный дракон

Древнее святилище, приписываемое богу Ваагну, находилось в пещере на склоне горы. В те времена в Армении многие храмы строили внутри скал или в пещерах. Тигран и Аревик вошли в освещаемый масляной лампадой квадратный, выдолбленный в скале зал с рельефными рисунками на стенах. Никто не помнил, когда возвели это святилище, но стены были черны, что говорило о его почтенном возрасте. В глубине помещения стоял почерневший каменный алтарь с античным рельефом «Божество поражает мечом дракона». На алтаре в чаше горел жертвенный огонь.

Эхом разнеслось по полутемному залу:

– Ничего не бойся!

Тигран с удивлением взглянул на алтарь.

Голос продолжил:

– Бог изольет на тебя милость свою.

Из темного угла на свет вышел седой старик в штопаном длинном хитоне и, подойдя к алтарю, бросил в огонь ветку мирта. Мирт – вечнозеленое растение из сада блаженства, символ тишины, мира и наслаждения.

Потрясая бородой, старик произнес:

– Государь, я отшельник, зовут меня Агни. Я удалился сюда, на гору, от суеты и благ мира и живу в уединении, непрестанно молясь.

Удивленный Тигран спросил:

– Агни, ты служишь богу грома Ваагну?

– Кому-то нужно постоянно поддерживать горение пламени на алтаре. Пока горит жертвенный огонь, есть надежда, что злые силы не покинут гору. Что случится, когда я умру, не знаю.

– Агни, – произнесла Аревик, – народ Армении страдает от землетрясений и засухи, из Арарата, священной для нас горы, выходит черный дым. Как это остановить?

– Боги и герои, Аревик, ведь так тебя зовут, заточили в подземелье этой горы самую темную силу на земле в облике дракона-вишапа. Это жестокое и свирепое существо и есть злой дух, готовый истребить человечество. Дракон вот-вот окончательно сбросит оковы. Если он вырвется на свободу, настанет конец света.

– Ты знаешь это наверняка? – спросил Тигран.

– Давно я здесь живу. Дракон часто вопит и рычит, сотрясает гору, призывает бури и смерчи, изрыгает огонь и дым.

Аревик смотрела на старца с надеждой:

– Чего же ждут боги, подвига человека?

– Человечество живет несправедливо, богам это не нравится, – уныло ответил старец.

Тигран возразил:

– Но человечество пытается преобразовать мир, совершенствуя и себя. По сути, человек творец, и рано или поздно он нащупает путь к праведной жизни.

– Не думаю. – Старец, бросив в огонь еще одну ветку мирта, горестно вздохнул: – Человечество избрало путь, ведущий к гибели. Оно выродилось духовно, разрушило добродетели, забыло традиции. В мире процветают пороки: высокомерие, зависть, тщеславие, похотливость, обжорство, пьянство, лень... Добро и зло уравнились. Я умру, и гибель человечества будет предрешена.

– Этого нельзя допустить! – в страхе воскликнула Аревик.

– Да, прекрасная девушка. Жалко, что разрушится связь времен и многообразие мира.

– Человечеству нужен шанс, – говорил с убежденностью Тигран, – мы должны остановить катастрофу.

– Бог Ваагн призвал меня сюда, – продолжал отшельник. – Я стар и бороться со злыми чарами не могу, вот я и молюсь. Ваагн, которому наш народ поклоняется, предназначил бороться с драконом другого.

– И кого же?

– Тебя, Тигран! Ты отважен, как Ваагн, и, подобно ему, рожден с особой миссией – сражаться с драконами.

Царь проговорил:

– Ваагн воплощает в себе гром и молнию, силу и храбрость, а я всего лишь человек. Может ли простой человек, даже царь, противостоять мировому злу?

– Ваагн вручил тебе меч из небесного огня, а солнце и есть небесный огонь. Твоя спутница с пышными каштановыми волосами и красивыми глазами, Тигран, здесь неслучайно,

ведь ее имя Солнце.

Государь все понял. На его голове шелковая лента славы, а остроконечные зубцы царской тиары символизируют лучи солнца, царь и есть солнце, воплощение бога. Огненный меч в его руках не раз помогал богам и отважным героям сражаться с драконами и побеждать их. А имя Аревик означает солнышко.

Тигран смиренно сказал:

– Божественная воля для меня закон.

Агни произнес:

– Стань героем, поверь в себя!

– Я готов, Агни. Какое наставление будет мне?

Старец посмотрел ему в глаза, как бы убеждаясь в готовности:

– Для начала принеси жертву, чтобы умиловать богов.

Тигран снял с безымянного пальца правой руки золотой перстень с сапфиром – камнем мудрости и чистых помыслов – и положил на алтарь. Огонь в жертвеннике вдруг вспыхнул ярким пламенем.

– Твой огненный меч, – сказал старец, – способен запечатать зло в обличье дракона на веки вечные. Не уппусти шанс! – Агни, взяв из ниши в стене чашу, произнес: – Я приготовил священный напиток хаому. Выпейте оба – к вам придет великое прозрение.

Хаома – обожествленный напиток. Считалось, что он дарует силу, здоровье, славу и мудрость, а также бессмертие,

но некоторые его считают эликсиром, стимулирующим видения (галлюцинации).

Старец протянул чашу. Тигран взял и, глянув на зеленовато-желтую жидкость, спорить не стал и отпил несколько глотков, передав чашу Аревик. Она также выпила из нее. Началось действие праведного напитка. Сначала исказилось восприятие реальности, предметы расплылись, потом телесные ощущения прибрели новизну, возникли причудливые образы, сознание то туманилось, то прояснялось, и наконец, лихорадочно прокручивая варианты выбора и решений, возникло желание немедленно ввязаться в бой...

Старик медленно кружил вокруг царя:

– Прислушайся, Тигран, что слышишь ты?

– Я слышу дыхание горы, – удивленно отвечал тот.

– Это дракон. Ты храбр, вижу по твоим глазам, но еще не осознал своей истиной богатырской мощи. Уверен, в противоборстве со злом ты выйдешь победителем.

Старик подошел к алтарю и, навалившись на тяжелый камень, сдвинул его в сторону. Открылся узкий проход, из которого пахло сыростью и затхлостью. Жрец принес факел, поджег его от огня на алтаре и передал Тиграну. А тот, не имея представления, происходит ли действие во сне или наяву, взял Аревик за руку, и они, протиснувшись в проход, вступили на путь судьбы.

Над Араратом разразилась невиданная гроза. Раскаты грома невероятной силы сотрясали небо и землю, молнии

в бешеном ритме били в гору, выбивая груды камней, шел непрекращающийся ливень, вихри воздуха, устремившись с разных сторон к пещерному святилищу, кружились, стремясь одолеть друг друга, а затем бросались ввысь, обрушивая скалы. Казалось, земля разверзается под ногами. Сопратники Тиграна, не веря, что им удастся спастись, спрятались в гроте под глыбой утеса.

Глубоко под землей было тихо. Тигран и Аревик шли по длинному тоннелю, освещая путь факелом. Вечная ночь открывала свои тайны: взору представляли завалы, колодцы, расщелины, подземные реки... Вдруг раздался тихий звук.

– Я слышу пение, – Аревик остановилась, прислушалась.

– Это качи, бестелесные создания, подземные духи, – сказал Тигран. – Они поют, зачаровывая людей. Милая, не поддавайся их чарам, сосредоточься на дороге.

Двинулись дальше. В воздухе появились едва различимые существа, похожие на зверей: львы, тигры, змеи. Тень льва приблизилась к людям и, разинув пасть, застонала.

– Аревик, осторожно! – воскликнул Тигран. – Появились дэвы, они способны довести до безумия.

Вынув из ножен огненный меч, он рассек им едва различимый силуэт льва. Тень хищника немедленно растворилась в воздухе. Вложив меч в ножны и взяв девушку за руку, Тигран снова двинулся в путь по нескончаемому, как казалось, подземному коридору навстречу опасности.

И вдруг тоннель закончился. Валуны закрывали проход в

большой пещерный зал. Тигран и Аревик перелезли через полузаваленный вход. На темных скальных стенах зала неведомые каменотесы высекли странные рельефы и загадочные знаки. Своды зала поддерживали четыре столпа – белые колонны, расположенные по сторонам света. От зала в разные стороны расходились три тоннеля. На полу валялись изделия из золота и серебра вместе с дорогим оружием – кто-то хотел либо задобрить чудовище, либо уничтожить его. В свете факела изделия из драгоценных металлов блестели, отбрасывая загадочные блики на стены и потолок. Пахло ужасно. Ядовитые испарения разносились в огромном пространстве устрашающего сооружения.

– Милая, не бойся, будь рядом.

Тигран, закрепив факел в бронзовом кольце на стене, взял руку любимой. Послышалось страшное рычание, повеяло жаром, и из центрального тоннеля вылез монстр. Это был огромный черный дракон с ядовито-зелеными отметинами, покрытый чешуей, с большой свирепой головой, перепончатыми крыльями и длинным хвостом. Его четыре лапы с изогнутыми когтями были в железных оковах. Чудовище, выйдя на середину зала, остановилось – цепь не пускала. Всего одна цепь! Остальные три уже разорваны. Дракон взревел, его огненное дыхание превратилось в мощный залп длинного языка пламени. Тигран и девушка едва успели спрятаться за колонной.

Вытащив меч из ножен, царь прокричал:

– Аревик, оставайся здесь!

Он двинулся на дракона – вступить в единоборство. Блеск меча ослепил чудовище. Продолжая реветь, дракон пятился назад, но, как только смельчак приблизился, раскрыл пасть и изрыгнул пламя. Увернувшись от огня, Тигран устремился к монстру, ранив мечом дракона в ногу. Разнесся оглушительный рев, чудовище заметалось, заковыляло к центральному тоннелю и скрылось в нем.

В возникшей тишине был слышан только свист воздуха. Колонны в пещере окрасились в синий цвет, а на стене выступили черты крылатого быка с головой человека. Тигран, взглядевшись, подумал: «Хороший знак. Дух добрый».

– Милая, как ты? – вложив меч в ножны, он обеспокоенно смотрел на Аревик.

– Я в порядке, но очень боюсь за тебя.

– Зло приняло облик чудовища...

Чудовище – ужасный дракон, вселяющий страх и ужас в сердца людей, – воплощение дикой природной мощи, причина многих бед Армении. Если его не остановить, зло уничтожит все живое на земле. Тигран понимал: полностью истребить зло невозможно. Сегодня оно принимает облик дракона, завтра появится в образе другого злодея. К несчастью, местом обитания зла стала гора Арарат, духовный центр армян, и зло вырвется, если не придумать, как запечатать его в пещере на веки вечные. Мысленно Тигран обратился к богу грома и молнии: «О Ваагн, дай мне веру в себя и решимость».

довести задуманное до конца!»

Вдруг в тишине раздались шаги, из левого туннеля вышел Артавазд с мечом в руке. Тигран выхватил свой меч из ножен, но, увидев сына, вложил обратно:

– Артавазд? Что ты здесь делаешь?

– Отец, я пришел к тебе на помощь! Повсюду зашевелились ядовитые змеи и скорпионы, землю сотрясают гром и молнии. Мир рушится окончательно. Ты не можешь в одиночку справиться, только вместе мы одолеем монстра.

– Мой сын, воевать с чудовищем – моя судьба, мое предназначение. Но раз ты здесь, будем биться плечом к плечу.

– Благослови меня, отец, на подвиг, дай мне огненный меч Ваагна! Несмотря на мое благоговейное почтение к тебе, согласишься, мой отец, что я моложе, быстрее и точнее тебя, мое преимущество – в совершенстве владения мечом, и я завершу начатые тобой великие дела! – Артавазд простирает руки для благословения.

Тигран, растроганный и взволнованный, направился к сыну, чтобы благословить и отдать огненный меч.

– Да, да, ты мой наследник. Прояви свое могущество, и пусть о твоём подвиге повествуют потомки.

– Тигран, стой! – закричала Аревик. – Это не твой сын!

– Аревик, что ты говоришь? Это Артавазд. Уж своего сына я знаю хорошо.

– Нет! Артавазд не говорит высоким слогом, а слова «великие дела, великий подвиг» он просто ненавидит. Кто-то

выдает себя за Артавазда. Спроси его что-нибудь, что могли знать только вы оба!

Тигран остановился, внимательно посмотрел на юношу и, уже не так уверенный в правоте, спросил:

– Скажи, Артавазд, что подарил я тебе на восемнадцать лет?

– Отец, ты подарил мне коня, – прозвучал ответ.

Тигран выхватил из ножен огненный меч, и молния пробежала по острому клинку.

– Нет! – вскричал царь. – Это был не конь. Я подарил своему старшему сыну булатный меч. Сын никогда с ним не растается. А сейчас я его не вижу.

С этими словами Тигран с мечом в руке бросился на призрака, но тот, отступив в глубь пещеры, обернулся драконом, огромным и ужасным. Извергнув поток пламени, разъяренное чудовище скрылось в туннеле. Тигран пытался преследовать, но в туннеле было темно и невыносимо жарко. Государь возвратился.

– Этот дракон, несомненно, одарен умом и магической силой, он, как видно, может принимать любые обличья.

Зал пещеры изменился. Колонны позеленели, на стене проявились черты существа с туловищем льва и головой фараона. Тигран догадался: это сфинкс, символ солнца, силы и власти. Сфинкс есть фараон в виде льва, истребляющего своих врагов. Раздосадованный, что не удалось догнать чудовище, повелитель пошел к девушке, но внезапно остано-

вился как вкопанный. В зале было две Аревик. Он позвал:

– Аревик!

– Тигран, я здесь, – отозвалась первая.

– Я здесь, Тигран! – произнесла вторая.

– Не верю своим глазам! – ошеломленный царь обошел вокруг обеих. – Кто же из вас истинная Аревик?

Девушек отличить невозможно. Огромные карие глаза, пухлые губки, красивые каштановые волосы, голос и одежда – все точь-в-точь такое же.

– Тигран, неужели ты не видишь, что я и есть твоя Аревик, – произнесла первая.

– Она лжет, Тигран! Я твоя возлюбленная, помоги мне, защити меня! – вопрошала вторая.

Чудовище приняло обличье Аревик, но кто из них призрак? Царь с мечом наготове подошел к первой девушке:

– Если ты и есть моя возлюбленная, скажи, что я дал тебе перед поездкой из Вана на гору.

– Ты преподнес мне эти серьги с гранатами, – Девушка дотронулась рукой до золотой серьги, и камни насыщенного красного цвета заискрили своими природными гранями.

Тигран улыбнулся и повернулся к другой девушке.

– А ты скажи мне, что Аревик подарила мне, когда я собрался в поход в Селевкию?

– Я подарила тебе перстень с желтым топазом. Этот талисман превращает грусть от разлуки в радость от предстоящей встречи. Он и сейчас на твоей руке.

Тигран бросил взгляд на левую руку, где на указательном пальце сверкнул огнем желтый топаз. Камень топаз, как считается, оберегает от болезней и опасностей пути, усиливает чутье и придает уверенность.

– Иди ко мне, – сказал он этой Аревик, и та легкой походкой пошла. – Остановись! – Затем крикнул другой девушке: – Теперь иди ты!

Искренне улыбаясь, вторая, немного прихрамывая, пошла. Уверенность вернулась к Тиграну. Он все понял. Не раздумывая, бросился на этот хромой призрак, превратившийся в безобразную фурию. Получив удар мечом в шею, призрак заревел и, источая ядовитое дыхание, вновь обернулся свирепым чудовищем. Капли зеленой драконьей крови разлетелись по залу, раненый монстр, вопя и извергнув язык пламени, набросился на царя. Тигран отступил, но зверь, извиваясь, ударом хвоста сбил его с ног. Меч Ваагна со звоном отлетел в сторону. Обезоруженный и растерянный Тигран лежал на каменном полу, а чудовище надвигалось, намереваясь растерзать человека острыми когтями.

Аревик с ужасом наблюдала за поединком. Ее охватило тревожное чувство: вот-вот монстр набросится на любимого и убьет его. Она не допустит этого! Сорвав с пояса сосуд в красном чехольчике, девушка откупорила его и плеснула на рану дракона водой из священного источника. Чудовище заревело, исторгло из своей пасти черный дым, забилося в конвульсиях и рухнуло на пол. Поверженный дракон корчился,

из его ноздрей вырывался свист, он хрипел, пытался встать, но не мог и, с тоской посмотрев на людей, судорожно стиснул пасть.

– Спасибо, милая, – поднимаясь, сказал Тигран. – Ты спасла мне жизнь.

Взяв меч, удивился: клинок светился нестерпимым блеском, словно стараясь привлечь к себе внимание. Тигран понял: его миссия не завершена. Он подошел к девушке, поцеловал в губы и тихо произнес:

– Твое имя означает солнышко, ты и есть солнце моей судьбы, мое сокровище. Клянусь, буду любить тебя вечно, и наша любовь станет истинным восторгом жизни.

Колонны зала окрасились в красный цвет. На стене появилось изображение: орел со звездой в когтях. Орел – символ безграничной власти, победы и величия; звезда – символ божественной идеи. Чутье подсказало Тиграну что делать дальше. Из шеи неподвижно лежащего дракона сочилась кровь, вокруг чудовища образовалась грязно-зеленая лужа. Тигран вынул из ножен кинжал с ручкой из рога африканского носорога – необычный подарок Митридата – и обмакнул в зеленую кровь клинок. По поверью, если кинжал обмокнуть в драконью кровь, он приобретает чудодейственные свойства – способен пронзить все что угодно, даже каменную стену. Лезвие кинжала вмиг позеленело, потом заиграло всеми цветами радуги и, наконец, стало золотым, на нем проступило изображение дракона. Закрепив кинжал на

поясе, Тигран сказал:

– Аревик, идем прочь из этого мерзкого места. Возьми факел, жди меня в тоннеле, мне кое-что нужно завершить.

Девушка ушла, а седовласый властитель, взглянув на огненный меч, подумал: «Хватит ли сил закончить начатое?» Он размахнулся и ударил волшебным мечом по одной из колонн. Колонна треснула. Тигран нанес удары по остальным колоннам. Все колонны начали рушиться, с потолка с невероятным грохотом полетели куски глыб, погребая дракона под обломками породы. Тигран сквозь пыль и летящие камни бежал к выходу, где с факелом, поднятым над головой, стояла его Аревик. Поцеловав любимую, он мечом обвалил проход. Образовался непроходимый завал, а чтобы никто и никогда не смог пробраться в пещеру, а мировое зло навечно запечатать в пещере, он вонзил меч Ваагна в большой камень. Меч вошел в горную породу, как в масло, молнии и волны света ударили в разные стороны, валуны в завале слились в нерушимый монолит. Меч Ваагна, воткнутый в камень, таинственно засветился синим. Он будет надежным замком для вселенского зла долгое время.

– Милая, уходим!

Взяв у Аревик факел, он повел ее по длинному тоннелю к свету, к жизни... Не помня как они добрались до святилища Ваагна (от эмоций совершенно захлестнуло память), Тигран с удивлением обнаружил, что Агни нет, жертвенный алтарь на своем месте, ритуальный огонь в чаше на алтаре не горит,

вместо меча на его поясе пристегнут золоченый кинжал.

Над Араратом прекратили грохотать гром и молнии. Буря утихла, выглянуло солнце. Люди, прятавшиеся в горном гроте, не веря, что все закончилось и они остались живы, вышли из укрытия и принялись обниматься, смеяться, громко выражать эмоции. Переполнявшего ликованием Меружана распирало от радости:

– Даже самая темная ночь сменяется рассветом!

Солдаты, используя копья, щиты и ремни, соорудили мостки над провалами в скальном карнизе. У пещерного святилища появились Тигран и Аревик. Люди, приветствуя своего государя, воспряли духом, а Тигран кричал им:

– Победа, победа! Слава богам, дракон заперт в пещере на веки вечные! Высшая правда и преданная любовь победили зло!

Глава 48. Честолюбивые планы Лукулла

Лициний Лукулл в своей резиденции в понтийской Амазии принимал Мурену, но не как подчиненного, а как бывшего консула Римской республики и друга, умного и прозорливого человека. Теперь Мурена, когда-то побитый Митридатом, понижен до легата и командовал легионом, но Лукулл прислушивался к его советам. Между собой они всегда говорили откровенно.

– В Риме беспокойно. Все, кто приезжает из столицы, говорят, что правительство слабое, участились беспорядки, грядет диктатура, – говорил Мурена.

– Знаю, – пробурчал Лукулл. – Всех обуяла алчность. Риму давно требуется сильная рука. А знаешь от кого зависит будущее Рима?

Мурена пожал плечами. Лукулл ответил сам:

– От нас, полководцев! Римская держава стала слишком большой, чтобы управлять ею с помощью демократии.

Лукулл давно понял, что республиканский строй в Риме обречен, но поскольку сам он далеко от столицы, все его мысли занимала война.

– Мурена, – сказал наместник, – ты был консулом, и начал эту войну. Я ее продолжил. В руки нам падает огромное

богатство. Так неужели мы остановимся на полдороги?

– Да, мы уже не молоды, поэтому пресмыкаемся перед богатством. К блеску золота привыкаешь быстро, – ответил легат.

Они потягивали из кубков старое выдержанное соррентийское вино, привезенное с виноградников города Помпеи, и делились соображениями. Лукулл рассказал о разведывательной поездке Клодия в Гордиену. Тому удалось подговорить царя Зарбиену тайно противодействовать Тиграну, так что подготовка к войне с Арменией идет по плану. После попытки захвата власти Тиграном Младшим, в царстве Тиграна беспокойно, что недешево обходилось Лукуллу. Расшатать устои армян оказалось делом не только непростым, но и очень дорогим. Мятеж не удался, но в стане противника римляне получили союзников и шпионов. Подкуплены царедворцы и полководцы, наемники деморализованы, украдена карта горных проходов, успешно ведется работа среди живущих в Тигранакерте греков и каппадокийцев. Царь Тигран, став снисходительным, допустил ошибку: его царство обрело нестабильность.

На понтийском фронте также имелись успехи. Просьба Махара, сына Митридата, приславшего Лукуллу венец отца и хлеб, признать его другом и союзником римского народа, выполнена. Таким образом, прежняя война окончена. Новые атаки Митридата сдерживает легат Сорнатий, и пока успешно. У престарелого царя Понта мало войск, хотя его вои-

ны дерутся отчаянно. К сожалению, Лукулл так и не поймал Митридата, возвращаться в Рим не с чем. Какой триумф без главного врага Рима, да и результаты кампании ничтожны.

Лукулл отпил вина:

– Ты мой главный советник, вот и дай мудрый совет.

Мурена глубокомысленно сказал:

– Лициний, ты взял в Понтийском царстве богатую добычу, но главными сокровищами Митридата так и не завладел. Молва гласит, что его богатства несметны. Даже погибшего коня безутешный царь приказал вылить в золоте в полный рост, и зарыл эту статую где-то в Тамани. Хотел бы я на нее взглянуть.

Перспектива идти на Боспорское царство Лукулла не прельщала. Неожиданно он сказал:

– Но ведь я могу пленить царя Армении Тиграна. В конце концов, это он повинен в том, что Митридат до сих пор не схвачен, и, кроме того, высокомерно объявил мне войну.

Мурена категорично высказался:

– Я знаю, для себя ты давно решил пойти на Армению, и отговаривать не стану. Но хочу, чтобы ты знал каковы будут последствия. Римский закон запрещает наместнику выводить войска за пределы своей провинции без особого на то разрешения сената. Несанкционированное вторжение в Армению вызовет бурю критики в Риме.

Лукулл вознегодовал:

– Меня отговаривают многие. Рим молчит, сенаторы даже

не ставят вопрос о Великой Армении на обсуждение. Раз так, это будет моя личная война.

Они пили чудесное вино и, упражняясь в красноречии, анализировали факты. Вспомнили древность. Многие народы, египтяне например, верили, что армяне необычный народ. Исчезают нации, рушатся цивилизации, а армяне уже несколько тысячелетий существуют и несут в мир науку и мудрость. Однако Риму хватает греческих ученых, а вот того, чего ему действительно не хватает, так это пшеница, золото и рабы. Лукулл, не видя альтернативы захвату армянского государства, не должен забывать, что через Армению в Рим идут караваны с драгоценными камнями, тканями, коврами, иранским жемчугом, индийскими пряностями и слоновой костью. Армения надежный поставщик железа, меди и лошадей. Война остановит эти потоки, в Риме будут недовольны.

Лукулл с усмешкой смотрел на Мурену:

– Захватив Армению, мы посадим на ее трон зависимого от нас царя, заставим его платить дань, и все получим бесплатно.

Мурена скривил рот:

– Что ж, ты прав, только помни: так сложилось, что Армения скрепляет народы, населяющие земли вокруг нее. Иногда наши поступки меняют историю народов и даже могут изменить ход истории человечества.

– Какое мне дело до человечества! – вскричал Лукулл. –

Хотя нет. Я хочу изменить ход истории и даже войти в историю. – Взволнованный Лукулл встал и заходил по залу: – Я хочу славы. Вместо Митридата в качестве пленника я привезу в Рим Тиграна. Достойная замена. Я разорву на части Великую Армению и буду тем, кому покорится богатый Восток.

Мурена видел, как мелок его патрон: Лукулл думает только о личных, корыстных интересах. С усмешкой легат сказал:

– Ты обязательно войдешь в историю, хотя бы своими грандиозными пирами.

Лукулл, криво улыбнувшись, заговорщицки зашептал о сокровенном. Оказывается, его заботят не столько армянское золото и ковры, сколько волшебные вещи, которыми, как он теперь знает, завладел Тигран. Васак донес, что Тигран нашел Дворец власти и побывал там. Он не взял ни золото, ни камни, а только волшебные вещи. Вот что по-настоящему важно, а не ковры и слоновая кость!

У Мурены округлились глаза:

– Невероятно! Да-а, Тигран тебе нужен...

Лукулл устрашающе посмотрел на Мурену:

– Я не остановлюсь, пока не схвачу его, даже если придется гнаться за ним до самой Индии.

У Мурены от жутковатого вида шефа по спине мурашки пробежали, он решил больше не касаться опасной темы.

– Когда ты планируешь начать поход?

Лукулл глухо промолвил:

– Как только стает снег на склонах гор, мы выступаем. Нападение будет внезапным. Хочу разбить царей Митридата и Тиграна поодиночке.

В прекрасном саду Мзаки, столице Каппадокии, царь Ариобарзан I кормил рыбок, плавающих в бассейне. Кормление рыбок было его вторым любимым занятием после поедания вкусных обедов. Кидая рыбкам корм, он важно ходил вокруг бассейна, а за ним гуськом семенили советники и министры. Аретий, главный советник царя, намекая на плохое состояние казны, говорил:

– Мой государь, ничто так не влияет на стабильность государства, как хороший шеф-повар и активность этих рыбок.

– Аретий, римляне говорят, что успех любого дела зависит от мелочей.

– Размениваясь на мелочи, мы рискуем потерять целое состояние.

– Главное, Аретий, душевное спокойствие.

В это время пришел царедворец и что-то шепнул Аретию.

– Что там, Аретий? – добродушно спросил Ариобарзан.

– Как это лучше сказать, государь... В общем, на Мзаку идет римская армия.

Ариобарзан застыл в изумлении, поднял голову вверх, наверное, чтобы увидеть там армию, затем сказал: «Меня нет!» – и, сунув в руки Аретию чашу с кормом, побежал по саду, а за ним поспешили советники и министры. Перебегая от одного куста к другому, царь наконец нашел достой-

ное убежище в кусте орешника, прозванном греками шлемом, поскольку плоды фундука заключены в шлемовидную обертку, и затаился, полагая, что все проблемы решены. Советники и министры встали возле куста на караул, осознавая, что грядут эпохальные события, заодно прикидывая, сколько времени им осталось участвовать в управлении государством.

Аретий грустно сказал:

– Государь, чему быть, того не миновать. О великий, ты должен достойно встретить судьбу!

Раздвинув ветки и высунув нос, Ариобарзан выкрикнул:

– Срочно готовьте мой кортеж, мы едем в Рим! – Ветки снова сомкнулись.

– Но мой государь, Рим сам идет к тебе!

Из зарослей снова появилось лицо правителя, его глазки бегали по сторонам:

– Но мы же выполнили все требования наместника. Моя казна пуста.

Аретий глубокомысленно изрек:

– Римляне говорят: по возможности еще не следует заключать о действительном.

Ариобарзан вылез из куста и с обреченным видом подошел к Аретию.

– Нельзя же заставить выполнить невозможное?

– Да, мой государь.

Бросив прощальный взгляд на рыбок, царь, опустив голо-

ву, медленно побрел в дворец, а за ним один за другим шли его советники и министры.

Огромная римская армия, покинув понтийские города, вошла в пределы Каппадокии. Было объявлено, что четыре римских легиона возвращаются обратно в провинцию Азия после успешной кампании в Понте. Эта информация с расчетом усыпить бдительность всех правителей Востока, естественно, дошла и до Тиграна, и он не нашел ничего странного в маневрах Лукулла. В Понте остались два легиона во главе с Сорнатием, чтобы сторожить города царства и отбивать вылазки Митридата.

По земле Каппадокии, поднимая пыль, шли изголодавшиеся по добыче воины Лукулла, а его передовые отряды и вспомогательные войска уже разбивали лагерь недалеко от Мазакки, столицы дружественного Каппадокийского царства.

Прибыв в дворец, Лукулл благожелательно говорил с царем:

– Дорогой Ариобарзан, мы снова встретились. Ты официально Римом признан, поэтому всегда можешь рассчитывать на мою помощь. Восстание ли, государственный переворот или, например, твоя страна подверглась нападению извне – я буду тебя защищать.

Ариобарзан печально вздыхал:

– Проконсул Лукулл, твоя защита мне обходится в огромную сумму. За эти деньги охрану можно доверить самому Гераклу.

Лукулл его не слышал.

– Я собираюсь пополнить ряды своей армии римскими гражданами, живущими в твоём царстве, а от тебя потребуется доставить тысячу человек во вспомогательные войска.

– Дозволь сказать, император. Я уже пожертвовал всем, что у меня было.

– Не прибедряйся, Ариобарзан. Я имею обыкновение выбивать из непослушных не только дурь, но и припасенное на чёрный день.

Правитель несколько месяцев подряд действительно исправно поставлял римской армии лошадей и продовольствие, его страна разорена, а царская казна пуста, но Лукулл считал: все совершенно справедливо. И посоветовал увеличить налоги с народа, плюс провести реквизиции (принудительное изъятие имущества у богачей). Ведь впереди важные дела! Каппадокия – прекрасный плацдарм для наступления. В благодарность за помощь главнокомандующий обещал Ариобарзану крепость Томису, что в Софене, о которой тот давно мечтал.

Тон высказываний хитрого царя смягчился:

– Спасибо, император, и не обижайся, я искренне желаю тебе успеха.

Наместник сощурил глаза:

– Я слышал, что неплохой доход тебе даёт невольничий рынок на острове Делос. Так что не прибедряйся. Тебе также придется какое-то время содержать меня и армию, а дрова и

повозки предоставишь бесплатно.

– Все бесплатное обходится дороже всего, – жалобно произнес Ариобарзан.

– Неужели ты видишь в моих действиях какие-либо злоупотребления?

– Что ты, проконсул, я только хотел сказать, что мне нужно немножко пополнить казну. Если разрешишь, я скажу...

Ариобарзан изложил коварный план набега на город Иконион в соседней Ликаонии. Да, это – часть римской провинции, в которой Лукулл наместник. Но не грубая шерсть (ее стригут с овец дважды в год) и не соль (ее добывают в глубоких шахтах) интересуют царя Каппадокии, а холм Аладдина в городе Иконион. Лукулл, подняв бровь, заинтересовался. Оказывается, все цари Ликаонии были разбойниками, и в этом холме есть пещера, в которой они прятали награбленное золото. У Лукулла заблестели глаза, а хитрый Ариобарзан твердо пообещал, что его головорезы все сделают тайно и быстро.

Римский военачальник с интересом посмотрел на царя:

– Так ты человек не только трусливый, но еще и очень коварный.

Ариобарзан потупил взор. Наместник примирительно молвил:

– Хорошо, Ариобарзан, один раз разрешаю.

– О проконсул, с тобой приятно иметь дело. Что не задумаешь, все происходит как по волшебству. Ты великий че-

ловек! Я уже приготовил благодарственное письмо римскому сенату.

– Моя армия здесь долго не задержится, – брезгливо сказал Лукулл. – Не забудь об обязательном подарке при моем отбытии из Мзаки...

Лукулл ушел в отведенные ему покои, а царь, сев на трон, свысока посмотрел на своих советников и министров.

На другой день Лукулл, окруженный секретарями, подписывал документы, когда охрана доложила о прибытии купца.

– Пусть войдет. Документы посмотрю позже. Всем выйти!

Секретари вышли, в зал вошел человек, по виду грек. Он был одет в длинную тунику с шароварами и фригийский колпак красного цвета.

– Так ты и есть потомок царя Каппадокии?

– Да, император. Я старейшина из города Гельвери, что недалеко от Мзаки. Я и мой народ фригийцы. Меня зовут Аморион. Я из царского рода Фокиев, но прибыл к тебе из Тигранакерта.

– Была ли дорога опасной?

– Я еду с обозом купцов. Везем шерстяную ткань и сукно в порты Киликии. Нас хорошо охраняют арабы.

Выяснилось, что Амориона вместе с его народом захватил Тигран и насильно вывез в Армению – заселить свою новую столицу Тигранакерт. Фригийцы – народ исключительно трудолюбивый, скотоводы, прославился на весь мир бла-

годаря лучшим в мире шерстяным тканям и сукну. В Тигранакерте они возобновили производство тканей и продают их во многих государствах, даже в Италии. Но жизнью они не довольны. Народ мечтает вернуться на родину. Несмотря на все исторические потрясения, они всегда жили общиной и между собой общаются на фригийском языке. Хотя Тигран добрый и разумный правитель, никогда их не притеснял, даже, наоборот, поднял ткачество до вершин искусства, они тоскуют по родине. На чужбине и собака тоскует. Ничто не заменит родной дом.

Лукулл решил сыграть на этом.

– Аморион, как потомок царя, хотел бы ты вернуть свой народ в Каппадокию?

– Да, проконсул!

– А если я предоставлю тебе такую возможность? Если твой народ будет возвращен на родину, а ты, Аморион, станешь царем Каппадокии?

– Но правит Ариобарзан!

– Ариобарзан – ничтожество. Его претензии на престол с самого начала были сомнительны. Царем должен быть ты! Рим обошел тебя, но ты человек достойный. Если мы договоримся, Каппадокия станет твоей. Ты – истинный царь, а не Ариобарзан! Как тебе, царь Фоки II, а? Я обещаю римскую защиту, ты станешь великим царем!

Потрясенный Аморион не мог вымолвить ни слова. А когда Лукулл открыл сундук, стоявший в комнате, – пять ты-

сяч серебряных денариев – и сказал, что эти монеты принадлежат теперь фригийцу, Аморион дрогнул.

– Посмотри, – внушал Лукулл, – это плата твоим людям, фригийцам. Понимаешь? Ты получишь в тысячу раз больше и еще талант золота, если откроешь моим воинам ворота Тигранакерта. А затем будешь возведен на престол Каппадокии.

– Как я смогу это сделать? – надтреснутым голосом проговорил купец.

– Вот две половинки одной монеты.

На стол полководец положил две половинки одного се-стерция с профилем богини Ромы, олицетворяющей город Рим как повелителя Вселенной. Одна половинка будет находиться у Амориона, а другую ему предъявит человек Лукулла, когда придет время поднять в Тигранакерте восстание и открыть ворота.

Глава 49. Селену казнят, набатей сдаются

Сирия лежит на стыке трех материков, большая часть сирийской территории – это засушливое плато, а плодородная прибрежная равнина простирается вдоль берега Средиземного моря. Сирия всегда была лакомым куском для всех завоевателей, стремившихся завладеть секретами сирийского чуда. Обработка дерева и скотоводство, ткачество и виноделие, оружие и стекло, банковское дело и торговля – вот что не давало покоя царям всего мира. Города Сирии и зависимой от нее Финикии процветали, но приход к власти царицы Селены I в качестве регента и соправителя при царе Антиохе XIII, жаждущей крови и золота, привели страну к смуте и упадку, так что, окруженная сильными соседями, Сирия в любой момент могла подпасть под их власть. Спас положение Тигран. Его призвали на Сирийское царство, и он навел порядок. Теперь же в Сирии начался мятеж: Антиох XIII со своими сторонниками вернулся из Египта, где скрывался, и вместе с набатеями захватил Дамаск.

Тигран, возглавив огромное войско, вошел в сирийскую Антиохию и направился в летнюю резиденцию царей. Мятеж, поднятый кочевниками и набатеями, стал распространяться по городам Сирии, и пришло время усмирять непо-

корных.

– Бог вверил Сирию твоим заботам, государь, – сказал, встречая Тиграна у резиденции, губернатор Антиохии сириец Марон. – На всем пути следования, о великий, тебя, как избавителя от смуты и захватчиков, встречал с радостью народ. Пусть боги ниспошлют тебе благополучие!

– Спасибо, Марон, – сказал Тигран, – моя цель – сделать Сирию процветающей и сильной страной.

Они прошли в тронный зал дворца, где Тиграна уже ждали сирийцы – представители знатных родов, влиятельные люди и придворные. Царь сел на трон. Старейшина сирийцев Хадиан, сделав шаг вперед, поклонился ему:

– Государь, мы боготворим тебя как бога...

Хадиан долго изливал благодарность царю, возносил хвалу и слова восхищения. Знатные люди в Сирии воспрянули духом, народ преодолел уныние, вот уже четырнадцать лет как продолжается возрождение царства, и все благодаря покровительству Тиграна. Теперь же на многострадальную землю вновь обрушились полчища иноземцев. Богатства Сирии не дают покоя соседям – набатеям. Сирийский народ верит в Тиграна, убежден, что он снова его защитит, подарит спокойствие и процветание, в отличие от Рима, допускающего «друзьям» рабское закабаление, эксплуатацию и угнетение. Сирия страдала от многих завоевателей – Персии, Вавилона, Парфии и Египта, а теперь Nabateyское царство! Тигран является тем правителем, который устраивает всех. Си-

рийцы возлагают на царя Великой Армении большие надежды...

Тигран перебил говорливого аристократа:

– Дорогой Хадиан, мятеж будет подавлен! С основными силами армии я направлюсь в Дамаск и сражусь с войсками Антиоха XIII и Ареты III.

– Да, владыка! – Хадиан поклонился.

Армянский царь спросил:

– Каково решение высшего суда Сирии в отношении царицы Селены I?

– Суд старейшин сирийского народа, – торжественно сказал Хадиан, – приговорил царицу Селену за мерзкие дела, приведшие к разорению государства и междоусобной войне, и попытку сдать Сирию Риму к смертной казни. Ты, как царь Сирии, должен утвердить смертную казнь или заменить ее пожизненным заключением.

– Что ж, я хочу увидеть приговоренную, – произнес Тигран и встал.

Аудиенция закончена, и Тигран, сопровождаемый высшими должностными лицами Армении Багратом, Меружаном, Мамиконяном, Васакком и Гнуни, направился в приготовленные ему покои.

Там, взглянув на соратника, царь спросил:

– Баграт, какова реальная обстановка в Сирии?

Как наместник Тиграна в Сирии умный и проницательный Баграт прекрасно справлялся со своими обязанностями, не

позволяя зарождаться никаким религиозным противоречиям и недовольству населения.

– Государь, благоприятной почвой для разжигания конфликта в Сирии является подкуп Антиохом XIII части сирийской знати и его обещание раздать плодородные земли кочевникам, а торговые пути передать под контроль набатеям.

– Гнуни, перекрыть Антиоху доступ к золоту и банковским счетам! Немедленно!

– Да, государь! – сказал Гнуни.

Царь немного остыл, и уже спокойно задал вопрос:

– Скажи, Гнуни, как идут наши банковские дела в Сирии?

– Государь, по твоему повелению золотые и серебряные монеты чеканят здесь, в Сирии. Они ходит во всех странах Востока и даже в Риме. Вот образец, – Гнуни подал владыке серебряную тетрадрахму с изображением обращенного вправо профиля Тиграна. – Эта великолепная монета лучшая в мире. Твои доходы и денежный капитал, государь, растут.

Царь, взглянув на монету, прочитал возле своего изображения слово «божественный». Больше вопросов к Гнуни не было.

– Баграт, как чувствует себя сирийская знать?

– Государь, торговая дорога, связывающая Индию с Ближним Востоком, работает бесперебойно.

Тигран дал сирийским купцам привилегии, а местная

знать, учуяв заманчивую добычу от торговли и ремесел, значительно обогатилась, и в Сирии число сторонников армянского царя быстро возросло.

Царь принял решение:

– Мы сразимся с войсками Антиоха XIII и с набатейским царем Аретой III, а кочевников загоним в пустыню. Выступаем через пять дней. Мамиконян, готовь план битвы!

Васак, подойдя к царю, подал ему записку на пергаменте, которую Тигран развернул, а прочитав, ухмыльнулся:

– Митридат пишет: «Я рад, что ты запер дракона, досаждавшего твоему народу». – Отложив пергамент, спросил: – Откуда он знает о драконе?

– Митридат всегда все знает, – ответил Васак.

Тигран взглянул на свой золоченый кинжал, тот что окунал в драконью кровь, и ему показалось, что кинжал в лучах сирийского солнца призывно ему сверкнул. Рядом с кинжалом у него на поясе висел кожаный чехольчик с двумя обломки Таблицы судеб, и Тигран вспомнил о Саломее Александре, царице Иудеи.

– Васак, мне нужно встретиться с Саломеей Александрой.

В городе Селевкия все было готово для казни Селены I. Был суд, на котором показания дал Сетос и другие приближенные царицы, и судьи из числа старейшин, жрецов и представителей самых уважаемых родов Сирийского царства, учитывая непоправимый урон государству, нанесенный

царицей, приговорил ее к смертной казни через повешение.

В день казни Селену привели в бывший царский дворец, где в огромном зале сидели в креслах царь Тигран, губернатор Сирии Баграт, брат царя губернатор Осроены и Мигдонию Гурас, губернатор Антиохии Марон, сирийские судьи и царедворцы. Охрана царя рассредоточилась внутри и снаружи здания. Селена даже в кандалах выглядела достойно, по-царски: скромная прическа с туго уложенными прядями светлых волос на затылке, белый хитон с бронзовыми пряжками на плечах, поясок на талии.

Председатель суда Хадриан произнес:

– Ты, Селена, бывшая царица Сирии, приговорена судом к смертной казни. Ты имеешь право просить царя Великой Армении и Сирии Тиграна II о милости заменить тебе смертную казнь на заключение в каземате крепости до конца жизни.

Селена, глядя испепеляющим взглядом на царя, бросила:

– Тигран, я тебя ненавижу, мне твоя милость не нужна. Я провела в заточении четырнадцать лет и, видят боги, буду бороться с тобой до последнего вздоха.

– Царица Селена, – спокойно сказал Тигран, – отзови своего сына Антиоха XIII, поднявшего мятеж. Пусть уходит обратно в Египет. Не хочу кровопролития.

– Мой сын возглавил народное движение за освобождение Сирии, и он уничтожит тебя!

– Сомневаюсь, Селена. Его поддержали лишь племена ко-

чевников и набатеи.

Если кочевникам Антиох пообещал земли у побережья, то набатеям гарантировал отдать под контроль южную Сирию. Цель набатеев – вытеснить сирийцев из торговли с Аравией.

Селена нервно засмеялась:

– Жаль, что не удалось тебя убить! Не с кем работать... Никто ни на что не способен, кругом бездари и предатели... И Сетос, и даже моя дочь Береника предали меня...

– Твоя дочь очень старалась навредить мне, даже по стенам ходила, – иронично сказал Тигран.

– Она должна была умереть за идею, но ты, змей, перемашил ее на свою сторону. Но ничего, боги все видят, они тебя покарают...

– По части убийств тебе, Селена, нет равных. Пять мужей убила, причем изощренными способами, многие знатные и почитаемые люди в Сирии лишились головы, чтобы ты могла завладеть их богатством. Кстати, где сокровища Селевкидов?

Селена гордо поворотила голову:

– Эту тайну я унесу с собой в могилу.

– Мы знаем, – сказал Хадиан, – что огромные богатства сирийских царей ты частично разместила в банках Сирии, Греции и Рима, а частично спрятала. Скажи где!

– Никогда! А без тайного знака-ключа никто в банках не отдаст вам этих средств!

– Этого знака? – Тигран показал агатовую гемму с изображением оленя с орлом на спине.

– О!! – возопила Селена. – Даже это ты знаешь! Но имей в виду, все твои старания получить доступ к тайным знаниям тщетны. Я приняла меры, чтобы Храм судебных разрушили.

– Храм в Птолемаиде цел, я не дал его разрушить, – Тигран грозно смотрел на бывшую царицу.

Она мрачно молчала. Председатель суда Хадиан встал:

– Мы, сирийцы, во все времена умели созидать и стали самой передовой нацией на Востоке, а ты, Селена, захотела отнять у нас страну, предварительно доведя ее до полной нестабильности. Разрушив экономические связи Сирии с другими государствами, позволила своему сыну, свергнутому царю Антиоху XIII, привести в страну иноземных захватчиков. Приговор остается в силе. Ты будешь казнена.

На площади перед дворцом собралась большая толпа народа, бурно обсуждавшая приговор всеми нелюбимой Селене под шутки и смех. Под звуки гулкового барабана ее подвели к перекладине с веревочной петлей. Люди из толпы засвистели и закричали: «Поделом!», «Кровопийца!», а когда Селену вздернули на виселице, еще и затанцевали.

Восстание, поднятое Антиохом XIII, Тигран подавил быстро и жестоко. Отдельные очаги сопротивления еще оставались, но большинство кочевников предпочли уйти в пустыню, Антиох спасся бегством в Египет, и только царь

набатеев Арета III с небольшим гарнизоном засел в Дамаске и огрызался короткими вылазками и тучей стрел с крепостных стен. В город вели семь ворот, и армия Тиграна, окружив древний Дамаск, без особого труда прорвалась в него через северные ворота и оттеснила набатеев к южным. Когда Тиграну доложили об этом, он верхом на арцахском скакуне золотой масти поднялся на холм, что к западу от Дамаска, и вместе с высшими военными чинами и сановниками наблюдал, как идет освобождение древнего города. Понимая, что близится развязка, он произнес:

– Удивительный народ эти набатеи. Их города построены прямо в пустыне, а земля всегда была объектом соперничества между Египтом и державой Селевкидов. Жаль уничтожать таких трудолюбивых людей.

Белоснежные города набатеев с потрясающим водопроводом действительно удивительны. Пустыня в тех местах буквально расцвела. И не удивительно: через набатейскую территорию проходили караванные пути торговли пряностями и благовониями. Неплохой доход набатеи получали даже от продажи воды караванам. Их столица город Петра, что в долине Вади-Муса, считалась неприступной.

– Удивительно другое, – произнес Гурас. – Как они отважились напасть на твою державу, государь? Кто стоит за этим?

– Они, конечно, отважные воины, – сказал Мамиконян, – но против нашего войска шансов у них нет: ни организован-

ности, ни тактики, ни достойного оружия.

Прискакал Багунци и переговорил с Мамиконяном, а тот, подъехав к царю, доложил:

– Государь, противник оттеснен в южную часть города, где занял оборону. Царь набатеев Арета с большой группой воинов засел в храме Хадада, что в центре Дамаска. Храм окружен армянскими воинами.

Тигран скомандовал:

– Все за мной, едем к храму! – и поскакал в направлении северных ворот.

В святилище храма в Дамаске стояла статуя властителя Сирии, бога бури и грома Хадада, основателя и покровителя города. Статуя была сделана из дерева, бронзы, золота и серебра и поражала своими размерами. На спине могучего быка, олицетворяющего непобедимую силу, стоял бог Хадад с молниями в руках. Его лоб украшен бычьими рогами, а на лбу быка блеснул полумесяц – символ небес.

Кавалькада во главе с царем остановилась недалеко от храма.

– Я почитаю бога Хадада, – произнес Тигран. – Он, как и я, сражался с драконом. Он покровитель Сирии, значит, и мой покровитель. Вести сражение в храме мы не можем, бог не простит. Нужно выманить Арету из храма.

– Но как это сделать? – спросил Баграт.

Царь приказал:

– Меружан, по моему сигналу пусть протрубят трубы. Пришли-ка ко мне Гургена!

Опытный воин, доказавший свою преданность и бесстрашие, ставший вторым в охране царя после Меружана, верхом на коне подъехал к Тиграну.

– Гурген, мое поручение тебе будет опасным, но важным. Бой может закончиться без кровопролития. Ты пойдешь в храм и убедишь царя Арету сдаться, а если откажется, то...

В полутемном храме Хадада молодой царь набатеев застыл перед статуей бога и, смотря на истукана сквозь дымку ладана, воскуряющегося из жертвенника на гранитном алтаре, молился. Луч солнца упал на голову Хадада, и розовые камни в его глазницах ярко засветились. Арета поразился цвету глаз статуи и тут же в его голове возник образ родной Петры, прозванного городом цвета красной розы. «Удивительно, но похоже, божество подает мне знак! Однако что он значит: биться до конца и достойно умереть или сдаться на милость победителю?» Арета был в замешательстве. Ему уже неоднократно предлагали сдаться и сохранить жизнь, но такой поступок не объяснить своим соплеменникам. Набатей, не так давно перешедшие от кочевой жизни к оседлой, имели негласный кодекс чести воина, а потому могут и изгнать с позором Арету из царства.

Вдруг протрубили трубы. Арета вздрогнул, обернулся, взял меч в изготовку.

Набатей-дозорный с балкона крикнул:

– Государь, к храму идет армянский воин, у него лишь щит! Меча и лука нет.

– Открыть двери храма, пусть войдет! Царь Тигран хочет вести переговоры.

По пустынной храмовой площади медленно шел Гурген, воин, посланный Тиграном с вестью. Одет он был в железные доспехи, имел защитные накладки на руках и ногах, а на голове железный шлем с красным гребнем из конских волос. В руках держал щит. Дверь храма открылась, воин вошел и прокричал по-арамейски:

– Я солдат армянской армии, пришел с вестью к царю Арете III.

Он стоял в узком пронаосе, передней храма, и ждал. Где-то внутри храма засели воины-набатеи, целившие в него стрелы, но он их не видел: просматривался только полутемный зал святилища.

– Слушаю тебя, воин, – произнес Арета, появившись в центре зала в луче света.

– Государь, меня прислал царь Тигран. Он передал, что не хочет твоей смерти, предлагает встретиться здесь, в храме, только ты и он, чтобы обсудить твой уход.

– Я не сдамся! – как можно громче крикнул Арета, чтобы слышали его воины.

– Царь Тигран сказал, что не будет требовать твоей сдачи, – продолжал Гурген. – Государь, соглашайся на переговоры, и войне конец.

Арета прокричал:

– Мы гордый народ, и никому не позволим унижить нас!

– Государь, царь Тигран сказал, что бог Душара хочет этой встречи, – Гурген, не блиставший пылким красноречием, вкладывал в каждое слово как можно больше чувств.

– Что! Бог Душара? – Арета заколебался.

Душара, верховный бог, покровитель царей Nabateyского царства. От Душары зависело все – и плодородие земли, и вода, и виноделие, и торговля. Для Ареты он был устройтеlem мировой гармонии и вселенского порядка, поэтому, немного поразмыслив, он сказал:

– Ну, ладно, пусть приходит.

Гурген ушел, а царь набатеев, посмотрев на идола Хадада, проговорил:

– Боги мне шлют сигналы.

Группа воинов во главе с Меружаном, построив из щитов «черепаху» и прикрывая царя Тиграна от стрел противника сверху и боков, продвигалась к зданию. С крыш соседних зданий сотни армянских лучников защищали их. Двери храма открылись, и «черепаха» вступила на его территорию. Не входя в святилище, воины остановились: стрелы набатеев в пронаосе их не могли достать. Тигран прокричал:

– Арета, говорит Тигран! Если ты уведешь своих воинов из Дамаска, разрешу вам спокойно покинуть Сирию и уйти в Nabatey. Только дай слово больше не входить в мое царство.

Арета из темноты зала прокричал:

– Тигран, я на позорную сдачу не пойду. Лучше умереть!

– Арета, я не требую безоговорочной сдачи, просто хочу сохранить жизнь тебе и твоим воинам... Я знал твоего отца Обода I... Ему твой народ поклоняется как божеству. Мы с ним встречались, когда я завоевывал земли Месопотамии, а он воевал с Иудеей. Тогда мы договорились никогда не мешать друг другу и уважать обоюдные интересы. Жаль, что он погиб в бою.

– Мой отец был великим человеком и всегда держал слово.

– Я тоже всегда держу слово. Кто тебя позвал в Сирию?

– Селена I прислала караван с золотом.

– Я так и знал. Тебе следовало остерегаться этого шага. –

Тигран, сделав паузу, сказал: – Арета, в твоей столице Петре в большом храме есть святилище верховного бога набатеев Душары, так?

– Да, есть.

– В святилище есть Черный камень, которому ты поклоняешься как богу и приносишь жертвы.

Считалось, что Черный камень во время потопа был принесен из рая. Черным он был потому, что пропитался человеческими грехами.

Арета чтит святыню:

– Я перед походом принес обильные жертвы творцу и владыке мира богу Душаре. Он меня не оставит!

– Конечно, Арета. Но я могу взять тебя в плен и обру-

шиться войной на Набатею. Твой народ тебя проклянет. А Черный камень я проткну своим кинжалом и убью твоего бога.

– Камень проткнуть невозможно!

– Мой кинжал может. Вот смотри! – и Тиран вонзил кинжал в каменную стену храма. – Попробуй теперь сам, я бросаю клинок тебе!

Оружие полетело к ногам Ареты. Остановив ногой со звоном подлетевший золотой кинжал с ручкой из рога африканского носорога, Арета с опаской поднял его. Лезвие сверкнуло, по нему пробежала молния, выступило изображение ужасного дракона, и, почувствовав магическую силу этого оружия, царь набатеев вонзил его в алтарный камень. Кинжал вошел в гранит, как в масло. Арету охватило страшное волнение, его объял ужас: бог Душара может быть повержен! Набатеи стоял как вкопанный, не зная, что делать.

Раздался голос Тиграна:

– Арета, ты владеешь секретами освоения пустынных земель, умеешь бережно обращаться с водой, и в этом твоя сила. Возвращайся в свою страну и будь достоин великого отца... Кстати, слышал, твои храмы дают золото в долг. Я бы взял под проценты большую сумму на развитие Сирии. Как ты на это смотришь?

Раздались шаги, молодой набатейский царь вышел на середину зала, бросил на каменный пол свой меч, упал на колени и склонил голову:

– Царь царей Тигран II, я сдаюсь. Даю слово, больше никогда тебя не тревожить. – И глянув вверх, крикнул: – Мои воины, мы сдаемся!

Из всех углов выходили воины-набатеи и, бросая в кучу луки, стрелы, копья и топоры, вставали на колени позади своего царя.

– Арета, – сказал Тигран, – я не заинтересован в разрешении твоего царства. Забирай своих людей и уходи через южные ворота города. Пусть бог Душара тебе помогает и впредь!

Вереница проигравших битву воинов во главе царем Аретой без оружия и с поникшими головами двинулась к южным воротам Дамаска, а Тигран, когда набатеи покинули здание, вошел в святилище воздать должное богу Хададу. Вложив драконий кинжал в ножны, он произнес:

– О великий Хадад, ты вручил мне скипетр наследования Сирии, ты помог мне в этой войне и обеспечил победу над врагом. Славлю тебя, великий бог Сирии!

Глава 50. Царица Иудеи Саломея

На сирийском побережье уже более двух тысяч лет процветал город Птолемаида. Он всегда оказывался в центре исторических событий и каким-то странным образом влиял на судьбы людей. Посвященные знали откуда исходят лучи божественного света – из старого храма богини Ташмету. Богиня удивительным образом предсказывала судьбу и особенно почиталась моряками. Поговаривали, что, когда один завоеватель вошел в святилище и сказал, что собирается сочетаться с богиней, чтобы забрать в качестве приданого ее сокровища, в своде открылось отверстие и оттуда упал камень, убив завоевателя. Парфяне все же ограбили храм, но вскоре начали терпеть одно поражение за другим и под ударами войск царя Тиграна II в конце концов ушли из Сирии. Подобные чудеса сделали свое дело, и богине теперь поклонялись во всех странах.

Тигран со свитой и большим отрядом охраны прибыл в Птолемаиду и сразу же направился к Храму судеб, небольшому по размерам, стоявшему внутри освященной ограды. Храм был прост: ступенчатое основание, портик с колоннами перед входной дверью в святилище, двускатная крыша. Количество колонн было четным, вход обращен на восток, а солнечный свет проникал в святилище через решетку над входом. Именно здесь обитала благожелательная и ми-

лосердная богиня Ташмету, и всем, кто ей молился и приносил жертвы, она обычно помогала – ходатайствовала перед другими богами, а порой предсказывала судьбу.

Тигран вошел в богато украшенное святилище. Цари как наместники богов на земле могли свободно входить внутрь любого храма, в отличие от простых людей, которым разрешалось молиться только снаружи.

Положив на алтарь жертвоприношение – кошель с золотыми монетами, – царь сразу ощутил в полутемном святилище присутствие божественных сил. В центре зала высилась статуя Артемиды работы Праксителя, в которой Тигран мог бы уверенно узнать армянскую богиню Анаит, а может быть шумерскую Нанайю или аккадскую Ташмету. Неважно, главное заключалось в другом: богиня, сошедшая с небес, бронзовая и невозмутимая, сейчас взирала на армянского царя, готовясь предсказать ему судьбу. Жрец, сопровождавший Тиграна, сказал:

– У тебя есть то, что нужно богине.

Тигран передал ему агатовую гемму с изображением оленя с орлом на спине, и жрец положил талисман у ног статуи, затем в жертвенник для воскурения благовоний добавил ладан и ушел. Тигран, вдыхая ладан, ощутил прилив новых чувств, успокоение и радость. Он рассматривал бронзовое творение Праксителя, как вдруг раздался голос:

– Здравствуй, Тигран!

Он обернулся. Саломея Александра, царица Иудеи, пред-

ставительная, красивая и властная женщина, способная повелевать мужчинами и делать их покорными своей воле, привыкшая быть во главе всего, что происходило в ее царстве, смотрела на него глазами полными любви. С момента их последней встречи она постарела, но оставалась все такой же привлекательной и обаятельной. Ей семьдесят, как и ему, но морщинки и седина лишь придавали женщине очарование и определенный шарм.

– Саломея Александра! Счастлив вновь встретиться с тобой! – искренне произнес Тигран. Он подошел, приобнял ее и поцеловал в губы.

– Царь царей, я тоже рада тебя видеть.

Город Птолемаида располагался рядом с ее царством, и, получив записку, она быстро добралась сюда. Их первая встреча состоялась при драматических обстоятельствах. Это было в тот год, когда Тигран, захватив Сирию, собирался идти на Иудею. Саломея отправила к нему посольство с ценными дарами, а потом, чтобы получить благосклонность, сама прибыла к нему выразить покорность.

Здесь, в Птолемаиде, почти пятнадцать лет назад они впервые увиделись. Она, прекрасная и неземная, вскружила ему голову, и он отказался от затеи идти в Иудею. Его милость позволила народу Иудеи воспрянуть духом, укрепив и веру в свою царицу. Ее покойный муж царь Александр Яннай был жесток, его ненавидели, она же приобрела доверие народа, дала людям мир и надежду, бросив вызов предрас-

судкам. За пятнадцать лет были возвращены на свободу сотни людей, посаженных в тюрьмы при ее муже, тысячам она дала право вернуться домой из изгнания, а фарисеев (ранее подвергались гонениям за религиозные убеждения) больше не преследовала.

Тигран, любуясь красивой женщиной, сказал:

– Ты сочетаешь красоту царицы Савской и мудрость царя Соломона.

– Спасибо, Тигран. Во времена хаоса мужчины выбрали меня вести нацию дальше и сражаться в битвах.

Неотразимое очарование царицы его пленило:

– Иудея расцвела. Народ повинуется тебе и говорит: «Наступил золотой век, наша царица мудрая женщина».

– А ты, Тигран, обеспечил существование своего народа на вечные времена, и я воздаю тебе должное. Армения и Иудея – древнейшие ветви Древа жизни.

– Саломея Александра, ты чудесна, сердце мое замирает, когда ты рядом. В знак моего восхищения прими подарок.

Тигран достал из кармана небольшую шкатулку и открыл ее. На белой шелковой подушечке лежало ожерелье. Армянский мастер сделал ожерелье в виде охранительного талисмана. Небольшие пятилучевые звезды-пентаграммы защищают от болезней; звезды-гексаграммы, составленные из двух треугольников, – мощный охранительный талисман от влияния злых духов; большой алмаз – камень правителей; изумруд символизирует мудрость и хладнокровие; топаз –

камень надежды и разума; рубин – огонь и любовь; жемчуг – его цари обычно дарят друг другу.

Саломея Александра приняла подарок:

– Я тронута, Тигран. Это ожерелье будет мне напоминать о нашей дружбе. Скажи, мы встретились здесь, чтобы установить связь с высшими силами?

– Да! – Тигран внимательно посмотрел на великую женщину и задал главный вопрос: – Саломея Александра, ты принесла обломок Таблицы судеб?

– Да! – сказал она и достала из кармана плаща обломок, положив его у ног статуи божества.

Тигран также положил два обломка Таблицы судеб к ногам богини. Вдруг послышался шум шагов. Саломея Александра и Тигран обернулись. Из темноты зала вышел Митридат.

– Митридат? – для Тиграна его появление было полной неожиданностью.

– Что, удивлен? – Митридат с довольным видом – ведь его появление вызвало неподдельное удивление – подошел к ним и обратился к царице: – Прекрасная Саломея Александра, мы давно не встречались, рад видеть тебя.

– Не могу сказать того же, – досада отразилась на лице царицы.

– Тигран, мое почтение! Лукулл устроил погоню за мной. Ему нужен я живым или мертвым, даже мое чучело подойдет.

Лукулл, не поймав Митридата, отправил в Рим его образ – две статуи в полный рост. Эти изваяния показывали недозвольным римским гражданам, чтобы оправдать огромные затраты на его поимку и долгие годы бесполезной войны.

– Ты как тень следуешь за мной повсюду, – Тигран все еще не скрывал удивления. – Хотя недаром говорят: «Митридат всегда все знает». Как же ты ушел от Лукулла?

– Я пустил ложный слух среди его лазутчиков, что скрываюсь в Иберии, пусть ищут там.

– От судьбы не уйдешь, – сказала Саломея Александра. – Свою судьбу нужно принимать спокойно.

– Государыня, моя судьба – это я сам, нужен только повод, чтобы проявились мои положительные или отрицательные качества, – парировал Митридат.

Тигран, желая снизить напряженность, пошутил:

– Мы с царицей Саломеей Александрой пытаемся здесь раскрыть тайну наших несчастий.

– Хочешь разгадать тайну? – Митридат ухмыльнулся. – Армения – ключ к разгадке тайн нашего мира, там все началось, там все и закончится. Кстати, у тебя новый кинжал, похож на тот, что я подарил, но золотой. Полагаю, волшебный?

Тигран промолчал. Митридат по-хозяйски обошел статую богини, посмотрел с неподдельным восторгом на три обломка Таблицы, лежащих у ее ног, и восхищенно взглянул на Тиграна:

– Ты нашел все три части Таблицы судеб. Я знал! Ты един-

ственный, кто на это способен. И что же? Почему бы сейчас не собрать воедино три обломка и не узнать каждому свою судьбу?

Сказав все это, он ядовитым взглядом так посмотрел на Тиграна, что тот почувствовал холодок, пробежавший по спине. Тигран подошел к статуе и неторопливо соединил обломки, лежащие у ног богини, один за другим, застыв в ожидании. Свершилось чудо. Вдруг по Таблице пробежали завораживающие своей красотой бело-голубые молнии, раздались шуршание и треск, а печать в углу пластины засветилась рубиновым светом. Обломки слились в единое целое.

Три монарха совершенно изумленные смотрели на чудо, не в силах что-либо сказать или сдвинуться с места. Первым пришел в себя Тигран. Встряхнув оцепенение, он взглянул на Саломею Александру и взглядом дал понять, что она может начинать первой. Та подошла к постаменту, взяла Таблицу в руки и приложила ее к груди. Пластина засветилась лазоревым свечением, сделавшим помещение храма необычайно светлым, как в яркий день, а царица, вдруг осознав, что она сейчас узнает свое будущее и, может быть, проклянет себя за это, медленно повернула голову к Тиграну, как бы спрашивая: «А стоит ли?», но все равно, решившись, оторвала Таблицу от груди, чтобы прочитать написанное. По мере чтения лицо ее становилось жестким и решительным. Свечение прекратилось. Положив Таблицу на постамент, Саломея Александра посмотрела на царей и сказала печальным

ГОЛОСОМ:

– Мне осталось жить недолго. Мой сын наследует мне, правда, непонятно какой, Гиркан или Аристокбул. Из-за моих сыновей через четыре года после моей смерти Иудея потеряет независимость на две тысячи лет. Мой народ будет жить вечно, если научится сопротивляться и бороться за независимость. Тигран, времени у меня мало, но достаточно, чтобы попытаться сделать хоть что-то, чтобы помочь моему народу.

Выслушав Саломею Александру, Тигран посочувствовал ей:

– Прости.

Он, протянув руку, решительно взял Таблицу и также приложил ее к груди. Таблица засветилась, озарив святилище лазоревым светом. Тигран вслух зачитал пророчество:

Зло в обличье дракона ты запер навеки, и человечество спас,

Судьба уготовила жизнь тебе долгую, мудрую.

Горы, книги и вера спасут твой народ от забвенья, только дитя свое

В жертву богам принеси.

Он в задумчивости положил Таблицу на постамент и отошел в сторону, не понимая смысла пророчества. К статуе богини приблизился Митридат. Взяв Таблицу судеб, он приложил ее к груди, а затем, когда Таблица высветила предска-

ние, взглянул на него и помрачнел.

– Ну конечно! – вскричал он. – Как я и предполагал, мои сыновья и приближенные меня предадут, и отпущено мне совсем мало времени, а мое царство растворится в истории. Убийственное предсказание! – Положив Таблицу на место, он обратился к Тиграну: – Ну, как?

– Плохо, – сочувственно сказал тот. – Освободить мир от всех зол, как ты мечтал, не удастся.

– Куда уж хуже! «Оставленный всеми умрешь, но помнись тебе будут вечно!» – процитировал Митридат. – Что ж, меня хотя бы запомнят надолго. Это приятно. А чтобы запомнили навсегда, думаю, предстоит еще кое-что сделать. Просто так я судьбе не подчинюсь. Сначала освобожу царство, а потом пойду через Балканы и Альпы на Рим и разрушу его!

Он ушел так же тихо и незаметно, как появился.

– Каким образом ты распорядишься Таблицей судеб? – спросила Саломея Александра.

Тигран молчал, потом задумчиво сказал:

– Для начала хочу убедиться, что предсказание верное. В любом случае, знать судьбу сыновей и родственников не хочу. Переживания сведут меня в могилу раньше времени. Человек сам должен определять собственную судьбу... А хранить Таблицу буду в подземной сокровищнице в Арташате. У моих потомков появится возможность повлиять на ход истории.

– Спасибо, Тигран, что дал шанс заглянуть за грань чело-

веческой жизни и подумать, как обессмертить свое имя.

Сказав это, Саломея Александра, гордо вскинув голову, пошла к выходу. За пределами храма ее дожидались верные воины. У дверей обернувшись, она с доброй улыбкой посмотрела на Тиграна:

– Конечно, история умолчит об этой встрече, но то, что здесь произошло, сыграет свою роль в безумствах и свершениях человечества.

Царица ушла, а Тигран подумал: «Время покажет!» Жрец с поклоном вернул ему гемму и терпеливо ждал, когда царь покинет святилище, а тот стоял, все еще находясь под впечатлением от случившегося, пытаясь уловить ускользающий смысл послания богов.

Выйдя из храма, он обратился к соратнику:

– Меружан, я получил тайное послание богов, но должен его разгадать. Не хочу, чтобы пошли прахом великие замыслы. Срочно вызывай мудрецов!

Глава 51. Разгадать послание богов

Они стояли на террасе дворца в Антиохии и вели разговор, то и дело оглядываясь по сторонам. Васак говорил тихо, но уверенно, Багдасар слушал и кивал.

– Тигран Младший смалодушничал и, как побитый пес, убежал к парфянам зализывать раны. Но мы не проиграли! В борьбе за власть все средства хороши. Я получил зашифрованное письмо от римского наместника: готовится вторжение.

– Ты сообщил царю?

– Нет и не собираюсь. Царь до времени не должен знать об этом. Дипломатическая почта идет через меня, и он получает из Рима только то, что укрепляет его в мысли: опасаться нечего. Пусть думает, что Рим не хочет с ним связываться и ищет пути мирного решения проблем.

– Но рано или поздно он узнает о вторжении.

– Конечно, и примет меры, но наша задача – как можно дольше скрывать от него передвижение по Великой Армении римских войск. Пусть он будет в неведении какое-то время.

Багдасар наконец сообразил: если Тигран вовремя не узнает о приближении римлян, поменяется расклад сил. Царь здесь, в Антиохии, устраивает дела Сирии, его занимает потусторонний мир, он встречается с царями и мудрецами, а в это время...

Подручный злорадно хмыкнул:

– Как я понимаю, римлянам нужно дать шанс дойти до столицы без сражений.

– Ты правильно понимаешь, Багдасар, – сказал Васак. – Падет столица – падет и Тигран. Римляне будут двигаться быстро, и, думаю, ему не удастся остановить неприятеля.

– Васак, но как это сделать? Царь привык все контролировать, у него уйма советников и шпионов, военачальники рвутся в бой, солдаты преданы ему и готовы жертвовать собой! – Багдасар был озадачен.

– Он не узнает. Моя забота – чтобы информация пришла к нему слишком поздно, а твоя – гарнизон крепости Рандея. Она на пути движения римских войск. Возьми отряд и не дай гарнизону перекрыть проходы в горах. Ты сможешь.

Они разошлись, каждый думая о своем, но с уверенностью реванша.

Васак, вернувшись в свои покои, позвал телохранителя.

– Мехак, я знаю тебя давно, ты ни разу не подвел меня, – Васак положил руку на плечо воина. – Не подведи и в этот раз.

– Я готов за тебя умереть, Васак. Говори, что надо сделать!

– Через пять дней костровые станции на дороге Мелитена – Рандея – Амида должны будут подать сигналы черного дыма о некоем событии. Твоя задача: ни один костер не должен загореться. Возьми верных людей и уничтожь дозорных. Не появится черный дым – и здесь, в Антиохии, будет все спокойно.

Римское вторжение в Армению началось внезапно. Четыре легиона, не считая конницы и вспомогательных войск, нарушили границу царства Софена, входящего в державу Тиграна, и по военным дорогам через ущелья и горные проходы, броды и перевалы, обозначенные только на секретных картах армянского царя, мимо обезлюдивших крепостей и молчащих костровых станций, продвигались в глубь страны.

Впереди в качестве разведывательных подразделений шли отряды легкой римской пехоты и конницы, за ними авангард – один легион, дальше отряд, наводящий мосты, за ним следовал главнокомандующий Лукулл с телохранителями, потом объединенная конница и мулы, тащившие осадные машины (катапульты, тараны и прочее). Три легиона со знаменосцами и центурионами маршировали за этими подразделениями, за ними обоз, а в хвосте этой длинной колонны шел арьергард – проститутки, неофициальные жены, работницы и лотошники.

Вся эта махина, переправившись через Евфрат и Тигр там, где русла рек узкие и неглубокие, вступила на землю Великой Армении. Армия укомплектована полностью: старые римские солдаты (с ними Лукулл в походах уже много лет), молодые наемники (граждане Рима из многих стран) и союзники, принесшие клятву. В незнакомой стране их ожидали на каждом шагу бурные речки, опасные проходы и крутые перевалы, а горы покрытые никогда не тающим снегом

внушали трепет.

Главнокомандующий использовал специальную тактику для войны в гористой Армении, и, прежде всего, делал ставку на тяжелую кавалерию и легкую пехоту. Царь Тигран до сих пор не знал о продвижении римлян к его столице. Он в Сирии, далеко отсюда. Васак все сделал, как его просили, и помех на марше не было. Многие цари-вассалы Тиграна перешли на сторону Рима: их всех подкупили. Поход складывался при удачном стечении обстоятельств.

Лукулл, сидя верхом на лошади, весь преисполненный вдохновения и решимости, говорил другу:

– Мурена, мои суровые и мужественные воины привыкли к строгости и простоте, они приспособлены к любым условиям жизни. С началом похода все приободрились. Я вижу: патриотический дух офицеров и солдат высок.

– Твои воины хорошо переносят поход, – сказал Мурена.

Для римлянина государство всегда стояло выше личности, духоподъемность солдат находилась в прямой зависимости от военной добычи, скорым маршем армия быстро достигнет цели, залог успеха войны – в организованности и дисциплине. Лукулл был на седьмом небе. По Аристотелю, небо состоит из семи сфер, а седьмая сфера – это рай.

Прискакал с донесением трибун:

– Император, меня прислал легат Публий Клодий. Его легион хочет отклониться от маршрута и захватить ту армянскую крепость, что виднеется вдали! Они рассчитывают, что

в ней есть сокровища.

– Что?! – заревел Лукулл и, указав на горы Армянского Тавра, крикнул: – Там лежит крепость, овладеть которой гораздо важнее, и там несметные сокровища ждут победителей!

Трибун ускакал ни с чем, а Лукулл, взбешенный такой наглостью, произнес:

– Публий Клодий, брат Аппиуса, пользуясь тем, что он мой родственник, позволяет себе непростительные заявления. Отклониться от маршрута!.. Невиданная наглость!.. Его солдаты никогда не отличались послушанием...

Успокоившись, Лукулл вновь стал размышлять о загадке римского успеха. Рим из небольшого города-государства превратился в могущественную мировую державу, под властью которой находится Европа, Малая Азия и Северная Африка. Захватнические войны необходимо продолжать, так как привыкшие к богатству и роскоши римляне требуют все новых рабов, золота, денег, ресурсов. Суровость Лукулла исчезла напрочь, когда он помечтал о личных возможностях. Он коллекционировал старые книги, манускрипты, рукописи, и надеялся, что эта кампания пополнит его коллекцию, а еще он хотел заложить в Риме сад и на старости лет устраивать в нем праздники.

Полумиллионный сирийский город Антиохия, окруженный высокой крепостной стеной, находился на пересечении

караванных путей, что позволяло контролировать торговлю между Востоком и Западом. Тигран, находясь здесь в своей резиденции, не только зорко следил, чтобы такое положение вещей оставалось и впредь, но и влиял на исторические процессы в Малой Азии и на Ближнем Востоке. Однако сегодня царя больше занимало пророчество, полученное в Храме судеб.

В дворце Селевка, ставшим местом пребывания наместника армянского царя, подавали обед. Тигран, пробуя прекрасную кухню местного повара, вел беседу с мудрецами.

– Вы, мои мудрецы и советники, разгадайте же загадку!

Все сосредоточенно молчали. Наконец высказался Амфикрат:

– Мудрецы не ждут почета, но и не спешат умереть... Государь, история знает случай, когда вавилонскому царю Навуходоносору II приснился сон, для толкования которого он собрал мудрецов. Не получив ответа, приказал всех казнить...

Метродор негромко сказал:

– Государь, в случае с Навуходоносором спас положение пророк Даниил, получивший откровение бога. Он смог истолковать ночное видение царя, и мудрецов не казнили.

Амфикрат прояснил:

– В том сне царя была зашифрована дальнейшая судьба мира.

По легенде, пророк объяснил Навуходоносору, правителю

Вавилонского царства, что сон про истукана означает разрушение царства. Тигран, не понимая отчужденности мудрецов, старался быть благожелательным и пошутил:

– Дорогие мудрецы, я человек просвещенный, казнить вас не собираюсь, да и времена теперь другие. Хочу за счет сладких пирожных и фиников, а финики, как известно, продлевают жизнь, пробудить вашу творческую активность и услышать варианты решения загадки.

Евсевий сказал:

– Ты получил от богов предсказание своей судьбы и судьбы твоего царства. В этом есть загадка, и непростая. Действительно, зло в обличье дракона ты запер навеки и тем спас человечество, но понравилось ли это богам?

Айказ, молодой философ, произнес:

– Боги славят нашего государя. В послании прямо говорится, что тебе, владыка, они прочат долгую жизнь мудреца, но вот дальше...

Спандуни поведал:

– Я попытаюсь истолковать фразу: «Горы, книги и вера спасут твой народ от забвенья». Из века в век армяне передавали следующим поколениям духовные ценности и традиции. Ради достижения святых целей, государь, вокруг тебя сплотилась нация. Горы – наша земля, и это – первооснова, книги – это язык и культура, они являются стержнем существования нации, а вера – это то, что поможет выстоять народу в трудные времена, но вот дальше...

Амфикрат осторожно сказал:

– Боги просят от тебя жертву... В нашем мире все так устроено – хочешь, чтобы боги что-нибудь для тебя сделали, принести им сначала жертву.

– Значит, принесение жертвы – главное условие богов? – спросил царь уже серьезно.

Метродор печально вздохнул:

– По-видимому, так, но я не думаю, что речь идет о твоём сыне Артавазде. Боги, конечно, могут быть жестокими, в наше время они не очень-то милостиво настроены к людям, а к тем, кто нарушил их волю, иногда неоправданно жестоки, но не до такой же степени!

– Может быть речь идет о каком-либо обряде? – спросил Тигран.

– Жертвы – форма почитания богов, – сказал Спандуни.

– Так что же все-таки значит «только дитя свое в жертву богам принеси»? – настаивал Тигран.

– Добиться благосклонности богов, – сказал Евсевий, – можно подарками, в том числе человеческими и иными жертвами.

– У нашего царя Тиграна должно быть то, что дорого ему, как дитя, – вдруг сказал Айказ.

Все оживились.

– Что царь пестовал, как дитя? – спросил Амфикрат, обведя взглядом присутствующих.

Мудрецы задумались, а Метродор стал перечислять:

– Армия, храмы, виноград, дороги, гарем, города... – он запнулся. – Тигранакерт! Твоя новая столица, государь, в строительство которой ты вложил всю душу, и есть твое дитя! Город всегда был твоей гордостью, ты относился к нему по-отечески.

– Не верю! – царь был в замешательстве. – Принести в жертву Тигранакерт? Что за бред?

Все молчали. Стало очевидным, что Тигран сильно взволнован, и гнев его прорывался наружу:

– Я не признаю тупиков и барьеров, кои невозможно преодолеть, я не верю в фатализм. С судьбой нужно бороться!..

Дверь в зал открылась, вошли Артавазд, Меружан, Васак, Гнуни и Мамиконян. Царь и мудрецы замерли в замешательстве.

– Государь, – произнес взволнованный Артавазд, – прибыл гонец из крепости Рандея с плохими вестями.

– Что?! – грозно рыкнул царь, недовольный вмешательством в его дела. – Где он?

В зал ввели гонца. Солдат в потрепанной одежде, заросший, не выспавшийся, испуганный пал ниц перед царем:

– Государь, я скакал к тебе пять дней без остановки... Римские войска идут по твоей земле!

Тигран недоверчиво посмотрел на солдата, встал с кресла, обошел вокруг воина:

– С чего ты взял?

– Государь, гарнизон крепости уничтожен. К нам прибыл

твой человек с письмом, а ночью он тайно открыл ворота крепости и запустил людей в черном. Они вырезали весь гарнизон, я один спасся и помчался к тебе... Я сам видел огромную колонну римских солдат по дороге на Амиду... Уверен, они идут на Тигранакерт!

Царь, не желая верить солдату, ходил по залу, хмуро поглядывая на присутствующих. Мудрецы сбились в кучу, бросая друг на друга многозначительные взгляды, царедворцы стояли в растерянности.

Царя начала разбирать ярость:

– Ты рехнулся, собака! Кто тебя нанял, чтобы ты принес мне эту мерзкую ложь? – возмущению Тигран не было конца. – Римские войска на моей земле... Это невозможно! Мои шпионы сообщают из Рима, что сенат не уполномочивал Лукулла воевать с Арменией, римляне готовы вести со мной переговоры. Ведь так, Васак? – Тот кивнул. – Опять происки заговорщиков! Я казню тебя, если ты не скажешь правды. – Царь рассвирепел: – Признавайся, что римские войска – это выдумка! Ты и те, кто тебя нанял, хотите спровоцировать войну между мной и Римом. Никогда нога римского солдата не вступала на священную землю Армении. Я знаю, Рим не хочет войны со мной. Говори, кто приказал тебе принести эту ложь!

Вестник лишь проговорил:

– Государь, я говорю правду.

– Меружан, казнить его! – грозно повелел царь.

Меружан схватил гонца и поволок из зала, царедворцы в испуге молчали, не желая попасть под горячую руку, а Тигран, обратившись к мудрецам, возмущенно говорил:

– Сначала заговор, а теперь мои враги решили вызвать среди городов Великой Армении волнения. Невиданное злодейство! Я узнал бы о движении войск неприятеля в тот же день, еще на подходе к моим границам...

На пороге зала снова появился Меружан, лицо его было ужасным.

– Государь, римские легионы идут по твоей земле.

– Как это может быть? – было видно, что для Тиграна такой поворот судьбы – полная неожиданность.

– Прибыли гонцы из разных мест, все говорят одно и то же, похоже, через три-четыре перехода римские войска будут у Тигранакерта.

Тигран, пораженный скоростью продвижения противника, стоял мрачный, почти в состоянии обреченности.

– А дозоры на дорогах и перевалах?

– Костровая связь не работает, – сказал Меружан.

Подавленный и опустошенный, Тигран опустился в кресло. Он долго сидел неподвижно, потом, овладев собой, произнес:

– Меня страшат духи великих предков, взирающих на меня недостойного.

Пронзительный взгляд Тиграна остановился на Васаке.

– Что скажешь?

– Римляне народ коварный, они нарушили все договоренности, но это им дорого обойдется! – с пафосом произнес Васак.

Царь, пребывая в замешательстве, рассуждал:

– Выстроена стройная система оповещения о нападении, возведены крепости с гарнизонами на всех основных путях возможного движения неприятеля. Как могло случиться, что враг легко все обошел?

– Это возможно, если у него на руках топографические карты со всеми военными объектами и проходами в горах, – с тяжелым вздохом произнес Мамиконян.

Артавазд озадаченно спросил:

– Не могу понять, почему костровая сигнализация и дозоры не сработали, а в страну вторглись регулярные римские войска, быстро продвигаясь вглубь? Никто даже не пытался их остановить...

– Предательство! – твердо сказал Гнуни. – Все дозоры уничтожены до вторжения.

Царь смотрел на приближенных с сильной досадой.

– Первого вестника еще не казнили?

– Нет, государь, – ответил Меружан.

– Отпустить его и наградить.

Потом, собравшись с мыслями, он встал с кресла, подошел к Меружану и сказал:

– Меружан, мой старый друг, только ты способен сделать невозможное. Возьми не менее двух тысяч всадников из лег-

кой конницы. Она хорошо организована и обучена, всадники не знают страха, их можно использовать для боя с ходу. Твой летучий отряд должен остановить или хотя бы задержать продвижение римлян до подхода основных сил.

– Да, мой царь! – Меружан быстро вышел из зала, чтобы отдать необходимые распоряжения.

Васак озабоченным голосом произнес:

– Владыка, нависла большая опасность над твоим царством. Невероятно, но римское войско вторглось в твои владения, а мы узнаем об этом, когда противник на полпути к столице. Я должен все выяснить, разобраться в ситуации и доложить тебе. Государь, разреши мне следовать за Меружаном.

– Следуй... – рассеянно кивнул царь. – Сейчас место каждого патриота в передовых рядах.

Обратившись к приближенным, царь отдал распоряжения:

– Мамиконян, отправь сообщение в Тигранакерт Манкею перевести город на осадное положение. Все гарнизоны царства привести в боевую готовность. Основные силы армии во главе со мной выдвигаются в направлении к столице завтра с рассветом. Артавазд, отправь посланника к Митридату, пусть со своим войском идет к Тигранакерту.

Работа закипела, распоряжения царя выполнялись незамедлительно, все, кроме мудрецов, ушли. В зале нависла настороженная тишина. Царь в задумчивости сидел в кресле,

подперев голову рукой.

Раздался голос Метродора:

– Они явно рассчитали все, государь, и даже учли твое отсутствие в столице. Армия в Сирии, и потребуются не менее десяти дней, чтобы прийти на помощь Тигранакерту.

– Город хорошо укреплен, он выстоит, – сказал царь, – торопиться мы не должны, все будем делать грамотно, без суеты.

Спандуни произнес:

– Нас ждет изнурительное военное противостояние Риму. Ты, Тигран, спас человечество, но боги послали тебе новое испытание. Преодоление зла и есть дорога, имя которой жизнь.

Убеленный сединами царь снова воспрянул духом и уже более твердым голосом сказал:

– Да, боги нас испытывают, но меня не оставляет мысль, что Рим, поправ законы войны, совершил ошибку. С точки зрения стратегии недопустимо входить в пределы огромной державы, будучи не готовым к войне.

Амфикрат сказал:

– Государь, должен напомнить, что пророчество оказалось вещим: Тигранакерт и есть твое возвращенное дитя. У тебя два пути – выполнить волю богов или поспорить с ними...

В глазах Тиграна появился блеск:

– Мы будем драться, падать и снова подниматься, будем бить врага, лишь сожалея о том, что окончательно не уни-

чтожили силы зла.

Спандуни взволновался:

– Ты хочешь бросить вызов богам? Мы, твои советники, говорим: подчинись, не совершай ошибки!

– Я не буду полагаться только на мнение советников и приближенных, – спокойно сказал Тигран. – Поверхностный или упрощенный взгляд на то, что произошло, неприемлем. Нужен глубокий анализ...

Евсевий с огорчением произнес:

– Твоя мудрость известна, но спорить с богами – это уж слишком...

Для себя Тигран все решил. Боги играют судьбами людей, не защищенных от ударов судьбы, но армяне – народ стойкий и храбрый, способный в годину опасности сплотиться, их царь, что бы ни случилось и каким бы путем ни пошел, свято верил в свою правоту, а это главное.

Глава 52. Наперерез рисклой армаде

Потомок царей Каппадокии Аморион готовил восстание в Тигранакерте. Он уже не раз говорил со старейшинами своей общины, уговаривал на выступление фригийскую молодежь, но каждый раз натыкался на глухую стену непонимания, и только часть каппадокийцев, задобренная лукулловым серебром, была готова восстать. Особенно тяжелым разговор получался со старейшиной греков-каппадокийцев Амфиохием. Тот ни о каких силовых действиях и слышать не хотел.

Аморион отлаживал ткацкий станок, когда в дверь его дома постучали. На пороге появился лысый человек небольшого роста в армянском одеянии.

– Я приветствую славного каппадокийца Амориона из рода Фокиев, – сказал тот.

Аморион насторожился.

– Приветствую тебя, незнакомец, – сказал он.

– Меня зовут Аргирос, мне посоветовали взглянуть на твои шерстяные ткани. Говорят, они лучшие на всем Востоке.

– Да, вот все здесь, смотри! – Аморион подошел к стеллажу с тканями.

– О, это шерсть тонкорунных овец, – говорил незнакомец, щупая ткань. – Она имеет блеск, мягкая, пластичная, ощу-

щение такое, будто в ее составе шелк, она словно тает в руках.

– Тонкорунные овцы Армении лучшие, и спрос на армянскую тонкую шерсть очень большой. Ты можешь купить ткань прямо сейчас. – Аморион расслабился от похвалы.

– Что ж, я заплачу вот этой монетой, – и Аргирос положил перед Аморионом на стол половинку монеты.

Аморион узнал монету. Сестерций с профилем богини Ромы, олицетворяющей город Рим как повелителя Вселенной. Он взял с полки другую половинку этой же монеты, которую ему дал Лукулл, и положил на стол рядом с первой, объединив обе половинки. Римский серебряный сестерций стал целым, изображение совпало, и богиня Рома в образе воинственной героини, гордо вскинув голову, призвала римский народ править миром.

– Вот что, Аморион, – Аргирос сразу перешел к делу, – время пришло, римская армия идет сюда. Скоро со стен города ты сам все увидишь. Когда начнется штурм города, ты должен открыть городские ворот и обеспечить проход римских воинов. Надеюсь, ты готов?

– Я делаю все, что от меня зависит, но многие соотечественники так прижились на новом месте, что не хотят участвовать в восстании.

– Поторопись, тебя ждет слава или смерть. Все должно быть готово через несколько дней.

Аргирос ушел, оставив озадаченного хозяина, неотрывно

смотрящего на римский сестерций.

Отряд всадников числом две тысячи под водительством Меружана быстро продвигался навстречу колонне римской армии. Натренированные и хорошо вооруженные воины, не раз покорявшие народы и царства, скакали на конях без страха и сомнения. Все тайные дороги и горные проходы, броды и мосты армянам были известны, и отряд как стрела летел к цели.

Рядом с полководцем скакал Васак. На привале, пытаясь навязать свою точку зрения, он завел разговор:

– Меружан, какой план боя? Мое мнение – нужно двигаться к Тигранакерту и организовать засаду там.

Старый полководец, глава службы безопасности царя, реагировал недружелюбно:

– Приказ царя будет выполнен, я задержу римское войско до подхода основных сил.

Разведка приносила неутешительные данные: римские легионы двигались достаточно быстро и приближались к столице.

Васак подозвал к себе Багдасара:

– Багдасар, не нравится это мне: отряд Меружана слишком быстро идет. Странно, но Тигран нашел решение, как остановить движение неприятеля. Меружан – реальная угроза замыслу Лукулла. Что будем делать?

– Не знаю, Васак. Предупредить Лукулла нет возможно-

сти, помешать продвижению двум тысячам всадникам мы тоже не в состоянии.

Не полагаясь на тугодума Багдасара, Васак перебирал варианты. Решение должно быть, как всегда, простым и эффективным. Людям кажется: раз задействованы огромные усилия и мощные средства, то сделать ничего нельзя, остается только смириться. Но нет! Всегда есть уязвимое место. Воздействуя на него можно повернуть ход событий в свою пользу.

– Все просто, – сказал он.

– Не понимаю, – Багдасар тупо моргал глазами.

– Болван, устраним Меружана, и наступление провалится! – презрительно сказал Васак своему глупому подручному. – Когда начнется бой, ты со своими людьми должен выпустить десяток стрел по Меружану. Все понял?

– Да, мой господин!

Привал закончился быстро, армянский отряд поскакал дальше. Меружан верил в стойкость и мужество своих воинов, и, когда на горизонте он увидел колонну римлян, марширующих по главной дороге в полной выкладке, не подозревающих, что им наперерез мчится убийственная стрела из закаленных в боях армянских всадников, он, выждав момент появления авангарда в узком ущелье, тогда как основные силы еще не вышли из горных теснин, приказал:

– Атаковать римскую колонну ровно в том месте, где находятся генералы!

Именно там следовал в колонне главнокомандующий Лукулл со своими легатами и телохранителями. Римляне наконец заметили приближение отряда легкой конницы, поднимающего тучи пыли и стремительно летящего ним наперерез. Казалось, он появился из ниоткуда, в этом месте его точно быть не могло. В римских рядах началась паника, легаты закричали, трубачи подали сигнал «К бою», конница Лукулла попыталась в тесных условиях дороги развернуться и приготовиться к удару, легкая пехота занимала оборону, главнокомандующего закрыли щитами, легионы прямо на горной дороге выстраивались в боевой порядок, но толку от всего этого было мало.

Залп из стрел накрыл римских воинов, а в следующий момент армянские всадники врезались клином в римскую колонну и, расслоив ее на две части, приступили рубить и уничтожать противника острыми мечами. Внезапность нападения сыграла свою роль: римские солдаты, застигнутые врасплох, потеряли способность к организованному сопротивлению, многие побежали с места сражения. Лукулл, увидев из-за прикрывавших его солдатских щитов натиск армянской конницы, завопил:

– Мурена, легаты, на помощь!! Главнокомандующий в опасности!

Он неуклюже побежал вдоль дороги, выкрикивая на ходу:

– Сомкнуть ряды!! Главнокомандующий в опасности!

Меружан, увидев, что римская конница в теснине все-та-

ки развернулась и пошла к эпицентру боя, повел свой резерв прямо на римских всадников. В момент, когда армяне входили в соприкосновение с противником, чтобы мечом рубить и копьем колоть, не менее десяти предательских стрел вонзились в спину Меружана. Он рухнул с лошади. Резервный отряд замедлил движение, а тут еще раздался сигнал армянской трубы «Отход».

Васак кричал на растерявшегося генерала, отвечающего за управление войсками на поле боя:

– Меружан убит, нужна перегруппировка! Я назначаю тебя командовать отрядом. Подать сигналы «Отход»!

Гибель армянского военачальника внесла неразбериху среди его воинов. Больше всех свою лепту в эту неразбериху вносил Васак, но, как министра и лицо, приближенное к царю, его боялись и слушались. Легкая армянская конница снова растворилась в горах, а римские легионеры, с трудом придя в чувство, так и не поняли, что же произошло.

Лукулл, избежав гибели, не смотрел в глаза своим легатам. На летучем совещании он приказал выслать разведчиков в горы.

– Легат Секстилий, – приказал он, – поручаю тебе и твоим воинам мою охрану!

Немного потрепанная римская армия, чуть было не разбитая горсткой храбрых воинов, снова двинулась в путь.

Колонна главных армянских сил выдвигалась к Тиграна-

керту. Из-за громоздкости и слабой управляемости, она шла медленно и сильно увеличилась, втягивая по пути подразделения областей, городов, общин и племен. Общая неорганизованность сильно тормозила движение армянской армии.

Тигран, тяжело переживая гибель Меружана, устроил ему похороны с великими почестями.

– Как могло случиться, что Меружан погиб? – вопрошал он.

Васак односложно отвечал:

– Государь, он смело ринулся в бой и храбро сражался, но силы были неравны.

Меружан двадцать пять лет был опорой царю, они дружили, ему Тигран мог поручить любое задание, казавшееся другим невыполнимым, и старый воин всегда справлялся с честью.

– Где сейчас его отряд?

– Отряд находится в засаде на подступах к Тигранакерту.

– Это бесполезно, отозвать! – Тигран не скрывал своего раздражения. – Отписать всем царям зависимых от меня государств: немедленно направить свои войска к Тигранакерту, лично возглавив их. Не забудь вызвать отряд от арабских племен!

Васак на коне поскакал выполнять приказ царя, а Тигран, удрученный, обеспокоенный и растерянный, сказал стоящему рядом Мамиконяну:

– Меружан мог бы пожертвовать собой, посчитав, что это

принесет победу, но безрассудно он не рисковал никогда. Почему все раны на спине? Мамиконян, опроси его воинов, что же там случилось на самом деле.

Глава 53. Осада Тигранакерта

Барабаны войны били все громче, возвещая о приближении беды и ниспосланного богами испытания армянскому народу. Римская колонна вышла к Тигранакерту. Лукулл в окружении легатов и помощников поднялся на холм, чтобы увидеть удивительный феномен – смесь греческого полиса и мирового центра Востока. Желто-золотой город купался в лучах солнца на фоне сказочно-красивых гор.

Мурена восторженно сказал:

– Лициний, город Тигранакерт – один из богатейших на Востоке!

Лукулл молча рассматривал великолепный полис, защищенный с севера почти отвесными горами, а с остальных сторон – высокой крепостной стеной, за которой высились большой, утопающий в садах дворец и цитадель, ощетинившаяся узкими бойницами.

Мурена не унимался:

– Чтобы взять эту крепость потребуется много сил, а также талант полководца.

С высоты своего величия Лукулл смерил его взглядом и с улыбкой произнес:

– Хороший полководец поведет воинов к победе наилучшей дорогой. – Помолчав, добавил: – Мурена, во-первых, у нас есть я, во-вторых, наше преимущество – регулярная,

хорошо обученная, четко управляемая и имеющая боевой опыт армия. Муштра, мой друг, делает чудеса. А в-третьих, как говорил грек Филипп II, отец Александра Македонского: «Самую неприступную крепость возьмет осел, груженный золотом».

Легат Аппиус Клодий заметил:

– Император, стену города огибают река с одной стороны и глубокий ров с другой.

Лукулл скривил усмешку:

– Ну что ж, изменим русло реки, засыплем глубокий ров. Нам не в первый раз. Лагеря легионов поставить на расстоянии восьми стадий от города!

Римский стадий равнялся 185 метрам. Лукулл указал в какой стороне.

Громко разносились команды командиров, легионеры устраивали шесть лагерей, перекрывали дороги, мосты и подступы к городу, выставляли дозоры и охранение. Каждый лагерь получал форум, рынок, святилище и госпиталь. Римские солдаты были воодушевлены. Еще бы! Перед ними богатейший город Востока, и каждый воин уже прикидывал, сколько земли и рабов теперь он сможет купить, как быстро расплатится с долгами.

Со стены крепости римлян рассматривали ее защитники. Полководец Манкей, начальник гарнизона, умный и осторожный человек, уже ввел в действие план обороны. Население частично эвакуировано, оставшееся оповещено о чрез-

вычайных обстоятельствах, ворота наглухо закрыты, боевые расчеты заняли места на стене и у бойниц, все склады взяты под усиленную охрану. В городе оказались заперты до пятидесяти тысяч человек: солдаты, гражданское население, жрецы, ученые, греческие актеры...

Старик астролог Вараздат говорил:

– Манкей, звезды нам не благоприятствуют. Что ты собираешься делать?

Начальник гарнизона спокойно отвечал:

– Вараздат, мы будем обороняться сколь угодно долго: стены крепкие, дух воинов высокий, с продовольствием все в порядке, сады и огороды снабжают плодами, вода с гор поступает. Вряд ли ты ощутишь нехватку еды и воды, да и царь Тигран скоро подойдет с основными силами.

Римские легионы, построив лагерь и сторожевые укрепления, приступили к основной работе – осаде города. Эту работу они выполняли со знанием дела. Крепость заблокирована, возводились валы, строились осадные башни, готовился таран для пролома стены. На расстоянии одного стадия дежурили спешенная конница и пехота на случай, если предатели откроют ворота города изнутри. Развертывались метательные машины, лучники и пращники занимали позиции.

Лукулл важно расхаживал по наблюдательному пункту:

– Предполагаю, что мы, римляне, здесь первые в череде

будущих завоевателей.

Мудрец Полигистор произнес:

– Лициний, армяне еще помнят невероятно тяжелый гнет со стороны персидских правителей. Персы их захватили, когда они ослабли из-за межплеменной розни, но армяне упорно боролись за независимость, победили, а сейчас сплотились вокруг Тиграна II.

Главнокомандующий ухмыльнулся:

– Люди, Полигистор, всегда сплачиваются либо вокруг тирана, либо против врага. Стадное чувство делает их братьями. Но немного монет, и каждый будет драться за себя.

– Они воинственны, подчинить себе их будет сложно, – с ноткой нравоучения в голосе проговорил Полигистор.

Лициний прищурился:

– Я обладаю неодолимой силой убеждения: четыре легиона, много всадников, вспомогательные войска – всего шестьдесят тысяч человек. Непобедимая армия! Ее никому не удастся остановить.

Мудрец Дорилай, насмешливо прищурившись, спросил:

– Лукулл, насколько острый твой меч?

– Ты, о чем, Дорилай? – не понял полководец.

– Знаешь, император, есть легенда...

Дорилай рассказывал, Лукулл же посмеивался. Однажды жрецы фригийского храма провозгласили: кто первый вступит в город, будет их царем. Первым в город въехал на своей телеге крестьянин Гордий. Его и выбрали царем. Гордий

привязал свою телегу к алтарю таким сложным узлом, что никто не мог его распутать. Оракул предсказал: человеку, распутавшему гордиев узел, покорится весь мир.

Польщенный Лукулл зарделся:

– Дорилай, хочешь сказать: если я разрублю узел под названием Тигранакерт, стану править миром?

– Что-то в этом роде... Так настолько острый твой меч, чтобы рассечь узел?

– Мой меч – это римская армия, самая грозная сила в мире. Я разрублю любой узел.

– Желаю удачи, император, только помни: Армения – узел не только торговых отношений, связывающих Запад с Востоком, но и всех противоречий и процессов, происходящих на Востоке. Если справишься с этим узлом, будешь триумфальным победителем, а если нет... Тяжела участь проигравшего.

– Я возьму этот город, и история запомнит меня победителем. Как я это сделаю, неважно, пусть оправдываются проигравшие, – Лукулл, казалось, заранее все знал. Он отдал приказ легату: – Мурена, приступить к строительству циркумвалационной линии!

Циркумвалационная линия представляла из себя земляные валы и укрепления вокруг осажденной крепости, строившиеся для отражения неприятеля, подходившего извне на помощь осажденным. Работа закипела с удвоенным темпом. Вспомогательные войска и боевые расчеты устанавливали осадные машины, у стены начали засыпать ров, меняли рус-

ло реки, делали подкопы под крепостную стену, чтобы расшатать ее. Хорошо отлаженная римская военная машина работала.

Пошла первая осадная башня. Многоэтажное сооружение с железной обшивкой, за которой прятались штурмующие крепость римские воины, медленно подкатывали к крепостной стене. Вот она остановилась на некотором расстоянии, и с верхнего этажа башни на стену опустился откидной мостик. Несколько легионеров с мечами рванули по мостику, но тут же стрелы защитников сразили их наповал. Они упали с большой высоты, а со стены по мостику покатались в башню «подарки» – дырявые бочонки с нефтью и серой. Когда они достигли башни, огненные стрелы вонзились в них, и нефть загорелась. Осадную башню охватил пожар. Средств для его тушения не хватало, да и потушить нефть в башне было невозможно. Огромное деревянное строение полыхало, солдаты прыгали с большой высоты, обслуга в панике разбегалась, а летящие с городской стены стрелы догоняли людей. Наконец циклопическое сооружение рухнуло.

Лукулл был вне себя от ярости:

– Так у них есть нефть! Почему я не знал? Надо принудить эту крепость к сдаче!

– Лициний, катапульты готовы к бою, – отрапортовал Мурена.

Лукулл орал:

– Мы блокируем город, прервем все коммуникации с

внешним миром и принудим гарнизон к капитуляции! Я не собираюсь осаждать крепость вечно. Начинайте обстрел!

Баллисты обстреляли крепость тяжелыми снарядами: полетели камни размером с овцу и огненные шары. Катапульты выпускали стреловидные снаряды, стрелометы типа «скорпион» и хиробаллистры делали массированные залпы, накрывая защитников крепости большим количеством стрел.

На стене кричал командир сектора:

– Манкей! Огненный снаряд попал в склад боевых припасов.

– Ничего страшного, у нас таких складов много! Они хотят принудить крепость к сдаче и будут обстреливать весь день. Всем прятать головы и беречь боеприпасы!

В городе начались пожары. Народ молился, призывая жесточайшие кары на головы захватчиков. Армяне, греки, иудеи, адиабенцы, ассирийцы, гордиенцы, каппадокийцы и другие громко причитали, но многие из них шли на стену защищать город.

Пока пятьдесят машин постоянно подвергали крепость обстрелу, римские солдаты под защитой своих лучников пытались карабкаться с помощью лестниц на крепостную стену. Не получилось: сверху летели стрелы, тяжелые камни, горшки с кипящим маслом.

– Защитники крепости в ловушке! – кричал Лукулл. – Приступить к открытию траншей и строительству насыпей, все земляные работы вести днем и ночью!

Начали подвозить землю, бревна и камни и строить земляную насыпь.

Манкей, наблюдая, как слаженно действуют защитники крепости и как терпит неудачу за неудачей противник, с восторгом воскликнул:

– Как видишь, Вараздат, мой гарнизон умеет оказывать сопротивление!

Вараздат радовался:

– Защитники Тигранакерта под твоим руководством, Манкей, успешно отбивают атаки римлян. Это воодушевляет. Если так пойдет и дальше, мы причиним римлянам серьезный ущерб.

Прибывшим командирам Манкей приказал:

– Бочки из-под нефти разместить на стене и поставить у ворот! Лучникам и копейщикам отдыхать попеременно!

Пары от нефти в пустых бочках при соприкосновении с огнем воспламеняются, а в смеси с воздухом взрываются. Нагретые газы, таким образом, создают большую разрушительную силу.

– Что это? – в ужасе прокричал воин, стоящий недалеко от полководца.

К стенам города двигали огромный таран на колесах под прикрытием железных листов и мешков с мокрым песком и водорослями (защита от поджога). Машина, больше похожая на чудовище, приближалась все ближе. Проломить в стене брешь и ворваться в город! Когда таран остановился у сте-

ны, подвешенное на цепях толстое ударное бревно из ясеня с железным наконечником в виде морды барана, раскачали не менее ста солдат. Первый же удар по каменной кладке сотряс стену, что привело в уныние армянских воинов.

Манкей закричал:

– Поторопитесь с доставкой «Журавля»!

Притащили грузоподъемное устройство под названием «Журавль». С помощью него, используя цепи и канаты, подняли на стену сеть, груженную камнями, перекинули ее наружу и, как только морда «барана» вновь пошла к стене, обрезают веревки. Сеть с грузом с большой высоты рухнула на таран. Крыша развалилась, бревно треснуло, удар об стену не получился, зато возникла паника среди римских солдат. Манкей и его воины ликовали.

Командир расчета «Журавля» подошел к Манкею:

– У римлян есть запасные бревна, надо сжечь эту машину.

Манкей и сам это понимал:

– Под покровом ночи совершим диверсионную вылазку.

Начали готовить лазутчиков для спуска вниз. Подобрали для задания самых смелых и прытких парней: они должны поджечь чудовище.

В шатре главкома вокруг стола с макетом крепости ходил Лукулл и говорил легатам Аппиусу Клодию, Публию Клодию, Мурене и Секстилию:

– Город хорошо укреплен, это надо признать. Пока все на-

ши попытки взять его напрасны и сопряжены с потерями. Метательное оружие носит вспомогательную роль, все решит рукопашная схватка. Вы, как я вижу, напряжены и не уверены в себе. Зря! Удача на нашей стороне. Случится так, что ворота города откроются.

Легат Секстилий, исключительно образцовый командир, спросил:

– Император, нас всегда учили, что успех войны – это военная техника, тщательное планирование и хорошая дисциплина. Что ты вкладываешь в данных условиях в понятие удача?

Лукулл испепелил его взглядом:

– Римский принцип «разделяй и властвуй» действует во все времена. Среди защитников крепости я бросил семена раздора. Моя щедрость каппадокийцам возбудит смуту; посеянное вскоре принесет плоды.

Пока шло совещание у главкома, в ночной мгле и шуме земляных работ армяне незаметно с помощью «Журавля» опустили клеть со смельчаками недалеко от тарана. Подкравшись к огромному сооружению, трое армянских солдат, тихо сняв часовых, подложили под деревянные колеса тарана горшки с нефтью, солому, хлопок, серу, древесный уголь и смолу. Воспламенив горючие материалы, они убрались во свояси.

В палатку главнокомандующего вбежал ошалелый трибун:

– Горит таран!!

Главнокомандующий и легаты торопливо вышли из палатки. Пламя охватило все штурмовое орудие, освещая участок стены, на которой прыгали, радовались и кричали защитники города.

Внутри крепости зрело восстание. Уроженец города Гельвери, фригиец Аморион из царского рода Фокиев, которому Лукулл пообещал царство Каппадокию, собрал соплеменников на складе шерсти. Пришли многие, но также многие наравне с защитниками крепости находились на стене.

– Я ваш истинный вождь, я приведу вас обратно на землю отцов, – говорил Аморион.

Один из горожан сказал:

– Нам и здесь хорошо. Мы получили изобильные горные пастбища для выпаса скота, в нашей общине лучшие овцы и козы.

Другой его поддержал:

– Мы стрижем шерсть и делаем прекрасные ткани. Их ценят во всех странах. Купцы возят ткани в Рим и с большой выгодой продают там.

Третий напомнил:

– В родной стране суровый климат и вулканическая земля. Труд там слишком тяжел. Да и римляне...

Государство Каппадокия было очень древним. Одно время его называли царством подземелья – люди жили в под-

земных городах. Теперь римские ростовщики и сборщики податей чувствовали себя там вольготно.

Аморион с досадой воскликнул:

– Ваша родная земля зовет вас! Боги гневаются, извергая пепел из жерл вулканов. Земля истосковалась по рукам мастеров. Будущего в Армении у вас нет!

Амфиохий, старейшина, насмешливо спросил:

– Мы здесь, в армянской столице, разговариваем на родном фригийском языке, носим национальную одежду и фригийский колпак – символ нации. Так зачем же все это менять на притеснения царя Ариобарзана?

Его поддержал еще один каппадокиец:

– Армяне освободили нас от платежей монетой. Мы, крестьяне, отдаем налог натуральными продуктами: мясом, ячменем, финиками, растительным маслом.

Аморион взмолился:

– О, боги! Неужели вы не видите несправедливость и жестокость царя Великой Армении?

Амфиохий не уступал:

– Мы молимся своим богам, платим посильные налоги, процветаем, нас никто не обижает. В Каппадокии нас ждет жестокий и ненасытный Ариобарзан.

Послышались одобрительные возгласы:

– Мы видим в царе Тигране защитника своих прав!

Амфиохий встал:

– Я ухожу с этого собрания. Я не воин, пользы от меня на

стене мало, но я буду молиться за победу армянских воинов.

Он ушел, а вместе с ним покинули собрание все несогласные с потомком Фокиев.

Аморион, видя, что теряет влияние, стал давить на патристические чувства соотечественников. Его пространная речь свелась к тому, что Тигран, чтобы заселить свою новую столицу, насильно депортировал в Армению людей из Каппадокии. Почему он переселил именно этот народ? Да потому что каппадокийцы исключительно трудолюбивы. Скотоводы Каппадокии прославились на весь мир благодаря лучшим в мире шерстяным тканям и сукну. Здесь, в Тигранакерте, возобновив производство, они продают ткани во многие государства, даже Италию. В деле народ преуспел, но жизнью не доволен.

Его поддержал подкупленный им каппадокиец Амнита:

– Наш народ мечтает вернуться на родину. Несмотря на все потрясения, мы истосковались по своей земле. Хоть Тигран и разумный правитель, никогда нас не притеснял, но на чужбине и собака тоскует. Ничто не заменит родной дом. Так?

– Да! – закричали члены группы.

Аморион агитировал:

– Если мы откроем ворота, римляне обещали отпустить нас на родную землю! Мы всегда мечтали о свободе, но получить ее можем только сами.

Поднялся шум, посыпались предложения.

– Армяне установили повозку с бочками из-под нефти у ворот! – крикнул кто-то.

– О! Это поможет открыть ворота. У кого есть сифон?

Сифон – горшок с поршнем и носиком.

– У меня есть, – сказал Амнита.

– Предстоит нейтрализовать охрану у ворот, – воинственно настраивал группу Аморион.

Армия Тиграна вышла к Тигранакерту по южной дороге. Став лагерем в пятнадцати стадиях от римлян, шестидесяти тысячная махина, уставшая от грандиозного марш-броска, приступила к возведению лагерей, земляных валов и сторожевых укреплений, не забыв выставить караульные отряды.

Тигран, с замиранием сердца наблюдая деловитую сосредоточенность римлян по разрушению крепостной стены, говорил окружавшим его полководцам:

– Штурм города, как вижу, у них не получился.

Мамиконян произнес:

– Они строят стенобитные машины, возводят насыпь и обстреливают город.

В этот момент со стены вниз полетела горящая бочка с нефтью, чтобы не дать подняться насыпи до уровня крепостных зубцов. Горящая нефть расплескалась, заливая и сжигая все живое и неживое под стеной. Работа римских рабочих опять затормозилась.

– Нам салютуют! – с воодушевлением сказал Тигран.

Васак, паникуя, стал убеждать:

– Государь, ты должен рассеять страх у наших воинов от неблагоприятного прорицания.

Не желая замечать намека, Тигран произнес:

– Для начала я бы хотел разведать планы неприятеля.

Васак громко, чтобы слышали все, призвал:

– Нужна битва!

Мамиконян осторожно сказал:

– Генеральное сражение не всегда играет решающую роль.

У тебя, государь, нет большого перевеса в силе и технике.

– У нас есть мужественная армия, и условия сложились благоприятные! – не унимался Васак.

Тигран спокойно произнес:

– Благоприятные условия для ведения войны вряд ли когда-либо создаются.

Полководцы, совещаясь, обосновывали закономерности римской стратегии и тактики. У противника есть слабые места, и о них известно. Лукулл заносчив, у него неважная разведка, а его конница гораздо слабее армянской. Вся мощь римской армии содержится в ее ядре – легионе. Римляне побеждают благодаря жестокой и суровой дисциплине. Если нужно сражаться с ними – так тому и быть, победоносная армянская армия разгромит противника.

Михрдат, дядя Тиграна, старый и умудренный опытом воин, молчавший, пока молодые командиры высказывались, вдруг проронил:

– Давать бой на этой местности – ошибка. Слишком тесно.

Тигран, посмотрев на старого воина, чей совет в военных делах ценил выше всего, но переполненный желанием наказать римлян и доказать всему миру свою решительность, действуя даже вопреки указаниям перста судьбы, сказал:

– Там, за крепостной стеной есть то, что дорого мне больше жизни, – моя Аревик. А этот город не просто крепость, это символ величия и независимости моей нации. Я не колеблясь буду защищать свое детище Тигранакерт. Впрочем, созовем военный совет, там и решим окончательно насчет битвы.

Солнце взошло, освещая огромную панораму театра военных действий. С небес боги бесстрастно взирали на прехорошую картину неотвратимой катастрофы, созданную осенней природой и неумным человеком. Благодатная долина, пересекаемая искрящейся рекой, раскрашенная желтыми полями пшеницы и зелеными виноградниками, в окружении скалистых гор на севере, высоких холмов на юге, оштетнившегося лагеря римлян на западе, пестрого лагеря армян на востоке, имела в центре монументальную фреску в виде непреступной крепости золотистого цвета, над которой вились думы и птицы.

Лукулл с наблюдательного пункта смотрел на лагерь армянской армии и говорил своему другу Мурене:

– Для спасения своей столицы Тигран обязан вступить в

сражение, он же не потерпит осады своего детища. Мне нужна эта битва!

– Какая у тебя стратегия?

– Любая стратегия хороша, если ведет к победе.

На другом конце долины царь Тигран смотрел на свою столицу. В постройку этого города он вложил колоссальные средства и труд, замыслив Тигранакерт как место просвещения армянского народа, чтобы изменить его культуру, развить науку и искусство, сделать центр прогресса всей Великой Армении.

Он сказал сыну:

– Силы примерно равны, а может быть, нас даже меньше, чем римлян. Все равно верю: только активными действиями можно деблокировать город.

Артавазд рвался в бой:

– Я хочу возглавить конницу!

– Сын, ты поскачешь в Арташат. Я получил из Парфии донесение агентуры: царь Фраат собирается напасть на Великую Армению. Его армия, во главе которой он поставил твоего брата, пойдет на Арташат. Ты, Артавазд, наследник престола, не допусти захвата нашей древней столицы!

– Да, отец!

– Если со мной что-нибудь случится, возглавишь царство и будешь его защищать.

Инструкции Артавазд получил следующие. В подземелье царского дворца в Арташате находится сокровищница ар-

мянских царей. Только царь и министр Гнуни знают шифр хитроумного замка и как туда войти. Гнуни поедет с царевичем. Следует поместить в хранилище Таблицу судеб. Она достояние народа, и, пока находится у армян, никто не изменит судьбу нации. Артавазд и Гнуни ушли готовить поход, а Тигран, вновь взглянув на крепость, подумал об Аревик. Перед его глазами стоял ее образ – длинные пышные каштановые волосы, пухлые губки, красивые глаза, обаятельная улыбка. Взгляд ее наивных глаз завораживал, волновал, а ум этой девушки вызывал восхищение.

Царь подозвал своего полководца:

– Багунци, ты сделаешь то, что еще никто не делал: обманешь судьбу!

В римском лагере шла подготовка к сражению. Солдаты легионов, не занятых в осаде крепости, чистили до блеска доспехи, шлемы, мечи и щиты. Легаты ежедневно устраивали им тренировки и соревнования, что, несомненно, будило в легионерах воинственность и дух соперничества.

Лукулл ходил перед своим шатром и нервничал:

– Что он тянет, мне нужна битва!

Внезапно его глаза округлились, рот от удивления открылся, но крикнуть так не получалось. По дороге, соединяющей лагерь противников, мчался, оставляя за собой клубы пыли, конный отряд не менее шести тысяч конников прямо по направлению к римскому лагерю.

Наконец Лукулл овладел собой:

– Объявить тревогу!! Объявить тревогу!!

Трубы разнесли сигнал тревоги. Солдаты все побросали, схватились за оружие, построились в боевой порядок и приготовились встретить противника. Лукулл было подумал, что это и есть начало битвы, но какое-то странное, не по правилам, но тут к нему вернулся воинственный дух, он стал отдавать необходимые распоряжения. А армянский отряд, подлетев к городу, выпустил в охранение тучу стрел, прорвал кольцо окружения и влетел на конях в крепость, ворота которой перед ним как по волшебству отворились, а потом сразу же закрылись. Римляне даже не поняли, что произошло, настолько молниеносно была проведена операция.

– Они, видимо, усиливают гарнизон крепости, – сказал Мурена, подбежав к Лукуллу.

– Дерзкая операция, но странная и загадочная, – Лукулл в задумчивости смотрел мимо легата. – Удвоить охранение!

Темной ночью армяне повторили тот же маневр. Ворота вдруг открылись, выпуская конников, и при поддержке лучников и пращников, стрелявших со стены, отряд, пробившись сквозь удвоенное кольцо римских войск, вывез из города казну и гарем царя, жен и детей царедворцев, приближенных к государю людей. За спинами многих воинов сидели красивые женщины и малолетние дети, а в мешках, притороченных к седлам, находились царские сокровища.

Тигран был доволен.

– Багунци, ты герой! Операция проведена виртуозно, твои воины вызывают у меня восхищение! – Тигран обнял героя и, похлопывая по плечу, добавил: – Твой поступок отражает наш национальный характер. Дух народа непобедим!

Ликовала вся армянская армия, а царя Тиграна ждала награда: в свете факелов он вновь увидел свою Аревик. Она, сидя за спиной всадника Гургена (кому еще Тигран мог поручить спасти свое главное сокровище?), появилась у шатра царя. Ей помогли слезть с лошади, подвели к Тиграну, и он обнял и поцеловал ее. Она была счастлива, ведь она любит и любима, а он, ощутив спокойствие, трепетно смотрел на нее восхищенными глазами. Его переполняли эмоции и неземное счастье.

Разъяренный Лукулл рычал на каждого, кто попадался под руку. Вызвав в шатер Мурену, он, щадя самолюбие легата, дождался, когда они останутся без свидетелей, злобно прошипел:

– Мурена, твой легион на осаде города. Ты бездарно допустил, чтобы мою добычу – золото и рабов – украли из-под носа!

Мурена молчал, оправданий не могло быть. Лукулл вызвал к себе мудреца Дорилая. Когда тот вошел в палатку с раздражением спросил:

– Что скажешь, мудрец?

Дорилай, воспрянув духом и радуясь неудаче Лукулла, расправил плечи и с иронией произнес:

– Лукулл, хочь загадать тебе загадку. Отгадаешь, поймешь замысел богов.

– Я не в настроении отгадывать загадки, однако давай, может, наведешь на умную мысль.

– Отгадай загадку: «Одного не знаю, другого не вижу, третьего не помню».

– Издеваешься, Дорилай! Вот я прикажу тебя казнить за неучтивость с командующим!.. Однако ты мне нужен. Пойдешь к Тиграну и сообщишь ему: если он отдаст Таблицу судеб и ключ от Дворца власти, я сниму осаду и сохраню город Тигранакерт в целости.

Дорилай смотрел на командующего с презрением. Намекая в своей загадке на то, что Лукулл стремится отделиться от бога, мира и нежелательных ситуаций, мудрец и не ожидал, что человек, с упорством одержимых крушащий все на своем пути, отгадает старую загадку.

Глава 54. Военный совет под хорошее вино

В шатре Тиграна полумрак, горит лишь небольшой масляный светильник, давая теплый мерцающий свет, и огонь, отражаясь от золотых деталей походного трона, от бронзовой Чаши мира, богато орнаментированной сценами войны, придавал лицам беседующих выразительную проникновенность. Астролог Вараздат, как и Аревик, был вывезен из города по приказу царя. Его прогнозы Тигран ценил, и мудрец, испытав потрясение при побеге из осажденной крепости сквозь римское оцепление, теперь успокоился и вел с царем ночной разговор.

– Раз ты спрашиваешь о звездах, значит, хочешь повлиять на судьбу, – говорил астролог.

– Я не из тех, кто ничего не делает, смиряясь с участью, – произнес Тигран. – Тайна моей судьбы и Тигранакерта разгадана, но если мне удалось один раз обмануть судьбу, почему не попытаться снова?

– Да, то, что ты вывез меня, Аревик и других из осажденного города, чудо. Боги через Таблицу судеб тебе предсказали будущее, но ты решил распорядиться знанием и поспорить с судьбой.

– Я пошел наперекор судьбе, и вот результат – ты здесь! –

Тигран дружески похлопал старика по руке.

– Игры с судьбой опасны, – мудрец говорил, взвешивая каждое слово. – То что ты в хорошем настроении, не подавлен, не опустошен, меня радует, но если будет поражение в битве, помни – это еще не конец.

– Решение я не принял. Раздумываю, начинать ли битву.

– Я всего лишь астролог, не бог. Могу по звездам открыть тебе судьбу, но не назначить ее.

– Варадат, что говорят звезды?

– Звезды не благоволят тебе. Воздержись от сомнительных действий. Ты рискуешь проиграть.

– В любом деле присутствует риск.

– Будь терпелив, Тигран, продумывай каждый шаг, не иди на поводу у других.

– Ты думаешь, что кто-то подталкивает меня на необдуманные поступки?

– Не исключаю.

Разговор затянулся. Поговорили о природных явлениях. Астролог видел в них закономерности и знамения небес. Сейчас Луна в знаке Льва, она пытается воздействовать на сознание царя, вести его необычным путем, заставляет сильно переживать, не позволяет правильно оценивать ситуацию. Тигран рвется проявить себя, хочет заставить всех верить в свой успех, поднимает боевой дух воинов. Однако, если обратить взор на северо-западную часть небосклона, можно увидишь двойную звезду. Две планеты сошлись в «поце-

дуе» – планета бога Мардука, римляне ее называют Юпитер, и планета Вечерняя звезда, которую еще зовут Венерой. Этот «поцелуй» предсказывает разрушение и неудачи. Такое расположение звезд – предзнаменование грядущих несчастий для царя и государства.

Обескураженный прямою мудреца царь смутился:

– Да, есть о чем подумать...

Варздат встревоженно хмурился:

– У меня, Тигран, предчувствие чего-то разрушительного.

– Мне брошен вызов, так неужели я испугаюсь?

– Любой астролог тебе скажет: «Звезды запрещают вступать в спор с судьбой».

– Я не хочу принимать безоговорочно того, что мне назначено.

– Не хочешь выполнять волю богов, но все же уповаешь на них, просишь помощи, думаешь о бессмертии и славе!

– Так что же, Варздат, покориться или бороться?

– Осторожность, Тигран, не помешает.

– Вижу, не хочешь давать прямого ответа. Ясно. Борьба с неизбежностью может иметь много отрицательных последствий, например, я погибну или потеряю царство, так?

В восторженном волнении лукаво взглянув на Тиграна, Варздат улыбнулся:

– Я скажу нечто необычное. За много лет служения твоему отцу и тебе, несмотря на безоглядную веру в звезды, я понял одно: все отвратимо, если предусмотреть последствия и

неприятности или найти необычное решение проблемы. Тогда можно и побороться с судьбой, принять ее вызов и даже победить.

Тигран благодарно улыбнулся:

– Такой подход мне ближе. Моя воля и решимость дают мне шанс принять вызов римлян и победить.

На другой день римляне, продолжая осаду Тигранакерта, провели разведку местности. Закончив обследование позиций и путей обхода, Лукулл, решив воодушевить легатов после вчерашнего провала, собрал совещание, чтобы обсудить возможные варианты битвы.

– Тиграну нужно смириться, – говорил он, – ведь царь получил предсказание Таблицы судеб. Город наш, я не сомневаюсь. Однако я послал к нему Дорилая с хорошим предложением. Примет – спасет город.

Аппиус Клодий воскликнул:

– Слава Лукуллу! Нас ждет триумфальная победа!

Публий Клодий высокопарно сказал:

– Нам впервые предстоит столкнуться с царем Тиграном, ему же предстоит испытать силу римского оружия!

Секстилий в порыве преданности выкрикнул:

– Покажем этому варвару, преисполненному заносчивости, что победителя либо терпят, либо уважают!

Мурена промолчал, а Лукулл, бросив на него неодобрительный взгляд, произнес:

– Мне донесли, что у царя военный совет. Посмотрим, какое решение он примет.

Армяне, полагая, что на родной земле и так все знают, разведку местности не проводили, поэтому, воодушевленные вылазкой отряда Багунци, праздновали успех. В огромном шатре за накрытым столом сидели царь Тигран и его союзники – цари Атропатены, Адиабены, Гордиены, Софены, Коммагены и Осроены, и еще прославленные полководцы, а также вожди иберов, арабов, мардов и албан, царедворцы и мудрецы. Держа военный совет, пили превосходное вино, ели жареного барашка.

Выступил, очень громко выкрикивая слова, царь Атропатены Дарий Мидийский (он сидел по правую руку от Тиграна):

– Римляне предают огню все, что им не нравится, они пришли на наши земли за богатой добычей, хотят, чтобы их владения простирались от океана на Западе до Каспийского моря на Востоке. Не бывать этому!

– Не бывать! – закричали все.

Дарий Мидийский сообщил, что в величайшем зороастрийском храме Адур-Гушнасп он принес богатые жертвы богу Ахурамазде. Бог, воплощение мудрости, подал ему знак – храмовый огонь стал зеленым, и царю открылась истина: римляне будут разбиты.

Злорадно ухмыляясь, Дарий говорил:

– Царь царей Тигран, я поставил тебе «мидийское масло» (нефть), им ты испепелишь врагов. Для римлян припасено еще много сюрпризов. Так?

– Так! – закричали все.

Выступления продолжались. Царь Адиабены Монобаз, потомок ассирийских властителей (он сидел по левую руку от Тиграна), хвастливо заявил:

– Мы накажем римлян, а парфяне не посмеют сунуться сюда! Так?

– Так! – закричали все.

– Рим устремил взоры на богатый Восток, он ведет войну на уничтожение крупных городов, лишает всякой самостоятельности государства одно за другим!

– Не позволим! – закричали все.

Царь Осроены Абгар I вопрошал:

– Что стало с Пергамским царством? Оно пало, на его месте теперь римская провинция Азия, народ Пергама испытывает притеснения и поборы. Свергнем римское иго!

– Свергнем! – закричали все.

Спандуни воскликнул:

– Они не стесняются грабить даже храмы!

Неодобрительный гул.

Царь Коммагены Антиох I сказал:

– Мне смешно, ведь у Лукулла малочисленная конница, в пять раз меньше нашей, а катафракты есть только у нас. Ударим по римлянам!

– Ударим! – закричали все.

Тут встал полководец Таксил:

– Царь царей Тигран, я хочу сказать, если позволишь.

Тигран кивнул.

– Я Таксил, полководец царя Митридата. Сам понтийский царь сейчас ведет кровопролитную битву с римскими войсками на севере, сдерживая силы двух легионов, чтобы они не двинулись сюда. Царь Митридат по твоему зову, государь, прислал меня с отрядом лучших всадников. Он советует тебе уклониться от сражения и изматывать римлян набегам конницы.

Царь Гордиены Зарбиена, воинственный и неукротимый горец, втайне тяготившийся господством армянского владыки, закричал:

– Ты, Таксил, трус! Мы сметем римлян и уничтожим!

Таксил не унимался:

– Я хорошо знаком с римской тактикой. Они начинают битву, когда уверены, что имеют беспроегрешный план, противник плохо организован, а полководцы подкуплены...

– Что?! – заорал Дарий Мидийский. – Он обвиняет нас в предательстве?!

Поднялся шум. Громче всех возмущались цари зависимых от Тиграна государств. Таксил пытался перекричать обезумевших властителей:

– Лучшее, что можно сейчас сделать, – при помощи конницы отрезать неприятеля от подвоза продовольствия, после

чего, измотав противника, добить его! Государь, настоятельно рекомендую прислушаться к совету Митридата!

Царь Зарбиена вскочил с места и возопил:

– Митридат хочет удержать тебя, Тигран, от великого подвига!!

– Он не хочет делиться с тобой славой! – вторил ему царь Монобаз.

Тигран встал, все разом замолкли. В наступившей тишине, выдержав паузу, владыка Армении произнес:

– Я выслушал твой совет, Таксил. Римлян не боюсь. Во имя спасения государства я собрал огромное войско из разных стран и племен...

Тигран говорил красноречиво, и присутствующие прониклись почтением и убеждением. Колоссальная сила духа многонациональной армии – не самонадеянная похвальба, а настоящая угроза Лукуллу. Раньше отношения с Римом развивались по принципу «ни войны, ни мира», но теперь, когда римский орел распростер крылья над землями Великой Армении, все должны сражаться и сокрушить римскую армию.

Закончив убедительную речь, Тигран обвел проницательным взглядом присутствующих:

– Я выслушал вас и решил дать бой. Мы ударим одновременно. Мамиконян, пошли известие римскому командующему, что я назначаю битву на завтра. Начнем с восходом солнца!

Совет завершился, цари и полководцы отправились к сво-

им войскам готовиться к сражению. Васак через внедренного шпиона Аргираса сообщил Лукуллу все подробности плана битвы.

Тигран, войдя в шатер, где его ждала Аревик, позвал ее и, нежно прижав к себе, поцеловал.

– Аревик, мое солнышко, как ты красива! Твоя кожа нежна, как шелк, твои волосы, брови и грудь опьяняют, а твоя любовь придает мне сил.

– Не надо слов, – прошептала Аревик, – любовь делает нас необыкновенно сильными, ведет по краю опасности сквозь страх и неуверенность, дает бесконечное наслаждение.

– Только с тобой, Аревик, я могу быть до конца откровенным. Завтра сражение. Если уклонюсь от битвы, меня объявят трусом. До последнего мгновения посещали меня сомнения, но, увидев тебя, я понял ради чего нужно сражаться. Где моя нерешительность? Она исчезла. Кажется, сегодня я воодушевил полководцев и преодолел робость мудрецов. Биться придется не только с неприятелем, но и со своей судьбой.

– Наши сердца, чтобы ни случилось, всегда будут вместе, – Аревик страстно смотрела на него, эмоционально переживая переполнявшую ее радость.

– Буду любить тебя до конца своих дней, – произнес Тигран.

По дороге из лагеря римлян в лагерь армян шел Дорилай.

Одет он был в римские одежды – тунику и тогу, шел не спеша, но горбился под грузом ответственности и тщетности своей миссии. Охрана лагеря армян, узнав, что он посланник Лукулла, привела Дорилая к шатру царя. Все мудрецы и советники Тиграна тут же обступили его, так как знали и ценили выдающегося и особо чтимого греческого философа. Метродор, переговорив с Дорилаем, пошел к царю упрашивать принять посла Лукулла. Тигран согласился выслушать его.

Пав на колени перед царем, Дорилай сказал:

– О царь царей, о Тигран Великий, выслушай меня!

– Ты Дорилай, бывший советник Митридата, не так ли?

– Да, это так. Я был захвачен римлянами в плен, сидел в их тюрьме, но в последнее время Лукулл приблизил меня, чтобы узнать тайны Митридата.

– Встань, – приказал Тигран, – расскажи, о каких тайнах идет речь.

Дорилай поднялся:

– Лукулла интересуют Дворец власти и Таблица судеб.

Тигран метнул в его сторону гневный взгляд, но сдержался. Посмотрев на главу своей охраны и секретаря, протоколировавшего разговор, он спросил:

– И что ему нужно?

– Лукулл велел передать: если отдашь ему Таблицу судеб и ключ от Дворца власти, он снимет осаду и сохранит город Тигранакерт в целости.

– Что он знает о Дворце и Таблице? – спросил Тигран.

– Он знает все. Его послы и шпионы собрали всю необходимую информацию, часть знаний он почерпнул из манускриптов, что-то ему, к сожалению, сообщил я.

– Зачем ему это знание?

– Он притязает на мировое господство, но для начала хочет стать диктатором Римской республики, а с помощью Таблицы судеб мечтает изменить свою судьбу – войти в бессмертие.

Тигран, сидя на походном троне, смотрел на мудреца с нескрываемой враждебностью и думал о Дворце власти. Дворец находится на армянской территории под присмотром армянского народа, призванного богами защищать его. Тайна Дворца будет раскрыта только достойным людям, доказавшим свои миролюбивые намерения и верящим в справедливость и разумность. Что касается Таблицы, то богам судьбы людей и так открыты, человеку же не дано знать свою судьбу – это привилегия мудрых. Глупым и низким людям это знание позволит безнаказанно ломать жизни невинным и нести страдания целым странам.

Царь сказал:

– Лукулл никогда не получит ни того ни другого.

Дорилай, опустив глаза, проговорил:

– Лукулл знает, что Таблица заговорила и ты получил пророчество: Тигранакерт обречен...

– Дорилай, судьба – это не неизбежность, которой нужно

покориться. Божественную волю нужно принять, чтобы изменить.

Мудрец удивленно вскинул глаза на властителя:

– Государь, ты решил дать сражение под Тигранакертом?

– Да, таково решение военного совета, и я его поддерживаю.

Дорилай смотрел на царя испуганно и в замешательстве произнес:

– Я глубоко озабочен твоим решением биться с Лукуллом в прямом столкновении. Ты не понимаешь, насколько огромна мощь римлян...

Да, война – образ жизни римлян, их военная машина неистребима, они легко восстанавливают потери, увеличивая при этом мощь, но Тигран верил в свою армию, защищающую родную землю. Конечно, чтобы победить, придется бросить вызов Римской державе, и армянский царь готов схлестнуться с ней. Пока военная техника римлян не сильно впечатлила его. Лукулл не может взять Тигранакерт. Возможно, это вопрос времени, но если воспользоваться ошибками Лукулла, можно победить в битве... Но с другой стороны... Что если ошибку совершит он, Тигран? Отмахнувшись от этой мысли, царь подумал: «Ошибки делает каждый, главное – вовремя их исправлять. Бояться совершить ошибку – то же самое что пребывать в бездействии, когда горит твой дом».

Дорилай продолжал говорить как никогда серьезно, убеж-

дал и повторял: ни одна держава по уровню военного искусства не может сравниться с Римом. Прямое столкновение – ошибка, которая дорого обойдется армянам. Нужно найти другой вариант...

Тигран перебил его:

– Если я буду бояться прямого столкновения, меня перестанут уважать не только люди, но и боги.

Мудрец был в замешательстве, но понял: переубеждать царя – дело безнадежное.

– Государь, если я чем-то тебя обидел, извини, но я был честен с тобой. Лучше знать, чем не знать... – Он помолчал, потом его лицо тронула робкая улыбка: – Разреши загадать тебе загадку, чтобы развлечь.

– Ну, давай!

– Вот загадка: «Одного не знаю, другого не вижу, третьего не помню».

Тигран думал мгновение:

– Ответ: смерть, возраст, рождение.

Дорилай воскликнул:

– Да, великий царь! Ты избран богами!

Смысл загадки в том, что человек не знает смерти (он не испытал ее), не видит свой возраст, потому что живет как бессмертный, и конечно, никто не помнит своего рождения.

Тигран удовлетворенно откинулся на троне. Видя его хорошее настроение, Дорилай, смутившись, обратился с просьбой:

– Государь, разреши мне остаться при твоём войске и не возвращаться к Лукуллу, где меня ждёт неминуемая смерть.

– Ты, мудрец, наговорил мне много неприятных вещей, но за тебя вступился Метродор, а ему я доверяю. Оставайся... – Подумав, владыка Армении задумчиво взглянул на гостя: – Дорилай, твоя репутация в мире снискала широкую известность. Хотел бы поручить тебе деликатную миссию, если, конечно, возьмёшься.

– Слушаю тебя, царь царей!

Миссия Дорилая предстояла ответственная, но невыполнимая. Тигран желал, чтобы мудрец совершил поездки в Парфию и Понт, к царям Фраату и Митридату, в качестве личного посланника армянского владыки с целью убедить царей объединить войска под началом Тиграна в борьбе с Римом. Три великих царя должны не соперничать, а править Востоком. Каждого по отдельности Рим одолеет, троих никогда. Три царя разделят Малую Азию и Ближний Восток и будут в могучем партнёрстве поддерживать вечный порядок в Азии. Философ сумеет найти нужные аргументы.

Дорилая охватило отчаяние. Мир несовершенен, соперничество лежит в основе любой власти, даже сотоварищи, пробиваясь к вершинам власти, расталкивают друг друга в слепой жестокости и жажде наживы. Человек сам себе враг, и всегда в обществе будут существовать победитель и жертва.

Но вслух он сказал:

– Будет ли моя миссия удачной? Сомневаюсь. Но я берусь

за нее, так как верю в твою бескорыстность.

Царь с нескрываемой горечью констатировал:

– Если труды твои не дадут плодов и мы не объединимся, то исчезнем, как Вавилон.

За крепостной стеной внутри Тигранакерта люди были на грани истерики: одни искали защиты в храмах, другие, встревоженные, толпились на площадях и делились последними новостями.

На площади встретились три знатных армянина – Аргам, раньше занимавшийся поставками армянских вин в города Месопотамии, Паруйр, гордившийся лучшими в мире армянскими абрикосами, и Баграм, владелец гостиниц по всей Армении.

Аргам жаловался:

– Если город падет, наша участь не завидная.

Паруйр сетовал:

– Римляне обратят нас в рабство и продадут на рудники.

Баграм скулил:

– Из владельца гостиниц меня превратят, самое большое, в уборщика номеров. Все плохо.

Однако присутствие духа армянам свойственно всегда. Забавный Аргам подмигнул другу:

– Паруйр, ты наш герой!

– Почему же?

– Если твоими абрикосами обстрелять противника, мы

непременно победим, а римляне поймут ради чего армяне защищают свою землю.

Паруйр удивился:

– Баграм, ты сегодня какой-то не веселый.

– Эта война – настоящее бедствие для меня, – сказал Баграм. – Содержать гостиницы в Тигранакерте стало невыгодно.

– Баграм, так сдавай номера римлянам по двойной цене!

– Начальник гарнизона Манкей сказал, что римляне недостаточно учтивы, чтобы пускать их в город. – С серьезным лицом Баграм заметил: —А из тебя, Паруйр, получился бы неплохой полководец.

– Это почему?

– Да потому что ты ходишь по городу и всем даешь советы, как спастись от римских снарядов.

– Я-то хоть разговариваю, внушая людям уверенность в победе, а ты, Аргам, часто молчишь. И о чем только думаешь?

– Он думает, – пошутил Баграм, – что после войны останется один и превратится в прародителя армян.

Аргам промолчал. Паруйр пошутил:

– Ты, Аргам, сегодня излишне темпераментный – эмоции выражаешь чересчур бурно.

Наконец Аргам решил выразить свое отношение к событиям:

– Одно желание у меня – зарезать этого Лукулла!

– Почему?

– Мое вино никто не покупает!

– А ты вином вместо нефти обливай римлян со стены, – сказал Паруйр. – Пьяные римские солдаты забудут про подкоп, штурм и осаду, того и глядишь, война и закончится.

– Нет уж, мое прекрасное вино лучше приберечь до победы. Какой же праздник без вина!

Баграм заговорщицки произнес:

– Друзья, нужно выбираться отсюда.

– Как?

– Манкей по секрету обещал сказать мне, где тайный ход в горы.

– И куда ты пойдешь?

– Друг, Армения везде, в любой стране есть армяне. Идем вместе!..

На другой площади города встретились Асаф и Надав, два иудея, очень успешные торговцы, один пряностями, другой посудой.

– Ты слышал, армяне, защищая крепость, льют на головы римлян кипящее оливковое масло?

– Конечно слышал! Ну и что?

– Как что? Римляне потеряли уже целую когорту воинов.

– А армяне?

– Они все спорят, не заменить ли дорогое оливковое масло на дешевое пальмовое.

Асаф удрученно сказал:

– Если римляне войдут в город, начнутся грабежи. Пойдут по нашим домам.

Надав сокрушался:

– Почему все думают, что мы богаты?

– Наверное, потому, что иудеи прилежны. Кстати, хочу предложить тебе со скидкой верный товар – большие глиняные горшки.

– Ну, если со скидкой, почему бы и не купить, – сказал Асаф, – пришло время кое-что зарыть в землю.

Надав, сделав озабоченное лицо, произнес:

– Каппадокийцы что-то замышляют. Они собираются вдали от посторонних глаз и шепчутся.

Асафу припомнилась поговорка:

– «Три худших слова на букву „к“: каппадокийцы, критяне и киликийцы!» Не доверяю я им!

Мимо проходил киликиец и странно на них посмотрел. Асаф с Надавом быстро разошлись в разные стороны.

Лукулл обдумывал завтрашнюю битву, его сердце учащенно билось, глаза сверкали. На военный совет он созвал легатов и префектов, некоторых трибунов, начальника конницы, советников и жрецов. Деловито расхаживая в шатре командующего у макета местности, он расставлял фигурки и говорил:

– Армянский царь хочет завтра биться со мной. Мы готовы, битва будет. Мне нужна быстрая победа со взятием вра-

жеской столицы и пленением царя. Высказывайтесь!

Мурена предложил:

– Предлагаю на время битвы снять осаду города и всеми силами ударить по противнику.

Секстилий возразил:

– Нахождение в нашем тылу гарнизона Тигранакерта опасно. Предлагаю принять сражение у стен города.

Лукулл поморщился:

– Оба предложения мне не нравятся. Мурена, ты со своим легионом продолжишь осаду города и не разрешишь стрелять нам в спины. Кроме того, я надеюсь, что ворота города чудесным образом откроются: каппадокийцы, по моим сведениям, готовятся поднять в городе восстание. В битве с армянским царем я задействую остальные три легиона, пращников, лучников и всю конницу в три тысячи всадников.

Жрец-гадатель, авгур Мариус взволнованно загудел:

– Проконсул, я должен давать тебе советы о благоприятных или неблагоприятных знамениях. Так вот, сегодня растения закрыли свои цветки, кувшинки ушли под воду, насекомые спрятались, исчезли бабочки, певчие птицы перестали петь, а вороны истошно кричат. Замечено, что куры купались в пыли, а лягушки неприятно квакали. Завтра, проконсул, как известно, черный день для римского народа. В этот день была разбита армия Цепиона в сражении с кимврами.

Лукулл презрительно скривил усмешку:

– Ну, что ж, я сделаю этот день счастливым для римлян,

тем более что у нас есть точные вражеские карты, а замысел царя мне донес мой источник из его окружения. Царь собирается начать бой, бросив на нас легкую конницу. Что касается лягушек, Мариус, то, как известно, они символ преодоления любых препятствий... Помпоний!

– Да, император!

– Ты выдвинешь легкую конницу навстречу армянской. Притворись, что готов к встречному бою, привлеки их внимание, а когда они в развернутом строю пойдут в бой, без сопротивления отступи за позиции легиона Публия Клодия. Таким образом, симулируя отступление, ты отвлечешь их конницу и рассеешь. Публий Клодий!

– Да, император!

– Ты пропустишь легкую конницу неприятеля, а потом сомкнешь ряды, и она окажется в капкане.

– Слушаюсь, император!

– Секстилий, ты со своим легионом устроишь засады слева и справа долины и, как только противник пустит в ход тяжелую кавалерию, внезапно ударишь по ее флангам и сметешь неповоротливые катафракты.

– Слушаюсь, император!

– Аппиус Клодий! Твой легион сделает обходной маневр. Не дав себя обнаружить, пройдешь быстрым маршем за южными холмами и выйдешь в тыл противника, ударив по нему оттуда, – Лукулл указал холм на макете.

– Слушаюсь, император!

– Я буду с твоим легионом. Одна когорта – мой резерв.

– Император! – воскликнул недоуменный Мурена. – Такой способ ведения боя не делает полководцу великую честь. Что скажет история о нашей битве?

– Твои понятия о чести полководца ложны и давно устарели. Побеждает тот, кто умеет переиграть противника. Пусть Тигран заикливается таким понятием, как честь, и другими добродетелями. Это неблагоразумно. Теснота местности не позволяет мне биться честно. А историю мы напишем так, как посчитаем нужным. Слава победителям!

– Слава! – выкрикнули все.

Лукулл смотрел на подчиненных невозмутимо, в его глазах мелькали искорки самодовольства. Его войско находится на вражеской территории. Противник способен перерезать поставки продовольствия, закрыть пути к отступлению, вынудить зимовать здесь. Сейчас осень, поэтому командующему не нужна затяжная кампания. Действовать стремительно, никакой робости или нерешительности! Римлян ждет победная битва, успех принесут дерзость и старание.

Глава 55. Битва при Тигранакерте

Еще до восхода солнца в обоих неприятельских лагерях богам принесли обильные жертвы и вознесли молитвы. После войска двинулись занимать позиции. В западной части долины под каждым штандартом с навершием из бронзы в виде орла – знака легиона и символа религиозного почитания – строились римляне. В восточной части долины, где сосредоточилась армянская армия и ее союзники, взметнулись вверх прикрепленные к копьям вымпелы и флаги, слышалось ржание коней, грохот колесниц, топот солдат.

Солнце взошло, начищенные до блеска доспехи римских воинов засверкали; к бою приготовились пращники, лучники, быстроходная конница, легковооруженная и тяжелая пехота. Катапульти и баллисты продолжали обстреливать город.

Натренированные в учебных поединках армянские воины в доспехах, с мечами и копьями не уступали в храбрости римским, но имели преимущество – они защищали родную землю. Царь Тигран верхом на коне во главе свиты подъехал к занявшим боевые позиции пехотинцам.

Дарий, царь Атропатены, льстиво произнес:

– О царь царей, их войско ничтожно. Мы разобьем римлян при первом же ударе. Жаль, что придется разделить одну победу на всех, я управился бы один.

Тигран промолчал. Издалека он видел Лукулла. Ошибиться нельзя: только главнокомандующий был в плаще пурпурного цвета поверх доспехов.

– Этот любитель восточных сокровищ Лукулл, – с хохотом сказал царь Адиабены Монобаз, – при первом же нашем ударе подожмет хвост и с позором побежит прятаться в Рим!

– Они думают, что один вид их воинства, закованного в блестящие доспехи, должен обратить нас в бегство, – съязвил царь Коммагены Антиох.

– Странно, – сказал Тигран. – Их мало.

– Для посольства много, для войска мало, – сострил царь Осроены Абгар I.

Вдруг пехота Лукулла начала совершать необычный маневр – двинулась в противоположном направлении.

– Таксил, – крикнул царь Тигран, – непобедимые римские пехотинцы бегут с поля боя?

– Государь, – ответил Таксил, – римляне не надевают доспехи в дорогу и не начищают щиты и шлемы. Они намерены сражаться.

Мощная армия армянского царя выстроилась поперек долины, готовясь вступить в смертельный бой. Впереди легкая конница, за ней тяжелая кавалерия, за ней боевые колесницы, за ними пехота, возглавляемая царями. В центре войско Тиграна, справа войско царя Атропатены Дария, слева – царя Адиабены Монобазы, за ними другие цари и полководцы со своими воинами. Напряжение растет, кони ржут, всадни-

ки в нетерпении, солдаты рвутся в бой.

Битва началась. Римская конница первая пошла в атаку. Царь Тигран подал сигнал, и его всадники устремились ей навстречу. На крепостной стене радостно закричали защитники города, обнимаясь и показывая римлянам угрожающие жесты. На удивление, римские всадники без доспехов, но с копьями и щитами, вдруг, не оказывая сопротивления, развернулись и начали отход. Армянская конница, увлекшись преследованием римлян (легкая добыча!), растянулась на большое расстояние.

– Царь Тигран, – вскричал Дарий, – это победа!

– Что-то здесь не так, – проронил Тигран, – слишком просто.

Он видел, что пехота противника, пропустив армянскую конницу, смыкает ряды. Появилась первая шеренга римлян – молодые легковооруженные воины гастаты в кирасах с большими копьями и мечами, потом вторая и третья шеренги – зрелые воины, и наконец за ними встали триарии – испытанные ветераны. Тигран подал знак ввести в бой катафракты – тяжелую кавалерию с длинными копьями, смертоносными при натиске, но бесполезными в гуще сражения. Катафракты пошли вперед, чтобы атаковать врага сомкнутым строем, но в какой-то момент с флангов из засады по тяжелой армянской кавалерии ударили римские легионеры. Всадников, защищенных тяжелым доспехом, они били ме-

чами по ногам, стаскивали с лошадей, выбивали из их рук копыя. Строй катафрактов расстроился, однако замурованные в броню воины справились с ситуацией: развернулись влево-вправо и ударили по боевым порядкам римлян, нанося им страшные увечья, пронзая насквозь копыями солдат. Эта грозная сила, которую не брали ни стрелы, ни дротики, опрокинула врага, но тут с фронта двинулся в атаку легион Публия Клодия...

Римские солдаты из легиона Аппиуса Клодия, натренированные бесконечной муштрой, совершили обходной маневр, преодолев необходимое расстояние практически бегом. Скрытно выйдя на указанную Лукуллом высоту, они оказались в тылу армянской армии. Главнокомандующий с охраной, следовавший за легионом верхом, спешил и поднялся на вершину холма оценить обстановку. Внизу, у подошвы холма, стояли выучные обозы армии противника, в долине расположилось огромное армянское войско, готовое ринуться в бой. В его центре Лукулл увидел пышно разодетых всадников – цари и полководцы, – а дальше, на поле брани, кипел жаркий бой: римские легионы сражались с тяжелой конницей противника. Теснота местности играла римлянам на руку, инициатива явно была на их стороне.

Тигран внимательно наблюдал за сражением. Он понимал: Лукулл играет не по правилам, но ждал, когда тяжелая конница измотает противника, чтобы бросить в бой главную силу – отборную пехоту. Вдруг царь ощутил давление в затыл-

ке, а некая энергия яростно фокусировалась на его спине. Глаза Лукулла, стоящего на возвышении, неестественно расширились. Буквально испепеляя взглядом армянского царя, он посылал волны ненависти, и они накатывали на главного врага мощно и неумолимо, одна за другой. Тигран обернулся. Увидев на холме человека в пурпурном плаще, он понял: Лукулл его переиграл. Реакция царя была молниеносной.

– Трубить сигнал к отступлению!

– Что случилось, государь? – недоумевал Дарий.

Сигнал на отступление, повторяясь раз за разом, привел огромную людскую массу в хаотичное движение.

– Мамиконян, – кричал Тигран, – противник обошел с тыла! Уводи войска в запасные районы!

Все мысли царя теперь были связаны с организованным выходом из боя. Лукулл, осознав, что план не сработал, закричал:

– Клодий! Атаковать противника!

Масса римских солдат с криком бросилась на обоз. Быки, коровы, лошади, козы, свиньи под натиском славных легионеров, мыча, бляя и хрюкая, разбежались в разные стороны, врезаясь в армянскую пехоту и расстраивая ее ряды. Тяжелая конница, понесшая большие потери, с трудом развернулась на поле и начала выходить из боя, двигаясь неуклюже и тяжело. Всадники из легкой конницы, те, кто сумел избежать гибели, прорывались группами сквозь пехоту противника и тоже мчались к своим.

– Нужно сохранить армию! – кричал Тигран царям и полководцам, окружавшим его. – Отходите организованно на восток в свои запасные районы!

Лукулл был в ярости.

– Командира резерва ко мне! Пленить армянского царя!

Но в этом скоплении и беспорядочном движении людей и животных, своих и чужих, пеших и конных, колесниц и повозок сделать что-либо было нельзя. В достаточно узкой долине на горном плато малоуправляемая масса тел и объектов хаотично металась по сторонам, порядок то разрушался, то восстанавливался, а затем и вовсе перестал существовать.

Видя тщетность усилий, Лукулл приказал:

– Отвести войска!

Теперь уже заиграли трубачи легионов, и непобедимая римская армия двинулась к своим лагерям. Два потока одной реки под названием «бессмысленность и недалёковидность» текли в противоположных направлениях.

Манкей, командир гарнизона Тигранакерта, глядя со стены на отход армянской армии, глубоко переживал случившееся. Он со своим гарнизоном остаётся один на один с опасным и сильнейшим противником. Есть тайный выход из города в горы, и им уже воспользовались многие знатные жители, но это капля в море, ведь в городе под его защитой осталось до пятидесяти тысяч человек. Он стал обходить посты на стене, подбадривая защитников крепости.

Грек Пиррос, наемник, задира и скандалист, чье имя вполне ему соответствовало (означало по-гречески Подобный пламени), также наблюдал со стены за ходом битвы. Когда стало ясно, что армяне терпят поражение, он задумался, не пора ли менять хозяина. Собрав вокруг себя таких же беспринципных наемников, он сказал:

– Похоже, царь Тигран проиграл битву.

– Разве это битва, – сказал его товарищ, – пехоту даже не ввели в бой!

– Мы хорошо делаем свое дело, пока нам платят, – напомнил другой.

– Не в деньгах дело, плевать на контракт, пришло время спасти свои шкуры, – прохрипел третий.

– В любом случае, – заключил Пиррос, – нам здесь делать нечего. Римляне возьмут город, и всех продадут в рабство.

Бунтарский дух охватил греческих солдат. Они разошлись по местам, но явно что-то замыслили. Манкей, человек опытный и проницательный, проходя мимо постов наемников, почувствовал, что у тех изменилось и настроение, и отношение к делу. Греки стали вялыми, разбрелись кто-куда, от многих веяло безразличием, а некоторые даже побросали щиты. Полководец заподозрил измену. Он приказал командиру своей охраны:

– Разоружить всех греков!

Отряд приступил к выполнению приказа.

– Пиррос, сдай оружие!

– Ты что, подозреваешь меня в чем-то?

– Пиррос, последний раз говорю, сдай оружие!

– Да возьми, – Пиррос передал командиру отряда свой меч, а щит бросил на землю.

Брошенный наемником щит означал, что воин больше не служит хозяину. Были разоружены все пятьсот греков. Им разрешили уйти в казарму, но наемники, вооружившись палками, ходили толпой по городу, грабя встречных. Манкей, узнав об этом, направил на усмирение мятежа вооруженный отряд.

– Стоять! – закричал командир отряда Мигран, когда увидел на одной из площадей большую толпу греческих наемников. – Бросьте палки и следуйте за мной!

– Где наше вознаграждение, обещанное, но не выплаченное?! – истошным голосом закричал Пиррос.

– Вам исправно все выплачивалось. Царь соблюдал все пункты контракта.

– Похоже, армяне проиграли войну! – крикнул кто-то из греков.

Еще один умник предложил:

– Лучше откройте ворота. Спасете город и людей.

Мигран сохранял самообладание:

– Вы рискуете попасть в плен к римлянам. К греческим наемникам у них особый счет.

– Тут еще надо подумать что хуже: попасть в плен к римлянам или погибнуть на стене, – заносчиво сказал грек.

Разговор получался бессмысленным.

– Арестовать их! – приказал Мигран.

Солдаты его отряда в доспехах, шлемах с мечами, копьями и щитами окружили толпу наемников, оттесняя мятежников к каменному забору. Предводитель Пиррос закричал.

– Братья, им нас не сломать! – и бросился с палкой на вооруженного воина.

Толпа вслед за ним тут же ввязалась в драку, напав на солдат. Пиррос, стащив с себя хитон, намотал его на левую руку, сделав импровизированный щит, и смело набросился на воина, ударив его палкой по руке, выбив копьё, а левой принял удар щита. Остальные греки последовали его примеру: каждый наемник яростно бился с палкой и тряпкой против двух солдат с оружием. Хорошо натренированные, мускулистые, превосходившие в боевом искусстве армянских воинов, эти «псы войны» дрались, как раненые дикие звери, и уже скоро смогли захватить немало оружия.

– Уходим! – закричал Пиррос, видя, как много его товарищей погибло.

Толпа наемников, хватая с земли все что можно: амуницию, шлемы, щиты, мечи, копья и палки, с криками побежала по улице в направлении крепостной стены.

Мигран, собрав оставшиеся силы, быстрым маршем двинулся к Манкею, а Пиррос, приведя мятежников на стену, примыкающей к отвесной горе, закричал:

– Теперь хозяева здесь мы!

Наемники бросились на воинов, защищавших свои участки, смели их и закричали римлянам внизу:

– Сюда! Сюда! Мы на вашей стороне!

Римские солдаты сначала не поверили своим ушам, но потом, прислонив к стене длинные лестницы, полезли вверх. Греческие наемники протягивали им руки и помогали взобраться наверх, и вот уже римляне ведут бой с защитниками крепости на стене.

Манкей, узнав об этом, горестно произнес:

– Никогда не возлагай надежды на чужих солдат.

Каппадокиец Аморион поднял восстание соплеменников. Цель – открыть ворота города. Он и группа его сторонников, стараясь остаться незамеченными, пробирались по улицам к городским воротам. Город был на осадном положении, оглянуться не успеешь – попадешь в руки патруля. Группа передвигалась боязливо и бесшумно.

– У ворот много охраны, – прошептал Аморион своему помощнику, когда они добрались до цели и затаились за повозками с камнями. – Аминта, видишь повозку с бочками из-под нефти? Я с людьми отвлеку охрану, а ты подожжешь бочки. Сможешь?

– Аморион, конечно! Вот греческий сифон, – он показал на глиняный сосуд с поршнем и соплом.

– Что в нем?

– Я приготовил горючую смесь из смолы, серы, селитры и

льняного масла...

Качаешь сифон, нажимая на поршень, и горячая жидкость выстреливает из сопла, например, в направлении бочек из-под нефти. Они загораются, и остановить огонь ничем невозможно.

– Возьми людей, чтобы толкнуть повозку с горящими бочками к воротам.

– Понял тебя, Аморион!

Наконец Аморион подал сторонникам сигнал. В солдат, охранявших ворота, со всех сторон полетели стрелы и камни, а некоторые из восставших набросилась на воинов, но обученные вояки легко с ними справились. В этот момент мощный поток огня со страшным шумом обрушился на повозку с бочками. Деревянные бочки и повозка загорелись, десять человек, держась за оглобли, потащили горящую телегу к воротам. Одна бочка с грохотом упала на землю и взорвалась. Загорелись постройки, сено, деревянные лестницы. Охрана суетилась, пытаясь тушить, но напрасно: огонь только разгорался.

Амнита и его люди упорно тащили горящую повозку вперед, к воротам, и, когда она набрала скорость, отпустили оглобли и бросились врассыпную. Повозка врезалась в деревянные, обитые медью ворота. Огонь взметнулся ввысь, охватив всю конструкцию. Деревянный каркас полыхал, медь плавилась, канаты рвались, механизмы выходили из строя. Ворота крепкие, все равно бы выстояли, но

одна из бочек, содержащая пары легких фракций, взорвалась. Остальные бочки сдетонировали. Взрыв сотряс ворота. Створка дубовых ворот, не выдержав, покосилась, повисла на одном креплении, зашаталась, а потом и вовсе рухнула. Черный дым над крепостью возвестил о событии огромной важности – вход в город открыт.

Глава 56. Юпитер гневается

Ворвавшиеся в город римские воины убивали жителей, грабили храмы и дома. Лукулл, стоя у парадного подъезда дворца царя Тиграна, наблюдал за вакханалией с презрительной усмешкой. За его спиной в полном молчании стояла свита.

– Клодий, – позвал своего зятя главнокомандующий. – Прекрасный кубок Тиграна, что ты мне недавно привез, – это маленькая толика приза, ожидающего нас в этом городе. Назначаю тебя ответственным за сбор и вывоз трофеев!

У дворцов и храмов немедленно выставили людей из личной охраны главнокомандующего. Вся военная добыча по закону – исключительная собственность государства, но, как император, Лукулл мог устанавливать вознаграждение за взятие крепости и выигранную битву. Позже каждый солдат получил по тысяче денариев, центурионам выдали двойную долю солдат, трибунам – двойную центурионов и так далее.

К Лукуллу подошел Мурена:

– Город хорош. Ничего лучше на Востоке мне не пришлось видеть. Как ты собираешься с ним поступить?

Лукулл укоризненно посмотрел на легата:

– Дворец – тело тирана. Его надо разрушить до основания как магическое подтверждение нашего права на власть в Армении, на ее подданных и местных богов.

– Лициний, дома и дворцы в этом городе построены из базальтового камня. Это не кирпич из глины, разрушить трудно. В городе много храмов, есть даже римским богам.

Лукулл обвел безразличным взглядом сверкающий в заходящем солнце город, великолепный дворец, колоннады храмов:

– Город отдать победителям на разграбление! Десять дней! Потом сжечь и разрушить до основания! Это будет символизировать конец державы Тиграна II.

– Проконсул! – воскликнул Мариус, жрец-гадатель. – Разрушая святыни врага, опасайся божественного гнева!

– Я не верю в существование чужеземных богов и их гнева не боюсь.

Мариус робко напомнил:

– В нашей истории был случай, когда римляне выдали противнику своего консула за разграбление чужого храма, чтобы гнев чужих богов не пал на весь римский народ.

Проконсул отвернулся с безразличным видом:

– Хроническая нужда Рима в деньгах сильнее страха перед гневом чужих богов.

К Лукуллу подвели каппадокийца Амориона. Солдат небрежно его толкнул, и тот упал на колени:

– О, император, я открыл для тебя ворота Тигранакерта!

– Встань Аморион, – милостиво сказал Лукулл. – Теперь ты царь. Трон Каппадокии ждет тебя. Скачи в свою страну. Тебя сопровождает отряд моих воинов. Обещанное золото ты

получишь там. – И, кивнув своему помощнику, Лукулл развернулся и направился к входу в дворец.

Подвели коня, Аморион вскочил на него. Сопровождаемый отрядом из десяти всадников, он медленно выехал из ворот города. Повернув голову, последний раз взглянул на великолепный город в желто-золотых тонах, на огромный дворец на фоне скалистых гор и на барельефы львов, высеченных на стене у городских ворот. Затем, устремив взгляд вперед, ударом ноги подхлестнул коня и помчался навстречу новой судьбе. За ним, блестя на солнце копьями и доспехами, со штандартом во главе отряда, помчались римские воины.

Где-то по дороге командир отряда пронзил Амориона мечом, а тело сбросил с обрыва в пропасть.

В большом тронном зале, где когда-то Тигран принимал посольства, гостей и просителей, на золотом царском троне теперь восседал Лукулл. Перед ним стояли легаты, помощники, жрецы, советники, летописцы и секретари. В канделябрах на треножниках горел огонь, высвечивая на каменных стенах рельефы грозных львов, быков и грифонов, и казалось, что животные вот-вот оживут и набросятся на грабителей. В полутемном зале, охраняемом теперь римскими воинами, витал бестелесный дух армянского владыки.

Лукулл говорил:

– В саду около дворца растут вишни. В Риме никогда не

видели этих чудесных деревьев, дающих плоды с кисло-сладким вкусом. Деревья выкопать и отправить в Рим!

Секстилий опасливо озирался, будто ожидал нападения злых духов. Пересилив неуютное ощущение, спросил Лукулла:

– Как поступить со знатью и населением?

Лукулл ответил:

– Всем, кто своей покорностью доказал мне верность, сохранить жизнь.

Позже представителей армянской знати, помогавших римлянам, простили и отпустили, ученых отправили в Рим, где решат их участь, защитников крепости распяли, каппадокийцев вернули Ариобарзану.

– Проконсул, – спросил Мурена, – как поступить с греческими наемниками? Они помогли моим воинам взойти на стену.

– Этот сброд опасен. Изменивший однажды изменит еще. Мурена, на острове Делос царь Ариобарзан держит невольничий рынок. Отправить этих греков туда, пусть продаст их в рабство в страны Африки.

Публий Клодий сказал:

– В городе много мирных греков и иудеев...

– Публий, греки нам не враги, ведь Греция давно завоевана Римом. Отпустить на родину, снабдив деньгами в дорогу. Иудеев отправить на поселение в город Эфес. Из граждан города отобрать двадцать пять тысяч крепких мужчин и

женщин для продажи в рабство.

Лукулл высокомерно посмотрел на жреца-гадателя Мариуса:

– Вот тебе, Мариус, и неблагоприятные обстоятельства! Этот день римляне будут почитать как счастливый!

– Враг не повержен, – проямлил Мариус, опустив глаза. Лукулл воскликнул:

– Я верю в римского солдата! Он храбрый и доблестный, имеет волю к победе. Мы пойдем вперед, стоять на месте гибель, и низвергнем врага!

Мудрец Полигистор, советник Лукулла, напомнил:

– Проконсул, ты выиграл битву, но не войну...

– Полигистор, – Лукулл мрачно взглянул на советника, – ожидается такой наплыв золота в Рим, что сенат и народ будут славить меня до конца моих дней. Наша первейшая задача – обеспечить постоянный приток трофеев в Рим, да и солдаты жаждут добычи. Все свободны, остаюсь секретарям и летописцу.

Когда военные вышли, Лукулл продиктовал старшему секретарю донесение в Рим. В скупом боевом донесении сообщалось, что Тигранакерт взят штурмом, разграблен и сожжен победителем императором Лукуллом.

Обратившись к летописцу римскому философу Антиоху, скрупулезно записывающему все события в армии (он был также биографом Лукулла), проконсул монотонным голосом начал диктовать. Ведь история должна запомнить героя.

«Армяне не понимали, насколько огромна мощь римлян. Ресурсы Римской республики неисчерпаемы, и мы, римляне, можем прийти сюда снова и снова».

В главе о битве добавили: «Лукулл с обнаженным мечом шел в рукопашный бой и незаметно для неприятеля зашел ему в тыл. Едва он взобрался на холм, как воскликнул громким голосом: „Победа наша!“ – и ринулся на панцирных воинов. Армяне обратились в постыдное бегство. Римляне рубили, пока рука не устала, пока наступившая ночь не положила конец преследованию в шестичасовом расстоянии от места битвы. Римские солдаты стыдились, что имели дело с такими трусливыми рабами. Тигран, как истый деспот, был первым из обратившихся в бегство».

– Написал?

– Да, проконсул.

– Добавь еще: «Со стороны армян пало сто тысяч человек, а у римлян же было только пять убитых и сто раненых». Пока все.

Лукулл встал и, сопровождаемый охраной с факелами пошел осматривать дворец.

На одном из этажей его окликнул Мурена:

– Лициний, здесь большая библиотека. Книги, как мне известно, твоя страсть.

Лукулл вошел в зал библиотеки и застыл в изумлении. Такое огромное собрание книг, манускриптов, рукописей и таблиц он видел только в Пергамской библиотеке, которую

римляне заполучили, когда заставили последнего царя Пергама, не имеющего наследников, завещать свое царство Римской республике.

– Я обожаю книги, – Лукулл удовлетворенно улыбался. – Но часть полок пусты... Так царь успел вывести ценные экземпляры ...

Он ходил вдоль стеллажей, дотрагивался до футляров, осторожно разворачивал свитки, брал в руки рукописи. Вдруг остановился и, взяв дрожащими руками книгу, сшитую из листов пергамента, удивленно произнес:

– Поэма Гомера «Илиада»! Не может быть! Волею судьбы я удостоился держать ее в руках. – Он восхищенным взглядом посмотрел на Мурену.

Обойдя все ряды еще раз, произнес:

– Секретарь, все книги и манускрипты на латинском, греческом и персидском – в мой обоз, все источники на армянском уничтожить! Я намерен лишить армянский народ духовной пищи. Это что, Гераклид? – Он взял в руки рукописную книгу на греческом, пролистал и тут же отбросил. – Уничтожить! Он упоминает в книге Тиграна II.

– Лициний, – Мурена старался говорить спокойно, – я обнаружил кое-что еще. Следуй за мной.

Они прошли в комнату тайн, где Мурена показал ему рукопись, лежащую на столе.

– Некто Айказ вел записи своих исследований, причем на трех языках. Текст на греческом я понял, два других нет.

Он имел в виду тексты на ассирийском и армянском. Греческий был языком международного общения, его знали все. Зажгли светильники с касторовым маслом, и Лукулл увидел просторное помещение, где явно велись исследования: на стеллажах, столах и полу в беспорядке лежали рукописи и глиняные таблички. Предметом поиска Айказа было постижение смыслов, которые таят пророчества, для избегания поворотов судьбы. Текст гласил: «Цивилизации грозит опасность, я нашел пророчество о гибели мира».

– Какое пророчество? – насторожился Лукулл.

– «Вавилон – это врата бога, и он должен быть разрушен».

Лукулл недоуменно смотрел на Мурену:

– Вавилон действительно разрушен, ну и что?

– Айказ задается вопросом: «Почему должен был погибнуть цветущий город, столица целой империи?» И дает ответ: «Проклятие богов!»

– Боги очень эгоистичны, – сказал Лукулл.

Когда Мурена зачитал: «Человечество в своем стремлении к могуществу хочет вознестись до уровня богов и проповедует глумление и ненависть. Его роковая участь состоит в том, что все цивилизации должны погибнуть по достижении своего расцвета», Лукулл поднял бровь.

– Что?

– «Вавилон – это символ грядущего, – продолжал читать Мурена. – Так же, как когда-то в прошлом был суд над древним Вавилоном, в будущем будет суд над новым Вави-

лоном – Римом».

Мурена изумленно поднял глаза.

Лукулл пришел в сильное замешательство:

– Рим будет разрушен?

– Лициний, он так пишет. Я, конечно, ему не верю, но здесь приводятся факты, доказательства, источники...

– Дай сюда! – Лукулл вырвал у Мурены рукопись и стал просматривать.

Он читал текст и не верил. Чепуха какая-то! Было написано, что не пройдет и пятидесяти лет, как Римская республика падет, поскольку бесконтрольная власть в Риме сосредоточится у одного лица, а потом могущественная римская держава просуществует пятьсот лет и канет в Лету, поскольку разврат и плотские увлечения возьмут верх над разумом и традициями.

Лукулл бросил пергамент на стол и заходил по комнате, размышляя. Всего пятьсот лет, и Рим канет в Лету? Надо же! Всё, ради чего он и многие великие римляне работали, воевали, страдали и верили, рухнет? Проконсул был озадачен. Однако, зная людей, подтачивающих, к сожалению, устой Римской республики и мечтающих стать диктаторами, ученому можно поверить. Здесь он угадал.

Мурена указал на еще один абзац из рукописи. «Рано или поздно будет разрушен весь мир, и разрушение начнется с Армении, с того места, где когда-то жизнь зацвела. Миссия царя Тиграна – спасти мир и вместе с великими деятелями

истории изменить его. Наш государь нашел это место и сра-
зился с драконом – воплощением зла – и победил его».

– Драматично, – сыронизировал Лукулл. – Ну и где это место?

– Он не указывает, но сообщает: «Государь нашел способ изменить судьбу своего народа и дать ему вечную жизнь».

– Я тот, кто решит судьбу его народа!! – закричал Лукулл. Успокоившись, он продолжил: – У Тиграна есть волшебная Таблица судеб, она открывает ему божественные замыслы и дает власть над решениями богов.

– Не может быть! – на лице Мурены выразилось крайнее удивление.

– Да, Мурена, это так. Тигран получил предсказание своей судьбы. Васак донес, что боги за вечную жизнь народа потребовали от него жертву – Тигранакерт.

Мурена ахнул:

– Значит, твоя победа, Лициний, была предрешена?! Значит, не совсем гений Лукулла решил исход битвы?!

– В какой-то степени... Но я не собираюсь довольствоваться только этим городом. Я жажду разбить Тиграна вконец и сделать Великую Армению римской провинцией. Слишком богата эта страна, а на каждом шагу здесь встречаются загадочные и необычные вещи.

Мурена взял со стола другую рукопись и подал ее Лукуллу:

– Похоже, что у Тиграна много мистических вещей.

Лукулл читал, и его глаза вылезли из орбит. Тигран в Арташате хранил камень, упавший с неба. При наложении на тело камень омолаживал его и даровал чувство внутреннего равновесия и гармонии. Лициний слышал о таких камнях, но никогда не видел. Так вот почему Тиран в свои семьдесят лет скачет на лошади как молодой! Арташат... Слово Арташат запало ему глубоко в душу. Греки крепость Арташат называют Артаксата, но это неважно... У Лукулла зародилась идея. Читая дальше, он узнал, что недавно на горе Арарат были найдены необычные объекты: камень счастья гематит, предотвращающий беду и внушающий радость, и камень «коллапсар», подавляющий волю человек. Царь распорядился отправить их в Арташат в свое главное хранилище. Лукулл восторгнулся: именно там Тигран прячет свои главные сокровища! Наверняка и Таблица судеб, и эликсир бессмертия, и сверхъестественное снадобье, продлевающее жизнь до бесконечности, находятся в этой сокровищнице! Васак писал о магическом зеркале, позволяющем перемещаться в любую точку на земле...

Проконсул в порыве безумия вскричал:

– Наша новая цель Арташат!

В этот момент в комнату вошел Публий Клодий и с порога объявил:

– Проконсул, мы обнаружили в городе много актеров, собранных со всего света, и недостроенный театр. Что будем делать?

Лукулл, недовольный тем, что его прервали, бросил:

– Публий, ты не вовремя... Актеры? Устроим игры и победное торжество. Пусть эти актеры дадут театральное представление!

Вошел Аппиус Клодий:

– Проконсул! Во дворце есть святилище, где стоит статуя Юпитера, работа изумительная, по-видимому, скульптора Фидия.

– О! Я, как любитель прекрасного, этого не могу пропустить. – Лукулл скомандовал: – Идемте!

Вслед за ним в святилище двинулись легаты, охрана и секретари.

Увидев статую, командующий остановился как замороженный. Статуя гораздо выше человеческого роста, выполненная из мрамора, поражала своим совершенством.

– Несомненно, это копия с бронзовой статуи Фидия, – восхитился Лукулл. – В моей коллекции его работ нет.

В небольшой чаше на алтаре перед статуей горел огонь, языки пламени освещали белоснежный мрамор, и казалось, что божество светилось. Бог сидел на золотом троне, глаза громовержца ярко сверкали, его накидка была из дорогой ткани, в правой руке он держал золотой колокольчик.

– Попробуйте сдвинуть ее с места! – горячился Лукулл.

Солдаты обступили статую, навалились и со скрипом сдвинули тяжелое изваяние с места. Вдруг над дворцом сверкнула молния. Все вздрогнули. На мгновение помеще-

ние осветилось белым светом, затем последовал гром такой силы, что стены святилища затряслись. Начался дождь, хлеставший крышу дворца словно плетью. Внезапная гроза накрыла Тигранакерт.

– Огромная статуя, – сказал Аппиус Клодий. – Нелегко будет ее доставить в Рим.

Вдруг огонь на алтаре вспыхнул с такой силой, что искры полетели по сторонам.

– О, Юпитер гневается! – с иронией сказал Лукулл. – Не нравится, что мы захватили эту крепость? – Лукулл ухмыльнулся.

Колокольчик зазвонил. Улыбка сразу сошла с его лица.

Глава 57. Молодость «побеждает»

Огромное парфянское войско обогнуло с юга Каспийское море и двигалось на северо-запад к границе Великой Армении. Возглавлял войско Тигран Младший, которому хитрый Фраат, узнав, что в Арташате сосредоточены главные сокровища армянского царя, поручил осадить и взять древнюю армянскую столицу, посчитав, что, пока Тигран занят борьбой с Лукуллом и не может отвлечься, пока защитникам Арташата неоткуда ждать помощи, пока погода благоприятствует передвижению в горах, Тигран Младший, знающий местность, обычаи и способы борьбы армян, быстро продвинет войско и справится с задачами: захватить крепость Арташат, объявить территорию на левом берегу реки Аракс парфянской, отрезать навсегда Великую Армению от Каспийского моря. И конечно, рассудил Фраат, все это вполне увязывается с союзническим договором с Римом. Встретившись с Дорилаем, он заявил посланнику армянского царя, что союз с Тиграном ему не нужен.

Приглядывать за младшим сыном армянского царя был поставлен Ород, сын Фраата. На марше молодые царевичи ехали рядом верхом на конях.

– Тигран Младший, – обратился к молодому командующему Ород, – в твоём подчинении сильнейшая армия мира.

– Ород, я отдаю должное боеспособности вашей армии и

уверен: с ней можно взять любые крепости.

– От твоих слов веет холодом. Ты чем-то встревожен?

– Брат, я столкнулся с проблемой: командиры сначала думают, стоит ли выполнять приказ, а потом действуют.

– Брат, никуда не денешься. Как ты знаешь, регулярное войско у нас отсутствует. Армия устроена так, что каждый вождь племени сам управляет своими людьми.

Тиграну Младшему не нравилось своеволие командиров, ищущих только собственную выгоду и лишь потом заботящихся о выполнении приказа. Своеволье парфянских командиров не давало достичь преимущества в бою. Хоть Ород и говорил, что наступит время, он станет царем и тогда прекратит распри, поднимет дух нации, объединит все племена в монолитную силу, а вожди принесут ему клятву верности и будут строго выполнять указания одного человека – царя, но в данном походе объединить разнородное войско не получалось.

– Скажи, – спросил Тигран Младший, – как из разрозненного людского скопища сделать сокрушительную силу?

Ород насмешливо ответил:

– Есть три вещи, всегда объединяющие нас, парфян: нелюбовь к заумным грекам, нелюбовь к упрямым армянам и ненависть к ненасытному Риму.

– О, это ободряет! – воскликнул армянин Тигран Младший.

Парфянин решил вселить уверенность в товарища:

– Брат, ты увидишь наших воинов в бою. Неистовые всадники как стрела вонзаются в скопление противника и ничто не может помешать парфянскому воину победить.

– Верю, Ород. Только нам предстоит взять самую укрепленную крепость, до сих пор не знавшую поражений.

Ород пошутил:

– Любая крепость снаружи кажется неприступной, но вот ты нагло к ней подступаешь, как к миловидной женщине, и неожиданно она сдается.

– Не путай смелость с наглостью, – сказал Тигран Младший.

Состоящее из конницы (главная ударная сила), немногочисленной пехоты и большого обоза, парфянское войско двигалось по горам, ущельям, перевалам и пустыням достаточно быстро. Скоро, после земель Персии и Мидии, оно вступит в пределы Великой Армении. На пути встанет пограничная армянская крепость Джуга и мост через ущелье, в котором течет бурный Аракс. Важная задача армии – перейти по мосту на левый берег реки. Мост охраняется. Армянский гарнизон крепости при угрозе вторжения обязан мост разрушить. Желательно захватить его до подхода основной колонны, поэтому решили выслать отряд и заблокировать крепость Джуга. После нее путь до Арташата свободный, за исключением всего лишь старой крепости Нахичевань с двумя тысячами воинами.

Ород хвастался:

– Нет такой крепости, которую не взяли бы парфяне.

Тигран Младший угрюмо бурчал:

– Легкой победы не обещаю.

– Да не волнуйся ты, будь решительнее, – подбадривал

Ород. – Вызывай командира отряда и ставь задачу.

Каждый из молодых военачальников – Тигран Младший и Ород – имел свою мораль, ценности и мировоззрение, оба были самоуверенными и нетерпеливыми, хотели власти и видели мир у своих ног.

Прокоп, командир отряда из Суз, одной из столиц Парфянского царства, был потомком греков, оставшихся в Сузах после походов Александра Македонского. Он стремился проявить себя и, получив задачу, поскакал с отрядом в пятьсот воинов к Джуге. Его имя по-гречески означало успех, и этот горячий, умный и послушный воин нравился Тиграну Младшему, поэтому он и доверил ему важное задание.

Отряд Прокопа быстро преодолел путь до моста и рассредоточился среди скал, камней и деревьев, нависающих над ущельем. Внизу бурлил, пенился и шумел, пробиваясь через скальные разрывы и пороги Аракс, и его водный поток заглушал все звуки в округе. Прокоп не спешил, наблюдал. Над ущельем перекинут мост, его охраняют часовые, а на другом берегу реки высится крепость Джуга, мрачное сооружение с цитаделью и высокой крепостной стеной, по которой ходят воины. Прокоп посмотрел вправо: дорога пуста. Он посмотрел влево, и вдруг увидел конный отряд, до пяти-

десяти всадников, приближавшийся к мосту. Ворота крепости открылись, не менее двадцати армянских конников, преодолев мост, помчались навстречу отряду. Вот они слились и, не останавливаясь, вместе поскакали в крепость.

– Встречают важного гостя, – сказал Прокоп своему помощнику. – Думаю, возьмем заложников. А может быть, и золотишко у них есть... Окружаем!

Армянский отряд приблизился к мосту. В этот момент из засады, бросившись наперерез армянам, выскочили парфянские всадники, окружили армян и, наставив луки со стрелами, заставили остановиться. Парфян прибывало, и казалось, прилетел рой пчел, так много было всадников. В черно-желтых одеждах, с луками и стрелами, точно с жалом, они выглядели злобными и агрессивными.

В крепости объявили тревогу, ударил колокол, на стене за зубцами затаились лучники и пращники. Парфяне, стащив армян с лошадей и сбив в кучу, уже всюю обирали их. Люди Прокопа, прикрываясь заложниками, как щитом, пошли по мосту. Ни часовые, ни солдаты в крепости не осмелились стрелять.

– Прекрасно, – сказал Прокоп, – мост мы взяли без боя... Кто же у нас в заложниках?

Наконец большая часть парфян перешла на левый берег, заняв позиции вокруг крепости. Пленников согнали в рощу. Прокоп, медленно продвигаясь вдоль перепуганных бедолаг, взглядывался в их лица. Среди армян были женщины и ста-

рики, все в богатых одеждах, и у каждого много золотых и серебряных украшений, драгоценных камней и великолепное оружие. Он приблизился к старику и спросил:

– Ты кто?

– Я Кратипп, философ из Митилены.

– Кратипп, куда держишь путь?

– Мой путь туда, куда твои предшественники еще не ходили.

– И что это значит?

– Это значит, мой друг, что мы много знаем о том, чего не знаем.

– Умничаешь, философ! Вот прикажу казнить тебя, что тогда скажешь?

– Смирюсь с волей богов и покорно приму свою участь.

В этот момент Прокопа позвал испуганный помощник, голос его дрожал:

– Посмотри, что мы нашли, – он протянул командиру перстень.

Прокоп держал в руке золотой перстень с огромным фиолетовым аметистом, сквозь который невероятным образом светилась эмблема понтийских Митридатидов – шестилучевая звезда над полумесяцем, и этот перстень навел на него ужас. Чистый и прозрачный аметист взбудоражил мысли, освежил память, воззвал к благоразумию.

– У кого ты это забрал?

– Не помню, Прокоп.

Командир подошел к заложникам:

– Чей это перстень?

Все молчали.

– Я повторяю, чей это перстень? Не заставляйте применять силу!

– Мой! – раздался женский голос.

Заложники расступились, и вперед вышла красивая статная женщина в платье и кафтане из темно-синего сукна, в шапочке, украшенной серебряными листочками и амулетами, в темной марлевой накидке. На шее у нее висел шнурок с небольшим амулетом в форме скорпиона, исполненного из голубого опала и желтого кошачьего глаза. Солдаты не посмели притронуться к женщине, выглядевшей настолько гордо и величаво, что внушала страх.

– Я жена царя Тиграна II.

Прокоп смотрел на нее ошеломленно.

– А этот перстень?..

– Это перстень моего отца Митридата VI, царя Понта.

– Царица Клеопатра Понтийская?

– Да!

Прокоп стоял как громом пораженный. На него нахлынула буря эмоций: перед ним восточная красавица, о которой ходили легенды, знаменитая дочь прославленного Митридата и жена великого Тиграна.

Прокоп проговорил:

– Никто не сделал больше для греков в борьбе с римскими

поработителями, чем твой отец – царь Митридат. Я преклоняюсь перед ним и тобой. – Прокоп опустился на колени: – Прости!

Встав, взял ее за руку, отвел в сторону и надел перстень на безымянный палец левой руки женщины. Клеопатра Понтийская, подняв руку с перстнем к солнцу, любовалась украшением. Камень аметист тут же рассеял тревоги, придал бодрости и благоразумия, отогнал дурные мысли.

– Меня зовут Прокоп. Скажи, царица, как ты здесь оказалась?

– Прокоп, сразу видно, что ты благородный человек, я прониклась к тебе доверием. Римляне захватили Тигранакерт. Я бегу от войны в Арташат, в моей крепости Софа стало небезопасно.

– Царица, опасность везде, от нее не спрячешься, можно только достойно принимать неприятности.

– Ты, как вижу, из Суз, по акценту поняла, – сказала она. – Я была в Сузах. В этом городе лилии растут на каждом шагу.

– Это так царица.

– «Чудная белая лилия божественна, чиста, непорочна...» – продекламировала женщина.

– Царица, должен тебя огорчить. Боги устроили так, что не найдешь ты безопасное место в Армении. Ты бежишь в новое пекло. Огромное парфянское войско идет на Арташат, его ведет твой сын Тигран Младший. Город будет взят и разграблен, всех его жителей уведут в рабство.

– Мой сын во главе парфянского войска?! – Клеопатру охватило смятение.

– Это так царица.

– Значит, мне в Арташат нельзя, – сказала она подавленным голосом. – Не потому, что вы возьмете город, боги Тиграна этого не допустят, а потому, что Тигран не простит мне измену сына.

– Можешь ехать дальше со своими спутниками. Но куда же ты поедешь? – Прокоп участливо смотрел на царицу.

– Не знаю.

Мучительные сомнения, смутные тревоги и вечные скитания – вот удел человека. Царица поскачет в Иберию. Царь Артак всегда хорошо к ней относился, а оттуда на корабле – в Пантикапей, к брату.

– Счастливого пути, царица! – мягко сказал ей Прокоп и зычно крикнул: – Все заложники свободны! Вернуть им золото! До подхода главных сил будем удерживать мост!

К нему подвели армянского всадника.

– Скачи в свою крепость, – грозно сказал Прокоп, – и сообщите: мост захвачен. Запритесь и не высовывайтесь, иначе всех перебьем.

Всадник ускакал, Клеопатра Понтийская со спутниками продолжила путь, а над крепостью Джуга взвился черный дым, извещающая посты, крепости и деревни о большой беде – вторжении парфян.

Не тронув Джугу, не представлявшую опасности, парфяне сожгли дотла крепость Нахичевань и вступили в Араратскую долину. С севера эта долина от ветров прикрыта горой Арагац, с юга горой Арарат, разделена надвое рекой Аракс, и благодаря ежегодным речным наносам здесь создавалась плодородная равнина. Длительность истинного солнечного сияния в долине длилась практически год, а благодатный климат способствовал сказочному изобилию. Многие считают, что земной рай находится именно тут.

В Араратской долине лежал город, который царь Арташес I, дед Тиграна II, основал у подножия горы Арарат и назвал своим именем. Город, окаймляемый реками Аракс и Мецамор, расположился на двенадцати холмах, а земля вокруг него была возделанная, поэтому на фоне изумрудной зелени и желтой листвы город с красной черепичной кровлей смотрелся как золотой венец с драгоценными камнями, а может быть, как венец-оберег от нечистой силы.

Артавазд, Гнуни и другие защитники города смотрели со стены на полчище парфянских лучников на конях, понимая, какую смертельную угрозу несет эта необузданная сила. С противоположной стороны на город глядел Тигран Младший, собравший командиров отрядов для постановки задачи на осаду.

– Все холмы города, – говорил царевич, – имеют общую систему оборонительных сооружений. Город может держаться долго: водопроводная сеть из керамических труб подает

воду с гор, карасы заполнены вином, в амфоры заложен богатый урожай пшеницы.

Один из полевых командиров с кривой ухмылкой спросил:

– Не терпится узнать, где в городе сокровища?

– На вершине центрального холма высятся цитадель и дворец царя, – сказал Тигран Младший, – там много золота, на соседнем холме – храмы, там тоже сокровища, на остальных холмах находятся торговые, ремесленные и жилые кварталы.

– Собратья, золота хватит на всех! – раздались крики, гогот, посыпались одобрительные возгласы.

Ород спросил:

– Какова численность населения города?

– Население Арташата составляет около ста пятидесяти тысяч человек.

– Ого! – воскликнул один из командиров. – Всех увести в рабство не получится!

Когда командиры отрядов ушли, Тигран Младший сказал Ороду:

– Под дворцом царя находится главное хранилище сокровищ, туда нам и надо. Учти, там хитрые замки, непростой лабиринт, есть ловушки.

– Ты уверен, что Таблица судеб там? – спросил Ород.

– Кроме казны отец хранит в сокровищнице магические предметы.

– Прекрасно! Долгая осада нам не нужна, быстро возьмем крепость и все увидим своими глазами.

Осада крепости началась. В защитников города полетели тучи стрел, вреда не причинявшие. Парфяне не утруждали себя ни фортификационными сооружениями, ни боевыми машинами, ни комфортным лагерем. Взять крепость с наскока – вот в чем доблесть! Сто человек, закованные в доспехи, подхватив таран, ускоряясь, неслись к воротам, находившимся на стыке двух холмов между двумя круглыми башнями. При первом же ударе бревна о ворота в башнях сработали механизмы, и ковши, доверху набитые камнями, перевернулись, высыпав тяжелые камни на головы парфян, похоронив их вместе с тараном.

Артавазд удовлетворенно пояснил паникующему финансисту:

– Гнуни, защитные сооружения строил Ганнибал еще при Арташесе I. Он заложил в стене много сюрпризов.

Финансист волновался:

– Ты, Артавазд, слишком спокоен. Если эти варвары ворвутся в крепость, им достанется вся казна царства, а еще великие книги, рукописи, магические предметы... Мир рухнет!

– В хранилище войти невозможно – хитроумные замки, толстые стены, ловушки, лабиринты...

– Что, если они возьмут меня в плен, а я знаю все шифры и проходы?

– Я этого не допущу, – спокойно отрезал Артавазд и так посмотрел на Гнуни, что тот похолодел и больше вопросов не задавал.

С запада город защищен рвом с водой и частоколом. К западным воротам можно было подойти только по перекинутому через ров мосту. Парфяне в панцирях (такую защиту не брали ни стрелы, ни дротики) попытались таранить и эти ворота. Когда они оказались с бревном на мосту, тот рухнул, и парфянские воины налетели на торчащие из воды заостренные колы.

Ород нервничал:

– Тигран, придумай же что-нибудь! Начинай штурм!

– Ород, я думаю. Что, если послать письмо Лукуллу и попросить помощи? Тогда мы точно возьмем крепость.

– Что? Делиться добычей с ненавистными мне римлянами? Нет, сами справимся!

– Но тогда штурм затянется... – неуверенно сказал молодой командующий и, повернувшись к советникам, спросил: – Что скажете?

Опытные советники, люди уже в возрасте, многое повидавшие на своем веку, начали предлагать:

– Надо изменить русло реки.

– Предлагаю засыпать ров.

– Верный способ взять крепость – возвести земляную насыпь...

Ород, озлобленный и нетерпеливый, закричал:

– Нет, так не пойдет! Скоро зима, мы не успеем. Ищите быстрое решение проблемы!

О, молодость, она не хочет ждать, стремится побеждать, возвыситься и отличиться!

Один из советников спросил:

– А где у крепости наиболее слабые места обороны?

Тигран Младший, подумав, сказал:

– Наиболее слабые места обороны со стороны рек... Вот что мы сделаем! Переправим по реке штурмовые отряды со снаряжением и начнем штурм одновременно по всей восточной стене.

С наступлением ночи парфяне на плотках и других приспособлениях приступили к преодолению водной преграды. Воинов было так много, что воды видно не было. Легкая парфянская пехота с берега из луков обстреливала всех, кто осмеливался мешать переправе. Парфяне подплывали к крепостной стене, ставили складные штурмовые лестницы и забрасывали на стену крюки с веревкой. Но как только штурмующие полезли по веревкам и лестницам, оборонявшиеся, одетые в доспехи, забросали их камнями и факелами. Веревки перерезались, лестницы отталкивались, на головы противника лились смола и кипящее масло, все технические уловки и приспособления парфян поджигались и разрушались. А враги все лезли и лезли, так много их было. Как гроздь винограда они висли на веревках, переползая друг по другу выше и выше, и казалось, еще одно усилие, и омерзи-

тельный ком страха из злейших и извечных врагов армян перекинется через стену и расползется по всему городу.

В стене открылись тайные бойницы, из них ударили огнеметы, а со стены на жаждущих ворваться в город парфян полилась смесь из нефти, льняного масла, смолы и серы, полетели горящие предметы. Толпа штурмующих воспламенилась. Парфяне, став живыми факелами, закричали, завизжали и, проклиная судьбу, попадали вниз, а те из них, кто еще мог двигаться, бросались в реку, ища спасения... Штурм провалился.

Тигран Младший с отчаянием смотрел на ужасающую картину уничтожения его армии, понимая, что овладеть крепостными стенами древней армянской столицы не удастся. Ущерб, нанесенный парфянам при штурме, был настолько велик, что Тигран Младший, Ород и их советники сочли за благо снять осаду и уйти.

Глава 58. Анабасис Лукулла

Пока рабы, бывшие еще недавно гражданами Тигранакерта, в поте лица под присмотром римских воинов выполняли варварский приказ Лукулла и разрушали до основания армянскую столицу, сам главнокомандующий с войском передвинулся южнее и обосновался в Пинаке, столице царства Гордиена. Прогуливаясь по залам дворца, украшенного в персидском стиле, Лукулл, обращаясь к царю Зарбиене, говорил:

– Ты, государь, правильно сделал, что отвратился от Тиграна. Рим даст тебе защиту, щедрые кредиты, хорошие дороги, заказы на рабов и лошадей. Мои военные инженеры создадут для тебя боевые машины, и соседи будут бояться и уважать Гордиену.

– Мой народ очень воинственный, нас и так все боятся, – уклончиво отвечал царь Зарбиена, моложавый кареглазый брюнет с красивой бородкой.

– Я знаю... – с выражением легкой обиды произнес Лукулл. – Царь Зарбиена, слышал, твои люди часто устраивают набеги на соседей-армян?

– Так было... – неуверенно сказал Зарбиена. – Проконсул Лукулл, нет ли ко мне еще каких-либо просьб и пожеланий?

– Нет-нет! Мы получили изобилие провианта и пополнили запасы, так что, государь, я доволен нашим сотрудниче-

СТВОМ.

Зарбиена поклонился и ушел, а Лукулл, проводив его недоверчивым взглядом, проследовал с охраной в отведенные ему покои, где уже находились Аппиус Клодий, Мурена, Секстилий и жрец-гадатель Мариус. Величаво прошествовав по залу, Лициний сел в кресло и, посмотрев на соратников, сказал:

– Садитесь! Я не стал приглашать на совещание легата Публия Клодия, твоего брата, Аппиус, из-за его бесстыдного и распутного образа жизни. Он разболтает солдатам все, о чем здесь говорили. Разговор секретный, должен пока остаться между нами.

– Да, проконсул! – подтвердил Мурена.

Лукулл продолжил:

– Я хочу посоветоваться с вами относительно следующего этапа войны. Надеюсь, вы понимаете, что римляне могут обогащаться только за счет масштабных войн, а не мелких конфликтов.

– Территориальные завоевания имеют для нас первостепенное значение, – подтвердил Клодий.

Секстилий воскликнул:

– Нас ждут слава победителей и пышный парад в Риме!

Лукулл с кривой усмешкой посмотрел на легатов:

– Поскольку я не могу вернуться в Рим без плененного царя Востока, триумф откладывается.

Обозы с золотом, серебром, коврами и прекрасными ста-

туями уже отправлены в Рим, все солдаты, отослав домой посылки с добычей и деньги, были довольны, в целом же римская армия находилась на пике своей силы и славы. Лукулл предложил три варианта дальнейших действий: гоняться за Митридатом, пленить армянского царя Тиграна или вторгнуться в Парфию.

– В Парфию? – Клодий встал и, удивленно глядя на Лукулла, сказал: – Ты недооцениваешь мощь Парфии. Эти люди ездят, едят и спят на конях. Парфянская стрела перебьет хребет любому, кто посмеет затронуть их интересы или не так посмотрит в их сторону.

– Клодий, но ведь армянский царь Тигран держит их в страхе, – усмехнулся Лукулл.

– Он много лет жил среди них и знает их слабости изнутри, – сказал Клодий.

– Секстилий, ты всегда рвешься в бой. Твое мнение о походе на Парфию.

– Даже не знаю, проконсул... – обескураженно сказал легат Секстилий.

– Я так и думал, что поход в Парфию никого не заинтересует, – надменно сказал Лукулл. – Что ж, будем довольствоваться царем Великой Армении. Все согласны? – Он обвел взглядом присутствующих. – Молчание знак согласия. Мы идем на Арташат! Да, наша цель армянский Карфаген – богатый город Арташат!

Возникла напряженная пауза, а за стеной комнаты вздрог-

нул царь Зарбиена. Он подслушивал разговор благодаря слуховым каналам, усиливающих каждое слово.

Наконец Клодий произнес:

– Я полагал, добыв обильные трофеи в Тигранакерте и других армянских городах, мы вернемся в Рим. Недавно парфяне попробовали взять Арташат, но не смогли: крепость сильно укреплена.

Лукулл скривил усмешку:

– Клодий, парфяне слабы, у них нет четкой стратегии и тактики использования армии, а также современных средств осады крепостей. Царевич Тигран Младший как полководец бездарен, малодушен и не способен на рискованный поступок.

С большим беспокойством на командующего взглянул его советник, жрец-гадатель Мариус:

– Угоден ли богам твой новый поход?

– Мариус, римский народ хочет новых побед, – терпеливо разъяснил Лукулл.

Жрец посчитал своим долгом предупредить:

– Боги вмешиваются в людские дела, и не всегда наши желания исполняются. Страсть опасна, а переход черты дозволенного – безумие.

Глаза проконсула хищно блеснули:

– Я уверен, боги будут довольны и мы получим, что хотим.

Но жрец сопротивлялся:

– Боги нам, смертным, сообщают свою волю путем знаме-

ний...

Проконсул отмахнулся:

– Боги – покровители дохода римских граждан, они одобряют все, что приведет к обладанию богатствами.

Лукулл отвернулся, дав понять, что спор окончен, и, подумав с минуту, произнес:

– Должен признать, что Тигран II произвел на меня сильное впечатление. Несомненно, человек он мужественный и просвещенный, но я умнее и переиграю царя на его же поле.

Секстилий встрепенулся:

– Предстоит поединок?

– Да, Секстилий! Кто кого! Но я чувствую в себе силы выиграть этот поединок.

Жрец Мариус резонно заметил:

– Ты хочешь идти на Арташат, но горные дороги... Там нет продовольствия, но есть масса опасностей.

– Мы пойдем военным путем «Тигранакерт – Арташат». Именно по этой дороге шел Ксенофонт, – твердо сказал Лукулл.

– Кто такой Ксенофонт? – спросил Секстилий.

– Тебе не хватает образования, друг мой. Триста пятьдесят лет назад весь мир только и говорил о походе греков-наемников по армянской земле.

Секстилий попробовал отмахнуться:

– Это было так давно, что вряд ли нам пригодится опыт греков.

Лукулл положил на стол старую книгу:

– Вот смотри! В библиотеке Тиграна я нашел эту книгу.

Она называется «Анабасис».

Секстилий с интересом глянул на древнюю рукопись, в которой листы желтоватого пергамента были сшиты в книгу. Написана она была греком Ксенофонтom. «Анабасис» по-гречески означает восхождение или поход войск по недружественной территории. Так случилось, что Кир Младший, сын персидского царя Дария II, когда умер отец, нанял греческих наемников, чтобы свергнуть с престола своего старшего брата. Битву при Кунаксе, что рядом с Вавилоном, греки для него выиграли, но победа обернулась поражением. Кир Младший погиб в бою, вождей греческих наемников умертвили, но десять тысяч греческих наемников-гоплитов спаслись и во главе с Ксенофонтom (они выбрали его своим вождем) дошли до Черного моря. Их путь пролегал через северные области Великой Армении.

Блестя глазами Лициний с жаром воскликнул:

– Мы пойдем в Арташат тем же путем!

– Что? Через горы? – вскричал Клодий. – Но ведь это безумие: путь не разведан, подвоз продовольствия невозможен...

– Это самый короткий путь к Арташату, – начальник был тверд как скала.

План был таков: двигаться по территории Тиграна, разоряя все населенные пункты на своем пути, и с продовольствием будет все в порядке. Осень – время жатвы. Лукулл

ла устроит любой вариант: либо он возьмет богатый Арташат, либо заставит Тиграна принять генеральное сражение и заключить мирный договор на его условиях. Посмеиваясь, проконсул говорил, что угроза захвата главной столицы вынудит армянского царя вылезти из своей норы и ввязаться в решительный бой. Он, Лукулл, разобьет его окончательно, Армения станет римской провинцией, а армия вернется в Рим с триумфом, сокровищами Арташата и главным трофеем – плененным Тиграном. Потаенные мысли о кладовой чудес, магических вещах и бессмертии император оставил при себе.

Ошарашенные легаты и Мариус уставились на главнокомандующего.

Друг-легат робко спросил:

– Но можно ли верить записям Ксенофонта?

– Мурена, я читал рукопись всю ночь и могу сказать: «Анабасис» Ксенофонта – выдающийся труд афинского военачальника, – произнес Лукулл.

– Но в каком состоянии дороги? – Мурена выражал беспокойство.

– Дороги были построены еще персами и весьма благоустроены.

Главнокомандующий выложил на стол свиток – армянскую карту, ту, что прислал ему Васак. На карте были указаны военные дороги Армении и проходы в горах. Путь следования на карте был помечен штрихом. Колонна пройдет

мимо Тигранакерта к проходу в Таврских горах, преодолет цепь гор, выйдет в Мушскую долину и через населенные пункты Патрансаван и Бостакенд выйдет к Зарехавану в уезде Багреванд. Перейдя через мелководье реки Арацани, обрушится на Арташат. На пути следования есть станционные пункты, крепостей нет.

– Ты хочешь обогнуть с юга гору Арарат и выйти к Арташату? – спросил испытывающий бурные эмоции Клодий.

– Да, так!

Клодий был на взводе:

– А может, Ксенофонт написал «Анабасис» с одной целью – возвеличить свои заслуги?!

Главнокомандующий вскричал:

– Его труд гениален!

Лициний уже все продумал. Книгу Ксенофонта нужно изучать в римских школах, все военачальники должны всегда иметь ее под рукой. Когда закончится война, он, как и Ксенофонт, займется сельским хозяйством и литературой, заведет в Риме большой сад и будет писать мемуары, поскольку римские писатели постараются замолчать его заслуги.

Секстилий потянулся к книге:

– Я могу ее почитать?

– Да, конечно! Всем советую ее прочесть, – Лукулл передал книгу Секстилию. – Итак, вскоре мы возобновим наступление и, видят боги, в Арташате, в этом слишком независи-

мом и богатом городе, завершим войну. История запомнит героев, завоевавших Азию!

Лукулл ободряюще посмотрел на соратников и разрешил им идти готовить легионы. Мурена задержался.

– Лициний, ты ищешь приключения или неприятности?

– Луций, – проговорил начальник, – жизнь без приключений скучна и неинтересна, а чтобы найти неприятности, ходить далеко не нужно.

– В Арташате мощные оборонительные сооружения. Как известно, их строил еще заклятый враг Римской республики Ганнибал.

Лукулл уважал стратегический талант Ганнибала, полководца, угрожавшего самому существованию Римской республики. Он его и процитировал:

– Мы должны найти путь либо проложить его!

– Лициний, и ты знаешь путь к победе?

– Победа там, где есть стремление и движение! – главком был непреклонен.

За стеной, боясь шелохнуться, стоял, потрясенный услышанным, царь Зарбиена, раздумывая, как поступить. Затем он написал письмо Тиграну, изложив суть услышанного разговора. Так, на всякий случай, а вдруг судьба снова переменится.

Глава 59. Неотвратимое возмездие

Область Васпуракан. Здесь, в крепости Хизан, Тигран готовился к новому сражению с римлянами. Крепость находилась недалеко от озера Ван, была хорошо укреплена, окружена высокой каменной стеной, имела башни и бойницы. Вокруг крепости расположились армянские войска, сюда же прибывали свежие силы и подкрепления из всех областей Великой Армении. Из Арцаха, где с глубокой древности было развито коневодство, прискакали конные отряды. Чистокровная порода благородных лошадей Арцаха – быстрые, мощные и выносливые скакуны – широко распространилась по миру. Цари-союзники также были здесь. Потеряв былую самоуверенность, они перевооружали войска, готовя их к решающей битве.

Армянские воины, преодолев уныние, вызванное поражением и потерей Тигранакерта, повышали воинственность ритмичной музыкой и танцами «Кочари» (Храбрец) и «Ярхушта» (К оружию). Боевые танцы всегда были воплощением воинственного духа армян. Войска, ставшие лагерями вокруг Хизана, горели желанием освободить отечество. Отовсюду слышалось:

– Мы отомстим за оскорбления, унижения и несправедливость!

– Защитим родной очаг!

Тигран в покоях большого дома в задумчивости стоял у окна, а к любимому уютно прильнула Аревик.

Государь тихо сказал:

– Незримыми нитями я связан со своим народом.

Аревик отозвалась:

– Вместе с тобой против врага встала вся страна, и воевать будут не только люди, но и горы и реки Армении.

Тигран много думал о причинах поражения в первом сражении. Римские легионы – совершенный механизм, созданный для войны. Он впервые столкнулся с ними. Нужны другая тактика и стратегия. Его полководцы не понимали этого, они готовили армию не к той войне. Римляне победили хитростью, нашли пути в тыл его армии, ударили исподтишка. Он должен был это предвидеть и выставить боевое охранение, как и умерить пыл каппадокийцев и наемников-греков. Подвела самоуверенность, проявил невнимание к подаваемым судьбой знакам, пренебрег советами мудрецов и предупреждениями Митридата. Бесконечный круговорот дел отвлек внимание от главного... Но ошибки делают все. Велик тот, кто, признав ошибку, двигается дальше верным путем.

Аревик, переживая эмоциональный стресс любимого, предложила:

– Ты мог бы воспользоваться магическими вещами, о которых тебе пророчествовали боги.

Тигран, дотронувшись до талисмана Мардука, висевшего на груди, улыбнулся ей, погладил ее шелковистые волосы.

– Милая Аревик, боги дали мне власть, и злоупотреблять их доверием не стоит.

Он прекрасно понимал, что не должен сидеть сложа руки и ждать, что все само собой разрешится. Без труда нет спасения. Получая божественные знамения, делай что должно! И потом, плох правитель, неспособный самостоятельно решать проблемы. А магические предметы следует оставить потомкам, коих ждут непростые испытания.

В дверь постучали, на пороге возникли Артавазд и его жена, кареглазая красавица Анаит.

– Отец!

Тигран обернулся, на его устах появилась радостная улыбка.

– Артавазд, мой сын, мой наследник! – Они обнялись. – Анаит, ты прекрасна! – Он поцеловал ее в щечку. – Вновь встретила мужа?

Анаит закивала:

– Моя мечта сбылась, мы снова вместе... Благодаря тебе государь.

– А как там мой внук Арташес? – спросил Тигран.

– Он подрос, – с гордостью сказал Артавазд, – его любимой игрушкой стал деревянный меч.

– Внук вырастит и станет могучим воином, умным как отец и красивым как мать, – радовался Тигран. – Твой муж, Анаит, с честью проявил себя при осаде парфянами Арташата. Артавазд, ты достоин носить тиару армянских царей!

– Наша древняя столица Арташат незыблема, – твердо заявил Артавазд.

– Твой младший брат ничтожество, – с горечью сказал, изменившись в лице, Тигран. – Поднять руку на святой город!

Царю Тиграну боги уже ниспослали пророчество: Тигран Младший проживет жизнь впустую, умрет жалкой смертью, а жадность Рима и неразборчивость Парфии приведут оба государства к краху, от них останутся лишь развалины и воспоминания.

Артавазд озабоченно сказал:

– Отец, последние неудачи – дело рук изменника.

– Да, знаю! Иногда одно слово меняет ход истории. Я получил письмо царя Зарбиены. Он сообщает: предатель среди нас. Но кто этот человек?

Блестя глазами, Артавазд выпалил:

– Мы нашли метод выявления лжи!

– Ох, это уже было! – отмахнулся Тигран

Недавно Метродор предложил свой метод: все подозреваемые должны передавать друг другу птичье яйцо. Виновный тест не выдержит, потому что от волнения раздавит яйцо, и тем самым изобличит себя. Всех царедворцев поставили в шеренгу, дали яйцо, а раздавил его по оплошности сам Метродор.

Артавазд настаивал:

– И все же! Чтобы изобличить предателя мы с Гнуни и мастером Оганезом сделали хитрое устройство. Разрешите нам

тебе его продемонстрировать.

– Что ж, показывай.

Царевич позвал Гнуни и Оганеза. Армяне всегда питали тягу к изобретениям. Вот и мастер Оганез, смотревший на известные вещи по-новому, усовершенствовал механизмы и огнеметы, устроенные в крепостной стене Арташата, и управлял ими. Понять ход мыслей изобретателя невозможно, зато потом все удивляются: как же жили-то без его открытия раньше?

Устройство, определяющее ложь, создали в Арташате и назвали «Уста правды». Вклад Артавазда с Гнуни небольшой, все придумал Оганез, но это устройство действительно позволяет выявить предателя. Пять слуг втащили в зал круглую мраморную плиту и установили ее вертикально на каменной подставке. Плита от фонтана оказалась мраморным барельефом, изображающим маску Тритона. Как известно, греческий бог Тритон являлся человеком-рыбой, его ноги срослись в рыбий хвост. На мраморной плите было лишь лицо, вернее, маска, и была она ужасной. Косматый, бородастый, с разинутым ртом и огромными глазами, бог выглядел устрашающе. В глаза маски вставили камни правды – изумруды. Они всегда считались магическими камнями.

Изумруд в кольце на мизинце левой руки Тиграна вдруг блеснул. Хороший знак судьбы! Камень изумруд наделял владыку даром предвидения и оберегал от опасностей, но сейчас подсказал царю: шпион будет раскрыт.

Мастер Оганез объяснил:

– Государь, уста маски, как видишь, открыты. Если вложить в их темную глубину ладонь, то изумруды засветятся.

Оганез сунул ладонь в уста маски, и тут же глаза божества слабо засветились, что царя удивило.

– Однако, – продолжил Оганез, – если человек лжет, изумруды засветятся ярко.

Смочив платок вином, мастер протер свою ладонь и вновь вложил ее в уста маски. Камни загорелись ярко.

Пораженный Тигран обратился к Оганезу:

– Как это устроено?

– Государь, суть изобретения в волшебной энергии...

За барельефом установлен небольшой глиняный горшок. В него поместили тонкий медный лист, скрученный в виде цилиндра. Внутри цилиндра вставлен железный стержень. Все части в горшке закрепили кусочками битума, припаяли две проволоки (одну к медному листу, другую к стержню), налили винный уксус. Горшок стал магическим источником волшебной энергии, направляющейся по проволокам к изумрудам с угольной нитью. Стоит положить ладонь в рот Тритона, как обязательно дотронешься до металлических полосок, контур замыкается, и изумруды светятся. Замечено, что, когда человек лжет, изворачивается, волнуется, у него сильно потеют руки, а потная рука усиливает движение волшебной энергии. Глаза Тритона при протекании через них энергии светятся; чем больше энергии, тем ярче свет.

Гнуни с восторгом воскликнул:

– Это наведет ужас на тех, кому есть что скрывать!

Артавазд добавил:

– Мы сможем видеть душевные переживания человека.

Тигран задумался. Опыт, несомненно, поможет увидеть реакцию человека в ответ на предъявленное обвинение. Надеяться, что кто-то сделает добровольное признание, не приходится, но своим беспокойством лжец обязательно выдаст себя.

Гнуни продолжал восторгаться:

– «Уста правды» безошибочно укажут на предателя!

Царь хлопнул в ладоши. Звук хлопка разнесся по залу, и в дверях немедленно появился начальник службы безопасности Кухбаци.

– Кухбаци, позвать ко мне всех министров и полководцев!

Женщины ушли в соседнюю комнату, Тигран стоял посреди зала, а трое мужчин делали последние приготовления, проверяя устройство еще и еще раз. Наконец в зал вошли министры и полководцы. В дверях остался Кухбаци.

– Должен сообщить, – начал царь, – я получил сообщение о дальнейшем продвижении римлян. Они выдвигаются на Арташат по старой военной дороге. Преодолев проход в Таврских горах, выходят в Мушскую долину, далее следуют вдоль реки Арацани через Зарехаван и выходят к моей столице.

В зале возник шум: царедворцы и военные не сдерживали

негодование.

Тигран продолжал:

– Римский полководец Лукулл хочет вынудить меня на генеральное сражение, чтобы разбить армянскую армию, а меня, царя Великой Армении, пленить. Итоги его армянской кампании ничтожны. Кроме нескольких обозов с золотой и серебряной утварью да десятком греческих статуй, ему нечего предъявить в Риме. Мы выступаем в поход, и я лично его возглавлю.

– Государь, – сказал Васак, – Лукулл в расцвете сил, ему пятьдесят лет, а тебе уже за семьдесят, поручи возглавить войско Артавазду.

Недружелюбно взглянув на Васака, царь сказал:

– Когда мне напоминают о возрасте, хочу спросить: а молодость может не быть высокомерной, не совершать ошибок молодости, не подавать дурные примеры?

Все молчали. Мамиконян произнес:

– Государь, ты обладаешь стратегическим мышлением и даром предвидения. Армия верит в тебя. Только ты должен быть во главе нее.

Тигран, зная, что Мамиконян прав, продолжил:

– Мы сумели сохранить основные силы армии, и это главное. Противник ждет генерального сражения, но его пока не будет. Воспользуемся скифской тактикой: преследование противника везде и всегда, избегая решительного боя. Отрежем его от баз снабжения, уничтожим обозы, и, в итоге,

нанесем позорное поражение.

– Но это идет вразрез с общепринятой в мире практикой! – воскликнул Васак.

– Да, это – моя новая стратегия: заманить неприятеля в глущь Армении, измотать и добить.

Все слушали, затаив дыхание.

– Лукулл хочет поединка со мной, – усмехнулся Тигран. – Он его получит.

Царь отвернулся, посмотрел сквозь окно на горы, потом, вновь взглянув на подчиненных, укоризненно сказал:

– Мне донесли, что один из моих приближенных сегодня не был в храме и не вознес молитву богу Арамазду. Этот человек не понимает, что все в жизни predetermined божественными законами, поэтому он достоин наказания. Признавайтесь, кто не был в храме!

Все молчали. Царь прошел вдоль шеренги царедворцев, посмотрев каждому в лицо. Все были спокойны, но глаз никто не поднял.

Владыка изобразил гнев:

– Ну, что ж, сейчас все узнаем! Перед вами волшебная маска «Уста правды». Каждый вложит в уста маски ладонь. Если человек правдив, глаза Тритона засветятся слабо, а если лжец, сияние будет ярким.

Царедворцы застыли в изумлении, но как не поверить, ведь у царя хранится много магических предметов. Поднялся шум, но Тигран так взглянул на присутствующих, что

вмиг все замолчали.

– Начнем с Кухбаци, – произнес Тигран.

Кухбаци подошел к маске, вложил в ее разинутый рот ладонь: глаза маски загорелись слабым зеленым светом.

– Следующий! – скомандовал Тигран.

Подошел министр Гнуни, за ним виночерпий Вардгес, потом министр Васак, потом сокольничий Кохар, и так по очереди остальные. Глаза маски загорались слабым зеленым цветом. Но вот ладонь в уста маски вложил начальник царской охоты Варажауни. Глаза Тритона загорелись так ярко, что вздрогнул и сам Варажауни, и все остальные сановники. Перепуганный начальник царской охоты забеспокоился, заморгал, выдернул ладонь и принялся ее чесать, потом каким-то необычно высоким голосом закричал:

– Я забыл сходить в храм, да и некогда мне было, все утро занимался собаками!

Царь мрачно сказал:

– Да-а, Варажауни, ты достоин порицания... Сходи обязательно сегодня в храм!

Начальник охоты чуть в обморок не упал. Пройдя вдоль строя приближенных, государь произнес:

– Мне донесли, и я верю этому сообщению, что среди нас есть предатель... – Тигран обвел сверлящим взглядом царедворцев. – Этот человек передал римлянам все наши секреты, карты местности, мои замыслы. Ущерб огромен: потерял Тигранакерт, его жители обращены в рабство, погибло мно-

го воинов, погиб мой друг Меружан... – Царь внимательно смотрел на стоящих напротив него людей и чувствовал, как их охватывает трепет. – Предатель среди вас, и боги укажут на него. Всем по очереди пройти испытание маской!

Потрясение сановников было настолько глубоким, что они застыли в нелепых позах, потеряв дар речи. Наконец оправившись от шока, в полной тишине министры и полководцы начали вновь проходить процедуру выявления лжеца. Все шло нормально, в глазах маски загорались слабые зеленые огоньки, пока не дошла очередь до Васака. Бесстрастное божество готовилось провести проверку правдивости его мыслей. Васак, чувствуя, что сейчас его разоблачат, потупил глаза в пол, соображая, что делать, затем метнул взгляд на Тиграна и, поняв, что пощады не будет, выхватил из складок одежды кинжал. Схватив за волосы рядом стоящего виночерпия Вардгеса, приставил клинок к его шее и закричал:

– Я убью его, если мне не позволят уйти!

Тигран хмуро смотрел на лжеца и предателя, делавшего на протяжении многих лет гнусные вещи. Изменник погубил мечты государя, попрал идеалы служения и святости, нанес непоправимый вред. Царем овладело чувство омерзения, хотелось самому схватить меч и вонзить его в сердце Васака – отомстить отвратительному чудовищу.

– Иди, – произнес Тигран.

Сановники и военачальники, перепуганные, но испыты-

вающие неприкрытую и нарастающую враждебность к предателю, расступились, и Васак, вращая безумными глазами и волоча за собой Вардгеса, приблизился к двери. Кухбаци, глядя с презрением на министра, схватился за меч, но, взглянув на Тиграна, вложил его в ножны. Васак толкнул дверь и вместе с заложником покинул зал. Тигран повернулся к Артавазду, и тот, прочитав во взгляде отца приказ, сорвался с места и выбежал из зала. Спустившись на первый этаж, остановился на ступенях здания и увидел Васака, с лютой ненавистью смотревшего на него. Министр оттолкнул Вардгеса, вскочил на вороного скакуна, (под уздцы его держал слуга), и помчался в сторону городских ворот. Артавазду спешно подвели его быстрого арцахского коня гнедой масти с притороченным к седлу булатным мечом. Вскочив на него, он поскакал вслед за Васаком.

Оба всадника неслись по улицам крепости, распугивая народ, сбивая повозки, громя стопки глиняных горшков, лотки со снедью, клетки с гусями... Выскочив из городских ворот, они поскакали по направлению к озеру Ван. Погоня длилась недолго. На берегу озера возле мистического камня (по преданию в него превратилась, спасаясь от преследователей, Семирамида-Шамирам), Артавазд настиг Васака и преградил ему путь, вынудив соскочить с коня и биться. Соперники спешили, обнажили мечи, угрожающе замахнулись.

– Ты предатель! – крикнул Артавазд. – Ты забыл пословицу «Кто роет другому могилу, сам в нее попадет!»

Васак намеренно дразнил его:

– Кто друг, кто враг, разве разберешь. Только глупцы верят в справедливость, верность и преданность. На самом деле низкие цели преследуют все.

Артавазд бросился к противнику и первым нанес удар, Васак прикрылся мечом. Клинок царевича заскользил по клинку противника, и только гарда остановила это движение. Артавазд с ненавистью смотрел на министра:

– Царь доверял тебе, а получил низкое предательство. Но возмездие неотвратимо!

На устах Васака растянулась презрительная усмешка:

– Царь стар, выжил из ума, совершает одну ошибку за другой. Он погубит Армению. Только в союзе с Римом страну ждут процветание и благополучие!

– Страну постигли несчастья, и ты есть главный виновник всех неудач.

Артавазд нанес рубящий удар сверху. Васак опять защитился. Артавазд, целясь в голову, нанес диагональный удар. Васак, отбив удар, сам попытался рубить по бедру царевича, но тот закрылся.

– Ты, Артавазд, горяч и не понимаешь, что политика – это игра! – кричал Васак. – Выигрывает тот, кто в неразрешимой задаче найдет решение, жертвуя хоть родиной, хоть жизнью!

– Я всегда подозревал, Васак, что ты мерзкий политик, но ты еще жалкий лжец и отпетый негодяй! – воскликнул юноша.

Глаза Васака загорелись яростью. До бешенства разозленный словами царевича, он сделал выпад, но теперь, кроме меча в одной руке, в другой у него появился кинжал. Натренированным движением он ранил не успевшего увернуться Артавазда в левую руку.

– Попрощайся с жизнью, царевич! – бросил Васак.

Но поединок продолжился. Снова противники, в глазах которых сверкали молнии, скрестили мечи. Артавазд отступил, сделав вид, будто следующий удар нанесет в бедро. Васак, уловив его взгляд, резко опустил меч для защиты, а юноша, молниеносно взмахнув мечом, занес его над головой министра. Тот не успел защититься и получил удар по голове. Брызнула кровь, меч выпал из руки Васака, он повалился на землю. Парализованный страхом, в агонии и отчаянии министр проговорил:

– Вся моя жизнь иллюзия... Я так стремился к вершине, что не заметил падения...

– Предательством счастья не сыщешь.

Царевич, остывая после смертельной схватки и зажимая рану на своей окровавленной руке, безучастно смотрел на поверженного врага.

Собрав последние силы, Васак прохрипел:

– Мне надо было убить тебя еще в колыбели...

Артавазд с презрением взглянул на него.

– Получи вознаграждение, достойное изменника.

Царевич, подняв меч, вонзил его прямо в сердце мер-

завца. Около камня Семирамиды-Шамирам, на месте явно заколдованном, лежало распростертое тело злодея, который сумел помешать Тиграну II Великому воплотить многие идеи преобразования страны.

Глава 60. Путь к катастрофе

Римское войско, боеспособное и хорошо обученное, под руководством Лукулла двинулось в поход. Длинная колонна маршировала на север к горам Армянский Тавр, где у деревни Семал начинался тайный проход в горах, преодолев который Лукулл рассчитывал выйти на равнины – Мушская и Арацанская долины – и кратчайшим путем дойти до Арташата. Порядок построения колонны был заведен раз и навсегда: впереди разведка, за ней легкая пехота и легкая конница, за ними авангард (один легион) и отряд, наводящий мосты, потом главнокомандующий со своим обозом, объединенная конница, осадные машины (их тянули мулы) и основная ударная сила (три легиона), а в хвосте – вспомогательные войска, обоз и все остальное. Лукулл и Мурена верхом на лошадях, первый в пурпурном плаще с золотым шитьем, второй в темно-красном плаще, следовали в колонне и вели разговор.

– Угроза Арташату, я уверен, заставит Тиграна принять генеральное сражение, – говорил Лукулл.

– Нам не помешали бы легионы Сорнатия, – подсказал Мурена. – Два его легиона могли бы выйти к Арташату с севера, а наши четыре – с юга, и ловушка захлопнется.

– Сорнатий стережет понтийские города, его постоянно атакует Митридат. Сами справимся.

Колонна шла мимо Тигранакерта. Громоздились развалины, черный дым пожарищ застилал небо, от крепостных стен практически ничего не осталось. Дворец, цитадель, храмы и дома были полностью разрушены, рабы отправлены на невольничьи рынки, и только бродяги да собаки в поисках пищи рыскали по мертвому городу.

Впереди маячила деревня Семал. Примчался командир разведывательного подразделения:

– Император, жители, за исключением древних стариков и старух, покинули деревню и увели скот, урожай собран и находится в амбарах!

С кривой усмешкой Лукулл сказал:

– В Арацанской долине много деревень, наши обозы и так полны продовольствия. Деревню сжечь!

Армянский Тавр – это горы, простирающиеся южнее реки Арацани, пересечь их можно, только зная запутанный маршрут. Римское войско вступило на него. Вход в ущелье маскировался живописной рощей. Столетние дубы как стражи охраняли теснину, вечнозеленые фисташковые деревья, увешанные плодами, выстроились в длинную молчаливую аллею.

Лукулл был в хорошем настроении и предавался созерцанию:

– Мурена, знаешь, фисташки имеют удивительный сливочный вкус. Я отправил с обозом десятков фисташковых деревьев и поручил посадить их в моем саду в Риме. Надеюсь,

приживутся.

– И какой толк от фисташек? – недоумевал Мурена.

– О, они омолаживают человека и поднимают настроение. Но есть секрет: собирать орешки нужно только рано утром или поздно вечером. И еще, фисташки мне навеяли мысли о царице Савской.

– Царице Савской?

– Луций, ты никогда не был в моей библиотеке, одной из лучших в Риме. Мировая история скрывает много тайн, а царица Савская – волнующая тайна.

Лукулл с удовольствием стал рассказывать. Царица Савская называла фисташку лакомством исключительно для господ. Орех сохранял ей молодость и красоту. В старой книге о царице пишут, что была она неземной красоты и жила в волшебной стране на юге Аравии. Желая проложить торговый путь из Аравии в Сирию через Иудею, она прибыла в Иерусалим к царю иудеев Соломону и сказала: «Отгадаешь мои загадки – ты мудрец, если нет – ты обыкновенный человек». Она показала Соломону две одинаковые розы и попросила определить, какая из них искусственная. Мудрец призвал на помощь пчелу. Загадок было много...

– И чем все закончилось? – оживился Мурена.

– Царя Соломона она соблазнила.

Легат посмеялся:

– И конечно Соломон разрешил ей возить товары через его страну.

– Разрешил.

Мурена вкрадчиво сказал:

– Лициний, ты просто так ничего не рассказываешь. В чем на этот раз смысл твоих слов?

– Царь и царица были очень богаты, Луций. Никто не знает, где спрятано их золото. Возможно, ответ есть у армянского царя...

В хорошем настроении они двигались по горной дороге. Колонна, поднимаясь выше в горы, шла по ущелью, утопающему в зелени, а вокруг пели птицы, сновала дичь, благоухали цветы. Открылся вид на великолепный водопад. Вода с огромной высоты падала вниз, создавая облако брызг и страшный шум, и эта мощь не могла не восхитить человека. Водяная пыль красиво сверкала всеми цветами радуги.

В ущелье, куда падала вода, протекала бурная река. Через нее был перекинут деревянный мост на четырех опорах. Римские разведчики и инженеры мост обследовали, и он не вызвал никаких сомнений, о чем доложили Лукуллу. Тот лично прискакал к мосту и встал на пригорке, наблюдая за переправой войск на другой берег. Военачальник на коне в пурпурном плаще смотрелся всемогущим и величественным, внушая своим солдатам непоколебимую уверенность. Подразделения, получив разрешение на переход, пошли по мосту.

Прошли разведывательные когорты и легкая пехота, на мост зашла конница. Раздался треск. Лукулл похолодел.

Невольно сжавшись, он запаниковал: на его глазах опоры накренились, и, не выдержав нагрузки, мост рухнул. В считанные секунды два десятка всадников с лошадьми упали в реку, бурный поток, подхватив их, понес вниз по течению. Люди барахтались и кричали, лошади, обезумев, храпели и разбивались о камни, многие утонули, только единицам удалось выбраться на берег. Настроение Лукулла резко испортилось, движение колонны войск застопорилось, пришлось ждать всю ночь, пока инженеры в свете костров наведут новый мост. Во мраке ночи в страхе и гневe, обеспечив надежное охранение, стояли легионы в узком ущелье и под закладывающий уши шум водопада теряли остатки воинственности.

С рассветом мост был готов, и войска двинулись дальше. Из растительности теперь попадался лишь можжевельник, потом и он исчез: римляне шли по засушливой горной степи. Было жарко, и, как только появилась горная речка, сделали привал. К Лукуллу прискакал Аппиус Клодий:

– Император, разведка докладывает, что впереди много пещер, возможны нападения с флангов.

Лукулл впервые осознал, что поход может обернуться катастрофой.

– Клодий, усилить фланги легкой пехотой и быть начеку!

Колонна двинулась вновь. Перед глазами воинов открылись скальные остроконечные, пугающие и безжизненные вершины, и хребты, прорезанные глубокими ущельями. За

поворотом взору предстала величественная гора Симсар.

Лукулл со знанием дела произнес:

– Эта гора Симсар. Она названа в честь Сима, прародителя иудеев, арамеев, арабов и остальных семитских народов.

– Выглядит устрашающе, – сказал Мурена.

Раздался оглушающий грохот, земля содрогнулась, все увидели, как камни, горные породы и глыбы низвергались с горы Симсар лавиной. Колонна остановилась, Лукулл с тревогой вглядывался вперед, дожидаясь донесений.

Прискакал трибун из первого легиона:

– Проконсул, камнепад! Человек пятьдесят из легиона Секстилия снесло в пропасть, травмы получили еще столько же, дорога перекрыта!

Командующий приказал:

– Бросить людей на расчистку дороги!

Мурена недоумевал:

– Могли ли мы сами спровоцировать камнепад?

– Не знаю, – уклончиво ответил Лукулл.

Потратив полдня на расчистку дороги, римская колонна войск осторожно продолжила продвижение вперед. Огибая гору, все неотрывно смотрели вверх, ожидая от прародителя новых сюрпризов. И он не заставил себя ждать. Раздался гулкий хлопок. Шипящий шум нарастал, быстро превращаясь в угрожающий. Солдаты с ужасом увидели, как мощный поток воды вырвался из оков горы: подземная река нашла себе выход именно в том месте и в то время, где и когда шла

римская колонна. Вспененный поток смыл в ущелье около тридцати тяжелых всадников, дорога опять была повреждена.

Пока инженеры ее ремонтировали, Лукулл собрал легатов и развернул перед ними карту.

– В горах опасно. Явления, которые мы с вами наблюдали, иногда возникают.

– Император, почему мы оказались на пути камнепада? – спросил растерянный легат.

– Секстилий, разрушаются горные породы, маленький камень, падающий с большой высоты, может послужить причиной обвала целых склонов, – неубедительно ответил Лукулл.

Публий Клодий в крайней степени раздражения спросил:

– А прорыв воды на склоне горы? Тоже маленький камень? А разрушение моста – это что?

Лукулл не ответил. Потом произнес:

– Как только дорога будет восстановлена, пойдем дальше. Увеличить дистанцию между подразделениями и шеренгами в легионах. К заходу солнца мы должны выйти в Мушскую долину.

Северные склоны Тавра уже не были такими живописными, как южные. На горных плато было полупустынно: реки пересохли, безлесье, только травы и полынь. Тяжелая поступь римских воинов поднимала пыль с кристалликами соли – почва имела высокое содержание солей, – и римляне,

чувствуя враждебность природы, ускорили шаг, чтобы как можно быстрее преодолеть злосчастное ущелье.

Солнце склонялось к закату, когда авангард войск наконец преодолел цепь гор в Тавре. Подразделения спускались в Мушскую долину, покрытую сплошным туманом, и казалось, что солдаты погружаются в молоко. Слово «муш» имеет в армянском языке значение «туманный», и едва ли это было известно римлянам. Движение продолжалось в полном тумане, различить что-либо в двух шагах невозможно. Понимались странные звуки. Из охранения вдруг стали исчезать солдаты, десятков повозок перевернулись и разбились, вспыхнула повозка со смолой, но когда на конницу вихрем налетел вражеский конный отряд, а легкую пехоту обстреляли стрелами, и она понесла существенные потери, объявили тревогу, и легионы прямо на дороге, оцетинившись щитами, приготовились к бою. Солдаты, зажимая в руках копья, мечи и топоры, приготовились сражаться. Они так и стояли довольно долго, пока ночью не расселся туман и луна не осветила темно-изумрудную долину.

Лукулл вне себя от ярости кричал:

– Это происки Тиграна! Они воспользовались складками местности, погодными условиями и темнотой, чтобы ослабить нас мелкими стычками. Не получится! Мы приспособимся ко всем природным и климатическим условиям! Мы пойдем дальше!

Легионеры молча выполняли приказы командующего,

мечтая об отдыхе и сытной пище, и с рассветом, не мешкая, разбили лагерь и выставили охранение.

Со скалы на кропотливую работу римлян смотрел Тигран. Обернувшись к Мамиконяну и своему брату Гурасу, он жестко приказал:

– Изматывать и истреблять противника везде, где можно!

Легаты, собравшись у палатки командующего, установленной в центре лагеря Мурены, разговаривали между собой.

– Посевы хлебных злаков еще зеленые, – раздраженно сказал Публий Клодий.

Услышав его голос, Лукулл вышел из палатки:

– Публий, что ты говоришь? Осень. Урожай должен быть собран.

– Император, южнее Армянского Тавра наступило время жатвы, а здесь пшеница еще не созрела, – посетовал Публий.

– Странно, – произнес Лукулл.

Мурена предположил:

– Это затруднит снабжение армии продовольствием.

Командующий приказал:

– Высылайте отряды по деревням, реквизируйте все, что есть!

Секстилий в подавленном состоянии эмоционально переживал:

– Они преследуют нас по пятам... Мой легион понес су-

щественные потери.

Аппиус Клодий подтвердил:

– Уничтожено с десятков повозок с продовольствием.

Лукулл их не слышал, он размышлял вслух:

– Тигран по-прежнему продолжает избегать генерального сражения...

Мурена резонно предположил:

– Похоже, он хочет расстроить снабжение нашего войска продовольствием.

Публий Клодий истерично взвизгнул:

– Еще не вступив в бой, мы понесли значительные потери!

– Публий, успокойся, – Лукулл попытался говорить ободряюще. – Наберись терпения. Впереди нас ждет великая добыча – богатейший город Востока Арташат...

– Если так пойдет дальше, – отстраненно сказал Секстилий, – мечта захватить богатую добычу в прах разобьется о камни этой враждебной страны.

– Секстилий, что за панические настроения? Ты предрекаешь, что не видать мне почетного прозвища «Армянский»?

С сумасшедшими глазами самый исполнительный легат проговорил:

– Император, у меня дурное предчувствие, ощущение предстоящей беды...

– Секстилий, догадки, предчувствия, навязчивые состояния... Все это из области обманчивых суждений и мистики.

Тебе что-то померещилось.

Лукулл по-отчески уговаривал легатов сконцентрироваться, научиться влиять на реальность, не следовать в плену ошибок и заблуждений. А чтобы укрепить их решимость, он приказал секретарю, вызвать из Понта легионы Сорнатия. Они должны оставить Понтийское царство и присоединиться к армии в районе Арташата, выдвигаясь к городу с севера. Еще он немедленно отправит письмо наместнику Киликии Марцию с просьбой выслать легион в помощь. Солдат же было решено вдохновить деньгами: выдать всем дополнительное вознаграждение за горные условия.

Войска Тиграна II также прошли Армянский Тавр, только по другому проходу в горах – перевалу Зорапаак – и разместили свои лагеря в складках гор и холмов, незаметно наблюдая за противником. В шатре царя Тиграна собрались приближенные выработать план дальнейших действий.

– Они убивают наших жителей и грабят страну, хотят превратить ее в рабскую провинцию, – говорил Гурас. – Жители горных районов стали настоящими мстителями.

– Тактика ведения горной войны себя оправдывает, – высказал мнение Мамиконян.

– Враг, конечно, силен, но наш народ тоже непрост. Он стойко переносит удары судьбы, – произнес Тигран.

– Народному горю – народный гнев! – воскликнул Гурас.

– Самобытность нашего народа и его патриотизм столь

сильны, что на защиту родины готов встать каждый, – произнес Айказ.

– Опора армян – земля, язык и религия, – сказал Евсей. – Мы привязаны к своей земле множеством уз. Римляне крупно просчитались, напав на твое царство, государь.

Артавазд обратился к царю:

– Государь, предлагаю продолжать взятую на вооружение тактику: внезапными нападениями конницы обессиливать врага.

– Поддерживаю! – утвердил план Тигран.

Царь вполне удовлетворен ходом боевых действий: римляне несут ощутимые потери. Пусть углубляются и дальше на территорию страны, их ждут новые сюрпризы, а снабжение войск ухудшится.

Римский отряд – тридцать всадников и два десятка повозок, – проводящий реквизицию продовольствия, – внезапно появился в деревне Бостакенд. Людей и скота в деревне почти не осталось – переправились на правый берег реки Арацани, – но остались старики. Одного из них вытащили из крестьянского дома и притащили к снабженцу, толстому римлянину в доспехах и шлеме. Тот сказал:

– Деревня довольно большая, здесь можно пожить. Старик, где пшеница?

Старик молчал, не понимая, чего от него хотят.

– Эй, переводчик, спроси, где пшеница!

Наконец старик указал:

– Там, в амбаре на краю деревни.

Толстяк оттолкнул старика, тот упал, а римские солдаты уверенным шагом пошли к амбару. Внутрь вошли человек десять, но никто не вышел. Снабженец забеспокоился. Всадники окружили амбар. Спешившись, снабженец осторожно приоткрыл дверь строения и заглянул в темное помещение. Из-за мучной пыли ничего не было видно. Распахнув широко дверь, он вошел и остолбенел. Через дыры в крыше в амбар сквозь пыльный воздух пробивались лучи света, падая на окровавленные тела римских солдат. Все десять человек лежали на полу с проломанными черепами, а на веревках со скрипом качалось толстое бревно.

– Тревога! – закричал перепуганный снабженец.

Не успел он подбежать к лошади, как в него и его людей полетели стрелы, колья и камни. Народные борцы (мстители), выскочив из укрытий, беспощадно уничтожали врага. С римским отрядом было покончено. В этот день в расположение римских войск не вернулось два отряда из трех.

Лукулл впал в ярость:

– Он угрожает нам то с фронта, то с тыла, уничтожает отряды снабжения! Это ему не поможет! Мои доблестные солдаты перенесут любые лишения и трудности, они не ропщут. Поход будет продолжен!

В его палатке находился Полигистор, мудрец, чьи советы Лукулл очень ценил. Полигистор, хорошо образованный че-

ловец, иудей по происхождению, являлся известным греческим ученым-историком на службе у Лукулла.

Дождавшись, когда Лукулл немного остынет, он сказал:

– Лициний, твое войско подвергается постоянным нападениям армянской конницы. На пути к Арташату все деревни обезлюдили, в амбарах и хранилищах нет ни зерна, ни вина.

– Я сожгу все деревни, разорю его страну...

– Лициний, Тигран применяет новую тактику. Он изматывает, нападает и исчезает. На нашем маршруте он знает все скалы...

Лукулл негодовал:

– Его действия – отрицание общепринятой стратегии!

Полигистор напомнил:

– Не обязательно придерживаться раз и навсегда заведенной стратегии, чтобы слыть всемогущим.

Лукулл презрительно скривил губы:

– Римский легион, Полигистор, единый организм, его не так просто разрушить, а наша стратегия отработана веками. Тигран не понимает, с кем связался.

Как бы невзначай мудрец напомнил:

– Многих великих полководцев привели к поражению стратегические просчеты...

Свидетельства его были убедительны. Римскую армию во главе с консулом Варроном при Каннах разбил Ганнибал, консул Сципион разбил Ганнибала при Заме, а самого Сци-

пиона в Риме погубил сенатор Катон, обвинив в измене и казнокрадстве. Безупречная стратегия бесполезна там, где поведение других не поддается разуму.

– Что ты хочешь этим сказать? – Лукулл с досадой смотрел на собеседника.

– Он хочет измотать тебя, сохраняя силы для длительной борьбы, – сказал Полигистор.

– Мне нужен решительный бой, чтобы сокрушить противника.

Полигистор, не глядя в глаза Лукуллу, мягко сказал:

– Твои солдаты не отличаются послушанием, идут за тобой неохотно, открыто выражают недовольство.

– И что ты предлагаешь?

– Лициний, тяжелый и бесплодный поход. Мы несем большие потери, не вступив в бой. Скоро твой путь пройдет мимо горы Арарат, а эта гора для армян священна, центр мира, дом их богов...

– Я не признаю чужих богов.

Полигистор, как бы проявляя заботу и соучастие, доброжелательно сказал:

– Гнев богов, чужие они или свои, может развеять по ветру жизнь и мечты. Лициний, поверни обратно, захвати какой-нибудь богатый южный город, и все будут довольны.

Лукулл взглянул на золотую статуэтку грифона, терзающего волчицу и упрямо сказал:

– Геродот писал, что грифоны – это собаки Зевса. Они

охраняют золотые сокровища и являются символами тайны.

– Они же символ высокомерия, – Полигистор удивленно смотрел на командующего. – Александр Македонский на грифоне пытался подняться до небес, но был низвергнут...

– Эта золотая статуэтка – послание Митридата, – произнес Лукулл. – Грифон стремится уничтожить мою страну. Кто, как не я, должен встать на ее защиту и сохранить раз и навсегда заведенный порядок: аристократии – роскошь, плебсу – хлеба и зрелищ! Кто, как не я, защитит устои республиканского строя!

– Лициний, – Полигистор заговорил взволнованно, – я знаю, ты рьяный защитник Римской республики, но ее положение неустойчиво, дела идут неважно во всех провинциях, из которых Рим получает ресурсы. Начались проблемы в Испании, готовятся карательные походы в Германию и Британию, поднимают голову галльские племена. Здесь, на Востоке, есть некая стабильность благодаря Тиграну. Весь Восток признал его царем царей, и только поэтому Риму не грозит опасность с востока.

С кривой усмешкой Лукулл проронил:

– Полигистор, я рискну. Тигран – это тайное знание, это невероятные богатства, это связь с богами, он грифон, если хочешь... Я выиграю эту войну, даже если благоразумие говорит об обратном.

– Лициний, не забывай, что грифон, согласно мифам, вращает колесо судьбы, – тихо сказал Полигистор. – Никто не

знает, что там, за поворотом.

Римское войско упрямо продвигалось в глубь территории Армении. Пройдя Мушскую долину, оно вступило в Арацанскую. Река Арацани берет начало близ горы Арарат и протекает по узкой длинной долине Армянского нагорья. Сначала река, бурля и пенясь, отвесным потоком низвергается вниз, затем устремляется в русло и течет спокойно, но уровень воды в верховьях невысокий, и только потом, ниже по течению, становится полноводной, несет воды величаво и степенно.

Дорога пролегла по левому берегу реки, вверх по течению. Спокойным водам реки римляне не доверяли, однако всех вновь вдохновляло великолепие природы: буйно цвела растительность, шумели реликтовые леса, вокруг простирались изумрудные луга, начинали золотиться поля пшеницы и овса, возвышались грозные горы и пологие холмы, в глубоких ущельях рыскала дичь, а погода была прекрасной. Римляне, расслабившись, шли легко, но строго соблюдая строй и порядок. В левой руке каждого солдата, как и положено легионеру, шест для переноски поклажи, в правой – пика или копье, на груди закреплен шлем, на плече – зачехленный кожаным чехлом щит. Орлы легионов гордо указывали место каждой маршевой колонны, законосцы несли символы когорт, вспомогательных войск и конницы, и казалось, к армии Лукулла вновь вернулись уверенность и оптимизм.

Неожиданно просвистела стрела, вонзившись в рослого

воина из первого легиона, его товарищи с удивлением смотрели, как он падет на землю, а потом в них полетели стрелы и камни. Из лесной чащи начался обстрел римской колонны из луков и пращей одновременно с обеих сторон узкой дороги. Трубы заиграли сигнал тревоги, командиры отдавали команды, солдаты занимали боевой порядок. Пехотинцы из отборных когорт, составлявшие охрану полководца, взяли Лукулла под защиту, прикрыв его щитами и выставив вперед копьа.

Войска, растянувшиеся на марше на большое расстояние, отбивались и защищались. Воины схватились за короткие мечи, но меч удобен только в близком бою, а с невидимым врагом бесполезен. Покинуть строй никто даже не думал: трусость каралась смертью. Легионеры, закрывшись щитами, выставили вперед пики и копьа, ожидая нападения, но его не случилось.

Внезапно из чащи вылетели небольшие конные отряды армян, которые атаковали римских всадников с флангов, нанеся урон и расстроив колонну, и тут же скрылись. Тяжело пришлось авангарду, арьергарду, легионам в центре, всему тылу римлян. Много повозок и метательных машин сожгли, выючных животных кто-то погнал на стоящие впереди подразделения, раненые вопили, убитых считали на десятки. Армяне, перебив сотню солдат и офицеров, уничтожив треть провианта, исчезли.

Нападения не прекращались и в последующие дни, заса-

ды буквально ежедневно ожидали римлян за каждым поворотом дороги. Армянская конница быстро перемещалась по знакомой местности, умело используя природные условия долины, появляясь из самых неожиданных мест: диких ущелий, горных теснин, лесных чащ. Боеспособность римского войска падала.

Вечером, разбив лагерь после дневного перехода, стараясь не попадаться на глаза командиру, у костра обменяться мнением собрались легаты. Публий Клодий возмутился:

– Четверть моего легиона небоеспособна, если так пойдет дальше, мы все погибнем в этой долине.

– Публий, – говорил его брат Аппиус, – участь Арташата – быть разграбленным и разрушенным. Ты же отправил в Рим жене целую повозку золотых и серебряных вещей из Тигра-накерта. Из Арташата отправишь две.

Секстилий потерял веру в победу:

– Снабжение продовольствием расстроено, мои солдаты несут лишения, я похоронил треть легиона. Может быть, теперь он остановится!

Мурена попытался хоть как-то оправдать безрассудные действия проконсула:

– Путь, несомненно, сопряжен со множеством опасностей, но мы же воины и должны выполнять приказ. Вступить в сражение, не переместившись к месту боя, невозможно. Думаю, нужно идти...

Аппиус Клодий, не подчиняясь рассудку, изрек:

– Согласен. Воин идет в бой не ради борьбы, а ради победы.

Легаты разошлись, осознав, что Лукулл обезумел и ведет войско к ужасной катастрофе.

Глава 61. Упорство и безумие

Колонна римских войск, пройдя Арацанскую долину, подошла к месту, где дорога упиралась в реку. До Арташата всего шесть дневных переходов (один дневной переход двадцать пять километров). Предстояло переправиться на другой берег реки Арацани, чтобы продолжить путь. Здесь, в верховьях реки, уровень воды был настолько низким, что переправа на правый берег опасений у Лукулла не вызывала. Беспокоило одно. На противоположном берегу виднелся Арарат, от которого веяло зловещим предзнаменованием.

Испытывая чувство тревоги, Лукулл приказал остановить колонну.

– Ко мне жрецов и авгура!

Вскоре появились жрецы. Главнокомандующий потребовал:

– Принесите жертвы богам, чтобы привлечь удачу во время переправы! Скрупулезно соблюсти все обрядовые формальности. Мариус, благоприятный ли сегодня день для переправы?

Жрец-гадатель, авгур Мариус поклонился и провел над головой своим изогнутым жезлом литуусом две мысленные линии – одну с севера на юг, другую с востока на запад, потом в воздухе начертил прямоугольник. Посмотрел наверх и сказал:

– Ворона. Дурной вестник. – Посмотрел себе под ноги и оторопел. – Паук! Видеть паука днем – плохая примета.

– Пауки ползают, когда хотят, – нетерпеливо произнес Лукулл. – Что еще?

– Очень холодный ветер с востока, – продолжал Мариус.

– Холодный ветер героев не остановит!

– Одна белая лошадь... Это к несчастью.

– Какая еще белая лошадь? – раздраженно спросил Лукулл.

Авгур рукой показал на холм на противоположной стороне реки. Лукулл посмотрел в ту сторону, и его глаза медленно расширились. На холме верхом на белой лошади сидел армянский царь, за ним – нарядные всадники-цари и полководцы, а из-за холма выходила целая конная армия, выстраиваясь в боевой порядок.

Римское войско очутилось лицом к лицу с армянским. Вот оно противостояние, которого ждал Лукулл!

– Объявить тревогу, приготовиться к бою! – скомандовал воодушевленный император.

Все пришло в движение. Трубачи подавали сигналы, армия приготавливалась к бою, центурионы строили солдат в несколько боевых линий. Щиты расчехлены, доспехи наде- ты, легкие пилумы для метания и мечи для ближнего боя наготове – все как обычно, все как положено по законам военной науки, надежной и проверенной временем. Римская конница, выполняя маневр, прикрывала развертывание пе-

хоты.

А многочисленная армянская кавалерия уже выстроилась в несколько рядов по ширине всей долины и терпеливо ждала. Лукулл, вглядываясь вдаль, силился понять, как Тигран построил войска для сражения, но, не видя главных сил, озирался и сетовал:

– Ни одного холмика рядом, ни одной возвышенности... Я не вижу, как армяне построили боевые порядки...

Пришлось опираться на свой богатый опыт, пытаюсь разгадать замысел армянского царя. Но, в любом случае, упустить такую возможность провести генеральное сражение он не мог.

– Легатов и начальника конницы ко мне! – приказал он.

Прискакали полководцы в доспехах. На каждом плащ – темно-красный у легатов, темно-синий у кавалериста, – все полны решимости сражаться. Лукулл, ощущая небывалый прилив энергии, отдал приказ:

– Битва за Арташат, здесь и сейчас! Легионы переправить через реку и выстроить в боевые порядки на правом берегу, каждый в три линии! Наступление начать по сигналу!

Приказ ясен: легион выставлял в первую линию четыре когорты, во вторую три и в третью тоже три. Предстояло столкновение двух армий с задачей поколебать ряды противника и принудить его к отступлению. Главное – подступить вплотную к пехоте противной стороны, хоть и придется переместиться до неприятеля куда-то вглубь долины.

Лукулл распорядился всю конницу сосредоточить перед первой линией легионов. Атаку начать по сигналу. Тяжелой коннице нанести удар в центре, смять кавалерию противника и пробить брешь в колонне пехоты. Легкой коннице после стрельбы из луков уйти на левый фланг, бросив часть сил на захват в плен армянского царя. Начальнику конницы было особо указано на белую лошадь со всадником с белой повязкой на голове и красном плаще. Это царь, его нужно взять живым!

Конница Тиграна была многочисленнее, но Лукулл, отводя коннице вспомогательную роль, предполагал выиграть бой за счет пехоты – мощных и проверенных в бою легионов. Он искренне верил в свою звезду. Его кавалерия, преодолев брод, понесется навстречу любой опасности и прорвет боевую линию неприятеля. Скакать в плотном строю, обстреливать армян из луков, в ближнем бою разить копьем, рубить мечом, атаковать зубами и копытами, чему обучены римские лошади.

С высоты холма царь Тигран наблюдал за перестроениями римлян. Он обратился к своему брату Гурасу:

– Крупные отряды войск вредят мобильности, поэтому я разделил конницу на небольшие отряды, организовав обучение, и теперь каждый отряд может действовать самостоятельно.

– Государь, это новая тактика!

– Да, и она дала положительные результаты. Наша армия не столь многочисленна, как при Тигранакерте, но лучше обучена. В борьбе с римлянами мы набрались опыта.

– Наступает критический момент, – заметил Гурас.

– Да, борьба предстоит напряженная, – сказал Тигран.

Царь Атропатены Дарий пошутил:

– У нас нет боевых слонов, как у Ганнибала в Италии, и войско разношерстное, зато, при желании, мы можем оседлать тигра.

Царь Коммагены Антиох I произнес:

– Парфяне, как и ожидалось, не пришли на помощь Лукуллу.

Тигран спокойно сказал:

– В схватку между двумя державами Фраат предпочел не вмешиваться.

Царь Адиабены Монобаз воскликнул:

– Боги сегодня нас вознаградят!

За суматохой в стане римлян насмешливо наблюдал Тигран:

– Копшатся, как тараканы... Мою волю к борьбе не сломить. Провозглашаю непримиримость к врагу и сегодня, и до тех пор, пока не изгоним его с армянской земли!

Переправились вброд реку. Прозвучал сигнал римской трубы, и кавалерия Лукулла ринулась в бой. Впереди легкая конница (лучники), за ней всадники из тяжелой конницы,

все в панцирях с поножами, со стрелами на правом боку, мечом на левом, копьём в руке и щитом, пристегнутым к плечу. Навстречу двинулась армянская конница. Римские легкие всадники пустили стрелы, армяне закрылись щитами, легкая римская конница развернулась и уступила место тяжелой, и та врезалась в строй армянских всадников. Началась рубка, армяне отступили, римляне, скача во весь опор, преследовали отступающего неприятеля и так увлеклись, что строй их нарушился, растянулся на большое расстояние, став легкой мишенью для армянских стрелков. Уходя от преследования, армяне оборачивались и стреляли на ходу, поражая врага стрелами. Конница Тиграна, используя проверенный прием – симуляцию бегства, – уводила тяжелую кавалерию римлян за собой.

Римская пехота, соблюдая равнение, оцетинившись оружием (дружно метнуть пилумы, напасть на во врага с мечами!) двигалась быстро. Большой отряд римских всадников поскакал к холму, чтобы пленить армянского царя, но был окружен и уничтожен появившимся из-за засады отрядом охраны.

Лукулл осознал, что его всадники несут тяжелые потери. Его вдруг пронзила мысль: армяне, отступая, притворялись, и вообще, вся операция Тиграна – военная хитрость, пехоты противника нет, римская армия сражается с тенью.

Он сдавленно проговорил:

– Они симулируют бегство... Нас провели... Подать сиг-

нал к отступлению!

Но ничего сделать было уже нельзя.

Царь Тигран, удовлетворенный тем, что все идет по плану, приказал:

– Нанести удар по флангам римской конницы, смять и уничтожить ее!

Армянские трубачи трижды подали сигнал, и кавалерия Тиграна, охватывая фланги римлян, завершила окружение. Боевой порядок римской конницы окончательно расстроился, поскольку атаки следовали с флангов и тыла. Армяне били копьем и мечом, сбрасывали римских всадников с лошадей, давили конями, превращая их в кровавое месиво. Большая часть конницы противника была уничтожена, ее некоторая часть обратилась в бегство, но потери римлян были огромными: кавалерия Лукулла перестала существовать. Армяне преследовали остатки врага, пока не прозвучал сигнал к отступлению. Тигран, усмехаясь, покидал холм, его конница скакала прочь с места боя, растворяясь в складках местности. Битва при Арташате выиграна армянами.

Потрясенный Лукулл безмолвно смотрел на безрадостную картину разгрома, понимая, что его собственная оплошность привела к поражению и следующего генерального сражения не будет. Римская пехота лишилась не только победы, но и поддержки кавалерии навсегда. На униженных римлян взирал холодный и грозный Арарат, а священная для армян река Арацани, свидетельница тайн прошлого, продол-

жала спокойно нести чистые, искрящиеся на солнце воды, как бы давая знать, что еще много необычного в армянской истории произойдет на ее берегах в будущем.

К Лукуллу подскакал Мурена:

– Лициний, мы понесли большие потери. Предлагаю остановиться и решить судьбу кампании.

Лукулл обезумевшими глазами смотрел на него. Потом проговорил:

– Нет, армянский Карфаген ждет нас.

С упорством, достойным лучшего применения, проконсул стоял на своем. Тяжелый и бесплодный поход продолжился. Через два дня после битвы у Арацани, ночью, в укрепленном лагере, в своей палатке Лукулл размышлял о превратностях судьбы.

– Вызвать ко мне летописца Антиоха!

Пришел Антиох, философ, писавший биографию Лукулла и летопись похода. В палатке горели масляные светильники, было тихо и холодно. В атмосфере полумрака худое лицо командующего выглядело изнуренным и надломленным. Лукулл усадил летописца за стол и приказал:

– Пиши!..

Он диктовал, а безропотный Антиох записывал, иногда поглядывая на потерявшего голову военачальника из плебейского рода, понимая, что бесполезный труд философа превратится в постыдный фарс.

«Когда Лукулл увидел перед собой войско Тиграна по ту сторону реки Арацани, он принес жертвы богам, затем переправился через реку и начал битву. Прежде чем дошло до рукопашной, армяне, не выдержав даже боевого клика римлян, обратились в бегство. Противник снова потерпел страшное поражение. Римские солдаты преследовали беглецов в продолжение всей ночи, пока они не устали от бойни и не потеряли охоты брать пленных. Были взяты в плен лица именитые, осталось только переловить некоторых азиатских владык, убежавших, словно звери, в пустыню и непроходимые леса...»

Утром римские солдаты, проснувшись и выйдя из палаток, увидели снег. Кружились и плавно падали снежинки; земля, палатки, повозки и метательные машины под снегом приобрели необычные очертания. Лукулл еще отдыхал, когда в его палатку вошел секретарь:

– Проконсул, есть новость: выпал снег!

– Не может быть! – удивился Лукулл. – В это время?

– Да, проконсул!

Одевшись, Лукулл вышел из палатки и, увидев, что землю накрыло белое покрывало, с досадой заметил:

– Тигран ухитрился даже снег наслать на мою армию, чтобы не дать мне насладиться триумфом победы.

Он взглянул на гору Арарат, очертания которой с трудом угадывались сквозь низкую облачность, поежился и, подумав о превратностях судьбы, развернулся и зашел в палатку.

Вскоре его потревожил помощник:

– Проконсул, прибыл отряд из двадцати всадников от Сорнатия. Они шли к нам из понтийского Трапезунта через Карин.

Командующий воодушевился:

– О, город Трапезунт упоминается в «Анабасисе» Ксенофонта как конечный пункт отступления греков-наемников к Черному морю! Какие новости?

– Полагаю, новости тебе не понравятся. Войска Сорнатия не придут. Легата Фабию с его легионом разбил Митридат, а солдаты Сорнатия отказались от похода и требуют отпуска, давно им обещанного. Сорнатий ждет подкрепление – легион под командованием Триария.

– Как все не складывается! – с досадой сказал Лукулл. – Ты ждешь удачного дня, а в дверь стучится невезение.

Вошел секретарь:

– Проконсул, ты посылаю к наместнику Киликии Марцию за помощью. Он отказал.

Удрученный, Лукулл сел в кресло и посмотрел на своих подчиненных:

– Когда дела не ладятся, кто-то думает с надеждой о будущем, а кто-то, как я, готовится к худшему.

В заснеженном лагере Публия Клодия к палатке легата подошла солдатская делегация, поодаль от нее встали офицеры – трибуны и префекты. Получив доклад охраны, Клодий

вышел из палатки, осмотрел публику и понял, что его ждет непростой разговор: в его легионе бунт. Почти вся делегация состояла из фимбрианцев, старых солдат, служивших еще при легате-бунтаре Флавии Фимбрии. Тем не менее Клодий спокойно сказал:

– Я вижу опытных воинов, которые служили под командованием легата Фимбрии на первой войне с Митридатом. Что скажете?

Самый наглый из солдат Нумерий произнес:

– Легат, это так. Раньше мы служили у Фимбрии, но старое забыто. Нас выбрало солдатское собрание, чтобы встретиться с тобой и донести требования.

– Понимаю, – Клодий говорил как можно спокойнее. – Собрание выбрало воинов, имеющих опыт бунта против своих начальников.

Легат Фимбрия в ходе похода подговорил солдат убить командующего Флакка и выбрать полководцем его самого. Солдаты так и сделали, а потом, когда Фимбрия им надоел, они променяли его на Суллу. Фимбрия покончил с собой.

– Легат, старое забыто, – Нумерий злобно смотрел на Клодия. – Солдаты не хотят идти дальше.

– И чем же вы объясняете свое нежелание? – настороженно спросил легат.

– Нас принуждают идти дальше, а впереди неизвестность, – сказал другой солдат.

Третий выкрикнул:

– Все легионы считают, что пропадут в этой дикой стране.

Надо остановиться.

– О, вы уже говорите от имени всех легионов? – Клодий старался не показывать волнение.

– В этом походе нам ничего не досталось, только идем за повозками командующего, набитыми золотом.

Нумерий, сделав злое выражение лица, прохрипел:

– Разведчики рассказали, что впереди снова горы, ущелья и перевалы, а гора армянских богов Арарат непредсказуема и внушает страх.

Послышались голоса:

– Солдаты Помпея давно сидят дома с женами и детьми...
Весь легион отказывается идти дальше... Легат, поворачивай назад!..

Публий Клодий был в немилости у Лукулла и чувствовал себя обойденным. Слушая солдат, он думал, что и ему самому надоело жить в поле, и желал прекратить поход.

Он сказал:

– Согласен. Нужно сберечь оставшиеся силы. Как друг солдат, я не вижу другого выхода, как повернуть назад. Обещаю передать главнокомандующему ваши требования.

В палатку главнокомандующего вбежал его помощник:

– Мятеж!

– Не понимаю, – Лукулл поднял бровь.

– Войско взбунтовалось!

– Чей легион?

– Публия Клодия. Но волнения охватили все легионы.

– Легатов и Полигистора ко мне!

В легионах нарастали волнения, готовые перерасти в открытый бунт. Как только в шатре командующего собрались вызванные офицеры, Лукулл сказал:

– Если для вас, легатов, честь и достоинство что-то значит, вы будете действовать по приказу командующего и повиноваться ему во всем! Не медлите в вопросе дисциплины и, наводя порядок, без колебаний примените суровые меры!

Все молчали. Публий Клодий вскипел и с вызовом сказал:

– Лициний, войско решительно отказывается идти дальше и требует возвращения!

Лукулл презрительно на него посмотрел:

– Народ Рима предпочитает победителей.

– Император, – вмешался Мурена, – слишком велики потери.

Глаза у Лукулла блестели:

– Мы не должны говорить о позорном поражении.

Вконец сбитый с толку Секстилий воскликнул:

– Солдаты недовольны, так как походу не видно конца. Ты нас гоняешь по горным дорогам и козьим тропам, на наши головы падают камни и лед...

Лукулл не сдавался:

– Впереди богатейший город Азии Арташат, и мы возьмем его! Осталось всего четыре дневных перехода.

Публий Клодий проронил:

– Солдаты не хотят подчиняться.

Лукулл вскричал:

– Ты, Клодий, заносчивый и самонадеянный, не способен усмирить кучку непокорных солдат!!

– А тебя ни во что не ставит собственное войско!! – выпалил Публий, которому раньше все сходило с рук как брату жены Лукулла.

– Я восстановлю дисциплину суровыми мерами! – уверенно сказал Лукулл.

– Император, война принимает затяжной характер... – пытался донести истину Аппиус Клодий, но Лукулл его перебил:

– Мои солдаты, закаленные и воинственные, горячие и необузданные, не могут роптать на своего командующего, который думает о каждом из них. Моя главная цель – обогащение моих воинов!

Посыпались обвинения. В походе Лукулл не разрешал своим горячим солдатам обогащаться, у них нет денег, они больше не хотят переносить суровые тяготы войны. Потерь в походе больше, чем в крупном сражении. В легионах много раненых, продовольствия не хватает, войско изнурено и обессилено, у солдат упадок духа...

Публий Клодий потребовал:

– Ты должен признать, что поход неудачен.

Лукулл встал и пристально посмотрел на своих легатов:

– Мы прошли четыре пятых пути, до Арташата осталось всего ничего. Там нас ждут спасение от холодов и богатая добыча.

– Уверен, армянский царь готовит новые сюрпризы... – упадническим голосом проговорил Секстилий.

Все тревожно взглянули на него, понимая, что это правда. Горные дороги опасны, от войск осталась только половина, да и солдат уже невозможно удержать в повиновении.

Лукулл в бешенстве закричал:

– Я знаю, это все фимбрианцы!! У них лишь стремление к роскоши и жажда наживы, они подрывают боевой дух армии!

Публий Клодий с усмешкой произнес:

– Конечно, они строптивые и буйные, но храбрые и выносливые, обладают большим военным опытом.

Лукулл вдруг успокоился:

– Дерзкие воины опасны... Мне нужно подумать. Свободны!

Легаты ушли. Полигистор, встав из-за стола, подошел к Лукуллу:

– Наш поход породил у армян чувство мести, объединил нацию. Стало опасно.

– Ты полагаешь, что я должен отступить?

Мудрец, взвешивая слова, все доходчиво объяснил. На лицо моральное разложение войск, солдаты решительно отказываются шагать дальше и требуют возвращения домой, недовольны походом не только солдаты, но и офицеры, и от-

купщики налогов, и работорговцы... и сенат в Риме. Лукулл не извлек для себя из этой войны ни пользы, ни славы.

Проконсул истерически рассмеялся:

– Глупо и неразумно идти обратно, когда уже видна цель похода!

Полигистор спокойно отреагировал:

– Лициний, тебе нужно определиться.

– В войне, Полигистор, важен окончательный результат.

– Возможно, но сегодня, Лициний, тебе надо успокоить недовольных солдат. Попробуй склонить их сердца в свою сторону ласковым общением.

Подали лошадей, и командующий с советником поехали в расположение лагеря Публия Клодия. Лукулл никогда не умел, подобно Сулле или Помпею, ласково обращаться с солдатами. Их быт был простым, нравы грубыми, дисциплина суровой, они считали его гордецом, жестоким и бесчувственным, он держался в стороне от них и требовал строгого послушания.

У палатки легата Лукулл спешился, его обступила охрана, со всех сторон потянулись солдаты. Лукулл прокричал:

– Я пришел, чтобы поговорить с вами лично! Осталось несколько дней пути, и мы у цели. Мы возьмем Арташат, и вы получите теплые квартиры на всю зиму, много рабов, много провианта. Вас ждут несметные сокровища и слава победителей, мы заставим армянского царя подписать дого-

вор на наших условиях, и войне конец!

Из толпы раздались возгласы:

– Вода сделалась до того холодной, что стала непригодной для питья лошадям!

– Нам приходится жить в сырых палатках, стало холодно!

– Много раненых, продовольствия не хватает!

– Веди нас назад!

Лукулл, чувствуя, что не удастся овладеть массами, пытался говорить мягко:

– Я вас прошу потерпеть еще немного, мы уже близко...

– Веди нас в теплые края!

– Мы тоскуем по родине!

Лукулл, упрямый блюститель дисциплины, и раньше не мог завоевать любовь своих солдат, но теперь, почувствовав глухую стену непонимания, вышел из кольца охраны и, унижаясь, стал ходить от солдата к солдату, говоря:

– Потерпите, нас ждет богатая добыча, все будет хорошо...

Солдаты его не слышали и бурчали:

– Мы долго переносим трудности войны...

– Хотим на покой...

Лукулл подошел к старым воинам:

– Я всегда старался быть по отношению к вам гуманным и справедливым.

Один из бывалых достал свой пустой кошель и бросил к ногам Лукулла:

– Где мое вознаграждение? Все деревни на пути пусты, поживиться нечем.

Солдат Нумерий громко крикнул

– Законный срок службы у солдат из легиона Фимбрии истек! Отставка! Ты не можешь нам приказывать!

Фимбрианцы были в курсе постановления сената об их увольнении из армии по истечении срока службы, и Лукулл об этом знал. Нумерий развернулся и пошел к своей палатке, а проконсул, осознав, что солдаты наотрез отказываются следовать за ним, униженный и растерянный, со слезами на глазах, стоял посреди лагеря и смотрел, как солдаты равнодушно расходятся по палаткам, и думал: «Это конец!»

Вернувшись к себе, он сел в кресло и долго смотрел в пустоту. Его попытался вывести из состояния апатии Полигистор:

– Лициний, люди раздражены. Прими правильное решение.

Военачальник посмотрел на него:

– По Риму не разнесется радостная весть, что войска армянского царя разбиты, бронзовый орел победителя не будет украшен золотом и его не пронесут на триумфе в честь Лукулла. А как же тайны Востока, Дворец власти, Таблица судеб, магическое зеркало?..

– Лициний, вся мистика растаяла, как предрассветный туман в лучах восходящего солнца. Забудь, – произнес Полигистор.

– Я всеми покинут... – Лукулл горестно посмотрел на статуэтку грифона и позвал: – Секретарь!

Немедленно вошел трибун, его секретарь.

Лукулл приказал:

– Пусть солдатам раздадут деньги. Мы поворачиваем назад. Отправь донесение в Рим: «Армия Лукулла оставляет Армению и идет на помощь Триарию и Сорнатию».

– Верное решение, – невесело улыбнулся мудрец.

– Полигистор, займусь-ка я отправкой в Рим сокровищ, полученных в качестве трофеев на этой войне.

Римская армия двинулась назад по той же дороге, что и шла на Арташат. В спину ей дышал холодный Арарат, а фланги и тыл почти ежедневно теребили армянские всадники и мстители. Они истязали легионы, как коршуны, терзающие трупы павших животных. На пути уставшей армии лежали разоренные деревни, в них начисто отсутствовало продовольствие, но тяжелее всего солдатам Лукулла пришлось при переходе через Армянский Тавр из Мушской долины, когда фантазия армянских мстителей, перемещавшихся в горах неведомым образом, разыгралась не на шутку.

Поредевшая больше чем наполовину и деморализованная римская армия шла мимо разрушенного Тигранакерта. Лукулл и Мурена, поглядывая на развалины – плоды своих трудов, – молча ехали верхом рядом.

Наконец Мурена проговорил:

– Надеюсь, не доживу до тех времен, когда в Римской республике начнутся междоусобные войны.

Лукулл скривил рот:

– Сообщения из Рима неутешительные. Республика добилась всего, к чему она стремилась, и, боюсь, не выдержит тяжести собственной мощи.

– Жаль, что Рим не извлекает уроки из своей истории... Лициний, твои походы дали Риму несметные богатства...

Император хмыкнул. Он очень сомневался, что римский народ в полной мере оценит его вклад в величие Рима. Ну да ладно. Он построит на одном из холмов столицы великолепный сад, как у Тиграна, и станет родоначальником садового искусства в Риме. Собираясь привить римской знати новое отношение к жизни – роскошь, изысканность и утонченность, – он был уверен: история его запомнит.

К ним на лошади подскакал начальник разведки:

– Император, в двух переходах отсюда город Нисибис!

Нисибис, большой и хорошо укрепленный город в месопотамской Мигдонии, лежал в плодородной долине за рекой Тигр. Его и всю Мигдонию давно завоевал царь Тигран II, позволив мигдонам развиваться и процветать, и народ высокой культуры добился прогресса во многих областях экономики и культуры.

У Лукулла загорелись глаза:

– Вот что нам нужно! Мигдоны богаты. Я захвачу Нисибис, он станет нашими зимними квартирами... – Глаза заго-

релись: – Я вновь завоюю расположение армии!

– Император, – сказал опешивший разведчик, – эту крепость люди называют «Оплот Востока».

Лукулл язвительно скривил усмешку:

– Мои люди так озверели, что любая нерушимая крепость падет при первом же натиске. Вперед на Нисибис!

Глава 62. Свобода или смерть

Митридат лежал на кровати с перевязанным коленом и царапиной под левым глазом. Освобождая свое царство от римлян, он с ходу атаковал войско легата Марка Фабии Адриана и в двухдневном сражении нанес ему поражение. Легион Фабии бежал с поля боя, и римлян спасло от окончательного разгрома только ранение царя. Камень от пращи попал ему в колено, а стрела оцарапала лицо.

Гипсикратия не отходила от мужа ни на минуту.

– Мой Дионис, выпей этот настой трав, – говорила она, – он придаст тебе сил.

Царь покорно пил из ее рук любые настойки, улыбаясь ей и любуясь взволнованной женой.

– Дорогая, мне уже лучше. Тимофей и этот скифский лекарь знают свое дело, они сказали, что вскоре я смогу ходить.

Его войска в ожидании, когда их любимец поведет их в бой освобождать города и селения Понта, стояли лагерем у крепости Команы, где лечили раненого Митридата.

– Мой народ, милая Гипсикратия, встречает меня как героя. Это вдохновляет.

– Ты слаб, тебе нужно восстановить здоровье, – ласково сказала она.

– У меня сейчас восемь тысяч всадников, из них четыре тысячи армяне и еще столько же собрано со всей Малой

Азии. Нужно идти дальше, освобождать царство...

– Но ты ранен...

Конечно он ранен, ведь у него нет больше оберега – древнего талисмана Мардука, защищавшего от всевозможных невзгод и несчастий. Теперь понтиец жалел, что отдал талисман Тиграну. Но скифский целитель из племени агаров, знающий секреты врачевания, дал ему змеиный яд, а такое лечение даже мертвого на ноги поставит. Желая поговорить о делах, он позвал Олфак, вождя скифского племени дандариив, своего лучшего полководца, полностью оправдывающего свое имя – сверхбыстрый по-скифски. Римский легат Фабий хотел блокировать доступ войск Митридата в царство, а Олфак, прекрасно проявив себя в бою, погнал его легион прочь с такой скоростью, что основные понтийские силы еле поспевали за противником. Римляне, вифинцы и галаты полегли в том бою в большом количестве, сам Фабий с остатками войска заперся в крепости Кабира.

Скиф вошел в покои царя.

– Олфак, рад тебя видеть! – воскликнул Митридат.

– Да, мой государь, Как ты? Все опечалены, узнав о твоём ранении.

– Передай воинам, что все в порядке, через несколько дней я снова сяду в седло, – храбрился Митридат.

– Чтобы сокрушить тебя, – сказал Олфак, – легат Фабий вооружил даже рабов, дав им свободу. Он не учел одного: рабы так тебя любят, что толпами перешли на нашу сторону.

– Ха, я так и знал! – вскричал довольный царь.

История помнит, как отец Фабии, когда-то воевавший в Африке, тоже освободил и вооружил рабов, так сильно прижал его противник. Потом римские работорговцы сожгли легата заживо.

Олфак докладывал:

– Я формирую новые отряды из добровольцев и вооружаю их трофейным оружием.

– Верно, – сказал Митридат. – Лукулл теряет контроль над ходом войны. Его легионы в Армении расстроены и побиты Тиграном, а те, что сторожат Понтийское царство, слабы и неопытны.

– Государь, наш лазутчик побывал в крепости Дадасы. Ему есть что сказать.

В комнату, озираясь, вошел понтиец, но, увидев самого Митридата, в испуге встал на колени.

– Подойди поближе, говори, что узнал, – милостиво сказал Митридат.

– Государь, – начал лазутчик, приблизившись к царю, – я тайными ходами проник в крепость Дадасы (я служил в ней раньше), а теперь крепость держит римский гарнизон. Все залы и комнаты крепости завалены имуществом, золотом, серебром, статуями. Все, что римляне захватили в твоём царстве, они хранят там.

– Ладно, иди! Тебя наградят.

Когда лазутчик ушел, Митридат с воодушевлением вос-

кликнул:

– Олфак, болеть некогда! Разве я могу упустить такую возможность вернуть свои сокровища. Себе и своему народу. Идем на Дадасы!

– Государь, есть данные разведки: на помощь Фабии идет подкрепление – легион Триария.

– Вот как? Тем более нельзя болеть. Дай-ка мне карту! Подкрепление, говоришь? Прекрасно, мы его встретим.

Город Нисибин, осажденный римлянами, сопротивлялся недолго и пал через неделю. После грабежей и насилий, устроенных истосковавшимися по сражениям легионерами, все успокоилось, и в теплой безмятежности и блаженной неге солдаты расслабились и забыли прежние обиды. На большой вилле местного богача-мигдона Лукулл с досадой выслушивал известия о постепенном восстановлении Митридатом своей власти в Понте и с тревогой поглядывал на помощника. Тот, зачитав командующему донесение Фабии, возмутился:

– Они что там, совсем потеряли чувство ответственности?

– Спокойно, – сказал Лукулл. – Фабий Адриан никогда и не отличался высоким полководческим талантом. В семье Фабиев это наследственное. Меня удивляет другое: куда смотрит Сорнатий? Подготовь приказ о переподчинении Сорнатия и Фабии Триарию. Ему я доверяю больше.

В этот момент в зал, где Лукулл сидел за письменным сто-

лом, влетел секретарь:

– Проконсул, из Рима прибыл сенатор Катон и с ним десять человек.

Лукулл восторженно и немедленно поспешил на выход. На площади перед виллой он увидел сенатора. Тот был в тоге с широкой красной каймой, в обуви красного цвета, с золотым кольцом на пальце. Позади него стояли десять римских чиновников в белых тогах в окружении охраны – ликторов. Каждый ликтор держал пучок вязовых прутьев с воткнутой секирой, а пучки прутьев, как и положено, перетянуты красными шнурами. На площадь подтягивались префекты, трибуны, центурионы и солдаты Лукулла.

Сенатор Катон, лидер сенатского большинства, был человеком строгих нравов и ярким сторонником республиканских идей. Его строгое лицо говорило о готовности к жертвенности и даже смерти ради идеи.

– Приветствую тебя, проконсул Лукулл! – выкрикнул он.

– Приветствую тебя, сенатор Катон! – громко сказал Лукулл.

– Прими поздравления сената в связи с завоеванием Понтийского царства, – продолжал Катон, – и мои заверения, что сенатское большинство всегда будет поддерживать твои начинания во имя возвеличивания Римской республики!

– Во славу Рима! – громко и четко произнес Лукулл.

– Мы прибыли почтить твои победы. В соответствии с законом республики, я привез комиссию сената в количестве

десяти человек для устройства дел в Понте.

Лукулл вспомнил о давнишнем своем донесении в столицу, в котором писал, что с Митридатом покончено. Как некстати эта комиссия!

– Я полагаю, комиссии будет чем заняться, – неуверенно сказал он.

Вдруг раздался топот строевого шага, и на площадь вышла неполная когорта легионеров – развернутый строй глубиной восемь рядов, все в доспехах и с обнаженными мечами. Лукулл сразу понял, что солдаты устроили демонстрацию протеста и фарс, но молчал, так как сделать ничего не мог. А солдаты, нагоняя страху на невидимого противника, прокричали боевой клич, будто подбадривали идущих в бой воинов:

– *Vivat mortem!* (Да здравствует смерть! – *лат.*)

Громкий раскатистый рев пронесся над крепостью. Комиссия вздрогнула. Солдаты, помахав ради потехи мечами, двинулись строевым шагом с площади. Катон, старый друг Лукулла, обескураженный выходкой воинов, повернулся к нему в недоумении. Члены комиссии, ехавшие для окончательного устройства Понта, испуганно озирались и переглядывались.

– Сенатор Катон, прошу ко мне! – сказал Лукулл. – Членов комиссии разместят мои помощники.

Устроившись в креслах в одном из залов виллы, друзья молча смотрели друг на друга, потом Катон спросил:

– Лициний, что это было? Неужели знаменитым полководцем помыкают солдаты?

– Марк, сенат своим постановлением уволил их со службы, и они решили, что я больше не имею права им приказывать.

– Понтийское царство считают в Риме покоренной страной...

– Митридат вновь набирает силу.

– Понимаю, – сказал Катон. – В Риме думают, что страны Азии – легкая добыча и средство наживы. Но я-то знаю, что ты добился успеха благодаря собственному мужеству и искусству полководца.

С горечью в голосе Лукулл спросил:

– Число моих врагов в Риме множится?

– Твой враг в сенате – Гай Меммий. Он трубит, что ты специально затягиваешь войну, чтобы нажиться на ней, и настраивает народ против тебя.

– Кажется, Цицерон сказал: «Если мы хотим пользоваться миром, приходится сражаться»...

Катон оглядел зал. Дорогая мебель, картины и скульптура, застланные пурпурными тканями клинии, украшенные драгоценными камнями кубки и чаши. Он сказал:

– Ты падок на тщеславную роскошь.

– Марк, я коллекционирую картины, статуи, чаши, кубки, греческие книги. Надеюсь в будущем привить римской знати хороший вкус.

– Лициний, даже здесь, в Азии, ты, как и дома, склонен к роскоши в быту.

– Я люблю все красивое и необычное, – улыбнулся Лукулл.

Он разлил вино в необыкновенно красивые кубки, увезенные из Армении, и, полюбовавшись их блеском и игрой света, подал один сенатору. Тот отпил терпкое и в меру вяжущее вино, поднял бровь и одобряюще кивнул.

Он сказал:

– Понтийский царь Митридат, настолько деятельный и неуловимый, что, наверное, никогда не остановится.

Лукулл, отпив из кубка, невнятно проговорил:

– Я сейчас в том положении, когда осталось только философствовать.

Действительно, его солдаты не хотят воевать с Митридатом, а он, завершая войну, так и не поймал злодея. Однако Митридату не откажешь в дерзкой отваге и неукротимой энергии. Лукулл, как человек ортодоксальных взглядов, верил, что у Митридата нет полководческого таланта. Ведь в предыдущих двух войнах с Римом он терпел поражение. История упрямый механизм: все кровавые события повторяются снова и снова. Главная ошибка Митридата, по мнению проконсула, состояла в том, что он не превратил народы, нации и племена своей державы в единый организм с сильной центральной властью во главе. Итог закономерен. От понтийца отвернутся все, поскольку он не смог дать аристокра-

тии ни стабильности, ни доходов, ни чувства уверенности в возможностях. Дело времени: злодей рано или поздно будет повержен, а Римская республика постепенно подчинит своей власти все окружающие ее государства.

– Митридата ждет бесславная гибель, – сказал Лукулл.

– И это будет большой удачей для Рима, – восторженно воскликнул Катон.

– Марк, не обольщайся, если думаешь, что Рим – это навечно, – проговорил Лукулл. – Фундамент уже шатается. У нас, как и в державе Митридата, также много проблем.

– Да, Лициний. В дверь стучится военная диктатура, и кто станет диктатором – вот вопрос! Я как раз проделал весь путь к тебе ради этого вопроса, – заговорщически понизил голос Катон. – Ты самый известный полководец, рьяно отстаивающий республику. Нам нужна твоя поддержка.

– Находясь здесь, в Азии, я отчетливо увидел связи, определяющие ход развития истории, – произнес Лукулл. – Должен сказать, что, в отличие от Митридата, армянский царь Тигран может влиять на исторические процессы, и к нему прислушивается весь Восток. Например, если Риму грозит диктатура, то встанут вопросы: кого Тигран II примет в качестве диктатора? кому захочет подыграть? перед кем склонит голову? или он возглавит сопротивление, объединив вокруг себя всю Азию?

Катон с испугом выдохнул:

– Мы не можем допустить объединение азиатских стран

вокруг него!

– Конечно! – подтвердил Лукулл. – Разделяй и властвуй – максима римского сената.

Катон нервно поглядывал на друга:

– Вопросы, которые ты ставишь, заслуживают правильного ответа. Я вижу лишь настоящее, а ты, мой друг, заглядываешь в будущее. Вот Помпей не задается такими вопросами, он просто рвется на твое место, агитируя всех сместить тебя.

Лукулл усмехнулся:

– У нас с Помпеем неприязненные отношения. Сенат, как я полагаю, будет меня поддерживать, ведь ему нужна влиятельная оппозиция против слишком усилившегося Помпея.

– Да, большинство в сенате за тебя, но Помпей может провести решение через народное собрание.

– Вот как? Значит, мне оставаться в должности недолго?

– Возможно. Я прибыл на один день, чтобы поговорить о твоём политическом будущем. Тебе, Лициний, не помешает триумф, чтобы народ Рима увидел твой полководческий талант.

– Ты прав. Я завершаю свою войну. Устрой мне триумф, а я устрою грандиозное угощение гражданам Рима, чтобы меня запомнили надолго. Римляне любят такие пиршества.

Лукулл теперь знал: сенат возлагает на него большие надежды, рассчитывая найти в его лице человека, способного, опираясь на свою славу и влияние, дать отпор самовластно-

му Помпею. Катон смотрел на друга с надеждой. Что ж, проконсул готов возглавить борьбу лучших граждан Рима. Ему несвойственна неутомимая жажда славы и власти, но в борьбу за республиканский строй он вступит отважно.

Гай Триарий, молодой и амбициозный офицер, служил у Лукулла легатом и до поры до времени отвечал со своим легионом за порядок и спокойствие в римской провинции Азия и царстве Каппадокия. Получив приказ Лукулла идти на подкрепление Сорнатию и Фабии, он двинул свой легион по горной дороге на Кабиру выручать легата Фабия, засевшего в этой крепости. Сидеть в тылу Триарию было невыносимо, он жаждал лавров победителя, для чего разработал идеальный план – вместе с легионом Сорнатия и остатками легиона Фабии осадить понтийскую крепость Команы, взять ее и пленить самого Митридата. Чтобы воплотить честолюбивый план в действие, он заставлял свой легион двигаться почти без отдыха, делая усиленные дневные переходы.

На горной дороге его легион вдруг остановился: разведка донесла, что навстречу по той же дороге идет неприятель.

– Что? Войско Митридата идет мне навстречу? – не поверил Триарий.

– Легат, – сказал подскакавший на лошади начальник разведки, – это так. Его конница приближается!

Триарий огляделся. Его солдаты стоят на дороге, проложенной на горном плато, и здесь вполне можно развернуть-

ся в боевой порядок. Справа отвесные скалы, слева глубокое ущелье, правда, дул неприятный ветер... Что делать? Не поворачивать же назад!

– Он хочет боя, он его получит! – грозно рыкнул Триарий. – Подать сигнал «Приготовиться к бою»!

Трубачи заиграли. Хорошо обученный легион слаженно выполнил все маневры и занял боевой порядок, закрывшись с фронта щитами и выставив вперед копья. Из-за поворота показалась колонна противника. Ветер усилился. Митридат, злобно поглядывая на подготовившийся к бою римский легион, построил боевой порядок на том же плато, выставив вперед тяжелую конницу, чтобы с ходу пробить центр противника. Порыв ветра ударил в скалу, сверху посыпались мелкие камни. Закрывшись щитами, от них обезопасили себя римские солдаты. Лошади понтийской армии забеспокоились, нетерпеливо заржали, солдаты их успокаивали как могли, но одна лошадь понесла, и тут же ее всадник был поражен римским метательным копьем пилумом.

Напряжение нарастало, воины рвались в атаку. Прозвучали сигналы, раздалось бряцание оружием, под боевые кличи и выкрики командиров противники сошлись, но... как бы в замедленном движении, с трудом преодолевая сильный напор ветра. Его сила достигла чудовищной силы, вступить в бой не было возможности. Из рук нескольких солдат яростный ветер отнял и унес щиты, один римский воина полетел – подъемная сила, вырвав его из рядов легионеров вместе с

щитом, понесла бедолагу высоко в горы. Он летел, а солдаты, раскрыв рты, смотрели ему вслед, затем побросали щиты, и те, подхваченные потоком воздуха, закружились над местом сражения в вихре безудержного танца.

Ураганным ветром несколько легионеров снесло в ущелье, армянский всадник с лошадыо рухнули вниз, с обрыва падали оружие, повозки, выючные животные, а вверх летели шлемы и штандарты. Драться не было никакой возможности, и, когда оба военачальника это осознали, немедленно подали сигналы к отступлению.

– Боги мной недовольны! – сетовал Митридат.

– Я перед боем не принес жертву богам! – стонал Триарий.

Противники разошлись и, спасаясь от полного разгрома стихией, спрятались в горных складках. Сражения не состоялось.

Понтийские крепости Кабира, Газиура, Команы, Зела и Дадасы стояли на подступах к Амасии, одной из столиц Понтийского царства. Она раньше была резиденцией царей и главным сосредоточением мудрости государства, но сейчас в ней располагался римский гарнизон – легион Сорнатия. Город Амасия, возвышавшийся на левом берегу реки Ирис и известный как дом мыслителей, поэтов и писателей, был разграблен, но не разрушен, и его население, приняв римские порядки, жило новой, спокойной жизнью. А вот в крепостях, окружавших Амасию, среди невысоких гор и живо-

писных долин, тихих рек и топких болот, жизнь бурлила: одну крепость захватили римляне, другую войска Митридата, третья без конца переходила из рук в руки, четвертая захватывалась, освобождалась, оборонялась и разрушалась каждый день, и это соперничество в конце концов должно было неизбежно привести к кровавой развязке, наступление которой было вопросом времени. Маленькой крепости Зела удалось войти в мировую историю: у ее стен произошла знаменитая битва.

Фабий Адриан, считая крепость Кабира недостаточно укрепленной, вместе с остатками легиона, не дождавшись Триария, самовольно оставил ее и перебрался в недалеко расположенную крепость Евпатория. Гай Триарий, захватив плохо укрепленную крепость Газиура, мечтал в одночасье прославиться, обдумывая новый план битвы и пленения Митридата. Легат Сорнатий сидел со своими солдатами в Амасии, предаваясь любимому занятию – чтению книг, и пассивно ждал распоряжений от Триария, назначенного теперь старшим.

Была ночь, светила луна, река равнодушно катила свои воды мимо крепости Газиура, ночная стража со стены зорко следила за окрестностями, а легат Триарий сидел за картой и ломал голову, как разгромить Митридата. В комнату быстро вошел его помощник, военный трибун, с донесением:

– Легат, разведчики доносят, что Митридат осадил крепость Дадасы.

Триарий оживился:

– Та самая крепость, в которую свезли трофеи?

– Да, в ней много ценностей, готовых к отправке в Рим.

Ее гарнизон долго не устоит.

Честолюбивый Гай Валерий Триарий увидел новый шанс отличиться.

– Мы незаметно окружим войска понтийского царя, осадившего Дадасы, и, ударив сразу с трех сторон, добудем победу. Выступаем! Подготовь приказ Сорнатию и Фабию идти на Дадасы!

Весть о выступлении разнеслась по легиону Триария быстро, и солдаты, просидевшие в тылу всю войну, теперь рвались в бой, взволнованно передавая из уст в уста:

– Наше имущество, предназначенное для отправки в Италию, под угрозой. Выход один – дать сражение!

Легион двинулся к крепости Дадасы, с трудом удерживаемую небольшим римским гарнизоном. У крепости Зела римляне стали лагерем, туда же пришли легионы Сорнатия и Фабии. Разбив лагерь, все готовились к сражению.

Митридат, получив от своей разведки известие о скоплении противника в районе Зелы, распорядился:

– Олфак, оставить у крепости Дадасы сторожевой отряд пехоты и лучников, а войска готовить к бою!

– Понял, государь!

Ночь прошла спокойно, но с восходом солнца оба войска противников начали строиться в боевые порядки. На холме

высилась крепость Зела, под холмом, в долине, две мощные армии стояли напротив друг друга – по пятнадцать тысяч человек с каждой стороны.

Перед строем римлян на коне в красном плаще скакал Триарий:

– Мы и раньше наносили поражение войскам Митридата, и сегодня победим!

Легионеры в предвкушении легкой победы кричали:

– *Victoria aut morte!* (Победа или смерть! – *лат.*)

Перед строем понтийцев, армян и еще десятка наций Востока Митридат в пурпурном плаще, скача на коне, провозглашал:

– Я сам поведу вас в бой! Мы освободим свою землю! Свобода или смерть!

Армия в восторге кричала:

– Митридат! Митридат! Митридат!

Эхо боевого клича каждого из войск многократно отразилось от холмов и стен крепости, превратив слова о смерти в гулкий рев.

По сигналу трубы римляне пошли вперед, на врага, подбадривая себя боевым кличем и ускоряя шаг: врага опрокинуть, рубить, уничтожить. Пехота царя Митридата, состоящая из ветеранов войн, крестьянского ополчения и получивших свободу рабов, воодушевленная царем, бежала, готовая безжалостно разнести в клочья кого угодно. Две массы войск, как две снежные лавины в горах, неудержимо неслись

навстречу друг другу. Метнув пилумы, воины обнажили мечи и пошли в атаку.

Солдаты – римские и понтийские – со свирепыми лицами столкнулись, и началась рубка: они беспощадно резали, кромсали и уничтожали друг друга. Римские легионеры, не ожидавшие яростного напора разнородной пехоты Митридата, вдруг стали отходить, а когда Митридат ввел тяжелую армянскую конницу и нанес удар по левому флангу пехоты римлян, та обратилась в бегство. Таранный удар конницы, возглавляемый лично Митридатом, был такой силы, что буквально смел левый фланг римлян, состоящий из солдат легиона Фабии. Митридат с конницей преследовал бегущих римлян. Строй остальных легионов нарушился и распался. Не выдержав натиска понтийцев, солдаты Рима запаниковали и, бросая оружие, побежали. Битва превратилась в побоище, причем часть сил легиона Триария попала в болото, откуда уже никто не выбрался.

Митридат в пылу сражения, забыв осторожность, мчался впереди всех. Внезапно он почувствовал сильную боль: его ударили мечом в бедро. Теряя сознание, царь все еще стремительно летел на своем коне с копьем в руке, влекомый мыслью о победе, но силы оставили его, он медленно сполз с коня и упал на землю. Его обступили телохранители и солдаты, кто-то пытался остановить бежавшую из раны кровь, но Митридат уже ничего не слышал и не видел.

Бегство и гибель римлян продолжались, но вдруг пыл

борьбы угас, натиск понтийцев (у них возникло смятение) ослаб, и римляне, те, что остались в живых, получили возможность спастись. Они с завидной прытью неслись с поля боя мимо своего лагеря к спасительной крепости Газиура. Триарий попытался остановить паническое бегство легионов и организовать сопротивление:

– Стойте! Занять боевой порядок! За мной!

Тщетно. Выругавшись, он тоже поскакал в крепость.

Митридата, истекающего кровью, понесли в тыл, где его личный лекарь Тимофей и скифские целители делали все возможное, чтобы спасти ему жизнь. А палатку, где перевязывали царя, окружили понтийские воины в страхе за жизнь своего любимца. Уже в крепости Команы Митридат, мертвенно-бледный, пришел в себя и позвал скифа Олфака.

Гипсикратия, не отходившая от мужа, со слезами на глазах сказала:

– Митридат, любимый, Олфак пришел.

Царь открыл глаза и тихим голосом спросил:

– Ну что, мы их побили?

– Да, мой государь! Римляне понесли огромные потери: более семи тысяч человек.

– Хорошо.

– На поле остались лежать сто пятьдесят центурионов и двадцать четыре военных трибуна, – продолжал Олфак. – Наши потери в семь раз меньше. Лагерь римлян перешел в наши руки.

– Твои слова как бальзам на мою рану, – еле-еле сказал ослабевший Митридат. – Не убирайте тела римлян, пусть лежат на равнине в назидание Лукуллу.

– Да, мой государь!

– А трофейное оружие раздай рабам. Готовься к новому сражению. И еще. Надо бы сообщить Тиграну о моем ранении...

Он сказал это из последних сил и вновь потерял сознание.

Через несколько дней, когда все свыклись с мыслью, что Митридат умрет, из Великой Армении прибыла делегация – личный врач Тиграна Егия и телохранитель царя Гурген, держащий в руках предмет, накрытый шелковым платком. Егия, осмотрев незажившую рану, тут же приступил к ее обработке настоем трав, затем наложил «армянскую глину» и забинтовал. Царь Митридат глядел на лекаря благодарными глазами.

Егия сказал:

– Дорогой Митридат, ты выглядишь неважно, но ничего, все будет в порядке.

Губы Митридата зашевелились, его тут же обступили Гипсикратия, Тимофей и Олфак, но никто не понял, что он пытался сказать. Его глаза с нежностью смотрели на Гипсикратию, и в этом взгляде она прочитала безграничную любовь и всепоглощающую страсть, бушующую в сердце этого сильного человека.

Егия взял из рук Гургена предмет, снял шелковый платок,

и все увидели белую каменную чашу с крышкой. Ее стенки были настолько тонкие, что просвечивали насквозь, и было видно, как в чаше колыхается жидкость.

– Этот напиток придаст тебе сил, – сказал Егия. – Приподнимите голову царя!

Гипсикратия приподняла голову Митридата, и Егия, сняв крышку, поднес к его губам чашу с напитком. Он отпил глоток. Все, затаив дыхание, ждали. Лицо царя мертвенно-бледного цвета вдруг порозовело, приобрело нежный и мягкий блеск, его сморщенные губы разгладились, усталые глаза, излучая счастье, заблестели ...

Через три дня Митридат встал с кровати – казалось, и не болел вовсе. Рана на бедре зажила, к нему вернулись прежняя активность и самоуверенность, появилось желание действовать, сражаться и повелевать. Весть о выздоровлении Митридата разнеслась по всему Понту, заговорили о божественном исцелении и особом расположении богов к царю.

А в стане римлян нарастала паника. Триарий некоторое время прятался от разъяренных солдат в своей спальне, затем объявил о выдвигении остатков легионов в Эфес и Пергам. Лукулл, понимая, что потерял почти все достижения предыдущих годов войны и все надо начинать заново, испытал жестокое разочарование и с нескрываемым раздражением обвинял в бездарности своих легатов. Сенат Рима, получая тревожные донесения из Азии, проявлял недовольство и готовил очередное постановление.

Глава 63. Тираны мира

В Понтийском царстве у всех было праздничное настроение: удалось изгнать римских порабощителей. Митридат ходил по крепости Команы и отдавал распоряжения. Жена и лекарь Тимофей еле поспевали за ним.

– Дорогой, выпей настой шалфея, – просила Гипсикратия. – Лекарь Егия прописал тебе пить его каждый день.

– Конечно, любимая. Давай я выпью. А знаешь, шалфей – трава бессмертия.

Выпив настой, он последовал дальше, но тут ему доложили о прибытии мудреца Дорилая в качестве посла Тиграна. Раньше Дорилай был его советником, потом попал в плен к римлянам и теперь служил у армянского царя. Митридат насторожился, но сказал:

– Конечно, я приму его. Проводите Дорилая в мои покои.

Привели Дорилая. Седой старик, знаменитый философ, а теперь еще и дипломат, опустился перед царем на колени и сказал:

– Прости меня, государь.

– Ну-ну, Дорилай, встань. Я слышал о твоих приключениях, – Митридат был в хорошем расположении духа. – Ты побывал в плену у римлян, тебя держали в тюрьме, где наверняка выбивали мои секреты.

– Я стар, и сил сопротивляться могучему Риму у меня нет.

– Это неважно. Ты мудрец и всегда давал мне хорошие советы, я тебя ценю и уважаю. Мне сказали, что ты был у Тиграна и Фраата.

– Да, государь, – сказал Дорилай. – Тигран наделил меня особой миссией встретиться с царем Парфии Фраатом и с тобой. Тигран предлагает объединить под его началом все армии – твою, парфянскую и армянскую для борьбы с римским владычеством.

– Он и так царь царей. Почетного звания старшины царей ему мало, он хочет подчинить себе все царства, сделать Понт и Парфию своими вассалами?

– Государь, его помыслы бескорыстны, он заботится о благополучии других и думает об общем благе.

– Какой толк быть царем, если должен подчиняться другому царю? – ехидно ухмыльнулся Митридат.

– Соперничество трех великих царей Азии на руку только Риму, который по одиночке разобьет каждого и установит свою гегемонию.

– Дорилай, посуди сам, я веду войну с Римом почти тридцать лет, Рим считает меня главным врагом, он меня боится, трепещет при одном упоминании моего имени, а Тигран, столкнувшись с четырьмя римскими легионами у стен своей столицы, проиграл первый же бой и отдал Лукуллу столицу на разграбление. Так кто же должен быть во главе объединенных сил?

– Тигран предлагает разделить Малую Азию и Ближний

Восток между тремя царями и всем троим стать оплотом мира и твердыней Востока.

Митридата передернуло от такого предложения. Он знает себе цену и свою судьбу. Боги ведь сообщили свое решение через Таблицу судеб. Да, после ранения он остался жив только благодаря армянскому царю. Но есть предсказание: звезда понтийца скоро закатится, так зачем же тратить остатки сил на мелочную суету. Он хочет насладиться последними мгновениями жизни, оставить яркий след на небосклоне истории, его должны запомнить навсегда. Он решил войти в историю в качестве великого защитника униженных и порабощенных, в одиночку противостоящего гегемонии Рима, а потом красиво уйти. Когда он сообщил Дорилаю, что задумал напасть на Рим, мудрец испытал потрясение.

– Да-да, Дорилай, я хочу повторить подвиг Ганнибала и напасть на Италию с севера. Это будет грандиозный поход. В борьбе с Римом я объединю народы всей Европы.

– Ты великий полководец, но что, если проиграешь?

– Я снова чувствую неукротимую энергию, мне хочется быть дерзким, отважным и решительным... Лучше бы ты привез от Тиграна талисман Мардука, делающий владельца неуязвимым. Я дал талисман армянскому царю на время. Без него меня ранят в каждом бою.

Дорилай горестно вздохнул:

– Мое чутье, Митридат, подсказывает: если цари не объединятся, все трое испробуют горькие плоды разочарования.

– Фраат, конечно, отказался?

– Да, государь.

– Когда гибла моя армия под Кабирой, Тигран равнодушно взирал на мои страдания и не пришел на помощь...

– Он приютил тебя, не выдал римлянам, дал войско...

– Это так, – признал Митридат.

Понтийца одолевало раздумье: не в пример Тиграну он с небольшим войском уничтожил легион Фабии и разбил легион Триария, а легион Сорнатия даже не решился вступить с ним в бой. Его сын Фарнак наладил из Боспора снабжение Понта хлебом, скотом и оружием. Его, великого царя, повсюду приветствуют толпы народа, многие добровольно вступают в его многоязычную армию... Царь безоговорочно высказался:

– Я и есть объединяющее начало народов Востока, и я накажу Рим за его высокомерие.

Мудрец от удивления открыл рот, но, быстро взяв себя в руки, напомнил:

– Высокомерие и скромность отличаются тем, что первое требует слишком многого, а второе не требует даже малейшего благоговения.

– Намекаешь, что я высокомерный... – Митридат прошелся по комнате. – Да, это так! Мне, названному именем бога Диониса, надменному и упрямому, нетерпеливому и гордому, требуется ощущать себя исключительным и обожаемым, чтобы обо мне ходили легенды, а историки назвали бы меня

великим!

– Да, ты великий... – Мудрец помолчал, собрался уйти, но вдруг обратился к царю: – Прости что доставил столько беспокойства... Могу я развлечь тебя – загадать загадку?

– Да, Дорилай, загадай.

– Вот загадка: «Одного не знаю, другого не вижу, третьего не помню».

Митридат, не думая, ответил:

– «Одного не знаю» – это враг, скрывающийся под личиной друга, «другого не вижу» – это препятствие на пути к успеху, «третьего не помню» – это благодетель, которому обязан всем и о котором забыл.

– Ты всегда прав, мой государь. Разреши мне удалиться.

– Дорилай, помни, кто твой благодетель. Иди!

Ариобарзан I со своим шестнадцатилетним сыном, тоже Ариобарзаном, которому суждено войти в историю как Ариобарзан II, прохаживался по залам белоснежного дворца в столице Каппадокии Мазаке.

– Мой сын, – наставлял царь, – хоть заповеди любимейшего из богов греков Аполлона и гласят: знай меру, соблюдай границы и укрощай свой дух, нельзя забывать о диком начале человеческой природы.

– Отец, разве люди звери? – спросил сын.

Сделав страшные глаза, царь ответил:

– Мой сын, звериная суть каждого человека стремится вы-

рваться наружу.

– Но, нарушая запреты, люди могут дойти до безумия, – удивился сын.

– Вот я, дорогой сын, нарушил все запреты, раскрепостил чувства и больше не вижу различия между жизнью и смертью.

– Но, отец, а как же бессмертие души?

– Оставь это подданным. Ты должен, как я, руководствоваться страстями, инстинктами, желаниями и эмоциями!..

Аретий, главный советник царя, внезапно появившийся на пороге зала, быстрым шагом подошел к ним:

– Государь, срочное донесение!

– Аретий, я сейчас учу сына, как править царством безраздельно и жестко. Не отвлекай!

– Но, государь, донесение не требует отлагательства!

– Ну что там случилось? – Ариобарзан был крайне недоволен.

– Границу твоего царства нарушил Митридат, он со своим войском идет на Мазаку!

– Что?! – Ариобарзан окаменел.

– Таково донесение дозорных. Митридат движется по дороге Себастья – Мзака, скоро будет у стен столицы, – Аретий в смятении развел руками.

Ариобарзан, взглянув на потолок, что-то там узрел, его глазки забегали в поисках спасения, внезапно, сорвавшись с места, побежал на выход. Бежал он с легкостью, не свой-

ственной тучному человеку, соображая на ходу, куда спрятаться. Когда все потайные места во дворце были испробованы, он выбежал в сад, подбежал к столетнему дубу и попытался, как белочка, влезть на него, а когда это не получилось, залез в непроходимые заросли ежевики. Подбежали запыхавшиеся Аретий, министры и советники.

– Государь, нужно отразить нападение! – прохрипел Аретий.

– Я жертва агрессии! – послышались слова Ариобарзана.

– Но твоя обязанность – безопасность и порядок внутри страны!

– Меня посетила безысходность! – выкрикнул царь.

– Но принцип «сдержанность и выжидание» в данном случае не работает.

– Да? – Ариобарзан высунул из кустов голову. – А что же мне делать?

– Организовать до подхода союзников оборону крепости Мазака! – твердо сказал Аретий.

– Тогда мне самое время последовать в Рим. Я ведь союзник и друг римского народа. Где моя золотая корона и скипетр из слоновой кости, врученные мне римским сенатом, где одеяние высшего римского магистрата?

– А Мазака? – Аретий от удивления открыл рот.

– Ты, Аретий, остаешься здесь, будешь оборонять столицу, – объявил Ариобарзан, вылезая из зарослей ежевики. – Ежевика поспела, очень вкусная, наслаждайся! – и сунул в

руку изумленного советника несколько ягод.

Вскоре большой конный отряд воинов, царедворцев и наложниц во главе с царем Ариобарзаном I скакал во всю прыть на юго-запад, в город Сиде, самый крупный морской порт Памфилии, центр работорговли и пристанища пиратов, с целью отплыть на корабле в Рим. Золото в мешках, привязанных к седлам, должно быстро решить все вопросы незаконных территориальных притязаний Митридата.

Бедный Аретий смотрел со стены крепости вслед за удаляющимся за горизонт царем и, как только отряд скрылся из виду, а пыль на дороге осела, приказал:

– Откройте ворота!

К Митридату вернулась прежняя дерзость. Он наказывал провинившихся, особенно в предательстве, и обласкивал верных, изгнал римлян из Понтийского царства и двинулся в завоевательный поход. Снова в полной мере проявились скверные черты его характера: жестокость, подозрительность и коварство. Каппадокия стояла первой в его списке завоеваний, и он, не встретив никакого сопротивления, подошел с войском к столице царства.

– Гипсикратия, ворота открыты. Что бы это значило?

– Не понимаю, государь, – отвечала женщина-воин. – Пошлем лазутчиков?

Из ворот вышла пышная процессия, возглавляемая царским чиновником Аретием, и медленно направилась на-

встречу завоевателям.

– Гипсикратия, так мне крепости еще не сдавались, – сказал царь. – Эта крепость напоминает мне развратную женщину, мечтающую сдаться без штурма.

Аретий приблизился и, протянув трясущимися руками сидящему на коне Митридату золотой скипетр, встал на колени и полным мольбы голосом произнес:

– Царь Митридат, ты щедр и благороден. Каппадокия преклоняется перед твоим величием и великодушием. Твоя храбрость...

Митридат перебил его:

– Аретий, мы с тобой давно знакомы, хватит славословить. Где царь Ариобарзан?

– О доблестный и гуманный владыка! Царь Ариобарзан недавно отбыл в Рим со своей свитой.

– Сбежал, понятное дело, а тебя оставил расхлебывать кашу.

Аретий, с пафосом произнося слова, украдкой поглядывал на Митридата:

– О неустрашимый и отважный завоеватель, я всегда к твоим услугам. Скажи, и я брошу к твоим ногам свою жизнь...

– Ну-ну, Аретий, так далеко мы не пойдем, – сказал царь. – Я хочу отдохнуть, а мое войско проголодалось.

– Загадай любое желание, и я выполню его, – Аретий встал и поклонился.

Войска Понтийского царя вошли в великолепную Мазаку, жители которой попрятались по домам и из всех оконцев наблюдали, как без боя захватывается город, оказавшийся без защитников и власти.

Во дворце на троне вместо Ариобарзана сидел Митридат, справа от него стояла Гипсикратия, слева Аретий, а напротив – советники, чиновники и знать Каппадокии.

– Аретий, – говорил Митридат, – мне надо было тебя повесить еще двадцать лет назад, когда ты был против избрания на царство Каппадокии моего сына.

– Государь, непомерные амбиции помutilи мой разум, иначе я узрел бы лучший выбор для нашего скромного пристанища.

Царь ехидно захихикал:

– Страной в действительности управляешь ты, поэтому отнесусь к тебе благосклонно.

– Твое великодушие говорит не только о твоей мудрости, но и глубоким уме политика.

Митридат удовлетворенно хмыкнул:

– Да, Аретий, как политик, я все рассчитал.

Следующей в его списке завоеваний была Вифиния. Расчленишь и разорить! Потом предполагалось напасть на римскую провинцию Азия. Намечены и другие далекоидущие планы. Понтийские шпионы доносили, что в столице Римской державы цены на хлеб уже поползли вверх, торговля с Востоком вянет, а народ запаниковал.

Аретий осторожно заметил:

– Государь, конечно, у тебя есть конфликт с римскими интересами, но твое желание воевать с Римом истощит ресурсы и твоей державы.

Глаза Митридата сверкнули:

– Я всегда чувствовал необузданное желание разделаться с республикой... Мои подданные потерпят, пока я буду воевать.

Советник робко напомнил:

– Здесь, в Азии, есть крупные военные формирования – легионы...

Это замечание рассмешило царя. Его шпионы сделали свое дело. Теперь Лукулла упрекают и римский народ, и его собственные солдаты. Митридат распустил слух, что главнокомандующий ради личного обогащения затягивает войну сверх нужного времени, он собирается конфисковать имущество солдат, послушавшихся приказов. Вот-вот войско проконсула разбежится, а все его победы станут бесплодными, а завоевания утраченными.

Царь решительно сказал:

– Сокрушить Рим – моя мечта!

Аретий смотрел на царя недоуменно:

– Неужели ты хочешь создать новый мировой порядок?

– Пойми, римляне не могут безнаказанно разорять целые страны и вывозить их богатства. Теперь в Азии порядки буду устанавливать я.

Все вздрогнули от таких слов тирана, но Аретий не сдавался:

– Ты собираешься быть бессмертным и всевластным?

– Я пойду напролом... А чтобы разбалансировать римскую политическую машину есть царь Армении Тигран. Он расставит ловушки и поможет внутреннему разладу в Риме.

Аретий, сложив ладони, поклонился:

– Ты, Митридат, великий правитель, печешься о народах Востока...

– Скажи, Аретий, а где Ариобарзан чеканит золотые монеты для Лукулла?

У Аретия сбилось дыхание, он даже позеленел:

– Государь, ты видишь насквозь то, что скрыто слоями страха.

Глава 64. Гений Цезаря

Дом Марка Тулия Цицерона находился на Палатине, центральном из семи холмов Рима, близ главной городской площади Форум. Цицерон, сенатор, философ и блестящий оратор, часто приглашал к себе известных государственных деятелей, политиков и писателей. Вот и сегодня к нему пришли Гней Помпей и Юлий Цезарь. Хозяин дома решил сблизить своего друга Помпея с Цезарем, в котором видел незаурядную личность и перспективного политика.

– Гней, – сказал Цицерон, обращаясь к Помпею, известному магнату и полководцу, – это Юлий Цезарь, единственный поддержавший в сенате закон Габиния о передаче тебе чрезвычайных полномочий.

Помпей поднял бровь и похвалил:

– Цезарь один против всего сената? Смело!

Цицерон продолжил:

– Закон, конечно, не прошел, но сегодня мы встретимся с людьми, нашедшими способ провести его через народное собрание.

Тридцатидвухлетний Юлий Цезарь восторженно воскликнул:

– Великий Помпей, рассчитывай на мою полную поддержку! Ты выдающийся человек, великий полководец, получивший два триумфа. Я также в одиночестве голосовал в сенате

и за закон Манилия о предоставлении тебе нового командования вместо Лукулла.

Помпей, надменный, жестокий и корыстный человек, сегодня был снисходителен и великодушен:

– Я польщен, Юлий.

– Этот закон, – развел руками Цицерон, – сенат тоже отклонил. Но решение вопроса найдено... Я вас оставлю на какое-то время, пойду встречу новых гостей.

Цицерон вышел, а два политика продолжали разговаривать.

– Я слышал, Юлий, ты задолжал ростовщикам много денег? – озабоченно спросил Помпей.

– Да, я весь в долгах, – грустно вздохнул Цезарь.

– Я помогу. А если Лукулл будет отозван, а меня назначат на войну с Митридатом, все твои долги будут списаны.

Глаза Цезаря загорелись:

– Гней, как благородно с твоей стороны!

– Цицерон видит в тебе незаурядного человека и хорошего политика, – продолжал Помпей. – Я популярен в армии, ты среди народа. Мы могли бы объединиться в деле наведения порядка в Риме. Конечно, и глава сената Цицерон мог бы внести свой вклад в общее дело. Как ты на это смотришь?

– Помпей, я думаю, как и ты.

– Цезарь, – надменно произнес полководец, – пока ты играешь малозначительную роль, но поверь, если примкнешь ко мне, станешь важной, если не первой, фигурой в Риме...

Улыбаясь, в комнату вошел Цицерон:

– Ну вот, я и вернулся! Гости ждут внизу. Знаешь, Цезарь, я давно связал свою судьбу с Помпеем, и благодаря ему я сенатор. Нам с ним удалось многого добиться для сословия всадников, из которого оба вышли.

Помпей с улыбкой обратился к Цицерону:

– Марк, мы кое-что уже обсудили с Цезарем. Будем работать вместе. Ну а ты? Присоединяйся к нам.

Искушенный в политике Цицерон уклонился от прямого ответа:

– Мое мировоззрение не позволяет нарушать этические правила и традиции сената.

Цицерон прекрасно осознавал, что кампания на Востоке принесет богатый улов и надеялся на свою долю доходов. В интересах Помпея он был готов провести в сенате много нужных законов, но своим имиджем защитника интересов народа и борца с коварством людей, посягающих на благополучие республики, он дорожил, и не примыкал к какому-либо движению. И потом, ему не нравилась идея возрождения царской власти в Риме, что неминуемо привело бы к полному произволу.

– Друзья, прошу за мной!

Они спустились в зал для приемов гостей, где их уже ждали патриций Луций Агенобарб и народный трибун Гай Манилий.

– О Цицерон, ты спас меня! – вскричал Манилий. – Твоя

речь в суде в мою защиту была неподражаемой. Судьи рыдали.

Хозяин дома уклончиво сказал:

– Манилий, ты важный для общества человек, и те чудовищные обвинения в растрате средств – ошибка... Друзья, у меня собрались влиятельные и видные люди Рима: Помпей, триумфатор, Цезарь, сенатор, Агенобарб, патриций, – Цицерон дотронулся до плеча патриция, намекая на близкую эмоциональную связь, – и молодой Манилий, пламенный трибун. Нам есть что обсудить!

В дверях появился привратник и выжидательно посмотрел на хозяина.

– О, совсем забыл! Для вас, друзья, есть сюрприз, – он кивнул привратнику.

В зал вошла жена Цицерона Теренция, честолюбивая и властная женщина, имеющая сильное влияние на мужа, за ней шла Преция. Увидев ее, все мужчины инстинктивно подались вперед. Как всегда, эта вероломная разрушительница браков и очень образованная покровительница государственных мужей была обворожительна и неотразима. У гетеры на голове блистал венец, на руке болтался синий бархатный мешочек с завязками, а к груди она прижимала огромное яйцо. Прецию, богиню любви, представлять не было нужды, ее знали все.

Теренция, привыкшая к трюкам мужа, молчала, а Преция зашебетала:

– Я пришла поблагодарить Цицерона за великолепную речь на процессе против моей главной соперницы в Риме Клодии, сестры жены Лукулла. Эта Клодия погрязла в разврате и пьянстве, у нее связь со своим братом. Соперница устранена, и в благодарность, дорогой Цицерон, прими подарок.

Она поставила на стол огромное яйцо на золотой подставке.

– Что это, дорогая? – удивился Цицерон.

– Это же драконье яйцо! – сказала Преция, будто и объяснять нечего, и так все понятно.

– Драконье яйцо? – удивился Помпей.

– Мы станем свидетелями появления маленького дракончика? – пошутил Цезарь.

– Ничего подобного я раньше не видел, – искренне недоумевал Луций Агенобарб.

– Друзья, – комментировал Цицерон, – Преция недавно вернулась с театра военных действий. Она была у Лукулла на передовых позициях, это ее трофей. Скажи, Преция, Лукулл давно занимается собиранием таких яиц?

– Ну, у него много чего есть необычного: магические книги, кристаллы, лампы, жезлы, талисманы, амулеты...

– И все это он тебе показывал? – громко спросил Цицерон.

– Ну да. Он ищет какую-то Таблицу судеб, сказал, что, пока не найдет, войну не закончит.

– Дорогая, а его жена знает, что ты ездила к Лукуллу?

– О, у нее, как и у ее сестры, столько дел в Риме! Ей некогда навестить мужа.

– Суду, как говорится, все ясно, – шутливо сказал Цицерон. – А что за украшение у тебя на голове?

Ослепительная Преция в хитоне из серебристо-синей парчи произнесла:

– О, это тоже мой военный трофей. – Она аккуратно сняла золотой венец и передала Цицерону. – Диадема самого Митридата! – торжественно произнесла она.

– Что? – Цицерон внимательно рассмотрел украшение. – Это же наследственная диадема царей Понта!

Он передал диадему Помпею. Тот знал толк в таких вещах:

– Золотой обруч с драгоценными камнями и белыми лентами сзади... В Греции и Азии такая диадема – символ царского достоинства, головное украшение царей. Какая работа!

Цезарь, которому передали венец, произнес:

– Здесь династическая эмблема рода Митридатидов – шестилучевая звезда над полумесяцем. Только предводитель понтийских греков мог носить эту диадему.

Теренция, подозревавшая, что ее муж Цицерон находился в связи с Клодией, также посмотрела украшение:

– Очень изящная вещь! Преция, поздравляю с маленькой победой! Я имею в виду Клодию. – Теренция с осторожностью водрузила венец на голову гетеры.

Все улыбнулись, а Претия, красивая обладательница тонкого вкуса, выразительно глянула на влиятельных друзей:

– Я побывала в Понтийском царстве и некоторых городах Армении. Эта поездка произвела на меня неизгладимое впечатление, особенно Армения. Я очарована. Всем вам привезла из Армении подарки.

Публичная женщина высшего уровня умела создать душевный комфорт и снять напряжение у высокопоставленных мужчин, вдохновляя их на рискованные поступки. Каждому в этом доме, развязав завязки бархатного мешочка, она вручила именно то, что достойно его высокого положения – полезный подарок судьбы.

Подойдя к Цицерону, зовущим взглядом заглянув ему в глаза и дотронувшись до руки, словно проникая в мир природы философа, дала ему талисман на кожаном шнурке – ярко-красный камень гематит в золотом обрамлении. Этот камень не только освежает память и способствует творчеству, но предугадывает судьбу. Величайшую фигуру в истории цивилизации казнят Антоний и Октавиан, наперебой стремившиеся к неограниченной власти. Великий философ знал, что так будет.

Потом она подошла к Помпею, страстно посмотрела на него и, дотронувшись до его руки, достала из мешочка талисман с зеленым авантюрином с искристо-золотым отливом. С его помощью полководец будет принимать мудрые решения, получит доступ к позитивным энергиям неба и земли.

Мудрость ему понадобится, когда он будет мечтать захватить Армению и безуспешно гоняться за Митридатом по Кавказским горам.

Подойдя к Цезарю и оглядев его сверху донизу, она тошно взглянула в глаза сенатора и вручила осколок вещества кометы. Владелец такого талисмана становится уникальной личностью. Правда, Юлию и так свойственны гениальность, хитрость и амбициозность, но нося камушек на груди, он будет чувствовать внутреннее могущество, равновесие и гармонию. Цезарь как комета пронесется над миром и изменит его.

Агенобарба она удостоила кокетливого взгляда. Он ее покровитель, ему достался талисман окаменевший лед (дымчатый горный хрусталь «слеза бога»), укрепляющий память и повышающий потенцию. Со «слезой бога» однажды ему удастся стать консулом (высшая выборная должность в Древнем Риме), однако он погибнет в битве гражданской войны на стороне Помпея против Цезаря.

Манилий, стыдливо опустив глаза, с благоговением дотронулся до ее локтя. Она одарила его холодным взглядом:

– Тебе, Гай, не всегда будет сопутствовать успех, но носи мой талисман тигровый глаз. Он поможет усмирить себя и осознать ошибки.

Через год Манилия осудят по обвинению в оскорблении величия римского народа. Цицерон уже не сможет его спасти.

Она подошла к Теренции.

– Дорогая, тебе талисман с жемчужиной; он приносит счастье.

Теренция, женщина богатая и тщеславная, однажды обвинит мужа Цицерона в измене и разведется с ним, затем погубит карьеру легату Публию Клодию, и ей выпадет счастье – дважды выйти замуж за молодых писателей и прожить сто три года.

Теренция поцеловала гетеру в щечку.

– До свидания! – игриво сказала Преция, и женщины ушли.

Цицерон негодуяюще воскликнул:

– Вы слышали, чем занимается Лукулл на Востоке?! Принимает гетер, тратит деньги на магические вещи, гоняется за мистической Таблицей и всячески затягивает войну! Разве все это в интересах римского народа?

– Новость, достойная, чтобы о ней узнали в Риме! – подыграл Луций.

Все расселись, выпили вина и завели с притворным раздражением разговор о проступках Лукулла. Он бросается из одной войны в другую, хотя для государства в этом нет никакой необходимости. Он хочет оставаться главнокомандующим и извлекать выгоду из войны, подвергая Рим опасности. В столице выросли цены на хлеб, торговля с Великой Арменией, Сирией и Аравией остановилась. Его действия не отвечают интересам народа. Другое дело Помпей. Специально

для него создается чрезвычайная должность с особыми полномочиями. Но нужно быть начеку: оскорбленный Лукулл вернется в Рим и вместе с сенатом будет подстрекать народ против Помпея.

Цицерон воскликнул:

– Помпей – любимец народа! Его военный талант будет востребован всегда. Сенат рано или поздно отдаст должность Лукулла Помпею, это я вам обещаю.

Гней, польщенный услышанным, произнес:

– Мое призвание – война, я лучший полководец Рима, в гражданских же вопросах полностью полагаюсь на вас.

– Конечно! А на что мы, твои друзья?! – восторженно сказал Цезарь. – Мы подготовим твою политическую программу и по возвращении с войны вместе претворим ее в жизнь.

– Я полностью ориентируюсь на тебя, Цезарь, – сказал довольный Помпей.

Луций Агенобарб вернул всех к главной теме. Предметом основного внимания присутствующих должна стать Великая Армения, бросившая вызов Риму. Тигран II принимает свои решения без оглядки на Рим, его царство представляет угрозу не потому, что планирует напасть на Рим, а потому, что оно независимо. Война с Великой Арменией будет, если только Тигран не согласится стать вассалом, как все остальные цари. Непрерывный рост могущества Армении в союзе с Митридатом угрожает азиатским владениям Римской республики. Все же армяне должны понимать, кто

в мире хозяин.

Цезарь в дискуссии не участвовал. Он внимательно слушал и недовольно морщился. Наконец он произнес:

– Покорить войной Армению, думаю, не удастся, а беспокоить армян, значит возбуждать в них мнение, что мы хотим ограбить их богатства и святилища.

Все от изумления приоткрыли рты. Однако противопоставить достаточно цельной системе взглядов молодого политика ничего не смогли. Тигран разумный человек и понимает, что борьба с ненавистным ему Римом бесперспективна. Он, конечно, может сплотить азиатов в рамках борьбы с влиянием Рима и нанести империи существенный ущерб, но он этого не сделает. На днях у Цезаря была встреча с посланником Тиграна его братом Гурасом. Тот заверил, что армянский царь склоняется к идее добродетели, хочет быть другом римского народа и строить мир во имя процветания своей нации.

Раздутое самомнение Помпея, верившего в свою исключительность, укрепляло его в мысли, что все враги склонят перед ним голову при одном упоминании его имени, но, выслушав Цезаря, он восхитился мудростью не по годам умного политика.

– Это другое дело! – гремел Помпей. – Такой правитель достоин моего уважения.

– Несомненно, мой друг! – Цицерон попытался разрядить обстановку и сменить тему. – Мы, государственные и во-

енные деятели, должны обеспечить римскому народу самые главные блага – мир, спокойствие и досуг.

Разгорелась дискуссия, как добыть блага римскому народу. Агенобарб требовал войны с Великой Арменией, но Цезарь, обладавший особым даром убеждения, возражал, и к его мнению постепенно стали прислушиваться. Армянский царь обладает большим военным талантом, который недооценивали из-за традиционного римского консерватизма: подчеркивать достоинства римлян и отсутствие таковых у противника. Все это признали.

Помпей, отпивая вина из александрийского стеклянного бокала, уже произносил то, что внушил ему Цезарь:

– Я отдаю должное армянскому царю, хочу видеть его другом и союзником римского народа. Нам нужен именно такой союзник, который сможет держать в повиновении восточных варваров.

Конечно, Помпей должен получить войну с Митридатом, решили все. У римских граждан есть страх за деньги, вложенные в восточные предприятия, а страх нужно развеять. Лучшие люди государства должны объединиться, чтобы провести через народное собрание закон, по которому Помпей получит главное командование, конечно, с целью скорейшего завершения войны. Помочь Помпею получить чрезвычайную власть в этой войне обещали все, а Манилий должен особенно постараться.

Цицерон торжественно объявил:

– Я подготовлю речь в сенате и назову ее «О назначении Гнея Помпея полководцем». В ней я поддержу законопроект Манилия о предоставлении тебе, Гней, неограниченных полномочий в борьбе с понтийский царем Митридатом.

Цицерон встал в излюбленную позу оратора, многозначительно посмотрел на своих гостей, будто перед ним сенаторы, и с пафосом произнес:

– Крупные собственники, вы не боитесь за свое богатство?..

Полилась пламенная речь, заставившая политиков пустить слезу. «Вот он, бескорыстный и честный полководец, верный своему слову, гуманный и авторитетный, обаятельный и талантливый. Ему покровительствует Фортуна, а сенат ему дважды разрешал триумф. Новая война с Митридатом несет огромные опасности и финансовые убытки, которые могут быть следствием непрочности положения восточных провинций. Войну надо довести до конца, ее предмет – завещанная нам предками слава римского народа. Если мы не утвердим Помпея, будет финансовый крах и угроза восстания рабов! Постарайтесь же вдуматься в настроение плательщиков податей, акционеров и откупщиков, когда они видят, что вблизи них стоят два царя, Тигран и Митридат, с громадными войсками, угрожающими их предприятиям, им самим и их рабам!»

Цицерон остановился, вышел из образа и сказал:

– И так далее. Речь на два часа. Каково!

Все слушали затаив дыхание. Послышались недружные возгласы одобрения. Вдруг прозвучал голос Помпея:

– Я хочу получить право самостоятельно объявлять войну и заключать мир без указаний из Рима!

Все, раскрыв рты, внимательно посмотрели на него.

Агенобарб сориентировался:

– А что, это тоже в интересах Рима!

Цицерон простонал:

– Когда гремит оружие, законы молчат.

Глава 65. Как творить будущее

Столицу Великой Армении Арташат окутала ночь. Был праздник, назначенный царем Тиграном в честь военной победы, и жители получили возможность отдохнуть, забыть о жизненных трудностях, выпить лучшего вина, отведать праздничную пищу, попеть и потанцевать. В храмах уже прошли молебны, жрецы провели священные ритуалы, богам принесли жертвы, а теперь начались народные гуляния и театральные представления. После пережитого ужаса, вызванного войной, народ и правители хотели одного – снять ожесточение.

На площади перед храмом Арамазда, великодушного бога армян, собралось полно народу, пожертвования распределяли между бедняками, гостей угощали хлебом и вином. Здесь встретились три друга – Аргам, виноторговец, Баграм, содержатель гостиниц и Паруйр, продавец армянских абрикосов.

– Слава Арамазду, мы живы! – не скрывая радости, вскричал Аргам.

– Я уж думал, что попаду на римские галеры, – с горечью проговорил Баграм.

– Жизнь дала пинок, и я упал, но предки учили: встань, отряхнись, иди дальше и наслаждайся жизнью, – расцвел оптимист Паруйр.

– Паруйр, ты почему такой тощий? – спросил Аргам.

– Мясные шарики для кюфты моя жена делает такие маленькие, что я стал прыгать по скалам, как горный козел, – пошутил Паруйр.

– Аргам, – спросил Баграм, – как идет твоя торговля вином?

– Ну как?.. Торговля возобновилась. Из Италии, и даже Рима, купцы снова пригнали повозки, предлагали хорошие деньги за мои запасы армянского вина.

– А ты?

– Я им гордо сказал: «Пусть вино лучше скиснет, чем пьяным римским воякам вновь взбредет в голову напасть на мой дом!»

– Но ты же потерял прибыль!

– Почему потерял? Продал им уксус.

– Баграм, – спросил Паруйр, – а как ты?

– Верх наивности думать, что у меня все плохо. Когда я открывал гостиницы в каждом городе и каждом селе, мне говорили, что я глуп. Теперь в моих гостиницах живет половина Тигранакерта. Кто я?

– Ты мудрый, Баграм!

На главную площадь города стекались толпы зевак. Вкусив вина, люди жаждали зрелищ. Среди них два иудея.

– Асаф, ты куда спешишь? – спросил Надав, торговец посудой.

– Купил у армян вино, хочу попробовать, – сказал Асаф,

торговец пряностями.

– Так пойдем вместе попробуем!

– Нет, Надав, вдруг вино плохое, ты пострадаешь. Выпью сам.

– Для человека, еле избежавшего рабства, Асаф, ты хорошо выглядишь.

– Бабушка научила приспособливаться к любым условиям. А ты почему принял форму караса?

Карас – это крупный глиняный горшок эллипсоидной формы (1000 литров). Армяне использовали его для хранения вина.

– Знаешь, Асаф, пока шла осада Тигранакерта, выяснилось, что горшки – стратегический товар. Я метал их в римлян со стены вместе с другими защитниками, а когда враг вошел в город, я прятался в карасе.

– Ты очень смелый, Надав. Не представлял, что горшки грозное оружие...

В театре давали трагедию Артавазда «Гигант Алкионей». Артавазд, сын и приемник Тиграна, талантливый драматург, написал эту трагедию, вдохновленный победой над римлянами и их выдворением из пределов родной земли. Спектакль отображал эпизоды греческого мифа об отчаянной схватке олимпийских богов с гигантами-титанами, в которой нет места ни сомнению, ни пощаде. На представлении присутствовали Тигран II и его приближенные. Царь с удовольствием отметил, что эстетика эллинов – театр, скульптура, фи-

лософская мысль – захватывает армянский народ. По мере культурного роста люди от простого подражания вначале пути поднялись до постижения высот цивилизации.

– Артавазд, – сказал Тигран сыну, – трагедия мне нравится. Зрители сидят как зачарованные.

– Государь, я счастлив. Царский двор и аристократия весьма восприимчивы к культурному влиянию эллинов.

– Сын, а как же основная часть населения царства? Она остается верной вековым традициям своих предков, – произнес Тигран.

Артавазд растерянно пробормотал:

– Да, народ любит национальный эпос...

– Так напиши что-нибудь эпическое! – очень настоятельно порекомендовал царь.

На сцене, освещенной масляными светильниками и факелами, боролись две непримиримые стороны – бессмертные боги и титаны. Столкнулись, по замыслу драматурга, добро и зло, разум и грубая сила. Зрителям действие напомнило ход войны: хитрость, коварство и жестокость врага, победа армян над римлянами, преданность людей стране и государю. Картины битв проходили перед зрителями одна за другой, заставляя сопереживать.

Инсценировка мифа об Алкионее разыгрывалась перед публикой актерами. Участвовали в постановке актеры с хорошей дикцией, все мужчины и все в масках. Они пели, декламировали стихи, исполняли мимические сцены, а хор из

пятнадцать человек, изображавших людей, близких к главному персонажу – богине Афине, – выполнял роль общественного мнения и пел в один голос под кифару (лиру).

Следуя традициям Еврипида, драматург привнес в пьесу интригу: борьба двух ярких личностей. Жестокий Алкионей (старший из гигантов), молодой и сильный юноша в тунике и с римским мечом, предводитель бунта против богов-олимпийцев (он напомнил зрителям ненавистного римлянина), и мудрая Афина, любимая дочь Зевса (зрителям она представлялась армянской богиней жизни, войны и смерти Нанэ). В доспехах, с копьем и щитом она, несомненно, олицетворяла Армению и была сурова и воинственна. В упоении борьбы, достигшей наивысшего напряжения, героиня билась с титаном, желающим вырвать у богов власть над миром. Наступила кульминация представления, и тут вступил хор:

*Мы воспеваем отвагу Афины,
Дочери Зевса,
Девы-воительницы в золотом одеянии,
В шлеме, с копьем и щитом
С Горгоной на нем.
Билась Афина за правду,
Против гигантов,
Посмевших свергнуть богов.
Предсказал ей оракул:
Победишь ты титанов,*

*Когда смертный Геракл
В бой вступит.*

На сцене появился Геракл, что у публики вызвало бурю эмоций, крики и рукоплескания. В образе Геракла все узнали царя Тиграна. Спеша на помощь, он выпустил в титана смертоносную стрелу, тот рухнул на землю, но вдруг в полу сцены открылся люк, и из него, как бы поднимаясь из земных недр, появилась богиня Гея, мать Алкионея, и, протянув руку сыну, оживила его, чем прибавила всему действию загадочности и драматизма. Титан встал, еще более сильным, и набросился с мечом на Афину, а та защищалась щитом и копьем.

И вот развязка: богиня схватила титана за волосы и повлекла за собой, подальше от Геи, а Геракл сразил его новой стрелой, Алкионей изобразил предсмертные муки, потянулся к матери в надежде коснуться ее и вернуть силы. Гея возносит молитву к Афине: может быть, дрогнет ее беспощадное сердце?.. Но нет! Богиня не ведает пощады, титан обречен, а богиня Ника, появившаяся возвестить о победе, уже протягивает победительнице венки.

– Поздравляю, Артавазд, – сказал Тигран, когда публика успокоилась после оваций и восторгов, – я увидел в твоей трагедии яркие чувства и бурные страсти, есть в драме мотивы преданности, мстительности и коварства. Мне понравилось.

– Все соперевживали Афине и Гераклу, – искренне сказал Гнуни.

– Твои герои, – произнес Метродор, – сложны, тебе удалось передать их душевное состояние. Великолепно!

– Меня охватило глубокое чувство любви к родине, когда Геракл сразил Алкионея, – произнес Мамиконян.

– А что скажут женщины? – Тигран подошел к Аревик и Анаит.

Бойкая Анаит затараторила:

– Женские роли в трагедии представлены достаточно живо...

– Богиня Нанэ, – произнесла Аревик, – явно превосходит мужчин волей и проворством.

– Это так, милая! – Тигран любовно взглянул на Аревик. – Что ж, пойдете на площадь!

На городской площади хозяйничал дудук (кифару почти не было слышно), бойко играли зурна, шви (флейта), паркапзук (духовой инструмент) и дхол (барабан). Процессия во главе с царем подошла к площади в самый разгар народного веселья. Появление Тиграна вызвало бурное ликование народа. Счастливые лица людей, освещенные ярким трепещущим светом костров, выражали благодарность и восхищение своим государем. У всех приподнятое настроение, радость победы, ощущение светлого праздника, а вокруг волшебная атмосфера народного гуляния. Жители Арташата и гости со всей страны непрерывно двигались в такт музыке, раскрывая

в танце душу через величавые движения и красивые жесты.

Музыканты заиграли мелодию веселого танца «Тарон», происходящего из гавара, где народные мстители в Мушской долине на славу повеселились над римской колонной войск, попавшей в непроницаемый туман. Ритм, завораживая зрителей, заставлял народ пританцовывать, и всё было в этом танце: радость, отвага, гордость и эмоции.

Танец завершился, полилась медленная музыка. Над площадью прокатился вздох восхищения. Молодая женщина в золотистом пеплосе с факелом в руке взмывала в воздух. Она стояла в корзине из ивового прута, и два наполненных горячим дымом мешка, сшитых из внутренностей животных, поднимали корзину с красавицей вверх. Женщина изображала любимую народом богиню плодородия и любви, золотую мать армян Анаит. Факел, знак богини, подсвечивал одухотворенное лицо красавицы, возносившейся вверх во имя благословения небес. Но вот веревка, удерживающая корзину, натянулась, и над площадью зависла златокудрая богиня. Захватывающее зрелище заставило, затаив дыхание, всех глазеть на диво. По мере остывания дыма в мешках корзина с женщиной опускалась, а вскоре и вовсе дотронулась земли. Летящую Анаит осторожно достали из корзины двое юношей, и она под гром рукоплесканий и криков торжественно прошла по площади с факелом в руке. Мысль, что человек может летать, захватила воображение участников праздника.

– Что это? – Артавазд обратил внимание царя на небо.

Тигран посмотрел в ту сторону, куда указывал сын, и увидел в ночном небе свечение, разрастающееся на глазах.

– Не знаю, не могу объяснить, – ответил Тигран.

Свет луны и звезд сквозь высокую пелену облаков слабо прорывался к земле, а свечение в вышине увеличивалось, и его уже заметили многие. Стало необычайно тихо. Вокруг свечения медленно крутились воздушные вихри.

– Необычное явление, – удивился Гнуни. – Напоминает какой-то символ...

– Это же арвахач, армянский знак вечности! – воскликнул Тигран.

– Небесный знак! – озарило Артавазда.

Евсевий объявил:

– Знак судьбы: жизнь превращается в смерть, а смерть в жизнь.

– Шесть крыльев, – посчитал Мамиконян.

Метродор припомнил:

– Пифагорейцы считают шестерку символом творения и знаком удачи.

– У куба шесть граней, он символ стабильности, – вспомнил Амфикрат.

Вараздат забеспокоился:

– Не ждут ли нас шесть козней?

Спандуни был взволнован:

– Нет-нет, арвахач – это солнце, жизнь, плодородие,

огонь. Добрый знак богов, любящих Армению.

Айказ торжественно объявил:

– Оберег Армении! Думаю, знак символизирует вечную жизнь.

Свечение ослабло, а потом и вовсе растворилось в черном небе.

– Сегодня необычная ночь... – Тигран дотронулся до плеча сына и указал на запад: – Артавазд, смотри!

Все, кто стоял рядом, повернули головы и увидели контуры священной горы Арарат, явственно выделяющиеся в лунном свете.

Царь серьезно воспринял предзнаменования:

– Боги присылают послания и подают знаки, возможно предостерегая нас...

– ...или радуясь вместе с нами, – улыбнулся Артавазд.

Каждый человек в этот день по-своему приобщался к великим тайнам мироустройства.

Тигран, обратившись к своим приближенным, серьезно произнес:

– Есть одно дело, не терпящее отлагательства. Скоро полночь! Прошу моих советников вернуться в дворец.

Дворец армянских царей в Арташате стоял на высоком холме и представлял собой чудесный сплав древней армянской архитектуры, мотивов греческих мифов и персидских сюжетов с элементами, привнесенными из Урарту. Рос-

кошное и величественное сооружение, окруженное садами, должно наводить на мысль о процветании и могуществе царства, а каменные грифоны на крыше и башнях охраняли покой, отпугивая злых духов. Процессия вошла в дворец, и бдительная стража тут же заблокировала все входы и подступы к нему. Приближенные царя прошли в зал приемов, а Тигран с Евсевием, взяв масляные светильники, спустились в подвал, где была комната магии.

Евсевий, открыв ключом потайную дверь, зажег масляные лампы, осветившие мрачное помещение. Отблески света отразились в стоявшем в центре отполированном до идеально-го блеска большом железном зеркале в золотой раме, узор которой имел надпись, понятную посвященным. У стены на деревянной подставке лежала старинная книга заклинаний – пергаментные листы в твердом переплете из телячьей кожи.

Магическое зеркало перемещало предметы и человека в узловые точки пространства. Люди не всегда возвращались обратно, поэтому зеркалом пользовались редко, только в экстренных случаях. Сегодня был именно тот случай: ночь чудес и час принятия решения.

– Скоро произойдет! – с нетерпением проговорил Евсевий. – Гурас должен прибыть из Рима через несколько минут.

Гурас, брат царя, его правая рука, умный и прозорливый человек, более философ, чем политик, сразу после выдворения Лукулла с армянской земли был отправлен из этой ком-

наты в логово врага – Рим, чтобы оценить величину угрозы, исходящей от великого соседа, и встретиться с наиболее знаковыми фигурами республики. Тигран, понимая, что времени до следующей войны мало, распорядился использовать магию для ускорения дела и теперь в волнении ходил по комнате, ожидая прибытия брата. Посмотрев на мудреца, он произнес:

– Сражаясь с армией Рима, я боролся с хаосом, утверждая торжество закона и преображая мир... Хватит ли у нас времени подготовиться к следующей войне?

Он с нетерпением ждал ответы на вопросы: что дальше? не напрасна ли борьба?

– Твой брат Гурас научился летать, – улыбнулся Евсевий. – Его возможности перемещаться в пространстве не менее впечатляющи, чем твои, Тигран. Вспомни, как ты оказался в Египте, чтобы привести к власти своего протеже.

Тигран невольно поморщился:

– Знаешь, Евсевий, фараон Птолемей XII показал мне пирамиды, построенные много тысяч лет назад. Говорят, их строители умели летать.

– Не понимаю, зачем такие чудовищные усилия, чтобы возвести бесполезные сооружения.

– Как бесполезные? Людям следует показать сверхчеловеческое и божественное величие царя... Птолемей ходит в пирамиды омолаживаться.

Евсевий хихикнул:

– Ясно, думает о вечности.

Тигран, ожидая брата, задумался о вечных вопросах: отношения с богами, смысл жизни, любовь, гнев, смерть... А все ли он сделал для своего народа? Конечно, рано или поздно все государства движутся к закату, и его держава не исключение. Золотой век Великой Армении, похоже, закончился, но страна вступает в свой серебряный век. Тигран хотел изменить мир, но история пока не знает примеров удачного исхода таких попыток. Однако он многого добился. Великие государства Аккад, Кносс, Вавилония, Ассирия, Урарту, Карфаген, Македония, Пергам канули в историческое небытие, а Армения живет уже тысячи лет и должна жить вечно. А мировое зло? Когда-нибудь оно освободится из заключения, мир встанет на грань исчезновения, но, хочется верить, что появится новый герой, и заточит зло в черной пещере на горе Арарат.

С башни раздался удар колокола. Полночь. Собеседники посмотрели на зеркало. Оно помутнело, возник металлический блеск, его поверхность волнообразно заколыхалась, переливаясь от серебристого до белого цвета, и вдруг из зеркала вырвалась рука, потом нога, и в зал шагнул Гурас, бледный, одетый в римскую тунику. Вот он пришел в себя и, увидев Тиграна, улыбнулся и бросился обниматься:

– Тигран, я так рад видеть тебя! Евсевий, учитель, приветствую тебя!

– Как ты, Гурас? – с нетерпением спросил царь.

– Все в порядке, Тигран. Мне не верится, что все получилось!

Царь шутливо пожурил:

– Ожидал, что вернешься из Рима в тоге, а ты всего лишь в тунике.

– Тога – знак владыки мира, но мой армянский кафтан произвел в Риме большое впечатление. После изгнания римлян с нашей земли там смотрели на меня с нескрываемым интересом. Пришлось переодеться в римскую тунику, чтобы незаметно пройти к portalу.

– Что ж, нас ждут наверху. Пойдем!

Когда царь и его спутники вошли в зал приемов, разговоры смолкли. Внимание царедворцев обратилось к царю и Гурасу.

Тигран шутил:

– Гурас только что прибыл из Рима. Недолгое пребывание в республике, и он полюбил носить тунику. Каково?

Послышался одобрительный гул. Однако повод встречи был настолько серьезным, что в почтительном молчании советники застыли в напряженных позах.

– Будет ли новая война? – нетерпеливо спросил Артавазд.

– Гурас, доложи свои выводы собранию, – сказал царь.

Путешественник в пространстве, взволнованный происходящим, окинул взглядом присутствующих:

– Государь, военная мощь римлян быстро усиливается. Я не мог понять, какие силы этому способствуют и почему, но

ясно: без магии здесь не обошлось. Скоро мы узнаем правду. Римлян увлекли грандиозность, роскошь, помпезность и вседозволенность. Им требуется все больше богатств и рабов. Мы можем одолеть одну армию, но ей на смену тут же придет другая.

Царь вымолвил:

– Нужен сильный ход, чтобы противостоять им...

Гурас продолжил:

– В Римской республике началась борьба за власть, причем за власть абсолютную. Я встречался с четырьмя наиболее важными политическими фигурами. Это Помпей, Красс, Цезарь и Цицерон. Думаю, борьба развернется между первыми тремя.

Мамиконян с сознанием дела доложил:

– Красс и Помпей – самые умелые римские полководцы.

Гнуни поинтересовался:

– Цицерон – глава сената, а кто такой Цезарь?

– Цезарь молодой сенатор, – пояснил Гурас.

Его пояснения слушали внимательно. Сегодня Юлий Цезарь практически невидим, но он человек трезвомыслящий, способный манипулировать людьми. Одолев остальных, он способен стать первым в Риме. Вот его слова: «Пока вы нас боитесь, можете ненавидеть сколько угодно. Сдерживать честолюбие Тиграна II, путем ли переговоров, путем ли военного вмешательства, мы продолжим и никогда не престанем контролировать ситуацию на жизненно важной для нас тер-

ритории Малой Азии».

Однако, по сравнению с другими, Цезарь взвешенно оценивает потенциал Великой Армении и с большим уважением отзывается о царе Тигране. Он не хочет войны с армянами. Правда, не без его помощи проведены через народное собрание два закона. По первому Помпей получил неограниченные права и финансирование, а по второму назначен на место Лукулла.

– Значит сумасшедшего Лукулла отзывают? – быстро спросил Айказ.

– Да, – ответил Гурас, – но это ничего не меняет. Войну с Митридатом и Тиграном возглавит Помпей, надменный, жадный и беспринципный вояка. Все его прихоти через сенат удовлетворяет Цицерон. Другой полководец, Красс, тоже ищет повод развязать войну с кем угодно.

– Снова война! – побледнел Метродор.

Гурас продолжил:

– Я почувствовал по мимике, жестам, недоговоренностям, что Помпей, Красс и Цезарь остро соперничают друг с другом. Каждый желает быть в Риме диктатором, причем пожизненно.

– А кто из этих троих наиболее выгоден для Великой Армении? – вдруг спросил Вараздат.

– Все трое хороши, – не преминул съехидничать Евсейий.

Царь заметил:

– Вопрос Вараздата резонный. Мои советники, высказы-

вайтесь!

Посыпались предложения. Тигран слушал, и в его мозгу постепенно возникло ощущение, что решение проблемы найдется.

Итак, если Помпей в войне с армянами проиграет, придет Красс, если и он потерпит поражение, придет Цезарь. Но Цезарь и Красс надеются, что Помпея разобьют армяне и тем самым помогут одному из них провозгласить себя диктатором Рима, а потом они развяжут новую войну. А что если сделать так, чтобы Рим был занят внутренними проблемами, забыв об Армении? Скажем, посодействовать Помпею, прибавить ему лавров победителя Востока, тем самым усилить разногласия в стане неприятеля, и борьба за первую роль в государстве обострится. Кстати, Гурас с ним уже поговорил, умерив честолюбивые помыслы. Что ж, Тигран даст Помпею полезную информацию, деньги, поддержку армянского царя, а еще необычный подарок – волшебный драконий перстень.

Цезарь, похоже, самый благоразумный политик из этой троицы, но молод, ему нужно помочь возвыситься. Тигран подыграет ему, даст денег, подсказки судьбы и верные решения, заключит союзный договор с обязательством поставлять его армии вспомогательные войска, конницу и продовольствие на случай войны Рима с кем-либо. Друг римского народа – лучшая основа для взаимного уважения и понимания. Цезарь, став великим правителем, не забудет, кто ему помог.

Красс мечтает о войне, он ее получит... с парфянами. Вассал Тиграна царь Осроены Абгар II, хитрый и коварный араб, жестко правивший ассирийцами, поведет Красса «лучшим» путем к успеху, и самоуверенный полководец, ослепленный идеей легкой победы на Востоке, окажется там, оттуда нельзя выбраться. Вряд ли что-либо останется от его армии.

Тигран, пылливо оглядев притихших советников, произнес:

– Пока я царь, войны с Римом больше не будет. Но спокойную жизнь Риму не обещаю.

Огорошенные советники растерялись. Похлопав по плечу брата, царь сказал:

– Гурас, хорошая работа.

Тигран и Артавазд вышли на террасу дворца, где их ожидали любимые женщины. В теплом свете трепещущих на ветру огней масляных светильников красивые лица Анаит и Аревик выглядели романтично. Две невероятно притягательные женщины в этот поздний час выглядели как высеченные из мрамора богини любви и красоты.

– Вы нас заждались, – услышали они голос Тиграна. – Дело мужчин – превозносить женщин, дарить им подарки, а когда их нет рядом, страдать.

– Моя Анаит, – сказал Артавазд, – поклоняться тебе и бросать к твоим ногам все блага мира – моя доля. Твои желания закон!

– О государь! – воскликнула Анаит, жена Артавазда. – Сегодня и впрямь ночь чудес. Мой муж заговорил высоким слогом, как актер. Чем он так вдохновлен?

– Дорогая Анаит, – улыбнулся Тигран, – ты дарована моему сыну богами, и он до сих пор без ума от тебя. Целомудрие и красота женщины – подарок мужчине, а ее ум и кротость окрыляют его.

Анаит посмотрела на мужа влюбленными глазами:

– Я люблю тебя, Артавазд, ты настоящий мужчина.

Аревик, одарив Тиграна прекрасной улыбкой, произнесла:

– Настоящий мужчина должен убить дракона, победить врага и завоевать женщину!

Тигран засмеялся:

– Если рядом со мной желанная, значит я настоящий мужчина.

Анаит, хитро посмотрев на мужа, сказала:

– Мой муж знает, чего хочет, умеет вдохновлять и непоколебимо идет к заветной цели.

Мужчины рассмеялись:

– Ох уж эти женщины!

Аревик смотрела на Тиграна восхищенными глазами:

– Благодаря вам мы, женщины, чувствуем себя повелительницами стихий.

Артавазд доверительно посмотрел на жену:

– А благодаря женщинам мы, мужчины, делаем мир луч-

ше.

Тигран веско подытожил:

– Пойдемте в диванную, выпьем! Есть тост.

В диванной таинственную атмосферу создавало освещение. Слабый, но ровный и теплый свет лился из «вечной лампы» мастера Оганеза, работающей на винном уксусе. Расселись парами на диваны. Слуга подал вино в золотых кубках, и Тигран произнес витиеватый тост.

Однажды царь созвал мудрецов и спросил:

– В чем смысл жизни?

– Угождать женщинам, – сказал первый мудрец.

– Наказать порок, чтобы справедливость восторжествовала, – сказал второй.

– Занять свое место в жизни, – сказал третий.

– Определить цели и достичь их, – сказал четвертый.

Царь, недовольный ответами, возразил:

– Женщины – наша слабость, чувство справедливости порождает зависть, свое место в жизни каждый уже занял, а жизненные цели во власти мышления человека. Позвать Ашота!

Опираясь на посох явился к царю старый библиотекарь Ашот. Владыка задал ему тот же вопрос и получил ответ:

– Смысл жизни – это плов с курицей, далекое путешествие и хорошая компания, в которой правду говорят шуткой.

– Не понимаю, – проговорил царь.

– Ну как же? – удивился старец. – Когда боги практически

не вмешиваются в земные дела, а внешний мир неподвластен человеку, остается только созерцать, познавать, совершенствоваться и подчинять страсти разуму, вот и весь смысл жизни.

Тигран поднял кубок:

– Так выпьем же за независимость, уют и спокойствие человека – правила счастливой жизни!

Сдвинули кубки и выпили прекрасного вина. Артавазд, в эту ночь переполненный восторгом и радостью, спросил:

– Отец, получим ли мы возможность свободно существовать и развиваться?

– Зависит только от нас, – ответил Тигран. – Мы никому не позволим попирать духовные святыни армян, право на честь и достоинство.

Анаит произнесла:

– Государь, для народа ты являешься символом веры в собственные силы.

– Спасибо, Анаит!

– А еще ты, государь, – вымолвила Аревик, – символ победы.

– Спасибо, Аревик, – сказал Тигран. – Я ставлю себе в заслугу то, что подготовил храбрых воинов и имею прекрасного наследника.

Артавазд задумчиво сказал:

– Римский полководец Лукулл уничтожил в Тигранакерте все рукописи и книги на армянском языке...

Тигран хмуро произнес:

– Он разграбил главное богатство нашего народа – тысячелетнюю историю. Стремление римлян контролировать не только настоящее, но и прошлое вполне понятно: измени прошлое, и исчезнет любая нация.

– Отец, как не допустить такого в будущем?

– О Артавазд, есть формула самосохранения народа: язык, религия, история и культура.

Разговор зашел о литературном творчестве царевича. Он задумал трагедию об армянском герое, стремящемся спасти семью и народ от завоевателей и желающего остаться в веках в памяти народа. Герой призывает армянский народ к единству и крепить связи Востока и Запада. Благородная идея, прокомментировал царь, но такому герою придется действовать дерзко и решительно, иногда жестко, проявляя гибкость и умение идти на компромисс.

Артавазд лукаво сощурился:

– Я бы добавил характеру героя немножечко здравого смысла.

Тигран рассмеялся:

– Напекаешь, что мне иногда изменяет чувство меры?

Сын улыбнулся:

– Если не считать амбиций, с чувством меры у тебя все в порядке.

Тигран игриво спросил Аревик:

– Ты с ним согласна?

Застенчиво потупив взор, красавица произнесла:

– Ты, государь, сильный, и всегда диктовал свою волю народам.

– Да, сильный, – печально произнес царь. – Время бежит неумолимо, я стар, с возрастом становлюсь сентиментальным, теряю хватку, да и новое поколение героев рвется в бой. Артавазд, мой приемник, будь тверд и мужествен! Окажутся ли тебе по силам мои завоевания?

Артавазд молчал. Тигран, внимательно вглядываясь в глаза сына, произнес:

– Без помощи союзников удержать Великую Армению в прежних границах будет трудно. Перемены грядут, но я в тебя верю.

– А если Помпей обрушит войска на Армению, мы выстоим?

Тигран улыбнулся:

– С нами боги и правда. Ну и магия... Помпею скоро вручат мой подарок – драконий перстень...

Магия опасна. Творя чудеса, она околдовывает человека. Драконий перстень, древний армянский артефакт, творит волшебство, придает человеку невероятную силу, но также подчиняет волю до беспрекословного послушания.

– Отец, ты заставил поверить всю Армению в свое бессмертие, – отдал должное царю Артавазд.

– Я люблю свой народ за веру в жизнь, – негромко сказал царь Тигран.

Они еще какое-то время сидели и пили чудесное вино. Тигран думал о самобытности армян, гордого и воинственного народа, показавшего на протяжении своей истории неиссякаемое жизнелюбие и готовность защищать государственность.

Он внимательно взглянул на сына:

– Думаю, пришло время тебе узнать свою судьбу. Ты получишь предсказание богов, но я всегда подозревал: если верить только предначертанному и думать, что судьба приведет на вершину успеха, можно сильно разочароваться. Судьба играет людьми, да и удача вещь капризная. Поверь в свои силы, и сможешь творить будущее.

(Продолжение в книге «Драконий перстень»)